КЛАССИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ

ДЖОН ЛЕ КАРРЕ

ШПИОН, ПРИШЕДШИЙ С ХОЛОДА

ВОЙНА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

ЛУЧШИЕ ДЕТЕКТИВЫ, КОТОРЫЕ Я КОГДА-ЛИБО ЧИТАЛ

Грэм Грин

Шпион, пришедший с холода. Война в Зазеркалье (сборник)

Джон Ле Карре

Аннотация
Джон Ле Карре. Шпион, пришедший с холода. Война в Зазеркалье. Сборник
Шпион, пришедший с холода
Предисловие
1. Контрольно-пропускной пункт «Чарли»
2. Цирк
3. Под откос
4. Лиз
5. Кредит
6. Контакт
7. Кивер
8. «Ле Мираж»
9. День второй
10. День третий
11. Друзья Алека
12. Восток
13. Кнопки или скрепки
14. Письмо клиенту
15. Приглашение
16. Арест

17. Мундт
18. Фидлер
19. Собрание партийной ячейки
20. Трибунал
21. Свидетель
22. Президент
23. Признание
24. Комиссар
25. Стена
26. Путь с холода
Война в Зазеркалье
Предисловие
Часть I. Попытка Тейлора
Часть II. Попытка Эвери
Часть III. Попытка Лейсера
От автора

Аннотация

«Шпион, пришедший с холода» – книга, включенная в список журнала «Time» «100 лучших англоязычных романов». Захватывающая история ветерана британских спецслужб Алекса Лимаса, который предпочитает уходу на покой участие в блестяще задуманной, но смертельно опасной операции. Его задача – дискредитировать и по возможности «убрать» главу одной из крупнейших контрразведок мира.

Однако в Большой игре доверять нельзя никому – ни врагам, ни союзникам, ни даже друзьям…

«Война в Зазеркалье» – увлекательная и в какой-то степени трагикомическая история о начинающем агенте спецслужб, который попадает в эпицентр борьбы двух конкурирующих разведывательных департаментов. Он – один среди врагов. И это – тот случай, когда миссия действительно невыполнима…

Джон Ле Карре
Шпион, пришедший с холода. Война в Зазеркалье
Сборник

Шпион, пришедший с холода

Предисловие

Сентябрь 1989 года

«Шпион, пришедший с холода», третья написанная мной книга, решительным образом изменила мою жизнь и поставила ребром вопрос, на что же действительно я способен. До ее публикации я занимался писательством чуть ли не втайне ото всех, находясь сам внутри мира секретных служб, под чужим именем, не привлекая к себе внимания сколько-нибудь серьезной литературной критики. Как только роман появился на прилавках магазинов, время моего незаметного и постепенного роста как литератора навсегда закончилось, как ни пытался я вернуть его самым решительным образом — например, перебравшись с семьей на отдаленный греческий остров. Таким образом, «Шпион, пришедший с холода» стал последней книгой периода моей литературной скромности и целомудрия, и все мои дальнейшие эксперименты с беллетристикой, на счастье или на беду, отныне должны были происходить публично. На много лет вперед в издательском мире перестало существовать такое

понятие, как «заурядный роман Ле Карре», — к чему так стремится большинство писателей, но и страшатся те из нас, кто хоть что-то понимает в настоящей литературе.

Роман я написал в спешке всего за каких-нибудь пять недель. Я работал над ним ранними утренними часами в снятой для меня посольством квартире в Кенигсвинтере, в редкие свободные минуты за своим столом на службе и даже сидя за рулем машины, когда пересекал на пароме Рейн в обоих направлениях, припарковавшись иногда бок о бок с огромным бронированным «мерседесом» канцлера Аденауэра (или то был «БМВ»?), когда он тоже совершал переправу, следуя по делам главы государства. Помню тот переполох, что поднялся у нас в канцелярии после того, как я доложил, какие газеты он читает, а пресс-отдел посольства тут же принялся гадать, кто из журналистов может иметь влияние на направление мыслей великого человека, хотя, как я подозревал, никто: к тому времени Аденауэр давно миновал стадию, когда на него вообще мог повлиять хоть кто-нибудь. Порой я перехватывал его взгляд, и мне казалось, что он даже улыбается, глядя на меня и мой маленький

«хиллман-хаски»[1] с дипломатическими номерами. Но в преклонных годах он уже напоминал старого вождя индейского племени, выражение лица которого не дано было прочесть простому смертному.

Но конечно же, взяться за перо в тот раз меня заставила Берлинская стена: я отправился в Берлин из Бонна, чтобы наблюдать за строительством, как только разнесся слух, что ее начали возводить. Со мной прилетел коллега из посольства, и, когда мы вглядывались в тупые лица громил с промытыми мозгами, которым поручили охрану нового бастиона Кремля в Европе, он сказал мне, чтобы я стер со своих губ идиотскую улыбку. А ведь я и не подозревал, что в тот момент улыбался. Это, стало быть, была одна из тех непроизвольных ухмылок, которые появляются на моем лице в самых неподходящих и очень серьезных случаях. Никакого повода улыбаться у меня тогда и быть не могло. На самом деле я не испытывал ничего, кроме страха и отвращения, — а только такие эмоции и могло вызывать представшее нашим глазам зрелище: постройку стены превратили в превосходное театральное

[1] Примечания: 1

Автомобиль, выпускавшийся в те годы в Великобритании. — *Здесь и далее примеч. пер.*

представление, в первостатейный символ того, как чудовищная идеология окончательно сводит людей с ума.

Как же легко мы забываем пережитые страхи! В моем доме в Кенигсвинтере маляры красили стены столовой, когда стали передавать первые новости о строившихся баррикадах. Уподобляясь всем добропорядочным немцам, они аккуратно отмыли свои кисти и, будучи заботливыми отцами семейств, тут же отправились по домам. Посольский секретный конклав обсуждал планы эвакуации. Но куда эвакуироваться, когда мир вокруг рушится? На контрольно-пропускном пункте, устроенном на Фридрихштрассе, который уже скоро стал известен всем как КПП «Чарли», американские и советские танки смотрели друг на друга, разделенные всего лишь ста ярдами проезжей части и тротуаров, направив стволы пушек точно в башни машин врага. По временам они угрожающе рычали двигателями на повышенных тонах, якобы прогревая их и поддерживая в готовности, но на деле пытаясь психологически подавить противника, как поступают профессиональные боксеры перед важным боем. А где-то по ту сторону стены остались захваченные врасплох британские, американские, французские

и западногерманские агенты. Насколько мне известно, ни один не сумел заранее узнать о том, что произойдет, предвидеть события, и теперь им предстояло пожинать горькие плоды своей неосведомленности. Впрочем, многие из них нашли себе другие занятия. Но все же большинство поневоле оказалось во вражеском тылу и вынуждено было налаживать связь с хозяевами с помощью припрятанных радиопередатчиков, тайнописи и прочих методов, предназначавшихся, вообще-то говоря, лишь для экстренных ситуаций. С возведением стены индустрия шпионажа стала еще более засекреченной и опасной, вовлекла в себя, как никогда прежде, много новых людей, а главное — стала прибегать к более чем сомнительным методам решения своих задач. Как чувствовали себя советские агенты, оказавшиеся в ловушке в Западной Германии, я могу только воображать. Но они, конечно же, тоже не сидели сложа руки — просто изменившаяся ситуация значительно осложнила им и без того нелегкое существование.

И стена стала свершившимся фактом. Она встала надолго. Ее укрепляли и надстраивали. Ее окружили минными полями и контрольно-следовой полосой, разглаженной так ровно, что

на ней сразу бросились бы в глаза даже следы заячьих лап. Очень редко, но кому-то все же удавалось либо перелезть через нее, либо устроить подкоп, либо перелететь на самодельном планере. Это отдельная история, и все те мужчины и женщины, которым удался побег, стали на Западе истинными героями, вероятно, не только потому, что проявили чудеса отваги, но и в силу самой своей малочисленности. Читая новости, приходящие из Восточной Германии сегодня[2], те, кто навсегда запомнил стену, могут смело утверждать, что героизм одиночек проложил дорогу к освобождению миллионов. Наша, то есть западная, пропаганда была в этом смысле совершенно правдива: восточногерманский режим в самом деле ненавидели те, кто жил под его правлением. И беглецы стали авангардом того, что превратилось теперь в армию, состоящую из целого народа, а почти все обвинения, выдвинутые против коррумпированных бонз в руководстве Восточной Германии, оказались справедливыми. И это, вероятно, придает теме моего романа дополнительную остроту.

Что подвигло меня на его создание? Откуда

---

[2] Примечания: 2

Имеется в виду падение Берлинской стены в октябре 1989 г.

взялась основная идея? Скажу сразу, с такой огромной дистанции во времени любой мой ответ неизбежно окажется тенденциозен. Помню только, что я тогда был глубоко недоволен своей профессиональной деятельностью, а в личной жизни испытывал все крайности одиночества и смятения. Вероятно, многое из пережитых мной чувств заброшенности и озлобления поневоле проникло в характер Алека Лимаса. Помню, что хотел влюбиться, но мое прошлое и замкнутость в себе делали это невозможным. А потому обилие колючей проволоки и манипуляций с людьми в сюжете — это неизбежная дань препятствиям, стоявшим в те дни между мной и личной свободой. Я слишком долго жил в бедности, чрезмерно увлекался алкоголем и начал испытывать искренние сомнения в том, что правильно выбрал сферу деятельности. Стремление к освобождению от всех и всяческих пут не могло не сказаться самым пагубным образом на моей семейной жизни, как и на работе. Наблюдая за строительством стены, я видел перед собой воплощенное отчаяние, и поднявшийся во мне при этом зрелище гнев тоже нашел отражение в книге. Хотя уверен, что в своих интервью того времени я ничего подобного не говорил. Вероятно, во мне все еще оставалось

тогда слишком многое от шпиона, или я сам еще не до конца разобрался в себе, чтобы понять: создавая вымышленную историю с оригинальным сюжетом, я в действительности пытался навести хоть какой-то порядок в хаосе своей жизни.

Разумеется, позже я уже не мог написать ничего подобного, и на какое-то время стало расхожим мнение, что я принадлежу к числу так называемых авторов одной книги. Что «Шпион, пришедший с холода» стал моей большой, но случайной удачей, а остальное уже не шло с этим романом ни в какое сравнение. Моя следующая книга — «Война в Зазеркалье» — в значительно большей степени отражала реальность и боль, которую испытывал я сам, но она была тем не менее встречена британской критикой с прохладцей, как «скучная и нереалистичная». Впрочем, быть может, она такой и получилась, потому что я что-то не припоминаю ни одного положительного отзыва на ее выход в британской прессе.

Однако успех «Шпиона» оказался столь оглушителен, что мне на какое-то время следовало затаиться, и я понимал это. Мой первый брак распался, я прошел через все симптомы болезни величия, которой слава поражает любого литератора, добившегося успеха, как бы горячо он

ни отрицал этого. Я нашел другую жену, более мудрую и терпеливую, постепенно сумев взять себя в руки. В результате мне удалось выжить. И для меня больше не существовало отговорок, чтобы писать хуже, чем я умел на самом деле, не пытаясь каждый раз дойти до видимых границ своих способностей и заглянуть через их край, чтобы увидеть, есть ли там дальше хоть что-то еще или это уже предел.

Но мне, конечно же, никогда не забыть того времени, когда уродливый излом исторических событий совпал с отчаянной ломкой моего собственного жизнеустройства, как и тех недель, в течение которых родилась книга, изменившая мою судьбу.

1
Контрольно-пропускной пункт «Чарли»

Американец подал Лимасу еще одну чашку кофе и сказал:

— Почему бы вам не отправиться поспать? Мы вам сразу же позвоним, если он появится.

Лимас промолчал, продолжая смотреть в окно будки КПП на совершенно пустынную улицу.

— Вы же не можете ждать вечно, сэр. Не исключено, что он придет в другой день. Мы условимся с polizei, чтобы они тут же оповестили наше управление, и вы прибудете сюда буквально через двадцать минут.

— Нет, — ответил Лимас, — уже почти стемнело.

— Но вы не можете ждать бесконечно. Он опаздывает почти на девять часов.

— Если вам нужно идти — уходите. Вы проявили себя с самой лучшей стороны, — заверил Лимас. — Я так и доложу Крамеру: вы были мне крайне полезны.

— Но сколько еще будете дожидаться вы сами?

— Пока он не придет. — Лимас подошел к окошку наблюдателя и встал между двумя неподвижными фигурами полицейских. Их бинокли были направлены в сторону восточного КПП.

— Он дожидается полной темноты, — пробормотал Лимас. — Я это знаю точно.

— Но утром вы говорили, что он попытается пройти с группой рабочих.

Теперь Лимас взъелся на него всерьез:

— Послушайте, агенты — это вам не рейсовые самолеты. Они не прибывают по расписанию. Он раскрыт, он в бегах, он испуган. Мундт идет по его следу. И у него будет всего один шанс. Так что предоставим ему самому выбирать время.

Более молодой мужчина колебался, желая уйти, но никак не находя подходящего момента. В будке раздался звонок. Они насторожились, но продолжали ждать. Один из полицейских сказал по-немецки:

— Черный «опель-рекорд», федеральные регистрационные номера.

— Он ничего не видит на таком расстоянии в сумерках, это просто догадки, — шепнул американец и спросил: — Как Мундту все стало известно?

— Помолчите, — отозвался Лимас от окна.

Полицейский вышел из будки и перебрался в укрытие из мешков с песком, устроенное всего в двух футах от белой демаркационной линии, прорисованной вдоль улицы и похожей на разметку теннисного корта. Второй дождался, пока его товарищ присел на корточки у стереотрубы в укрытии, повесил бинокль на грудь, снял с крючка у двери черную каску и тщательно закрепил ее на голове. Где-то гораздо выше помещения КПП внезапно включились прожектора, светом театральных софитов залившие протянувшуюся перед ними дорогу.

Полицейский принялся комментировать происходящее. Но Лимас знал всю процедуру наизусть.

— Машина останавливается у первого контрольного пункта. В ней только один человек, женщина. Ее ведут в помещение Фопо[3] для проверки документов.

Они некоторое время ждали в молчании.

— Что он говорит? — спросил американец.

Лимас не ответил. Взяв запасной бинокль, он пристально всматривался в восточногерманский пропускной пункт.

---

[3] Примечания: 3

Имеется в виду Vopo — Volkspolizei — «Народная полиция» в бывшей ГДР.

— Проверка документов закончена. Получен доступ ко второму этапу.

— Мистер Лимас, это ваш человек? — не отставал от него американец. — Я обязан позвонить в управление.

— Подождите.

— Где сейчас машина? Что происходит?

— Декларирование валюты. Таможенный досмотр, — резко ответил Лимас.

Он продолжал наблюдать за машиной. Двое офицеров Фопо рядом с дверью водителя. Один разговаривает, второй стоит чуть в стороне и подстраховывает. Третий обходит вокруг автомобиля. Остановился рядом с багажником и тоже подошел к водительнице. Ему нужны ключи. Потом он открыл багажник, заглянул туда, захлопнул, вернул ключи и прошел тридцать ярдов вперед по улице, где точно посередине между двумя КПП стоял на посту единственный восточногерманский охранник — приземистый человек в сапогах и мешковатых брюках. Они завязали между собой разговор, хотя явно чувствовали себя неуютно в ярком свете прожекторов.

Небрежными жестами сотрудники Фопо показали, что автомобиль может следовать дальше. Машина доехала до двух полицейских, стояв-

ших посреди улицы, и снова остановилась. Они обошли ее, снова посовещались, но наконец с видимой неохотой разрешили пересечь границу западного сектора.

— Но вы ведь ждете мужчину, мистер Лимас? — уточнил американец.

— Да, мужчину.

Подняв воротник куртки, Лимас вышел наружу под пронизывающий октябрьский ветер. И ему вспомнилось, как когда-то здесь собралась толпа. В будке эта масса изумленных лиц легко забывалась. Люди менялись, но выражение на лицах оставалось прежним. Это напоминало беспомощные группы зевак, которые собираются на месте автомобильных аварий: никто не знает, как это произошло и можно ли трогать тела. Дым и пыль играли в лучах прожекторов, постоянно перемещаясь из одного светового столба в другой.

Лимас подошел к машине и спросил:

— Где он?

— За ним пришли, и ему пришлось бежать. Он взял велосипед. Обо мне они знать не могли.

— Куда он направился?

— У нас была комната над баром рядом с Бранденбургскими воротами. Он держал там кое-какие свои вещи, деньги, документы. Думаю,

он поехал туда. А потом он пересечет границу.

— Этой ночью?

— Он сказал, что этой ночью. Всех остальных схватили — Пауля, Фирека, Лэндзера, Саломона. У него очень мало времени.

Лимас несколько секунд молча смотрел на нее.

— Значит, Лэндзера тоже?

— Прошлой ночью.

Рядом с Лимасом возникла фигура полицейского.

— Вам нужно куда-то переместиться, — сказал он. — Инструкцией запрещено создавать препятствия на пути перехода.

— Идите к дьяволу, — бросил Лимас, полуобернувшись.

Немец заметно напрягся, но тут вмешалась женщина:

— Садитесь ко мне. Мы отъедем дальше к углу улицы.

Он сел рядом с ней, и они медленно покатили к следующему перекрестку.

— Не знал, что у вас есть машина, — сказал он.

— Она принадлежит моему мужу, — объяснила она бесстрастно. — Карл ведь не рассказывал вам, что я еще и замужем, не так ли?

Лимас молчал.

— Мы с мужем работаем в оптической фирме. У нас есть разрешение пересекать границу по служебным делам. Карл назвал вам только мою девичью фамилию. Он вообще не хотел, чтобы я была… как-то связана с вами.

Лимас достал из кармана ключ.

— Вам нужно будет где-то остановиться, — сказал он просто. — Есть квартира на Альбрехт-Дюрерштрассе. Дом рядом с музеем. Номер 28А. Там найдете все необходимое. Когда он прибудет, я вам позвоню.

— Я останусь с вами.

— Я здесь не задержусь. Отправляйтесь в квартиру. Я позвоню. Нет никакого смысла ждать.

— Но он попытается перейти именно в этом месте.

Лимас удивленно посмотрел на нее.

— Он вам и это сказал?

— Да. У него здесь, на их КПП, есть знакомый из Фопо. Сын хозяина дома, где Карл жил. Он может оказаться полезен. Поэтому Карл и предпочел этот путь.

— Он поделился с вами даже этим?

— Он мне доверяет. Рассказывал обо всем.

— О боже! — Лимас отдал ей ключ, а сам вернулся в будку КПП, подальше от холода.

Когда он вошел, немецкие полицейские перешептывались, а один из них — тот, что был выше ростом, — демонстративно повернулся к нему спиной.

— Прошу простить меня, — сказал Лимас. — Мне жаль, что нагрубил вам. — Он открыл свой потертый портфель и порылся в содержимом, пока не нашел то, что искал: ополовиненную бутылку виски.

Более пожилой из двоих кивнул, взял у него бутылку, разлил виски по кружкам, а сверху дополнил черным кофе.

— Куда делся американец? — спросил Лимас.

— Кто?

— Тот молодой человек из ЦРУ, который был со мной.

— Ему пора баиньки, — сказал пожилой, и они дружно рассмеялись.

Лимас поставил свою кружку и спросил:

— Какие у вас инструкции по поводу стрельбы для защиты человека, пытающегося перейти линию? Перебежать незаконно.

Пожилой ответил:

— Мы не можем открывать заградительного огня, мистер…

— Томас, — подсказал Лимас. — Мистер Томас.

Они пожали друг другу руки, и двое полисменов тоже представились.

— Мы не имеем права прикрывать перебежчиков огнем. Это все. Нам сказали, что может начаться чуть ли не война, если станем стрелять.

— Чепуха, — вмешался более молодой из двоих, на которого уже явно начало действовать выпитое. — Если бы здесь не было союзников, то и стены бы уже не было.

— Как и Берлина вообще, — пробормотал его старший товарищ.

— Мой человек попытается перейти границу этой ночью, — коротко информировал их Лимас.

— Здесь? Прямо через КПП?

— Крайне важно перетащить его на эту сторону. За ним охотятся люди Мундта.

— Еще остались места, где можно попробовать перелезть стену, — сказал молодой.

— Он на это не пойдет. Его оружие — хитрость. У него есть нужные бумаги, если только они еще не просрочены. И он будет на велосипеде.

В будке КПП стояла только настольная лампа с зеленым абажуром, но свет уличных прожекторов, подобно искусственной луне, ярко освещал ее внутренности. На улице окончательно сгу-

стилась ночь и воцарилась полная тишина. Они разговаривали так, словно опасались, что их могут подслушать. Лимас подошел к окну и стал ждать, глядя на улицу, протянувшуюся по обе стороны от стены — грязноватого сооружения из каменных блоков с колючей проволокой поверху, подсвеченного пошловатого оттенка желтыми огнями, как театральная декорация ограды концентрационного лагеря. К востоку и западу от стены лежали оставшиеся невосстановленными руины домов Берлина, странный, двухмерный мир развалин, напоминавший о недавней войне.

«Проклятая баба!» — подумал Лимас. И Карл — круглый дурак, который лгал о ней. Лгал, когда недоговаривал, как делают они все — агенты в любой стране мира. Ты учишь их обманывать, заметать за собой следы, а потом они начинают обманывать тебя самого. Карл показал ее только однажды после обеда на Штюрштрассе в прошлом году. Как раз тогда он добился большого успеха, и Шеф пожелал встретиться с ним лично. Шефа всегда манил к себе успех. Они поужинали втроем — Лимас, Шеф и Карл. Тот тоже обожал подобные рандеву. Он явился довольный, как мальчишка из воскресной школы, весь прили-

занный и сияющий, почтительно сняв перед начальником шляпу и оказывая все положенные знаки уважения. Шеф минут пять тискал его руку в своей, а потом сказал: «Хочу, чтобы вы знали, Карл, как мы вами довольны. Чертовски хорошая работа!» Лимас наблюдал и думал: «Эта похвала будет нам стоить еще пару сотен в год». Когда обед закончился, Шеф снова жал Карлу руку, многозначительно намекая, что, к сожалению, должен их покинуть, чтобы снова рисковать жизнью, но уже в другом месте. После чего отбыл в лимузине, за рулем которого сидел персональный шофер. Карл расхохотался ему вслед, Лимас тоже не удержался от смеха, и вот так, не переставая подшучивать над замашками Шефа, они прикончили бутылку шампанского. После этого они перебрались в бар «Альтер фасс», на чем горячо настаивал Карл, и там-то их и поджидала Эльвира — сорокалетняя блондинка с железным характером.

— Это мой самый большой секрет, Алек, — признался Карл, а Лимас пришел в ярость.

Чуть позже они крепко повздорили.

— Что ей известно? Кто она такая? Как ты с ней познакомился?

Но Карл надулся и отмалчивался. Дальше дела

пошли еще хуже. Лимас внес изменения в их совместные действия, поменял явки, пароли, а Карлу все это совершенно не понравилось. Он не мог не понимать, почему Лимас это делает, и не скрывал недовольства.

— Если ты ей не веришь, то уже все равно слишком поздно, — заявил Карл, а Лимасу оставалось только утереться и закрыть тему.

Но с тех пор он стал осторожнее с Карлом, делился с ним лишь самой необходимой информацией, чаще прибегал к всевозможным хитроумным уловкам, которыми владеет любой мастер шпионажа. И вот вам, пожалуйте! Она появляется за рулем своей машины, демонстрируя осведомленность обо всей агентурной сети, о явочной квартире и прочем. Лимасу же ничего не оставалось, как в очередной раз дать себе зарок никогда полностью не доверять ни одному из своих подопечных.

Он взял телефон и позвонил в свою квартиру в Западном Берлине. Ответила фрау Марта.

— У нас на Дюрерштрассе будут гости, — сказал Лимас. — Мужчина и женщина.

— Они женаты? — спросила Марта.

— Будем считать, что женаты, — ответил Лимас, на что она разразилась тем смехом, который все-

гда вселял в него робость. Не успел он положить трубку, как один из полицейских повернулся к нему.

— Герр Томас! Скорее сюда!

И Лимас вышел из будки к посту наблюдателя.

— Там мужчина, герр Томас, — прошептал молодой полисмен. — С велосипедом.

Лимас схватился за бинокль.

Это был Карл. Даже на таком расстоянии его фигура угадывалась безошибочно. Он был в старом плаще из обмундирования вермахта и толкал велосипед. Ему удалось, подумал Лимас, у него все получилось. Он уже миновал проверку документов, осталась только таможня. Лимас видел, как Карл прислонил велосипед к металлическому ограждению и зашел в будку таможенников. «Только не наделай глупостей в последний момент!» — молил Лимас. Но вскоре Карл вышел, приветливо махнул рукой дежурному у шлагбаума, и перекладина в красно-белых полосах медленно поднялась. Он прошел, он приближался к ним, он проделал свой трюк. Оставалось миновать часового из Фопо на дороге и белую полосу. А потом он будет в безопасности.

Но в этот момент Карл, казалось, услышал какой-то звук, почувствовал угрозу: он оглянулся

через плечо, оседлал велосипед и стал усиленно крутить педалями, низко склонившись над рулем. Впереди посреди улицы все еще оставался одинокий страж, но теперь он повернулся и пристально смотрел на Карла. Затем совершенно неожиданно вспыхнули бриллиантово-белые лучи прожекторов, поймали Карла и повели его, как фары машины высвечивают в темноте зайца. Донесся пронзительный вой сирены, громкие гортанные голоса отдавали приказы. Двое полицейских, только что стоявших рядом с Лимасом, опустились на колени и продолжали наблюдение сквозь щели, оставленные среди мешков с песком, сноровисто, но без толку щелкая затворами своих автоматов.

Восточногерманский полицейский выстрелил. Причем сделал это точно и умело, оставаясь строго в пределах своей зоны. От первой пули Карла как будто качнуло вперед, а от второй — отбросило назад. Непостижимым образом он все еще продолжал ехать, держался в седле, минуя часового, который теперь палил в него непрестанно. Затем Карл упал и несколько раз перевернулся на асфальте, а через секунду по мостовой заскрежетал металл велосипеда. Лимасу оставалось только надеяться, что смерть Карла

была мгновенной.

2
Цирк

Он видел, как взлетно-посадочная полоса аэропорта Темпельхоф пропала где-то внизу. Лимас не имел склонности к рефлексиям и не особенно любил философствовать. Он знал, что с ним все кончено, — и для него это был всего лишь факт, с которым предстояло смириться и жить дальше, как живут люди, больные раком или отбывающие тюремный срок. Невозможно было заранее подготовиться, чтобы построить прочный мост из прошлого в день сегодняшний. И он воспринимал свой провал так, как, вероятно, однажды встретит свою смерть — с циничным презрением и отвагой вечного одиночки. Он продержался дольше, чем большинство других, и вот — потерпел поражение. Есть такая поговорка, что собака живет, пока у нее есть зубы. Если прибегнуть к метафоре, то Лимасу зубы вырвали с корнем, и сделал это Мундт.

А ведь десять лет назад он мог пойти по совершенно иной дорожке. Открылось множество вакансий для чисто канцелярской работы в

государственном учреждении без вывески, расположенном на Кембридж-серкус[4]. Лимас имел возможность выбрать любую из бумажных должностей и продержаться в своем кресле до глубокой старости. Но это в корне противоречило бы его характеру. Проще было бы уговорить жокея пересесть в кресло продавца билетов тотализатора на бегах, чем заставить Лимаса сменить работу активного оперативника разведки на роль кабинетного аналитика, строящего теории и исподволь подгоняющего их под интересы Уайтхолла. И он до последнего оставался в Берлине, зная, что кадровики теперь каждый год заново рассматривают его досье: упорный, волевой, презирающий бредовые ограничения, уверенный, что ему в очередной раз подвернется нечто важное. У разведчика, как правило, нет моральных принципов, за исключением одного — он должен оправдывать свою работу достигнутыми результатами. С этим принципом приходилось считаться даже мудрецам с Уайтхолла. А Лимас добивался блестящих результатов. До того как

[4] Примечания: 4

Слово circus может означать по-английски и «круглая площадь», и «цирк». Поскольку штаб-квартира британской разведки располагалась в те годы на Кембриджской площади, называя свое учреждение «цирком», его сотрудники не обязательно и далеко не всегда вкладывали в название негативный или издевательский смысл.

столкнулся с Мундтом.

Оставалось только поражаться, как быстро Лимас понял, что появление Мундта стало для него пресловутой надписью на стене, приговором, который рано или поздно будет приведен в исполнение.

Ганс-Дитер Мундт родился сорок два года назад в Лейпциге. Лимас изучал его личное дело, видел фотографию на внутренней стороне обложки: бесстрастное жесткое лицо под шапкой соломенно-желтых волос; знал наизусть историю его восхождения к власти в Абтайлунге[5], где он занял вторую по важности должность, эффективно руководя всеми операциями. Мундта ненавидели даже сотрудники его собственной организации. Лимасу об этом сообщали и перебежчики, и Карл Римек, который был членом президиума Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) и входил в комитет по безопасности вместе с Мундтом, вселявшим страх даже в него. И, как выяснилось, боялся он не зря, потому что Мундт расправился и с ним тоже.

До 1959 года Мундт оставался в Абтайлунге незначительной фигурой, работая в Лондоне

---

[5] Примечания: 5
Управление министерства обороны ГДР, отвечавшее за разведку.

под крышей восточногерманского представительства сталелитейной промышленности[6]. Но потом ему пришлось срочно бежать в Германию, чтобы спасти свою шкуру после убийства двух собственных агентов, и больше года никаких новых сведений о нем не поступало. Затем совершенно внезапно он вдруг всплыл в штаб-квартире Абтайлунга в Лейпциге в роли начальника отдела материального обеспечения, отвечавшего за распределение валюты, снаряжения и людских ресурсов в целях осуществления особо важных операций. К концу того года в недрах Абтайлунга развернулась ожесточенная борьба за власть. Число и влияние офицеров советской разведки, работавших в ГДР, резко уменьшилось, нескольких ветеранов из старой гвардии отстранили от дел по идеологическим мотивам, и на передний план выдвинулись три фигуры: Фидлер стал начальником контрразведки, Ян занял пост Мундта как главного финансиста и снабженца, а сам Мундт вытянул воистину выигрышный билет — должность заместителя директора оперативного отдела — немалое достижение для человека, которому едва исполнился сорок один год. И стиль

[6] Примечания: 6

Эти события описаны в самом первом произведении Ле Карре — повести «Звонок мертвецу».

работы отдела сразу же радикально изменился. Первым агентом, которого лишился Лимас, стала девушка. Она была лишь звеном в цепочке, выполняя главным образом обязанности курьера. Ее застрелили на улице Восточного Берлина, когда она выходила из кинотеатра. Убийцу полиция так и не нашла, а Лимас поначалу даже был склонен считать ее гибель случайностью, никак не связанной с работой. Месяц спустя носильщик с железнодорожного вокзала в Дрездене, бывший агент из организации, созданной Питером Гилламом, был найден за путевым тупиком мертвым и изуродованным до неузнаваемости. Лимас уже знал, что это не могло быть простым совпадением. Вскоре арестовали и негласно приговорили к смертной казни еще двух членов одной из сетей, находившихся под контролем Лимаса. Так продолжалось какое-то время — противник действовал решительно и беспощадно, выбивая почву из-под ног британской разведки.

А теперь его жертвой стал Карл, и Лимас покидал Берлин, находясь в той же ситуации, в какой был когда-то, прибыв туда впервые, — то есть не имея в своем распоряжении ни одного агента, стоившего хотя бы фартинг. Мундт победил.

Лимас был мужчиной невысокого роста, ко-

торый коротко стриг свои седые со стальным отливом волосы. При этом он обладал незаурядной физической силой. Она угадывалась в строении его спины, плеч, шеи, рук и даже в плотных коротких пальцах.

В одежде, как и в большинстве других вещей, он придерживался строго утилитарного подхода, а потому даже очки, которыми он изредка пользовался, имели прочную металлическую оправу. Костюмы он носил почти исключительно из искусственных тканей и избегал жилеток. Рубашки предпочитал американского покроя с пуговицами, крепившими уголки воротничков, а обувь — замшевую на резиновой подошве.

Лицо его можно было назвать привлекательным: мужественное, с упрямым абрисом тонкогубого рта. Небольшие карие глаза многие почему-то считали типично ирландскими. При этом внешность и манеры Лимаса делали трудной задачей определить, какое место отведено ему в этом мире. Если бы он попытался войти в закрытый лондонский клуб, привратник никогда бы не ошибся и не принял его за постоянного члена, зато в ночных клубах Берлина ему неизменно торопились подобрать лучший из свободных столиков. Он выглядел одновременно и как тип,

от которого можно было ждать неприятностей, и как человек, умевший распорядиться своими деньгами, но все-таки не джентльмен в полном смысле этого слова.

Стюардессе он показался интересным. Она предположила, что он откуда-то с севера страны, что вполне могло быть правдой, а также что он богат — и здесь она сильно промахнулась. На вид ему казалось лет пятьдесят, и эта ее догадка оказалась почти верной. Он не женат, подумала она, но это соответствовало действительности лишь наполовину. Далеко в прошлом остался развод: двое детей, уже старшеклассники, получали от него алименты через один никому не известный частный банк, расположенный в Сити.

— Если хотите еще виски, — сказала бортпроводница, — то поспешите. Через двадцать минут мы уже приземлимся в Лондоне.

— Нет, больше не надо. — Он даже не поднял на нее взгляда, рассматривая в иллюминатор серо-зеленые поля Кента.

Фоли встретил его в аэропорту и отвез в город.

— Шефа сильно разозлило несчастье с Карлом, — сказал он, бросив искоса взгляд на Лимаса. Тот кивнул.

— Как это произошло? — спросил Фоли.

— Его подстрелили. Люди Мундта перехватили его.

— Он мертв?

— Думаю, что да. По крайней мере хотелось на это надеяться. А ведь ему почти удалось прорваться. Не стоило паниковать и слишком торопиться. Они ни в чем не были уверены. Абтайлунг прибыл на КПП уже после того, как ему разрешили переход. Они успели включить сирену, и один из Фопо всадил в него пулю всего в двадцати ярдах от линии. Он какое-то время шевелился, а потом уже не подавал признаков жизни.

— Бедняга.

— Иначе не скажешь.

Фоли не любил Лимаса, но если Лимас и знал об этом, то ему было совершенно наплевать. Фоли состоял членом нескольких клубов, носил дорогие галстуки, любил обсуждать достоинства и недостатки спортсменов, а также непременно указывал свое воинское звание во внутренней переписке. Лимаса он считал человеком с сомнительной репутацией, а Лимас считал его дураком.

— В каком отделе служишь теперь? — спросил Лимас.

— В кадровом.

— Нравится?

— Увлекательно.

— Куда отправят меня? В глубокий запас?

— Пусть Шеф все скажет тебе сам, старина.

— Но ведь ты знаешь?

— Разумеется.

— Так какого лешего не можешь информировать меня?

— Прости, старина, — ответил Фоли, и Лимас внезапно почувствовал, как начинает терять самообладание. Но его вовремя посетила мысль, что Фоли скорее всего лжет.

— Скажи мне по крайней мере одно, если ты не против: мне нужно начинать подыскивать себе жилье в Лондоне?

Фоли поскреб у себя за ухом.

— Не думаю, старина. Едва ли возникнет такая необходимость.

— Значит, не надо? Спасибо хотя бы за это.

Они поставили машину на Кембридж-серкус рядом с парковочным счетчиком и вместе вошли в вестибюль.

— У тебя есть пропуск? Если нет, придется заполнить заявку, старина.

— С каких пор здесь ввели пропуска? К тому же Макколл знает меня лучше, чем мать родную.

— Новые порядки. Цирк все время разрастается, видишь ли.

Лимас ничего на это не ответил, кивнул стоявшему на проходной Макколлу и оказался внутри лифта без всякого пропуска.

* * *

Шеф[7] пожал ему руку с некоторой опаской, словно доктор, проверяющий, целы ли у пациента кости.

— Вы, должно быть, ужасно устали, — сказал он доброжелательно, — садитесь, пожалуйста.

Тот же занудный голос, та же интонация школьного учителя.

Лимас сел на стул лицом к оливково-зеленому электрическому обогревателю, поверх которого непостижимым образом балансировала миска с водой.

— Вам не кажется, что здесь холодновато? — спросил Шеф и, склонившись ближе к обогревателю, принялся потирать над ним руки. Под черным пиджаком у него был сильно поношен-

[7] Примечания: 7

Официально он занимал пост оперативного начальника департамента спецслужб министерства обороны до образования ныне широко известных секретных организаций МИ-5 и МИ-6.

ный коричневый свитер. Лимас сразу вспомнил о жене Шефа — недалекой маленькой женщине по имени Мэнди, которая, кажется, пребывала в твердом заблуждении, что ее муж работает в департаменте угольной промышленности. По всей вероятности, она этот свитер ему и связала.

— А ведь вся проблема в том, что очень сухо, — продолжал Шеф. — Победив холод, вы иссушаете атмосферу в комнате. Это почти так же опасно. — Он подошел к столу и нажал на кнопку. — Сейчас мы попытаемся попросить, чтобы нам принесли кофе. Джинни в отпуске, вот беда. И они приставили ко мне другую девушку. Она никуда не годится.

Он был еще ниже ростом, чем запомнился Лимасу, но в остальном нисколько не изменился. Та же демонстрация живого участия при полной отчужденности, та же чопорная надменность, та же внешняя вежливость и обходительность, сведенные к внешним проявлениям, но не имевшие, как знал Лимас, ничего общего с реальностью. Та же вялая улыбка на лице, та же наигранная скромность, та же приверженность кодексу поведения, который он сам готов был высмеять. Та же банальность.

Достав из ящика стола пачку сигарет, он уго-

стил Лимаса.

— Не поверите, как они за это время здесь подорожали, — сказал он, и Лимасу оставалось только понимающе кивнуть в ответ.

Сунув пачку в карман, Шеф сел. Наступила пауза. Потом Лимас сказал:

— Римек погиб.

— Да, в самом деле, — отозвался Шеф так, словно Лимас поделился с ним каким-то очень верным наблюдением. — Это крайне прискорбно. Весьма… Вероятно, его выдала эта женщина, Эльвира?

— Похоже, что так. — Лимас, естественно, не стал спрашивать, как он узнал об Эльвире.

— И люди Мундта застрелили его.

— Да.

Шеф поднялся и стал слоняться по кабинету в поисках пепельницы. Обнаружив ее, неловко поставил на пол между двумя стульями.

— Как вы себя почувствовали? Я имею в виду, когда застрелили Римека? Это же произошло у вас на глазах, не так ли?

Лимас пожал плечами.

— Я был чертовски раздосадован, — ответил он.

Шеф склонил голову набок и слегка прикрыл

глаза.

— Уверен, ваши чувства этим не ограничились. Наверняка вы были потрясены, так? Это было бы гораздо более естественно.

— Да, я испытал потрясение. Как пережил бы его любой на моем месте.

— Вам нравился Римек? Чисто по-человечески?

— Вероятно, да, нравился, — ответил Лимас покорно. — Мне кажется, сейчас уже нет смысла обсуждать это, — добавил он.

— Как вы провели ночь? Точнее, то, что от нее осталось, после смерти Римека?

— О чем у нас разговор? — Лимас начал немного горячиться. — К чему вы клоните?

— Римек стал последним, — задумчиво сказал Шеф. — Последней жертвой в длинном списке погибших. Если память меня не подводит, все началось с девушки, которую застрелили в Веддинге у кинотеатра. Потом был наш человек в Дрездене и серия арестов в Йене. Как десять маленьких негритят. Теперь Пауль, Фирек и Лэндзер — все мертвы. И наконец, Римек. — Он криво усмехнулся. — Мы заплатили слишком дорогую цену. И я подумал, что, быть может, с вас довольно.

— В каком смысле довольно?

— Мне показалось, что вы переутомлены. Перегорели. Выдохлись.

Воцарилось долгое молчание.

— Об этом вам судить, — наконец сказал Лимас.

— Нам всем приходится жить, не имея привязанностей, верно? Хотя это, конечно же, невозможно. Мы строим друг с другом жесткие отношения, хотя на самом деле вовсе не такие уж черствые люди. Я хочу сказать… Человек не может все время жить на холоде; иногда с холода нужно возвращаться… Вы понимаете, о чем я?

Лимас понимал. Он вспомнил длинное шоссе, ведущее из Роттердама, ровную прямую дорогу среди дюн и бредущий по ней поток беженцев; вспомнил, как появился самолет, казавшийся издали совсем крошечным, и как шествие замерло, вглядываясь в него: самолет снижался почти к самым дюнам. Он вспомнил кровавый хаос, бессмысленный кромешный ад, когда бомбы стали падать вдоль дороги.

— Я не могу продолжать разговор намеками, — произнес Лимас. — Что вы хотите мне поручить?

— Хочу, чтобы вы продержались на холоде еще немного.

Лимас промолчал, и Шеф продолжил:

— Вся этика нашей работы, как я ее понимаю, строится на одном фундаментальном принципе. И состоит он в том, что агрессия никогда не будет исходить от нас. Вы согласны с этим?

Лимас кивнул. Что угодно, только бы ничего сейчас не говорить.

— Да, мы совершаем неблаговидные поступки, но всегда лишь в целях *обороны*. С этим, думаю, тоже трудно не согласиться. Мы вынуждены поступать скверно, но лишь для того, чтобы обычные люди в этой и других странах могли спокойно спать ночью в своих постелях. Или вам кажется, что я ударился в романтику? Разумеется, мы порой делаем страшные вещи, — он усмехнулся, как хулиганистый школьник. — И, оправдывая себя с моральной точки зрения, зачастую допускаем некоторую подтасовку: в конце концов невозможно проводить прямое сравнение между идеологией одной стороны и методами, к которым прибегает другая. Разве я не прав?

Лимас несколько растерялся. Он не раз слышал, как этот человек начинал нести околесицу, прежде чем нанести жестокий удар, но никогда дело не доходило ни до чего подобного.

— Я хочу сказать, что сравнивать между собой

можно только метод с методом, идеал с идеалом. И в этом смысле со времени окончания войны методы наших врагов и наши собственные стали практически идентичны. Нельзя уступать противнику в безжалостности только потому, что политика твоего правительства подразумевает более мягкие подходы, верно? — Он тихо рассмеялся, как бы про себя. — Это же ни в какие ворота не лезет.

«Боже милостивый! — подумал Лимас. — Его разглагольствования уже начинают напоминать туманные речи отцов церкви. Что именно он мне все-таки пытается втолковать?»

— Вот почему, — продолжал Шеф, — по моему мнению, мы должны избавиться от Мундта... О, черт! — Он раздраженно повернулся к двери. — Принесут нам когда-нибудь кофе или нет? — Шеф вновь пересек комнату, открыл дверь и поговорил с невидимой девушкой в приемной. Вернувшись, он закончил: — Я считаю нашим долгом устранить его, если только нам это удастся.

— А зачем? У нас же ничего не осталось в Восточной Германии. Вообще ничего. Вы сами только что подвели черту — Римек был последним. Нам некого там больше защищать.

Шеф сел и какое-то время разглядывал свои руки.

— Это не совсем так, — произнес он наконец. — Но не думаю, что мне стоит утомлять вас скучными подробностями.

Лимас в ответ лишь передернул плечами.

— Скажите мне, — продолжал Шеф, — вы устали от шпионажа? Простите, если я начинаю повторяться. Потому что это феномен, который нам здесь хорошо знаком, хотите верьте, хотите нет. У авиастроителей это называется усталостью металла… По-моему, я верно употребил термин. Как обстоит дело с вами?

Лимас вспомнил свои мысли по пути домой этим утром и задумался над ответом.

— Потому что, если вы истощены, — добавил Шеф, — нам придется изыскивать другие способы добраться до Мундта. Понимаете, то, что я задумал, несколько выходит за рамки привычного.

Вошла девушка с кофе, поставила поднос на стол и наполнила две чашки. Шеф подождал, пока она удалилась.

— Такая дуреха, — заметил он так, словно беседовал сам с собой. — У меня в голове не укладывается, почему так трудно стало найти хорошую секретаршу. Право, не стоило давать

Джинни отпуск именно сейчас. — Он какое-то время с хмурым видом помешивал сахар в своей чашке. — Нам нужно во что бы то ни стало хотя бы дискредитировать Мундта, — сказал он после паузы. — Скажите честно, вы много пьете? Виски там и прочее спиртное?

А ведь Лимас считал, что знает Шефа как облупленного.

— Да, я выпиваю. И думаю, что больше и чаще, чем другие.

Шеф понимающе кивнул.

— Что вам известно о Мундте?

— Он — убийца. Работал в Лондоне года два назад в представительстве министерства сталелитейной промышленности Восточной Германии. Нами тогда руководил советник кабинета министров — Мастон.

— Да, я в курсе.

— Мундт поддерживал связь с агентом — женой чиновника из МИДа. И убил ее.

— А еще он покушался на Смайли. И он же застрелил мужа той женщины. Это омерзительный человек. Когда-то состоял в гитлерюгенде, и все такое. Совершенно не правоверный тип коммуниста и не интеллектуал. Чистый практик холодной войны.

— Подобный нам с вами, — сухо заметил Лимас.

Шеф не воспринял это как шутку и не улыбнулся.

— Джордж Смайли знал о том деле все. К сожалению, он больше у нас не работает, но, я думаю, его стоит разыскать. Он сейчас занимается какими-то исследованиями Германии семнадцатого столетия. Живет в Челси прямо за Слоун-сквер, на Байуотер-стрит. Вы имеете представление, где это?

— Да.

— С ним в паре тогда работал Гиллам. Он сейчас в четвертом отделе стран-союзников на третьем этаже. Боюсь, произошло слишком много перемен с тех пор, как вы работали здесь.

— Что верно, то верно.

— Пообщайтесь с ними денек-другой. Они посвящены в задуманный мною план. А потом я хотел бы пригласить вас на выходные к себе. Моей жены не будет дома, — поспешно добавил он. — Она сейчас ухаживает за больной матерью. Так что мы будем предоставлены самим себе. Только вы и я.

— Спасибо. С удовольствием.

— Мы сможем все обсудить в полнейшем ком-

форте. Это будет замечательно. У вас появится шанс заработать на этом немалые деньги. Все, что получите, вам разрешат оставить себе.

— Спасибо.

— Но разумеется, при том условии, что вы полностью уверены и действительно хотите участвовать… Никакой усталости металла и прочего.

— Если речь идет о физическом устранении Мундта, то я в игре.

— Таковы ли ваши чувства на самом деле? — Шеф выразил свое сомнение в самой мягкой форме. А потом, задумчиво посмотрев на Лимаса, пустился в рассуждения: — Да, вижу, что таковы. Но вы ни в коем случае не должны думать, что обязаны уверять меня в этом. При нашей профессии мы быстро теряем ощущения ненависти или любви, и они становятся для нас чем-то схожим со звуками, которые собаки просто физически не воспринимают на слух. Бывает, остается только своего рода тошнота, и хочется одного — больше никогда и никому не причинять страданий. Простите, если ошибаюсь, но разве не испытали вы нечто подобное, когда у вас на глазах убили Карла Римека? Ведь вами не овладела ненависть к Мундту или любовь к Карлу? Вы почувствовали

лишь тупую боль в ставшем бесчувственным теле… Мне сказали, что вы потом ходили всю ночь. Просто бесцельно бродили по берлинским улицам. Это правда?

— Правда то, что я отправился на прогулку.

— И гуляли всю ночь?

— Да.

— Что стало с Эльвирой?

— А бог ее знает… Я бы очень хотел нанести удар по Мундту, — сказал Лимас.

— Хорошо… Просто отлично. Кстати, если в ближайшее время вы встретитесь кое с кем из прежних друзей, не стоит с ними откровенничать. Скажу больше, — добавил Шеф, — на вашем месте я бы оборвал старые связи. Пусть они считают, что мы обошлись с вами очень дурно и несправедливо. Начинать — так сразу. Легче будет потом продолжить.

3
Под откос

Никого особенно не удивило, когда Лимаса отстранили от оперативной работы. Общее мнение было таким: Берлин многие годы был местом сплошных провалов, и кого-то должны были примерно наказать за это. Кроме того, Лимас стал староват для участия в операциях, где зачастую реакция должна быть лучше, чем у профессионального теннисиста. Лимас отлично поработал во время войны — об этом знали все. В Норвегии и Голландии он остался жив вопреки всему. Его наградили медалью и досрочно отправили в отставку. Чуть позже его, конечно же, вернули в разведку, но вот только с пенсией случилась незадача. Здесь ему решительно не повезло. Слух об этом распустила бухгалтерия в лице Элси. Всем, кто готов был слушать, Элси рассказывала в столовой, что Алеку Лимасу в старости придется как-то жить всего на 400 фунтов в год по причине прерванного служебного стажа. Сама Элси считала это правило нелепым и нуждавшимся в пересмотре: в конце концов, мистер Лимас имел

немалые заслуги, ведь так? Но все инструкции исходили теперь из министерства финансов, не то что в прежние годы. И что тут поделаешь? Даже в худшие времена правления Мастона с людьми не поступали так жестоко.

Лимас, как объясняли новичкам, являл собой типичного представителя старой гвардии разведки, отличительными чертами которого были: привычка к виду крови, мужество, любовь к крикету и никакого образования, кроме средней школы и курсов французского языка. Правда, в отношении Лимаса почти все это было неправдой. Он блестяще владел немецким и голландским языками, а крикет ненавидел. Вот диплома колледжа действительно не имел.

Срок действия контракта Лимаса истекал через несколько месяцев, и его отправили досиживать это время в банковском отделе. В отличие от внутренней бухгалтерии там занимались оплатой заграничных счетов и переводом денег за рубеж, то есть прямым финансированием агентурной сети и ее операций. Большую часть работы в отделе могли бы запросто выполнять молодые клерки, если бы не режим особой секретности, а потому это подразделение и стало одним из отстойников, куда направляли проверенных оперативников,

которым вскоре предстояло уйти на покой.

И жизнь Лимаса покатилась под откос.

Обычно люди его положения падают на дно далеко не сразу — это процесс в большинстве случаев достаточно затяжной, но с Лимасом все получилось иначе. На глазах коллег он из человека, с достоинством уходящего в отставку, превратился в отвратительного забулдыгу — и это за считаные недели. Пьющие люди быстро глупеют, что становится особенно заметно, когда они трезвы, и эта глупость воспринимается порой поверхностными наблюдателями как некое самоотречение, сбивчивость в мыслях и поступках как некое недоступное другим знание. Лимас приобрел эту особенность характера в изумительно короткий срок. Он сделался мелочно лжив, занимал у секретарш небольшие суммы денег, которые забывал возвращать, являлся на работу поздно, а уходил рано, придумывая самые вздорные предлоги. Поначалу товарищи по работе относились к его выходкам снисходительно: возможно, его жизненный крах пугал их так же, как иногда страшат нас нищие и калеки просто потому, что мы опасаемся стать однажды такими же, как они. Но постоянная грубость, беспричинная озлобленность, пренебрежение своими

обязанностями в конце концов образовали вокруг него пустоту.

Но больше всего сотрудников Цирка поразило равнодушие, с которым Лимас воспринял свое отстранение от реальных дел. Казалось, сила воли внезапно оставила его. Молоденькие секретарши, которые прежде отказывались верить даже в то, что в святая святых спецслужб могут работать простые смертные, с особой тревогой воспринимали откровенный распад личности Лимаса. Он перестал следить за собой, его больше совершенно не волновало, кто и что его окружает. Он обедал в дешевой столовой, где обычно можно было встретить только нижних чинов и вольнонаемных из обслуги, а о том, как сильно он пьет, уже ходили не сплетни, а легенды. Он превратился в одиночку, совершил исполненный трагизма переход в унылую группу все еще способных на активные действия людей, которых преждевременно лишили этой возможности, вроде пловцов без пропуска в бассейн или актеров, изгнанных со сцены.

Среди тех, кто не был в курсе реального положения дел, тоже ходили разговоры о том, что он совершил в Берлине серьезные ошибки, из-за чего агентурная сеть понесла существенный

урон, однако никто толком ничего не знал, и все довольствовались домыслами. Сходились только в том, что с ним обошлись необычайно жестоко, даже сотрудники отдела кадров, где сидели те еще филантропы. Когда он проходил мимо, на него незаметно указывали непосвященным, как это бывает с великими в прошлом спортсменами: «Тот самый Лимас. Он напортачил в Берлине. Просто ужас, как человек опустился».

А в один прекрасный день он просто пропал, ни с кем не попрощавшись. Даже, по всей видимости, с Шефом. Сам по себе его незаметный уход не стал бы чем-то из ряда вон выходящим. В силу специфики секретной службы здесь не устраивали пышных проводов с шампанским и вручением именных золотых часов, но даже на таком фоне исчезновение Лимаса выглядело уж очень неожиданным. Ведь, по просочившимся данным, его контракт к тому времени еще оставался в силе. Элси из бухгалтерии, как всегда, поделилась некоторыми крупицами информации: Лимас потребовал выдать ему зарплату вперед наличными, а это, если Элси хоть что-то понимала в своем деле, означало, что у него возникли проблемы с банком. Причитавшееся ему выходное пособие должны были выплатить в

конце месяца — она не знала, сколько в точности, но сумма даже не четырехзначная, вот бедняга! Карточку социального страхования ему выслали на дом. У кадровиков имелся его домашний адрес, но они, говорила Элси, фыркая, ни за что никому его не дадут. Им это строго запрещено, кадровикам то бишь.

Затем всплыла история с другими деньгами. Пополз слух, источник которого, как всегда в таких случаях, остался неизвестным, что поспешное исчезновение Лимаса было связано с вскрывшимися злоупотреблениями в банковском отделе. Пропали большие деньги (сумма теперь называлась именно четырехзначная, как настаивала сотрудница коммутатора с подсиненными волосами), но они сумели почти все вернуть, а на его пенсию наложили арест. Однако многие не воспринимали эту байку всерьез. Если бы Алек захотел обчистить кассу, говорили знатоки, он сделал бы это ловко, не оставив следов в финансовой отчетности штаб-квартиры. Никто не спорил, что он способен на такое, не верилось, наоборот, что он не сумел провернуть простой трюк и не попасться. Но в ответ на это те, кто не склонен был преувеличивать криминальный потенциал Лимаса, настаивали, что надо при-

нимать в расчет злоупотребление спиртным, дороговизну наемного жилья, непривычную для Лимаса огромную разницу между зарплатами в Лондоне и за рубежом, но прежде всего соблазн, возникавший перед человеком, оперировавшим крупными суммами денег из сомнительных источников, зная, что его дни в Цирке сочтены. Впрочем, и те и другие сходились во мнении, что если Алек в самом деле запустил лапу в горшок с медом, то человек он конченый. Теперь ему никто не подыщет другое теплое местечко, как было принято, и рекомендаций он не получит или получит такие, от которых холодный пот прошибет любого возможного работодателя. Казнокрадство принадлежало к числу грехов, за которые не было прощения. И человек, посмевший обокрасть Цирк, даже в могилу ложился с клеймом вечного проклятия, а на похороны контора не то что венка бы не прислала — не оплатила бы даже саван для покойника.

Недели две после исчезновения Лимаса, быть может, всего несколько человек гадали, куда он подевался. Но к тому времени многие бывшие приятели уже старались держаться от него подальше. Он превратился в зануду и всякий разговор сводил к нападкам на Цирк, а паче всего

— на руководство, которое называл не иначе как «цирковыми наездниками», управлявшими разведкой так, словно это был их личный полковой клуб. При этом он никогда не упускал случая критически отозваться об американцах вообще и о ЦРУ в частности. Казалось, Лимас ненавидел заокеанских союзников даже больше, чем Абтайлунг, о котором он упоминать не любил вообще. У него проскальзывали намеки, что именно американцы скомпрометировали его агентурную сеть. Это превратилось в своего рода навязчивую идею. Причем все попытки разубедить его оказывались тщетными. Встречи с ним превратились в мучительную пытку, и даже лучшие друзья, которые не только хорошо знали Лимаса, но и, можно сказать, любили его, постепенно от него отдалились. Вот почему уход Лимаса вызвал лишь легкую рябь на поверхности воды: подули новые ветры, сменилось время года, и скоро о нем забыли.

Лимас жил в крохотной и сильно запущенной квартирке с коричневыми стенами, украшенными пейзажами Кловелли[8]. Из нее открывался

[8] Примечания: 8

Живописный английский рыбацкий городок на берегу Атлантического океана.

вид на задние дворы трех серых каменных складских зданий, окна которых, видимо из соображений эстетики, густо замазали креозотом. Поверх одного из складов обитала семья итальянских иммигрантов, бесконечно ссорившихся по ночам, а по утрам непременно принимавшихся выбивать ковры. Способов сделать свое жилье чуть более уютным у Лимаса было немного. Он смог лишь купить абажуры, чтобы прикрыть ими голые лампочки, и две пары простыней на замену тем полотнищам дерюги, которые ему выдал вместо постельного белья домовладелец. Остальное Лимасу приходилось просто терпеть: неподшитые шторы в цветочек, потертые коричневые ковры и грубую потемневшую мебель, словно переехавшую сюда из общежития для моряков. Из крана над желтой потрескавшейся раковиной за шиллинг можно было извлечь горячую воду.

Лимас нуждался в работе. Денег не было. Не было совсем. Так что, по всей вероятности, история с неудавшимся хищением оказалась правдой. В отделе кадров ему все-таки подобрали несколько альтернативных мест работы, но Лимасу они показались слишком низкооплачиваемыми или до смешного не подходящими именно для него.

Сначала он попробовал себя на производстве. Фирма, выпускавшая промышленные клеи, приняла его на должность помощника менеджера по кадрам — их не смутила весьма двусмысленная рекомендация, полученная им в Цирке. Работа не требовала специальной подготовки, а зарплата составила шесть сотен в год. Продержался он ровно неделю, к концу которой мерзкая вонь гнилого рыбьего жира насквозь пропитала его одежду и волосы, забив ему ноздри, как запах мертвечины. Никаким мылом отмыться от нее оказалось невозможно, и кончилось тем, что Лимасу пришлось постричь свои и без того короткие волосы почти наголо и выбросить два лучших костюма. Еще неделю он провел в попытках продавать энциклопедии домохозяйкам из пригородов, но слишком очевидно не принадлежал к тому типу мужчин, который домохозяйкам нравился или хотя бы был понятен: они с порога отвергали Лимаса вместе с его энциклопедиями. Вечер за вечером он усталый возвращался в свою квартирку с образцом под мышкой и в конце недели позвонил в фирму и сообщил, что не сумел ничего продать. Там нисколько не удивились, напомнили только, что он обязан вернуть выданный ему демонстрационный экземпляр, если он пре-

кращает работать на них, и отключились. Лимас выскочил из телефонной будки в такой ярости, что забыл там энциклопедию, дошел до ближайшего паба и напился вдрызг, на что потратил двадцать пять шиллингов, чего не мог себе позволить. А потом его еще и вышвырнули на улицу, когда он наорал на проститутку, пытавшуюся его снять. Это сопровождалось жестким напутствием никогда больше не появляться в заведении, но уже через неделю ему все простили, и скоро он стал там своим.

Постепенно Лимас сделался известной личностью в округе — серая шаркающая фигура из района многоквартирных домов. Все знали: из него слова лишнего не вытянешь, а друзей ни среди мужчин, ни среди женщин у него нет. Не завел он даже собаки. Окружающие догадывались, что у него какие-то проблемы. Не иначе как муж, сбежавший от семьи и алиментов. Он ни на что не знал цен и не запоминал, когда их ему называли. Охлопывал все карманы в поисках мелочи и вечно забывал взять с собой в магазин корзинку, а потому ему всякий раз приходилось тратиться на покупку пакета. Обитателям улицы он не нравился, но они почти готовы были пожалеть его. Он ходил неряшливый, в грязных

рубашках, небритый даже по воскресеньям.

Некая миссис Маккэйрд с Садбери-авеню подрядилась заниматься уборкой его квартиры, но, не услышав за неделю ни одного доброго слова, отказалась от неблагодарного труда. Она стала важным источником информации для улицы, где торговцы хотели узнать о нем побольше на случай, если он попросит отпустить товар в кредит. Миссис Маккэйрд верить ему в кредит не советовала. Лимас за все время не получил ни одного письма, и все согласились с ней, что дела его, стало быть, совсем плохи. Она не видела у него ни одной фотографии, лишь несколько книг. Ей показалось, что одна из книжек была грязного содержания, хотя она не могла проверить это, поскольку не владела иностранными языками. По ее мнению, у него еще пока водились какие-то деньги на жизнь, но они подходили к концу. Как она выяснила, по четвергам он получал пособие по безработице. Обитатели Бэйсуотера, таким образом, были предупреждены и держались настороже. От той же миссис Маккэйрд стало известно, что он пьет, как извозчик: это подтверждал и владелец паба. Бармены и уборщицы, как известно, в кредит не обслуживают, зато те, кто кредиты иногда предоставляет, ценят их знание

клиентуры на вес золота.

4
Лиз

Наконец он согласился попробовать поработать в библиотеке. На бирже труда ему подсовывали это место каждый раз, когда в четверг утром он являлся за пособием, но он упрямо отказывался.

— Может, это и не ваше призвание, — в очередной раз сказал ему мистер Питт, — но платят неплохо, а работа несложная для грамотного человека.

— Что это за библиотека? — поинтересовался Лимас.

— Бэйсуотерская библиотека литературы по паранормальным явлениям. Она создавалась на частные пожертвования. У них и так были тысячи томов, а недавно они получили в дар еще целую кучу. Вот почему им понадобился дополнительный работник.

Он взял пособие и бумажку с адресом.

— Публика там несколько необычная, — добавил мистер Питт, — но ведь и вы нигде надолго не задерживаетесь, так? Мне кажется, стоит попробовать.

Странный он был, этот Питт. Лимаса не покидала уверенность, что они встречались раньше. А если точнее, то в Цирке во время войны.

Внутри библиотека оказалась похожей на церковь и такой же холодной. От двух черных масляных обогревателей, стоявших вдоль стен, густо несло керосином. В центре зала находилась кабинка, похожая на место для свидетелей в суде, внутри нее сидела мисс Крэйл, библиотекарь.

Лимасу как-то и в голову не пришло, что работать ему предстоит под началом у женщины. На бирже труда никто его об этом не предупредил.

— Я — ваш новый помощник, — сказал он. — Моя фамилия Лимас.

Мисс Крэйл так резко вскинула голову, оторвав свое внимание от коробки с карточками, словно при ней кто-то только что грубо выругался.

— Помощник? Что значит помощник?

— Работник. С биржи труда. От мистера Питта. — Он положил перед ней отпечатанный на ротаторе бланк, куда косым почерком были внесены его данные.

Она взяла его и долго изучала.

— Вас зовут мистер Лимас. — Это не было вопросом, а как будто началом детального выяснения фактов. — И вы представитель биржи труда.

— Нет. Биржа труда только направила меня к вам. Они сказали, что вам нужен работник.

— Понятно. — На ее лице появилась деревянная улыбка.

В этот момент зазвонил телефон, она сняла трубку и начала с кем-то яростно спорить. Лимас догадался, что это была давняя размолвка, поскольку никаких предисловий не потребовалось. Она чуть повысила голос и стала говорить о каких-то билетах на концерт. Послушав минуту или две, Лимас оставил ее и пошел вдоль книжных полок. В одной из ниш он заметил девушку, стоявшую на стремянке и переставлявшую с места на место солидных размеров фолианты.

— Я — ваш новенький, — сказал он. — Моя фамилия Лимас.

Девушка спустилась с лестницы и пожала ему руку, пожалуй, немного формально.

— А я — Лиз Голд. Будем знакомы. Вы уже виделись с мисс Крэйл?

— Да, но она сейчас разговаривает по телефону.

— Наверняка спорит со своей матушкой. Чем вы будете заниматься?

— Пока не знаю. Работать.

— Сейчас мы как раз проводим инвентариза-

цию: мисс Крэйл завела новую картотеку.

Девушка была высокого роста, немного нескладная, с высокой талией и длинными ногами. На ней были туфли на тонкой плоской подошве, как у балетных пуантов, видимо, ей хотелось казаться хоть немного ниже. Подобно телу, ее лицо тоже состояло из крупных деталей и словно еще не решило, стать ему заурядным или красивым. Лимас дал ей на вид года двадцать два или двадцать три. Еврейка.

— Нам просто надо проверить, все ли книги в наличии на полках. А вот это формуляр. Когда вы находите нужную книгу, то карандашом надписываете формуляр и делаете отметку в инвентарном списке.

— А что потом?

— Только самой мисс Крэйл дозволено обвести карандашную запись чернилами. Таково правило.

— Чье правило?

— Его установила мисс Крэйл. Почему бы вам не начать с раздела археологии?

Лимас кивнул, и они вдвоем перешли к следующей нише, где на полу перед полками стояла обувная коробка с карточками.

— Вы занимались раньше чем-нибудь подоб-

ным? — спросила она.

— Нет. — Он наклонился, вынул из коробки пачку карточек и стал перебирать их. — Меня прислал мистер Питт с биржи труда. — Лимас положил карточки на прежнее место и спросил: — А заполнять чернилами карточки тоже разрешено только мисс Крэйл?

— Да.

Лиз оставила его одного. После минутного колебания он взял с полки книгу. Она называлась «Археологические открытия в Малой Азии». Том четвертый. Другие тома, похоже, отсутствовали.

Около часа дня Лимас проголодался. Он вернулся туда, где сортировала книги Лиз, и спросил:

— Как тут у вас обстоит с обедом?

— О, я всегда приношу с собой сандвичи. — Она слегка смутилась. — Могу с вами поделиться, если не возражаете. Здесь ни одного кафе на несколько миль кругом.

— Нет, спасибо, я пойду прогуляюсь. Нужно купить кое-что.

Она смотрела ему вслед, когда он выходил через вращавшиеся двери.

Вернулся он только в половине третьего. От него попахивало виски. В одном магазинном пакете у него лежали овощи, в другом — разного

рода бакалея. Он поставил пакеты в угол ниши и неспешно вернулся к изданиям по археологии. Он делал записи в формулярах минут десять, когда почувствовал, что за ним наблюдает мисс Крэйл.

— Мистер Лимас!

Он стоял на средней ступеньке стремянки, и ему пришлось посмотреть на нее через плечо сверху вниз.

— Слушаю вас.

— Вы не знаете, откуда здесь взялись эти пакеты?

— Они мои.

— Ясно. Стало быть, ваши.

Лимасу оставалось лишь ждать продолжения.

— Что ж, весьма сожалею, но должна уведомить вас, что у нас запрещено приносить в библиотеку продукты из магазинов, — сказала она после паузы.

— А где еще я мог их оставить? Я просто не мог пристроить их где-то в другом месте.

— Где угодно, но не в библиотеке, — отрезала она.

Лимас пропустил ее слова мимо ушей и снова занялся разбором археологического раздела.

— Если бы вы использовали только обычное время, отведенное на обеденный перерыв, —

продолжала мисс Крэйл, — у вас не было бы возможности делать покупки. Никто из нас так не поступает: ни я, ни мисс Голд. У нас нет времени ходить по магазинам.

— Так почему бы вам не добавить к обеду лишние полчаса? — спросил Лимас. — Тогда времени хватило бы на все. А если работы слишком много, можно на те же полчаса задержаться вечером. Чтобы наверстать.

Какое-то время она оставалась стоять, глядя на него и явно обдумывая ответ. Наконец объявила:

— Я обсужу этот вопрос с мистером Айронсайдом, — и вернулась за свою конторку.

Ровно в половине шестого мисс Крэйл надела пальто и, выкрикнув: «До завтра, мисс Голд!» — ушла.

Как понял Лимас, пакеты с продуктами не давали ей покоя всю вторую половину дня. Он прошел в соседнюю нишу, где Лиз Голд сидела на нижней ступеньке лестницы и читала что-то вроде брошюры. Заметив Лимаса, она с виноватым видом сунула ее к себе в сумочку и встала.

— Кто такой мистер Айронсайд? — спросил Лимас.

— У меня такое ощущение, что его не существует в природе, — ответила она. — Это придуман-

ный мисс Крэйл большой начальник, которым она начинает грозить, если не справляется с проблемой сама. Я однажды тоже поинтересовалась, кто он такой. Она начала нервничать, напускать тумана, а потом сказала: «Вам это знать не обязательно». Так что я не верю в его реальность.

— Мне показалось, что в нее не верит и сама мисс Крэйл, — заметил Лимас, заставив Лиз Голд улыбнуться.

В шесть часов она заперла библиотеку и отдала ключ ночному сторожу — очень дряхлому старику, которого контузило еще в Первую мировую войну. По словам Лиз, он добросовестно бодрствовал все ночи, но только из опасения, что немцы могут перейти в контратаку. На улице стоял жесточайший холод.

— Вам далеко отсюда? — спросил Лимас.

— Двадцать минут. Я всегда хожу пешком. А вам?

— Еще ближе, — ответил Лимас. — Доброй ночи. — И он медленно побрел в сторону своего дома.

Войдя в квартиру, Лимас попытался включить свет, но не вышло. Он попробовал выключатель в кухне, а потом электрический камин, стоявший рядом с постелью. На коврике у двери лежал

конверт, Лимас подобрал его и вынес под свет тусклой желтой лампы лестничной клетки. Письмо было от местного менеджера электрической компании, который страшно сожалел, но был вынужден отключить энергоснабжение, пока жилец не уплатит причитавшийся с него долг в сумме девяти фунтов четырех шиллингов и восьми пенсов.

Для мисс Крэйл он стал врагом, а иметь врагов мисс Крэйл очень нравилось. Она либо бросала на него злые взгляды, либо вообще не обращала внимания, но, стоило ему приблизиться, начинала дрожать, оглядываясь по сторонам, словно искала какой-то предмет как оружие для защиты или просчитывала путь побега. Временами она страшно обижалась на него. Так происходило, например, всякий раз, когда он вешал свое пальто на ее крючок, и тогда она могла стоять перед ним и трястись от возбуждения минут пять, пока Лиз не обращала на это внимания и не звала Лимаса.

Тот подходил и спрашивал:

— Вас что-то беспокоит, мисс Крэйл?

— Ничего, ровным счетом ничего, — отвечала она напряженным голосом, тяжело дыша.

— Что-то не так с моим пальто?

— С ним все в порядке.

— Хорошо. — Он пожимал плечами и возвращался к своей работе.

Но после этого она пребывала в нервном состоянии весь день и половину утра общалась с кем-то по телефону театральным шепотом.

— Это она со своей матерью, — объяснила Лиз. — Маме она рассказывает обо всем. Обо мне тоже.

Ненависть мисс Крэйл к Лимасу постепенно достигла такого накала, что ей стало трудно даже разговаривать с ним. В день зарплаты он возвращался после обеда и всегда находил на третьей ступеньке стремянки конверт со своей фамилией, написанной с ошибками. Когда это случилось впервые, он подошел к ней, держа в руках деньги и конверт, чтобы сказать:

— Моя фамилия пишется через «и», мисс Крэйл, и в ней только одно «с».

От испуга ее сначала чуть не разбил паралич, а потом она принялась бесцельно крутить в пальцах карандаш, дожидаясь, пока Лимас оставит ее. Затем она больше часа провисела на телефоне.

Примерно через три недели после того, как Лимас начал работать в библиотеке, Лиз пригласила его к себе на ужин. Она сделала вид, что эта мысль пришла ей в голову совершенно внезапно в пять

часов вечера: похоже, она сразу поняла, что, если пригласить его на завтра или послезавтра, он может забыть об этом или просто не прийти, и потому пригласила на пять того же вечера. Лимасу сначала откровенно не понравилась ее идея, но в итоге он все же согласился.

Они шли в сторону ее дома под дождем, и в этот момент, казалось, могли быть в любом городе — Берлине, Лондоне, — в любом, где плитки тротуаров под вечерним дождем превращались в подсвеченные водные дорожки, а машины издавали шинами унылое хлюпающее шуршание по промокшим мостовым.

Лимас потом часто приходил поесть к ней домой. Приходил каждый раз, когда она приглашала, а приглашала она его постоянно. При этом он почти все время молчал. Но стоило у нее появиться уверенности, что он примет очередное приглашение, как она приобрела привычку заранее накрывать на стол еще утром перед уходом на работу. Она успевала даже приготовить овощи и расставить на столе подсвечники, потому что сама обожала свечи. Лиз сразу заметила, что в жизни Лимаса что-то очень неправильно, и догадывалась, что однажды, по причинам, которых она никогда не поймет, он разорвет знакомство

с ней и она никогда его больше не увидит. И она старалась объяснить ему свою готовность ко всему. Однажды вечером так и сказала:

— Ты уйдешь, когда сам этого захочешь. Я не стану искать тебя, Алек.

Его карие глаза несколько секунд пристально смотрели на нее.

— Хорошо, я предупрежу тебя заранее, — ответил он.

Ее квартира состояла всего из одной комнаты — гостиной, одновременно служившей спальней, — и кухни. В комнате стояли два кресла, диван-кровать и книжный шкаф, набитый дешевыми изданиями классики в мягких обложках, которую она никогда не читала.

После ужина Лиз обычно пыталась поговорить с ним, а он лежал на диване и курил. Она никогда не понимала, слышит ли он ее вообще, и не обращала на это особого внимания. Порой она опускалась на колени рядом с диваном, прижимала его руку к своей щеке, не переставая говорить.

Но однажды вечером Лиз очень серьезно спросила:

— Во что ты веришь, Алек? Пожалуйста, не смейся надо мной. Ответь.

Она ждала, и через какое-то время он ответил:

— Я верю, что автобус одиннадцатого маршрута доставит меня в Хаммерсмит. Но не верю, что за его рулем будет сидеть Санта-Клаус.

Даже такой ответ она попыталась обдумать, а потом спросила еще раз:

— Во что ты веришь?

Лимас пожал плечами.

— Но ты же должен во что-то верить, — упорствовала она. — Хотя бы в Бога. Я ведь знаю, что в тебе есть вера, Алек. Порой я смотрю на тебя, и ты выглядишь так, словно на тебе лежит какая-то особая миссия, как на жреце божества. Не надо усмехаться, Алек. Ведь это правда.

Он помотал головой.

— Прости, Лиз, но ты все вывернула наизнанку. Я не люблю американцев и частные школы. Я не люблю военных парадов и людей, которые платят большие деньги солдатам. — И уже без тени улыбки он добавил: — И очень не люблю разговоров по душам.

— Но тогда, Алек, с таким же успехом ты мог бы утверждать…

— Мне следовало добавить, — перебил Лимас, — что больше всего я не люблю тех, кто указывает мне, о чем мне следует думать.

Она понимала: он уже начинает закипать, но остановиться была не в силах.

— Это потому, что ты не хочешь ни о чем думать, не осмеливаешься задуматься о серьезных вещах! В твоем сознании разлит яд, оно полно ненависти. Ты — фанатик, Алек. Я только пока не поняла, что служит предметом твоего фанатизма. Ты относишься к числу тех редких фанатиков, которые не стремятся никого обратить в свою веру, и это самое опасное, что я ощущаю в тебе. Ты похож… Ты словно дал клятву отомстить кому-то.

Карие глаза пристально смотрели на нее. Когда он заговорил, ее привел в ужас его зловещий тон.

— На твоем месте, — произнес он предельно грубо, — я бы не совал нос в чужие дела.

Но затем он лукаво улыбнулся, как не улыбался никогда прежде, и Лиз поняла: он пытается спасти ситуацию, пустив в ход свое обаяние.

— А во что верит сама наша очаровательная Лиз? — спросил он, и она с горечью бросила:

— Ты, как я вижу, Алек, считаешь меня совсем дурочкой, от которой можно легко отмахнуться?

Позже тем же вечером они вернулись к этой теме. На этот раз первым ее затронул Лимас, спросив Лиз, религиозна ли она.

— Ты меня неправильно понял, — сказала она. — Все не так. В Бога я не верю.

— Тогда во что же?

— В историю.

Он несколько мгновений смотрел на нее в полнейшем изумлении, прежде чем расхохотался:

— О, Лиз… Нет… Этого не может быть. Неужели ты чертова коммунистка?

Она кивнула, покраснев, как сопливая девчонка, разозлившись на его смех, но с облегчением поняв, что он не придает этому значения.

В ту ночь она уговорила его остаться у нее, и они стали любовниками. Но в пять утра он неожиданно поднялся и ушел. Ей это казалось непостижимым: она была счастлива, а он как будто устыдился чего-то.

Он вышел из подъезда ее дома и, свернув, пошел вдоль пустынной улицы в сторону парка. Над городом висел туман. Ярдах в двадцати или чуть дальше виднелась фигура мужчины в плаще, низкорослого, несколько полноватого. Он уперся спиной в металлическую ограду парка, и его силуэт то четко вырисовывался, то наполовину растворялся в тумане. Когда Лимас подошел ближе, туман вдруг сгустился, полностью поглотив фигуру в плаще. А когда рассеялся, там уже

никого не было.

5
Кредит

А потом в один из дней неделю спустя Лимас не появился в библиотеке. Мисс Крэйл была в восторге. К половине двенадцатого она уже доложила о знаменательном событии матушке, а вернувшись после обеда, надолго замерла перед полками археологического раздела, где он работал с первого дня. Она подчеркнуто внимательно сканировала взглядом ряды книг, и Лиз поняла: мисс Крэйл демонстративно проверяет, не украл ли Лимас чего-нибудь.

Остаток дня Лиз полностью игнорировала начальницу, даже не отвечая порой на ее прямые вопросы и целиком сконцентрировавшись на своей работе. Вечером она добрела до дома и заснула, только когда у нее больше не осталось слез.

На следующее утро она пришла в библиотеку необычайно рано. У нее возникла беспочвенная надежда, что чем раньше она там появится, тем скорее сможет снова увидеть Лимаса. Однако уже через несколько часов ее иллюзии рассеялись.

Она поняла: он больше никогда не переступит порога библиотеки. В тот день она забыла приготовить себе на обед сандвичи, а потому решила автобусом добраться до Бэйсуотер-роуд и поесть в закусочной. Она чувствовала себя больной и опустошенной, но не голодной. Может, попробовать найти его? Она обещала не следовать за ним, но ведь и он сказал, что непременно предупредит ее. Так искать или нет?

Лиз поймала такси и назвала его адрес.

Поднявшись по грязной лестнице, она нажала кнопку звонка. Тот, по всей видимости, не работал: до нее не донеслось ни звука. На половике стояли три бутылки молока, рядом лежало письмо из электрической компании. После минутного колебания она громко постучала в дверь и расслышала в ответ едва уловимый стон. Лиз бросилась вниз по лестнице и принялась звонить и стучать в квартиру этажом ниже. Не дождавшись, пока ей откроют, сбежала еще на этаж и оказалась в подсобном помещении продуктовой лавки. В самом углу сидела старуха, покачиваясь в кресле.

— Квартира наверху, — почти прокричала Лиз. — Там очень сильно заболел человек. У кого есть ключ?

Старушка несколько секунд разглядывала ее, а потом крикнула в сторону передней части дома, где располагался магазин.

— Артур, иди сюда! Здесь какая-то девушка!

В проем двери заглянул мужчина в коричневом рабочем халате, но в шляпе.

— Что за девушка?

— Там наверху кто-то серьезно заболел, — объяснила Лиз, — и не может сам открыть дверь. У вас нет ключа?

— Нет, — ответил мужчина, — но у меня есть тяжелый молоток.

И они поспешили наверх. Бакалейщик, так и не снявший модной шляпы, прихватил с собой отвертку и молоток, похожий на кувалду. Он звучно постучал, и они, затаив дыхание, стали ждать отзыва. Но ничего не услышали.

— Там раздался стон, когда я постучала в первый раз. Клянусь, это правда, — прошептала Лиз.

— Вы заплатите за ремонт двери, если я ее высажу?

— Да.

Он с ужасающим грохотом принялся работать молотком. Но ему хватило всего трех сильных ударов, чтобы выбить ту часть двери, где располагался замок. Лиз вошла первой, торговец

последовал за ней. В комнате стоял ледяной холод и царил почти полный мрак, но на кровати в углу они разглядели фигуру мужчины.

«Боже милостивый! — подумала Лиз. — Если он мертв, у меня может не хватить смелости прикоснуться к нему».

Но, подойдя ближе, она убедилась, что Лимас жив. Открыв шторы, Лиз опустилась на колени рядом с постелью.

— Я позову, если мне понадобится помощь. Спасибо вам, — сказала она, не оглядываясь.

Бакалейщик только кивнул и спустился в лавку.

— Алек, что с тобой? Ты болен? Что с тобой?

Лимас повернул голову на подушке. Его запавшие глаза оставались закрытыми. Черная борода резким контрастом выделялась на бледном лице.

— Алек, не молчи. Ты должен сказать мне. Пожалуйста!

Она зажала его руку между ладонями. Слезы бежали по ее щекам. В отчаянии она не сразу сообразила, что ей делать, потом вскочила на ноги, бросилась в кухню и поставила чайник на газ. Она пока не слишком ясно представляла, как действовать дальше, но ей приносила об-

легчение возможность делать хоть что-нибудь. Оставив чайник на огне, она взяла свою сумочку, схватила ключ от квартиры Лимаса со стола у кровати, быстро снова спустилась на четыре пролета лестницы и перебежала через дорогу к аптеке мистера Слимана. Она купила желе, сваренное на телячьих ножках, бульонных кубиков и склянку с аспирином. Кинулась было назад, но вернулась и попросила еще и пакет гренок. Все это обошлось ей в шестнадцать шиллингов, после чего у нее осталось четыре шиллинга в кошельке и одиннадцать фунтов на счету, но ничего из этих денег она не смогла бы теперь снять до завтра. К моменту ее возвращения чайник как раз закипел.

Она приготовила мясной бульон, как делала когда-то ее мама: в стакане, куда опустила ложку, чтобы он не треснул. При этом она непрерывно посматривала на Алека, все еще опасаясь, что он может умереть.

Потом Лиз помогла ему лечь повыше на кровати, чтобы он смог выпить бульон. У него была всего одна подушка, и ей пришлось снять с вешалки у двери плащ, чтобы свернуть его и подложить ему под спину. Ей все же было страшновато прикасаться к нему: он настолько пропитался потом,

что его чуть отросшие короткие волосы стали влажными и скользкими на ощупь. Поставив стакан рядом с постелью, она одной рукой приподняла ему голову, а другой стала поить. Когда Лимас с трудом сделал несколько глотков, Лиз измельчила две таблетки аспирина и смешала лекарство с очередной ложкой бульона. Она разговаривала с ним, как с ребенком, сидя на краю постели, глядя на него, уже без тени страха ощупывая пальцами его голову и лицо, раз за разом шепотом повторяя его имя:

— Алек, Алек…

Постепенно его дыхание стало более глубоким и ровным, мышцы расслабились, а лихорадочное метание сменилось покоем сна. Наблюдавшая за ним Лиз почувствовала, что худшее позади. И только теперь до нее внезапно дошло, что за окном успело почти совсем стемнеть.

А потом ей стало стыдно за себя: ей, конечно же, следовало навести здесь хоть какой-то порядок. Лиз вскочила, нашла в кухне веник и тряпку и взялась за дело со всей своей молодой энергией. Обнаружив среди его вещей чистое посудное полотенце, она аккуратно расстелила его вместо скатерти на прикроватном столике, перемыла посуду, поставив ее рядом с раковиной для

просушки. Когда с работой было покончено, она посмотрела на часы и увидела, что уже половина девятого. Снова поставив чайник, вернулась к постели. Лимас смотрел на нее.

— Не сердись на меня, пожалуйста, Алек, — сказала она. — Я уйду. Обещаю, что непременно уйду, только позволь мне нормально покормить тебя. Ты болен, ты не можешь пока оставаться один… О, Алек!

Что-то в ней надломилось, и она разразилась слезами. Она прикрыла лицо ладонями, но слезы упрямо просачивались между пальцами, как это бывает у детей. И он позволил ей выплакаться, не сводя с нее своих карих глаз и вцепившись обеими руками в край простыни.

Лиз помогла ему умыться и побриться, нашла чистую смену постельных принадлежностей. Потом накормила телячьим желе и консервированными куриными грудками, тоже купленными у мистера Слимана. Сидя на постели и глядя, как он ест, она подумала, что никогда прежде не испытывала такого счастья.

Вскоре Лимас снова заснул. Лиз укрыла его одеялом до плеч и подошла к окну. Раздвинув ветхие шторы и приподняв раму, высунулась наружу. Светились еще два окна из тех, что вы-

ходили во двор. В одном из них мерцал голубыми отблесками экран телевизора, и фигуры сидевших перед ним людей оставались завороженно неподвижными; в другом сравнительно молодая женщина накручивала волосы на бигуди. Глядя на жалкую жизнь этих людей, Лиз снова захотелось плакать.

Она заснула, сидя в кресле, а проснулась, когда уже почти рассвело, чувствуя холод и онемение во всем теле. Лиз подошла к кровати. Лимас заворочался, стоило ей посмотреть на него, и она приложила кончик пальца к его губам. Глаз он не открыл, но взял ее за руку и осторожно притянул к себе на постель, а она вдруг почувствовала, как хочет его. Ничто больше не имело значения. Она стала целовать его снова и снова, а когда в следующий раз встретилась с ним взглядами, ей показалось, что он улыбался.

Лиз приходила к нему шесть дней подряд. Он почти не разговаривал с ней, а в ответ на вопрос, любит ли он ее, ответил, что не верит в сказки. Она ложилась рядом с ним на кровать, клала голову ему на грудь, и порой он запускал свои плотные и сильные пальцы ей в волосы, крепко сжимая их в кулаке, и Лиз со смехом просила не

делать ей больно. В пятницу вечером она застала его полностью одетым, но небритым и удивилась, почему он не побрился. Ее терзала необъяснимая тревога. Из комнаты стали пропадать мелкие вещицы — сначала часы, потом дешевый переносной транзисторный приемник, всегда прежде стоявший на столе. Лиз хотела спросить его об этом, но не осмелилась. Она купила яиц, ветчины и приготовила ужин на двоих, пока Лимас сидел на кровати и курил сигареты одну за другой. Когда у нее все было готово, он пошел на кухню и вернулся с бутылкой красного вина.

За едой он не проронил ни слова, а ее страх все возрастал, пока не стал нестерпимым, и она вдруг не выдержала:

— Алек… О, Алек… Что это? Так мы с тобой прощаемся?

Он встал из-за стола, взял ее за руки, стал целовать так, как не целовал никогда прежде, и долго о чем-то ей говорил, тихо и нежно, рассказывал ей что-то, чего она почти не понимала и едва ли вообще слышала, потому что чувствовала — это конец, а остальное не имело значения.

— Да, прощай, Лиз, — сказал он. — Прощай. — И добавил: — Только никогда не ищи меня больше. Не надо.

Лиз кивнула и с трудом произнесла:

— Хорошо, ведь мы же договорились.

На улице она была только рада обжигавшему лицо холоду и темноте, помогавшей скрыть слезы.

Уже на следующее утро в субботу Лимас попросил мистера Форда, лавочника, о кредите. Причем сделал он это безыскусно, не приложив ни малейших стараний, чтобы его просьба увенчалась успехом. Он заказал с полдюжины разных продуктов питания — их общая стоимость едва ли превышала фунт, — а когда все это было приготовлено и уложено в пакет с ручками, сказал:

— Пришлите мне счет на квартиру.

Лавочник криво усмехнулся и ответил:

— Боюсь, не могу пойти на это. — Уважительное обращение «сэр» слишком явно не прозвучало в его словах.

— Почему, черт побери? — громко спросил Лимас, и небольшая очередь, возникшая позади него, заволновалась.

— Я вас не знаю, — заявил бакалейщик.

— Не стройте из себя идиота, — возразил Лимас. — Я хожу к вам уже четыре месяца.

Щеки торговца побагровели.

— Мы не отпускаем товары в кредит, не про-

верив платежеспособность клиента у его банкира, — сказал он, и тут Лимас сорвался на крик.

— Вы несете полную чушь! — заорал он. — Половина ваших покупателей ни разу вообще не бывала в банке. Они даже не знают, что это такое.

Такое оскорбление снести было особенно трудно, потому что оно полностью соответствовало действительности.

— Я вас не знаю, — повторил торговец еще более грубо, — и вы мне не нравитесь. Так что выметайтесь из моего магазина.

Он попытался выхватить сумку, которую Лимас, к несчастью, уже держал в руках. О случившемся потом рассказывали по-разному. Одни говорили, что в попытке завладеть пакетом лавочник толкнул Лимаса, другие оспаривали это. Но как бы то ни было, Лимас ударил его, по свидетельству очевидцев, дважды, причем ему даже не понадобилась для этого правая рука, в которой он все еще сжимал пакет. Бил он не кулаком, ребром левой ладони, а потом феноменально быстрым движением пустил в ход локоть. И торговец повалился на пол, не подавая признаков жизни. Позже в суде было заявлено, и защита не могла оспорить этих фактов, что бакалейщик получил

два основных повреждения — перелом лицевой кости от первого удара и вывих нижней челюсти от второго. Инцидент не остался не замеченным ежедневной прессой, но привлек не слишком много внимания со стороны репортеров.

6
Контакт

По ночам он лежал на своей шконке, вслушиваясь в звуки, издаваемые другими заключенными. Там был совсем еще юнец, который часто тихо плакал, а еще пожилой тюремный старожил, который любил распевать «Знавал я однажды девчонку из паба», отбивая ритм на своей жестяной миске. Охранник орал на него после каждого куплета:

— Затыкай, Джордж, нанюхались твоего дерьма!

Но на него никто не обращал внимания. Какой-то ирландец то и дело затягивал воинственные гимны Ирландской республиканской армии, хотя все знали, что посадили его за изнасилование.

В течение дня Лимас изнурял себя физическими упражнениями в надежде, что это поможет лучше спать, но толка не выходило никакого. Ночью некуда было деться от постоянного ощущения тюремной изоляции. Не оставалось ничего, пусть самого иллюзорного, что помогло бы отвлечься и хотя бы ненадолго избавиться от тошнотворной

клаустрофобии камеры. Вкус тюремной жизни заполнял его целиком: специфический запах робы, острая вонь дешевых дезинфицирующих средств, которые обильно использовались тюремщиками. И звуки. Звуки, исходившие от таких же пленников. Именно по ночам униженное положение заключенного становилось поистине невыносимым, по ночам Лимасу больше всего хотелось оказаться на залитой солнцем аллее одного из лондонских парков. По ночам он особенно ненавидел стальную клетку, в которой оказался, и приходилось сдерживать мощный внутренний порыв голыми руками раздвинуть прутья, раскроить черепа всем, кто держал его в неволе, и вырваться на свободу, на простор лондонских улиц. Иногда он думал о Лиз. Но позволял своим мыслям обращаться к ней лишь на короткие мгновения, подобные щелчку затвора фотоаппарата, вспоминал ощущение от прикосновения к ее крепкому телу и тут же переключался на что-нибудь другое. Лимас не привык жить воспоминаниями и мечтами.

Своих сокамерников он презирал, а они его ненавидели. Прежде всего за то, что ему удавалось оставаться тем, чем в глубине души хотел бы быть каждый из них: человеком-загадкой. Он

тщательно охранял от любопытствующих значительную часть своей личности; его не удавалось поймать в момент грусти и заставить пуститься в сентиментальный рассказ об оставшейся на воле подружке, о семье или детишках. Они ничего о нем не знали; выжидали, но он так ни разу и не разоткровенничался. Новички в тюрьме, как правило, делятся на два типа. Одни, испытывая стыд, страх и шок, со священным трепетом ждут инициации во все обряды и традиции жизни за решеткой. Другие же пытаются воспользоваться самой своей неопытностью, чтобы заискивать и заслужить одобрение тюремного сообщества. Лимас не делал ничего подобного. Казалось, ему нравилось демонстрировать остальным свое пренебрежение, а они ненавидели его еще и потому, что оказались совершенно не нужны ему, как и остальному миру. Они терпели десять дней, а потом перешли к действиям. Вожаки волчьей стаи не получали от него должных знаков почтения и подношений, а мелкая шушера чувствовала себя рядом с ним неуютно. И ему устроили «толкучку» в столовой за ужином. «Толкучка» — это тюремный ритуал, зародившийся еще в восемнадцатом веке и дошедший до наших дней лишь в слегка измененном виде. Его отличие

заключается в том, что все происходит словно случайно — миска с едой опрокидывается, и все ее содержимое оказывается у заключенного на робе. Лимаса в очереди обступили со всех сторон. Кто-то подтолкнул его, просунувшаяся сзади рука ударила под локоть, и дело было сделано. Лимас ничего не сказал, лишь внимательно вгляделся в несколько окружавших его лиц, а потом терпеливо выслушал грязную ругань надзирателя в свой адрес, хотя тот прекрасно знал, что случилось в действительности.

Четыре дня спустя, работая тяпкой на клумбе в тюремном дворе, он сделал вид, что споткнулся. Тяпку он при этом держал двумя руками поперек тела, так что ее острый конец на шесть дюймов высовывался из правого кулака. Чуть не упав, он вроде бы старался всего лишь сохранить равновесие, но заключенный, работавший рядом, почему-то вдруг сложился пополам, прижимая руки к животу. Больше попыток устроить ему «толкучку» не было.

Но самым странным из всего тюремного опыта ему совершенно неожиданно показался пакет, обернутый в коричневую бумагу и полученный при выходе на свободу. Ему даже пришло на ум необычное сравнение с брачной традицией: «Это

кольцо я надеваю на твой палец, чтобы взять в жены». «Этот бумажный пакет я вручаю тебе, чтобы вернуть в общество». Ему отдали пакет и заставили расписаться в получении, поскольку в упаковке лежала вся его личная собственность. Больше не осталось ничего. Для Лимаса этот момент стал самым унизительным за три месяца, и он преисполнился решимости избавиться от пакета сразу за тюремными воротами.

В целом он не доставил тюремщикам никаких проблем. Жалоб на него не поступало. Начальник тюрьмы, которого тоже слегка заинтриговал этот молчаливый заключенный, ни с кем не делясь своим открытием, списал все на ирландскую кровь, которая, как он был убежден, текла в жилах Лимаса.

— Что вы собираетесь делать, когда выйдете отсюда? — спросил как-то он.

Без намека на улыбку Лимас ответил, что хочет начать новую жизнь, и начальник мог только назвать его намерения «весьма похвальными».

— Как у вас с семьей? — поинтересовался он. — Может, удастся снова сойтись с бывшей женой?

— Попытаюсь непременно, — не моргнув глазом, заверил его Лимас. — Правда, она уже успела снова выйти замуж.

Офицер, надзиравший над условно досрочно освобожденными, рекомендовал Лимасу работу санитара в психиатрической больнице Букингемшира, и Лимас согласился подать туда заявление о приеме. Он записал адрес и даже время отправления поездов со станции Мэрилебон.

— Дорогу уже электрифицировали до самого Грейт-Миссендена, — с энтузиазмом сообщил офицер, и Лимас заверил, что его это тоже очень радует.

А потом ему выдали пакет и выпустили за стены тюрьмы. Он автобусом доехал до Мраморной арки, а оттуда пошел пешком. У него оставались кое-какие деньги, и он решил устроить себе хороший обед. Он мысленно проложил себе маршрут от Гайд-парка до Пиккадилли, а потом через Зеленый парк и Сент-Джеймсский парк к парламентской площади. Потом он пройдет мимо Уайтхолла к Стрэнду, где в большом кафе рядом с вокзалом Чаринг-Кросс можно было получить вполне приличный натуральный бифштекс за шесть шиллингов.

Лондон был сейчас как-то особенно хорош. Весна запоздала, и в парках еще вовсю цвели крокусы и нарциссы. С юга дул прохладный освежающий ветерок; он мог бы гулять в такую

погоду весь остаток дня. Но при нем все еще оставался пакет, от которого необходимо было избавиться. Урны для этой цели были маловаты — он будет выглядеть смешно, если попытается запихнуть пакет в одну из них. Он еще подумал, что стоит, быть может, предварительно кое-что вынуть оттуда — хотя бы документы: страховое свидетельство, водительское удостоверение и форму E.93 (он понятия не имел, что это такое) в толстом конверте с королевским гербом, — но потом решил плюнуть на все. Он сел на скамейку, положив пакет рядом, но не слишком близко, а потом отодвинулся еще чуть дальше от него. Спустя пару минут он вернулся на аллею парка, оставив пакет на скамейке. Но не успел сделать по аллее и нескольких шагов, как услышал окрик. Обернувшись на голос (чуть поспешнее, чем следовало бы), он увидел мужчину в плаще армейского образца, который делал ему знаки одной рукой, держа в другой его пакет.

Лимас сунул теперь обе руки в карманы и не собирался вынимать их оттуда. Он замер, глядя через плечо на мужчину в плаще. Тот явно растерялся, ожидая, видимо, что Лимас подойдет к нему или проявит хоть какой-то интерес. Но не дождался. Лимас только пожал плечами и

двинулся дальше по аллее. До него донесся новый окрик, на который он не обратил внимания, но понял, что мужчина устремился вслед за ним. Он слышал шаги по гравию, ускорившиеся почти до бега и быстро приближавшиеся, а потом уже несколько недовольный голос запыхавшегося человека:

— Эй, послушайте! Я к вам обращаюсь. Подождите!

Когда мужчина в плаще поравнялся с ним, Лимасу пришлось остановиться и снова посмотреть на него.

— В чем дело?

— Это ведь ваш пакет, верно? Вы забыли его на скамейке. Почему вы не вернулись, когда я в первый раз вас окликнул?

Высокий, курчавые темно-русые волосы, оранжевый галстук и бледно-зеленого оттенка рубашка; немного вызывающе, но скорее безвкусно, подумал Лимас. Похож на бывшего учителя, выпускника лондонской школы экономики, который теперь заведует драмкружком. К тому же близорук.

— Вы можете положить его туда, где взяли, — сказал Лимас. — Мне этот пакет не нужен.

Мужчина покраснел.

— Но вы же не имеете права так просто бросаться вещами, — сказал он. — Это получается мусор.

— Еще как имею, — возразил Лимас. — И это не мусор. Кому-нибудь он может пригодиться.

Он хотел пойти дальше, но незнакомец все еще стоял у него на пути, держа пакет в руках, как грудного младенца.

— Не мешайте мне, сделайте милость, — сказал Лимас. — Я должен идти.

— Но послушайте, — не унимался мужчина, даже несколько повысив голос. — Я лишь попытался оказать вам услугу. Зачем же так грубить?

— Если вы только хотели оказать мне услугу, — резко сказал Лимас, — то какого дьявола шли за мной все последние полчаса?

«А он не так уж плох, — подумал Лимас. — Даже не дернулся, хотя внутри, видимо, весь сжался».

— Вы мне показались похожим на одного человека, с которым я встречался в Берлине, вот и все.

— И потому вы полчаса следили за мной? — В голосе Лимаса звучал неприкрытый сарказм, и он ни на секунду не сводил взгляда своих карих глаз с лица собеседника.

— Никакие не полчаса. Я заметил вас только у Мраморной арки, и вы мне показались похожим

на Алека Лимаса. Когда-то я занял у него некоторую сумму денег. В то время я работал на Би-би-си в Берлине, и там был этот человек, у которого я брал взаймы, а денег не вернул. С тех пор меня мучила совесть. Вот почему я пошел за вами. Хотел убедиться, что не обознался.

Лимас продолжал в упор разглядывать его, ничего не говоря и лишь думая: «Нет, он не слишком хорош, но держится молодцом». Придуманная на ходу история шита белыми нитками, но не в этом дело. Лимасу понравилось, как быстро он среагировал, когда не удался такой простой с виду, можно сказать, классический подход.

— Предположим, я действительно Лимас, — сказал он наконец, — а вот вы кто такой, черт возьми?

Незнакомец представился как некий мистер Эйш.

— Пишется через «А», но читается как «Эй», — торопливо добавил он, и Лимас мгновенно понял, что он лжет. Эйш еще некоторое время продолжал притворяться, будто не уверен, что Лимас — это тот самый Лимас, а потому, когда они вместе сели обедать, вскрыл пакет, достал оттуда государственное страховое свидетельство и стал украдкой рассматривать его, как школьник

порнографическую открытку (такое сравнение Лимасу показалось удачным). Эйш заказал ужин без должной оглядки на цены, которая не была бы лишней на первый раз, и они пили франкенвейн в память о былом. Лимас настаивал, что совершенно не помнит Эйша, а тот не переставал удивляться этому. В его голосе даже звучало нечто вроде обиды. Они познакомились на вечеринке, напомнил он, которую Дерек Уильямс закатил у себя на Кудамм[9], и это был правильный адрес, где собралась тогда вся журналистская братия. Ведь такого шумного сборища Алек уж никак не мог забыть? Нет, Лимас ничего подобного не запомнил. Хорошо, но он же был знаком с Дереком Уильямсом из еженедельника «Обзервер», прекрасным парнем, часто собиравшим к себе гостей на выпивку с пиццей? Нет, у Лимаса вообще была отвратительная память на имена, к тому же речь шла о пятьдесят четвертом годе — с той поры много воды утекло… Странно, потому что Эйш (которого, между прочим, зовут Уильям, а для большинства знакомых он просто Билл) помнил. Эйш все *очень живо* помнил. Они пили стингеры из бренди с мятным ликером, и

[9] Примечания: 9
Сокращение от Курфюрстендамм.

все изрядно набрались, а потом Дерек привел роскошных девочек, чуть ли не половину кордебалета из кабаре «Малькастен». Алек уж точно запомнил хотя бы их, неужели тоже нет? И Лимасу показалось, что вот теперь он, кажется, начал что-то припоминать, и если Билл расскажет еще какие-то подробности…

Билл готов был продолжать с превеликим удовольствием, импровизируя на ходу, но прекрасно справляясь с этой задачей и подпустив в свой рассказ добрую толику секса: как они потом оказались в ночном клубе с тремя из тех девчонок: Алек, помощник советника по политическим вопросам из посольства и Билл. Как Биллу было неловко, потому что у него не оказалось при себе денег, и за него платил Алек, а когда Биллу захотелось затащить одну из красоток к себе домой, Алек ссудил ему еще десятку…

— Господи! — воскликнул наконец Лимас. — Вот теперь вспомнил. Все так и было.

— Я был уверен, что ты вспомнишь, — довольно закивал Эйш, глядя поверх бокала. — А теперь давай допьем остальное. Это так забавно!

Эйш принадлежал к тому типу людей, которые строят взаимоотношения с другими, чутко реагируя на их реакции и манеру поведения.

Столкнувшись с мягкостью, он становился напористым, встретив отпор — отступал. Не обладая самостоятельностью мышления, не имея собственных идей и вкусов, он подстраивался под настроения и пристрастия компаньона. Он был так же готов пить чай в «Фортнумсе», как и пиво в «Проспекте Уитби»[10], слушать военный оркестр в парке Сент-Джеймс или джаз в подвальчике на Комптон-стрит. Его голос мог исполниться проникновенным сочувствием к жертвам Шарпвилля[11], а мог дрожать от возмущения по поводу увеличения процента цветного населения в Великобритании. Лимасу подобная черта характера всегда казалась отталкивающей, ему хотелось издеваться над такими типами. Вот и сейчас он то и дело ставил Эйша в положение, когда тот вынужден был делать откровенные заявления, а сам потом давал задний ход, с наслаждением наблюдая, как Эйшу приходится неуклюже оправдываться, выбираясь из тупиков, в которые его постоянно загонял Лимас. А в тот день Лимас был в ударе и часто вел себя с такими извращен-

[10] Примечания: 10

Знаменитый лондонский паб.

[11] Примечания: 11

Город в Америке, где в 1960 г. полиция устроила массовую бойню среди чернокожих демонстрантов.

ным нахальством и наглостью, что собеседник с полным правом мог бы возмутиться и уйти — ведь он еще и платил за это, — но Эйш терпел. Низкорослый, грустного вида мужчина в очках, одиноко сидевший за соседним столом и погруженный в чтение руководства по производству подшипников, если бы подслушал их разговор, мог бы решить, что Лимас — садист по натуре. Если же он лучше и тоньше разбирался в людях, то понял бы, что Лимас на самом деле просто получает удовольствие, а заодно убеждается, что только человек с очень сильным внешним побудительным мотивом может покорно сносить подобное отношение к себе.

Около четырех часов они попросили принести счет, и Лимас сделал попытку оплатить свою часть, но Эйш и слышать не хотел об этом. Он сам расплатился с официантом и достал чековую книжку, чтобы вернуть долг Лимасу.

— Двадцать фунтов и ни пенсом меньше. — Он проставил на чеке дату. А потом поднял на Лимаса взгляд, полный любезного участия. — Чек ведь тебя устроит, не так ли?

Чуть покраснев, Лимас ответил:

— Видишь ли, у меня сейчас, как назло, нет счета в банке. Я только что вернулся из зарубеж-

ной поездки и еще не успел решить этот вопрос. Поэтому будет лучше, если ты дашь мне чек, который я смогу обналичить в банке, услугами которого пользуешься ты сам.

— Увы, дорогой друг, это никак невозможно! Мой банк так далеко, что тебе придется проходить таможню, чтобы получить деньги по этому чеку там.

Лимас пожал плечами, но Эйш только рассмеялся и предложил встретиться завтра в том же месте в час дня, чтобы он мог принести наличные.

На углу Комптон-стрит Эйш поймал такси, и Лимас махал вслед машине, пока она не скрылась из вида. Потом посмотрел на часы. Ровно четыре. Он догадывался, что за ним все еще следят, и потому прошелся до Флит-стрит и выпил чашку кофе в кафе «Блэк энд уайт». Прогулялся по книжным магазинам, почитал вечерние газеты, свежие экземпляры которых были выставлены в витринах редакций, а потом совершенно внезапно, словно эта идея осенила его в последний момент, запрыгнул на заднюю площадку проходившего мимо автобуса. Автобус довез его до Ладгейт-хилл, где угодил в пробку рядом со станцией подземки. Он покинул автобус и нырнул в метро. Купив билет

за шесть пенсов[12], он расположился в хвосте вагона и сошел уже на следующей станции. Затем сел в поезд до Юстона и оттуда пешком вернулся к Чаринг-Кросс. До вокзала он добрался уже в девять часов вечера, и холод заметно усилился. На грузовом дворе его ждал микроавтобус, водитель которого крепко спал за рулем. Лимас на всякий случай проверил номерной знак, а потом окликнул через стекло:

— Вы от Клементса?

Шофер, вздрогнув, проснулся.

— Мистер Томас?

— Нет, — ответил Лимас. — Томас не смог прийти. Я — Эмис из Хаунслоу.

— Забирайтесь в машину, мистер Эмис, — сказал водитель и открыл дверь.

Они направились на запад в сторону Кингс-роуд. Водитель знал, куда доставить пассажира.

Дверь ему открыл Шеф.

— Джорджа Смайли нет дома, — сказал он, — и я решил воспользоваться его гостеприимством. Входите.

Только когда Лимас вошел в прихожую, а дверь оказалась надежно заперта, Шеф включил свет.

---

[12] Примечания: 12
Такой билет предполагал поездку на большое расстояние.

— За мной следили до самого обеда, — заявил Лимас.

Они перешли в небольшую гостиную. Книги здесь были повсюду. Это была приятная на вид комната с высоким потолком и лепниной восемнадцатого века, большими окнами и добротно сложенным камином.

— Он увязался за мной еще с утра. Некто по фамилии Эйш. — Лимас закурил сигарету. — Мелкая сошка. Мы снова встречаемся с ним завтра.

Шеф внимательнейшим образом выслушал историю Лимаса полностью, этап за этапом, с того дня как он избил бакалейщика, и до сегодняшнего знакомства с Эйшем.

— Как вам тюрьма? — спросил Шеф, причем таким тоном, словно интересовался, хорошо ли Лимас отдохнул в отпуске. — Виноват, но мы никак не могли улучшить условия вашего содержания там, сделать жизнь чуть комфортнее. Это выглядело бы слишком подозрительно.

— Разумеется, я все понимаю.

— Мы должны быть последовательны. Всегда и во всем последовательны. Нам нельзя нарушать естественного хода событий. Как я понял, вы еще и тяжело болели. Сочувствую. Что с вами случилось?

— Обычная простуда.

— Как долго вы провалялись в постели?

— Дней десять.

— Какая неприятность! И что же, за вами некому было даже присмотреть?

Воцарилось продолжительное молчание.

— Вы же знаете, что она член компартии, верно? — спокойно спросил Шеф.

— Да, — подтвердил Лимас.

Они снова немного помолчали.

— Я не хочу ее ни во что впутывать.

— А с какой стати нам ее во что-то впутывать? — спросил Шеф теперь уже достаточно резко, и всего на мгновение Лимасу показалось, что ему в кои-то веки удалось пробить стену академичной невозмутимости начальника. — Кто-нибудь предлагал ее участие?

— Нет, — ответил Лимас. — Я лишь хотел особо подчеркнуть это. Мне ли не знать, как иной раз бывает? Любая активная операция может принять совершенно непредсказуемое направление, и в нее втягиваются посторонние. Ты думаешь, что поймал нужную рыбу, но в твоих сетях запутывается и другая. Я хочу, чтобы она полностью оставалась в стороне.

— О, здесь я с вами полностью согласен.

— Что за человека я встретил на бирже труда? Фамилия Питт. Он случайно не работал в Цирке во время войны?

— Я не знаю никого с такой фамилией. Как вы сказали? Питт?

— Да.

— Никогда не слышал. Говорите, он с биржи труда?

— О, ради бога! — пробормотал Лимас, но так, чтобы его было отчетливо слышно.

— Прошу прощения, — сказал Шеф, внезапно поднимаясь, — но я, кажется, совершенно пренебрегаю обязанностями заместителя хозяина дома. Не угодно ли что-нибудь выпить?

— Нет. Я хотел бы уехать на эту ночь, Шеф. Отправиться за город и немного заняться спортом. Дом функционирует?

— Я уже заказал машину, — сказал он. — В котором часу у вас завтра встреча с Эйшем? В час?

— Да.

— Тогда я позвоню Холдейну и скажу, что вы хотите немного поиграть в сквош. А еще советовал бы показаться доктору. Меня беспокоит та ваша простуда.

— Мне не нужен врач.

— Как будет угодно. — Шеф налил себе виски

и стал от нечего делать рассматривать книги Смайли на полках.

— Почему здесь нет Смайли? — спросил Лимас.

— Ему не по душе эта операция, — ответил Шеф совершенно равнодушным тоном. — Она, видите ли, противоречит его принципам. Он понимает ее важность, но не желает участвовать. Это тоже своего рода болезнь, — добавил он со странной улыбкой, — у которой постоянно случаются рецидивы.

— Не могу сказать, чтобы он встретил меня с распростертыми объятиями.

— Все верно. Он не хочет ни во что вмешиваться. Но ведь он рассказал вам о Мундте все, что знал? Дал вам о нем подробную информацию?

— Да.

— Мундт — очень опасный противник, — заметил Шеф. — Нам ни в коем случае не следует забывать об этом. И он первоклассный разведчик.

— Смайли известно, с какой целью проводится операция? Он понимает причину нашего особого интереса к Мундту?

Шеф кивнул и отпил глоток виски.

— Но она все равно ему не нравится?

— Только не думайте, что дело в каких-то мо-

ральных принципах. Он сейчас подобен хирургу, уставшему от вида крови. И потому предпочитает предоставить действовать другим.

— Скажите, — продолжал задавать вопросы Лимас, — почему вы так уверены, что эта нить приведет нас куда нужно? Откуда вы знаете, что мной занялись восточные немцы, а не, допустим, чехи или русские?

— Можете не сомневаться, — ответил Шеф, чересчур сильно надув щеки, — что об этом мы позаботились.

Когда они подошли к двери, Шеф мягко положил руку на плечо Лимаса.

— Это станет вашим последним заданием, — сказал он. — Потом можете навсегда возвращаться с холода. Кстати, о той девушке… Не хотите, чтобы мы ей помогли? Деньгами или чем-то еще?

— Когда все закончится, я сам о ней позабочусь.

— Хорошо. Вы правы. Было бы небезопасно предпринимать что-нибудь сейчас.

— Я лишь прошу оставить ее в покое, — повторил Лимас с особым нажимом. — Не хочу, чтобы к ней кто-то приближался, заводил на нее досье и прочее. Просто забудьте о ней.

Он кивнул Шефу на прощание и вышел в ночь. На холод.

7
Кивер

На следующий день Лимас на двадцать минут опоздал к обеду с Эйшем, и от него сильно разило виски. Но это нисколько не повлияло на настроение Эйша, который при виде Лимаса расплылся в радостной улыбке. Сообщив, что и сам слегка припозднился, задержавшись в банке, он протянул Лимасу конверт:

— Бумажками по одному фунту. Надеюсь, это не проблема?

— Спасибо, — ответил Лимас, — и давайте выпьем.

Он не побрился, и на нем была рубашка с грязным воротничком. Подозвав официанта, заказал себе двойную порцию виски и коктейль «розовый джин» для Эйша. Напитки скоро принесли, и у Лимаса заметно дрожала рука, когда он наливал в свой стакан содовую, чуть не расплескав ее по столу.

Они плотно пообедали, сопроводив еду обильными возлияниями, причем разговаривал за столом главным образом Эйш. Как Лимас и ожи-

дал, сначала он сосредоточился на себе самом. Трюк старый, но проверенный.

— Сказать тебе правду, я поймал удачу за хвост совсем недавно, — сказал он. — В статусе свободного журналиста пишу очерки об Англии для зарубежной прессы. После Берлина, признаться, я поначалу наделал глупостей. Би-би-си не продлила контракт, и пришлось взяться редактировать захудалый еженедельник о хобби для престарелых. Можешь себе представить что-то более ужасное? И потому, когда издание накрылось после первой же забастовки типографских рабочих, я испытал только облегчение. На какое-то время пришлось уехать жить к маме в Челтнэм. У нее там антикварный магазин, и дела идут отлично, дай ей бог здоровья. А потом я получил письмо от своего старого приятеля Сэма Кивера, который писал, что открывает небольшое частное агентство, которое будет готовить разного рода материалы о жизни в Англии, но специально рассчитанные на иностранного читателя. Ну, ты понимаешь, о чем речь. Скажем, делаю статью на шестьсот слов о танце Моррис[13]. Но Сэм нашел

[13] Примечания: 13

Старинный английский народный танец, изначально исполнялся с мечами. Построен на ритмических шагах и сопровождается специфической музыкой.

правильный подход к делу. Он продает только уже переведенные статьи. И знаешь, в этом его огромное преимущество перед конкурентами. Кажется, что стоит покупателю самому нанять переводчика? Но когда перед редактором лежит материал на полколонки для зарубежных новостей, ему далеко не всегда охота тратить время и деньги на перевод. И еще Сэм наладил прямой выход на главных редакторов зарубежных изданий. Для этого мотался по всей Европе, как тот цыган, но зато теперь пожинает плоды своих усилий по полной программе.

Эйш замолк, как бы приглашая Лимаса рассказать теперь о себе, но тот сделал вид, что не понял. Он лишь кивнул со скучающим видом и обронил:

— Чертовски хорошая идея.

Эйш хотел заказать вина, но Лимас сказал, что предпочтет продолжать пить виски, и к моменту прибытия кофе опустошил четыре больших стакана. Судя по всему, он находился в плохой форме: у него выработалась привычка всех горьких пьяниц сначала опустить голову и прильнуть губами к краю стакана, а уже потом выпить, словно опасаясь, что руки могут его подвести.

Эйш какое-то время продолжал молчать.

— А ты, случайно, не знаком с Сэмом Кивером? — спросил он потом.

— С каким Сэмом?

Теперь в голосе Эйша слышались нотки раздражения.

— С Сэмом Кивером, моим боссом. Я только что тебе о нем рассказывал.

— Он тоже был в Берлине?

— Нет. Он хорошо знает Германию, но в Берлине никогда не жил. Недолго проторчал в Бонне внештатным корреспондентом. Ты мог там с ним пересекаться. Он — душка.

— Не думаю, что мы встречались.

Снова пауза.

— А чем ты сейчас занимаешься? — спросил Эйш.

Лимас передернул плечами.

— Меня отправили на свалку, — ответил он, глуповато улыбнувшись. — Положили в мешок и вышвырнули.

— Я никак не вспомню, кем ты был в Берлине. Уж не одним ли из бойцов невидимого фронта холодной войны?

«Бог ты мой, — подумал Лимас, — а он пытается сразу взять быка за рога».

Он сделал вид, что колеблется, потом побагро-

вел и произнес со злобой:

— Был мальчиком на побегушках у треклятых янки, как и все мы.

— Вот что я тебе скажу. — Эйш говорил так, словно уже какое-то время прокручивал эту идею в голове. — Тебе непременно надо познакомиться с Сэмом. Он тебе понравится. — А затем, как будто спохватившись, добавил: — Но, черт возьми, Алек, я даже не знаю, где тебя найти, если понадобится.

— И не найдешь, — апатично ответил Лимас.

— Что-то я тебя не пойму, старина. Где ты живешь?

— Где придется. У меня сейчас трудные времена. Работы нет. А эти сволочи отказали мне в пенсионном обеспечении.

Эйш был явно потрясен.

— Но это же ужасно, Алек! Почему ты мне сразу не сказал? Можешь какое-то время перекантоваться у меня. Я живу скромно, но есть лишняя комната, если ты не против спать на раскладушке. Ты же не можешь ночевать на скамейках в парках, милый мой дружище!

— На какое-то время я теперь в порядке, — ответил Лимас, похлопав себя по карману с только что полученным конвертом. — И работу найду. —

Он решительно мотнул головой. — Недели не пройдет, как найду. И все будет путем.

— Какую работу?

— Еще не знаю. Любую.

— Но не можешь же ты растрачивать себя по мелочам, Алек! Ты же говоришь на немецком, как на родном, я-то помню. С такими способностями ты много чем можешь заняться.

— Я и так уже много чем занимался. Продавал энциклопедии какой-то хреновой американской фирмы, сортировал книги экстрасенсов в библиотеке, проверял время явки рабочих на вонючей фабрике клея. Что еще я могу? — Он смотрел не на Эйша, а на поверхность стола перед собой; дрожавшие губы кривились в усмешке.

Эйш почувствовал его волнение и решил, что настал подходящий момент. Перегнувшись через стол, он заговорил напористым, почти победным тоном:

— Но, Алек, чтобы преуспеть, тебе нужны контакты с людьми, разве ты не понимаешь? Я же все это проходил. Испытал бедность на собственной шкуре. Вот когда только связи могут по-настоящему выручить. Я не знаю, чем ты занимался в Берлине, и знать не хочу, но ты явно не свел там знакомств с важными персонами, так ведь? Если

бы пять лет назад в Познани судьба не столкнула меня с Сэмом, я бы тоже до сих пор горе мыкал, как ты сейчас. Послушай, Алек. Поживи у меня недельку. Мы пригласим в гости Сэма и, быть может, еще нескольких старых берлинских знакомых, кого застанем в Лондоне.

— Но я же не умею писать, — возразил Лимас. — Я не сумею выжать из себя ни одной самой поганой строчки.

Эйш положил ладонь поверх его руки.

— Не надо пока беспокоиться об этом, — сказал он ободряюще. — Любую проблему со временем можно решить. Где твои пожитки?

— Что?

— Ну, там, одежда, багаж, барахло всякое.

— У меня ничего нет. Я все продал, кроме пакета.

— Какого пакета?

— Того свертка в коричневой бумаге, который ты подобрал в парке. Я как раз хотел избавиться и от него тоже.

Квартира Эйша располагалась на Долфин-сквер. Лимасу ее вид показался вполне предсказуемым. Небольшая, неброская, с несколькими наспех собранными сувенирами из Германии: пивными кружками, глиняной крестьянской трубкой и

парой второсортных статуэток из нимфенбургского фарфора.

— Выходные я провожу у матушки в Челтнэме, — объяснил он. — А здесь ночую только по рабочим дням. Очень удобно иметь пристанище в городе, — добавил он небрежно.

В меньшей из двух жилых комнат они поставили раскладушку для Лимаса. Часы показывали половину пятого.

— И давно ты здесь обитаешь? — спросил Лимас.

— Около года или чуть больше.

— Легко нашел квартиру?

— Это дело случая. Даешь объявление, и однажды тебе звонят и предлагают как раз то, что нужно.

Эйш заварил чай, и они пили его, причем Лимасу было явно не по себе, как человеку, отвыкшему от комфорта. Даже сам Эйш несколько притих. Покончив с чаем, он сказал:

— Пойду прошвырнусь по магазинам, пока они еще работают, а потом мы решим, как быть дальше. Я, наверное, звякну Сэму уже сегодня вечером. Думаю, чем раньше вы встретитесь, тем будет лучше для всех. А тебе я бы посоветовал вздремнуть. Ты выглядишь уставшим.

Лимас кивнул.

— Спасибо тебе… — Он сделал неловкий жест, обведя комнату рукой. — …Спасибо за все.

Эйш в ответ только похлопал его по плечу, снял с вешалки свой армейский плащ и ушел.

Дождавшись, пока Эйш удалится от дома на достаточно безопасное расстояние, Лимас аккуратно запер дверь квартиры на засов и спустился вниз в вестибюль, где стояли две кабинки с телефонами-автоматами. Он набрал номер в районе Майда-Вейл и попросил соединить его с секретарем мистера Томаса. Девичий голос отозвался почти сразу:

— Секретарь мистера Томаса вас слушает.

— Я звоню по поручению мистера Сэма Кивера, — сказал Лимас. — Он принял приглашение и надеется лично связаться с мистером Томасом сегодня вечером.

— Непременно передам информацию мистеру Томасу. Он знает ваши контактные координаты?

— Это на Долфин-сквер, — ответил Лимас и продиктовал адрес полностью. — Всего доброго.

Потом он задал несколько вопросов привратнику, вернулся в квартиру Эйша и уселся на раскладушку, пристально рассматривая свои стиснутые ладони. Через некоторое время лег,

решив последовать совету Эйша и немного отдохнуть. Стоило ему закрыть глаза, и он вспомнил, как Лиз лежала рядом с ним в Бэйсуотере, и с легким беспокойством подумал, что с ней сталось.

Разбудил его Эйш, приведший с собой низкорослого, несколько полноватого мужчину с длинными седыми волосами, зачесанными назад, и в костюме с двубортным пиджаком. Говорил незнакомец с чуть заметным акцентом выходца из Центральной Европы, скорее всего из Германии. Представился он как Кивер — Сэм Кивер.

Они пили джин с тоником, и снова разговор поддерживать пришлось по большей части Эйшу. Все как в старые добрые времена в Берлине, ностальгически затянул он. Парни собрались гульнуть, и вся ночь в их распоряжении. Но Кивер сразу заявил, что не хотел бы слишком засиживаться: утром ждет работа. Они решили поужинать в китайском ресторане, который уже был знаком Эйшу — он находился напротив полицейского участка Лайм-хаус, а вино разрешалось приносить свое. Как ни странно, у Эйша на кухне нашлось бургундское, и они прихватили его с собой, вызвав такси.

Ужин удался на славу, и они выпили обе бу-

тылки вина. После первой Кивер стал заметно разговорчивее: он только что вернулся из поездки по Западной Германии и Франции. Ситуация во Франции напоминала ад кромешный, де Голль уходил, и одному богу известно, что ожидало эту страну. Притом что ее наводнили сотни тысяч деморализованных беженцев из бывшей колонии в Алжире, он не исключал, что там может установиться фашистский режим.

— А что в Германии? — спросил Алек, поощряя его продолжать.

— Там суть дела в том, сумеют ли янки удержать западных немцев под контролем, — охотно ответил Кивер и с явным интересом ждал следующего вопроса Лимаса.

— Что вы имеете в виду? — спросил тот.

— Только то, что сказал. Даллес одной рукой дает им право проводить независимую внешнюю политику, а Кеннеди другой отбирает это право. Немцев такое отношение к себе начинает бесить.

Лимас кивнул, соглашаясь, и сказал:

— Типично для этих паршивых янки.

— Алек, кажется, недолюбливает наших заокеанских кузенов, — без надобности влез в разговор Эйш, но его реплика не вызвала ни малейшего

интереса у Кивера, который только вяло пробормотал:

— Вот как?

Кивер давно играет в эти игры, понял Лимас. Как человек, хорошо знающий правила, он дожидается, чтобы ты сам подошел к нему. И довел до совершенства образ человека, который догадывается, что его попросят об услуге, но не собирается легко соглашаться оказать ее.

После ужина Эйш сказал:

— Я знаю одно местечко на Уордур-стрит — ты однажды бывал там, Сэм. У них все обставлено по высшему разряду. Почему бы нам не вызвать ландо и не отправиться туда?

— Минуточку! — воскликнул Лимас так резко, что Эйш невольно вскинул на него обеспокоенный взгляд. — Сначала скажите мне, кто будет платить за всю эту музыку?

— Я, — быстро ответил Эйш. — Мы с Сэмом.

— А вы с ним договорились об этом?

— Нет, но…

— Потому что у меня за душой ни пенса, и ты это знаешь, верно? По крайней мере ни пенса лишнего, чтобы выбрасывать на ветер.

— Само собой, знаю, Алек. Но я ведь до сих пор хорошо заботился о тебе, не так ли?

— Да, — ответил Лимас, — позаботился, что верно, то верно.

Он вроде бы хотел что-то к этому добавить, но передумал. Эйш выглядел лишь слегка встревоженным, но не обиженным, а Кивер сохранял прежний непроницаемый вид.

В такси Лимас разговаривать отказался. Эйш пытался наладить с ним беседу, но тот лишь отмахнулся. Они приехали на Уордур-стрит и вышли из машины, причем ни Лимас, ни Кивер даже не дернулись, чтобы расплатиться с таксистом. Потом Эйш провел их мимо витрин магазинчиков, в которых были выставлены журналы «с девочками», к длинному коридору, где в дальнем конце сияла неоном вывеска: «Мужской клуб „Красная верба“. Вход по членским билетам». По обе стороны двери были прикреплены фото девушек в соблазнительных позах, у которых поперек самых интимных мест протянулись полоски с надписями: «Уроки анатомии. Только для членов клуба».

Эйш нажал на кнопку звонка. Дверь мгновенно открыл мощного сложения мужчина в белой сорочке и черных брюках.

— Я — член клуба, — сказал Эйш, — а эти двое джентльменов со мной.

— Дайте-ка взглянуть на членскую карточку.

Эйш достал из бумажника удостоверение на плотной бумаге и протянул охраннику.

— Вашим гостям придется заплатить по фунту с носа как временным членам. Но пропускаю только по вашей рекомендации. Надеюсь, правила вы знаете?

Он попытался вернуть карточку, но Лимас стремительно протянул руку и перехватил ее. Разглядывал несколько секунд, потом передал хозяину.

Достав из кармана брюк две фунтовые бумажки, Лимас вложил их в руку ожидавшего платы вышибалы.

— Вот тебе взнос за гостей, — сказал Лимас и, не обращая внимания на попытки Эйша протестовать, сам провел их через занавешенную портьерой дверь в тускло освещенный вестибюль клуба. Потом повернулся к охраннику.

— Пусть для нас подберут столик, — сказал Лимас, — и принесут бутылку виски. А потом оставят в покое.

Громила ненадолго задумался, но потом решил, что лучше не пререкаться, и сопроводил их вниз по лестнице. По мере того как они спускались, до них все отчетливее доносились приглушенные

звуки музыки.

Их усадили за столик, стоявший в стороне от других, у задней стены зала. Дуэт музыкантов что-то наигрывал, а по углам парами и по трое сидели девушки. Когда они вошли, некоторые попытались выйти их встретить, но охранник отрицательно помотал им головой.

Эйш бросал на Лимаса тяжелые взгляды, пока они дожидались виски. Что до Кивера, тот, казалось, откровенно скучал. Прибыл официант с бутылкой и тремя широкими стаканами. Они молча наблюдали, как он плеснул понемногу напитка в каждый из них, после чего Лимас забрал бутылку и долил по стаканам, по меньшей мере еще столько же. Покончив с этим, он перегнулся через стол и прошипел в лицо Эйшу:

— А теперь, быть может, ты объяснишь мне, что за херня здесь происходит?

— О чем ты? — голос Эйша прозвучал растерянно. — Что ты хочешь знать, Алек?

— Ты шел за мной от самой тюрьмы в тот день, когда меня освободили, — начал Лимас уже более спокойно, — потом прогнал мне тупейшую сказку о том, что мы знакомы еще по Берлину. Отдал мне деньги, которых я тебе не одалживал. Кормил меня дорогими обедами и позволил по-

селиться в своей квартире.

Лицо Эйша налилось кровью, и он попытался ответить:

— Если это тебя смущает…

— Не перебивай, — злобно сказал Лимас. — Не раскрывай рта, пока не дослушаешь меня, понял? Членская карточка клуба выписана на фамилию Мэрфи. Это твоя настоящая фамилия?

— Нет, конечно.

— Сейчас ты мне соврешь, что карточку тебе одолжил приятель, угадал?

— Никто мне ее не одалживал. Если хочешь знать, я часто прихожу сюда, чтобы снять девчонку. И само собой, никто не называет в таких местах своей подлинной фамилии.

— Тогда растолкуй мне, — безжалостно продолжал Лимас, — почему Мэрфи значится съемщиком квартиры, в которой ты живешь?

Наконец Кивер почувствовал, что пора вмешаться.

— Отправляйся домой, — сказал он Эйшу. — Предоставь остальное мне.

Девушка — молодая, но уже довольно-таки потасканная, с черным синяком на бедре — исполняла стриптиз. Ее жалкое тощее нагое тело не вызывало ничего, кроме стыда за нее, пото-

му что в нем начисто отсутствовала эротика, а движения были слишком безыскусными, чтобы вызывать желание. Она медленно кружилась, время от времени подергивая руками и ногами, словно слышала музыку, под которую танцевала, лишь фрагментами, и не сводила с них наивно любопытного взгляда ребенка, попавшего в компанию взрослых. Темп музыки вдруг ускорился, и девушка отреагировала на это, как собака на окрик хозяина, принявшись раскачиваться в такт. С последним аккордом она сорвала с себя бюстгальтер, обнажив чахлую грудь и пошлые блестки в трех местах, похожие на старые елочные украшения.

Лимас и Кивер молча наблюдали за ней.

— Думаю, самое время предположить, что в Берлине я видел стриптиз получше, — после долгой паузы сказал Лимас, и Кивер понял, насколько он все еще до сих пор зол.

— Не сомневаюсь, что видели, — добродушно отозвался он. — Я и сам частенько бывал в Берлине, но, боюсь, ночные клубы мне не по вкусу.

Лимас промолчал.

— Причем, заметьте, я не ханжа, а просто человек рациональный. Если мне нужна женщина, есть способы получить желаемое гораздо де-

шевле. А если хочется потанцевать, для этого существуют значительно более приятные заведения.

Лимас словно и не слушал его.

— Возможно, вы объясните мне наконец, зачем этот котенок взял меня в оборот? — спросил он наконец.

Кивер кивнул:

— Разумеется. Он выполнял мое указание.

— А зачем это вам?

— Я в вас заинтересован. Хочу сделать вам предложение. Как журналист.

Они снова замолчали.

— Значит, как журналист, — повторил Лимас. — Понятно.

— Я возглавляю агентство, которое распространяет статьи в разных странах мира. И мы получаем хорошие деньги — даже очень хорошие — за по-настоящему интересные материалы.

— Кто публикует подобные материалы?

— Они оплачиваются так щедро, что человек с вашим международным опытом, с вашим… прошлым — вы же понимаете, о чем я, — способный выдать убедительную, подкрепленную фактами историю, мог бы за сравнительно короткое время избавить себя от всяких тревог за свое финансо-

вое положение в будущем.

— Кто публикует материалы, Кивер?

В голосе Лимаса послышалась угроза, и на мгновение, всего лишь на долю секунды, на невозмутимом лице Кивера промелькнул мимолетный испуг.

— У меня всемирная клиентура. Есть корреспондент в Париже, через которого распространяется изрядная часть моей продукции. Зачастую я и сам не знаю, кто ее публикует. И должен признаться, — добавил он с обезоруживающей улыбкой, — что меня не слишком это интересует. Они платят и просят присылать еще. Понимаете, Лимас, это люди, которые не обременяют вас излишними деталями, рассчитываются быстро и готовы переводить деньги в иностранные банки. К примеру, в тех странах, где не знают, что такое налоги.

Лимас молчал. Он держал свой стакан двумя руками, уставившись на него.

«Господи, а они торопят события, — подумал он. — Действуют нагло и напористо. Почти до неприличия беззастенчиво». Ему вспомнилась бородатая шутка комиков из мюзик-холла: «Такое предложение не может принять ни одна уважающая себя девушка. А кроме того, вы даже не

назвали сумму». Но с тактической точки зрения, продолжал размышлять Лимас, они поступают правильно, стараясь оказать на него давление безотлагательно. Я пал так, что ниже некуда, тюремный срок еще свеж в памяти, ненависть к этому обществу достигла предельного накала. Я старый конь, не нуждаюсь в психологической обработке и не стану ломаться, делая вид, что они оскорбляют во мне чувство собственного достоинства английского джентльмена. Но с другой стороны, они могут ожидать препятствий чисто практического свойства. Он имеет полное право испугаться: его бывшие коллеги преследовали предателей, как божье око преследовало Каина даже в пустыне, где тот пытался от него укрыться.

И наконец, им прекрасно известно, что они затевают нечто вроде игры в рулетку. Они наверняка знают: непредсказуемость и непоследовательность решений, которые порой принимают люди, могут свести на нет даже самый тщательно продуманный план вербовки: мошенники, лжецы и преступники оказываются готовы устоять перед любым соблазном, а респектабельный джентльмен с легкостью пойдет на измену родине всего лишь потому, что его скверно кормят в столовой

министерства.

— Им придется изрядно тряхнуть мошной, — пробормотал наконец Лимас.

Кивер тут же налил ему еще виски.

— Они предлагают аванс в размере пятнадцати тысяч фунтов. Деньги уже лежат на счете в банке «Кантональ» в Берне. При предъявлении нужного удостоверения личности, которым мой клиент вас снабдит, вы сможете снять всю сумму. Однако мой клиент хотел бы сохранить за собой право задавать вам дополнительные вопросы в течение следующего года, за что будут уплачены еще пять тысяч фунтов. Они помогут вам решить любые проблемы… скажем так, с переселением, если оно потребуется.

— Когда они хотят узнать о моем решении?

— Немедленно. От вас не требуется записывать свои воспоминания. Вы просто встретитесь с моим клиентом, а он позаботится о том, чтобы материал попал в руки опытного… мастера литературной обработки текста.

— Где предполагается организовать встречу?

— Нам показалось, что для всех удобнее и спокойнее будет провести ее за пределами Соединенного Королевства. Мой клиент предложил сделать это в Голландии.

— Но у меня нет паспорта, — уныло возразил Лимас.

— Я взял на себя смелость добыть его для вас, — произнес Кивер чрезвычайно обходительно. Ни в его голосе, ни в манерах не промелькнуло ни намека, что он сделал нечто большее, чем выполнил обычную формальность. — Мы летим в Гаагу завтра утром рейсом в девять сорок пять. Быть может, теперь нам стоит отправиться ко мне на квартиру и уже там уточнить все подробности?

Кивер расплатился, и они взяли такси, доставившее их к дому в весьма фешенебельном районе рядом с Сент-Джеймсским парком.

Квартира Кивера выглядела роскошной и дорогой, но создавалось впечатление, что обставлена она была наспех. Лимас слышал, что в Лондоне работали компании, которые могли продать вам ряды корешков книг для полок и прислать декораторов, которые подобрали бы произведения живописи под цвет обоев. Лимас, который, вообще говоря, почти не обращал внимания на подобные мелочи, теперь с трудом верил, что находится в частной квартире, а не в номере отеля. Когда Кивер показывал отведенную ему комнату (окна которой выходили не на улицу, а на захламленный внутренний двор), Лимас спросил:

— И давно вы здесь обосновались?

— О, совсем недавно, — небрежно ответил тот. — Пару месяцев назад или чуть больше.

— Должно быть, такие хоромы обходятся в целое состояние. Но, как я полагаю, вы заслужили роскошь своими трудами.

— Спасибо.

У себя в комнате он обнаружил бутылку виски и сифон с содовой на подносе с серебряным покрытием. В дальней стене за занавеской располагался коридорчик, который вел к ванной и туалету.

— Отличное любовное гнездышко. И за все платит государство рабочих и крестьян?

— Заткнитесь, — откровенно грубо отозвался Кивер и добавил: — Если я вам понадоблюсь, есть внутренний телефон, связанный с моей комнатой. Спать я пока не собираюсь.

— Думаю, с пуговицами на ширинке я справлюсь сам, — съязвил Лимас.

— Тогда спокойной ночи, — излишне резко сказал Кивер и вышел.

«А он тоже весь на нервах», — отметил Лимас.

Разбудил его звонок телефона, стоявшего рядом с кроватью. Это был Кивер.

— Шесть утра, — сказал он. — Завтракаем в шесть тридцать.

— Хорошо, — ответил Лимас и положил трубку. У него болела голова.

Должно быть, Кивер заказал такси по телефону, потому что в семь утра в дверь позвонили, и он спросил:

— Вы готовы?

— У меня нет багажа, — ответил Лимас. — Только зубная щетка и бритва.

— Об этом мы позаботились. Меня интересует, готовы ли вы вообще?

Лимас пожал плечами.

— Готов, наверное. У вас есть сигареты?

— Нет, — ответил Кивер, — но вы сможете купить их в самолете. Вам неплохо бы как следует ознакомиться вот с этим, — добавил он, подавая Лимасу британский паспорт.

Паспорт был выписан на его настоящее имя, с его фотографией, в угол которой глубоко въелась печать министерства иностранных дел. Документ выглядел и не старым, и не новым; в графе профессия значилось «служащий». Семейное положение — холост. Держа его в руках впервые, Лимас ощущал легкое волнение. Это походило на женитьбу — как бы ни сложилось дальше, твоя жизнь никогда уже не станет прежней.

— А как насчет денег? — спросил он.

— Они вам ни к чему. За все платит фирма.

8
«Ле Мираж»

Утро выдалось холодное, с серым влажным туманом, от которого слегка пощипывало кожу. Обстановка в аэропорту чем-то напомнила Лимасу военные годы: машины, наполовину скрытые туманом, терпеливо дожидались своих хозяев; неожиданно доносившиеся звонкие голоса, источники которых оставались неразличимыми; странное эхо каких-то криков; казавшееся совершенно неуместным цоканье дамских каблучков по асфальту; а потом вдруг резкий шум двигателя буквально у тебя под локтем. И повсюду атмосфера как будто заговора между людьми, собравшимися здесь так рано, объединенными своего рода чувством превосходства над другими — над теми, кто не наблюдал, как растворилась ночь и пришло утро. Даже на работниках аэровокзала сказывалась эта мистерия рассвета и холодного тумана: они смотрели на пассажиров и их багаж с отстраненностью людей, только что вернувшихся с фронта, — заурядные обыватели, те не представляли для них интереса.

Кивер снабдил Лимаса багажом. Чуткое внимание к такой важной детали, вынужден был признать Лимас. Пассажир без багажа вызывал излишнее внимание, чего Кивер всеми силами стремился избежать. Они зарегистрировались у стойки авиакомпании и, следуя указателю, отправились к паспортному контролю. При этом произошел занятный эпизод, когда они заблудились и Кивер нахамил какому-то носильщику. «Нервничает из-за паспорта», — подумал Лимас. Что ж, повод вполне уважительный.

Чиновник-паспортист был молодым тщедушным мужчиной в галстуке пограничной службы и непонятным значком на лацкане. Его лицо украшали светло-русые усы, в голосе слышался северный акцент, от которого он явно, но безуспешно пытался избавиться.

— Собираетесь покинуть страну надолго, сэр? — обратился он к Лимасу.

— На пару недель, — ответил тот.

— Будьте внимательны, сэр. Срок действия вашего паспорта истекает уже тридцать первого числа.

— Знаю, — заверил его Лимас.

Бок о бок с Кивером он вошел в накопитель для пассажиров.

— А вы недоверчивая мразь, как я погляжу, — шепнул Лимас, но Кивер в ответ лишь чуть слышно рассмеялся.

— Мы не можем позволить вам исчезнуть с новым паспортом. Сами должны понимать. Такой пункт в контракте не оговорен.

Им предстояло ждать посадки еще около двадцати минут. Они сели за столик и попросили принести кофе.

— И уберите эту гадость, — сказал Кивер, указывая официанту на оставленные на столе грязные чашки, блюдца и полную окурков пепельницу.

— Скоро подъедет уборщик с тележкой, — пообещал официант.

— Уберите сами сейчас же, — повторил Кивер, снова начиная заводиться. — Отвратительно, что вы не спешите убрать со стола использованную посуду.

Но официант повернулся к нему спиной и удалился. К кофеварке он даже не приблизился и кофе для них не заказал. Кивер побледнел и буквально зашелся от злости.

— Ради всего святого, — тихо сказал ему Лимас, — перестаньте скандалить и расслабьтесь. Жизнь и так слишком коротка.

— Надутый болван, вот кто он такой, — проце-

дил Кивер.

— Хорошо. Отлично. Устройте ему сцену. Самый подходящий момент для этого. Тогда нас здесь уже точно никогда не забудут.

В аэропорту Гааги никаких проблем не возникло. Да и Кивер почти полностью овладел собой. Он оживился и стал необычайно разговорчив за то короткое время, пока они шли от самолета к помещению таможни. Молодой голландец лишь бросил беглый взгляд на их багаж, просмотрел паспорта и на деревянном горловом английском произнес:

— Желаю приятно провести время в Нидерландах.

— Спасибо. — Благодарность Кивера казалась чрезмерной. — Спасибо вам огромное.

Затем длинным коридором они вышли в зал прилета, находившийся в другой стороне здания. Кивер уверенно шел вперед, лавируя между группами туристов, толпившихся у ларьков с парфюмерией, фотоаппаратами и фруктами. Когда они выходили через вращающиеся двери на улицу, Лимас оглянулся. У газетного киоска, развернув перед собой номер «Континентл дейли мейл», стоял невысокого роста, внешне слегка похожий на жабу мужчина в очках, с виду очень

серьезный и чем-то озабоченный. Он казался типичным чиновником. Или кем-то в этом роде.

На стоянке их ожидала машина — «фольксваген» с голландскими номерами. За рулем сидела женщина, которая с ними даже не поздоровалась. Машину она вела медленно, всякий раз останавливаясь, стоило светофору переключиться на желтый, и Лимас сообразил, что так ее проинструктировали, потому что сзади двигался еще один автомобиль. Он пытался разглядеть его в одно из боковых зеркал, но ничего толком не увидел. Лишь однажды мелькнул черный «пежо» с дипломатическим номером спереди, но, когда они сделали очередной поворот, за ними следовал только фургон для перевозки мебели. Гаагу он знал очень хорошо еще со времен войны и пытался сориентироваться, куда они направляются. По его прикидкам, они ехали на северо-запад, в сторону Шевенингена, но вскоре покинули черту города и оказались в окружении многочисленных вилл, отделенных дюнами от берега моря.

Здесь они остановились. Женщина вышла из машины, оставив их ждать внутри, и нажала кнопку звонка небольшого бунгало с кремового оттенка стенами, расположившегося почти в самом конце улицы. С портика над крыльцом

свисала вывеска из кованого железа с названием «Ле Мираж», выведенным бледно-голубым готическим шрифтом. В одном из окон виднелось объявление, сообщавшее, что все номера заняты.

Дверь открыла добродушная с виду полненькая женщина, которая сразу устремила взгляд мимо водительницы на машину. Ни на секунду не отводя от нее глаз, расплывшись в довольной улыбке, она устремилась к ним по дорожке. Женщина напомнила Лимасу его покойную тетушку, которая однажды крепко отшлепала его за то, что у него постоянно рвались шнурки на ботинках.

— Как же хорошо, что вы приехали! — воскликнула она. — Мы так рады вашему приезду!

Хозяйка пригласила их внутрь бунгало. Кивер пошел первым. Женщина-шофер вернулась в машину. Лимас осмотрел дорогу, по которой они только что приехали: примерно в трехстах ярдах от бунгало был припаркован черный автомобиль — то ли «фиат», то ли «пежо». Из него выбрался наружу мужчина в длинном плаще.

Войдя в холл, хозяйка радушно пожала Лимасу руку.

— Добро пожаловать в «Ле Мираж», милости просим. Как добрались до нас?

— Прекрасно, — ответил Лимас.

— Самолетом или по морю?

— Мы прилетели, — сообщил Кивер. — Превосходный перелет.

Это было сказано так, словно он был по меньшей мере владельцем авиакомпании.

— Я приготовлю для вас обед, — объявила хозяйка. — Что-нибудь особенное. Очень вкусное. У вас есть какие-то пожелания?

«Да какие там, к черту, пожелания», — чуть слышно прошептал Лимас, и в этот момент в дверь позвонили. Женщина мгновенно скрылась в кухне. Дверь открыл Кивер.

На вошедшем был макинтош с кожаными пуговицами. Примерно одного роста с Лимасом, но старше. Лимас дал бы ему лет пятьдесят пять. Лицо жесткое, сероватого оттенка и в глубоких морщинах — в нем проглядывал старый солдат. Незнакомец протянул руку.

— Моя фамилия Петерс, — сказал он. Пальцы у него были тонкие и ухоженные. — Как вы долетели?

— Хорошо, — поспешно ответил Кивер. — Без осложнений.

— Нам с мистером Лимасом нужно многое обсудить, и, как мне кажется, нет больше необходимости тебя задерживать, Сэм. Можешь

воспользоваться «фольксвагеном», чтобы вернуться в город.

Кивер улыбнулся. В его улыбке Лимас отчетливо заметил облегчение.

— До свидания, Лимас, — сказал Кивер почти весело. — Удачи, старина.

Лимас кивнул, но сделал вид, что не заметил протянутой на прощание руки.

— До встречи, — повторил Кивер и выскользнул в дверь.

Лимас последовал за Петерсом в комнату где-то в задней части дома. На окнах висели плотные кружевные шторы, все в бахроме и оборках. На широком подоконнике стояли горшки с растениями: большими кактусами, табачным кустом и еще каким-то необычным деревом с широкими, словно прорезиненными листьями. Мебель выглядела тяжеловесным псевдоантикварiатом. В центре комнаты располагался стол с двумя резными креслами. Стол был накрыт ржавого оттенка скатертью, больше напоминавшей ковер; перед каждым из кресел лежали блокнот и карандаш. В буфете приготовили виски и содовую. Петерс сразу же смешал им по стакану.

— Послушайте, — внезапно сказал Лимас, — с этого момента я могу обходиться без излишних

любезностей с вашей стороны. Вы поняли, что я имею в виду? Мы оба знаем свое место: оба профессионалы. Перед вами платный перебежчик — так пользуйтесь им. Но, бога ради, не надо делать вид, что я вам так уж нравлюсь. — Его голос прозвучал нервно и несколько неуверенно.

Петерс кивнул.

— Кивер предупредил меня, что вы человек с гонором, — спокойно ответил он и добавил без тени улыбки: — Иначе с чего бы вам избивать ни в чем не повинного лавочника?

Лимас предположил, что он русский, хотя полной уверенности у него не было. По-английски тот говорил почти безупречно, а его манеры и замашки выдавали человека, давно привыкшего к комфорту жизни на Западе.

Они уселись за стол.

— Кивер сообщил, сколько я собираюсь вам заплатить? — поинтересовался Петерс.

— Да, пятнадцать тысяч фунтов через банк в Берне.

— Верно.

— Но он сказал также, что в течение следующего года у вас могут возникнуть дополнительные вопросы, за ответы на которые меня будет ждать вознаграждение еще в пять тысяч.

Петерс кивнул.

— Вот с этим условием я не согласен, — продолжал Лимас. — Вы не хуже меня знаете, что из этой затеи ничего не выйдет. Я хочу получить свои пятнадцать тысяч и на этом закончить. Вы жестоко расправляетесь с предателями, но и мои коллеги поступают так же. А потому я не собираюсь просиживать жопу в Санкт-Морице, пока вы будете вылавливать агентуру, которую я вам выдам. У нас в контрразведке дураков не держат: они будут знать, кого им искать. Кстати, они, быть может, уже идут по моему следу, чего опасаемся мы оба.

Петерс снова кивнул.

— Но вы же всегда можете перебраться туда, где… где будете в полной безопасности. Разве нет?

— За «железный занавес»?

— Хотя бы.

Лимас помотал головой и возразил:

— Не стоит хлопот. По моим прикидкам, вам понадобится дня три на предварительные допросы. Потом вы свяжетесь со своим начальством, чтобы получить дальнейшие подробные инструкции.

— Совершенно не обязательно, — вставил Петерс.

Лимас посмотрел на него с любопытством.

— Ах, вот даже как, — сказал он. — Значит, ко мне прислали настоящего эксперта. Или Центр в Москве к этому не причастен?

Петерс промолчал. Он лишь всматривался в Лимаса, словно изучая его. Но потом взялся за карандаш, лежавший перед ним, и предложил:

— Не начать ли нам с вашей службы в годы войны?

Лимас пожал плечами:

— Выбор за вами.

— Вот именно. А потому начнем с вашей военной истории. Начинайте рассказывать.

— Я записался добровольцем в саперы в 1939 году. Мой курс подготовки перед отправкой на фронт как раз заканчивался, когда пришло сообщение, что требуются люди, владеющие иностранными языками, для особых заданий за рубежом. Я свободно владел немецким, голландским, достаточно бегло говорил по-французски, а солдатчина мне к тому времени успела изрядно наскучить. И я подал заявление. Голландию я успел изучить хорошо. Мой отец торговал станками в Лейдене, где я прожил девять лет. После обычного в таких случаях собеседования меня отправили в разведшколу рядом с Оксфордом,

где обучили всем приемам из своего обезьяньего арсенала.

— Кто возглавлял тренировочный центр?

— Об этом я узнал только значительно позже. Меня познакомили со Стидом-Эспри и оксфордским ученым по фамилии Филдинг. Они и руководили обучением. В сорок первом меня забросили в Голландию, где я провел без малого два года. В те дни мы теряли агентов быстрее, чем успевали вербовать, — это была настоящая бойня. Голландия — сложная страна для такого рода деятельности. При здешнем рельефе местности нет ни одного укромного уголка, где можно было бы разместить свою штаб-квартиру или установить стационарную радиоантенну. Приходилось непрерывно перемещаться, все делать на ходу. Словом, потери мы несли огромные. В сорок третьем меня отозвали, пару месяцев я провел в Англии, а потом перебрался в Норвегию. После Голландии работа там показалась приятным пикником. В сорок пятом со мной произвели окончательный расчет, и я вернулся сюда, в Голландию, чтобы попытаться восстановить прежнюю фирму отца. Но ничего не вышло, и тогда мы с одним старым приятелем открыли агентство путешествий и туризма в Бристоле.

Продержались полтора года, а потом вынуждены были продать дело. И вдруг я совершенно неожиданно получил письмо из своего прежнего министерства с предложением вернуться на службу. Но только мне тогда казалось, что я досыта наелся разведкой, а потому я попросил время на размышление и арендовал коттедж на острове Ланди. Прожил там год, созерцая собственный пуп, понял, что мне скучно, и сам с ними связался. В конце сорок пятого меня снова зачислили на довольствие. Но разумеется, прерванный стаж означал неполную пенсию, и меня ждал не слишком теплый прием. Я говорю не слишком быстро для вас?

— Нисколько, — ответил Петерс, наливая ему еще виски, — но мы непременно вернемся ко всему этому, чтобы уточнить имена и даты.

В дверь постучали, и вошла та же особа. Она принесла обещанный обед — огромный поднос с супницей и блюдом холодного мяса с хлебом. Петерс отложил записи в сторону, и они молча поели. Так начался первый допрос.

* * *

Когда с ленчем было покончено, Петерс продолжил:

— Итак, вы вернулись в Цирк.

— Да. На первое время меня усадили за конторскую работу, и я разбирал донесения, составлял аналитические справки о военной мощи стран за «железным занавесом», отслеживал перемещения войск и занимался прочей бумажной работой.

— В каком отделе?

— В четвертом отделе стран-союзников. Я числился там с февраля пятидесятого по май пятьдесят первого.

— Назовите ваших коллег по отделу.

— Питер Гиллам, Брайан де Грей и Джордж Смайли. Впрочем, в начале пятьдесят первого года Смайли от нас ушел и перевелся в контрразведку. А в мае пятьдесят первого меня самого направили в Берлин в качестве заместителя регионального резидента. Это означало, что на меня легла вся оперативная работа.

— Кто был у вас в подчинении?

Петерс писал очень быстро, и Лимас понял, что он пользуется какой-то собственной системой стенографии.

— Хэкетт, Сэрроу и де Йонг. Де Йонг погиб в автомобильной катастрофе в пятьдесят девятом. Мы подозревали, что это было убийство, но ниче-

го не смогли доказать. Каждый из них руководил своей агентурной сетью, но все сходилось на мне. Вам, наверное, нужны подробности? — спросил он сухо.

— Конечно, но позже. Продолжайте.

— Только в пятьдесят четвертом году нам удалось поймать в Берлине по-настоящему крупную рыбу: Фрица Фегера, второго человека в министерстве обороны ГДР. До этого дело продвигалось туго, но в ноябре пятьдесят четвертого мы добрались до Фегера. Он продержался почти два года, но в один прекрасный день как в воду канул. Как я слышал позже, он умер в тюрьме. Понадобилось еще три года, прежде чем мы нашли человека столь же высокого уровня. В 1959 году возник Карл Римек. Он был членом президиума восточногерманской компартии и лучшим агентом, с которым мне когда-либо доводилось работать.

— Он тоже уже мертв, — заметил Петерс.

На лице Лимаса промелькнуло выражение, отчасти похожее на стыд.

— Да, и я был там, когда его застрелили, — пробормотал он. — Его любовница успела перейти границу перед самой его гибелью. Он ей рассказал обо всем — она знала о нашей сети слишком много. Не приходится удивляться, что его раз-

облачили.

— Мы вернемся к берлинским делам позже. Скажите мне вот что. Когда Карла не стало, вы улетели в Лондон. И оставались там до окончания контракта?

— Да, можно сказать, досиживал последние месяцы.

— Чем вы занимались в Лондоне?

— Меня перевели в банковский отдел: выплата зарплат агентам, переводы денег за границу на секретные нужды. С этим справился бы и ребенок. Мы получали приказы и выписывали платежки. Время от времени возникали проблемы с доступом.

— Вы имели дело с агентами напрямую?

— Никоим образом. Запрос поступал от резидента в конкретной стране. Руководство рассматривало его, давало разрешение и передавало его нам, чтобы осуществить платеж. В большинстве случаев мы переводили деньги в подходящий иностранный банк, где резидент мог снять их сам и лично расплатиться с агентом.

— Как вы различали агентов? По кодовым именам?

— По номерам. В Цирке это называется комбинацией. У каждой сети своя комбинация, а агент

фигурирует в качестве приставки к комбинации. Карл был известен как восемь А черточка один.

Лимас заметно вспотел. Петерс холодно наблюдал за ним, оценивая, как профессиональный картежник оценивает оппонента. Чего на самом деле стоил Лимас? Как можно его сломать? Что привлекло бы или, наоборот, испугало его? Что он ненавидел? А самое главное — много ли он действительно знает? Придержит ли он свою козырную карту до конца, чтобы продать подороже? Петерс так не думал: Лимас был сейчас слишком неуравновешен, чтобы хитрить. Он был человеком, находившимся в разладе с самим собой, человеком, знавшим только один образ жизни, исповедовавшим только одну веру, а теперь предавшим все это. Петерсу доводилось наблюдать такое прежде. Да, доводилось. Причем порой в людях, прошедших самую основательную идеологическую обработку, но которые тем не менее втайне от всех, размышляя долгими бессонными ночами, находили для себя новую веру и в одиночку, движимые только лишь силой внутренних убеждений, предавали свою работу, свои семьи, свои страны. Но даже им — исполненным новых порывов и надежд — не давало покоя клеймо изменника родины; даже

они должны были преодолеть почти физическую боль, когда начинали говорить о том, что им надлежало хранить в вечном и глубоком секрете. Подобно вероотступникам-христианам, они все же страшились сжечь крест. Они колебались между велениями инстинктов и материальными выгодами. Но и перед Петерсом вставала трудноразрешимая задача. Он должен был успокоить их муки совести, одновременно лишив остатков гордыни. Эта ситуация была сейчас понятна им обоим. Вот почему Лимас изо всех сил уклонялся от налаживания чисто человеческих отношений с Петерсом — все еще мешала гордость. А Петерс знал, что в силу тех же причин Лимас будет лгать — пусть всего лишь не все ему рассказывая, но, так или иначе, обманывать. Из гордости, из чувства противоречия или просто в силу самой извращенной природы их профессии. А ему, Петерсу, предстоит поймать его на *лжи*. Да и сам тот факт, что Лимас был профессионалом, как ни странно, представлял для Петерса только дополнительную проблему, потому что Лимас мог сделать свои признания избирательными там, где Петерсу избирательность была ни к чему. У Лимаса могло сложиться свое представление о том, какие именно данные нужны Петерсу, и

тогда он упустит в своем рассказе мелкие детали, которые оказались бы крайне важными для тех, кто будет оценивать результаты допросов. А ведь ко всему этому предстояло еще справиться с капризным тщеславием, свойственным алкоголикам.

— Думаю, — сказал он, — теперь пора более подробно поговорить о вашей работе в Берлине. Рассмотрим период с мая 1951-го по март 1961 года. Но сначала выпейте еще немного.

Лимас смотрел, как он достал сигарету из лежавшего на столе портсигара и прикурил ее. Сразу бросалось в глаза: Петерс был левшой, а сигарету вкладывал между губами так, чтобы название фирмы-производителя на ней оказалось в дальнем от него конце и прогорело сразу. Эта манера пришлась Лимасу по нраву: она свидетельствовала о том, что Петерсу, как и ему самому, доводилось работать в условиях строгой конспирации.

Лицо Петерса выглядело необычно — оно было совершенно невыразительным и серым. Краска с него, вероятно, пропала уже давно. Вполне возможно, что ему пришлось долго сидеть в тюрьме еще во времена революции. Но теперь, когда черты его лица окончательно сформировались,

Петерс будет выглядеть точно так же до самой смерти. Только жесткие седые волосы могли еще больше побелеть, но лицо уже не изменится. Лимасу было бы любопытно узнать настоящую фамилию Петерса, а также женат ли он. В нем ощущалась некая ортодоксальность, которая Лимасу тоже нравилась. Такая черта обычно является порождением силы и уверенности в себе. Такой человек никогда не солжет без веской причины. И ложь его будет тщательно продуманной, продиктованной необходимостью, не имея ничего общего с укоренившейся мелкой нечестностью того же Эйша.

Эйш, Кивер, Петерс — это была верная прогрессия в качествах людей, во власти, которой они обладали, что Лимас считал абсолютной необходимостью при построении иерархии разведывательной сети. Но, как он догадывался, здесь имела место и идеологическая иерархия тоже. Эйш — простой наемник. Кивер — не более чем так называемый попутчик. И Петерс, для которого цель и средства ее достижения слились в единое целое.

Лимас приступил к рассказу о Берлине. Петерс редко перебивал его, редко задавал вопросы, но уж если делал это, то так умело и к месту, словно

подстраивался под темперамент Лимаса. И Лимас помимо воли откликался на этот бесстрастный профессионализм — он был чертой, которая их сближала.

Им потребовалось очень длительное время, чтобы организовать восточногерманскую разведывательную сеть из Берлина, признал Лимас. На раннем этапе город был просто наводнен потенциальными второсортными агентами, а само слово «разведка» дискредитировало тот факт, что шпионаж стал чуть ли не естественной частью повседневной жизни. До такой степени, что можно было завербовать человека на частном приеме, получить от него информацию за ужином, а к утру его уже разоблачали. Для профессионала это был какой-то кошмар: кругом орудовали десятки спецслужб, в половину из которых проникли вражеские информаторы, концы ни у кого не сходились с концами; данные поступали более чем противоречивые, потому что источников оказалось даже слишком много, а действовать приходилось на очень ограниченном пространстве. Да, в 1954 году они добились большого успеха с Фегером. Это верно. Но уже к 1956 году, когда каждое правительственное учреждение в Лондоне настойчиво требовало

важной и достоверной разведывательной информации, предложить им оказалось нечего. Тот же Фегер слишком избаловал всех, и никто больше не был доволен данными из вторых рук, которые уже на следующий день публиковались во всех газетах. Им нужен был новый большой успех, но пришлось ждать долгих три года, прежде чем он пришел.

Однажды де Йонг отправился на пикник в лес на окраине Берлина. У него была машина с британскими армейскими номерами, которую он припарковал и запер на проселочной дороге, проходившей параллельно каналу. После пикника его детишки с пустыми корзинками первыми побежали обратно к машине, но потом вдруг замерли возле нее, заволновались, побросали корзины и ринулись назад. Кто-то взломал машину — ручка оказалась оторвана, а дверь приоткрыта. Де Йонг, кляня себя последними словами, потому что оставил в бардачке дорогой фотоаппарат, подошел и обследовал автомобиль. Ручку скорее всего сломали с помощью обрезка металлической трубы, который легко можно спрятать даже в рукаве рубашки. Но фотоаппарат оказался на месте. Взломщик не позарился ни на его плащ, ни на пакеты с покупками, которые сде-

лала жена. Зато на водительском сиденье лежала жестянка из-под табака с небольшим цилиндром внутри, сделанным из никеля. Де Йонг сразу понял, что это такое: кассета от миниатюрной камеры. Скорее всего от «Минокса».

Дома он проявил пленку. На ней были пересняты страницы протокола последнего заседания президиума компартии Восточной Германии — СЕПГ. По странному совпадению информацию о той встрече президиума они получили и из другого источника, что подтвердило подлинность фотоматериалов.

Лимас сразу взял это дело под свой контроль. Ему был отчаянно нужен прорыв в работе. Результаты его долгой деятельности в Берлине в целом выглядели неважно, а его возраст приближался к пределу, установленному Цирком для оперативных сотрудников. Поэтому ровно через неделю он одолжил у де Йонга машину, приехал в то же место и отправился на прогулку.

Для пикника де Йонг нашел поистине идеально уединенный уголок. С одной стороны протекал канал, рядом с которым виднелись остатки разбомбленных в войну блиндажей. Дальше тянулись бесплодные сухие песчаники, а в двухстах метрах от проселочной дороги и канала

простирался не слишком густой сосновый бор. Не очень-то впечатляющий пейзаж, но зато полный покой — нечто почти недостижимое в такой близости от Берлина. И возможность «хвоста» была практически полностью исключена. Лимас углубился в лес. Следить за машиной он даже не пытался, поскольку не знал, с какой стороны к ней могут приблизиться. А если бы загадочный информатор заметил, что он не спускает с автомобиля глаз, это могло бы сразу спугнуть его. И потому Лимас не обернулся ни разу.

Однако, вернувшись к машине, он ничего в ней не обнаружил, а по пути обратно в Западный Берлин обзывал себя последним идиотом, забывшим, что президиум заседает только раз в месяц. Через три недели он вновь сел за руль машины де Йонга, прихватив с собой тысячу долларов двадцатками и положив деньги в корзинку для пикника. Он бросил автомобиль незапертым на два часа, а по возвращении обнаружил в бардачке жестянку из-под трубочного табака. Корзинка исчезла.

На пленках оказалась первоклассная документальная информация. В следующие месяцы он проделал тот же трюк дважды и получил аналогичные результаты.

Лимас понял, что напал на золотую жилу. Присвоив новому источнику кодовое имя Мэйфэйр, он отправил в Лондон исполненное пессимизма письмо, прекрасно зная, что стоит ему скормить Цирку хотя бы часть данных, как они тут же захотят контролировать подобного агента напрямую, чего он всеми силами стремился избежать. Это была как раз такая операция, которая была способна уберечь его от отставки по возрасту, но в то же время слишком важная, чтобы Лондон удержался от соблазна руководить всем из центра. Даже если бы ему какое-то время удавалось их сдерживать, в Цирке все равно принялись бы теоретизировать, высказывать предположения, слать предостерегающие меморандумы и требовать активизации действий. Они, например, могли предложить расплачиваться с агентом только мечеными купюрами, чтобы отследить и выяснить его личность, могли потребовать прислать им кассеты для изучения в лаборатории, могли устроить неуклюжую слежку и, конечно же, поставить в известность о своем успехе другие департаменты министерства обороны. То есть они непременно уведомили бы другие департаменты, а это, как считал Лимас, привело бы к быстрому и неизбежному краху операции

«Мэйфэйр».

Чтобы избежать этого, существовал только один путь. И Лимас три недели работал как одержимый, не смыкая глаз. Он внимательно изучил досье на каждого члена президиума. Составил список всех рядовых чиновников, которые могли иметь доступ к протоколам. Добавив к списку имена тех, кому рассылались копии, указанные на первой странице протоколов, он получил тридцать одну возможную кандидатуру, включая секретарш и мелких клерков.

Осознав полную невозможность установить фамилию информатора среди такого количества кандидатов, о большинстве из которых к тому же было мало что известно, Лимас невольно вернулся к первоисточнику, что, как он понял чуть позже, следовало сделать сразу же. Ему бросилось в глаза, что на полученных им фотокопиях не потрудились проставить даже номера страниц, отсутствовали штампы с грифом «Секретно», а на некоторых страницах кто-то вычеркивал отдельные слова простым или красным карандашом. В результате он сделал важное открытие: ему передают фотокопии не самих протоколов, а их предварительных черновиков. Это означало, что источник имеет отношение к секретари-

ату президиума, а число его работников было крайне ограничено. Кроме того, снимки делались тщательно и выходили хорошего качества: это подразумевало, что фотограф располагал для своей работы временем и местом, где никто не мог ему помешать.

Лимас вернулся к списку кандидатов. В секретариате числился некто Карл Римек, бывший капрал медицинской службы, который провел три года в лагере для военнопленных в Англии. Его сестра жила в Померании, когда туда вошли русские, и с тех пор ее судьба оставалась для него неизвестной. Он был женат и имел дочь по имени Карла.

Лимас решил рискнуть. Из Лондона он получил данные о номере, который был присвоен военнопленному Римеку — 29 012, и о дате его освобождения — 10 декабря 1945 года. Купив изданную в Восточной Германии детскую научно-фантастическую книжку, он написал на форзаце по-немецки, имитируя почерк подростка: «Эта книга принадлежит Карле Римек, родившейся 10 декабря 1945 года в Байдфорде, Северный Девон. Зачислена в отряд лунных космонавтов под личным номером 29 012», и ниже добавил: «Все желающие совершать полеты в

космос должны лично явиться для инструктажа к К. Римек. Заявления следует заполнить заранее. Да здравствует Народная Республика Демократического Космоса!»

Лимас разлиновал листок бумаги, оставив колонки для фамилий, адресов и возрастов, и приписал в конце: «С каждым кандидатом будет проведено индивидуальное собеседование. Напишите по прежнему адресу, указав, когда и где вы хотели бы встретиться. Заявки будут рассматриваться в течение семи дней. К. Р.»

Листок он вложил в книгу. Затем, все еще пользуясь машиной де Йонга, поехал на то же место и оставил книгу на пассажирском сиденье, добавив под обложку пять уже бывших в употреблении стодолларовых купюр. Когда Лимас вернулся, книги в машине не оказалось, а на сиденье его ждала очередная жестянка. В ней на этот раз лежали три кассеты. Лимас проявил их тем же вечером: на одной из пленок были, как обычно, переснятые материалы последнего заседания президиума СЕПГ, на второй — проект пересмотра отношений Восточной Германии с Советом экономической взаимопомощи, на третьей — структура разведывательной службы ГДР со сведениями о функциях каждого подразделения

и личностными характеристиками персонала.

Здесь Петерс счел нужным вмешаться.

— Минуточку, — сказал он. — Вы хотите сказать, что вся эта информация поступала от одного Римека?

— А почему бы и нет? Вы же понимаете, как много ему было известно.

— Едва ли такое возможно, — заметил Петерс почти про себя. — Он должен был иметь помощников.

— Они у него появились, но позже. Я еще дойду до этого.

— Я догадываюсь, что вы собираетесь мне сообщить. Но разве у вас никогда не возникало ощущения, что он получал содействие сверху, а не только от агентов, которых привлек на свою сторону?

— Нет. Никогда. Мне такое и в голову не приходило.

— А оглядываясь в прошлое теперь, вам это не кажется вероятным?

— Не слишком.

— Когда вы отправляли материалы в Цирк, там никто не высказывал мнения, что даже для человека, занимавшего такой высокий пост, как Римек, информация была исключительно пол-

ной и разносторонней?

— Нет.

— Они ни разу не поинтересовались, где Римек взял портативный фотоаппарат, кто обучил его технике пересъемки документов?

Лимас недолго колебался с ответом:

— Нет… Уверен, таких вопросов нам не задавали.

— Любопытно, — сухо заметил Петерс. — Но простите, что перебил. Продолжайте. Я вовсе не хочу, чтобы в своем рассказе вы забегали вперед.

Ровно через неделю, продолжил Лимас, он снова отправился к каналу, но теперь не на шутку разнервничался. Свернув на проселок, он увидел лежавшие в траве три велосипеда, а в двухстах ярдах ниже вдоль канала рыбачили трое мужчин. Он вышел из машины и, как обычно, направился через поле к опушке соснового бора. Но не успел сделать и двадцати шагов, как услышал за спиной окрик. Оглянувшись, он увидел, что один из мужчин подает ему знаки, подзывая к себе. Двое других тоже повернулись и смотрели на него. На Лимасе был старый плащ, руки он держал в карманах, и вынимать их было уже поздно. Он понимал, что мужчины по краям прикрывали того, кто располагался в центре, и, попытайся

он вынуть руки из карманов, они вполне могли застрелить его, заподозрив, что в кармане он держит пистолет. Лимас вернулся и остановился в десяти ярдах от мужчины в центре.

— Вас что-то интересует? — спросил он.

— Ваша фамилия Лимас? — Мужчина был невысокого роста, немного полноватый и вел себя очень уверенно. Говорил он по-английски.

— Да.

— Назовите номер своего британского паспорта.

— Пэ-эр-тэ черточка эл пять-восемь-два ноля-три черточка один.

— Где вы провели ночь, когда пришло известие о капитуляции Японии?

— В голландском городе Лейден в магазине отца. Отпраздновал победу с несколькими местными друзьями.

— Пойдемте прогуляемся, мистер Лимас. Плащ вам не понадобится. Снимите его и положите на землю там, где стоите. Мои друзья присмотрят за ним.

Лимас какое-то время раздумывал, но потом лишь пожал плечами и снял плащ. Затем они вдвоем быстрым шагом отправились в глубь леса.

— Вам не хуже, чем мне, известно, кто это был, — устало сказал Лимас. — Третий человек в министерстве внутренних дел, секретарь президиума СЕПГ, глава Координационного комитета защиты населения. По всей вероятности, так он узнал о де Йонге и обо мне: видел досье на нас, заведенные в Абтайлунге. В его распоряжении имелись три обширных источника информации: материалы президиума, прямой доступ к сведениям по внутренней политике и экономике, а также доступ к документам восточногерманских спецслужб.

— Но лишь весьма ограниченный доступ. Они бы никогда не подпустили чужака к наиболее секретным досье, — настаивал на своем Петерс.

Лимас пожал плечами.

— И тем не менее его подпустили.

— Как он поступал с полученными от вас деньгами?

— После встречи в тот день я больше не давал ему денег. Цирк тут же взял эти вопросы под свой контроль. Вознаграждение стали переводить в один из банков в Западной Германии. Он даже вернул мне все, что я выплатил раньше. Лондон компенсировал ему соответствующую сумму.

— Насколько полной была информация, кото-

рую вы отправляли в Лондон?

— С того момента исчерпывающей. У меня не оставалось другого выхода. К тому времени Цирк поставил в известность департаменты министерства. И после этого, — добавил Лимас с ядовитой интонацией, — провал стал лишь вопросом времени. Под напором других департаментов Цирк становился все более требовательным. Они стремились выжать как можно больше информации, готовы были платить ему щедрее. В итоге мы вынуждены были предложить Карлу завербовать других людей, чтобы создать агентурную сеть. Мы совершили неимоверную глупость. На Карла легла непосильная нагрузка, подвергавшая его опасности, подрывавшая его доверие к нам. Это стало началом конца.

— Каков был общий объем полученных от него сведений?

Лимас ответил не сразу.

— Общий объем? Боже, я даже не знаю. Операция продолжалась неестественно длительный срок. Но я думаю, что Карла разоблачили задолго до его гибели. В последние месяцы качество поступавшей от него информации заметно упало. Мне кажется, он попал под подозрение, и с тех пор от него стали скрывать по-настоящему важ-

ные материалы.

— И все же, что конкретно он успел вам передать?

И Лимас стал поэтапно вспоминать проделанную Карлом Римеком работу. Петерс не мог не отметить с одобрением, что память этого человека запечатлела все с предельной точностью вопреки огромному количеству спиртного, которое он поглощал. Лимас называл имена и даты, помнил реакцию Лондона, оказываемую оттуда в случаях необходимости помощь. Он помнил суммы, которые запрашивались и выплачивались, даты вербовки в сеть новых агентов.

— Простите, — снова вмешался Петерс, — но я не верю, что всего лишь один человек, каким бы высоким ни было его положение в обществе, как бы он ни был осторожен, изобретателен и усерден, мог собрать такое количество подробнейших данных. Если уж на то пошло, он едва ли успел бы просто-напросто сделать столько фотокопий.

— Но он их сделал, — с нажимом ответил Лимас, внезапно разозлившись. — Он, черт возьми, сумел сделать все это, что бы вы там себе ни думали.

— И Цирк ни разу не потребовал, чтобы вы подробно с ним обсудили, где и как он добывает

всю эту информацию?

— Нет, — резко сказал Лимас. — Римек относился к этому вопросу очень ревностно, и Лондону ничего не оставалось, как оставить его в покое.

— Так-так, — задумчиво покачал головой Петерс. А потом неожиданно спросил: — Вы, случайно, не слышали о дальнейшей судьбе той женщины?

— Какой женщины? — с тревогой спросил Лимас.

— Любовницы Карла Римека. Той, что успела сбежать в Западный Берлин в ночь, когда Римека застрелили.

— А что с ней такое?

— Дело в том, что неделю назад она погибла. Точнее — была убита. Ее расстреляли из проезжавшей мимо машины, когда она выходила из своей квартиры.

— Когда-то это была моя квартира, — почти машинально произнес Лимас.

— Возможно, — предположил Петерс, — она знала о сети, созданной Римеком, больше, чем вы сами.

— Что за чепуху вы несете? — вскинулся Лимас.

Петерс пожал плечами.

— Просто очень странно, — заметил он, — что кому-то понадобилось ее ликвидировать.

Когда тема Карла Римека была исчерпана, Лимасу пришлось подробно рассказать о некоторых своих менее значительных агентах, об организации работы берлинской резидентуры, способах связи, сотрудниках и подручных средствах — явочных квартирах, транспорте, звукозаписывающей и фотографической аппаратуре, которую они использовали. Допрос продолжался ночью и в течение всего следующего дня, и, добравшись наконец до постели, Лимас отметил про себя, что выдал все, что ему было известно о разведке союзных держав в Берлине, выпив при этом две большие бутылки виски.

Одна мысль не давала ему покоя: Петерс был уверен, что Карлу Римеку помогали, причем сотрудничал с ним некто очень высокопоставленный. Но, как он припоминал сейчас, точно такое же мнение в разговорах с ним высказывал Шеф. У него тоже вызывали сомнения масштабы доступа Римека к секретной информации. Почему они оба были настолько уверены, что Карл не мог справляться со всем один? Разумеется, у него имелись помощники, как, например, те двое охранников у канала в день их знакомства. Но

это были люди незначительные — Карл сообщил ему о них все. Но ведь и Петерс — а уж он-то точно знал, к какой информации имел доступ Карл, — тоже отказывался верить, что Карл действовал в одиночку. В этом мнении Петерс и Шеф слишком явно сходились.

Быть может, так и происходило на самом деле? Вероятно, существовал некто другой. Уж не был ли это тот Особый Агент, которого Шеф всеми силами стремился защитить от Мундта? Это означало, что Карл Римек сотрудничал с этим Особым Агентом и передавал информацию, собранную совместными усилиями. Не об этом ли беседовал Шеф с Карлом, когда попросил оставить их наедине тем вечером на квартире Лимаса в Берлине?

Как бы то ни было, завтра многое может проясниться. Завтра Лимас сделает свой ход в игре.

Он задумался о том, кто мог убить Эльвиру. И зачем это понадобилось. Разумеется, напрашивалось простое и вполне рациональное объяснение: Эльвира могла знать Особого Агента, и тогда именно он был заинтересован в том, чтобы устранить ее… Нет, это совершенно безосновательная гипотеза. Ведь для этого потребовалось бы найти способ пересечь границу: Эльвиру убили уже в

Западном Берлине.

И возникал еще вопрос: почему Шеф не сообщил ему о смерти Эльвиры? Чтобы его реакция оказалась более естественной, когда ему скажет об этом Петерс? Впрочем, рассуждения на эту тему ни к чему бы не привели. У Шефа на все имелись свои резоны, причем обычно такие неожиданные, что можно было потратить впустую неделю над их разгадкой.

Уже засыпая, Лимас пробормотал:

— Карл свалял дурака. Эта женщина погубила его. Уверен, что именно она.

Но Эльвира была мертва, а значит, наказана. И тогда он вспомнил о Лиз.

9
День второй

На следующее утро Петерс пришел в восемь, и они без лишних церемоний уселись за стол, чтобы продолжить.

— Итак, вы вернулись в Лондон. Чем вы занялись там?

— Меня списали в архив. Я знал, что моя карьера закончена, еще когда тот козел из отдела кадров встретил меня в аэропорту. Пришлось отправиться сразу к Шефу с отчетом о Карле. А он был мертв — что еще мне оставалось к этому добавить?

— Как с вами поступили дальше?

— Поначалу мне заявили, что я могу просто остаться в Лондоне и получать зарплату до времени выхода на пенсию по возрасту. Они старались выглядеть так омерзительно великодушными, что я вышел из себя и спросил: если уж вы готовы швыряться деньгами и так просто платить мне, то почему бы не сделать немного больше и не начислить мне пенсию в полном размере без стонов о прерванном стаже? В ответ на это озло-

бились уже они. Дали назначение в банковский отдел, где работает одно бабье. Об этой части своей деятельности я уже многого не помню, потому что стал к тому времени основательно прикладываться к бутылке. У меня началась черная полоса в жизни.

Он прикурил сигарету. Петерс понимающе кивал головой.

— Вот почему мне в итоге дали под зад коленом. Им не понравилось, что я пристрастился к алкоголю.

— Но все же расскажите мне хотя бы то, что вы *все-таки запомнили* о своей работе в банковском отделе, — попросил Петерс.

— Это было что-то ужасное. Я всегда знал, что не создан для прозябания в конторе. Вот почему до последнего цеплялся за Берлин. Понимал, что если меня отзовут, то отстранят от реальных дел, но такого никак не ожидал. Боже…

— Чем вам пришлось заниматься?

Лимас пожал плечами.

— Я просиживал задницу в одной комнате с двумя дамами — Терсби и Ларрет. Я их прозвал про себя Четвергом и Пятницей, — глуповато усмехнулся он, а Петерс, кажется, так и не понял юмора. — Мы, как это называется у чиновников,

«двигали бумаги». Поступало письмо из финансового отдела: «Получено разрешение на выплату семисот фунтов такому-то на таких-то условиях. Пожалуйста, обеспечьте своевременное…» Ну и так далее. Вот в общих чертах и все. Мои Четверг с Пятницей снимали копии, что-то подправляли, подшивали в папку, ставили печать, а я выписывал чек и отправлялся в банк, чтобы оформить перевод.

— Какой банк?

— «Блатт энд Родни». Незаметный маленький банк в Сити. В Цирке существует теория, что выпускники Итона не станут болтать лишнего.

— Стало быть, на самом деле вы знали имена агентов по всему миру?

— Вовсе нет. В этом и заключался фокус. Понимаете, я выписывал чек или банковское поручение, но графа для имени получателя денег оставалась пустой. Банк принимал чек к оплате, прикладывал подписанное как положено сопроводительное письмо, а потом в запечатанном конверте все это возвращалось в группу специальной рассылки.

— А это что еще такое?

— Вот в этой особой группе знали имена и прочую информацию об агентах. Они вписывали

фамилии в пустые строки и сами отправляли чеки. Чертовски умно, если вдуматься.

Петерс выглядел разочарованным.

— Вы хотите сказать, что вообще не знали фамилий получателей?

— Нет. Как правило, не знал.

— Как правило, но не всегда?

— Верно. Порой и к нам кое-что просачивалось. Все эти обмены бумагами между банковским, финансовым отделами и группой специальной рассылки порой приводили к сбоям. Усложненность системы давала обратный эффект. А еще бывали редкие случаи, которые вносили хоть какое-то разнообразие в мою жизнь. — Лимас поднялся из-за стола. — Я составил список всех платежей, которые запомнил, — сказал он. — Лежит у меня в комнате. Сейчас принесу.

И он вышел из комнаты слегка шаркающей походкой, которая появилась у него после приезда в Голландию. Вернулся он с парой листов разлинованной бумаги, вырванных из дешевой тетрадки.

— Занялся этим прошлой ночью, — объяснил он. — Подумал, что сэкономлю нам немного времени.

Петерс взял листки, прочитал их медленно и

внимательно. Казалось, они произвели на него должное впечатление.

— Хорошо, — сказал он. — Очень хорошо.

— А потом я вспомнил нечто под названием «Роллинг стоун». Мне под эту дудочку удалось даже дважды слетать за границу. Сначала в Копенгаген, а потом в Хельсинки. Просто чтобы сбросить в банках деньги.

— Сколько?

— Десять тысяч долларов в Копенгагене, сорок тысяч марок в Хельсинки. Западных, разумеется.

Петерс опустил карандаш.

— Для кого?

— А бог его знает. При осуществлении этой операции мы использовали систему депозитных счетов. Цирк выдавал мне фальшивый британский паспорт. Я шел в Скандинавский королевский банк в Копенгагене или в Национальный банк Финляндии в Хельсинки и клал деньги на совместный депозитный счет, получая взамен две чековые книжки. Одну на мое фальшивое имя, другую на такое же фальшивое имя, но, как я понимаю, то, которым пользовался агент. В банке я оставлял образец подписи второго держателя счета. Меня им снабжали еще в Лондоне. Позже агенту передавали чековую

книжку и фальшивый паспорт, чтобы он мог снять деньги. Поэтому его настоящая фамилия оставалась мне неизвестной. — Он слушал сам себя и думал, насколько неправдоподобно и даже нелепо звучит его история.

— Это была обычная процедура?

— В том-то и дело, что нет. Это были какие-то специальные платежи. И к документам крепился список допущенных.

— То есть?

— Об операции под этим кодовым наименованием знало лишь ограниченное число людей.

— Каким кодовым наименованием?

— Я же его вам только что назвал — «Роллинг стоун». Операция предусматривала строго секретные платежи в эквиваленте десяти тысяч долларов США в столицах разных стран мира.

— Но всегда только в столицах?

— Насколько я знаю, да. Помню, мне на глаза попался документ, из которого следовало, что платежи в рамках операции «Роллинг стоун» проводились и раньше, еще до моего прихода в отдел, но в тех случаях деньги вносили не представители банковского отдела, а сами местные резиденты.

— Те платежи, которые произвели до вашего

прихода… В каких городах?

— Один в Осло. А вот про второй ничего не помню.

— Для агента использовали одну и ту же фальшивую фамилию?

— Нет. Была принята дополнительная мера безопасности. Позже мне говорили, что мы позаимствовали эти трюки из арсенала русских. Это была самая мудреная схема оплаты, с какой мне приходилось сталкиваться. Точно так же и я сам пользовался в каждой из поездок разными псевдонимами и разными фальшивыми паспортами.

Вот это Петерсу понравится, поскольку кое-что для него прояснит.

— Что вы знаете о фальшивых паспортах, которые выдавались агенту, чтобы он мог снимать деньги? Где и как их изготавливали? Каким образом передавали?

— Ничего. Нет, постойте. Знаю, что в них непременно имелась виза той страны, где снимались деньги, и штамп о пересечении границы. Тоже фальшивые, разумеется.

— Фальшивые штампы пограничников?

— Да. Как я понял, эти паспорта никогда не предъявлялись для въезда в страну. Они были нужны исключительно при снятии денег с депо-

зита. Агент путешествовал по своему настоящему паспорту и совершенно легально пересекал границу. А потом уже в банке предъявлял фальшивку. По крайней мере такое у меня сложилось впечатление.

— Вы поняли, почему раньше платежи осуществлялись резидентами, а потом для этого стали отправлять людей из Лондона?

— Причина мне известна точно. Я спрашивал об этом у моих любимых Четверга с Пятницей. Дело в том, что Шеф опасался…

— Шеф?! Вы хотите сказать, что операцией руководил лично Шеф?

— Да, он возглавлял ее, и у него появились опасения, что резидента могут знать в банке в лицо или запомнить. Вот почему он решил использовать почтальона, то есть меня.

— Когда вы совершили эти поездки?

— В Копенгаген я летал пятнадцатого июня. Вернулся в тот же вечер. А в Хельсинки был в конце сентября. Там я провел два дня и в Лондон прибыл числа двадцать восьмого. В Хельсинки я позволил себе немного поразвлечься.

Он ухмыльнулся, но Петерс словно не заметил этого.

— А прежние платежи? Когда были открыты

депозиты для них?

— Вот этого не помню, уж извините.

— Но один определенно производился в Осло?

— Да, в Осло.

— А не помните разницу во времени между двумя первыми платежами? Теми, что осуществляли резиденты. Сколько времени прошло между первым и вторым?

— Точно не скажу, но, по-моему, немного. Быть может, около месяца. Или чуть больше.

— Как по-вашему, этот агент уже работал на вас достаточно долго, прежде чем ему впервые выплатили вознаграждение? В досье это было как-то отражено?

— Понятия не имею. В досье указывались только произведенные выплаты. Первая относилась к началу 1959 года. Никаких других данных. По этому принципу всегда осуществляются операции с ограниченным кругом лиц, имеющих доступ к информации. В разных папках содержатся лишь отдельные фрагменты по одному и тому же делу. И только тот, кто обладает возможностью иметь копии всех папок, видит картину в целом.

Теперь Петерс строчил в своем блокноте непрерывно. Лимас не сомневался, что где-то в комнате работает магнитофон, но последующая расшиф-

ровка записи потребует времени. То, что Петерс писал сейчас, ляжет в основу более или менее краткой телеграммы, которая отправится в Москву уже вечером, а потом девушки в советском посольстве в Гааге проведут бессонную ночь, передавая дословный текст многочасовых допросов.

— Я хочу знать ваше мнение, — произнес Петерс. — Речь идет о крупных суммах. Причем сама по себе организация их выплаты была предельно усложнена и тоже стоила немалых денег. Что вы сами думали по этому поводу?

Лимас пожал плечами.

— А что мне оставалось думать? Я посчитал, что у Шефа появился чертовски хороший источник, но поскольку я сам никогда не видел его донесений, то ничего не мог знать наверняка. Мне изначально не нравились используемые методы — слишком высокий уровень, слишком сложно, слишком умно. Почему они не могли просто назначать ему встречи и платить наличными? Неужели ему было так легко пересекать границы по своему подлинному паспорту, держа в кармане фальшивый? Все это очень сомнительно.

Настала пора напустить тумана и заставить их преследовать добычу вслепую.

— Что-то я не совсем понял вас. Поясните свою мысль.

— Я считаю, что деньги с депозитов еще никто не снимал. Предположим, речь идет о высокопоставленном агенте за «железным занавесом». Тогда деньги будут дожидаться на счетах, пока у него не появится возможность без труда получить их. По крайней мере такой вариант выглядел бы для меня логичным. Но нельзя сказать, чтобы я так уж много размышлял об этом. С чего бы? В том-то и заключалась суть нашей работы, чтобы знать лишь отдельные фрагменты целого. Вы же понимаете. А если хотите разобраться во всем до конца, то бог вам в помощь.

— Если придерживаться вашей версии, что деньги никто до сих пор не снимал, то чего ради вся эта суета с паспортами?

— Когда я работал в Берлине, мы наладили специальную систему для Карла Римека на случай, если ему понадобится срочно бежать, а связи с нами не будет. На конспиративной квартире в Дюссельдорфе лежал заготовленный для него фальшивый западногерманский паспорт. Он мог забрать его в любое время, следуя определенной и заранее оговоренной процедуре. Срок действия паспорта не мог закончиться. Этим занимался

наш особый транспортный отдел, который обновлял и сам паспорт, и все необходимые визы в нем. Шеф мог применить ту же тактику в отношении своего человека. Но точно я не знаю — это всего лишь догадки.

— Тогда откуда такая уверенность, что паспорта вообще существовали?

— Об этом упоминалось в папке, курсировавшей между банковским и особым транспортным отделом, который как раз и занимается изготовлением поддельных документов и виз.

— Понятно. — Петерс ненадолго задумался, а потом вдруг спросил: — Под какими именами вы путешествовали в Копенгаген и Хельсинки?

— Роберт Ланг, инженер-электрик из Дерби. Это для Копенгагена.

— Когда именно вы были в Копенгагене? — задал новый вопрос Петерс.

— Я же сказал, пятнадцатого июня. Прилетел туда утром, примерно в половине двенадцатого.

— Каким банком вы воспользовались?

— О, ради всего святого, Петерс! — Лимас начал заметно злиться. — Королевским скандинавским. У вас все это уже записано.

— Хотел лишь дополнительно перепроверить, — невозмутимо отозвался собеседник,

продолжая писать. — А в Хельсинки? Под какой фамилией вы летали туда?

— Стивен Беннетт, кораблестроитель из Плимута. И я там был, — добавил он не без сарказма, — в конце сентября.

— Вы побывали в банке в день прилета?

— Да. Это было двадцать четвертого или двадцать пятого числа, точнее не помню, как уже объяснял.

— Вы везли с собой деньги из Англии?

— Разумеется, нет. В каждом случае суммы предварительно переводились на счет резидента. Он встречал меня в аэропорту и передавал деньги в портфеле, а я доставлял их в банк.

— Кто резидент в Копенгагене?

— Петер Йенсен, владелец книжного магазина при университете.

— А какими фальшивыми именами должен был пользоваться агент?

— В Копенгагене — Хорст Карлсдорф. Думаю, что не ошибаюсь… Да, точно, Карлсдорф. Мне еще все время хотелось сказать — Карлхорст.

— Легенда?

— Менеджер из австрийского Клагенфурта.

— А во втором случае? В Хельсинки?

— Фехтманн. Адольф Фехтманн из Сент-Галлена

в Швейцарии. У него еще, кажется, была ученая степень. Да, он значился как доктор Фехтманн, историк-архивист.

— Заметили закономерность? Оба псевдонима подразумевают знание немецкого языка в совершенстве.

— Да, я обратил на это внимание. Но это не может быть немец.

— Почему же?

— Не забывайте, что я возглавлял всю работу в Берлине. Мне было бы об этом известно. Высокопоставленный агент в Восточной Германии находился бы на связи с Берлином. Я бы все о нем знал. — Лимас встал, подошел к столику и налил себе виски. О Петерсе он не позаботился.

— Но вы сами сказали, что в данном случае были приняты чрезвычайные меры предосторожности, введены особые процедуры. Возможно, они посчитали, что вам не нужно ни о чем знать.

— Не несите чепухи, — снова взъелся Лимас. — Конечно же, я был бы в курсе.

Этой точки зрения он будет держаться до упора вопреки всякой логике: даст им ощущение, что они умнее, добавив таким образом достоверности своим показаниям.

«Они захотят сделать из всего собственные вы-

воды вопреки вашему мнению, — предупреждал Шеф. — Мы должны подкинуть им для этого материал, но высказывать скептицизм по поводу их возможных выводов. Сделаем ставку на их интеллект и самоуверенность, на их подозрительность друг к другу — вот какой будет наша тактика».

Петерс кивнул, словно только что убедился, насколько печальной может быть иногда правда для любого из нас.

— Вы — очень гордый человек, Лимас, — повторил он сказанные раньше слова.

Вскоре после этого Петерс покинул его. Пожелав Лимасу хорошо провести остаток дня, он ушел по дороге, ведущей вдоль моря, еще до того как наступило время обеда.

10
День третий

Петерс не вернулся ни позже в тот же день, ни назавтра утром. Лимас торчал в четырех стенах, с нарастающим раздражением ожидая хоть каких-то сообщений, но их не поступало. Он обратился к хозяйке дома, но та лишь улыбнулась в ответ, пожав своими полными округлыми плечами. На следующее утро около одиннадцати часов он решил прогуляться по берегу, купил сигарет и с тоской смотрел на море.

У полосы прибоя на пляже стояла девочка и кидала кусочки хлеба чайкам. Он видел только ее спину. Морской ветер играл длинными черными волосами и раздувал пальто, отчего ее фигура напоминала лук, нацеленный в сторону воды. И именно в этот момент он осознал, как много дала ему Лиз: нечто, к чему он должен вернуться и вновь обрести, если ему только удастся добраться до Англии. Это было умение дорожить незначительными на первый взгляд вещами, вера в реальность нормальной, обыкновенной жизни; простота, с которой можно было положить в бу-

мажный пакет кусок хлеба, отправиться к морю и кормить чаек. Уважение к обыденности, которое ему прежде попросту не доводилось испытывать, да и обстоятельства не позволяли, — будь то хлеб для птиц или любовь. Ему необходимо вернуться и снова найти это. Вернее, позволить Лиз опять подарить ему это. Неделя, быть может, две — и он вернется домой. Шеф сказал, что ему позволят оставить себе все, что он получит, а значит, денег хватит. С пятнадцатью тысячами фунтов, выходным пособием и пенсией из Цирка человек, как выразился бы Шеф, может себе позволить вернуться с холода.

Лимас сделал круг и позвонил в дверь бунгало только без четверти двенадцать. Хозяйка молча впустила его, но он, едва войдя в комнату в задней части дома, услышал, как она сняла трубку телефона и набрала номер. Говорила она всего несколько секунд. В половине первого принесла ему обед и, к его радости, английские газеты, которые он с удовольствием просматривал до трех часов. Лимас обычно не читал ничего, но на этот раз изучал газетные строки медленно и внимательно. Он запоминал детали вроде имен и мест, где жили люди, о которых говорилось даже в самых мелких заметках, и делал это почти

бессознательно, словно придумал игру для тренировки памяти, и она полностью увлекла его.

В три часа прибыл Петерс, и стоило Лимасу увидеть его, как он понял: что-то произошло. Они не сели за стол, Петерс даже не снял своего макинтоша.

— У меня для вас дурные вести, — сказал он. — В Англии вы объявлены в розыск. Я услышал об этом сегодня утром. Они установили наблюдение во всех портах.

— В чем меня обвиняют? — спросил Лимас хладнокровно.

— Формально в нарушении правил условно-досрочного освобождения. Вы не явились для регистрации в полицейский участок в положенное время.

— А в действительности?

— По слухам, за действия, противоречащие закону о сохранении государственной тайны, подписку о соблюдении которого вы давали. Ваши фотографии будут опубликованы во всех лондонских вечерних газетах, хотя пока не ясно, какими текстами их сопроводят.

Лимас замер на месте.

Это дело рук Шефа. Именно он инициировал розыск. Другого объяснения быть не могло.

Даже если они взяли Эйша и Кивера и те все разболтали, в розыск объявить его могли только с санкции Шефа. «На все про все потребуется пара недель, — заверял он. — Я предполагаю, что вас увезут куда-нибудь для детальных допросов — может быть, даже за границу. Но двух недель окажется более чем достаточно. Дальше события начнут развиваться сами по себе. Вам просто придется лечь здесь на дно, пока запущенная вами химическая реакция не закончится. Но вы, как я понимаю, ничего не имеете против. Мною дано указание оставить вас в числе оперативных сотрудников до того момента, когда Мундт будет уничтожен. Это показалось мне справедливым решением вопроса».

А теперь такое!

Это не было частью их уговора, возникли совершенно непредвиденные обстоятельства. Что, черт возьми, ему делать в новых условиях? Если выйти из игры сейчас, отказаться от дальнейшего сотрудничества с Петерсом, вся задуманная операция будет сорвана. Конечно, существовала вероятность, что Петерс лгал, что это была всего лишь проверка, и тогда тем более стоило соглашаться на продолжение работы с ним. Да, но если он согласится и отправится с ним на восток — в

Польшу, Чехословакию или бог знает куда еще, — то у них не останется ни малейшей причины отпускать его назад. Более того, как преступник, находящийся в розыске на Западе, Лимас едва ли сможет придумать разумное объяснение, почему он хочет вернуться.

Нет, за этим стоит Шеф — на этот счет сомнений у него не оставалось. Уж слишком щедрыми были предложенные условия. Почему он не понял этого с самого начала? В Цирке не разбрасывались такими суммами, за исключением тех случаев, когда сотрудник шел на смертельный риск. Подобные деньги служили компенсацией за опасность, о которой Шеф предпочел не распространяться. Само по себе обещанное вознаграждение могло послужить предостережением, но Лимас не разглядел и не услышал его.

— Но как, чтобы им гореть в аду, они обо всем узнали? — тихо спросил он. А потом, словно его только что осенило, сказал: — Конечно, ваш приятель Эйш мог им настучать или тот же Кивер…

— Возможно, — отозвался Петерс. — Вы, как и я, знаете, что такое вполне вероятно. При нашей работе ни в чем и ни в ком невозможно быть до конца уверенным. Но факт остается фактом, — добавил он уже с некоторым нетерпением в

голосе. — Вас теперь будут искать в каждой из стран Западной Европы.

Но Лимас словно не слышал его.

— Я теперь у вас на крючке, верно, Петерс? — продолжал он. — Ваши люди животы надорвут от смеха. Если только не они сами подложили мне эту свинью, а?

— Вы преувеличиваете наши возможности, — угрюмо произнес Петерс.

— Тогда зачем было следить за мной? Объясните хотя бы это. Утром я вышел прогуляться, и двое мужчин в коричневых костюмах, держась друг от друга на дистанции ярдов в двадцать, следовали за мной всю дорогу. А как только я вернулся, хозяйка тут же поспешила сообщить о моем появлении вам.

— Давайте придерживаться только того, что нам известно наверняка, — вместо ответа предложил Петерс. — Каким образом власти вашей страны все про вас узнали, в данный момент не представляет для меня особого интереса. Важно лишь то, что узнали.

— Вы, случайно, не захватили с собой первых выпусков вечерних лондонских газет?

— Нет, конечно. Сюда они не доходят. Мы просто получили телеграмму из Лондона.

— Это вранье. Мне прекрасно известно, что ваш аппарат может принимать только телеграммы из Центра.

— На столь крайний случай было получено разрешение на связь между двумя региональными аппаратами, — злобно парировал Петерс.

— Вот, значит, как, — сказал Лимас с кривой усмешкой. — Вы, стало быть, крупная шишка. Или, — его снова словно бы осенило, — Центр сам руководит операцией. Угадал?

Этот вопрос Петерс не удостоил ответом.

— Альтернатива вам понятна. Или вы разрешаете нам позаботиться о вас, организовать безопасный уход, или остаетесь предоставленным самому себе, что приведет к очень быстрому аресту. У вас нет паспорта на другую фамилию, нет денег, нет вообще ничего. Даже ваш подлинный британский паспорт через десять дней станет недействительным.

— Но есть и третий вариант. Вы снабжаете меня швейцарским паспортом, даете денег и отпускаете. Тогда я смогу позаботиться о себе.

— Боюсь, это сочтут нежелательным.

— Вы хотите сказать, что не закончили допросы? И пока не закончите, моя ценность для вас не исчерпана?

— Да, положение примерно таково.

— И что вы сделаете со мной, когда все завершится?

Петерс усмехнулся.

— А чего бы вам хотелось?

— Смены личности. Возможно, паспорт одной из скандинавских стран. Обещанные деньги.

— Уж очень стандартно, — заметил Петерс, — но я запрошу свое руководство. Так вы едете со мной?

Лимас помолчал в нерешительности, потом спросил:

— А если откажусь, как вы поступите? В конце концов я могу много чего о вас порассказать.

— Ваши истории гроша ломаного не стоят без доказательств. Меня здесь не будет уже сегодня. А Эйш и Кивер… — Он пожал плечами. — Кого они могут заинтересовать?

Лимас подошел к окну. Начинался шторм. Он смотрел, как чайки кружат на фоне почерневшего неба. Девочки не было.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Действуйте.

— Самолетов в Восточную Европу теперь не будет до завтра. А вот в Берлин есть рейс через час. Мы должны успеть на него. Придется поторо-

питься. Время поджимает.

Пассивная роль, выпавшая на долю Лимаса тем вечером, позволила ему еще раз в полной мере оценить неброскую эффективность и организаторские таланты Петерса. Паспорт для него заготовили заранее — Центр предвидел даже такую ситуацию. Он был выдан на имя Александра Туайта, владельца туристического агентства, и в нем почти не осталось места от многочисленных виз и пограничных штампов — потрепанный, захватанный чужими пальцами паспорт профессионального путешественника. Голландский офицер бросил на него небрежный взгляд и поставил еще одну печать. Петерс стоял в очереди на контроль человека через три за Лимасом, и формальности, казалось, не интересовали его вообще.

Лимас вошел в зал вылета и сразу заметил книжный киоск. На стойке был выложен набор газет из разных стран мира: «Фигаро», «Монд», «Нойе цюрихер цайтунг», «Ди вельт» наряду с десятком британских газет и журналов. Пока он всматривался в названия, к стойке подошла девушка-продавец и выложила на свободную полку номер «Ивнинг стэндард». Лимас бросился к киоску и схватил газету.

— Сколько с меня? — спросил он, но, сунув руку в карман брюк, вспомнил, что у него вообще нет голландских денег.

— Тридцать центов, — ответила девушка. Она была довольно-таки хорошенькая, темноволосая и приветливая.

— Но у меня есть только два английских шиллинга. Это примерно гульден. Могу я заплатить ими?

— Да, разумеется, — ответила она.

Лимас отдал ей монету и оглянулся: Петерс еще не прошел паспортный контроль и стоял спиной к нему. Не колеблясь ни секунды, Лимас направился прямиком в мужской туалет. Там он быстро, но предельно внимательно просмотрел каждую полосу газеты, швырнул их в урну для мусора и вернулся в зал ожидания. Все оказалось правдой: газета опубликовала его снимок с коротким текстом. «Интересно, заметит ли это Лиз?» — думал он, медленно идя по проходу для пассажиров. Через десять минут они уже сидели в самолете, вылетавшем в Берлин через Гамбург. И впервые с того момента, когда все это началось, Лимасу стало по-настоящему страшно.

11
Друзья Алека

В тот же вечер Лиз навестили двое мужчин.

Квартирка Лиз Голд располагалась в доме у северной оконечности Бэйсуотера. В ней стояли две односпальные кровати и работал газовый камин — довольно симпатичный, в пепельно-серых тонах, который шипел, как современные приборы, а не булькал, подобно старым моделям. Она порой смотрела на огонь, когда у нее бывал Лимас, и только камин освещал почти погруженную во мрак комнату. Он ложился на кровать, на ее кровать, что располагалась дальше от двери, а она садилась рядом и целовала его или смотрела на газовую горелку, прижавшись щекой к его щеке. Сейчас она уже боялась думать о нем слишком часто, потому что забыла, как он выглядел, и потому разрешала себе лишь мимолетные мысли, в которых видела его смутно и как бы издалека. И тогда к ней могло вдруг прийти настоящее воспоминание — какая-нибудь мелочь, которую он сделал или о которой говорил; как он смотрел на нее или, что бывало гораздо чаще, как не обращал

на нее внимания вообще. Весь ужас заключался в том, что у нее не осталось на память о нем ничего — ни фотографии, ни хоть какой-то вещицы, ровным счетом ничего. Даже ни одного общего друга — только мисс Крэйл из библиотеки, чья ненависть к нему была полностью удовлетворена его внезапным исчезновением. Однажды Лиз ходила в дом, где он жил, и повстречалась с хозяином. Она сама не смогла бы объяснить, зачем это сделала, но набралась храбрости и пошла. Домовладелец отзывался об Алеке очень тепло: мистер Лимас вносил плату аккуратно, как истинный джентльмен, до самого конца. Правда, потом образовался небольшой должок за пару недель, но приехал приятель мистера Лимаса и полностью рассчитался без лишних вопросов или споров. Лично он, квартирный хозяин, всегда говорил и любому готов подтвердить, что мистер Лимас — человек порядочный. Причем, заметьте, никаких супер-пупер школ он не заканчивал, не важничал, но вел себя, как благородный. Иногда, конечно, на него нападала тоска, и он выпивал больше, чем полезно для здоровья, но дома всегда вел себя прилично. А тот его дружок, который заходил, — маленький такой, в очках и с виду застенчивый, — так он прямо сказал:

мистер Лимас, сказал, особенно настаивал, чтобы дела с его квартплатой непременно уладили. Вот как! И если он после этого не джентльмен, тогда квартирный хозяин вообще, стало быть, никогда с джентльменами не встречался. Уж где он брал деньги, одному богу известно, но мистер Лимас был человек хороший, это точно. А если он подрался с тем торговцем, то бишь Фордом, так этому гаду многие мечтали рыло начистить еще со времен войны. Комната? А что комната? Ее, конечно, пришлось сдать другому жильцу. Там поселился один приезжий из Кореи через два дня после того, как мистера Лимаса забрала полиция.

Скорее всего именно из-за него Лиз продолжала работать в библиотеке — потому что там он все еще продолжал незримо присутствовать: лестница, полки, книги, карточки и формуляры — все это были вещи, ему знакомые, к которым он прикасался, и, кто знает, однажды мог вернуться. Хотя он сказал, что не вернется никогда, она ему не поверила. Как не смогла бы поверить больному, утверждавшему, что он уже никогда не поправится. Между прочим, мисс Крэйл тоже была уверена в его неизбежном возвращении: совершенно неожиданно вскрылась недопла-

та ему жалованья за неделю, и ее выводила из себя мысль о том, что монстр, каким она его воспринимала, повел себя вопреки правилам, предписанным всем чудовищам, и не явился, чтобы забрать ему причитающееся. После того как Лимас пропал, Лиз постоянно терзалась вопросом: зачем он избил мистера Форда? Ей был известен его необузданный темперамент, но здесь причиной послужило что-то другое. Алек явно готовился совершить этот поступок, как только полностью выздоровеет. Поэтому он накануне и попрощался с ней, почему еще? Он знал, что изобьет мистера Форда на следующий день. Она отказывалась принять единственное другое рациональное объяснение — что он попросту устал от нее и решил расстаться, а днем позже, все еще в расстроенных чувствах, не справился с эмоциональным напряжением, не выдержал хамства мистера Форда и ударил его. Она ведь знала, видела с самого начала, что Алек должен совершить что-то. Он чуть ли не прямо говорил ей об этом. Но что именно, она и предположить не могла.

Поначалу она решила, что его ссора с мистером Фордом возникла по какому-то старому поводу, на почве взаимной ненависти, уходящей корня-

ми в прошлое и связанной, быть может, с бывшей девушкой Алека или с его семьей. Но достаточно было увидеть мистера Форда, чтобы подобные предположения показались смехотворными. Это был типичный мелкий буржуа — осторожный, но самодовольный и злобный. И к тому же, если Алек и вынашивал планы вендетты против мистера Форда, зачем он напал на него в субботу, когда так много народа отправляется за покупками и рядом оказалось столько свидетелей?

Они обсудили происшествие на собрании местной коммунистической ячейки. Джордж Хэнби, ответственный за сбор партийных взносов, случайно проходил мимо той лавки, когда все случилось. Сам он почти ничего не разглядел из-за густой толпы зевак, но разговаривал с парнем, который видел все. На Хэнби это произвело такое сильное впечатление, что он позвонил в «Уоркер»[14], и они прислали корреспондента на заседание суда. Вот почему «Уоркер» оказался одним из немногих изданий, посвятивших теме половину центрального разворота. «Это был прямой протест, спонтанная вспышка социальной вражды и ненависти к правящим клас-

[14] Примечания: 14

Имеется в виду газета «Дейли уоркер» — в то время орган компартии Великобритании, предшественница «Морнинг стар».

сам», — писал репортер «Уоркера». Тот человек, с которым разговаривал Хэнби (обыкновенный гражданин в очках, по всей видимости, рядовой служащий), рассказал, что все произошло совершенно внезапно, и для Хэнби это послужило лишним подтверждением того, из какого легковоспламеняющегося материала была выстроена капиталистическая система. Лиз молча слушала разглагольствования Хэнби. Никто из товарищей, конечно же, не знал о ее связи с Лимасом. И она вдруг поняла, что ненавидит Джорджа Хэнби. Это был самодовольный мужчина с грязными мыслями, который постоянно пялился на нее и при случае пытался лапать.

А потом приехали эти двое.

Ей сразу показалось, что они не похожи на обыкновенных полицейских: выглядели слишком интеллигентно, а на их небольшом черном автомобиле стояла сложного вида антенна. Один из них был низкорослым толстячком в очках и странной, хотя и дорогой одежде. Он производил впечатление человека доброго, но немного нервного, и Лиз с первых минут прониклась к нему безотчетным доверием. Второй выглядел более подтянутым, но не щеголеватым — с виду совсем еще молодой, хотя, как она подозревала, ему было

лет около сорока. Они представились офицерами особого отдела и предъявили закатанные в пластик удостоверения с фотографиями. Говорил главным образом толстячок.

— Насколько мне известно, вы поддерживали дружеские отношения с Алеком Лимасом, — начал он.

Ей хотелось рассердиться, но этот пухлый мужчина был столь серьезен, что злиться на него казалось глупостью.

— Да, — ответила она. — А как вы об этом узнали?

— Совершенно случайно и буквально накануне. Когда человека сажают… Помещают в тюрьму, его просят указать ближайшего родственника. Лимас сначала заявил, что у него нет близких, но, как выяснилось, это была неправда. Тогда его спросили, кого им информировать, если в тюрьме с ним случится какое-то несчастье. И он назвал вас.

— Теперь понятно.

— Кто-то еще знает о вашей с ним дружбе?

— Нет.

— Вы присутствовали на суде?

— Нет.

— Вам не звонили репортеры, люди, которым

он задолжал деньги, или кто-нибудь другой?

— Нет. Я же вам сказала. Больше никто не знал. Даже мои родители. Никто. Конечно, мы работали вместе в библиотеке литературы, принадлежащей лаборатории экстрасенсорных исследований, но и об этом известно только мисс Крэйл, заведующей. А я сомневаюсь, чтобы она догадывалась о связи между нами. Она вообще со странностями, — добавила Лиз.

Маленький человек некоторое время очень серьезно смотрел на нее, а потом спросил:

— Вы удивились, когда мистер Лимас избил мистера Форда?

— Да, конечно.

— Почему, как вы считаете, он сделал это?

— Не знаю. Наверное, потому, что Форд отказал ему в кредите на товары. Но мне показалось, что Алек решился на все заранее. — Она сразу поймала себя на мысли, что сболтнула лишнее, но ей очень хотелось хоть с кем-то поговорить обо всем. Ей было очень одиноко, и она не видела в этом большого вреда. — В ту ночь, в ночь накануне событий, мы с ним разговаривали. Мы ужинали вместе, и это получился особый ужин. Алек настоял на нем, и я поняла, что это будет наша с ним последняя ночь. Он где-то достал бутылку

красного вина, но оно мне не очень понравилось. Почти все выпил сам Алек. А потом я спросила: «Мы с тобой прощаемся?» — хотела убедиться, что это конец.

— И что же он ответил?

— Сказал, что ему предстоит важное дело. Но я ничего толком не поняла.

Воцарилось долгое молчание, и маленький человечек выглядел еще более встревоженным. Наконец он спросил:

— Вы ему поверили?

— Не знаю. — Ей внезапно стало страшно за Алека, хотя она не понимала причин. Мужчина задал еще один вопрос:

— Лимас был женат, и у него остались двое детей. Он вам рассказывал об этом?

Лиз промолчала.

— Но, несмотря на это, именно вас он указал как самого близкого человека. Вы хотя бы догадываетесь почему?

Казалось, толстячка смутил собственный вопрос. Он смотрел на свои пухлые руки, которые держал стиснутыми на коленях. Лиз тоже покраснела.

— Я любила его, — ответила она.

— А он? Он любил вас?

— Возможно. Я не знаю.

— И вы все еще его любите?

— Да.

— Он обещал, что когда-нибудь вернется? — спросил тот, что был помоложе.

— Нет.

— Но он тем не менее сказал вам «До свидания»? — быстро задал вопрос его напарник. — Или он сказал вам «Прощай»?

Маленький человек повторил свой вопрос медленно и с доброй интонацией в голосе.

— С ним больше ничего не случится, я обещаю. Но мы хотели бы помочь ему, и, если у вас есть догадки, почему он ударил Форда, любые предположения, основанные на том, что он вам говорил, о чем мог случайно обмолвиться, тогда ради его блага расскажите нам об этом.

Лиз покачала головой.

— Пожалуйста, уходите, — сказала она. — Прошу, не надо больше задавать мне никаких вопросов. Пожалуйста, уходите сейчас же.

Подойдя к двери, тот, что был постарше, помялся, а потом достал из бумажника визитную карточку и положил ее на столик так осторожно, словно она могла наделать много шума.

— Если вам понадобится помощь, если узнаете

что-то об Алеке или… Словом, позвоните мне, — сказал он. — Вы сделаете это?

— Кто вы такой?

— Я — друг Алека Лимаса.

Он снова замолчал в нерешительности.

— Есть еще кое-что, — произнес он наконец, — один последний вопрос. Алек знал, что вы член… Словом, он знал, что вы состоите в компартии?

— Да, — ответила она с безнадежностью в голосе. — Я сказала ему об этом.

— А ваши товарищи по партии знали о вас и Алеке?

— Я же вам говорила. О нас не знал никто. — Страшно побледнев, она вдруг выкрикнула: — Где он? Скажите мне, где он?! Почему вы не хотите мне сказать, что с ним? Разве вы не видите — я могла бы ему помочь, я бы ухаживала за ним, даже… Даже если он сошел с ума. Мне все равно, клянусь, для меня это не имеет значения… Я писала ему в тюрьму. Понимаю, не следовало этого делать. Просто хотела дать ему знать, что он может вернуться в любое время. Я всегда буду ждать его…

Она больше не могла говорить и лишь всхлипывала, стоя в центре комнаты, спрятав в ладонях искаженное горем лицо. Маленький человечек

наблюдал за ней.

— Алек уехал за границу, — произнес он тихо. — Мы точно не знаем, куда именно. И он не сумасшедший. Но только ему не следовало говорить вам так много. Право, жаль, что он это сделал.

Более молодой добавил:

— Мы позаботимся о вас. Поможем деньгами и всем, что понадобится.

— Кто вы такие? — снова спросила Лиз.

— Друзья Алека, — повторил молодой. — Старые друзья.

Она слышала, как они почти бесшумно спустились по лестнице и вышли на улицу. Из окна было видно, как их небольшая черная машина отъехала в сторону парка.

Потом она вспомнила о визитной карточке. Подошла к столику, взяла ее и поднесла к свету. Это была дорогая визитка, какую не мог бы себе позволить простой полицейский, подумала она. Гравированная. Перед именем ни звания, ни адреса полицейского участка, ничего. Просто «Мистер»... И где это видано, чтобы полисмен жил в Челси?

«Мистер Джордж Смайли. Челси, Байуотер-стрит, дом 9». И номер телефона внизу.

Все это было очень странно.

12
Восток

Лимас отстегнул ремень безопасности.

Говорят, что приговоренные к смерти порой переживают моменты острой радости, уподобляясь мотылькам, летящим на огонь, для которых мгновение гибели становится кульминацией существования. Вот и Лимас сразу после принятия решения испытал схожее чувство: облегчение, пусть кратковременное, но успокаивающее, овладело им в первые минуты. Но затем оно сменилось ощущениями страха и голода.

Он терял скорость реакции. Шеф был прав.

Впервые это стало ему понятно еще в начале года, когда он продолжал заниматься делами Римека. Карл тогда прислал сообщение: он добыл крайне важную информацию, и ему как раз выпала редкая возможность посетить Западную Германию для участия в какой-то конференции юристов в Карлсруэ. Лимас самолетом добрался до Кельна, а в аэропорту взял в аренду машину. Стояло раннее утро, и он надеялся избежать слишком густого транспортного потока на автобане,

который вел в сторону Карлсруэ, но просчитался: тяжелые грузовики уже двинулись в путь. За первые полчаса он ухитрился преодолеть семьдесят километров, виляя между автомобилями, порой рискуя, чтобы выиграть время, когда маленькая машинка (кажется, «фиат») неожиданно выскочила в крайний левый ряд в каких-то сорока ярдах перед ним. Лимас резко нажал на тормоз, включил дальний свет и засигналил, но лишь по чистой случайности избежал столкновения, до которого оставались доли секунды. Обгоняя уступивший ему дорогу автомобильчик, он краем глаза увидел в нем четверых маленьких детишек, махавших ему руками и смеявшихся, а потом тупое, все еще испуганное лицо их отца, сидевшего за рулем. Он промчался мимо, выругавшись про себя, и вдруг с ним произошло это: крупно затряслись руки, лицо изнутри обдало жаром, а сердце забилось в бешеном ритме. Лимас сумел свернуть с шоссе на площадку для отдыха, вывалился из машины и стоял, тяжело дыша, глядя на поток большегрузных фур, проносившихся мимо. Перед его мысленным взором предстала крошечная легковушка, зажатая между ними, раздавленная всмятку и раскатанная огромными колесами. Не осталось ничего, кроме беспорядочного воя

клаксонов, синих проблесковых маячков полиции и детских тел, разорванных в клочья, как те беженцы на дороге вдоль дюн.

Остаток пути он ехал очень медленно и опоздал на встречу с Карлом.

И с тех пор всегда, когда он вел машину, из глубин памяти всплывали мордочки детишек, махавших ему с заднего сиденья «фиата», и фигура их папаши, вцепившегося в руль так, как крестьянин держится за ручки плуга.

Шеф счел бы это симптомом болезни.

В самолете он сидел, скучая, в своем кресле над крылом. Рядом с ним расположилась американка в туфлях на высоких каблуках. На мгновение у него возникло искушение попытаться передать через нее записку своим людям в Берлине, но он тут же отказался от этой затеи. Она наверняка решит, что он с ней заигрывает, а Петерс сразу все поймет. К тому же какой вообще смысл что-то предпринимать? Шеф знал, что происходило. Шеф сделал все, чтобы это произошло. К этому добавить было нечего.

Оставалось только гадать, что с ним случится дальше. Об этом Шеф ничего не говорил. Его волновала только тактика:

«Не выдавай им всей информации сразу, за-

ставь их попотеть. Путайся в деталях, опускай отдельные подробности, повторяйся. Будь упрям и несговорчив, не облегчай им задачу. Пей как можно больше. И не поддавайся на идеологическую обработку — они тебе все равно не поверят. Они хотят иметь дело с человеком, который им продался, они хотят столкновения с бывшим врагом, Алек, а не исповеди фальшиво обращенного в их веру. А превыше всего они стремятся сами из всего делать выводы, использовать собственную *дедукцию*. Почва для этого унавожена, мы уже давно позаботились об этом — подбросили мелкие улики, незначительные обрывки информации. Ты станешь для них последней стадией поиска спрятанных сокровищ».

Ему пришлось согласиться на все: невозможно отступить в крупной игре, когда вся предварительная работа уже кем-то проделана за тебя.

«Могу твердо заверить тебя в одном: оно того стоит. Мы это делаем, исходя из высших интересов государства, Алек. Сумей все вытерпеть, и мы одержим великую победу».

Лимас сомневался в своей способности выдерживать пытки. Он вспомнил книгу Кестлера, где революционер готовил себя к грядущим мучениям, прижигая пальцы спичками. Читал он

немного, но это прочел и запомнил.

Когда они приземлились в Темпльхофе, уже почти совсем стемнело. Лимас видел, как берлинские огни словно поднялись навстречу, почувствовал глухой удар шасси о посадочную полосу, увидел, как офицеры пограничной и таможенной служб приблизились к лайнеру, возникнув из сумрака.

На мгновение Лимас испугался, не попадется ли ему в аэропорту кто-нибудь из старых знакомых. Но они с Петерсом прошли бок о бок нескончаемыми коридорами, миновали поверхностную проверку паспортов и багажа, но нигде не мелькнуло ни одного знакомого, никто не повернулся, чтобы поздороваться с ним. И тогда он понял, что на самом деле это был не страх, а надежда — смутная надежда на то, что его молчаливое согласие продолжать игру вдруг придется пересмотреть под давлением неожиданных обстоятельств.

Ему показалось примечательным, что Петерс больше не делал вид, будто они путешествуют по отдельности. Все выглядело так, словно для Петерса Западный Берлин был уже безопасной территорией, где бдительность и осторожность не особенно требовались, — так, всего лишь последняя стадия пути на восток.

Они шли через большой зал терминала к главному выходу, когда Петерс вдруг, как показалось, передумал, резко сменил направление и повел Лимаса к небольшой двери сбоку, выходившей на парковку и стоянку такси. Здесь Петерс задержался ненадолго, стоя под фонарем, подсвечивавшим дверь снаружи, поставил свой чемодан рядом на тротуар, демонстративно вынул газету, сложил ее, запихнул в левый карман плаща и снова взялся за ручку чемодана. В тот же момент фары у одного из автомобилей на автостоянке включились, мигнули и погасли.

— Пойдемте, — сказал Петерс и быстро зашагал по асфальту. Лимас шел сзади и чуть медленнее. Когда они поравнялись с первым рядом машин, задняя дверь черного «мерседеса» распахнулась, и внутри включилось освещение. Петерс, ярдов на десять опережавший Лимаса, стремительно приблизился к автомобилю, тихо обменялся несколькими словами с водителем, а потом повернулся к Лимасу:

— Вот наша машина. Живее!

Это был старый «Мерседес-180». Лимас покорно сел на заднее сиденье, Петерс разместился с ним рядом. Тронувшись с места, они объехали малень-

кий «де-ка-вэ»[15] с двумя мужчинами в кабине. В двадцати ярдах на тротуаре стояла телефонная будка. Стоявший в ней и что-то говоривший в трубку человек внимательно проследил за их отъездом, ни на секунду не умолкая. Лимас бросил взгляд в зеркало заднего вида и увидел, что «де-ка-вэ» следует за ними. «Прием на высшем уровне», — отметил про себя он.

Ехали они не слишком быстро. Лимас сидел, положив руки на колени и глядя прямо перед собой. Ему не хотелось видеть Берлин в этот вечер. У него оставался последний шанс, и он отчетливо понимал это. Из того положения, которое он занимал сейчас, можно было нанести Петерсу сначала удар ребром правой ладони по горлу, а потом локтем в грудную клетку. Можно было выскочить из машины и бежать, петляя, чтобы не попасть под пулю из автомобиля сопровождения. И он будет свободен. В Берлине остались люди, которые бы о нем позаботились. Он еще мог уйти.

Но не сделал ничего.

Пересечение границы между секторами оказалось очень простым делом. Лимас даже не предполагал, что это может оказаться так легко.

---

[15] Примечания: 15
Марка немецких автомобилей, выпускавшихся до 1966 г.

Правда, сначала минут десять они выжидали, и Лимас догадался, что на переходе им следовало оказаться в строго определенное время. Когда они уже приближались к западногерманскому посту, «де-ка-вэ» неожиданно обогнал их, надрывно взвыв не слишком мощным мотором, и остановился перед будкой полиции. «Мерседес» остался в тридцати ярдах позади. Через пару минут красно-белый шлагбаум поднялся, чтобы пропустить «де-ка-вэ», и под него проскочили обе машины, но теперь уже водитель «мерседеса» насиловал двигатель на второй передаче, откинувшись на спинку сиденья и нервно держа руль в вытянутых руках.

Пока они проезжали пятьдесят ярдов, разделявшие два поста, Лимас невольно заметил новые укрепления, возведенные с восточной стороны, — заостренные железные прутья поверх стены, которые прозвали «зубами дракона», вышки охранников и новые заграждения из колючей проволоки. К тому же подсветка сделалась ярче.

У второго поста «мерседес» даже не снизил скорости: шлагбаумы были подняты заранее, и они промчались мимо будки, где сотрудники Фопо лишь наблюдали за ними в бинокли. «Де-ка-вэ» сначала вроде бы вообще исчез, и только десять

минут спустя Лимас снова заметил его позади. Теперь машины мчались на высокой скорости — Лимас предполагал, что в Восточном Берлине они сделают остановку, чтобы сменить автомобили и, быть может, поздравить друг друга с успешным завершением операции, но они продолжали пересекать город, держась восточного направления.

— Куда мы едем? — спросил он Петерса.

— А мы уже приехали. Это Германская Демократическая Республика. Здесь для вас подготовили жилье.

— Но я полагал, что мы продолжим путь еще восточнее.

— Так и будет. Но сначала мы проведем пару дней здесь. Мы подумали, что надо дать шанс и немцам побеседовать с вами.

— Понятно.

— В конце концов, большая часть вашей работы была связана именно с Германией. Я уже передал им копию ваших прежних показаний.

— И они попросили о встрече со мной?

— Конечно. У них же никогда не было никого и близко похожего на вас. Человека, столь хорошо… Столь прекрасно осведомленного. Мое руководство согласилось, что мы обязаны дать им шанс

лично допросить вас.

— А потом? Куда мы отправимся из Германии?

— Дальше на восток.

— С кем я встречусь здесь?

— А для вас это имеет значение?

— Не слишком большое. Просто я знаю большинство людей из Абтайлунга по именам, и мне стало любопытно.

— А кого бы вы ожидали увидеть?

— Фидлера, — мгновенно ответил Лимас, — заместителя начальника службы безопасности. Правую руку Мундта. Все важные допросы он проводит лично. Та еще сволочь.

— За что вы его так?

— Это злобный маленький садист. Я о нем наслышан. Однажды к нему на допрос попал агент Питера Гиллама, так он чуть не убил его собственными руками.

Лимасу действительно было многое известно о Фидлере. От фотографии в досье до подробностей показаний его бывших подчиненных. Невысокий, худощавый, аккуратный мужчина с гладким лицом — еще достаточно молодой. Темные волосы, светло-карие глаза. Умный и жестокий, как и сказал Лимас. При хрупком сложении он обладал въедливым умом и цепкой

памятью и производил впечатление человека, лишенного каких-либо личных амбиций, но получавшего наслаждение, уничтожая карьеры и амбиции других людей. Фидлер был редкой фигурой для Абтайлунга — он не участвовал ни в каких внутренних интригах и казался полностью удовлетворенным ролью тени Мундта без всяких перспектив повышения. Его невозможно было причислить ни к одной из сформировавшихся клик. Даже те, кто тесно сотрудничал с ним в Абтайлунге, не смогли бы точно определить его подлинное место в иерархии этого силового ведомства. Фидлер оставался одиночкой: его боялись, его не любили, ему не доверяли. Если у него и существовали какие-то тайные мотивы или мнения, он надежно прятал их под маской вечного разрушительного сарказма.

«Мы делаем основную ставку на Фидлера», — объяснял Шеф. Они тогда ужинали втроем — Лимас, Шеф и Питер Гиллам — в том жутком доме в Суррее, похожем на сказочное жилище семи гномов, где Шеф обитал вместе со своей кнопкой-женой среди множества индийских столиков с резными медными столешницами.

«Фидлер — это покорный с виду служитель у алтаря, помощник верховного жреца, который

однажды с удовольствием всадит тому нож в спину. Он — единственный человек, способный тягаться с Мундтом во всем, — Гиллам при этом понимающе кивнул, — и Мундт ненавидит его за это. Кроме того, Фидлер — еврей, а Мундт… Скажем так, нечто полностью противоположное. Взрывоопасная смесь. Нашей задачей было, — продолжал он, указывая на себя и Гиллама, — вручить Фидлеру оружие, способное уничтожить Мундта. Ваша миссия, мой дорогой Лимас, будет заключаться в том, чтобы убедить его пустить это оружие в ход. Не напрямую, конечно, поскольку вам едва ли доведется когда-нибудь лично с ним встретиться, на что я по крайней мере от всей души надеюсь».

Они дружно посмеялись тогда. Им всем это показалось хорошей шуткой. Разумеется, если иметь в виду специфическое чувство юмора Шефа.

Уже, должно быть, перевалило за полночь. Какое-то время они тряслись по проселочной дороге, проходившей то через лес, то полями. Потом остановились, «де-ка-вэ» припарковался рядом. Когда они с Петерсом выходили наружу, Лимас заметил, что во второй машине теперь ехали трое. Двое уже выбирались из нее, а третий, сидевший

сзади, остался на месте, просматривая какие-то бумаги при свете лампочки в салоне, — худощавая фигура, почти полностью скрытая в тени.

Для стоянки было выбрано место рядом с заброшенной конюшней. В тридцати ярдах дальше виднелась еще одна постройка. При свете фар Лимас различил приземистый фермерский дом из бревен и беленого кирпича. Взошла полная луна. Она сияла так ярко, что поросшие лесом холмы в отдалении четко вырисовывались на фоне бледного ночного неба. Они пошли к дому — Петерс и Лимас впереди, двое других мужчин чуть отстали. Третий человек, приехавший с ними, по-прежнему оставался в машине и читал.

Рядом с дверью Петерс задержался, чтобы дождаться своих коллег. У одного из них в левой руке появилась связка ключей, и, пока он искал нужный, второй отступил чуть в сторону, держа руки в карманах, прикрывая товарища.

— Как я посмотрю, они ничего не оставляют на волю случая, — заметил Лимас, обращаясь к Петерсу. — Интересно, что они обо мне думают? За кого принимают?

— Им платят не за то, чтобы они думали, — ответил Петерс и, повернувшись к одному из них, спросил по-немецки: — Он придет или нет?

Немец пожал плечами и посмотрел в сторону машины.

— Придет, — сказал он. — Ему нравится появляться последним.

Они вошли в сопровождении одного из охранников. Внутри дом напоминал скорее частично обновленную охотничью хижину. Маломощная бледная лампочка под потолком давала тусклое освещение. Кругом царил дух запустения, из углов несло плесенью, словно домом давно никто не пользовался. Там и здесь были видны свидетельства его принадлежности государственной организации — схема эвакуации на случай пожара и размещения средств борьбы с огнем, казенная зеленая краска на дверях, тяжелые пружинные замки, а во вполне комфортабельной гостиной тяжелая темная мебель, уже сильно поцарапанная, соседствовала с неизбежными портретами советских вождей. Для Лимаса все это лишь служило подтверждением принадлежности Абтайлунга к неповоротливой бюрократической машине. Впрочем, разве нельзя было сказать того же и о Цирке?

Петерс сел, Лимас последовал его примеру. Прождав еще десять минут или даже немного дольше, Петерс обратился к одному из двух

мужчин, продолжавших стоять, неловко переминаясь с ноги на ногу, у противоположной стены комнаты:

— Пойдите и напомните ему, что мы ждем. И найдите нам еды, мы голодны. — Когда один из охранников уже выходил, он добавил: — И виски, прикажите им принести для нас виски и стаканы.

Мужчина в ответ сделал неопределенный, но откровенно не слишком дружественный жест рукой и вышел, оставив дверь за собой открытой.

— Вам доводилось бывать здесь раньше? — спросил Лимас.

— Да, — кивнул Петерс, — несколько раз.

— Зачем?

— Со схожими целями. Не совсем аналогичными, но по работе.

— С Фидлером?

— Да.

— Он хороший профессионал?

Петерс пожал плечами.

— Для еврея не так уж плох, — ответил он, но в этот момент Лимас услышал звуки из прихожей, повернулся и увидел в дверях Фидлера. В одной руке он держал бутылку виски, в другой — стаканы и какую-то минеральную воду. Ростом

был не выше пяти футов шести дюймов. На нем был темно-синий однобортный костюм, причем пиджак был длиннее, чем следовало. Выглядел он довольно ухоженным, но все равно слегка напоминал какого-то лоснящегося зверька, а его глаза действительно имели светло-карий оттенок. Фидлер посмотрел сначала не на них, а на охранника, стоявшего рядом с дверью.

— Можете тоже идти, — сказал он с легким саксонским акцентом. — Отправляйтесь и передайте своему напарнику, чтобы принес нам еды.

— Я уже попросил об этом, — пожаловался Петерс. — Они знают, что нам нужно, но пока ничего не принесли.

— О, это настоящие снобы, — иронично заметил Фидлер по-английски. — Они считают, что кормить нас — обязанность прислуги.

Всю войну Фидлер провел в Канаде. Лимас читал об этом в его личном деле, и акцент стал дополнительным напоминанием. Его родители были еврейскими беженцами из Германии, марксистами, и только в 1946 году семья вернулась домой, горя желанием любой ценой принять участие в строительстве нового немецкого государства по сталинскому образцу.

— Привет, — Фидлер обратился к Лимасу, как к

старому знакомому, — рад вас видеть.

— Привет, Фидлер.

— Вот вы и оказались в конце пути.

— Что за чушь вы несете? — тут же вскинулся Лимас.

— Я всего лишь имею в виду, что вопреки любым обещаниям Петерса дальше на восток вы не отправитесь. Уж извините, — он произнес эту фразу с откровенным удовольствием.

Лимас повернулся к Петерсу.

— Это правда? — его голос дрожал от гнева. — Это правда? Отвечайте!

Петерс кивнул.

— Да. Я всего лишь исполнял роль посредника. Нам пришлось прибегнуть к такому способу. Простите, — счел необходимым добавить он.

— Но почему?

— Форс-мажор, — ответил за него Фидлер. — Ваш первый допрос должен был состояться на Западе, где только посольство могло обеспечить необходимые для этого условия. У Германской Демократической Республики нет посольств на Западе. Пока нет. И потому наши союзники согласились предоставить нам свои помещения, средства связи и иммунитет, которыми не обладаем сейчас мы сами.

— Вы — мерзавцы, — прошипел Лимас, — законченные лживые мерзавцы! Вы знали, что я никогда не свяжусь с вашей прогнившей насквозь организацией. Вот в чем истинная причина, не так ли? И потому подставили мне русского.

— Мы использовали возможности советского посольства в Гааге. А что нам оставалось делать? На первых же порах это была исключительно наша собственная операция. И все шло по плану. Никто не мог предположить, что английская контрразведка так быстро поймет, на что вы решились.

— Никто не мог, говорите? А не вы ли сами меня подставили? Ведь так оно и было, Фидлер. Или будете это отрицать?

«Не забывайте демонстрировать свою неприязнь к ним, — поучал его Шеф. — Тем больше они станут ценить полученную от вас информацию».

— Совершенно абсурдное предположение, — коротко ответил Фидлер. Потом посмотрел на Петерса и сказал что-то по-русски. Петерс кивнул и поднялся.

— До свидания, Лимас, — произнес он. — Удачи вам.

Едва заметно улыбнувшись, он попрощался с Фидлером и направился к двери. Взявшись за

ручку, обернулся и еще раз обратился к Лимасу:

— Желаю удачи.

Ему явно хотелось, чтобы Лимас как-то отозвался, но тот словно и не слышал его. Он заметно побледнел, а руки держал по швам, выставив вверх большие пальцы, словно готовился к драке. Петерс продолжал стоять в дверях.

— Мне следовало догадаться, — произнес наконец Лимас, и в его голосе отчетливо звучали нотки обиженного и одновременно очень обозленного человека. — Я должен был знать, что у вас, Фидлер, никогда не хватит смелости самому проделать всю грязную работу. Как типично для вашей гнилой недоношенной полустраны и для вашей жалкой спецслужбы! Вам приходится просить старшего брата играть за вас роль сутенера. Хотя вас вообще нельзя считать страной, вас не существует. А вместо правительства у вас низкопробная диктатура политических неврастеников. — Потом он ткнул указательным пальцем в сторону Фидлера и заорал: — И таких, как ты, я хорошо знаю, гнусный садист. Это вполне в твоем характере. Всю войну отсиживался в Канаде, ведь так? В тихом уютном местечке. Держу пари, ты прятал свою маленькую безмозглую головку в подол своей мамочки всякий раз, когда над

вами пролетал самолет. И кто ты теперь? Карлик, пресмыкающийся перед Мундтом, пока двадцать две русские дивизии стоят у порога твоего дома. Что ж, мне будет жаль тебя, Фидлер, потому что однажды ты проснешься и увидишь, как они уходят. Вот тогда пробьет твой смертный час, и ни мамочка, ни старший брат не спасут тебя от заслуженной кары.

Фидлер выслушал его совершенно равнодушно и сказал:

— Воспринимайте это как визит к зубному врачу, Лимас. Чем скорее все закончится, тем раньше вернетесь домой. А теперь поешьте и ложитесь спать.

— Вы прекрасно знаете, что я не смогу вернуться, — сказал Лимас. — Вы об этом позаботились. Вы выдали меня в Англии со всеми потрохами. Вам пришлось пойти на это — вам обоим. Потому что вы прекрасно понимали, мать вашу, что я никогда не соглашусь поехать сюда без крайней необходимости.

Фидлер разглядывал свои тонкие, но сильные пальцы.

— Едва ли сейчас подходящее время для того, чтобы философствовать, — сказал он, — но на вашем месте жаловаться абсолютно не на что,

если хотите знать мое мнение. Вся наша работа — и моя, и ваша — строится на том теоретическом посыле, что общее дело важнее судьбы индивидуума. Вот почему коммунист рассматривает секретные службы своей страны как оружие, вложенное в его руку, и по той же причине ваша разведка прячется под завесой pudeur anglaise[16]. Эксплуатация людей может быть оправдана только коллективной необходимостью, не так ли? Вот почему меня может только забавлять ваше безграничное негодование. Мы ведь здесь не для того, чтобы обсуждать этические правила жизни в английской провинции. В конце концов, — добавил он язвительно, — ваше собственное поведение было далеко не безупречным, если взглянуть с точки зрения строгого моралиста.

Лимас смотрел на Фидлера с брезгливым выражением на лице.

— Я понял вашу затею. Вы ведь нечто вроде пуделя при Мундте, верно? Говорят, вы хотите занять его место. Теперь, по всей вероятности, вам это удастся. Время правления Мундта истекает, вот в чем все дело.

— Не понимаю, — сказал Фидлер.

---

[16] Примечания: 16
Английской деликатности (*фр.*).

— Я — ваш крупный личный успех, правда? — усмехнулся Лимас.

Фидлер ненадолго задумался, а потом ответил:

— Да, операция проведена успешно. Но вот стоите вы приложенных усилий или нет, пока остается под вопросом. Это нам только предстоит понять. Но в целом это была прекрасная операция. Потому что она удовлетворила главному требованию нашей профессии: она сработала.

— И всю заслугу, надо полагать, вы припишете себе? — упорствовал Лимас, бросив беглый взгляд в сторону Петерса.

— Вопрос о чьих-либо заслугах не стоит вообще, — с неожиданной твердостью ответил Фидлер. Он уселся на валик дивана, с минуту в задумчивости смотрел на Лимаса, а потом продолжил: — Тем не менее вы совершенно справедливы в своей злости по одному из поводов. А именно: кто все-таки информировал ваших людей, что мы вывезли вас из страны? Уж точно не мы сами. Можете мне не верить, но это чистая правда. Мы вас не выдавали. Нам даже не хотелось бы, чтобы они знали обо всем. Поначалу у нас появились планы использовать вас в будущем как своего агента, но теперь подобные прожекты нереальны и смехотворны. Так кто же

настучал на вас? Вы ведь практически исчезли, скитались как неприкаянный — без адреса, без связей, без друзей. Так откуда же, черт возьми, им стало известно, что вы удрали? Кто-то же намекнул им об этом. Но конечно, не Эйш и не Кивер, потому что оба сейчас находятся под арестом.

— Под арестом?

— Да, как мне доложили. Но по делу, никак не связанному с вами. За ними водились другие грешки…

— Интересное совпадение.

— Все, что я вам только что сказал, — правда до последнего слова. Мы могли бы удовлетвориться протоколами допросов, присланными Петерсом из Голландии. Вы бы получили свои деньги и распрощались с нами. Но вы не рассказали всего, а нам нужно знать все. Хотя ваше присутствие здесь создает, как вы понимаете, определенные проблемы и для нас тоже.

— Что ж, вы попались в собственный капкан. Теперь я это вижу, и меня это только радует.

Воцарилось молчание, которым Петерс воспользовался, чтобы еще раз коротко и не слишком дружелюбно кивнуть Фидлеру и тихо покинуть комнату.

Фидлер взял бутылку виски и налил понемногу

в два стакана.

— Боюсь, содовой воды нет, — сказал он. — Вы разбавляете чем-то другим? Я просил раздобыть содовой, но эти болваны принесли обычный лимонад.

— О, идите вы к черту со своей содовой, — отозвался Лимас. Внезапно на него навалилась усталость.

Фидлер покачал головой.

— Вы очень гордый человек, — заметил он, — но я не обижаюсь на вас. Ужинайте и отправляйтесь спать.

Один из охранников поставил перед ними поднос — черный хлеб, колбаса, салат из зелени.

— Пища простая, но сытная, — сказал Фидлер. — Картошки, увы, нет. В стране временные трудности с картофелем.

И они приступили к еде. Фидлер поглощал ее с предельной осторожностью, словно подсчитывал потребленные калории.

* * *

Потом охранники проводили Лимаса до спальни. Они позволили ему самому нести багаж — тот самый, которым Кивер снабдил его еще в Англии, — и он прошел с ними широким глав-

ным коридором, который вел от входной двери через весь дом. Они остановились у широких сдвоенных дверей, выкрашенных той же зеленой краской, и один из сопровождающих отпер ее. Лимасу знаками показали, чтобы он входил первым. Он распахнул одну из створок и оказался словно в небольшой казарме, где стояли двухъярусная кровать, стул и простой стол. В подобных условиях в Англии держали военнопленных. На стенах висели страницы из журналов с фотографиями девушек, а окна закрывали ставни. В противоположном конце комнаты располагалась другая дверь. Ему жестом было указано отправляться туда. Поставив свои чемоданы на пол, Лимас подчинился и открыл дверь. Вторая комната в точности напоминала первую, но кровать там стояла только одна, а стены были голыми.

— Занесете мой багаж сами, — сказал он. — Я что-то устал.

Полностью одетый, он улегся на койку и уже через несколько минут спал как убитый.

Разбудил его охранник, который принес завтрак: кусок черного хлеба и кружку с эрзац-кофе. Лимас поднялся и подошел к окну. Дом стоял на высоком холме. Прямо под окном его склон круто уходил вниз, где были видны верхушки сосен. А

дальше, величавые в своей естественной симметрии, протянулись нескончаемой грядой другие холмы, густо поросшие лесом. То там, то здесь овраг или вырубка на случай пожара образовывали разрывы среди сосен, подобно Ааронову жезлу заставляя чудесным образом расступиться плотный массив бора. И никаких признаков присутствия людей — ни домов или церкви, ни даже развалин, оставшихся от прежних обитателей, только дорога, желтая проселочная дорога карандашной линией пересекала дно долины. Снаружи не доносилось ни звука. Казалось почти невероятным, что на таком обширном пространстве может царить полная тишина. День выдался холодным, но солнечным. Ночью, видимо, прошел дождь: земля намокла, а весь окружающий пейзаж настолько четко вырисовывался на фоне ясного неба, что Лимас мог разглядеть каждое отдельное дерево даже на самом дальнем от него холме.

Он медленно оделся, попивая кислятину, заменявшую кофе. Почти полностью одетый, уже собирался приняться за хлеб, когда в комнату вошел Фидлер.

— Доброе утро, — сказал он приветливо. — Не хочу мешать вам завтракать. — И он уселся на

кровать.

Лимас невольно отдал Фидлеру должное: это был человек не робкого десятка. Нет, чтобы одному прийти в комнату Лимаса, особой смелости не требовалось. Охранники наверняка дежурили в соседнем помещении. Но Фидлеру были присущи сила духа и четкая целеустремленность, которые Лимас ощущал и не мог не уважать.

— Вы поставили перед нами весьма интригующую задачу, — сказал он.

— Я сообщил все, что знал.

— О нет. — Он улыбнулся. — Отнюдь нет. Вы сообщили только то, что, как вам кажется, вы знаете.

— Дьявольски умно, — пробормотал Лимас, отодвинув от себя тарелку и прикурив сигарету.

— Позвольте мне задать вам важный вопрос, — произнес Фидлер чуть преувеличенно беззаботным тоном, каким гостям на вечеринке предлагают сыграть в фанты. — Будучи опытным офицером разведки, как бы *вы* распорядились информацией, которой сами нас снабдили?

— Какой именно информацией?

— Мой дорогой Лимас, вы нам дали не так уж много. Лишь навели на один интересный след. Вы рассказали о Римеке, но мы знаем о нем все.

Вы рассказали об организации вашей работы в Берлине, о штатных сотрудниках и агентах. Все это тоже, простите за прямоту, давно и безнадежно устарело. Подробный рассказ, увлекательное чтиво, местами куски второстепенных, но полезных сведений. Попалась и мелкая рыбешка, которую мы еще непременно выловим из пруда. Но все это, вместе взятое, еще раз извините, если это прозвучит грубовато, не стоит и части тех пятнадцати тысяч фунтов, которые мы собираемся вам заплатить. По крайней мере, — добавил он с улыбкой, — по нынешнему валютному курсу.

— Послушайте, — сказал Лимас, — но ведь не я предложил вам сделку, а вы сами. Вы, Кивер и Петерс. Я не полз на брюхе к вашим друзьям-молокососам в Лондоне, пытаясь всучить им устаревшие разведданные. Это вы и ваши люди все затеяли, Фидлер. Вы сами назначили сумму вознаграждения, взяв на себя риск. У меня же к тому времени и чертова пенни за душой не было. Поэтому не надо валить вину на меня, если ваша операция оказалась мыльным пузырем.

«Теперь ход за ним. Я подвел его к важной черте», — подумал Лимас.

— Она вовсе не оказалась мыльным пузырем, — возразил Фидлер. — Просто она еще не

завершилась. И не могла завершиться. Потому что вы до сих пор не рассказали всего, что вам известно. Я упомянул об одном ценном следе. Речь идет о «Роллинг стоун». А теперь позвольте повторить вопрос: как бы вы поступили, если бы я, Петерс или кто-то другой, нам подобный, поделился *с вами* такой информацией?

Лимас передернул плечами.

— Прежде всего я бы почувствовал беспокойство, — ответил он, — что со мной случалось прежде. Ты получаешь повод — и, быть может, не один — подозревать, что в каком-то министерстве, и, возможно, на достаточно высоком уровне, завелся шпион. И что же делать? Ты не можешь подвергать аресту целые отделы министерств и ведомств. У тебя нет возможности расставить ловушки на всех, кто близок к правительственным кругам. Тебе остается только затаиться и ждать, что получишь нечто более конкретное. И дело не выходит у тебя из головы. А в случае с «Роллинг стоун» вы даже не знаете, в какой стране работает агент.

— Вы — хороший оперативник, Лимас, — заметил на это Фидлер со смехом, — но никудышный аналитик. Это же совершенно очевидно. Позвольте мне задать вам несколько простейших

вопросов.

Лимас промолчал.

— Досье — то есть сама по себе папка с материалами по «Роллинг стоун» — какого она цвета?

— Серая, но помечена красным крестом, что указывает на ограниченный доступ.

— К ней что-то прикреплено снаружи?

— Да. Список на отдельном листке и предупреждение. Традиционная формулировка. Любое лицо, чье имя не значится в списке допущенных, в случае обнаружения данной папки обязано вернуть ее, не открывая, в банковский отдел.

— Кто значился в списке допущенных?

— К «Роллинг стоун»?

— Да.

— Личный помощник Шефа, сам Шеф, секретарша Шефа, представитель банковского отдела, мисс Брим из особого регистра и четвертый отдел стран-сателлитов. По-моему, все. Да, и, должно быть, человек из группы специальной рассылки, но точно не помню.

— Четвертый отдел сателлитов? Чем он занимается?

— Всеми странами за «железным занавесом», за исключением Советского Союза и Китая. И конечно, восточной зоной.

— Вы имеет в виду ГДР?

— Я имею в виду зону.

— Разве не странно, что допуск получили все сотрудники целого отдела?

— Да, вероятно, это не совсем обычно. Но мне трудно судить, потому что я никогда прежде не имел дело с ограниченным доступом. За исключением, конечно, Берлина, но там все обстояло иначе.

— Кто в то время работал в четвертом отделе?

— О, дай бог памяти… Гиллам, Хаверлейк, де Йонг, по-моему. Де Йонг как раз вернулся из командировки в Берлин.

— И они *все* имели разрешение просматривать досье?

— Я не знаю, Фидлер, — ответил Лимас, слегка раздражаясь, — и на вашем месте…

— Но ведь действительно странно, что какой-то отдел имел доступ целиком, тогда как остальные были представлены исключительно отдельными лицами, не так ли?

— Говорю же вам, я не знаю. Откуда мне было знать? Меня же низвели до роли простого клерка. В том числе и в этом деле.

— Кто передавал досье от одного допущенного к другому?

— Должно быть, секретарши. Я не помню. Прошло несколько месяцев с тех пор, как…

— Тогда почему никакие секретарши не значились в списке допущенных? Только секретарь Шефа.

На мгновение воцарилось молчание.

— А ведь вы правы. Теперь я вспомнил, — сказал Лимас чуть извиняющимся тоном. — Секретарши были ни при чем. Мы сами передавали досье друг другу.

— Кто еще из банковского отдела держал эту папку в руках?

— Никто. Ее сразу передали под мою ответственность, как только я перешел в отдел. До меня за этой птичкой присматривала одна из дамочек, но стоило появиться мне, как ее имя изъяли из списка.

— Стало быть, только вы могли передавать досье по инстанции?

— Да… Да, скорее всего так и было.

— И кому вы его передавали?

— Я… Сразу даже не вспомню.

— Думайте! — Фидлер не повысил голоса, но в его интонации появилась угрожающая настойчивость, которая застигла Лимаса несколько врасплох.

— Как мне кажется, чаще всего личному секретарю Шефа, чтобы информировать о наших действиях или предложить свои рекомендации.

— А кто приносил досье?

— Не понял? — Лимас казался совершенно растерянным.

— Кто приносил досье вам на ознакомление? Это ведь был кто-то из списка, верно?

Лимас прикоснулся пальцами к щеке непроизвольным и нервным движением.

— Да, верно. Но поймите, Фидлер, у меня память стала ни к черту. Я в те дни слишком много пил, — никогда прежде Лимас не оправдывался так жалко и с таким виноватым видом. — Вы и представить себе не можете, как трудно…

— Я спрашиваю еще раз. Подумайте. Кто приносил папку вам?

Лимас присел на край стола и помотал головой.

— Я не помню. Возможно, воспоминание вернется, но сейчас я только буду понапрасну насиловать память. Ничего хорошего не выйдет.

— Это никак не могла быть девушка из приемной Шефа. Ведь вы возвращали папку помощнику Шефа. Сами только что упомянули об этом. Значит, есть вероятность, что каждый из списка

допущенных получал папку до того, как она возвращалась к Шефу.

— Да, по всей видимости, процедура была именно такой.

— А что эта мисс Брим из особого регистра?

— Нет, она всего лишь заведовала сейфом для секретных документов. Досье с ограниченным доступом хранились там, когда ими никто не пользовался.

— В таком случае, — сказал Фидлер все еще терпеливым тоном, — вам могли приносить папку только из четвертого отдела сателлитов, или я опять ошибаюсь?

— Да, должно быть, вы правы, — отозвался Лимас беспомощно, словно его мысли не поспевали за острым умом Фидлера.

— На каком этаже находился четвертый отдел?

— На третьем.

— А ваш банковский?

— На пятом. Рядом с особым регистром.

— Вы помните, кто именно поднимался к вам с папкой? Или, наоборот, вдруг вы запомнили, к кому спускались за ней?

Лимас в отчаянии снова помотал головой, но потом внезапно встрепенулся, посмотрел на Фидлера и воскликнул:

— Да, это я запомнил! Ну конечно! Я получал досье от Питера! — Лимас словно очнулся от забытья, у него от волнения даже немного раскраснелось лицо. — Точно, я как-то сам взял папку у Питера в его кабинете. Мы еще тогда поговорили с ним о Норвегии. Мы там работали вместе, если вы не знаете.

— У Питера Гиллама?

— Да, у Питера. И как я мог забыть об этом! Он тогда всего несколько месяцев как вернулся из Анкары. Он был в списке! Само собой, был. Я сейчас живо это вижу. Четвертый отдел и П.Г. в скобках — инициалы Питера. До него этим занимался кто-то другой, и в специальном регистре наклеили поверх прежней фамилии белую полоску с его инициалами.

— За какие страны отвечал Гиллам?

— За зону. То есть за Восточную Германию. Главным образом собирал экономическую информацию — у него была своя небольшая группа. Такая с виду тихая заводь. Но Питер отличный малый. Он и сам приносил мне то досье однажды, как я сейчас вспоминаю. Хотя агентов он не контролировал, так что я не совсем понимаю, зачем ему дали допуск. Питер и двое его помощников занимались проблемой дефицита продоволь-

ственных товаров. А это чистая аналитика, если подумать.

— Вы обсуждали с ним досье?

— Нет. Это для нас табу. Секретные материалы никакому обсуждению не подлежат. Я даже получил специальное предупреждение по этому поводу от начальницы особого регистра — той самой Брим. Никаких разговоров, никаких вопросов.

— Но если принять во внимание именно столь тщательные меры предосторожности, принятые по поводу «Роллинг стоун», то становится весьма вероятным, что так называемые экономические разработки Гиллама могли иметь хотя бы частичное отношение к работе с тем агентом, которого зашифровали под этим кодовым названием — «Роллинг стоун»?

— Но я же объяснил Петерсу, — Лимас почти кричал, стуча кулаком по столу, — какая это неимоверная глупость — воображать, что любая операция против Восточной Германии могла проводиться без моего ведома! За спиной берлинской резидентуры. Я бы обо всем знал, поймите это наконец. Сколько раз мне повторять? Я был бы полностью в курсе.

— Ну, разумеется, — мягко сказал Фидлер. —

Конечно, вы были бы осведомлены. — Он встал и подошел к окну. — Этот пейзаж лучше всего смотрится осенью, — заметил он, глядя через стекло. — Потрясающе, когда начинает менять цвет листва на буках!

13
Кнопки или скрепки

Фидлер обожал задавать вопросы. Иногда, поскольку был юристом, он задавал их из чистого удовольствия, чтобы показать чуть заметные расхождения между субъективными показаниями и истиной во всем ее совершенстве. Но обладал он и тем настойчивым профессиональным любопытством, без которого нельзя стать хорошим журналистом или адвокатом.

После обеда в тот день они отправились на прогулку. Сначала вдоль крытого гравием проселка спускались в долину, а потом углублялись в лес по широкой, изрытой ямами просеке, окруженной поваленными стволами деревьев. И Фидлер непрерывно о чем-нибудь выспрашивал, ничего не давая взамен. Он спрашивал о здании на Кембридж-серкус и о людях, которые в нем работали. К какому общественному классу они в своей массе принадлежали, в каких районах Лондона жили, могли ли муж и жена работать в одной организации? Он допытывался об оплате, об отпусках, о моральном духе коллектива, о

столовой; его интересовала их интимная жизнь, сплетни, которые они распускали, их философские воззрения.

Для Лимаса именно этот вопрос представлял наибольшую сложность.

— Что вы имеете в виду, говоря о философии? — задал он встречный вопрос. — Мы не марксисты или кто-то еще. Обыкновенные люди.

— Но ведь вы христиане, не так ли?

— Не думаю, что среди нас много подлинных христиан. По крайней мере я мало с кем из них знаком.

— В чем же они тогда черпают мотивацию? — упорствовал Фидлер. — У них не может не быть хоть какой-то философии.

— Почему же? Они, вероятно, даже не задумываются над этим, и им по большому счету все равно, — отвечал Лимас, сам отчасти понимая слабость своих аргументов.

— Тогда расскажите мне о вашей личной философии.

— О, ради бога! — простонал Лимас, и какое-то время они шли молча. Но от Фидлера не так просто было отделаться.

— Если они сами не знают, чего хотят, откуда у них может взяться уверенность в правоте своего

дела?

— А кто вам сказал, что они в ней уверены? — раздраженно переспросил Лимас.

— Но в чем тогда оправдание их действий? В чем? Для нас это просто, как я вам говорил вчера вечером. Абтайлунг и прочие подобные организации рассматриваются как оружие в руках партии. Их сотрудники идут в авангарде борьбы за мир и прогресс. Для партии они — то же самое, что партия для социализма. Они составляют авангард. Об этом говорил Сталин, — он суховато улыбнулся, — хотя сейчас больше не принято цитировать Сталина. Но он еще как-то сказал примерно следующее: «Миллион убитых — это статистика, но единственный человек, погибший под колесами автомобиля, — это трагедия национального масштаба». Он шутил, понимаете. Так он высмеивал мелкобуржуазную сентиментальность народных масс на Западе. Конечно, он был великим циником. Но в его словах все равно заключена истина: партия, которая хочет защитить себя от контрреволюции, не может избежать эксплуатации — или даже уничтожения, Лимас, — некоторого числа индивидуумов. Это единственная возможность, и мы никогда не притворялись, что можем придерживаться

принципа стопроцентной справедливости при построении общества, основанного на разумных началах. Еще в вашей христианской Библии приведены слова некоего римлянина о том, что смерть одного человека можно считать оправданной, если он умирает ради спасения многих, так ведь?

— Наверное, — вяло отозвался Лимас.

— Так каков же ваш образ мыслей? В чем ваша философия?

— Я просто считаю вас всех мерзавцами, — грубо сказал Лимас.

Но Фидлер удовлетворенно кивнул.

— Вот это уже точка зрения, которую я могу понять. Она примитивна, негативна и крайне глупа, но это мнение, имеющее право на существование. А что же остальные сотрудники Цирка?

— Я не могу отвечать за них. Откуда мне знать, что думают они?

— Вы никогда не обсуждали философских вопросов?

— Нет. Мы же не немцы. — После некоторого колебания Лимас добавил: — Могу предположить, что их объединяет общая неприязнь к коммунизму.

— И это, по их мнению, может оправдывать, на-

пример, убийство человека? Оправдывает взрыв бомбы в переполненном ресторане? Оправдывает гибель ваших агентов и все прочее?

Лимас пожал плечами:

— Да, вероятно, оправдывает.

— Видите, вы сомневаетесь, а для нас это действительно оправданно, — подхватил Фидлер. — Я готов лично подложить бомбу в ресторан, если этот акт поможет нашему продвижению вперед к цели. После я подведу итог: столько-то погибших женщин, столько-то детей, но при этом мы на столько-то продвинулись вперед. А в вашем обществе — обществе христиан — свести подобный баланс невозможно. Что означает невозможность оправдания таких действий.

— Почему же? Они ведь должны защищаться от вас, верно?

— Но при этом они верят в священную природу человеческой жизни. Верят, что у каждого есть душа, которую можно спасти. Они верят в жертвенность.

— Я ничего не знаю. И мне наплевать, — заявил Лимас. — Как и вашему Сталину было на все наплевать, скажете — нет?

Фидлер усмехнулся.

— Вот за что я люблю англичан, — пробормотал

он, разговаривая словно сам с собой. — И мой отец тоже их любил. Ему очень нравились англичане.

— Это, безусловно, должно наполнить мою душу радостью и самыми теплыми чувствами, — съязвил Лимас и надолго погрузился в молчание.

Они остановились, чтобы Лимас смог прикурить сигарету, которую ему дал Фидлер. Теперь они поднимались вверх по довольно-таки крутому склону. Лимасу нравилось двигаться, и он шел широкими шагами, слегка нагнувшись. Фидлер семенил за ним, маленький и легкий, как терьер вслед за хозяином. Они шли час или даже дольше, когда стена леса перед ними вдруг расступилась и открылось небо. Они достигли вершины одного из холмов и теперь созерцали оставшуюся позади густую чащу соснового бора с отдельными сероватыми вкраплениями рощиц бука. Глядя через долину, Лимас видел охотничью хижину, притулившуюся под гребнем противоположного холма и приземисто черневшую на фоне деревьев. Посреди поляны, на которую они вышли, стояла грубо срубленная скамья рядом с поленницей дров и отсыревшими углями старого костра.

— Присядем на минутку, — сказал Фидлер, — а потом нам пора будет возвращаться. — Он сделал

паузу. — Скажите, эти деньги, крупные суммы в зарубежных банках… для чего, по-вашему, они предназначались?

— Что значит, для чего? Я же сказал вам — они были платой для агента.

— Агента за «железным занавесом»?

— Да, я с самого начала так думал, — ответил Лимас со скучающим видом.

— Почему вы так думали?

— Во-первых, сами по себе суммы были необычайно крупными. Во-вторых, их выплату сделали жутко сложной операцией и окружили плотной завесой секретности. И конечно, потому что Шеф проявлял к этому особый личный интерес.

— У вас есть соображения, как агент распоряжался такими огромными деньгами?

— Послушайте, я не впервые вынужден повторить: мне ничего не известно. Я не знаю даже, снимал ли он их со счетов вообще. Меня ни во что не посвящали. Мне была уготована роль мальчика-посыльного.

— Как вы поступали с чековыми книжками, полученными за рубежом?

— Сдавал их вместе с моими поддельными паспортами немедленно по возвращении в Лондон.

— Из банков в Копенгагене или в Хельсинки

когда-либо приходили письма на ваше имя в Лондон? Я, конечно же, имею в виду — на ваши псевдонимы?

— Не знаю. Могу лишь предположить, что любая такая корреспонденция сразу же ложилась на стол к Шефу.

— Чтобы открывать счета, вы должны были использовать поддельные подписи. У Шефа имелись их образцы?

— А то как же! Я много практиковался в росписях, и в Лондоне остались копии.

— То есть больше чем одна?

— Да. По нескольку страниц с каждой.

— Теперь ясно. После того как вы открыли счета, с банками вполне могли поддерживать переписку. Причем даже без вашего ведома. Вашу подпись легко было скопировать, а письмо отправить так, что вы и не подозревали об этом.

— Да, верно. Вполне возможно, что так все и происходило. Я ведь, кроме того, подмахнул целую кипу чистых листов бумаги. Так что у меня были основания подозревать, что кто-то другой может поддерживать с банками связь по почте.

— Но знать наверняка вы не могли?

Лимас покачал головой.

— Вы все ставите с ног на голову, — сказал он, —

и делаете из мухи слона. Моя жизнь проходила среди моря различных бумажных дел. И это была лишь незначительная часть моей повседневной работы, не что-то из ряда вон выходящее, о чем я непрестанно размышлял. С какой стати? Повышенная секретность? Так я проработал в разведке многие годы, зная лишь малую часть, в то время как вся картина в целом оставалась прерогативой кого-то еще. Кроме того, бумаги наводят на меня смертную скуку. Не бывало такого, чтобы я не спал ночей из-за какого-то документа. Само собой, мне пришлась по душе возможность съездить за границу. Повышенные командировочные карман не тянут, знаете ли. Но я не просиживал целыми днями за столом, размышляя об операции «Роллинг стоун». И помимо всего прочего, — добавил он, чуть смутившись, — как раз в этот момент я стал перебирать со спиртным.

— Да, вы не раз упоминали об этом, и у меня нет причин вам не верить, — прокомментировал его монолог Фидлер.

— А мне глубоко плевать, верите вы мне или нет, — отозвался Лимас, снова озлобляясь.

Фидлер лишь улыбнулся.

— Вы меня радуете. В этом заключено ваше огромное достоинство, — сказал он. — И состоит

оно в полнейшем равнодушии ко всему. Нет, вы можете иной раз погорячиться, показать свой гонор, но в целом это ничего не значит. Так, легкий дефект на магнитофонной ленте. В целом вы равнодушны и потому объективны. Мне пришло в голову, — продолжил он почти без паузы, — что вы все еще способны помочь нам выяснить, снимались ли деньги с тех счетов. Вам ведь ничто не мешает списаться с каждым из банков и запросить текущий баланс. Мы можем сделать вид, что вы обосновались в Швейцарии, использовать один из наших явочных адресов. У вас есть какие-либо возражения?

— Может сработать. Зависит от того, вел ли Шеф переписку от моего имени. Если вел, то мое письмо может прийтись некстати.

— Не вижу, чем мы рискуем.

— Положим. Но чего вы таким образом добьетесь?

— Если деньги сняли со счетов, что, не могу не согласиться, представляется сомнительным, то мы узнаем, где находился агент в конкретный день. А это весьма полезная информация для сопоставления.

— Вы витаете в облаках, Фидлер. Вам никогда не поймать его на основе таких ограниченных

сведений. Оказавшись на Западе, он может обратиться в консульство даже небольшого города и получить визу в любую страну. И как вы тогда отследите его перемещения? С чем будете сопоставлять? Вы даже не уверены, что он восточный немец. Кто ваша цель?

Фидлер ответил не сразу. Сначала он какое-то время всматривался в глубь долины.

— Вы сами сказали, что привыкли иметь доступ лишь к ограниченным данным, вот и я не могу ответить на ваш вопрос так, чтобы не рассказать вам, чего вам знать не следует. — Он еще немного подумал, прежде чем продолжить: — Но могу вас заверить, что операция «Роллинг стоун» была направлена против нас.

— Вас?

— Против ГДР. — Он улыбнулся. — Против восточной зоны, если вам так больше нравится. Меня мало волнуют расхождения в терминах.

Лимас внимательно всмотрелся в лицо Фидлера. Его карие глаза изменили выражение.

— А как насчет меня? — спросил он. — Допустим, я откажусь писать письма? — Его голос зазвучал громче. — Не пора ли обсудить мою судьбу, Фидлер?

Тот кивнул.

— Почему бы и нет? — ответил он дружелюбно.

Они немного помолчали, и продолжать пришлось самому Лимасу:

— Я выполнил свою миссию, Фидлер. Вы и Петерс выжали все, что мне известно. Я не давал согласия еще и писать куда-то — это может оказаться весьма опасным делом и иметь для меня самые плачевные последствия. Вам-то теперь все равно. Для вас я больше особой ценности не представляю.

— Позвольте мне быть с вами до конца откровенным, — отозвался Фидлер. — Как вы прекрасно знаете, существуют две стадии допросов перебежчика. В вашем случае первая стадия близка к завершению: вы рассказали нам все, что мы только успевали записывать. Вы не сообщили нам, как ваша секретная служба использует булавки и скрепки, потому что мы вас об этом не спросили, а вам такая информация показалась не стоящей внимания. Таким образом, с обеих сторон происходил процесс подсознательной селекции. Однако всегда существует вероятность — и это предмет для беспокойства, Лимас, — что через месяц или два нам совершенно неожиданно насущно потребуются сведения как раз о

булавках и скрепках. Обычно для этого предусмотрена вторая стадия, то есть та часть нашей сделки, от которой вы решительно отказались в Голландии.

— Вы хотите сказать, что собираетесь и дальше держать меня на коротком поводке?

— Профессия перебежчика, — с улыбкой заметил Фидлер, — требует огромного запаса терпения. Вот почему очень немногие годятся на эту роль.

— Как долго?

Фидлер молчал.

— Ну и как же долго?

Фидлер вдруг заговорил с нежданным пылом:

— Даю вам слово, что при первой же возможности отвечу на ваш вопрос. Вы же понимаете, я вполне мог соврать. Назвать срок в месяц или даже меньше, чтобы сохранить ваше расположение ко мне. Но я говорю вам честно — не знаю, и это правда. Вы навели нас на след, и пока мы не проверим его, я и слышать не захочу о том, чтобы отпустить вас на все четыре стороны. К тому же потом, если все сложится так, как я предполагаю, вам очень понадобится друг, и я стану для вас другом. Клянусь честью истинного немца.

Лимас был так ошеломлен, что какое-то время

хранил молчание.

— Хорошо, — сказал он наконец, — я сыграю в вашу игру, Фидлер, но если вы обманете меня, то найду любой способ, чтобы свернуть вам шею.

— В этом может не возникнуть необходимость, — спокойно отреагировал Фидлер.

Человек, который существует отдельно от всех, не вместе с другими, а сам по себе, подвержен очевидным опасностям психологического свойства. Само по себе искусство обмана не требует каких-то чрезвычайных талантов: оно приобретается практикой, совершенствуется с опытом, и овладеть его приемами способно большинство из нас. Но в то время как «вор на доверии», лицедей или профессиональный мастер карточного блефа могут в любой момент прекратить представление и снова стать обычными людьми, у агента секретной службы подобной возможности расслабиться нет. Для него обман становится главным оружием самозащиты. Причем обороняться ему приходится не только от внешних, но и от внутренних факторов, бороться с самыми, казалось бы, естественными порывами: к примеру, он может зарабатывать очень приличные деньги, но его роль не позволит обзавестись хотя бы бритвой; будучи эрудитом, он вынужден изобра-

жать из себя человека, от которого не дождешься ничего, кроме заурядных банальностей; хороший муж и отец, он под давлением обстоятельств вынужден таиться и отдаляться от тех, кому так естественно было бы полностью доверять.

Отлично зная обо всех соблазнах, одолевающих человека, живущего в полной изоляции своей лжи, Лимас взял на вооружение метод, который был самым надежным из всех. Даже оставаясь наедине с собой, он заставлял себя жить, как тот персонаж, чью роль он сейчас по необходимости играл. Говорят, что Бальзак на смертном одре живо интересовался здоровьем и благополучием придуманных им персонажей. Точно так же и Лимас, не преувеличивая силы своего воображения, полностью идентифицировал себя с созданным в своем воображении образом. Причем личные качества, которые он демонстрировал Фидлеру: некоторая беспокойная неуверенность в себе, панцирь высокомерия, под которым прятался стыд, — были не чисто напускными манерами, а лишь многократно усиленными чертами характера, которыми Лимас мог бы обладать на самом деле. Отсюда взялись и слегка шаркающая походка, пренебрежение к собственной внешности, неразборчивость в еде и все возраставшая зави-

симость от спиртного и табака. Даже оставшись один, он не изменял навязанным себе привычкам. Он даже слегка их преувеличивал, мысленно жалуясь на вред, который наносит личности его профессия. И лишь в редкие моменты, как сейчас, ложась спать ночью, позволял себе опасную роскошь признания той большой лжи, в которой проходило его существование.

Шеф оказался феноменально прозорлив. Фидлер, как лунатик во сне, позволил буквально за руку завести себя в ловушку, заготовленную для него Шефом. Было даже несколько странно наблюдать постепенно нараставшее совпадение интересов Фидлера и Шефа. Порой начинало складываться впечатление, что они разработали весь план совместно, а Лимасу поручили привести его в исполнение.

Впрочем, это вполне могло оказаться правдой. Уж не Фидлер ли был тем Особым Агентом, которого Шеф всеми силами стремился защитить? Однако в подобных вопросах Лимас приучил себя не проявлять излишнего любопытства: он знал, что его умозаключения все равно ни к чему хорошему не приведут. Тем не менее он от всей души надеялся, что все так и есть. Потому что в таком случае у него появлялся шанс — пока всего

лишь призрачный шанс — вернуться домой.

14
Письмо клиенту

На следующее утро Лимас еще не успел встать с постели, когда Фидлер принес ему на подпись письма. Одно из них было на тонкой голубоватой бумаге с эмблемой отеля «Зейлер-Альпенблик» на озере Шпиц в Швейцарии, второе из отеля «Палас» в Гштааде.

Лимас прочитал первое:

Управляющему
Королевского скандинавского банка
г. Копенгаген

Уважаемый сэр!

На протяжении нескольких недель я непрерывно находился в пути и не имел возможности получать письма, приходившие на мое имя в Англии. Соответственно, я не получил и вашего ответа на мое письмо от 3 марта с. г. с запросом о текущем балансе депозитного счета, держателем которого я являюсь совместно с герром Карлсдорфом. Чтобы

избежать дальнейших проволочек, прошу выслать мне дубликат выписки со счета на нижеследующий адрес, по которому я предполагаю проживать в течение двух недель, начиная с 21 апреля с. г.:

Франция,
Париж, XII округ,
Авеню де Коломб, дом 13
Мадам И. де Сангло (для передачи)

Прошу простить за доставленные неудобства.
Искренне ваш

(Роберт Ланг)

— Что имеется в виду под письмом от третьего марта? — спросил он. — Я ведь не писал им никаких писем.

— Разумеется, не писали. И, насколько нам известно, не писал никто другой. Как раз это и вызовет в банке переполох. Если есть несоответствия между содержанием послания, которое мы направим им сейчас, и их предыдущей перепиской с Шефом, то они придут к выводу, что объяснения следует искать как раз в пропавшем письме от 3 марта. Естественной реакцией с их

стороны будет выслать вам копию выписки, которую вы запрашиваете, с приложением извинений и сожалений по поводу предыдущего письма, которое до них не дошло.

Второе письмо в точности повторяло первое, различались только имена. И адрес в Париже приводился тот же. Лимас взял чистый лист бумаги, авторучку и несколько раз вывел уверенной рукой подпись «Роберт Ланг», после чего поставил ее под первым письмом. Чуть изменив наклон ручки, он попрактиковался со второй подписью и, когда результаты удовлетворили его, вывел «Стивен Беннетт» на другом письме.

— Восхитительно, — оценил его работу Фидлер. — Просто восхитительно!

— Что теперь?

— Письма отправят завтра из Швейцарии. Из Интрелакена или Гштаада. Наши люди в Париже телеграфируют мне тексты ответов, как только они поступят. Думаю, это произойдет примерно через неделю.

— А до тех пор?

— Мы будем постоянно находиться в обществе друг друга. Понимаю, вас это едва ли радует, и заранее прошу прощения. Я подумал, что мы могли бы много ходить пешком, поездить на

машине по окрестным холмам, словом, убивать время. Мне бы хотелось, чтобы вы расслабились и много говорили. Рассказали мне о Лондоне, о Кембридж-серкус и работе вашего департамента: сплетни, зарплаты, отпуска, рабочие помещения, документы и люди — все это меня интересует. Булавки и скрепки. Я хочу узнать о вещах, которые на первый взгляд не имеют особого значения. Кстати… — Его тон неожиданно изменился.

— Кстати что?

— Мы располагаем особыми возможностями для людей… Для тех, кто вынужден проводить у нас какое-то время. Чтобы они могли развлечься во всех смыслах этого слова.

— Уж не хотите ли вы подстелить под меня женщину? — спросил Лимас.

— Да.

— Спасибо, не надо. В отличие от вас я еще не дошел до той стадии, когда требуются услуги сутенера.

Фидлера нисколько не задел его ответ. Он быстро продолжил:

— Ну конечно, у вас же осталась женщина в Англии, верно? Та девушка из библиотеки.

Лимас резко повернулся к нему, держа руки вдоль тела раскрытыми ладонями наружу.

— Запомните одну вещь раз и навсегда! — заорал он. — Только одну вещь! Никогда больше не упоминайте об этом ни в шутку, ни в качестве угрозы или инструмента давления на меня. Потому что здесь вы обломаете себе зубы, Фидлер. Из этого ничего не выйдет ни за что и никогда! Я замолчу, клянусь богом. Вы больше из меня и слова не вытянете, пока я жив. Передайте это им, Фидлер. Мундту, Штаммбергеру или любому другому подзаборному коту, велевшему вам упомянуть о ней. Передайте им мои слова так, чтобы они поняли.

— Хорошо, передам, — ответил Фидлер. — Я-то все передам. Но только может быть уже слишком поздно.

После обеда они снова отправились на прогулку. Небо потемнело и набрякло тяжелыми облаками, хотя было тепло.

— Я сам побывал в Англии лишь однажды, — мимоходом упомянул Фидлер. — На пути в Канаду с родителями перед войной. Я, конечно, был еще ребенком. Мы провели там два дня.

Лимас кивнул.

— Теперь об этом можно рассказать, — продолжал Фидлер. — Я ведь почти собрался туда снова несколько лет назад. Должен был сменить Мунд-

та в сталелитейном представительстве. Вы ведь знали, что он какое-то время работал в Лондоне?

— Знал, — ответил Лимас, не вдаваясь в подробности.

— Мне было интересно, каково это — работать в подобной роли.

— А, обычная игра в сотрудничество с другими организациями восточного блока, как я полагаю. Кое-какие контакты с британскими бизнесменами, но не слишком частые. — В голосе Лимаса прозвучала откровенная скука.

— Но Мундт хорошо справлялся с делом: ему там все давалось легко.

— Да уж, — ухмыльнулся Лимас, — он даже справился с убийством двоих людей.

— Так вам и об этом известно?

— Да, от Питера Гиллама. Он занимался тем делом вместе с Джорджем Смайли. Мундт, между прочим, чуть не угробил к чертовой матери и Смайли тоже.

— Вы говорите о деле Феннанов, надо полагать[17], — заметил Фидлер. — Поразительно, что после всего этого Мундту удалось сбежать, верно?

---

[17] Примечания: 17

Речь снова идет о событиях, описанных Ле Карре в его первом романе «Звонок мертвецу».

— Да, вероятно, это действительно необычно.

— Трудно вообразить, как человек, чья фотография и личное дело представителя иностранной фирмы имелись в распоряжении вашего МИДа, смог обвести вокруг пальца всю британскую контрразведку.

— Насколько я слышал, — сказал Лимас, — они и не прикладывали особых усилий, чтобы схватить его.

Фидлер замер на месте.

— Что вы сказали?

— По словам Питера Гиллама, у него сложилось впечатление, будто они попросту не хотели задерживать Мундта. Вот и все, что я сказал. Наша работа была тогда организована иначе. Нами руководил не Шеф департамента спецслужб, а советник при кабинете министров по фамилии Мастон. И этот Мастон с самого начала наломал дров в деле Феннана, как мне рассказывал Гиллам. Питер догадался, что, арестуй они Мундта, много дерьма всплыло бы наружу. Мундта, конечно, судили бы и скорее всего повесили, но по ходу вскрылось бы столько грязи, что карьере Мастона пришел бы неизбежный конец. Всех подробностей Питер так и не узнал, но был твердо уверен, что Мундта даже не удосужились объ-

явить в полномасштабный розыск.

— Вы уверены, что слышали все от Гиллама именно в таких выражениях? Мундта даже не объявили в полномасштабный розыск?

— Конечно, уверен.

— А Гиллам не высказывал других предположений, почему они могли так легко выпустить Мундта из страны?

— О чем это вы?

Фидлер покачал головой, и они снова двинулись по тропе.

— Представительство сталелитейной промышленности после дела Феннана пришлось свернуть, — сказал Фидлер через какое-то время. — Вот почему в Лондон я так и не попал.

— Мундт тогда, вероятно, совершенно обезумел. Убийство может сойти с рук где-нибудь на Балканах или здесь у вас, но не в Лондоне.

— Но ведь ему сошло, не так ли? — поспешил вставить Фидлер. — И он хорошо там поработал.

— То есть завербовал Эйша и Кивера? Воистину отличная работа.

— Жена Феннана работала на них достаточно долго.

Лимас ничего на это не возразил.

— Расскажите мне кое-что еще о Карле Ри-

меке, — попросил Фидлер. — Он ведь однажды лично встречался с Шефом, так?

— Да, в Берлине примерно год назад или чуть раньше.

— Где они встречались?

— Мы все приехали ко мне на квартиру.

— Зачем?

— Шеф падок на запах успеха. А мы как раз получили необычайно интересные данные от Карла, которые, как я подозреваю, произвели фурор в Лондоне. Он совершил краткосрочный визит в Берлин и попросил организовать для него эту встречу.

— Вы не возражали?

— С чего мне было возражать?

— Он был вашим лучшим агентом. Вам могла не понравиться перспектива его знакомства с более важным куратором.

— Шеф никого не курирует. Он возглавляет огромный департамент. Карл знал об этом, и сам по себе факт знакомства щекотал его самолюбие.

— Вы тогда все время провели втроем?

— Да. Хотя не совсем. Я оставил их вдвоем, но на четверть часа, не больше. Шеф высказал такое пожелание. Бог уж знает зачем, но ему понадобилось немного поговорить с Карлом с глазу на глаз.

Я нашел предлог, чтобы выйти. Уже не помню какой. Ах да, я сделал вид, что у меня кончилось виски. Мне и в самом деле пришлось навестить де Йонга, чтобы одолжить у него бутылку.

— Вы догадывались, о чем они беседовали в ваше отсутствие?

— Не имел понятия. Да меня это и не очень-то волновало.

— А Карл вам потом ничего не рассказывал?

— По крайней мере я ни о чем его не расспрашивал. Карл порой вел себя вызывающе до наглости, то и дело намекал, что это я у него в подчинении. И мне не слишком понравилось, как он потом посмеивался над замашками Шефа, хотя имел на это полное право. Тот вел с ним себя глупо. Мы оба посмеялись тогда. Тщеславие Карла было велико, но и он не любил грубой лести, а вся встреча была задумана как укрепляющая самолюбие медицинская процедура.

— Быть может, Карл как раз впал в депрессию и нуждался в этом?

— Ничего подобного. Совсем наоборот. К тому времени его уже избаловали донельзя. Ему слишком много платили, его обожали, он пользовался безграничным доверием. Отчасти в том была моя вина, отчасти — Лондона. Не подпорти мы ему

характер, он, возможно, не растрепал бы все о нашей сети своей любовнице.

— Эльвире?

— Да.

Они какое-то время шли молча, а потом Фидлер вдруг вышел из задумчивости с неожиданным признанием:

— А вы начинаете мне нравиться. Однако есть один момент, который меня удивляет. Странно, потому что меня это нисколько не беспокоило до личного знакомства с вами.

— Что именно?

— Почему вы решились на измену? Почему стали перебежчиком?

Лимас попытался что-то сказать, но Фидлер тут же рассмеялся:

— Не очень тактично с моей стороны задавать подобные вопросы, понимаю.

Всю неделю они провели в походах по холмам. Вечерами возвращались в хижину, ели скверно приготовленную пищу, запивая ее безвкусным белым вином, а потом подолгу сидели перед камином со стаканами «штайнхегера»[18]. Идея растопить камин пришла в голову Фидлеру. Пона-

---

[18] Примечания: 18
Сорт джина.

чалу они им не пользовались, но однажды Лимас услышал, как он попросил одного из охранников принести в дом дрова. И Лимасу стало нравиться так проводить вечера после целого дня на свежем воздухе: тепло огня и крепкий грубоватый алкоголь. Он сам становился разговорчив, рассказывая о своей службе без наводящих вопросов. Лимас догадывался, что все это записывается на скрытый магнитофон, но решил не придавать этому значения.

С каждым прошедшим днем Лимас чувствовал, как в его компаньоне нарастает внутреннее напряжение. Однажды они поехали прокатиться на «де-ка-вэ» — был уже поздний вечер — и остановились у будки телефона-автомата. Фидлер оставил его ждать в машине, даже не вынув ключи из замка зажигания, а сам долго с кем-то общался по телефону. Когда он вернулся, Лимас спросил:

— Почему нельзя было позвонить из дома?

Фидлер покачал головой.

— Нам нужно соблюдать осторожность, — ответил он. — Не только мне, но и вам тоже.

— Почему? Что происходит?

— Это касается тех денег, которые вы разместили в Копенгагене. Мы еще писали в банк,

помните?

— Конечно, помню.

Фидлер больше ничего не сказал и молча вел машину между холмами. Потом они остановились. Внизу, полускрытое призрачными ветвями густо растущих сосен, находилось место соединения двух обширных долин. Крутые и тоже покрытые сосняком склоны холмов по обе стороны постепенно теряли цвет в сгущавшемся мраке, становились черными и как будто лишенными жизни.

— Что бы ни случилось, — произнес наконец Фидлер, — ни о чем не беспокойтесь. Все будет хорошо, понимаете? — Он явно старался придать своим словам особый смысл, его тонкая рука легла поверх руки Лимаса. — Какое-то время вам придется самому позаботиться о себе, но продлится это недолго, понимаете? — снова спросил он.

— Нет. И поскольку вы мне ничего не говорите, придется подождать и действовать по обстановке. Не переживайте за мою шкуру, Фидлер. — Он попытался освободить руку, но тот держал ее крепко. Между тем Лимас терпеть не мог чужих прикосновений.

— Вы знаете Мундта? — спросил Фидлер. — Вам многое о нем известно?

— Мы уже обсуждали эту тему.

— Верно, — согласился Фидлер, — мы о нем говорили. Он сначала стреляет, а потом задает вопросы. Принцип упреждающего удара. Странно придерживаться его в профессии, где получить ответы на вопросы всегда считалось гораздо важнее самой своевременной стрельбы.

Лимас уже понимал, к чему клонит Фидлер.

— Но это вовсе не странно для того, кто боится ответов на вопросы.

Лимас выжидал. Спустя несколько секунд Фидлер продолжил:

— Он никогда прежде не проводил допросов сам. Неизменно предоставлял это мне. Говорил обычно: «Допрашивай их сам, Йенс. Никто не умеет делать этого лучше. Я их буду отлавливать, а ты заставлять „петь“. Еще его любимой присказкой были слова о том, что контрразведчики похожи на художников: и к тем и к другим надо приставить человека с молотком, чтобы он бил их, как только они перестанут работать. Иначе они забывают, к чему им следует стремиться. „Я буду таким молотобойцем для тебя“.» Поначалу это воспринималось как шутка, но потом все стало очень серьезно, когда он начал убивать, убивать без всякого разбора еще до того, как

они успевали «запеть». Я разговаривал с ним, я просил его: «Почему было не арестовать их? Почему бы мне не подержать их пару месяцев у себя? Какая нам польза от мертвых?» Но он лишь качал головой и ссылался на чью-то цитату, что сорняки следует выпалывать до того, как они пустят корни и расцветут. И у меня было ощущение, что он придумал такой ответ задолго до того, как я впервые задал ему свой вопрос. Но он хороший оперативник, просто отличный. В Абтайлунге он творил чудеса — вам это тоже известно. И у него полно теорий по этому поводу; мы часто разговаривали с ним по ночам. За чашкой кофе — он не пьет ничего, кроме кофе, — он разглагольствовал передо мной. Он считал, что немцы слишком склонны копаться в себе, чересчур интроспективны, чтобы из них получались хорошие агенты, и это особенно проявляется в контрразведке. Немецкие контрразведчики, говорил он, уподобляются ленивым волкам, которые без конца готовы грызть одну и ту же кость. Надо отбирать ее у них и гнать за новой добычей. И я мог в чем-то с ним согласиться, понимал, что он имеет в виду. Но потом он зашел слишком далеко. Зачем, например, он убил Фирека? Почему отнял его у меня? Ведь Фирек как раз и был той самой

свежей добычей. Мы еще не успели даже мясо снять с кости. Так зачем же он ликвидировал его? Зачем, Лимас, как вы думаете? — Рука Фидлера еще крепче вцепилась в ладонь Лимаса.

В машине воцарилась почти полная тьма, но Лимас не мог не ощущать пугающей силы эмоций своего собеседника.

— Я думал об этом день и ночь. После того как Фирека расстреляли, пытался понять причину. И поначалу сам испугался своих мыслей. Уж слишком невероятным казалось объяснение. Я обвинял себя в том, что завидую Мундту, что от работы у меня ум за разум заходит и я начинаю видеть предателя за каждым деревом — что порой случается с людьми нашей профессии. Но я уже ничего не мог поделать с этими мыслями, Лимас. Такое происходило с Мундтом и прежде. Он боялся — опасался, что однажды к нам в руки попадет тот, кто знает слишком много.

— Что вы несете? Вы не в своем уме, — сказал Лимас, и в его голосе тоже отчетливо прозвучал страх.

— Но поймите, все сходится. Мундт легко бежал из Англии, вы сами удивлялись этому. И что вам сказал Гиллам? Он посчитал, что англичане и не хотели его задерживать. Почему? А я вам назову

причину. Потому, что он уже работал на них. Они его завербовали. Он попался на тех убийствах, и ему назначили цену свободы — измена плюс деньги, которые ему заплатили.

— Говорю же, вы из ума выжили! — зашипел на него Лимас. — Он убьет вас, если узнает, какие фантазии вы строите на его счет. Ваши подозрения гроша ломаного не стоят, Фидлер. Заткнитесь, и поехали домой. — Он почувствовал, как хватка на его руке ослабела.

— Вы глубоко заблуждаетесь. И самое занятное, что вы сами снабдили меня доказательствами. Именно вы, Лимас. Вот почему мы сейчас просто необходимы друг другу.

— Это не может быть правдой! — выкрикнул Лимас. — Сколько раз мне вам повторять, что они не могли так поступить? Цирк не сумел бы курировать столь важного агента в зоне без моего ведома! Чисто организационно у них не было такой возможности. Вы пытаетесь убедить меня, что Шеф персонально курировал заместителя начальника Абтайлунга через головы сотрудников берлинской резидентуры? Вы ополоумели, Фидлер, вы полностью слетели с катушек! — Внезапно он тихо засмеялся. — Ну конечно! Вы же хотите занять его место, бедняга. Вот это мне

понятно, здесь нет ничего необычного. Но только вы явно перегибаете палку в своем жадном стремлении к власти.

Они оба замолчали. Но тишина продлилась всего несколько мгновений.

— Те деньги, — сказал Фидлер. — Депозит в Копенгагене. Банк прислал ответ на ваше письмо. Управляющий крайне обеспокоен, что произошла серьезная ошибка. Потому что деньги со счета снял второй его владелец ровно через неделю после того, как вы их положили. Указанная дата совпадает с теми днями в феврале, когда Мундт нанес краткосрочный визит в Данию. Он отправился туда под чужой фамилией, чтобы встретиться с нашим американским агентом на всемирной конференции ученых. — Фидлер помялся, но потом добавил: — Вероятно, вам нужно отправить в банк еще одно послание и заверить их, что все в полном порядке. Как считаете?

15
Приглашение

Лиз смотрела на письмо, полученное из партийного Центра, и гадала, как такое могло получиться. Она была слегка удивлена. И польщена тоже. Но только почему они прежде не поговорили с ней? Выдвинул ли ее кандидатуру районный комитет компартии или же в Центре сами сделали выбор? Однако, насколько ей было известно, никто в Центре ничего о ней толком не знал. Нет, она, конечно, встречалась иногда с его представителями, даже пожала однажды руку самому секретарю, который приезжал на их региональный съезд, но и все. Возможно, ее запомнил тот мужчина из отдела культурных связей — светловолосый, слегка женоподобный, он был так с ней обходителен, — по фамилии Эйш. Он проявил к ней живой интерес, а потом, вероятно, вспомнил и назвал ее как возможного кандидата, когда возникла идея поездки. Это был странный человек. Да уж. Пригласил после заседания съезда в «Блэк-энд-уайт» на чашку кофе и выспрашивал ее почему-то главным образом о

молодых людях. При этом он сам не делал никаких амурных пассов — ничего подобного. Она, честно говоря, даже подумала, что он голубой. Зато он задал множество вопросов о ней самой. Как давно она стала членом партии, не скучала ли по дому, живя вдалеке от родителей? Было ли у нее множество ухажеров или существовал тот единственный, которому она подарила свое сердце? На нее он не произвел особого впечатления, но разговор с ним получился поучительным: он рассказывал о государстве трудящихся, Германской Демократической Республике, о концепции пролетарского поэта и о разном другом. Он много знал о странах Восточной Европы. По всей видимости, не раз бывал там. Ей еще подумалось, что он — школьный учитель, поскольку говорил тоном наставника и демонстрировал привычки, свойственные педагогам. Потом, когда начали сбор средств в «Фонд борьбы», Эйш пожертвовал целый фунт, чем немало поразил ее. Да, это он, теперь Лиз была уверена: именно Эйш вспомнил о ней. Он рекомендовал ее кому-то в лондонском партийном комитете, а Лондон передал ее имя в Центр — скорее всего произошло нечто подобное. Все равно, конечно, необычный способ принимать подобные решения, но в партии всегда

любили конспирацию — она считала, что так всегда происходит в революционных партиях. Лиз не слишком нравилась атмосфера секретности, потому что в ней ей мерещилось что-то не до конца честное. Но с этим приходилось мириться как с необходимостью, и, бог свидетель, она знала многих, кто даже получал от этого удовольствие.

Она еще раз перечитала письмо на бланке центрального комитета с красной шапкой вверху, начинавшееся со слов «Дорогой товарищ!». В таком обращении Лиз слышалось что-то военное, она его не любила и никак не могла привыкнуть, что она тоже «товарищ».

Дорогой товарищ!

Недавно мы обсудили с нашими товарищами из Социалистической единой партии Германии – правящей партии ГДР – возможность осуществления личных контактов между британскими коммунистами и нашими единомышленниками в демократическом немецком государстве. Идея состоит в том, чтобы заложить основу для обмена делегациями рядовых членов наших двух партий. При этом руководство СЕПГ осознает,

что дискриминационные меры, принятые министерством внутренних дел Великобритании, делают невозможными визиты их представителей на территорию Соединенного Королевства в ближайшем будущем, но именно поэтому тем более важным делом они считают необходимость положить начало взаимным обменам, пусть пока в одностороннем порядке. От них поступило дружеское предложение избрать для первой поездки пять секретарей районных партийных ячеек, обладающих опытом пропагандистской работы с массами на низовом уровне. Каждый из выбранных нами товарищей проведет в ГДР три недели, принимая участие в работе местных партийных организаций, изучая прогресс, достигнутый страной в промышленном развитии и в социальном обеспечении населения, а также сможет лично стать свидетелем тех фашистских провокаций, которые инспирируются против ГДР с Запада. Мы рассматриваем это как прекрасную возможность для членов нашей партии обогатиться знаниями и опы-

том на примере молодого государства социалистического лагеря.

Поэтому мы обратились к нашим районным организациям с просьбой выдвинуть кандидатуры молодых активистов, которым такая поездка могла бы принести максимальную пользу, и в числе прочих было названо ваше имя. Мы надеемся, что у вас не возникнет непреодолимых препятствий и вы сможете принять приглашение, чтобы осуществить еще одну важную миссию подобных обменов – установить прочные связи с членами одной из местных парторганизаций ГДР, члены которой имеют сходные условия жизни и сталкиваются с такими же повседневными проблемами, как и жители вашего района. В пару к ячейке южного Бэйсуотера был выбран районный комитет Нойенхагена, пригорода Лейпцига. Фреда Люман – местный партийный секретарь – уже готовит для вас теплую встречу. Мы не сомневаемся в том, что вы достойно выполните поставленную перед вами задачу, и это станет нашим общим замечательным успехом. Все

расходы по поездке берет на себя министерство культуры ГДР.

Уверены, вы осознаете, какая большая честь вам оказана, и не позволите мелким бытовым причинам помешать вам согласиться на подобное предложение. Визиты запланированы на конец следующего месяца. Ваша поездка, по всей видимости, начнется с 23-го числа, однако в силу определенных трудностей бюрократического характера все пятеро избранных делегатов будут путешествовать отдельно друг от друга. Пожалуйста, дайте нам знать в максимально короткие сроки, принимаете ли вы приглашение, после чего вам будет предоставлена более подробная информация.

Чем дольше она вчитывалась в строки письма, тем более странным оно ей казалось. Ехать предстояло совсем скоро, но откуда им было знать, что она сможет оторваться от работы в библиотеке? А потом она с удивлением вспомнила, что Эйш расспрашивал ее, как она проводит отпуск, брала ли его уже в этом году и много ли ей потребуется времени, чтобы получить у своего

руководства разрешение на продолжительную отлучку. И почему в письме не были названы имена других отобранных кандидатов? Вероятно, они не видели в этом особой необходимости, но у Лиз все равно возникло легкое недоумение. Кроме того, письмо оказалось очень длинным. В центральном комитете так не хватало людей для поддержания переписки, что их послания, как правило, были очень краткими. Чаще же они просто связывались с товарищами по телефону. А это письмо выглядело настолько тщательно и детально написанным, так аккуратно отпечатанным, словно его прислали вовсе не из Центра. Однако ж оно было подписано секретарем по вопросам культуры; это его подпись, и здесь никаких сомнений не возникало. Она не раз видела ее на размноженных на ротаторе листовках и обращениях. Да и написано письмо было в том наполовину бюрократическом, наполовину мессианском стиле, к которому она привыкла, пусть он ей никогда и не нравился. Глупо утверждать, что она обладала «большим опытом пропагандистской работы с массами на низовом уровне». Ничего подобного. На самом деле именно эту часть партийной работы она не любила сильнее всего — произносить речи в мегафоны перед

воротами заводов и фабрик, продавать, стоя где-нибудь на углу, газету «Дейли уоркер», обходить квартиры избирателей накануне выборов в местные органы власти. Вот участие в кампании за мир во всем мире она воспринимала как должное, потому что в этом заключалось хоть какое-то рациональное зерно, она видела смысл в таких акциях. Она видела детишек, играющих на улице, мамаш с колясками в скверах, стариков, вечно торчавших на порогах своих домов, и могла сказать себе: «Я делаю это для них всех».

Но воспринимать так же борьбу за голоса избирателей или за увеличение продаж газеты ей никогда не удавалось. Ведь так легко сойтись вдесятером на собрании ячейки, строить планы переустройства системы, маршировать в авангарде сил социализма и предсказывать неизбежность исторического развития. Но потом приходилось одной выходить на улицы с кипой номеров «Дейли уоркер» и часто ждать час или даже два, чтобы кто-нибудь купил хотя бы один из них. Иногда она шла на обман, как делали это другие, и оплачивала дюжину номеров из своего кармана, лишь бы скорее закончить и попасть домой. Тогда на следующем собрании они превозносили ее до небес — словно сами никогда не

прибегали к подобным трюкам: «В воскресенье товарищ Голд сумела реализовать восемнадцать номеров газеты. Восемнадцать!» Об этом вносили запись в протокол, писали в районном бюллетене. В районе радостно потирали руки, и ее фамилия могла упоминаться в числе лучших распространителей на первой полосе, где помещали статьи о сборе средств в «Фонд борьбы». Но это был такой маленький и тесный мирок, ей хотелось бы, чтобы все обстояло честнее. И тем не менее она занималась самообманом, как и остальные. Впрочем, думала она, быть может, остальные яснее понимали причину, почему им приходится жить со всем этим враньем. Потом случилось нечто еще более странное — они избрали ее секретарем ячейки. Инициатором выступил Маллиган… «Она наш молодой, полный задора и *привлекательный* товарищ…» Уж не думал ли он, что она с ним переспит, если с его помощью возглавит ячейку? Остальные проголосовали за нее, потому что она им была симпатична, но главным образом по той причине, что Лиз одна владела машинописью. Потому что она справлялась со своими обязанностями и никого не заставляла заниматься уличной пропагандой в выходные. Или делала это, но очень редко. Они проголосовали за

нее, поскольку хотели видеть партийную ячейку чем-то вроде маленького клуба, вести революционные разговоры, но не слишком утруждаться. Все это было насквозь фальшиво. Алек, казалось, прекрасно понимал это и совершенно не воспринимал всерьез. «Кто-то разводит канареек, кто-то вступает в компартию», — обмолвился он однажды, и в его словах заключалась истина. По крайней мере в отношении ячейки южного Бэйсуотера, и в районном комитете прекрасно все понимали. Вот почему ей казался необычным выбор ее кандидатуры; вот почему она отказывалась верить, что именно районный комитет приложил к этому руку. Все сделал Эйш, была уверена она. Возможно, он на нее запал. Возможно, он не был голубым, а лишь производил такое впечатление.

Лиз преувеличенно громко вздохнула, как часто делают люди, которых что-то глубоко волнует, оставшись в одиночестве. Что ж, ей предлагали поехать за границу, причем бесплатно. И поездка обещала стать интересной. Она еще ни разу не бывала за рубежом и уж точно не смогла бы себе позволить такой вояж за свой счет. Наверное, будет занятно. Правда, у нее сформировалось несколько неоднозначное отношение к нем-

цам, и следовало это признать. Она знала (это ей втолковывали непрестанно), что Западная Германия — это милитаристское, реваншистское государство, в то время как ГДР была страной миролюбивой и демократической. Но она отказывалась верить, что все хорошие немцы жили по одну сторону границы, а все плохие по другую. И те, кто убил когда-то ее отца, не обязательно сейчас находились на «плохой» стороне. Быть может, поэтому партия и избрала ее для такого визита — великодушно предоставила возможность примирения? Вероятно, об этом думал Эйш, когда задавал все те многочисленные вопросы? Ну конечно — вот и объяснение. И Лиз внезапно овладело чувство тепла и благодарности к партии. Это были разумные люди, и ей следовало гордиться принадлежностью к их организации. Она подошла к письменному столу, выдвинула ящик и достала потертый школьный ранец, в котором теперь хранила бланки своей ячейки и марки членских взносов. Вставив чистый бланк в старенький «Ундервуд» — ей прислали его из района, когда узнали, что она умеет печатать; некоторые буквы западали, но в остальном машинка еще работала неплохо, — Лиз приготовила ответ с благодарностью за приглашение и под-

тверждением, что принимает его. Все-таки Центр не мог не вызывать уважения, исповедуя строгость, но и справедливость, разборчивость, но и объективность. Там собрались хорошие, добрые люди, которые боролись за мир. Закрывая ящик, она заметила в углу визитную карточку Смайли.

Лиз вспомнила этого низкорослого мужчину с серьезным, немного помятым лицом. Как он стоял в дверях ее комнаты и спрашивал: «В партии знают о ваших отношениях с Алеком?» Глупость какая! Ну и ладно. Можно выбросить все эти мысли из головы.

16
Арест

Всю обратную часть пути Фидлер и Лимас ехали молча. В сгустившихся сумерках среди черноты холмов мерещились провалы пещер, последние проглядывавшие в темноте лучики света напоминали прожекторы кораблей, ушедших далеко в море.

Фидлер припарковал машину под навесом рядом с домом, и они вместе направились к входной двери. Когда они уже собирались войти, со стороны деревьев донесся крик, а потом кто-то окликнул Фидлера по имени. Они повернулись, и Лимас в полумраке различил в двадцати ярдах от них троих мужчин, которые явно ждали, чтобы Фидлер подошел к ним.

— Что вы хотите? — спросил он.

— Нам надо с вами поговорить. Мы прибыли из Берлина.

Фидлер в замешательстве колебался.

— Куда подевались мои чертовы охранники? — тихо спросил он Лимаса. — Они должны прикрывать вход в дом.

Лимас только пожал плечами.

— И почему в прихожей не горит свет? — снова поинтересовался Фидлер, а потом все еще неуверенной походкой медленно направился к ожидавшим мужчинам.

Лимас выждал несколько мгновений, но, ничего больше не услышав, прошел через затемненный дом во флигель позади него. Это был унылый барак, явно построенный значительно позже, чем все остальное, укрытый с трех сторон посадками молодых сосен. Пристройку поделили на три смежные спальни, какой-либо коридор отсутствовал. Центральное помещение отвели для Лимаса, а соседняя комната ближе к главному зданию предназначалась для двух охранников. Лимас так и не узнал, обитал ли кто-нибудь в третьей спальне. Лишь однажды он попытался открыть дверь, которая вела туда из его комнаты, но она оказалась заперта. О том, что там тоже была спальня, он выведал совершенно случайно, сумев заглянуть в щель между кружевными занавесками, когда вышел как-то утром на прогулку. Оба охранника, которые непременно следовали за ним повсюду на дистанции ярдов в пятьдесят, еще не успели обогнуть угол, а Лимасу хватило нескольких секунд, чтобы всмотреться

внутрь сквозь окно. Там стояли аккуратно застеленная односпальная кровать и маленький письменный стол, на котором лежали газеты. Он предположил, что с чисто немецкой тщательностью наблюдение за ним организовали и оттуда тоже. Но Лимас был старым волком разведки, и не следовало тревожиться из-за чрезмерно усердной слежки. В Берлине она стала для него привычным фактором повседневной жизни — и если не замечать ее, то тем хуже. Это значило одно из двух: либо наблюдение сделалось более искусным, либо ты начал терять нюх. Обычно, потому что он прошел хорошую школу, был бдителен и наделен недюжинной памятью — короче, потому что он хорошо овладел азами профессии, ему всегда удавалось распознавать «хвост». Ему скоро становились понятны системы расположения агентов, которые предпочитала та или иная группа слежения, все их хитрости и слабости, самые мелкие просчеты, выдававшие их присутствие. Сама по себе слежка для Лимаса ничего не значила, но когда он вошел в проем двери, соединявшей дом с пристройкой, и задержался в комнате охранников, то отчетливо понял: здесь что-то не так.

Освещение во флигеле регулировалось центра-

лизованно с какого-то пульта. Лампы включала и выключала чья-то невидимая рука. Утром его часто будила внезапная вспышка единственной, но яркой лампочки над головой. По вечерам торопила улечься в постель навязанная извне темнота. Было только девять часов, когда он вошел в пристройку, а электричество уже отсутствовало. Обычно его вырубали не раньше одиннадцати, но сейчас не горело ни огонька, а шторы на окнах задернули плотнее. Смежную дверь Лимас оставил открытой, чтобы хотя бы сумрачный свет из прихожей проникал в комнату охраны, но он был так скуден, что разглядеть ему удалось только две пустые сейчас кровати. Пока он стоял, осматривая комнату и удивляясь, почему в ней никого нет, дверь у него за спиной закрылась. Возможно, от сквозняка, но Лимас даже не попытался снова открыть ее. Теперь его окружал полнейший мрак. Причем дверь закрылась бесшумно, и вслед за этим тоже не донеслось каких-либо звуков — ни стука, ни шагов. Лимасу, чьи инстинкты моментально включились в режим боевой готовности, это показалось похожим на момент, когда в кинотеатре при просмотре фильма внезапно отключается звуковая дорожка. Потом он почуял запах дыма сигары. Возможно,

он висел в воздухе с самого начала, но заметил он его только сейчас. Как у слепого, в темноте у него сразу же обострились обоняние и осязание.

В кармане лежали спички, но он пока ими не пользовался. Сделав шаг в сторону, уперся спиной в стену и замер в полной неподвижности. Насколько Лимас понимал ситуацию, они теперь дожидались, чтобы он перебрался из комнаты охраны в свою спальню, что только укрепило его решимость оставаться на месте. Затем со стороны дома, откуда пришел он сам, отчетливо донеслись шаги. Закрывшуюся дверь кто-то проверил снаружи, защелка замка провернулась и осталась в незапертом положении. Лимас не двигался. Слишком рано. Он оставался пленником в пристройке и пока не различал перед собой цели. Очень медленно Лимас присел на корточки, одновременно вложив руку в боковой карман пиджака. Он не просто сохранял спокойствие — его почти радовала перспектива начала реальных действий, но при этом мысли и воспоминания проносились в сознании с молниеносной скоростью. «Почти всегда у тебя под рукой окажется оружие: пепельница, пара монет, авторучка — что угодно, но ударное, колющее или режущее». Излюбленная фраза безобидного с

виду маленького сержанта-валлийца из тренировочного лагеря в окрестностях Оксфорда во время войны. «Никогда не пускай в ход обе руки сразу. Ни с ножом, ни с дубинкой, ни с пистолетом. Левая всегда должна быть свободна и лежать поперек твоего живота. Если нет вообще ничего, чем можно нанести врагу удар, разведи руки чуть в стороны, а большие пальцы выставь вверх и предельно напряги». Взяв коробок спичек в правую руку, он раздавил его, чтобы небольшие, но острые кусочки фанеровки торчали между пальцами. Покончив с этим, Лимас двинулся вдоль стены, пока ногой не уперся в стул, который, как он знал, стоял в самом углу. Уже не обращая внимания на шум, который производил теперь сам, он вытолкнул стул в центр комнаты. Потом, взяв стул за точку отсчета, сделал нужное число шагов в угол, где сходились две стены комнаты. И в этот самый момент он услышал, как резко распахнулась дверь его спальни. Лимас тщетно пытался разглядеть очертания фигуры, которая должна была показаться на пороге, потому что в его комнате тоже царила кромешная тьма. Его со всех сторон окружал непроницаемый мрак. Рвануться вперед, чтобы напасть, он не осмеливался, потому что центр комнаты теперь перегоражи-

вал стул, хотя в этом заключалось его небольшое тактическое преимущество — он знал, что стул там, а они нет. Ему нужно было, чтобы они попытались атаковать его сейчас же. Нельзя позволить им дождаться, чтобы их партнер в доме добрался до главного выключателя и дал свет.

— Что же вы медлите, трусливые суки, — прошипел он по-немецки. — Я здесь, в углу. Попробуйте взять меня. Или слабо?

В ответ ни движения, ни звука.

— Я тут, разве вы меня не видите? За чем дело стало? Что с вами такое, детишки? Идите сюда.

И тогда один шагнул вперед, а второй последовал за ним. Секунду спустя раздался грохот, когда первый наткнулся на стул, и это был сигнал, которого дожидался Лимас. Отбросив смятый коробок в сторону, он стал осторожно красться вперед, шаг за шагом, выставив перед собой левую руку жестом человека, который раздвигает ветки в густых лесных зарослях, пока его ладонь не уперлась в мягкую и теплую, чуть колючую ткань военной шинели. Все той же левой рукой Лимас дважды легко похлопал по рукаву — сделал два отчетливых прикосновения — и сразу услышал испуганный шепот по-немецки у себя над ухом:

— Ганс, это ты?

— Замолчи, идиот, — тихо произнес Лимас в ответ, изловчившись и ухватив противника за волосы. Он потянул его голову вперед и вниз, а потом нанес ребром правой ладони страшной силы удар в шею со стороны затылка. Вновь вздернул его кверху за руку и опять ударил, но теперь пальцами раскрытой ладони в горло, чтобы затем просто отпустить и дать безжизненному телу упасть в то место, куда увлекла его сила гравитации. Как только оно повалилось на пол, вспыхнул свет.

В дверях стоял молодой капитан в форме народной полиции и курил сигару. За спиной у него маячили еще двое мужчин. Один из них был совсем молод и одет в гражданский костюм. В руке он держал пистолет. Лимасу показалось, что это оружие чешского производства, в которое обойма вставляется с задней стороны рукоятки. Все смотрели на человека, распростертого на полу. Кто-то открыл другую дверь, и Лимас повернулся, чтобы узнать, кто именно, но тут же услышал громкий окрик — кажется, это капитан так зычно приказал ему не шевелиться. Он медленно развернулся и снова встал лицом к троим мужчинам.

Руки Лимаса все еще оставались вытянутыми по швам, когда он сам получил удар, от которо-

го у него, казалось, раскололся череп. Падая и уже проваливаясь в теплое забытье, он успел подумать, что ударили его револьвером, причем старого образца, с гнездом на конце рукоятки, через которое продевался шнур от кобуры.

Он проснулся, когда кто-то из заключенных затянул песню, а тюремщик криком приказал ему немедленно заткнуться. Стоило открыть глаза, и вместе с ослепительной вспышкой света его мозг пронзила боль. Но он лежал неподвижно, не закрывая глаз, наблюдая резкие цветовые образы, мелькавшие перед его взором. Попытался понять свои ощущения: его ступни были холоднее льда, а в нос сразу ударила типичная кисловатая вонь, исходившая от тюремной робы. Пение прекратилось, и внезапно Лимасу страстно захотелось опять услышать его, хотя он понимал, что этого не случится. Он попытался протянуть руку и потрогать кровь, коркой запекшуюся на щеке, но его руки оказались скованными за спиной. Ноги тоже, по всей вероятности, были туго стянуты — кровь в них не поступала, и потому они стали такими холодными. Превозмогая боль, он попробовал оглядеться, для чего требовалось приподнять голову хотя бы на пару дюймов от пола. К немалому удивлению, прямо перед собой

он увидел собственные колени. Он сделал инстинктивное движение, чтобы вытянуть ноги, и моментально все его тело прошила ужасающе острая боль, заставив вскрикнуть в агонии сострадания к самому себе, — он издал рыдающий вопль, какими исходят люди, вздернутые на дыбу. Лимас лежал, тяжело дыша, дожидаясь, чтобы боль унялась, а затем, вероятно, в силу невероятного упрямства своего характера, опять очень медленно попробовал распрямить ноги. Мучительная боль тут же вернулась, но Лимас определил ее источник: его руки и ступни ног были скованы вместе за спиной. Как только он пытался выпрямить ноги, цепь натягивалась, прижимая его плечи вниз, а поврежденную голову к каменному полу. Он понял, что в бессознательном состоянии был сильно избит: все его тело саднило одним огромным синяком, а в промежности ощущалась резь. Лимас подумал, убил ли он того охранника, и понадеялся, что убил.

Прямо над ним горела лампочка — большая, яркая, как в операционной, слепящая. В комнате не было никакой мебели. Вокруг себя он видел лишь нависавшие совсем близко беленые стены и серую стальную дверь, причем того модного сейчас пепельно-серого оттенка, каким красили

двери богатых лондонских домов. Больше ничего. Вообще ничего, на чем мог бы задержаться взгляд. Только адская боль.

Прежде чем они пришли, он пролежал несколько часов. От жара лампы его прошиб пот, очень хотелось пить, но он не позволял себе позвать кого-то на помощь. Наконец дверь открылась, и в проеме появился Мундт. Лимас сразу узнал его по глазам. Смайли рассказывал о них особо.

17
Мундт

Они сняли цепи и разрешили ему сделать попытку подняться на ноги. И на мгновение ему это почти удалось, но затем, когда циркуляция крови в его члены восстановилась, а суставы, долго удерживавшиеся в неестественном положении, встали на место, он упал. Его так и оставили лежать, наблюдая за ним с осторожным любопытством детей, впервые увидевших странное насекомое. Потом один из охранников вышел из-за спины Мундта и заорал на него, приказывая вставать. Лимас ползком добрался до стены и положил пульсирующие ладони на белые кирпичи. Он снова уже наполовину сумел выпрямиться, когда стражник ударил его, повалив на пол. Лимас сделал еще одну попытку, и на этот раз ему позволили стоять, привалившись спиной к стене. Он заметил, как охранник перенес вес тела на левую ногу, и понял, что тот собирается ударить снова. Собрав последние силы, Лимас ринулся вперед, направив свою наклоненную голову в лицо охраннику. Оба повалились, причем Лимас

оказался сверху. Солдат поднялся, а Лимас не смог и теперь ждал неизбежного наказания. Но Мундт отдал какое-то распоряжение, Лимаса подхватили за руки и за ноги, дверь закрылась, и его понесли вдоль коридора. Жажда убивала его.

Лимаса доставили в уютную комнату, где имелись вполне приличного вида стол и кресла. Шведские жалюзи наполовину скрывали зарешеченные окна. Мундт расположился за столом, а Лимаса усадили в кресло. Глаза его оставались полузакрытыми. Охранники встали у двери.

— Дайте мне пить, — попросил Лимас.

— Виски?

— Воды.

Мундт наполнил графин водой из крана над раковиной в углу комнаты и поставил на стол рядом со стаканом.

— Принесите ему поесть, — приказал он.

Один из охранников вышел, но скоро вернулся с кружкой супа и нарезанной ломтями колбасой. Он ел и пил воду, а они молча наблюдали за ним.

— Где Фидлер? — спросил потом Лимас.

— Арестован, — коротко ответил Мундт.

— На каком основании?

— Заговор с целью подрыва устоев государ-

ственной безопасности.

Лимас медленно кивнул.

— Значит, вы победили, — сказал он. — Когда вы его взяли?

— Прошлым вечером.

Лимас помедлил, стараясь сфокусировать взгляд на Мундте.

— А что со мной? — спросил он.

— Вы станете важным свидетелем обвинения. А потом будут судить уже вас самого.

— Стало быть, из меня сделают участника задуманного в Лондоне плана свалить Мундта, так?

Мундт кивнул, прикурил сигарету и знаком велел одному из своих телохранителей передать ее Лимасу.

— Именно так, — подтвердил он.

Охранник приблизился и жестом человека, вынужденного любезничать с врагом, вставил сигарету в губы Лимасу.

— Красиво разработанная операция, — заметил Лимас и отпустил не самую умную шутку: — Изобретательные парни эти китайцы.

Мундт никак на это не прореагировал. По мере того как продвигалась их беседа, Лимас стал привыкать к молчанию, в которое он временами впадал. У Мундта оказался достаточно приятный

голос, чего Лимас не ожидал, но пользовался он им скупо. По всей видимости, это следовало отнести за счет невероятной уверенности Мундта в себе. Он не начинал говорить, если не ощущал в этом подлинной необходимости, и предпочитал долгие паузы бессмысленному, с его точки зрения, сотрясению воздуха словами. Именно это отличало его от профессиональных мастеров допроса, которые сами проявляли инициативу, создавали атмосферу, располагавшую к разговорчивости, и в полной мере использовали психологическую зависимость узника от своего инквизитора. Мундт презирал подобные приемы: он был человеком факта, человеком действия. Для Лимаса это оказалось даже предпочтительнее.

Внешность Мундта целиком соответствовала его характеру. Он выглядел атлетом, светлые волосы стриг очень коротко, и, лишенные блеска, они смотрелись безукоризненно аккуратно. Его молодое еще лицо с правильными чертами было вылеплено жестко и несло на себе внушавшее робость выражение прямолинейной открытости; чувство юмора или склонность к игре воображения никак не читались на нем. Лицо его было молодым, но не моложавым — даже люди старшего поколения не могли не воспринимать его

всерьез. Его также отличало отменное телосложение. Одежда сидела на нем прекрасно, потому что на такой фигуре хорошо смотрелась бы любая вещь. Но при этом Лимас ни на секунду не забывал, что Мундт — прирожденный убийца. В нем ощущались та холодность, то жестокое пренебрежение к чужим жизням и физическая готовность, которые делали его прекрасно подготовленным к убийствам. С такой личностью очень трудно было иметь дело.

— Кстати, если нам вдруг понадобится выдвинуть против вас в суде еще одно обвинение, — добавил Мундт спокойно, — то это будет обвинение в убийстве.

— Значит, если я правильно вас понял, тот несчастный охранник не выжил? — спросил Лимас. Волна острой боли накатила на его мозг.

Мундт кивнул.

— Таким образом, — сказал он, — слушание по делу о вашем участии в шпионаже против ГДР теряет подлинную актуальность. Однако я внес предложение, чтобы суд над Фидлером сделали публичным, и президиум со мной согласился.

— Вам нужно мое признание?

— Да.

— Видимо, потому, что никаких других доказа-

тельств у вас нет.

— У нас будет нечто более важное, чем любые улики. Ваши показания и полное признание вины. — В голосе Мундта не звучало ни намека на угрозу. Он никого из себя не разыгрывал, не прибегал к драматическим эффектам.

— С другой стороны, при желании в вашем деле могут вскрыться смягчающие вину обстоятельства. Британская разведка прибегла к шантажу: они выдвинули против вас ложное обвинение в краже казенных денег и только так вынудили стать участником реваншистского плана моей ликвидации. Суд может проявить снисхождение, если ему станут известны подобные детали.

Лимаса, казалось, его последняя фраза застигла врасплох.

— Откуда вам известно про обвинение в краже?

Но Мундт не дал ответа на этот вопрос.

— Фидлер повел себя очень глупо, — сказал он после небольшой паузы. — Как только я ознакомился с рапортом нашего друга Петерса, то сразу понял, с какой целью вас подослали, и понял, что Фидлер непременно угодит в ловушку. Слишком уж сильно он ненавидит меня. — Мундт при этом кивнул головой, словно желая подчеркнуть

истинность своего утверждения. — Ваши люди, разумеется, знали об этом. Операция была разработана очень тонко и умно. Кому принадлежала идея? Скажите мне. Наверняка весь план придумал Смайли. Удивлюсь, если это не его рук дело.

Лимас промолчал.

— Я захотел прочитать отчет Фидлера о ваших допросах, которые он проводил лично, понимаете? Попросил прислать его мне. Он начал тянуть резину, и я только уверился в своей правоте. А вчера он распространил свой меморандум среди членов президиума, но я копии так и не получил. Кто-то в Лондоне проявил незаурядные способности.

Лимас промолчал.

— Когда вы в последний раз встречались со Смайли? — небрежно спросил Мундт.

— Не помню. — Лимасу все же пришлось заговорить. — Он ведь больше не работает на нашу организацию. Хотя время от времени навещает нас.

— Но он большой приятель Питера Гиллама, верно?

— Да, думаю, можно сказать и так.

— Гиллам, как вы считали, занимался изучением экономического развития ГДР. Эдакий

небольшой отдел в вашем ведомстве, назначение которого было вам не до конца понятно.

— Да.

Слух и зрение стали подводить его из-за сводящей с ума пульсации в мозге. Глаза горели, и в них тоже ощущалась резь. Он чувствовал себя совершенно больным.

— Ну, так когда же вы в последний раз виделись со Смайли?

— Я не помню… Не помню.

Мундт покачал головой.

— У вас почему-то очень хорошая память на все, что компрометирует меня. И потом, все мы всегда запоминаем нашу последнюю встречу с кем-либо. К примеру, вы встречались с ним по возвращении из Берлина?

— Да. Думаю, что да. Я как-то столкнулся с ним однажды в Лондоне… В Цирке. — Лимас закрыл глаза, и его прошиб пот. — Я не могу продолжать, Мундт… Долго не продержусь. Я болен, Мундт, — выдавил из себя он.

— После того как с вами вышел на контакт Эйш. То есть попал в капкан, который вы поставили на него, вы ведь обедали вместе, правильно?

— Да. Обедали.

— И закончили около четырех часов. Куда вы

отправились потом?

— По-моему, куда-то в Сити. Но я не уверен… Ради бога, Мундт… — Он обхватил голову руками. — Я не в состоянии продолжать. Мой проклятый мозг…

— Куда вы поехали потом? Почему избавились от «хвоста»? Зачем вам так нужно было уйти от слежки?

Лимас ничего не отвечал: он лишь порывисто дышал, сжав голову ладонями.

— Ответьте на этот вопрос, и потом мы сделаем перерыв. Вам приготовили нормальную постель. Можете поспать, если захотите. В противном случае вернетесь в прежнюю камеру, понимаете? Скажите, куда вы поехали?

Дикая пульсация в мозге внезапно усилилась, стены комнаты заплясали. Вокруг себя он слышал голоса и отзвуки шагов; цветастые тени пролетали мимо и возвращались; кто-то кричал, но не на него; дверь была открыта, он был уверен, что ее распахнули настежь. Комната наполнилась людьми, которые теперь все кричали, а потом стали говорить одновременно. Некоторые из них уходили, причем маршировали при этом, и звуки их дружных шагов резонировали со стуком в его голове. Но постепенно даже эхо затихло,

и воцарилась полная тишина. А потом словно ангел милосердия снизошел к нему, и компресс из прохладной материи лег поперек лба, а чьи-то нежные руки унесли его прочь.

Очнулся он на больничной койке. В ногах ее стоял Фидлер и курил сигарету.

18
Фидлер

Лимас осмотрелся по сторонам. Одноместная палата без решеток на окнах, только шторы и тонированное стекло. Бледно-зеленые стены, темно-зеленый линолеум и Фидлер, наблюдавший за ним сквозь облако табачного дыма.

Медсестра принесла ему поесть — яйцо, немного супа и фрукты. Чувствовал он себя отвратительно, ему было не до еды, но он понимал, что подкрепиться необходимо. И потому, пересилив себя, начал есть под пристальным взглядом Фидлера.

— Как ощущения? — спросил тот.

— Хреновые, — ответил Лимас.

— Но хоть немного получше?

— Должно быть. — Лимас замолк, вспоминая. — Эти подонки измолотили меня до полусмерти.

— Вы убили охранника. Вам известно об этом?

— Да, я догадался с самого начала… А чего они ждали, когда проводили свою тупую операцию? Почему было сразу не задержать нас обоих? Для чего понадобилось выключать свет? Скажу вам

одно: они переусердствовали. У нас это называется заорганизованностью.

— Боюсь, вы правы. Мы вообще нация заорганизованных людей. Но за границей это проходит как немецкая эффективность.

Наступила пауза.

— А что произошло с вами? — спросил Лимас.

— О, я тоже прошел основательную предварительную обработку перед допросом.

— Людьми Мундта?

— И людьми Мундта, и самим Мундтом. Необычные ощущения, если признаться!

— Это еще мягко сказано.

— Нет, я говорю не только о физической боли. Хотя больно было до ужаса, но, как оказалось, Мундту доставило особое наслаждение избивать меня.

— Потому что вы построили теорию о его…

— Потому что я — еврей.

— О господи, — тихо простонал Лимас.

— Вот почему меня он отделал лично, со всем усердием. И непрерывно шептал мне на ухо. Это было очень странно слышать.

— Что именно он говорил?

Фидлер ответил не сразу.

— Что все кончено.

— Но как? Откуда ему все стало известно?

— Утром в день ареста я подал в президиум петицию с просьбой выдать ордер на задержание Мундта как врага народа.

— Но это же сумасшествие… Я говорил вам, Фидлер, что у вас, должно быть, помутился рассудок! Он бы ни за что…

— Помимо вашей информации, против него накопились другие улики. Доказательства, которые я фрагмент за фрагментом собрал в последние три года. Ваши сведения стали лишь решающим, недостающим звеном, вот и все. Как только это стало мне ясно, я подготовил доклад, текст которого разослал всем членам президиума, кроме Мундта. Они получили его одновременно с моим заявлением об ордере на его арест.

— И в этот же день арестовали нас самих.

— Да. Я знал, что Мундт не сдастся без боя. Мне были известны все его сторонники в президиуме и те бесхребетные соглашатели, которых мой меморандум настолько перепугал, что они бросились к Мундту, как только получили его. Но я был уверен, что в итоге он потерпит поражение. Я вручил президиуму оружие, способное уничтожить его. Мой доклад попал по назначению, и за те несколько дней, когда нас с вами подвергали

мучениям и допросам с пристрастием, члены президиума имели возможность всесторонне изучить документ и убедиться, что в нем все правда. Каждый понял это и знал, что поняли и все остальные. В конце концов они вынуждены были перейти к действиям. Сплоченные общим для всех страхом перед Мундтом, объединенные даже своей трусостью и слабостью, они перешли в атаку на него и назначили заседание трибунала.

— Трибунала?

— Секретного, разумеется. Он соберется уже завтра. Мундт находится под арестом.

— А какие другие улики вам удалось собрать?

— Потерпите — и узнаете, — ответил Фидлер с улыбкой. — Завтра вам станет известно все. — Он ненадолго замолчал, чтобы позволить Лимасу покончить с едой.

— Этот трибунал, — спросил затем Лимас, — как именно он проводится?

— Процедуру определяет президиум. Важно помнить, что это не обычный народный суд. Это скорее напоминает заседание следственного комитета. Специального следственного комитета, члены которого назначаются президиумом для рассмотрения чрезвычайных дел в отношении… конкретных лиц. Потом составляется отчет, со-

держащий рекомендации комитета. В подобном случае рекомендации можно считать равносильными приговору суда, и они не подлежат публичной огласке как секретная часть работы президиума.

— Каков механизм? Есть судьи и защита обвиняемого?

— Да, избирается судебный триумвират, — ответил Фидлер, — и присутствует некто, играющий роль адвоката. Завтра я сам выступлю в качестве прокурора, чтобы изложить суть обвинений против Мундта. Его защитником будет Карден.

— Кто такой Карден?

Фидлер замялся.

— Тяжелый человек, — сказал он. — С виду похож на сельского фельдшера. Маленький, добродушный. Он был узником Бухенвальда.

— Почему Мундт не может сам быть своим адвокатом?

— Это было его собственное решение. Я уже слышал, что у Кардена есть какой-то свидетель защиты, которого он вызвал.

Лимас пожал плечами.

— Что ж, я мало что понимаю в ваших делах, — сказал он, после чего оба снова замолчали.

— Я бы сумел легче перенести все, — задумчиво

произнес Фидлер. — По крайней мере мне так кажется. Было бы легче выдержать пытку, если бы он мучил меня из-за личной ненависти или зависти. Вам понятно, о чем я? Эта долгая, долгая, невыносимая боль, а ты все время лишь думаешь про себя: «Либо я сейчас потеряю сознание, либо научусь сносить любые страдания. Природа, так или иначе, возьмет свое». А боль все нарастает, как будто скрипач переходит в крещендо. Ты считаешь, что больнее уже быть не может, но ошибаешься — такова уж боль сама по себе: она непрерывно усиливается, и твое тело привыкает к ее все более высоким нотам, как ухо глухого ребенка, которого пытаются научить слышать. И все время этот шепот: «Еврей… Жид». Я бы его понял, клянусь, что понял бы, если бы он все это делал во имя идеи, ради интересов партии или в силу личной ненависти именно ко мне. Но ничего подобного, он ненавидит…

— Довольно, — оборвал его Лимас. — Разве вы не знали, какая это мразь?

— Да, — согласился Фидлер, — он мразь.

Фидлером владело возбуждение. «У него накопились мысли, которыми ему с кем-то необходимо поделиться», — подумал Лимас.

— Я много думал о вас, — продолжал Фидлер. —

Я размышлял о той нашей беседе. Помните? О движителе.

— О каком движителе?

Фидлер улыбнулся:

— Извините, это, видимо, слишком прямой перевод, к которому я прибегнул. Я имею в виду движущую силу, мотивы, духовные устремления. Или как еще это могут называть христиане?

— Я не христианин.

— Но вы же понимаете, что я имею в виду. — Он снова улыбнулся. — Хотя это и приводит вас в смущение… Изложу свою мысль иными словами. Предположим, Мундт прав. Он требовал от меня признания, как вы догадываетесь. Я должен был признаться, что вступил в сговор с британскими лазутчиками, которые спланировали его ликвидацию. На этом строится вся его теория — что вы и я были вовлечены в сложную операцию, задуманную британской разведкой, чтобы избавиться от самого важного человека в Абтайлунге. Он хочет повернуть против нас наше же оружие.

— Он и от меня добивался того же, — произнес Лимас равнодушно и добавил: — Признания, что всю эту отвратительную историю я попросту выдумал.

— Но я сейчас даже не об этом: допустим, что

вы так и поступили, предположим, что это правда, — вы же понимаете, мне это нужно только для примера, я говорю чисто гипотетически. Пошли бы вы на убийство ни в чем не повинного человека?

— Мундт сам кровавый убийца.

— Но что, если бы он им не был? Что, если бы они захотели убить меня? Пошел бы Лондон на такое?

— Это зависело бы от… от целесообразности…

— Вот! — воскликнул Фидлер, явно удовлетворенный таким ответом. — Вы поставили бы это в зависимость от необходимости и целесообразности. Что, кстати, всегда делал Сталин. Автомобильная авария и статистика. Для меня это большое облегчение.

— Не вижу почему.

— Вам нужно еще поспать, — сказал Фидлер. — Потом можете заказать любую еду, какую пожелаете. Они все принесут. Завтра вам предстоит выступить перед серьезной аудиторией.

Уже у двери он обернулся и произнес:

— А ведь все мы одним миром мазаны. Шучу, шучу…

Вскоре Лимас действительно заснул, довольный, что обрел в лице Фидлера союзника. Скоро

Мундту должны вынести смертный приговор. Как же долго ему пришлось дожидаться такого исхода!

19
Собрание партийной ячейки

Лиз была совершенно счастлива в Лейпциге. Простота и даже аскетизм жизни здесь давали ей ощущение, что она тоже чем-то жертвует. Небольшой дом, куда ее поселили, казался темным и бедным, пища тоже была скудной, и лучшее из нее неизбежно доставалось детям. За едой они неизменно разговаривали о политике с фрау Эберт — секретарем партийной организации квартала Лейпциг-Хогенгрюн. Это была маленькая неприметная женщина, чей муж заведовал каменоломней где-то за городской чертой. Жизнь здесь в чем-то походила на существование в религиозной общине, мелькала порой мысль у Лиз, — как в монастыре, в кибуце или в чем-то подобном. Как ни странно, но на голодный желудок мир воспринимался лучше, чем был, вероятно, на самом деле. Лиз немного знала немецкий, на котором говорила ее тетушка, и сама поразилась, как быстро забытые слова вернулись к ней. Сначала она опробовала язык на детях, которые хихикали, но охотно помогали ей. Ребятишки от-

неслись к ней немного странно с самого начала, словно она была какой-то особенной или обладала некими редкими способностями. Но на третий день один из них набрался храбрости и спросил, не привезла ли она «оттуда» шоколада. Ей стало стыдно, потому что ей и в голову это не пришло. После чего дети почти перестали обращать на нее внимание.

По вечерам наступало время «партийной работы». Они распространяли пропагандистскую литературу, навещали товарищей, задолжавших членские взносы или слишком часто пропускавших собрания, приняли участие в районной конференции на тему «Проблемы, связанные с централизованным распределением продуктов питания», где присутствовали все секретари партийных ячеек, посетили заседание рабочего совета машиностроительного завода, расположенного на одной из окраин.

Наконец на четвертый день — это был четверг — подошло время собрания ячейки того квартала, где она жила. Для Лиз оно обещало стать волнующим событием: она ожидала увидеть пример того, как однажды начнет работать ячейка ее родного Бэйсуотера. Да и тему для вечерней встречи избрали, на ее взгляд, крайне интересную: «Мир-

ное сосуществование после двух великих войн». Ожидалось большое количество членов партии — для обеспечения явки сделали все возможное, убедились, что в это же время не проводится никаких других крупных мероприятий, а вечер был не тот, когда люди в массе своей устремляются по магазинам за покупками.

Пришло семь человек.

Ровно семь, не считая Лиз, секретаря ячейки и представителя райкома. Лиз старалась ничем этого не выдать, но была до крайности расстроена. Она с трудом заставляла себя сосредоточиться на выступлении докладчика, а когда ей это удавалось, он прибегал к столь сложным немецким речевым конструкциям, что уяснить их смысл оказывалось почти невозможно. Это напоминало собрания в Бэйсуотере, походило на вечерние молебны в церкви, которые она посещала в детстве, — та же небольшая группа выполняющих нудную обязанность, немного растерянных людей, но при этом искусственно внушаемое себе ощущение, как важно, чтобы именно такие вот простые люди свершили свою миссию ради общего великого блага. Хотя порой у нее возникало желание — скверное желание, но от него некуда было деться, — чтобы не пришел вообще никто.

Потому что тогда абсурд и унижение достигли бы своих абсолютных пределов, и люди бы поняли, что настала пора все коренным образом менять.

Но семь человек… Это было ничто. Хуже, чем ничто, потому что демонстрировало всю инертность и равнодушие народных масс, отчего становилось тоскливо на душе.

Помещение оказалось гораздо просторнее, чем школьный класс в Бэйсуотере, но и это служило слабым утешением. В Бэйсуотере сами по себе поиски комнаты для собрания становились своего рода приключением. Поначалу они скрытничали и делали вид, что никакого отношения к компартии не имеют. Снимали отдельные кабинеты в пабах, банкетный зал кафе «Ардена» или же потихоньку собирались друг у друга на квартирах. Потом в ячейку вступил Билл Хейзел, учитель из местной средней школы, и они стали использовать его класс. Но даже в этом заключался некоторый риск — директор школы полагал, что у Билла собирается драмкружок, а значит, теоретически их могли выставить за порог в любой момент. Но даже в школе было все же лучше, чем в так называемом лейпцигском «Зале мира», находившемся в здании из сборных железобетонных конструкций, где по углам

виднелись трещины и висел портрет Ленина. И зачем только они всегда вставляют его портреты в такие нелепые рамы? Из стен торчали похожие на обрезки органных труб декоративные украшения, а плакаты и знамена из кумача насквозь пропылились. Лиз почему-то показалось, что именно так обставляли свои похороны фашисты. И она снова подумала: наверное, Алек был прав. Ты верила во что-то, потому что не могла жить без веры, пусть предмет твоего верования сам по себе ничего не значил, не имел никакого смысла. Как он говорил? «Собака чешет то место, которое у нее чешется. И у каждой собаки такое место свое». Нет, все не так, и Алек ошибался. Произносить подобные слова было шутовским легкомыслием. Мир, свобода, равенство — это все не абстракции, а реальные понятия. И от исторических фактов никуда не денешься, а именно на их основе партия строила свою деятельность, намечала цели. Нет, определенно Алек заблуждался: истина существовала независимо от желания людей, ее подтверждал весь ход исторического развития, и каждый индивидуум должен был это признать. В противном случае ему грозила опасность стать жертвой исторического прогресса, на пути которого он вставал. Партия шла в авангарде истории,

в первых рядах борцов за мир… Но увиденное этим вечером способно было поколебать всякую уверенность. Жаль, что пришло всего семь человек. Так мало. Да и у пришедших вид был встревоженный и голодный.

Когда собрание закончилось, Лиз дождалась, пока фрау Эберт соберет непроданную литературу с массивного стола у двери, заполнит книгу явки и наденет пальто, потому что вечер выдался холодным. Докладчик сбежал, не приняв участия в обсуждении своего выступления, что Лиз посчитала бестактностью. Фрау Эберт уже стояла в дверях, положив руку на выключатель, когда из темноты коридора на пороге возникла фигура мужчины. На мгновение Лиз даже показалось, что это Эйш. Он был высоким, светловолосым, в плаще с кожаными пуговицами.

— Товарищ Эберт? — спросил он.

— Да, а в чем дело?

— Я разыскиваю нашего товарища из Англии по фамилии Голд. Она ведь остановилась у вас, верно?

— Элизабет Голд — это я, — сказала Лиз, и мужчина вошел в зал, прикрыв за собой дверь, а его лицо теперь оказалось освещено полностью.

— Я — Холтен из районного комитета партии. —

Он показал какое-то удостоверение фрау Эберт, которая так и застыла рядом с дверью, потом кивнула и бросила несколько обеспокоенный взгляд на Лиз.

— Мне было поручено передать товарищ Голд важное сообщение из президиума, — сказал мужчина. — Это касается изменений в программе ее пребывания у нас. Ей прислали приглашение принять участие в особо важном заседании.

— О, правда? — отозвалась Лиз с несколько поглупевшим выражением лица.

Казалось фантастикой, что в президиуме правящей партии страны вообще узнали о ее существовании.

— Воспринимайте это как жест доброй воли, — заявил Холтен.

— Но я… А как же фрау Эберт? — беспомощно произнесла Лиз.

— Я уверен, что при сложившихся обстоятельствах фрау Эберт отнесется ко всему с пониманием.

— Разумеется, — поспешила заверить его та.

— А где будет проходить заседание?

— Вот поэтому вам и придется выехать сегодня же вечером, — объяснил Холтен. — Ехать нам достаточно далеко. Почти до самого Герлица.

— Герлиц?… А где это?

— На востоке, — пояснила фрау Эберт. — Почти у самой границы с Польшей.

— Мы можем сейчас же отвезти вас домой. Соберете свои вещи, и мы тронемся в путь.

— Так срочно?

— Да. — Тон Холтена исключал какие-либо возражения со стороны Лиз. Казалось, ей не оставляли возможности выбора.

Их ждала большая черная машина. За рулем сидел водитель, а на крыле торчал шток для флажка. Похоже, автомобиль принадлежал какому-то военному ведомству.

20
Трибунал

Зал заседаний трибунала едва ли превышал размерами обычный класс в школе. В одном его конце были установлены пять или шесть длинных, но самых простых скамеек, по краям которых разместились охранники и тюремные надзиратели, а посередине — допущенная публика, состоявшая только из членов президиума и еще нескольких высокопоставленных официальных лиц. В противоположной стороне на стульях с высокими спинками перед неотполированным дубовым столом сидели трое судей трибунала. У них над головами на металлической проволоке висела огромная красная звезда из фанеры. Стены помещения были сложены из беленого кирпича, напомнившего Лимасу его тюремную камеру.

По оба конца стола, но чуть ближе к залу располагались еще два стула, развернутые так, чтобы сидевшие на них были обращены лицами друг к другу. Один стул занимал уже немолодой мужчина, вероятно, лет шестидесяти, в черном костюме и сером галстуке — так обычно одеваются в

немецкой провинции перед походом в церковь. Второй предназначался для Фидлера.

Лимаса усадили почти у задней стены под надзором двух стражей. Между головами собравшихся в зале он мог видеть Мундта, которого плотно окружали полицейские. Волосы ему постригли еще короче, а его широкие плечи стягивала теперь такая знакомая Лимасу арестантская роба. Он воспринял как индикатор общего настроения членов трибунала (на котором могло сказаться влияние Фидлера) то, что ему самому разрешили остаться в цивильной одежде, в то время как Мундта обрядили в униформу заключенного.

Лимас еще не успел толком осмотреться, как президент трибунала, сидевший в центре, звонком подал сигнал к началу заседания. Звук привлек внимание к главной фигуре процесса, и у Лимаса холодок пробежал по спине, когда он понял, что это женщина. Но едва ли ему стоило корить себя за то, что он не заметил такой детали сразу. Ей было около пятидесяти лет, маленькие глазки, по-мужски коротко постриженные черные волосы и простенький темный балахон, какие были в моде у многих женщин в СССР. Она пристально осмотрела зал, кивком головы приказала охраннику закрыть дверь и начала говорить

без каких-либо преамбул или приветственных слов в адрес собравшихся.

— Вы хорошо знаете, зачем мы прибыли сюда сегодня. Все, что будет здесь происходить, строго секретно — прошу никого не забывать об этом. Данный трибунал избран особым постановлением президиума. И только перед президиумом мы несем ответственность. А теперь нам предстоит заслушать показания сторон в установленном порядке. — Она повернула голову в сторону Фидлера. — Начнем с вас, товарищ Фидлер.

Тот поднялся. Коротко кивнув каждому из членов трибунала, достал из портфеля пачку бумаг, связанных в углу черным шнуром.

Говорил он спокойно, легко, но и со скромностью, какой Лимас не замечал за ним прежде. Лимас посчитал, что Фидлер взял верный тон, играя роль человека, который с великим сожалением готовится распять своего бывшего друга и начальника.

— Прежде всего, — начал Фидлер, — я считаю, мне следует поставить вас в известность, если только вас не снабдили соответствующей информацией заблаговременно, о том, что в тот же день, когда члены президиума получили копии моего доклада относительно деятельности това-

рища Мундта, я был подвергнут аресту наряду с мистером Лимасом — перебежчиком к нам с Запада. Мы оба попали в тюрьму, и к нам обоим… на нас обоих оказывалось исключительно мощное давление с целью добиться признания, что выдвинутые против Мундта серьезные обвинения были лишь частью фашистского заговора против лояльного и верного своей стране коммуниста.

В моем первоначальном меморандуме подробно описывалось, как и почему Лимас попал в наше поле зрения. Мы по своей инициативе вышли на контакт с ним, убедили перейти на нашу сторону и, наконец, сумели переправить на территорию демократической Германии. Ничто не может свидетельствовать о беспристрастности Лимаса более красноречиво, чем такой факт: по причинам, которые я объясню ниже, он до сих пор категорически отказывается поверить, что Мундт был агентом британской разведки. Таким образом, представляется полной нелепицей утверждение, будто Лимас сыграл роль подсадной утки: инициатива его вербовки полностью исходила от нас, а фрагментарные, но крайне важные показания Лимаса стали лишь окончательным доказательством в длинной цепочке улик, собранных за последние три года.

Перед вами все материалы этого дела, изложенные в письменном виде. Мне лишь остается дать пояснения к фактам, которые вам уже известны.

Суть обвинения против товарища Мундта состоит в том, что он является агентом империалистической державы. Я мог бы выдвинуть против него и другие обвинения — в том, что он передавал информацию секретным службам Великобритании, что он превратил сотрудников своего ведомства в невольных прислужников буржуазного государства, что он сознательно защищал реваншистские антипартийные группы и принимал в качестве вознаграждения крупные суммы в иностранной валюте. Однако все сопутствующие обвинения вытекают из главного: Ганс-Дитер Мундт — агент империалистической державы. Наказанием за подобное преступление может быть только смертная казнь. В нашем уголовном кодексе не значится ни одного более серьезного нарушения закона, поскольку именно оно подвергает самой большой опасности нашу страну, именно оно требует особой бдительности со стороны карательного аппарата партии.

Он положил свои записи и продолжал уже не по бумажке.

— Товарищу Мундту сорок два года. Он — за-

меститель начальника министерства народной обороны. Не женат. Его неизменно считали прежде исключительно способным и неустанным защитником интересов партии, безжалостным к ее врагам.

Позвольте мне напомнить некоторые подробности его карьеры. Он был принят на службу в министерство в возрасте двадцати восьми лет и прошел обычный курс подготовки. По истечении испытательного срока выполнял особые задания в Скандинавских странах — в Норвегии, Швеции и Финляндии, где ему успешно удалось наладить разведывательную сеть, которая вела активную борьбу с фашистскими агентами во враждебном нам лагере. Он хорошо справлялся с порученным делом, и нет никаких оснований предполагать, что он не был в то время всего лишь усердным сотрудником своего ведомства. Но при этом, товарищи, отметим про себя эту его раннюю связь со Скандинавией. Сеть агентов, завербованных товарищем Мундтом после войны, много лет спустя послужила ему предлогом для частых посещений таких стран, как Норвегия и Финляндия, где служебная необходимость стала для него всего лишь прикрытием, чтобы тайно снимать в зарубежных банках многие тысячи долларов, по-

лученных в награду за предательство. И не будем заблуждаться: товарищ Мундт не по идейным соображениям перешел на сторону тех, кто сопротивляется неумолимому ходу исторического развития. В первую очередь трусость, слабость и жадность стали его мотивами, личное обогащение превратилось в цель. По иронии судьбы, именно тщательно продуманная система для удовлетворения своих алчных запросов выдала его и привела сейчас на скамью подсудимых этого трибунала.

Фидлер сделал паузу и оглядел зал, а его глаза вспыхнули неожиданной страстью. Лимас смотрел на него, не уставая поражаться.

— Пусть это станет уроком, — почти выкрикнул Фидлер, — для всех врагов нашего государства, которые в тайные ночные часы вынашивают планы своих гнусных преступлений.

Группа слушателей в дальней части зала отозвалась на это ожидаемым одобрительным гулом.

— Им не укрыться от бдительного ока народа, на чьей крови они хотели бы нажиться! — Казалось, Фидлер выступает перед многотысячным митингом, а не перед кучкой членов руководства страны и охранников, собравшихся в небольшой

комнате с покрытыми побелкой стенами.

В этот момент Лимас понял, что Фидлер стремится не оставить оппоненту ни шанса: его обращение к трибуналу, судьям и зрителям должно было звучать политически безупречно. Несомненно, Фидлер понимал все опасности, которые могли содержаться в ответной речи защиты, что неизбежно в таких случаях, и заранее прикрывал свою спину от коварного удара. Его риторические реплики будут занесены в протокол, и потребуется немалое мужество, чтобы бросить им вызов.

Теперь Фидлер открыл папку, лежавшую перед ним на столе.

— В конце 1956 года Мундт был направлен в Лондон в качестве сотрудника представительства сталелитейной промышленности ГДР. Его особым секретным заданием стало противодействие подрывной деятельности обосновавшихся там эмигрантских группировок. В процессе исполнения задания он не только подвергался немалой опасности — это следует признать, — но и добился немалых успехов.

Внимание Лимаса вновь привлекли три фигуры за центральным столом. По левую руку от президента трибунала сидел моложавый, чуть

смуглый мужчина. У него были вялые непослушные волосы и серое, с впалыми щеками лицо аскета. Его тонкие пальцы непрестанно и нервно перебирали углы стопки документов, лежавших перед ним. Лимасу показалось, что это сторонник Мундта, хотя ему было бы трудно объяснить, почему у него возникло такое впечатление. По другую сторону расположился мужчина постарше, уже лысеющий, с открытым и добродушным лицом. Лимасу оно показалось несколько глуповатым. Как ему сейчас представлялось, судьба Мундта будет решаться в первую очередь молодым человеком, собиравшимся высказаться в его пользу, и председательствующей, которая поддержит обвинение. Что же до второго мужчины, то, столкнувшись с расхождением во мнениях, он будет все же склонен встать на сторону президента.

Фидлер продолжал свою речь:

— Именно в конце той командировки в Лондон произошла вербовка. Как я только что упомянул, Мундт подвергался там значительной опасности. Выполняя свою миссию, он совершил противоправные действия, и британская тайная полиция выдала ордер на его арест. Мундт, не обладавший дипломатическим иммунитетом (как вы знаете,

Великобритания и прочие члены НАТО не признают суверенитета нашей страны), вынужден был скрываться. В портах установили наблюдение, его фотографии и словесные портреты были распространены по всем Британским островам. И тем не менее после двух дней, проведенных в укрытии, товарищ Мундт взял такси до лондонского аэропорта и вылетел в Берлин. «Блестяще!» — скажете вы и будете правы. В то время когда вся британская полиция разыскивала его, шоссе, железные дороги, морские пассажирские терминалы и аэропорты были надежно перекрыты, товарищ Мундт самолетом покидает Лондон. Воистину блестяще, ничего не скажешь! Или вам, вероятно, может показаться, товарищи, поскольку вы имеете теперь возможность взглянуть на все под иным углом зрения, что побег Мундта из Англии был несколько чересчур блистательной операцией, осуществленной с несколько странной легкостью, и что без попустительства со стороны британских властей такое было бы совершенно невозможно!

Снова среди зрителей пробежал легкий ропот, на этот раз прозвучавший более спонтанным.

— Правда же заключается вот в чем: Мундт был все-таки арестован британцами, и после

краткого допроса, имевшего важное значение, они предложили ему классическую альтернативу. Предпочтет ли он провести долгие годы в империалистической темнице, поставив крест на своей незаурядной карьере, или же сможет вопреки всем ожиданиям совершить исполненный драматизма прорыв на родину, где ему удастся в полной мере реализовать свой многообещающий потенциал? Разумеется, британцы поставили ему условие, что в обмен на свободу он начнет снабжать их информацией, за которую будет получать крупное денежное вознаграждение. Таким образом, применив простейшую тактику кнута и пряника, им удалось завербовать Мундта.

С той поры в интересах британцев было, чтобы восхождение Мундта по карьерной лестнице ускорилось. Мы не располагаем доказательствами, что успехи Мундта в ликвидации некоторых малозначимых западных шпионов в нашей стране были достигнуты благодаря содействию его новых империалистических хозяев, готовых пожертвовать некоторыми своими мелкими информаторами, которым всегда легко подыскать замену, чтобы содействовать росту престижа Мундта. Мы не можем доказать этого, но имеющиеся улики указывают, что такой вариант не

исключен и может быть принят как гипотеза.

Именно с 1960 года, когда товарищ Мундт был назначен главой департамента контрразведки Абтайлунга, мы стали получать обрывки информации из разных стран мира, указывавшие на то, что в наших рядах завелся высокопоставленный вражеский лазутчик. Вам известно, что Карл Римек оказался шпионом. После его ликвидации мы посчитали, что зло удалось полностью искоренить. Но слухи продолжали упорно циркулировать.

В конце 1960 года один из наших бывших сотрудников вышел на связь с английским гражданином в Ливане, известным своими тесными контактами с британской разведкой. Он предложил ему, как вскоре нами было установлено, полную информацию о двух отделах Абтайлунга, на которые он прежде работал. Но после передачи сведений об этом в Лондон предложение оказалось отвергнуто. Вывод напрашивался только один: британцы уже располагали теми сведениями, которые им были предложены, в полном объеме и сведениями, актуальными на тот момент.

Начиная с середины шестидесятых годов мы стали терять своих агентов за рубежом с устраша-

ющей регулярностью. Зачастую их разоблачали в течение всего нескольких недель после заброски в страну. Иногда враги пытались заставить наших бывших людей работать против нас, но крайне редко. Складывалось впечатление, что они не слишком нуждаются в подобных услугах.

А затем — в начале 1961 года, если память мне не изменяет, — нам удивительно повезло. В ходе операции, детали которой я не склонен здесь раскрывать, мы добыли описание всей информации об Абтайлунге, которой располагали британские спецслужбы. Она была полной, точной и на удивление свежей. Я, разумеется, сообщил об этом Мундту как своему начальнику. Он заявил мне, что не удивлен: им якобы как раз в то время проводились определенные мероприятия в данном направлении, и он попросил меня не вмешиваться, чтобы не помешать их осуществлению. И должен признаться, как раз в тот момент у меня впервые возникло подозрение, казавшееся чем-то из области фантастики, что Мундт мог сам стоять за передачей данных. На такую возможность у меня уже имелись и некоторые другие указания…

Едва ли мне стоит объяснять вам, что глава нашей контрразведки был бы всегда последним,

на кого могло пасть подозрение в шпионаже. Сама по себе такая мысль кажется настолько немыслимой, настолько неправдоподобной, что очень немногие допустили бы ее, не говоря уже о том, чтобы высказать вслух! И я сам должен принять на себя часть вины, потому что слишком долго и упрямо отказывал себе в праве сделать столь дерзкое умозаключение. Что было с моей стороны большой ошибкой.

Но, товарищи, однажды наступил момент, когда решающие доказательства попали к нам руки. Я предлагаю заслушать показания свидетеля сейчас. — Он повернулся и посмотрел в дальний угол зала. — Предоставим слово мистеру Лимасу. Проводите его сюда.

Охранники, сидевшие по обеим сторонам от него, поднялись, и Лимас прошел узким, шириной не более двух футов проходом, оставленным между скамьями по центру зала. Еще один страж показал, что он должен встать лицом к столу. Фидлер также продолжал оставаться на ногах, стоя в каких-нибудь шести футах от него. Но сначала к нему обратилась президент трибунала.

— Свидетель, назовите свое полное имя, — попросила она.

— Алек Лимас.

— Сколько вам лет?

— Пятьдесят.

— Вы женаты?

— Нет.

— Но были?

— На сегодняшний день я не женат.

— Кто вы по профессии?

— Помощник библиотекаря.

Фидлера ответ разозлил, и он резко вмешался:

— Однако ранее вы служили в британской разведке, не так ли?

— Да. До прошлого года.

— Трибунал ознакомился с протоколами ваших допросов, — продолжал Фидлер. — Но я бы хотел, чтобы вы еще раз напомнили его членам о разговоре, который состоялся у вас с Питером Гилламом приблизительно в мае прошлого года.

— Вы имеете в виду разговор о Мундте?

— Да.

— Я уже все подробно рассказывал. Эта беседа состоялась в Цирке — так мы называем нашу штаб-квартиру, расположенную на Кембридж-серкус в Лондоне. Я столкнулся с Питером в коридоре. Я знал, что он занимался делом Феннана, и спросил, что случилось с Джорджем Смайли. Потом разговор коснулся погибшего Дитера Фрея

и Мундта, который оказался замешан в деле. Питер сказал, что Мастон — наш номинальный руководитель в то время — не хотел бы, чтобы Мундта задержали.

— Как вы интерпретировали эту информацию? — спросил Фидлер.

— Я знал, что Мастон наделал много ошибок в деле Феннана и ему едва ли хотелось бы, чтобы какой-то компромат на него всплыл в том случае, если бы Мундт появился в Олд-Бейли[19].

— Если бы Мундт был схвачен, ему бы предъявили официальные обвинения? — вставила вопрос президент трибунала.

— В зависимости от того, кто бы его арестовал. Если бы он попал в руки полиции, о нем непременно доложили бы министерству внутренних дел. После чего уже ничто не помогло бы ему избежать обвинительного заключения.

— А если бы его первыми сумели поймать люди из вашей организации? — поинтересовался Фидлер.

— О, это совсем другой коленкор. Допускаю, что они сначала основательно допросили бы его, а потом попытались бы обменять на одного из

---

[19] Примечания: 19
Название здания центрального уголовного суда в Лондоне.

наших людей, попавших в вашу тюрьму, или же они выписали бы ему билет в один конец.

— Что это значит?

— Негласно избавились бы от него.

— То есть ликвидировали? — Вопросы теперь задавал Фидлер, а члены триумвирата прилежно записывали все в лежавших перед ними блокнотах.

— Мне точно неизвестно, как это делается. Я никогда ни в чем подобном участия не принимал.

— Но разве они не попытались бы завербовать его как своего агента?

— Могли попытаться, но у них ничего бы не вышло.

— Откуда такая уверенность?

— О, ради бога, я уже тысячу раз повторял одно и то же. Я же все-таки не какой-то тюлень из зоопарка. Четыре года под моим началом работала вся берлинская резидентура. И если бы Мундт стал одним из наших агентов, я бы об этом знал. Просто не мог не знать.

— Понятно.

Фидлера, казалось, удовлетворил такой ответ, потому скорее всего, что он едва ли многое прояснил членам трибунала. И он перенес акцент на операцию «Роллинг стоун». Заставил Лимаса

снова рассказать о мерах безопасности и сложных предосторожностях при передаче досье, о письмах в банки Копенгагена и Хельсинки и об ответе, который Лимас получил из одного из них. Потом, обращаясь к членам трибунала, Фидлер дополнил его рассказ своим комментарием:

— Ответа из Хельсинки мы не получили. Причины мне неизвестны. Но позвольте сделать для вас краткое резюме. Лимас разместил деньги на депозитарном счете в Копенгагене 15 июня. Среди предоставленных вам документов вы найдете фотокопию упомянутого письма из Королевского скандинавского банка на имя Роберта Ланга. Именно этой фамилией Лимас воспользовался, чтобы открыть счет в Копенгагене. Ознакомившись с письмом (оно помечено номером четырнадцать в полученных вами папках), вы узнаете, что вся сумма целиком — то есть десять тысяч долларов — была снята вторым держателем счета ровно через неделю. Не думаю, — сказал Фидлер, кивком указывая на неподвижную фигуру Мундта, сидевшего в первом ряду, — что обвиняемый будет отрицать свое посещение Копенгагена 21 июня под предлогом выполнения секретной миссии от имени Абтайлунга. — Он сделал паузу и продолжил: — Лимас

побывал в Хельсинки, чтобы разместить еще одну сумму, приблизительно 24 сентября. — Он посмотрел прямо на Мундта и заметно повысил голос. — А уже третьего октября товарищ Мундт нанес тайный визит в Финляндию и снова якобы в интересах Абтайлунга.

Наступила недолгая тишина. Фидлер медленно повернулся, вновь устремив взор на членов трибунала и обращаясь к ним. Тоном сдержанным, но одновременно чуть угрожающим он спросил:

— Быть может, кто-то считает, что улики всего лишь косвенные? Тогда позвольте вам напомнить о некоторых других обстоятельствах. — Он повернулся к Лимасу. — Свидетель, во время вашей работы в Берлине вы вступили в контакт с Карлом Римеком, бывшим секретарем президиума Социалистической единой партии Германии. Какой характер носили эти контакты?

— Он был моим осведомителем до тех пор, пока люди Мундта не застрелили его.

— Совершенно верно. Он был застрелен подчиненными Мундта. То есть стал одним из нескольких шпионов, которых товарищ Мундт поторопился ликвидировать, прежде чем их успели допросить. Но до того, как его убили люди Мундта, он являлся агентом британской

разведки?

Лимас кивнул.

— Не могли бы вы описать встречу Римека с человеком, которого вы называете Шефом?

— Да, Шеф специально прибыл в Берлин, чтобы увидеться с Карлом. Он был одним из наших наиболее продуктивных агентов по всему миру, и, думаю, поэтому Шеф пожелал познакомиться с ним лично.

— К этому можно добавить, — продолжил Фидлер, — что Римек также пользовался наибольшим доверием, верно?

— Да, конечно. В Лондоне обожали Карла: по их мнению, он просто не мог совершать ошибок. Когда прилетел Шеф, я сделал так, чтобы Карл приехал ко мне на квартиру, и мы втроем поужинали. Мне не понравилась идея приглашать Карла к себе в Западный Берлин, но Шефу я не мог отказать. Это трудно объяснить, но в Лондоне люди мыслят по-своему. Они там несколько оторваны от реальности. И меня крайне страшила перспектива, что они под любым предлогом захотят напрямую руководить работой Карла. Такая вероятность существовала.

— Итак, вы организовали встречу втроем, — вставил Фидлер. — Что произошло потом?

— Шеф заранее попросил дать ему возможность побыть четверть часа с Карлом наедине, и потому в разгар вечера я сделал вид, что у меня кончилось виски. Я вышел из квартиры и направился к де Йонгу. Там я пропустил с хозяином пару стаканчиков, одолжил бутылку и вернулся.

— Что вы застали по возвращении?

— Не понял вопроса.

— Шеф и Римек продолжали беседовать? И если да, то о чем?

— Когда я пришел, разговор между ними уже закончился.

— Спасибо. Теперь можете сесть.

Лимас вернулся на прежнее место у задней стены зала. Фидлер снова обратился к триумвирату и продолжил:

— Мне бы хотелось сейчас поговорить о шпионе Римеке, которого застрелили, — о Карле Римеке. Перед вами список всей информации, которую Римек передал в Берлине Алеку Лимасу. По крайней мере тех сведений, о которых Лимас помнит. Это потрясающая летопись предательства. Позвольте мне кратко суммировать нанесенный ущерб. Римек снабдил своих хозяев детальной схемой структуры подразделений Абтайлунга в целом и дал персональные характеристики его

сотрудникам. Он оказался способен, если верить Лимасу, передать подробности наших самых секретных совещаний. А как секретарь президиума, он имел возможность скопировать протоколы сугубо конфиденциальных заседаний.

Для него это не составляло труда, поскольку он сам готовил материалы к каждому такому заседанию. Но вот свободный доступ Римека к совершенно секретным делам Абтайлунга — это уже нечто совершенно иное. Кто в конце 1959 года способствовал избранию Римека членом Координационного комитета защиты населения — этого важнейшего органа президиума, который не только обсуждает, но и во многом направляет деятельность наших спецслужб? Кто настоял, чтобы Римек получил привилегированную возможность ознакомления с досье Абтайлунга? Кто на протяжении всей карьеры Римека начиная с 1959 года (а это, напомню, год возвращения Мундта из Англии) неизменно выдвигал его на самые высокие и ответственные партийные должности? И я назову вам этого человека, — громогласно объявил Фидлер. — Потому что это та же фигура, которая располагала уникальной возможностью прикрывать любую шпионскую деятельность Римека: Ганс-Дитер

Мундт. Давайте вспомним хотя бы, как именно Римек вышел на первый контакт с британской разведкой в Берлине — как он выследил во время пикника машину де Йонга и подбросил в нее микропленку. Вас не удивляет чрезвычайная осведомленность и дар предвидения Римека? Откуда он мог знать, где найти ту самую машину в определенный день недели? У самого Римека автомобиля не было, и он не смог бы проследить за де Йонгом от его дома в Западном Берлине. Для него существовал единственный способ получить такую информацию — от наших собственных агентов службы безопасности, которые, как и положено, фиксировали перемещения машины де Йонга, стоило ей только пересечь границу восточного сектора. Эти данные передавались Мундту, а тот делился ими с Римеком. Вот в чем заключено важнейшее подтверждение состава преступления в деле Мундта. Как я только что продемонстрировал вам, Римек являлся его креатурой, играл роль связного между Мундтом и его империалистическими хозяевами!

Фидлер сделал очередную паузу, а потом уже совершенно спокойно добавил:

— Мундт — Римек — Лимас. Такова была цепочка передачи секретной информации, и, как это

принято в разведывательных службах всего мира, считаясь одной из профессиональных аксиом при построении подобных цепочек, не каждое ее звено обязательно знает о существовании другого. Чем дальше они друг от друга, тем лучше. Вот почему Лимас совершенно обоснованно твердит, что и не подозревал об измене родине Мундта. Это только подтверждает, насколько надежную и безопасную систему использовало его лондонское руководство.

Вам известно также, что масштабная операция под кодовым названием «Роллинг стоун» была осуществлена в обстановке максимальной секретности. Тот же Лимас имел лишь смутное представление о работе небольшой группы под руководством Питера Гиллама, считая, подобно всем остальным, что она занимается столь незначительной задачей, как анализ информации об экономическом положении нашей страны. А потом он с удивлением обнаружил, что группа Гиллама в полном составе включена в список допуска к досье по операции «Роллинг стоун». Остается только напомнить, что это тот самый Питер Гиллам, который в числе нескольких офицеров британских спецслужб занимался расследованием деятельности Мундта в период его

пребывания в Англии.

Моложавый мужчина за столом приподнял карандаш, привлек к себе внимание и, посмотрев на Фидлера широко открытыми, но жесткими и холодными глазами, спросил:

— Тогда почему же Мундт приказал ликвидировать Римека, если тот был его сообщником?

— У него не оставалось выбора. Римек попал под подозрение. Его выдала слишком болтливая и хвастливая любовница. И тогда Мундт распорядился, чтобы в Римека стреляли без предупреждения, сам подсказал Римеку маршрут побега, и опасность собственного разоблачения была устранена. Чуть позже Мундт убил и женщину тоже.

Интересно было бы рассмотреть методы работы Мундта, на чем я и хочу сосредоточить теперь ваше внимание. После его возвращения в Германию британская разведка заняла выжидательную позицию. Мундту еще только предстояло продемонстрировать им готовность к сотрудничеству, а потому они снабдили его инструкциями и стали ждать, готовые сразу платить ему в надежде на благоприятный исход. В то время Мундт еще не относился к числу руководящих сотрудников нашего ведомства — как не был и высокопостав-

ленным партийным функционером, — но ему на глаза попадалось достаточно многое, и всю эту информацию он начал отправлять в Лондон. На том этапе связь с английскими хозяевами он вынужден был поддерживать, разумеется, самостоятельно. Мы можем предполагать, что регулярные встречи с ним устраивались в Западном Берлине, а каждая его краткая поездка за рубеж, в Скандинавию и другие страны, также использовалась для контактов и допросов. Поначалу англичане не могли не относиться к нему с настороженностью, тщательно сверяя поставляемые им данные с тем, что им уже было известно, и не исключая возможности двойной игры с его стороны. Но постепенно они поняли, что наткнулись на золотую жилу. Мундт и в своем предательстве проявлял ту же энергию, ту же систематизированную эффективность, которые отличали его во всем. На первых порах — это только мое предположение, товарищи, но оно основано на долголетнем опыте работы и показаниях Лимаса, — так вот, в первые несколько месяцев они все же не решались создавать сеть агентуры, которая включала бы Мундта. Его держали в роли волка-одиночки, обслуживая его, оплачивая и руководя им в обход своей берлин-

ской группы. В Лондоне под началом Гиллама (потому что именно он сыграл решающую роль в вербовке Мундта) они создали небольшой, тщательно засекреченный отдел, подлинные задачи которого не были известны никому даже в самом Цирке, за исключением ограниченного круга избранных. Деньги Мундту переводились с помощью особой системы, получившей кодовое название «Роллинг стоун», и, несомненно, они долгое время тщательно хранили в тайне личность своего нового источника бесценной информации. Все это, как видите, вполне соответствует неоднократным заявлением Лимаса о том, что он ничего не знал о работе Мундта на Лондон, хотя в то время он не только оплачивал его услуги, но уже задолго до этого передавал в Лондон полученные через Римека разведывательные данные, добытые на самом деле Мундтом.

В конце 1959 года Мундт проинформировал своих английских хозяев, что нашел в составе президиума человека, который сможет стать посредником между ними и Мундтом. Этим человеком был Карл Римек.

Каким образом Мундт сумел вовлечь в свою игру Римека? Как набрался смелости, чтобы проверить готовность Римека к сотрудничеству? Вы

должны помнить, насколько исключительное положение занимал Мундт: у него был доступ к секретным делам, он мог прослушивать телефонные переговоры, вскрывать чужую почту, организовывать слежку. Он имел право вызвать на допрос любого и располагал самыми интимными подробностями личной жизни людей. А самое главное, он мог уничтожить на корню любые подозрения в отношении себя, направив против народа то самое оружие, — голос Фидлера задрожал от гнева и возмущения, — которое ему вручили для защиты народных интересов. — Фидлер без видимых усилий вернулся к своему сугубо деловому тону и продолжил: — Теперь вам должно быть ясно, как поступили в Лондоне. Все еще сохраняя Мундта в глубокой тайне, они согласились на вербовку Римека и, таким образом, установили для Мундта канал косвенной связи со своей берлинской резидентурой. Вот в чем состояла особая важность контактов Римека с де Йонгом и Лимасом. Именно с этих позиций вы должны воспринимать показания Лимаса и оценивать всю глубину предательства, совершенного Мундтом.

Фидлер повернулся и, глядя Мундту прямо в глаза, грозно выкрикнул:

— Вот он, перед вами! Человек, которого можно назвать подрывным элементом и террористом! Тот, кто продал интересы своего народа! Я почти закончил. Хочу добавить к сказанному только одно. Мундт заслужил репутацию надежного и проницательного защитника граждан нашей страны и, прикрываясь ею, сумел заставить навечно замолчать тех, кто мог разоблачить его двойную жизнь. Он убивал от имени народа, чтобы скрыть свой переход на сторону фашистов, замести следы измены и способствовать собственному продвижению по карьерной лестнице в нашем ведомстве. Невозможно себе представить преступление более ужасающее. Вот почему, сделав сначала все возможное, чтобы оградить Карла Римека от подозрений, которые постепенно сгущались, он затем был вынужден отдать приказ расстрелять Римека без суда и следствия. Вот почему он организовал убийство его возлюбленной. А потому, когда вы будете докладывать о своих выводах президиуму, не забывайте ни на секунду о том, какие зверские по своей сути преступления совершил этот человек. И тогда все поймут — для Ганса-Дитера Мундта даже смертный приговор станет актом милосердия.

21
Свидетель

Президент повернулась к маленькому мужчине в черном костюме, сидевшему прямо напротив Фидлера.

— Товарищ Карден, вы будете выступать в защиту товарища Мундта. Не хотели бы вы допросить свидетеля Лимаса?

— Да, да, я непременно это сделаю буквально через несколько минут, — ответил тот, не без труда поднимаясь на ноги и поправляя за ушами дужки очков в золоченой оправе. Он выглядел человеком добродушным, даже несколько простоватым. Волосы его были совсем седыми.

— Основа позиции товарища Мундта заключается в том, — начал он мягким, не лишенным приятных модуляций голосом, — что, во-первых, Лимас *лжет*, а во-вторых, что товарищ Фидлер либо по злому умыслу, либо по недомыслию и неосторожности позволил вовлечь себя в заговор, призванный нарушить нормальную деятельность Абтайлунга и, таким образом, дискредитировать органы безопасности нашего

социалистического государства. Мы не оспариваем того факта, что Карл Римек был британским шпионом, — на это указывают многочисленные улики. Но мы категорически отрицаем, что Мундт состоял в его сообщниках и получал деньги за предательство дела партии. Мы заявляем, что нет ни малейших объективных доказательств этого, а товарищ Фидлер отравлен жаждой власти, которая лишила его способности мыслить рационально. Мы утверждаем, что с того дня, когда Лимас вернулся из Берлина в Лондон, он намеренно стал играть роль, симулируя быстрый распад своей личности. Его пьянство, денежные долги, нападение на торговца на глазах у публики и постоянные антиамериканские выпады — все это было направлено на то, чтобы привлечь к себе внимание Абтайлунга. Мы полагаем, что британская разведка целенаправленно опутала товарища Мундта клубком всевозможных косвенных улик: размещение денежных средств в иностранных банках, снятие которых со счетов совпадало с датами визитов Мундта в ту или иную страну, сведения, полученные из якобы случайного разговора с Питером Гилламом, тайная встреча шефа британских спецслужб с Римеком, в ходе которой обсуждались вопросы, оставши-

еся тайной для Лимаса, — все это выстроилось в цепочку иллюзорных доказательств. А товарищ Фидлер, на чьи тщеславные амбиции сделали точную ставку в Лондоне, воспринял их всерьез, став участником чудовищного плана компрометации — или, если называть вещи своими именами, убийства, потому что товарищу Мундту грозит смертная казнь, — одного из самых бдительных защитников нашей республики.

Скажите, разве подобный дерзкий план не вписывается в долгую историю подрывной деятельности, саботажа и похищения людей британскими империалистами? Их подвигло на его осуществление еще и отчаяние, ведь с построением оборонительной стены проникновение западных шпионов на нашу территорию было взято почти под полный контроль. И мы чуть не стали жертвой заговора: в лучшем случае товарищ Фидлер повинен в очень серьезной ошибке, а в худшем — он сознательно вступил в союз с агентами империализма, чтобы подорвать устои безопасности государства рабочих и пролить невинную кровь.

Мы тоже располагаем свидетелем, — обратился он к членам трибунала. — Да, у нас есть свидетель. Потому что разве можно себе предста-

вить, чтобы столь умный человек, как товарищ Мундт, даже не подозревал о коварном заговоре Фидлера? Неужели вы могли бы в это поверить? Уже несколько месяцев, как ему известно о тех бредовых замыслах, которые вынашивало больное воображение Фидлера. Ведь товарищ Мундт лично дал согласие на первоначальный контакт с Лимасом в Лондоне: можно ли поверить, что он пошел бы на столь откровенный риск, если бы сам был в чем-то замешан?

И когда в президиум поступили копии первых протоколов допросов Лимаса в Гааге, неужели кто-то посчитал, что товарищ Мундт оставит их без внимания и не изучит? Затем, когда Лимаса уже доставили в нашу страну и Фидлер лично занялся его допросами, а отчеты от него перестали поступать вообще, неужели же товарищ Мундт легкомысленно списал это на забывчивость Фидлера, не догадываясь о его реальных намерениях и ничего не предприняв, чтобы быть в курсе происходившего? Когда были получены первые рапорты Петерса из Гааги, Мундту достаточно было всего лишь взглянуть на даты посещений Лимасом Копенгагена и Хельсинки, чтобы понять: он имеет дело с расставленной на него ловушкой. Лимас подослан с исключи-

тельной целью дискредитировать его — Мундта. Даты действительно совпадали по времени с поездками в Данию и Финляндию самого Мундта. Именно поэтому они и были выбраны в Лондоне. Подобным же образом Мундту стали известны и «некоторые другие указания», о которых здесь упомянул Фидлер, — прошу вас запомнить это. Мундт ведь тоже вел неустанный поиск вражеского агента в рядах Абтайлунга…

Со времени прибытия Лимаса на территорию демократической Германии Мундт имел возможность с большим интересом следить, как Лимас подпитывает подозрения Фидлера — где намеками, где смутными показаниями, — никогда не играя в открытую, как вы понимаете, никогда не перегибая палку, но делая свое черное дело с удивительным мастерством и утонченностью. А почва к тому времени была уже основательно подготовлена другими… Как, например, история о том человеке в Ливане, чудесным образом появившемся, чтобы дать в руки Фидлера еще одно подтверждение существования в недрах Абтайлунга высокопоставленного шпиона…

Все было выполнено на высочайшем уровне. Этот план мог — и все еще способен — обратить тяжелое поражение, которое британцы потерпе-

ли с потерей Карла Римека, в их потрясающую победу.

Однако пока британская разведка при содействии Фидлера строила козни с целью его устранения, товарищ Мундт принял свои меры предосторожности.

Мундт распорядился, чтобы в Лондоне провели тщательное расследование. Он в мельчайших подробностях изучил двойную жизнь, которую Лимас вел в Бэйсуотере. Ему нужно было найти, быть может, крайне незначительную, чисто человеческую ошибку в схеме, разработанной с почти сверхчеловеческой точностью. Где-то, рассуждал он, Лимас мог чуть сбиться на своем долгом пути к одичанию и оставить след, который позволил бы усомниться в реальности его бедности, пьянства, саморазрушения и, что очень важно, полнейшего одиночества. Ему необходим был компаньон, вероятно любовница, потому что невозможно справиться с неодолимым стремлением к теплу другого человека, желанием излить душу, положив голову на чью-то грудь. И знаете, товарищ Мундт оказался абсолютно прав. Лимас — этот искушенный разведчик, опытнейший манипулятор людьми, совершил столь элементарную ошибку, проявил настолько

свойственную простому человеку слабость… — Он улыбнулся. — Вы скоро услышите показания свидетеля, но не сейчас. Свидетеля доставили сюда по просьбе товарища Мундта. И это оказалось наилучшей мерой предосторожности с его стороны. Чуть позже свидетель будет вам представлен. — На его лице появилось почти игривое выражение, словно он хотел заранее подготовить публику к занятному зрелищу. — А пока, с вашего разрешения, я хотел бы задать несколько вопросов нашему почти невольному на первый взгляд свидетелю обвинения. Мистеру Алеку Лимасу.

— Скажите, — начал он, — вас можно назвать обеспеченным человеком?

— Не порите чепухи, — зло отозвался Лимас. — Вам прекрасно известно, почему я пошел на контакт с вашими людьми.

— В самом деле, — закатил глаза Карден, — все было разыграно мастерски. Значит, насколько я понимаю, денег у вас нет вообще.

— Понимайте, как хотите. Можно сказать и так.

— У вас есть друзья, которые могли бы ссудить вас деньгами или, возможно, подарить некоторую сумму? Расплатиться с вашими долгами?

— Если бы были, я бы не сидел сейчас здесь.

— То есть нет никого? Значит, вы не можете себе представить некоего доброго самаритянина, кого-то, о чьем существовании вы, возможно, забыли, который озаботился бы тем, чтобы поставить вас на ноги? Разобрался бы с вашими кредиторами и прочими проблемами?

— Нет.

— Спасибо. Следующий вопрос. Вы знакомы с Джорджем Смайли?

— Конечно. Он работал в Цирке.

— Но ведь он уже покинул ряды британских разведчиков?

— Да, он принял решение уйти после дела Феннана.

— Ага! Как раз после того дела, участие в котором принимал Мундт. Вы встречались со Смайли после этого дела?

— Один или два раза.

— Вы виделись с ним после того, как он покинул Цирк?

Лимас некоторое время колебался с ответом.

— Нет, — сказал он наконец.

— Он не навещал вас в тюрьме?

— Нет. Меня никто не навещал.

— А до того как вы угодили за решетку?

— Нет.

— После того как вас выпустили из тюрьмы, а если точнее, в тот самый день, когда вы вышли на свободу, с вами вступил в контакт человек по фамилии Эйш, не так ли?

— Да.

— Вы с ним пообедали в Сохо. Куда вы отправились после того, как расстались с ним?

— Не помню. Вероятно, в какой-нибудь паб. Сейчас уже затрудняюсь точно сказать.

— Позвольте мне освежить вашу память. Вы пешком дошли до Флит-стрит и там сели в автобус. Оттуда странными зигзагами, пользуясь автобусом, подземкой и частным автомобилем, вы, проявив невероятный для человека с вашим опытом дилетантизм, добрались до Челси. Теперь вспоминаете? Я могу показать вам детальный рапорт, если желаете. Он у меня при себе.

— Быть может, вы правы. И что с того?

— Джордж Смайли живет на Байуотер-стрит рядом с Кингз-роуд, вот к чему я клоню. Ваша машина свернула как раз на Байуотер-стрит, и, как доложил наш агент, вас высадили у дома номер девять. Именно по этому адресу проживает Джордж Смайли.

— Полная ерунда, — заявил Лимас. — Я мог поехать только в «Восемь колоколов» — мой

любимый паб.

— На частной машине?

— Это тоже какая-то путаница. Я, должно быть, взял такси. Когда у меня заводятся деньги, я их быстро спускаю.

— Но к чему была вся беготня, которая предшествовала этому?

— Скорее всего ваши люди просто напортачили. Сели на хвост не тому человеку. Типичная ошибка.

— Возвращаясь к моему более раннему вопросу. Вы можете представить, чтобы Смайли проявил интерес к вашей судьбе после того, как вы сами покинули Цирк?

— Нет. С какой стати?

— Чтобы он позаботился о вашем благополучии, пока вы сидели в тюрьме, помог деньгами кому-то из близких вам людей, пожелал встретиться с вами после контакта с Эйшем?

— Нет. Я понятия не имею, чем вы забили себе голову, Карден, но ответом на все ваши вопросы будет «нет». Если бы вы хоть раз встретились со Смайли, то не стали бы даже спрашивать. Более разных людей, чем мы с ним, и вообразить невозможно.

Кардену, казалось, все это доставляло искрен-

нее удовольствие. Он улыбался, кивал как бы самому себе, поправляя на носу очки и внимательно сверяясь со своими бумагами.

— Ах да, вот еще что, — добавил он, словно спохватившись. — Когда вы попросили у того бакалейщика кредит, сколько денег у вас было?

— Ни черта у меня не было, — небрежно ответил Лимас. — Я сидел без гроша уже неделю. Или даже дольше.

— Как же вы жили?

— Перебивался с хлеба на воду. К тому же я заболел. Подхватил простуду с высокой температурой. Я, собственно, неделю вообще есть не мог. Вероятно, из-за этого у меня и случился нервный срыв. Капля переполнила чашу.

— Но вам задолжали зарплату в библиотеке, верно?

— Откуда вы знаете? — резко вскинулся Лимас. — Вы побывали и в…

— Почему же вы не забрали свои деньги? Тогда бы вам не пришлось просить ни о каком кредите, ведь так, Лимас?

Он пожал плечами.

— Я как-то совершенно забыл об этом. Или потому, что утром по субботам библиотека не работает.

— Понимаю. Вы уверены, что в ту субботу она была закрыта?

— Не уверен, но мне так казалось.

— Ясно. Хорошо. Спасибо, это все, о чем я хотел вас спросить.

Лимас садился на место, когда дверь открылась и вошла женщина. Она была высокой и очень некрасивой в сером мундире с какими-то нашивками на рукаве. Позади нее стояла Лиз.

22
Президент

Лиз вошла в зал суда медленно, озираясь по сторонам, с широко открытыми глазами, похожая на только что проснувшегося ребенка, который сразу попал в ярко освещенную комнату. Заметив его, сидящего между двух стражников, остановилась.

— Алек…

Ближайший к ней охранник взял ее под руку и повел вперед к той точке в комнате, где только что стоял Лимас. В помещении воцарилась необычайная тишина.

— Как вас зовут, дитя мое? — неожиданно спросила президент трибунала. Длинные руки Лиз с выпрямленными пальцами бессильно свисали по сторонам ее тела.

— Как вас зовут? — повторила она вопрос уже намного громче.

— Элизабет Голд.

— Вы — член коммунистической партии Великобритании?

— Да.

— И вы находились по приглашению в Лейпциге?

— Да.

— Когда вы вступили в партию?

— В тысяча девятьсот пятьдесят пятом году. Нет, в пятьдесят четвертом, по-моему…

Она замолчала, услышав позади какую-то возню и скрежет отодвигаемой мебели. А потом голос Лимаса — хриплый, визгливый, жалкий — наполнил комнату.

— Вы, сволочи! Оставьте ее в покое!

Лиз в ужасе повернулась и увидела его стоящим на ногах с окровавленным лицом и в растрепанной одежде. На ее глазах охранник еще раз ударил его кулаком в лицо, отчего он чуть не упал, потом на него навалились уже двое, вывернув руки высоко за спину. Его голова упала на грудь, затем от боли он дернул ею в сторону.

— Если он еще раз посмеет пошевелиться, выведите его из зала, — распорядилась президент, потом посмотрела на Лимаса строгим предупреждающим взглядом и добавила: — Если вы захотите высказаться, вам позже дадут слово еще раз. А пока молчите.

Повернувшись к Лиз, она сказала довольно резко:

— Вы не можете не помнить, когда именно вступили в партию.

Лиз промолчала, и, выждав какое-то время, президент лишь передернула плечами. Затем, подавшись вперед и пристально вглядываясь в лицо Лиз, спросила:

— Элизабет, в вашей партии вас когда-нибудь предупреждали о необходимости конспирации?

Лиз кивнула.

— И вам объяснили, что нельзя задавать лишних вопросов о других товарищах, как и о структуре партии в целом?

Лиз снова кивнула.

— Да, конечно, — сказала она.

— Сегодня ваша готовность придерживаться этих правил будет проверена. Для вас самой будет лучше, чтобы вы знали как можно меньше. Не знали вообще ничего о сути происходящего, — добавила она с нажимом. — Скажу вам только, что мы трое, сидящие за этим столом, занимаем в нашей партии высокие посты. Мы действуем с согласия президиума и в интересах партийной безопасности. Мы должны задать вам несколько вопросов, и ваши ответы крайне важны для нас. Отвечая правдиво и смело, вы поможете делу социализма.

— Да, но кого… — прошептала она. — Кого здесь судят? Что такого сделал Алек?

Президент посмотрела мимо нее на Мундта и ответила:

— Вероятно, не судят никого. В том-то и дело. И вопрос теперь стоит о тех, кто выдвинул обвинения. Для вас не должно иметь значения, кого и в чем обвиняют, — добавила она. — Это послужит гарантией вашей объективности и беспристрастности.

Тишина вновь воцарилась в относительно небольшом зале, а потом голосом таким слабым, что президент инстинктивно повернулась, чтобы расслышать, Лиз спросила:

— Но ведь это Алек? Это Алек Лимас?

— Говорю же вам, — настойчиво повторила президент, — что в ваших же интересах ничего не знать. Так будет лучше для вас. Намного лучше. Вы должны сказать правду и уехать. Это самое разумное, что вы можете сделать.

Лиз, должно быть, подала какой-то знак или пробормотала нечто, оставшееся неразборчивым, потому что президент склонилась ближе и произнесла еще жестче:

— Послушайте, девочка, вы хотите вернуться домой? Делайте то, о чем я вас прошу, и верне-

тесь. Но если вы… — Она осеклась, указала рукой на Кардена и добавила: — Этот товарищ хочет задать вам несколько вопросов. Немного. Отвечайте правдиво. И потом можете уезжать.

Карден снова поднялся со стула и улыбнулся своей доброй улыбкой церковного старосты.

— Элизабет, — начал он допрос, — Алек Лимас был вашим любовником, верно?

Она кивнула.

— Вы познакомились в библиотеке в Бэйсуотере, где вы работаете?

— Да.

— А прежде вы с ним никогда не встречались?

Она помотала головой.

— Нет, мы впервые увиделись с ним в библиотеке.

— У вас было много любовников, Элизабет?

Ее ответ утонул в крике, которого снова не смог сдержать Лимас:

— Вы свинья, Карден!

Но теперь Лиз сама повернулась к нему и сказала, чтобы все слышали:

— Не надо, Алек. Иначе они уведут тебя отсюда.

— Да, — сухо подтвердила президент, — так мы и поступим.

— Скажите мне, — вкрадчиво продолжил Карден, — Алек был коммунистом?

— Нет.

— Он знал, что вы коммунистка?

— Да. Я сказала ему об этом.

— И как он отреагировал на ваше признание, Элизабет?

Она не знала, солгать ли ей. Она ненавидела ложь. Но вопрос был задан так неожиданно, что у нее не оставалось возможности обдумать его. Все это время они слушали, наблюдали, ждали от нее слова или жеста, который, вероятно, мог нанести Алеку непоправимый вред. Но она не в состоянии была заставить себя солгать, не зная, во имя чего это делает. Если же она начнет уклоняться от ответов, Алек может погибнуть — а в том, что ему грозит опасность, она уже не сомневалась.

— Так как же он отреагировал? Что он вам сказал? — повторил вопрос Карден.

— Просто рассмеялся. Он был выше всего этого.

— И вы поверили, что он действительно выше этого?

— Конечно.

Молодой человек, сидевший за столом, во второй раз счел нужным вмешаться в разговор. Глаза его оставались полузакрытыми.

— Неужели вы считаете это нормальной жизненной позицией для мыслящего человеческого существа? Заявление, что человек выше закономерностей исторического развития и законов диалектики?

— Не знаю. Я ему поверила, вот и все.

— Не будем углубляться в теорию, — сказал Карден. — Скажите лучше, он был тогда счастливым человеком, который постоянно смеялся и радовался жизни?

— Нет. Смеялся он редко.

— Однако его развеселило известие, что вы — член партии. Вы догадались почему?

— Мне кажется, он презирал компартию.

— А вы не подумали, что он мог ее даже ненавидеть? — спросил Карден как бы вскользь.

— Я не знаю, — ответила Лиз совсем уж жалким тоном.

— Вы считали его человеком, способным на сильные чувства, будь то любовь или ненависть?

— Нет… Нет. Он таким не был.

— Но он напал на торговца. Почему он так поступил?

Внезапно Лиз осознала, что Карден больше не вызывает у нее доверия. Ей перестали нравиться

его мягкий голос и добродушное лицо.

— Я не знаю.

— Но вы же размышляли об этом?

— Да.

— И к какому выводу пришли?

— Ни к какому, — ответила Лиз простодушно.

Карден бросил на нее задумчивый взгляд, в котором читалось что-то вроде разочарования, словно она была актрисой, забывшей текст роли.

— Вы знали заранее, что Лимас изобьет лавочника? — Это был вопрос, который напрашивался сам собой.

— Нет, — ответила Лиз, быть может, излишне поспешно, и в последовавшей затем паузе улыбка на лице Кардена сменилась выражением острого любопытства.

— До этого часа, до сегодняшнего дня, — спросил он потом, — когда вы в последний раз виделись с Лимасом?

— Я не встречалась с ним после того, как он угодил в тюрьму, — ответила Лиз.

— И все-таки, когда состоялась ваша последняя встреча? — голос Кардена оставался добрым, но в интонации прибавилось настойчивости.

Лиз не нравилось стоять спиной к аудитории, ей бы хотелось иметь возможность повернуться

и видеть Лимаса. Пусть только его лицо — в нем она прочитала бы подсказку, какой-то знак, который бы помог ей отвечать. Ей стало страшно за себя: все эти вопросы проистекали из обвинений и подозрений, о которых она ничего не знала. Они знали, что она хотела помочь Алеку, видели, как ей страшно, но ей никто не спешил помочь. Почему никто не желал помогать ей?

— Элизабет, так когда же вы в последний раз виделись с Лимасом до сегодняшнего дня? — О, этот голос! Она уже научилась ненавидеть его, этот шелковистый баритон.

— Вечером накануне происшествия, — ответила она, — накануне того дня, когда он подрался с мистером Фордом.

— Подрался? Но никакой драки не было, Элизабет. Бакалейщик ни разу не нанес ответного удара. Ему не представилось ни малейшей возможности сопротивляться. Это выглядело очень неспортивно! — Карден засмеялся, и это прозвучало тем более зловеще, что больше не рассмеялся никто.

— Скажите, где вы встречались с Лимасом в тот последний вечер?

— У него на квартире. Он болел и не мог работать. Почти все время лежал в постели, а я

приходила и готовила для него еду.

— И покупали продукты? Ходили за него по магазинам?

— Да.

— Вы были очень добры. И вам это стоило немалых денег, — заметил Карден с симпатией. — Вы могли себе позволить содержать его?

— Я вовсе не содержала его. Я брала деньги у Алека. Он…

— Вот как? — встрепенулся Карден. — Стало быть, у него все-таки водились деньги?

«О боже, — подумала Лиз, — о милостивый боже, зачем я это сказала?»

— Немного, — быстро добавила она, — совсем немного, я знаю. Фунт или два — не больше. Других денег у него не было. Он даже не мог оплачивать свои счета. За электричество и аренду помещения — за все это заплатили потом, понимаете, когда он уже уехал. Один из его друзей. Пришлось расплачиваться другу, а не самому Алеку.

— Ну, разумеется, — тихо сказал Карден, — за все заплатил друг. Специально приехал и расплатился по счетам. Какой-то старинный приятель Алека, тот, кого он, вероятно, знал задолго до того, как оказался в Бэйсуотере. Вы знакомы с этим

другом, Элизабет?

Она покачала головой.

— Ясно. По каким еще счетам заплатил друг, вы, случайно, не знаете?

— Нет… Нет, не знаю.

— Чем вызван столь нерешительный ответ?

— Я лишь сказала, что не знаю, — теперь уже уверенно возразила Лиз.

— Но вы замялись, — настаивал Карден. — Мне показалось, что вы не сразу нашлись, что ответить.

— Ничего подобного.

— Лимас рассказывал что-нибудь об этом друге? Человеке со средствами, который знал, где жил Лимас?

— Он никогда не упоминал о нем вообще. Я считала, что друзей у него нет.

— Ах, вот как!

В зале повисла устрашающая тишина, тем более пугающая для Лиз, что, подобно слепому ребенку среди зрячих, она была отрезана от мира вокруг нее. Эти люди могли давать оценку ее ответам, исходя из каких-то своих непонятных стандартов, и по этой их молчаливой реакции невозможно было понять, что они думали.

— Сколько вы зарабатываете, Элизабет?

— Шесть фунтов в неделю.

— У вас есть какие-то сбережения?

— Небольшие. Несколько фунтов.

— Во что обходится наемное жилье?

— В пятьдесят шиллингов в неделю.

— Это немалая сумма, согласны, Элизабет? Вы платили за квартиру в последнее время?

Она беспомощно покачала головой.

— Почему же? — продолжал спрашивать Карден. — Вам не хватало средств?

Она ответила почти шепотом:

— Я теперь владею ею. Кто-то выкупил права на нее и прислал мне документы.

— Кто?

— Я не знаю, — слезы побежали по ее лицу. — Я не знаю… Пожалуйста, не надо больше вопросов. Я понятия не имею, кто это сделал… Но только шесть недель назад через какой-то банк в Сити… Одна благотворительная организация перевела… Тысячу фунтов. Клянусь, что понятия не имею… Дар от благотворительной организации, так мне объяснили. Вы же сами все знаете. Так скажите мне, кто…

Спрятав лицо в ладони, Лиз заплакала навзрыд. Она стояла спиной к аудитории, и ее плечи вместе со всем телом сотрясались при каждом новом

приступе рыданий. Никто не пошевелился, и через какое-то время она убрала руки от лица, но взгляда не поднимала.

— Почему же вы не навели справки? — спросил Карден. — Или для вас обычное дело получать тысячефунтовые анонимные подарки?

Лиз промолчала, и Карден продолжил:

— Вы не наводили справок, потому что обо всем догадались. Так?

Вновь приложив ладонь к лицу, она кивнула.

— Вы поняли, что деньги прислал Лимас или друг Лимаса, верно?

— Да, — с трудом выдавила она из себя. — А на нашей улице прошел слух, что и лавочник получил деньги после суда. Много денег. Об этом только и было разговоров, и я догадалась, что здесь не обошлось без друга Алека…

— Как все-таки странно, — произнес Карден, обращаясь словно к самому себе. — Как необычно. Скажите мне, Элизабет, вас кто-нибудь навещал после того, как Лимас сел в тюрьму?

— Нет, — солгала она. Теперь она знала, была совершенно уверена, что им требовались какие-то доказательства против Алека, что-то, связанное с деньгами или с его друзьями, быть может, с тем бакалейщиком.

— Вы уверены? — спросил Карден, причем его брови взлетели поверх золотистых дужек очков.

— Да.

— А вот ваш сосед, Элизабет, — терпеливо продолжал Карден, — утверждает, что видел у вас мужчин — двоих мужчин — вскоре после того, как Лимасу вынесли приговор. Или это были просто ваши любовники, Элизабет? Такие же случайные любовники, как Лимас, которые платили вам?

— Алек не был моим случайным любовником! — воскликнула она. — Как вы смеете…

— Но он давал вам деньги. Те мужчины тоже привезли вам денег?

— О господи! — всхлипнула она. — Не спрашивайте…

— Кто они были?

Она промолчала, и вдруг Карден заорал, впервые повысив на нее голос:

— Кто они были?

— Я не знаю. Они приехали на машине. Друзья Алека.

— Как, еще друзья? И чего же они хотели?

— Я не знаю. Они лишь спрашивали, о чем он мне рассказывал… Просили связаться с ними, если…

— Как? Как связаться?

Лиз ответила не сразу:

— Один из них жил в Челси… Его фамилия Смайли… Джордж Смайли… Я должна была позвонить ему.

— И вы звонили?

— Нет!

Карден положил свою папку на стол. Мертвая тишина воцарилась в помещении суда. Указав на Лимаса, Карден заговорил, и голос его звучал еще более внушительно, потому что оставался совершенно спокойным:

— Смайли хотел убедиться, не разболтал ли ей Лимас слишком много. Лимас сделал то, чего британская разведка никак не могла ожидать от него: нашел себе девушку, чтобы было кому поплакаться в жилетку. — Карден тихо рассмеялся, словно все это представлялось ему забавной шуткой: — Он поступил в точности как Карл Римек. Совершил такую же ошибку. Лимас когда-нибудь рассказывал о себе? — продолжил Карден.

— Нет.

— Вам ничего не известно о его прошлом?

— Нет. Знаю только, что он работал в Берлине. На какую-то правительственную организацию.

— Значит, он все-таки кое-что говорил о своем

прошлом, верно? А он информировал вас, что уже был женат?

Наступило продолжительное молчание. Лиз кивнула.

— Почему вы не виделись с ним, когда он попал в тюрьму? Вам ничего не стоило посетить его там.

— Мне казалось, что он не хочет этого.

— Понятно. Вы писали ему?

— Нет… Впрочем, да, писала однажды… Объясняла, что готова ждать. Но кажется, ему было все равно.

— То есть ему и писем от вас получать не хотелось?

— Видимо, так.

— А когда он отбыл свой тюремный срок, вы не пробовали найти его?

— Нет.

— Ему было куда пойти, его ждала работа, друзья, готовые приютить у себя?

— Я не знаю… Не знаю.

— На самом деле к тому времени между вами все было кончено, не так ли? — спросил Карден с ухмылкой. — У вас уже появился новый возлюбленный?

— Нет! Я ждала только его… И всегда буду

ждать. — Она взяла себя в руки. — Я очень хотела, чтобы он вернулся.

— Тогда почему же вы не писали ему? Почему даже не постарались найти его позже?

— Как вы не поймете, он сам этого не хотел! Он взял с меня слово… Что я не буду разыскивать и преследовать его… Никогда…

— Могу я в таком случае сделать вывод, что он заранее знал о тюрьме? — спросил Карден тоном триумфатора.

— Нет… Я не знаю. Как я могу говорить о том, чего не знаю?

— Но в тот вечер, — настаивал Карден тоном уже гораздо более жестким и агрессивным, — в тот вечер накануне нападения на торговца он заставил вас снова повторить обещание?… Ну же! Заставил или нет?

Совершенно измученная, она кивнула, и это выглядело, как покорное признание своей капитуляции.

— Да.

— И вы попрощались?

— Мы попрощались.

— После ужина, как я догадываюсь. Было достаточно поздно. Или вы провели с ним ночь?

— После ужина. Потом я пошла домой… То есть

не сразу… Сначала я прогулялась, сама уже не помню где. Просто ходила по городу.

— Он объяснил вам, почему хочет разорвать с вами отношения?

— Он их вовсе не разрывал, — ответила она. — Никогда. Он только сказал, что у него есть работа, которую надо выполнить, с кем-то свести счеты любой ценой, а потом, вероятно, однажды, когда все закончится… Он хотел… Он обещал вернуться, если я все еще буду…

— И вы, несомненно, заверили, что готовы ждать вечно? — иронично бросил Карден. — Что будете любить его всю жизнь?

— Да, — коротко ответила Лиз.

— Он обещал присылать вам деньги?

— Нет, но он сказал… Сказал, что все не так плохо, как может показаться… Что все… Все еще наладится.

— И именно по этой причине вас не удивило потом, когда какая-то богадельня из Сити подарила вам тысячу фунтов?

— Да! Да, это так. Теперь вы все знаете — вы и так уже все знали… Зачем я вам понадобилась, если вам все было известно?

Карден невозмутимо ждал, пока прекратится новый приступ ее рыданий.

— Итак, — объявил он затем сидевшему перед ним трибуналу, — вам были представлены доводы защиты. Мне, право, остается только сожалеть, что подобную девушку, чей разум замутнен эмоциями, а чувство бдительности так легко притупить с помощью денег, наши британские товарищи сочли достойной занимать выборную должность в своей партии. — Посмотрев сначала на Лимаса, а потом на Фидлера, он добавил, перейдя уже на откровенную грубость: — Она — круглая дура. Но благодаря счастливому для нас стечению обстоятельств Лимас сошелся с ней. Это далеко не первый случай, когда реваншистский заговор удается разоблачить благодаря личным порокам его архитекторов. — После этого, коротко, но вежливо кивнув каждому из триумвирата судей, Карден сел.

В тот же момент на ноги вскочил Лимас, и на этот раз охранники не стали вмешиваться.

Видимо, сидя в Лондоне, они окончательно рехнулись. Он же объяснил им, что это не серьезно, просил оставить ее в покое. А теперь стало ясно: с того самого момента, как он покинул Англию — и даже раньше, пока он еще отбывал срок в тюрьме, — какой-то идиот принялся подчищать за ним, оплачивая счета, улаживая проблемы с

домовладельцем и избитым торгашом; а главное — занявшись Лиз. Это было безумие, в которое невозможно поверить. Чего они добивались? Гибели Фидлера, гибели собственного агента? Срыва своей же операции? Или за всем этим стоял один лишь Смайли? Неужели его извращенная совестливость толкнула его на все? А Лимасу оставалось теперь только одно — выгородить Лиз и Фидлера, приняв весь удар на себя. Вероятно, его и так уже списали со счетов. Если ему удастся спасти шкуру Фидлера — если только еще остался хоть какой-то шанс, — то появится надежда вернуть Лиз домой.

Но каким, черт возьми, образом им стало так много известно? Он был уверен, на все сто процентов уверен, что в тот день его не могли отследить до дома Смайли. И деньги… Откуда им известно об обвинении в краже денег из казны Цирка? Эта сплетня предназначалась исключительно для внутреннего распространения… Так откуда же? Откуда, дьявол их раздери?!

Растерянный, злой, стыдящийся себя самого, он медленно прошел через центр зала, пошатываясь, как осужденный, всходящий на эшафот.

23
Признание

— Хорошо, Карден, ваша взяла. — Лицо Лимаса было бледным и застывшим, словно каменным. Голову он откинул чуть назад и вбок, напоминая человека, который вслушивается в какой-то отдаленный звук. Он был пугающе неподвижным и спокойным, и это было спокойствие, продиктованное не чувством обреченности, а полнейшим самоконтролем, и потому казалось, что воля у него железная. — Отпустите ее, Карден.

Лиз уставилась на него глазами, полными слез, ее лицо сморщилось и подурнело.

— Нет, Алек… Нет, — сказала она неожиданно громко. — Как бы то ни было, не признавайся ни в чем ради меня… Мне все равно, как они поступят со мной, Алек. Это правда, мне все равно.

— Помолчи, Лиз, — смущенно отозвался Лимас. — Теперь уже слишком поздно. — Он перевел взгляд на президента трибунала. — Она ничего не знает. Вообще ничего. Выведите ее отсюда, отправьте домой, и я сам расскажу вам все.

Президент по очереди обменялась взглядами

с мужчинами, сидевшими по обе стороны от нее, некоторое время размышляла и, наконец, сказала:

— Она может покинуть зал, но не отправится домой, пока слушания не завершены. Потом будет видно.

— Говорю же вам, ей ничего не известно, — почти выкрикнул Лимас. — Карден прав, разве вы еще не поняли? Это была операция, спланированная операция. Откуда ей было об этом знать? Она лишь потерянная маленькая девочка из заштатной библиотеки. Вам она ни к чему!

— Она все еще свидетель, — жестко возразила ему президент. — Возможно, Фидлер захочет ее допросить.

«Товарищем Фидлером» она его больше не называла.

При упоминании своей фамилии Фидлер, казалось, вышел из забытья, в которое погрузился, а Лиз впервые смогла по-настоящему разглядеть его. Карие глаза Фидлера на несколько секунд тоже задержались на ней, и он чуть заметно улыбнулся, словно только что понял, к какой расовой группе она принадлежит. Он выглядел маленьким и жалким, но до странности умиротворенным, подумалось ей.

— Она ничего не знает, — сказал Фидлер. — Лимас совершенно прав. Отпустите ее. — Голос его звучал предельно устало.

— Вы понимаете смысл сказанного вами? — спросила президент. — Осознаете, что это значит? У вас есть к ней какие-либо вопросы?

— Она уже сказала все, что могла. — Руки Фидлера были сложены на коленях, и он изучал их так внимательно, словно они интересовали его значительно больше, чем происходившее вокруг. — С нею сработали чрезвычайно ловко. — Он кивнул. — Позвольте ей уйти. Она не может рассказать то, чего не знает. — А потом тоном почти издевательски формальным добавил: — Вопросов к свидетелю не имею.

Охранник отпер дверь и что-то выкрикнул в сторону коридора. В полной тишине, снова наступившей в зале, донеслись ответ женщины и ее приближавшиеся гулкие шаги. Фидлер резко поднялся и, взяв Лиз за руку, повел ее к двери. У самого порога она обернулась и посмотрела на Лимаса, но он отвел взгляд с выражением человека, который не выносит вида крови.

— Возвращайтесь в Англию, — напутствовал ее Фидлер. — Вам следует отправиться обратно в Англию.

Лиз внезапно разразилась неудержимыми рыданиями. Тюремщица обняла ее за плечи, но не чтобы утешить, а лишь не дать упасть, и вывела из зала. Охранник закрыл дверь. Постепенно всхлипы затихли, и их не стало слышно совсем.

— Мне остается добавить лишь немногое, — начал Лимас. — Карден совершенно прав. Это была попытка свести счеты. С гибелью Карла Римека мы потеряли своего единственного действительно важного агента в восточной зоне. С другими расправились еще раньше. Для нас это было непостижимо. Мундт успевал раскрыть их, казалось, еще до того, как мы их вербовали. Я вернулся в Лондон и встретился с Шефом. Присутствовали также Питер Гиллам и Джордж Смайли. Джордж к тому моменту уже официально ушел в отставку, занимаясь чем-то крайне интеллектуальным. Кажется, в области филологии.

Как бы то ни было, им пришла в голову эта идея. Превратить нашего человека в живую ловушку, как выразился Шеф. Проделать необходимые действия и посмотреть, клюнет ли на них противник. Затем мы продумали план, причем в обратном порядке, если вам понятно, что я имею в виду. «Методом индукции», по определению Смайли. Если бы Мундт в самом деле был нашим агентом,

как бы мы ему платили, как бы выглядело досье по делу и так далее. Питер вспомнил, что пару лет назад какой-то араб пытался продать нам схему организации работы Абтайлунга, но мы послали его куда подальше. Уже потом выяснилось, что сделали мы это совершенно напрасно. И Питер решил, что подобный эпизод вполне можно использовать, — мы сделаем вид, что отвергли информацию, потому что все уже и так знали. Это был умный ход.

Остальное вам нетрудно будет представить. Я изобразил полный распад личности: выпивка, проблемы с деньгами, слухи о том, что Лимас ограбил казну своего отдела. Все сплеталось в отличный клубок. Чтобы сплетни расходились быстрее, мы привлекли Элси из бухгалтерии и еще пару сотрудниц. Они справились с этим блестяще. — В его голосе даже послышалась нотка гордости. — А потом я выбрал подходящее утро — в субботу, чтобы народу кругом собралось побольше, — и окончательно слетел с катушек. Моя история попала в прессу. По-моему, даже «Уоркер» писала об этом, но к тому времени ваши люди уже взяли меня на мушку. И с тех самых пор, — добавил он, — вы сами начали рыть для себя могилу.

— Не для себя, а для вас, — негромко заметил на это Мундт. Он задумчиво смотрел на Лимаса своими до белесости бесцветными глазами. — И вероятно, для товарища Фидлера.

— Вам не в чем особенно винить Фидлера, — равнодушно произнес Лимас, — он просто оказался нужным для нас человеком. Но он ведь далеко не единственный в Абтайлунге, кто с большим удовольствием повесил бы вас, Мундт.

— А повесим-то мы все-таки вас, — заявил Мундт с уверенностью в голосе. — Вы убили охранника. И пытались убить меня.

Лимас лишь сухо улыбнулся.

— Ночью все кошки серы, Мундт… Смайли с самого начала предупреждал, что план может пойти под откос. Мы запускаем реакцию, говорил он, которую уже не сможем остановить. У него нервишки шалят, как вы наверняка знаете. После дела Феннана он сильно изменился. Точнее, после тех дел, которые натворил в Лондоне некто Мундт. Говорят, с ним что-то тогда случилось, и потому он покинул Цирк. Но я многого не могу понять. Зачем они расплатились по моим счетам, для чего помогли девушке и прочее. Должно быть, Смайли умышленно решил провалить операцию, другого объяснения у меня нет. Вероятно, у него

случился очередной конфликт с собственной совестью, и он решил, что убивать кого бы то ни было недопустимо. Что-то в этом духе. Ведь было чистым безумием после стольких приготовлений, огромного объема предварительной работы так грубо вмешаться в ход операции.

Но Смайли ненавидел вас, Мундт. Думаю, мы все вас ненавидели, хотя не высказывались об этом вслух. Мы все спланировали так, словно это было чем-то вроде игры… Сейчас даже трудно объяснить толком. Но мы знали, что нас прижали к стене. Мундт нанес нам поражение, и теперь нам оставалось только попытаться уничтожить Мундта. Но все равно это была игра. — Обращаясь к трибуналу, он продолжил: — Вот почему вы ошибаетесь относительно Фидлера. Он вовсе не наш человек. Лондон никогда бы не пошел на риск вербовки столь высокопоставленного офицера, как Фидлер. Но они рассчитывали на него, не могу не признать. Они знали, что он тоже ненавидит Мундта, и у него были на то особые причины. Назвать их вам? Дело в том, что Фидлер — еврей. А вы, вы все до единого в этом зале осведомлены о репутации Мундта и его мнении о евреях.

Но я расскажу вам то, чего вы не узнаете ни

от кого другого, так что послушайте: Мундт собственноручно избивал Фидлера и все время, пока продолжалось избиение, высмеивал его и издевался над его еврейским происхождением. Вы все знаете, что за человек Мундт, но терпите его, потому что он хорошо делает свою работу. Но… — на секунду он сбился с мысли, но почти тут же продолжил: — Но, ради всего святого, в этом деле замешано слишком большое количество людей, чтобы еще и голова Фидлера полетела в корзину. Фидлер — ваш верный слуга, хотите верьте, хотите нет. Идеологически выдержанный. Я правильно употребил фразу из вашего лексикона?

Он снова всмотрелся в лица членов трибунала. Они смотрели на него бесстрастно. Быть может, с легким оттенком любопытства, но глаза их оставались безжизненными и холодными. Только Фидлер, вернувшийся на свой стул и слушавший Лимаса с несколько напускной отстраненностью, вдруг бросил на него взгляд, в котором промелькнуло доброжелательство:

— А вы все испортили, Лимас, не так ли? — спросил он. — Старый охотничий пес Лимас, ввязавшийся в операцию, которая бы достойно увенчала его славную карьеру, запал на… Как вы ее назвали? На потерянную девочку из за-

штатной библиотеки? В Лондоне наверняка все знали. Смайли не пошел бы на такое один. — Фидлер повернулся к Мундту: — Вот ведь в чем странность, Мундт: они не могли не понимать, что вы подвергнете проверке каждую деталь его «легенды». Вот почему Лимасу пришлось буквально вжиться в новый образ. И тем не менее они торопятся выплатить компенсацию лавочнику, оплачивают долги по квартире, выкупают жилье для девушки. Люди с огромным опытом… И вдруг вытворяют такое чудачество… Платят тысячу фунтов за его девушку — за члена коммунистической партии, — которая должна была до последнего считать, что у Лимаса нет за душой ни гроша! И не надо мне сказок о совестливости Смайли. Это сделали с ведома Цирка. Пойти на такой риск!

Лимас лишь пожал плечами.

— Смайли оказался прав. Мы не смогли остановить реакцию. Мы не ожидали, что вы привезете меня сюда. В Голландию — может быть, но не сюда. — Он на секунду замолчал, а потом продолжил: — И уж конечно, я и представить себе не мог, что вам удастся заманить к себе девушку. Здесь я свалял большого дурака.

— Зато Мундт оказался хитрее, — подхватил

его слова Фидлер. — Мундт точно знал, что ему следует искать, — понимал, что девушка предоставит нужные доказательства. Очень умно с его стороны, должен признать. Я бы даже сказал, чересчур умно. Ему было известно о выкупе квартиры — вот что поразительно. Хотел бы я знать, как он это выяснил, — она ведь никому ни о чем не рассказывала. Я понял характер этой девушки — она бы никогда и никому не проговорилась. — Он посмотрел на Мундта. — Не хотите ли сами просветить нас на этот счет?

Мундт колебался на секунду дольше, чем мог себе позволить, отметил Лимас.

— Партийные взносы, — ответил он наконец. — Месяц назад она стала платить на десять шиллингов в месяц больше. Мне доложили об этом. И нам удалось установить, почему она смогла себе это позволить.

— Блестящая импровизация, — холодно отметил Фидлер.

Снова воцарилась тишина.

— Я считаю, — сказала президент, поглядывая на двух своих коллег, — что теперь трибунал располагает возможностью написать свое заключение для президиума. Если только, — добавила она, обратив свои маленькие жесткие глазки на

Фидлера, — вам нечего больше нам сообщить.

Фидлер помотал головой. Казалось, его все еще занимает какая-то необычная мысль.

— В таком случае, — начала подводить итог президент, — мы с коллегами сошлись во мнении, что товарища Фидлера следует отстранить от должностных обязанностей, пока дисциплинарный комитет президиума не примет решения относительно его будущего. Лимас уже находится под арестом. Но моя обязанность напомнить вам, что трибунал не обладает правами исполнительного органа. Народная прокуратура совместно с товарищем Мундтом, несомненно, рассмотрят, какое наказание должен понести британский шпион, провокатор и убийца.

Она быстро взглянула на Лимаса, а потом на Мундта, который, в свою очередь, изучал Фидлера с тем чисто деловым выражением, с каким палач на глазок определяет, какой длины ему понадобится веревка.

И неожиданно, с ужасающей ясностью для человека, которого слишком долго водили за нос, Лимас понял всю суть этого отвратительного фарса.

24
Комиссар

Лиз стояла у окна спиной к своей сопровождающей, устремив невидящий взгляд в небольшой внутренний двор внизу, по которому прогуливалась небольшая группа людей. Она находилась в чьем-то рабочем кабинете, на столе рядом с телефоном стоял поднос с едой, но она не могла заставить себя притронуться к ней. Она чувствовала себя больной и усталой — физически усталой. У нее болели ноги, лицо горело, кожу на нем стянуло от высохших слез. Она казалась себе грязной и мечтала принять ванну.

— Почему вы не едите? — не в первый раз спросила женщина. — Уже все закончилось. — Она говорила это не с симпатией, а словно дивясь глупости странной девчонки, которая отказывалась есть, хотя ей дали столько пищи.

— Я не голодна.

Стражница пожала плечами.

— Вам, возможно, предстоит длительный переезд, — добавила она, — а дадут ли поесть там, у вас, еще неизвестно.

— Что вы имеете в виду?

— Все знают, что простые люди в Англии голодают, — уверенно заявила женщина. — Капиталисты держат рабочих впроголодь.

Лиз хотела возразить, но поняла, что ее доводы все равно не подействуют. Кроме того, ей многое хотелось узнать; она должна была все узнать, а женщина в форме как раз способна ответить на многие вопросы.

— Что это за место?

— А вы еще не поняли? — рассмеялась женщина. — Тогда спросите их. — Она кивнула в сторону окна. — Они уж точно знают, где находятся.

— Кто они?

— Заключенные.

— За что их посадили?

— Это враги народа, — резко ответила женщина. — Шпионы, агитаторы.

— Откуда вы знаете, что они шпионы?

— Партия все знает. Партия знает о людях больше, чем они сами о себе. Разве вам не объясняли этого? — Тюремщица посмотрела на нее, покачала головой и продолжила: — Эти англичане! Богачи прожрали ваше будущее, а вы, бедняки, только и делали, что кормили их. Вот что произошло с вашей прекрасной Англией.

— Кто вам такое сказал?

Женщина улыбнулась, но промолчала. Она казалась довольной собой.

— И это специальная тюрьма для шпионов? — продолжала задавать вопросы Лиз.

— Здесь тюрьма для тех, кто отказывается принимать реальности социализма, для тех, кто считает, что имеет право совершать ошибки. Для тех, кто тормозит наш марш вперед. Для предателей, — закончила она кратко.

— Да, но в чем их конкретные преступления?

— Мы не сможем построить коммунизм, не избавившись от всех проявлений индивидуализма. У вас не получится возвести величественное здание, если на вашей стройплощадке грязные свиньи будут одновременно строить для себя свинарник.

Лиз смотрела на нее с изумлением.

— Кто внушил вам такие мысли?

— Я комиссар, — гордо ответила она. — Я работаю в этой тюрьме.

— Вы очень умны, — сказала Лиз, желая найти к ней подход.

— Я — простая труженица, — желчно ответила женщина. — С концепцией, что умственный труд есть его высшая форма, пора навсегда покончить.

Нет никаких категорий. Есть только те, кто трудится. Нельзя противопоставлять физический и умственный труд. Разве вы не читали Ленина?

— Стало быть, люди, сидящие в этой тюрьме, — интеллектуалы?

Женщина снова улыбнулась.

— Да, — сказала она, — это реакционеры, называвшие себя сторонниками прогресса. Они защищали свободу личности от государства. Вы слышали, как Хрущев отозвался о контрреволюции в Венгрии?

Лиз покачала головой. Надо делать вид, что ей интересно. Она должна заставить женщину говорить.

— Он сказал, что там ничего бы не произошло, если бы вовремя расстреляли парочку писателей.

— А кого расстреляют сейчас? — поспешно спросила Лиз. — После этого суда?

— Лимаса, — ответила женщина равнодушно, — и этого жида Фидлера.

На мгновение Лиз показалось, что она падает, но потом ее рука нащупала спинку стула, и ей удалось сесть.

— За что Лимаса? — прошептала она.

Женщина посмотрела на нее своими малень-

кими хитрыми глазками. Она была огромного роста, а сильно поредевшие волосы стягивала в пучок на широком затылке. Кожа на ее грубом лице была дряблой и какой-то водянистой.

— Он убил охранника, — ответила она.

— Как?

Та только пожала плечами.

— А что до еврея, — продолжила женщина, — то он оболгал нашего верного товарища.

— Они расстреляют Фидлера только за это? — спросила Лиз, ошеломленная.

— Все евреи — одного поля ягоды, — отозвалась тюремщица. — Товарищ Мундт знает, как найти на них управу. Нам они здесь ни к чему. Если они вступают в партию, то начинают думать, что теперь она им принадлежит. Если остаются в стороне, то считают, что партия строит козни против них. Было же сказано, что Лимас и Фидлер организовали заговор против Мундта. Так вы не будете есть? — Она указала на поднос, по-прежнему стоявший на столе.

Лиз покачала головой.

— Тогда я все съем сама. Не пропадать же добру, — сделала тюремщица жалкую попытку объяснить свою жадность. — Я смотрю, вам даже картошку дали. Должно быть, у вас завелся воз-

дыхатель на кухне.

И она, потешаясь над собственной шуткой, стала быстро расправляться с едой.

Лиз вернулась к окну.

* * *

Среди хаоса мыслей, смешавшихся в голове Лиз, в клубке стыда, горя и ужаса ясно выделялось только горькое воспоминание о Лимасе, каким она видела его в последний раз в зале суда, когда он отвел взгляд в сторону. Она подвела его, и он не осмеливался посмотреть на нее перед смертью — не хотел, чтобы она прочла презрение и, вероятно, страх, написанные в тот момент на его лице.

Но разве она могла что-то изменить? Если бы Лимас объяснил, что ей делать — пусть смысл не был бы ей до конца ясен, — она бы лгала и изворачивалась изо всех сил, пошла бы на все, если бы он только предупредил ее! Он же понимал это, конечно, понимал. Он знал ее достаточно хорошо, чтобы осознавать — она сделает так, как он скажет. Она примет одинаковую с ним форму существования, его воля станет ее волей, его жизнь — ее жизнью. Она разделила бы с ним его судьбу, его боль, если бы только могла, она ни о чем дру-

гом не просила — лишь дать ей шанс сделать это. Но откуда было ей знать без его предупреждения, как отвечать на все эти непонятные, коварные вопросы? И теперь она причинила ему поистине беспредельный вред. В лихорадочном возбуждении памяти вдруг всплыло воспоминание о невероятном испуге, который она испытала в детстве, когда узнала, что каждым шагом ноги стопой убивает тысячи микроскопических живых организмов. Теперь же, лгала бы она или говорила правду, или даже отмалчивалась, она невольно принуждена была уничтожать жизнь человека или даже двоих людей, потому что был еще этот еврей, Фидлер, который проявил к ней доброту, брал ее за руку и говорил, что она должна вернуться в Англию. Они расстреляют Фидлера, сказала тюремщица. Но почему Фидлера? Почему не того старика, который задавал вопросы, или не того светловолосого мужчину, который сидел между солдатами в первом ряду и все время улыбался. Когда бы она ни поворачивалась в сторону зала, она видела голову этого блондина с гладким жестоким лицом, все время улыбавшегося, словно все происходившее казалось ему одной бесконечной комедией. Ее немного успокаивала мысль, что Лимас и Фидлер были союзниками.

Она снова посмотрела на стражницу и спросила:

— Чего мы ждем?

Та отодвинула от себя пустую тарелку и встала из-за стола.

— Дальнейших указаний, — ответила она. — Там решают, должны ли вы остаться.

— Остаться? — повторила Лиз непонимающе.

— Это вопрос свидетельских показаний. Фидлера, возможно, будут судить. Как я вам уже сказала, Лимас и Фидлер подозреваются в преступном сговоре.

— Но в сговоре против кого? Как Лимас мог участвовать в заговоре, находясь в Англии? Как он вообще оказался здесь? Он даже не член партии.

Женщина помотала головой.

— Это секретная информация, — сказала она. — Такие вопросы касаются только президиума. Вероятно, еврей вовлек его в сговор.

— Но ведь вам-то наверняка все известно, — упорствовала Лиз, подпуская в голос льстивые нотки. — Вы же комиссар целой тюрьмы. Вы точно все знаете.

— Может быть, — ответила женщина небрежно. — Но только это все равно секретные сведения.

Зазвонил телефон. Женщина сняла трубку и стала слушать. Потом бросила быстрый взгляд на Лиз.

— Да, товарищ. Будет немедленно сделано, — сказала она и отсоединилась.

— Вы остаетесь, — коротко сообщила она Лиз. — Президиум будет рассматривать дело Фидлера. А вам придется на это время задержаться у нас. Таково распоряжение товарища Мундта.

— Кто такой Мундт?

Женщина хитро ушла от ответа.

— Это распоряжение президиума, — повторила она.

— Но я не хочу здесь оставаться! — воскликнула Лиз. — Я хочу…

— Партия знает о нас больше, чем мы сами, — перебила ее женщина. — Вы обязаны остаться. Таков приказ партии.

— Кто такой Мундт? — снова спросила Лиз, но опять не получила ответа.

Затем она медленно последовала за тюремщицей по бесконечным коридорам, перегороженным решетками, возле которых дежурили охранники, мимо металлических дверей, откуда не доносилось ни звука, а потом вниз по столь же бесконечным лестницам, через мрачные залы,

находившиеся глубоко под землей, пока, как ей показалось, они не очутились у самых врат преисподней, где ей никто уже не скажет, умер Лимас или еще жив.

Она понятия не имела о времени, когда в коридоре рядом с ее камерой послышались чьи-то шаги. Могло быть пять часов вечера, или уже наступила полночь. Лиз не спала, а лишь всматривалась в окружавшую ее непроницаемую тьму, отчаянно желая услышать хоть какой-то звук. Она и представить себе прежде не могла, что тишина может быть такой ужасающей. Однажды она закричала, но в ответ не донеслось даже эха. Ничего. Только беглое воспоминание о собственном голосе. Ей представилось, как звук натыкается на плотную темноту, как кулак на каменную стену. Она ощупала себя руками, сидя на койке, и ей показалось, что от окружающей ее черноты руки ее отяжелели, словно им проходилось преодолевать сопротивление воды. Она знала, что камера очень маленькая, что в ней только койка, на которой она сейчас сидит, раковина для мытья рук, но без крана, и грубо сколоченный стол — все это она успела заметить, когда вошла. Затем внезапно погас свет, и Лиз поспешно рванулась в сторону кровати, ударив-

шись об ее край, и потом все время лежала на ней, дрожа от страха. Вдруг послышались шаги, и дверь камеры резко распахнулась.

Она узнала его сразу, хотя могла различить лишь силуэт в скудном голубоватом свете, проникавшем из коридора. Атлетическая фигура, голова с очень короткой стрижкой, светлые волосы, четкий абрис подбородка, лишь чуть подсвеченный сзади.

— Я — Мундт, — сказал он. — Идите со мной, немедленно.

Его голос звучал высокомерно, но одновременно и приглушенно, словно он не хотел быть никем больше услышанным.

Лиз почувствовала, как ее охватил еще более сильный страх. Она вспомнила слова тюремщицы: «Товарищ Мундт знает, как найти на евреев управу». Встав рядом с койкой, она смотрела на него, не зная, что делать.

— Быстрее же, дурочка! — Мундт шагнул к ней и ухватил за запястье. — Поторопись.

Она позволила буквально вытащить себя в коридор. В полнейшем недоумении наблюдала она за тем, как Мундт снова запирает дверь ее камеры. Грубо взяв Лиз за руку, он быстро увлек ее за собой вдоль первого коридора, перейдя по-

чти на бег. До нее донеслось отдаленное урчание кондиционеров воздуха; по временам слышались шаги в других коридорах, ответвлявшихся от главного. Она заметила, как Мундт замедлял движение или даже останавливался, когда они подходили к углу следующего прохода, первым выглядывал, убеждался, что там никого нет, а потом делал ей знак следовать за собой. Казалось, он был уверен, что она непременно подчинится, словно ей уже понятен смысл происходящего. К ней он относился почти как к своей сообщнице.

Потом он внезапно остановился и вставил ключ в скважину замка грязной стальной двери. Ей оставалось только ждать, с трудом подавляя волну паники. Мощным толчком он открыл дверь наружу, и сладковатый холодный воздух зимнего вечера хлестнул ее по лицу. Он опять сделал ей знак, все так же требовавший быстро следовать за ним, и она, преодолев две ступени, спустилась на посыпанную гравием дорожку, которая вела через нечто, напоминавшее огород.

Дорожка привела их к красивым старинным готическим воротам, за которыми протянулось шоссе. Рядом с воротами была припаркована машина. Около машины стоял Алек Лимас.

— Оставайся на месте, — осадил ее Мундт, когда

она рванулась вперед. — Жди здесь.

Затем он вышел за ворота, и она, казалось, целую вечность наблюдала, как двое мужчин, встав друг против друга, о чем-то тихо переговаривались. Сердце у Лиз бешено колотилось, все тело содрогалось от холода и страха. Наконец Мундт вернулся.

— Иди со мной, — произнес он бесстрастно и повел ее туда, где ждал Лимас. Двое мужчин еще раз посмотрели в глаза друг другу.

— Прощайте, — сказал Мундт по-прежнему без всякого выражения. — Вы совершаете большую глупость, Лимас, — добавил он. — Она такой же мусор, как и Фидлер. — Не сказав больше ни слова, он повернулся и широкими шагами пошел прочь, пока не скрылся в темноте.

Лиз протянула руку и прикоснулась к Лимасу, но он, не глядя на нее, убрал ее руку, открыл дверь машины и кивком показал, что она должна сесть. Но Лиз решилась не сразу.

— Алек, — прошептала она. — Что ты сделал, Алек? Почему он отпустил тебя?

— Замолчи! — прошипел Лимас. — Не смей даже задумываться об этом, слышишь? Садись в машину.

— Что он имел в виду, когда говорил о Фидлере?

Почему он разрешил нам уехать, Алек?

— Он разрешил нам уехать, потому что мы закончили свою работу. Полезай в машину, живо!

Подчиняясь давлению его необычайной силы воли, она села в автомобиль и захлопнула дверь. Лимас занял место рядом с ней.

— На какую сделку с ним пришлось тебе пойти? — упорствовала она, и в ее тоне слышались одновременно страх и подозрительность. — Они же говорили, что ты устроил заговор против него вместе с Фидлером. Так почему же он отпустил тебя?

Лимас запустил двигатель и быстро повел машину по узкой дороге. По обе стороны тянулись голые поля, в отдалении сквозь сгустившийся сумрак проглядывала монотонная череда похожих друг на друга холмов. Лимас посмотрел на часы.

— До Берлина пять часов пути, — сказал он. — Нам надо попасть в Кепеник[20] без четверти час. Должны успеть без проблем.

Какое-то время Лиз молчала, она смотрела на пустынную дорогу сквозь лобовое стекло, запутавшись в лабиринте своих полуоформившихся мыслей. Взошла полная луна, и стал виден мо-

---

[20] Примечания: 20
Район Берлина.

розный туман, сплошным саваном покрывший поля. Они выехали на автобан.

— Все потому, что тебя мучила совесть из-за меня, так, Алек? — спросила она наконец. — Поэтому ты договорился с Мундтом, чтобы меня отпустили?

Лимас ничего не ответил.

— Вы же с Мундтом враги, верно?

Он снова промолчал. Теперь машина шла на очень высокой скорости — стрелка спидометра перевалила за отметку ста двадцати километров в час, хотя покрытие автобана было неровным и попадались рытвины. Она заметила, что он включил дальний свет и не давал себе труда переключаться на ближний, когда по встречной полосе им попадался другой автомобиль. Машину он вел предельно внимательно, нагнувшись вперед так, что локти почти легли на рулевое колесо.

— Что будет с Фидлером? — неожиданно спросила Лиз, и на этот раз Лимас ответил:

— Его расстреляют.

— Тогда почему они не расстреляли тебя? — продолжала расспросы Лиз, стараясь больше не делать пауз. — Ты вместе с Фидлером вступил в сговор против Мундта, так было заявлено. Ты

убил охранника. Почему же Мундт позволил тебе бежать?

— Хорошо! — внезапно почти выкрикнул Лимас. — Я тебе скажу. Я скажу тебе то, чего ты никогда и ни за что не должна была узнать. О чем тебе надо сразу забыть. Как и мне самому. Слушай! Мундт — человек Лондона. Их агент. Его завербовали, когда он работал в Англии. И мы с тобой становимся очевидцами финала самой постыдной, самой грязной операции, призванной спасти шкуру Мундта. Уберечь его от умного маленького еврея, который работал вместе с ним и начал подозревать правду. Они заставили нас послать его на верную смерть, понимаешь. Они почти принудили нас убить этого еврея собственными руками. Вот. Теперь ты все знаешь. Полегчало? Да поможет Бог нам обоим!

25
Стена

— Если это так, Алек, — спросила она после очень долгого молчания, — то какая роль была отведена мне? — Она говорила до странности спокойно, почти равнодушно.

— Я могу только строить предположения, Лиз, исходя из того, что известно мне самому, и из сказанного Мундтом на прощание. Фидлер начал подозревать Мундта, подозревал с самого его возвращения из Англии. Он считал, что Мундт ведет двойную игру. Фидлер, разумеется, питал к нему личную неприязнь — у него были для этого все основания, — но это не значит, что он был не прав. Мундт стал агентом Лондона. Причем Фидлер обладал слишком большим влиянием, чтобы Мундт мог устранить его сам, и тогда в Лондоне решили сделать это за него. Я так и вижу их за планированием этой операции — они дьявольски академичны в своих подходах. Представляю, как они сидели вокруг камина в одном из этих своих мерзких закрытых клубов. Они знали, что просто убить Фидлера мало — он мог поделиться

своими соображениями с друзьями, оставить письменные показания. Поэтому уничтожить следовало в корне все основания для подозрений. Публичную реабилитацию — вот что они организовали для Мундта.

Он резко свернул в левый ряд, чтобы обогнать грузовик с прицепом. Но в тот же самый момент водитель грузовика совершил такой же маневр, и Лимасу пришлось резко затормозить на ухабистом шоссе, чтобы его машину не размазало о разделительный барьер.

— Они сказали мне, что их цель — подставить под удар Мундта, — продолжал он как ни в чем ни бывало, — что они хотят уничтожить его, и я согласился участвовать. Это должно было стать для меня самым последним важным заданием. Выполняя его, я опустился на дно, избил торговца… Но ты все это знаешь.

— И только поэтому занимался со мной любовью? — спросила она чуть слышно.

Лимас яростно помотал головой.

— В том-то и дело, что нет. В этом вся суть, пойми, — продолжал он. — Мундт обо всем знал, был в курсе всех деталей плана. По его приказу меня завербовали — по его и Фидлера. А потом он позволил Фидлеру взять все в свои руки, поскольку

был уверен, что в результате Фидлер попадет в собственный капкан. Моя задача состояла в том, чтобы окончательно заставить его поверить в истину: Мундт — агент британской разведки. — Он помедлил, не сразу решившись закончить. — А на твою долю выпала миссия дискредитировать меня. Фидлер пойдет под расстрел, а Мундт будет выглядеть героем, избежавшим смерти в результате фашистского заговора. Они использовали классический принцип — любовная интрижка мешает агенту довести дело до успешного конца.

— Но откуда они узнали обо мне, как могли предвидеть, что мы сойдемся с тобой? — воскликнула Лиз. — Боже милостивый, Алек, неужели они способны даже предсказать, что двое людей полюбят друг друга?

— Нет, конечно. И это не имело для них значения. Ставка делалась на другое. Тебя они избрали, потому что ты молода, хороша собой, состоишь в коммунистической партии и не отказалась бы поехать в Германию по сфабрикованному приглашению. К вам на работу меня направил Питт с биржи труда, который догадывался, что я не откажусь от места в библиотеке. Во-первых, Питт служил в разведке во время войны, и они ему приплатили, надо полагать. Им достаточно

было установить контакт между мной и тобой. Пусть всего на день. Срок не играл никакой роли. Зато потом это давало им предлог навестить тебя, снабдить деньгами, создать иллюзию, что между нами возник роман, даже если бы его на самом деле не было. Понимаешь? Чтобы позже всякий поверил в нашу взаимную страсть. И для этого тебе прислали деньги так, словно я просил об этом. А то, что мы и в самом деле стали близки, только облегчило их задачу…

— Да, тут нечего возразить, — сказала Лиз и добавила: — Я чувствую себя грязной, Алек, словно меня изнасиловали.

Лимас промолчал.

— Скажи, людям из твоего ведомства это облегчает муки совести? Я имею в виду… Когда они используют в такой роли члена компартии, а не обычную девушку? — спросила Лиз.

— Возможно, — ответил Лимас. — Но, как мне кажется, они сделали это не намеренно. Просто это еще более способствовало успеху операции.

— А ведь я могла остаться у них в тюрьме, я знаю. Ведь именно этого хотел Мундт, скажешь, нет? Он не видел смысла рисковать — я могла услышать слишком много лишнего, слишком о многом догадаться сама. В конце концов, Фидлер

тоже невиновен. Но он — еврей, — добавила она возбужденно. — И его невиновность уже не играет большой роли, верно?

— О, бога ради! — простонал Лимас.

— Очень странно, что Мундт отпустил меня. Более чем странно, пусть это и стало частью вашей с ним сделки, — размышляла вслух Лиз. — Я же отныне фактор риска, как ни крути. Я имею в виду, когда мы доберемся до Англии. Член коммунистической партии, осведомленная обо всем этом… Нет ни намека на логику в его согласии отпустить меня.

— Как я предполагаю, — объяснил Лимас, — он собирается использовать факт нашего побега для наглядной демонстрации президиуму, что в его ведомстве окопались другие фидлеры, которых необходимо найти и устранить.

— И другие евреи?

— Это дает ему дополнительную возможность укрепить свои позиции, — ответил Лимас, пропустив ее вопрос мимо ушей.

— Убив еще больше ни в чем не повинных людей? Но тебя, кажется, не слишком это волнует.

— Разумеется, волнует. Меня тошнит от стыда и злости… Но я воспитан совершенно иной средой, Лиз, и потому не могу видеть все только в чер-

ных и белых тонах. Люди, играющие в подобные игры, неизбежно идут на риск. Фидлер проиграл, Мундт одержал победу. И Лондон выиграл — вот в чем все дело. Это была омерзительно грязная операция. Но она себя оправдала, и нет ничего важнее. — По мере того как он говорил, его голос становился громче и под конец уже почти перешел в крик.

— Ты сам пытаешься себя убедить, что это правильно! — воскликнула в ответ Лиз. — Они творили отвратительные дела. И как можно убивать Фидлера? Он же хороший человек, Алек, я знаю, что хороший. А Мундт…

— Не понимаю, на что ты, черт возьми, жалуешься, — грубовато перебил ее Лимас. — Ведь это твоя партия все время с кем-то воюет, не так ли? Жертвуя личностями во имя интересов масс. Этот принцип она провозглашает. Социалистическая реальность — ежедневная и еженощная неустанная борьба. Они же об этом тебе твердят? По крайней мере ты осталась в живых. Что-то не слышал, чтобы коммунисты верили в святость человеческой жизни, или я чего-то не понял? — спросил он саркастически. — Я признаю, да, признаю, что тебя могли уничтожить. Такой вариант не был исключен. Мундт — свинья еще

та, он не видел смысла оставлять тебя в живых. Его обещание — а он дал слово не трогать тебя — недорого стоит. И ты действительно могла умереть — сегодня, через год или через двадцать лет — в тюрьме рая для рабочих и крестьян. Как и я сам. Но твоя партия, насколько я помню, ставит себе целью уничтожение целых общественных классов. Скажи, если я опять ошибаюсь.

Он достал пачку, вынул из нее две сигареты и вместе со спичками подал Лиз. Ее пальцы дрожали, когда она прикуривала их и протягивала одну Лимасу.

— Ты много размышлял об этом, как я погляжу? — спросила она.

— Так уж случилось, что мы чуть не оказались в могилах, — продолжал Лимас. — Мне очень жаль. Как жаль и всех остальных, кто погиб. Но только не надо убиваться из-за правил игры, Лиз, — это те же правила, какие установила твоя партия. Мы — лишь малая цена, которую приходится платить за великие свершения. Одна жертва для блага многих. Но не очень-то приятно, как я догадываюсь, выбирать, кто именно должен стать жертвой, когда абстрактная схема начинает касаться непосредственно людей.

Она слушала в темноте, какое-то время не заме-

чая ничего, кроме убегавшей под колеса дороги и парализующего страха в душе.

— Но они позволили мне полюбить тебя, — сказала она наконец. — Позволили поверить в тебя и полюбить.

— Они нас использовали, — ответил Лимас, не жалея ее чувств. — Они обманули нас обоих, потому что возникла необходимость. Только так у них все могло получиться. Фидлер уже сам подобрался к Мундту вплотную, понимаешь? Мундта бы разоблачили, разве это не ясно?

— Ты обладаешь поразительной способностью переворачивать все с ног на голову. Как ты можешь? — внезапно закричала на него Лиз. — Фидлер был хорошим, нормальным человеком, который всего лишь выполнял свою работу, и теперь вы уничтожили его. А Мундт — шпион и предатель, но вы защищаете такого. Мундт к тому же нацист, вам об этом известно? Он ненавидит евреев… На чьей ты стороне? Как же ты можешь…

— В этой игре существует только один закон, — резко ответил Лимас. — Мундт — их человек, он дает им то, в чем они нуждаются. Это достаточно легко усвоить, как мне представляется, или нет? Весь ваш ленинизм строится на целесообразно-

сти временных союзов. А кто такие, по-твоему, шпионы: жрецы, святые или мученики? Это подлая кучка тщеславных кретинов, предателей в том числе, да. А еще слабаков, садистов и пьяниц — людей, играющих в ковбоев и индейцев, чтобы скрасить свое унылое и гнусное существование. Неужели ты думаешь, что в Лондоне сидит монашеский орден, который только и думает о том, что правильно, а что неверно? Я бы своими руками удавил Мундта, если бы мог. Ненавижу его породу. Но не сейчас. Так уж случилось, что пока он им нужен. Он им нужен для того, чтобы та самая масса безликих болванов, которые тебя так заботят, спокойно спали по ночам в своих постельках. Он нужен им ради безопасности простых и незаметных людей, как ты или я.

— Но что же Фидлер? Неужели у тебя совсем нет сочувствия к нему?

— Это война, — ответил Лимас. — И она только потому выглядит столь отчетливо грязной, что ведется в малых масштабах, всегда в ближнем бою, почти неизменно вызывая гибель поневоле вовлеченных в нее невиновных людей. Я вынужден признать это. Но такие конфликты ничто, пшик в сравнении с настоящими войнами — будь то в прошлом или будущем.

— О, мой бог, — тихо сказала Лиз. — Ты не понимаешь. И не хочешь понять. Тебе все время приходится убеждать самого себя. То, что они творят, гораздо страшнее: они нащупывают слабости, свойственные всем людям, находят их во мне и в любом, кого потом используют, чтобы превратить в свое оружие и пускать его в ход, калеча судьбы и убивая…

— Господи! — воскликнул Лимас. — А чем еще занимались люди от сотворения мира? Неужели ты до сих пор не поняла? Я ни во что не верю, даже во всеобщее уничтожение и анархию. Меня тошнит, меня выворачивает наизнанку от убийств, но я не вижу, к каким другим средствам они могут прибегать. И они ведь не стремятся всех обратить в свою веру. Они не взбираются на кафедры или партийные трибуны, призывая людей бороться за мир и бог знает за что еще. Это всего лишь мелкие людишки, которые пытаются удержать проповедников всевозможных великих идей от того, чтобы они не повзрывали друг друга к чертовой матери.

— Ты ошибаешься, — безнадежно констатировала Лиз. — Они гораздо страшнее, чем мы все, вместе взятые.

— Потому что я занимался с тобой любовью,

заставив поверить, что я нищий пьяница? — жестко спросил Лимас.

— Потому что они презирают, — ответила Лиз, — презирают все подлинное и доброе; они презирают любовь, презирают…

— Да, — внезапно согласился Лимас, чувствуя безмерную усталость. — Это цена, которую им приходится платить. Одинаково презирая и Бога, и Карла Маркса по одной и той же причине.

— И это делает тебя одним из них, — продолжала Лиз. — Ты ничем не лучше Мундта и всех остальных… Мне ли теперь этого не знать? Ведь это с моими чувствами играли, не правда ли? Играли они, играл ты, потому что тебе на все наплевать. Только Фидлер в этом не участвовал… Но вы все… Все остальные… Вы обращались со мной, как с ничтожеством, как с мелкой разменной монетой… Вы все из одного теста, Алек.

— О, Лиз, — в отчаянии сказал он, — умоляю, поверь: я ненавижу все это, я смертельно устал. Но наш мир, целое человечество… Они как будто сошли у ума. И мы — всего лишь ничтожная расплата за безумие… Везде происходит то же самое. Людей обманывают, сбивают с толку, людские судьбы ломают с величайшей легкостью, везде расстреливают, сажают в тюрьмы, целые соци-

альные группы и классы списывают в расход не раздумывая. А ты… Вернее, твоя партия? Видит бог, она вся построена на костях обыкновенных людей. Ты никогда не видела смерти, Лиз, как видел ее я…

Пока он говорил, Лиз вспомнились грязный тюремный дворик и слова надзирательницы: «Здесь тюрьма для тех, кто тормозит наш марш вперед… для тех, кто считает, что имеет право совершать ошибки».

Лимас внезапно весь подобрался, пристально вглядываясь сквозь лобовое стекло. В свете фар Лиз тоже теперь различила фигуру, стоявшую на дороге. В руке человек держал маленький фонарик, который то включал, то выключал по мере приближения их машины.

— Это за нами, — пробормотал Лимас. Он заглушил двигатель, выключил фары, позволив автомобилю двигаться вперед по инерции. Когда они поравнялись с мужчиной, Лимас обернулся и открыл заднюю дверь.

Лиз даже не посмотрела на того, кто сел на сиденье позади нее. Она неподвижно устремила взгляд вперед, глядя на улицу, которую поливал дождь.

— Держитесь на тридцати километрах в

час, — сказал мужчина. В его голосе звучали напряжение и страх. — Я укажу вам путь. Когда доберемся до места, вам нужно будет выйти и бежать к стене. Луч прожектора направят точно в то место, где вам предстоит перебраться на другую сторону. Держитесь луча. А когда его отведут в сторону — перелезайте. У вас будет на это девяносто секунд. Вы пойдете первым, — обратился он к Лимасу, — а девушка вслед за вами. В нижней части вбиты железные скобы, но потом вам придется с силой подтянуться. Доберетесь до верха стены и поможете забраться на нее своей спутнице. Вы поняли?

— Поняли, — сказал Лимас. — Сколько осталось до места?

— На тридцати километрах в час мы будем там примерно через девять минут. Луч направят на стену ровно в пять минут второго. Они могут дать вам девяносто секунд. Не больше.

— А что произойдет, когда эти девяносто секунд истекут? — спросил Лимас.

— Вам дадут только девяносто, — повторил мужчина, — а потом станет слишком опасно. Предупреждено только одно отделение. Им объяснили, что вы — лазутчики, которых забрасывают на западную сторону. Но даже им приказали сде-

лать так, чтобы у вас все не получилось слишком легко с виду. Хотя девяноста секунд достаточно.

— Хотелось бы надеяться, черт побери, — сухо сказал Лимас. — Который теперь час на ваших?

— Мы сверили часы с сержантом, который командует отделением, — ответил мужчина. Потом на заднем сиденье на мгновение вспыхнул и тут же погас свет. — Сейчас ноль часов сорок восемь минут. Нам нужно трогаться без пяти час. Семь минут придется подождать.

Они сидели в полной тишине. Только капли дождя барабанили по крыше машины. Перед ними протянулся участок мощенной брусчаткой улицы, скудно освещенной замызганными лампами стоявших через каждые сто метров фонарных столбов. Вокруг не было ни души. Небо над ними сияло ненатурально ярким отблеском прожекторов в отдалении. По временам один из лучей проносился буквально по крыше машины и исчезал. Где-то слева прямо над линией горизонта Лимас вдруг заметил мигающий огонь, который постоянно менял силу света, как всполохи пожара.

— Что это? — спросил он, указывая в том направлении.

— Информационный сервис, — ответил муж-

чина. — Световая азбука. Так они передают в Восточный Берлин заголовки основных новостей.

— А, ну конечно, — пробормотал Лимас. Они действительно достигли последнего этапа своего путешествия.

— Возврата не будет, — продолжал мужчина. — Он вас предупредил? Как и второго шанса.

— Знаю, — ответил Лимас.

— Если что-то пойдет не так — допустим, вы упадете и поранитесь, — назад все равно не возвращайтесь. В зоне стены они стреляют без разбора во все, что шевелится. Вы обязаны суметь перебраться во что бы то ни стало.

— Мы знаем, — повторил Лимас. — Он нам все растолковал.

— И как только покинете машину, сразу окажетесь в зоне поражения.

— Нам и это известно. Помолчите немного, — раздраженно сказал Лимас. А потом спросил: — Машину заберете вы?

— Как только вы выйдете, я сразу уеду. Я ведь тоже подвергаюсь опасности, — ответил мужчина.

— Сочувствую, — усмехнулся Лимас.

Снова повисла тишина. Потом Лимас спросил:

— У вас есть пистолет?

— Да, — кивнул мужчина, — но я не могу отдать его вам. Он прямо распорядился не давать вам оружия… Предупредил, что вы попросите.

— Это в его стиле, — беззвучно рассмеялся Лимас.

Он включил стартер. С шумом, который, казалось, заполнил всю улицу, автомобиль медленно тронулся с места.

Когда они проехали ярдов триста, мужчина возбужденно зашептал:

— Здесь сверните направо и сразу налево.

Они въехали в какой-то узкий проулок. По обе стороны его стояли пустые лотки рыночных торговцев, и машина еле-еле проходила между ними.

— Здесь налево, резко!

Они снова свернули, быстро проехав на этот раз между двумя высокими зданиями и попав, как могло показаться, в тупик. Поперек улицы на веревке вывесили для просушки белье, и Лиз подумала, что они едва ли сумеют проскочить под ним. Когда они уже приблизились к тому, что виделось им глухой стеной тупика, мужчина распорядился:

— Тут снова налево и следуйте вдоль дорожки.

Автомобиль взобрался на бордюрный камень,

пересек тротуар, и они стали двигаться по широкой пешеходной тропе, вдоль которой слева тянулся ветхий забор, а справа — высокий дом без окон. Откуда-то сверху донесся крик, голос был женский, и Лимас пробурчал:

— О, заткнись, ради бога, — несколько неуклюже миновав поворот вправо, который делала тропа, и почти сразу выехав на какую-то улицу.

— Куда теперь? — спросил он.

— Пересекайте дорогу прямо возле аптеки. Вернее, между аптекой и почтой. Да, здесь!

Мужчина теперь так перегнулся вперед, что его лицо оказалось практически на одной линии с лицами сидевших на передних сиденьях. Потом, протянув руку мимо головы Лимаса, он указал направление, ткнув пальцем в стекло.

— Назад! — зашипел на него Лимас. — Уберите руку. Как я, дьявол вас раздери, смогу что-то разглядеть, если вы будете размахивать руками у меня под носом?

Включив первую передачу, он быстро пересек довольно широкую улицу, бросив при этом взгляд влево, и несколько оторопел, увидев массивный силуэт Бранденбургских ворот всего в трехстах ярдах и несколько зловещего вида машин, похожих на бронетранспортеры, у их подножия.

— Куда мы направляемся? — спросил он встревоженно.

— Почти приехали. Сейчас помедленнее… Влево, влево, сворачивайте влево! — почти закричал мужчина.

Лимас вывернул руль как раз вовремя, и через узкую арку они попали во двор. Окна в соседних домах были либо выбиты, либо заколочены досками; на них безмолвно взирали пустые дверные проемы. По другую сторону двора находились ворота без створок.

— Поезжайте туда, — донеслась из темноты поданная теперь шепотом команда, — а потом резко вправо. Потом справа от вас увидите фонарный столб. Следующий за ним сломан. Доехав до второго фонаря, глушите мотор, и пусть машина катится сама до пожарного гидранта. И на этом — все.

— Какого лешего вы сами не сели за руль?

— Он сказал, что машину должны вести вы. Посчитал, что так будет безопаснее.

Они проехали в проем ворот и свернули направо. Здесь проходила узкая улочка, погруженная в почти полную тьму.

— Погасите фары!

Лимас выключил фары, медленно миновал

первый фонарный столб. Впереди уже маячил второй. Фонарь на нем в самом деле не горел. С выключенным двигателем они тихо проехали мимо и катились еще немного, пока в двадцати ярдах не разглядели очертания пожарного гидранта. Лимас нажал на педаль тормоза, и автомобиль замер на месте.

— Где мы? — шепотом спросил Лимас. — Мы ведь пересекли Ленин-аллее, верно?

— Нет, Грифсвальдерштрассе. Потом повернули на север. И сейчас мы к северу от Бернауэрштрассе.

— В районе Пбнков?

— Чуть не доезжая. Смотрите, — мужчина указал в сторону уходившего влево переулка. В дальнем его конце они увидели небольшой отрезок стены, серо-коричневой в отраженном свете прожекторов. Поверх нее протянулись три ряда колючей проволоки.

— Как девушка переберется через «колючку»?

— В том месте, где вы будете перелезать, ее уже срезали, оставив узкий промежуток. У вас осталась минута, чтобы добраться до стены. Прощайте.

Из машины они вышли втроем. Лимас взял Лиз за руку, и она отстранилась от него, словно он

причинил ей боль.

— Прощайте, — повторил немец.

Лимас лишь прошептал в ответ:

— Не заводите мотор, пока мы не переберемся на другую сторону.

При тусклом свете Лиз наконец бросила беглый взгляд на их проводника. Его лицо показалось ей молодым и испуганным — лицо почти мальчика, который изо всех сил старается быть храбрым.

— Прощайте, — сказала Лиз. Высвободив руку, она пошла вслед за Лимасом сначала через дорогу, а затем в узкий переулок, который упирался в стену.

Стоило им войти в него, как они услышали за спиной звук мотора: машина развернулась и быстро уехала в том направлении, откуда они только что прибыли.

— Мог бы и лестницу для нас подержать, гаденыш, — скрипнул зубами Лимас, глядя вслед машине.

Лиз едва ли его слышала.

26
Путь с холода

Они пошли быстрым шагом, и Лимас время от времени оборачивался, чтобы убедиться, поспевает ли за ним Лиз. Добравшись до конца переулка, он остановился, укрылся в тени дверного проема и посмотрел на часы.

— Две минуты, — прошептал он.

Лиз ничего не ответила. Только смотрела вперед, в сторону стены, и на руины, черневшие на противоположной стороне.

— Две минуты, — повторил Лимас.

Перед ними протянулась полоса шириной в тридцать ярдов. Она следовала вдоль стены в обоих направлениях. Примерно в семидесяти ярдах справа от них стояла сторожевая вышка; луч установленного на ней прожектора бегал вдоль контрольной полосы. Тонкая пелена дождя висела в воздухе, придавая свету прожекторов несколько размытый желтоватый оттенок, но полностью скрывая все, что находилось дальше. Никого не было видно. Не доносилось ни звука. Сцена пока оставалась пустой.

Луч прожектора с вышки начал постепенно и нерешительно, словно ощупью, перемещаться вдоль стены ближе к ним; каждый раз, когда он ненадолго замирал, они могли разглядеть чуть ли не каждый кирпич в стене, неряшливо и поспешно скрепленный цементным раствором с другими. Пока они рассматривали все это, луч остановился прямо напротив них. Лимас бросил взгляд на часы.

— Готова? — спросил он.

Лиз кивнула.

Взяв ее за руку, он пошел через полосу намеренно медленно. Лиз хотела побежать, но он держал ее крепко. Они уже проделали половину пути к стене. Яркий полумесяц света манил к себе, а луч прорезал темноту прямо над их головами. Лимас был исполнен решимости держать Лиз как можно ближе к себе, словно опасался, что Мундт не сдержит слова и попытается отнять ее у него в самый последний момент.

Они подошли к стене почти вплотную, когда луч прожектора рывком переместился к северу, оставив их на мгновение в полной темноте. Все еще держа Лиз за руку, Лимас вслепую повел ее вперед, вытянув левую руку перед собой, пока она внезапно не уперлась в шероховатую по-

верхность кирпичей из шлакоблоков. Теперь он уже мог разглядеть стену, а подняв глаза, и тройную колючую проволоку, и крючки с острыми концами, к которым она крепилась. Металлические скобки, похожие на снаряжение, которым пользуются альпинисты, были вбиты в кирпичи. Ухватившись за самую верхнюю из них, Лимас проворно подтянулся и очень скоро оказался наверху стены. Дернул за нижний ряд колючей проволоки, и она отогнулась, подрезанная заранее.

— Давай, — шепнул он полным тревоги голосом, — начинай подниматься.

Распластавшись на стене, он ухватился за ее вытянутые руки и стал тянуть, как только она встала на самую нижнюю скобу.

Но внезапно весь мир вокруг них вспыхнул, словно объятый огнем: сверху, сбоку — отовсюду лучи света устремились на них с беспощадной точностью.

Лимас был ослеплен, ему пришлось отвернуться, хотя он по-прежнему отчаянно цеплялся за руки Лиз. Ее тело теперь висело, ни на что не опираясь. Он подумал, что ее нога соскользнула, и стал отчаянно звать ее, не переставая тянуть вверх. Видеть он не мог ничего — только бешеное

мельтешение цветовых пятен перед глазами.

Затем раздался истеричный вой сирены, зазвучали отрывистые команды. Упершись коленями в самый край стены, он покрепче перехватил ее руки и принялся подтягивать к себе дюйм за дюймом, каждую секунду рискуя сам свалиться вниз.

Потом они начали стрелять. Одиночными. Три или четыре выстрела. И он почувствовал, как она содрогнулась. Ее тонкие пальцы выскользнули из его сжатых кулаков. С западной стороны до него донесся голос, произнесший по-английски:

— Прыгай, Алек! Прыгай сюда, дружище!

А потом раздался целый хор возгласов — смесь английского, французского, немецкого языков, — где-то совсем рядом был Смайли.

— Девушка? Где девушка? — спрашивал он.

Прикрыв глаза ладонью, как козырьком, Лимас осмотрел подножие стены и наконец разглядел ее, лежавшую недвижимо. Лишь мгновение он колебался, а потом неторопливо спустился вниз по все тем же скобам, пока не оказался рядом с ней. Она была мертва: голова повернута в сторону, черные волосы разметались по щекам, словно защищая их от дождя.

Могло показаться, что они не решаются стрелять снова. Кто-то даже отдал приказ, но выстрела

не последовало. А потом они все-таки убили его — две или три пули попали в цель. Он еще какое-то время держался на ногах, глядя по сторонам подобно ослепленному быку на арене. Падая, Лимас видел, как два огромных грузовика давят всмятку маленькую машинку, а из окна ему весело машут руками детишки.

Война в Зазеркалье

Посвящается Джеймсу Кеннауэйю
Я не против быть пешкой, только позвольте мне тоже сыграть.
– Алиса —

Переноска очень тяжелых предметов, таких, например, как чемоданы или дорожные сундуки, непосредственно перед отправкой радиограммы делает мышцы предплечья, кисти и пальцев слишком нечувствительными, чтобы производить качественные сигналы азбукой Морзе.
Ф. Тейт. Полный курс обучения азбуке Морзе. Издательство «Питман», Лондон

Предисловие

Июль 1991 года

Любой писатель, который воображает, что ему уже удалась творческая карьера, — дурак, игрушка в руках моды и обстоятельств. На самом деле у него есть всего лишь его книги, и он обладает собственными художественными критериями, которые, если он вообще на что-то годится, гораздо более строги, чем суждения других людей.

Я усвоил этот горький урок на собственной шкуре с романом «Война в Зазеркалье», который написал вслед за «Шпионом, пришедшим с холода». Он был встречен сообществом литературных критиков Великобритании так насмешливо, что, прими я это слишком близко к сердцу, мне пришлось бы подумать о смене профессии — стать, например, мойщиком окон или на худой конец газетным обозревателем новинок литературы.

После успеха «Шпиона» я почувствовал, что заслужил право экспериментировать с более тонкими и хрупкими элементами шпионского романа, чем те, к которым я прибегал до сих пор. Поскольку правда заключалась в том, что в ре-

альности профессия разведчика, которая знакома мне не понаслышке, отнюдь не подразумевает участия в дьявольски хитрых операциях и заговорах, ставших ловушкой для героя и героини «Шпиона». Меня теперь переполняло желание найти способ описать всю ту частую неразбериху и повседневную рутину шпионажа, в гораздо большей степени отражавшие действительность. Более того, я даже посчитал своей обязанностью сделать это, потому что, хотя «Шпиона» и провозгласили книгой, срывавшей все и всяческие маски со шпионского бизнеса, на мой взгляд, она, наоборот, придала ему излишний блеск и чуть ли не ореол святости. Блистательный ум Шефа британской разведки был описан в тонах горячего поклонника руководства спецслужб, а одновременная гибель у Берлинской стены моих обреченных с самого начала влюбленных могла потрафить пристрастиям самых романтически настроенных читателей.

Ну уж на этот раз, подумал я, нужно описать суровую правду жизни. Пусть мне это дорого обойдется, но я покажу, что на самом деле наши спецслужбы далеко не так хороши; что они продолжают держаться во многом за счет той славы, которую справедливо заслужили в годы войны;

что они питаются островными фантазиями столь небольшой в общем-то страны, как Англия; что они изолированы от общества, лишены разумного руководства, слишком ограждены от критики и потому в конечном счете идут к саморазрушению.

Подобное повествование, если мне удастся правильно его построить, станет рассказом не только о самом британском разведывательном сообществе шестидесятых с его внутренними склоками и мелкими предательствами, классовыми различиями и одержимостью не допустить на своих колониальных территориях того, что виделось грубым вмешательством уродливого старшего брата — этого американского гоблина. Оно сможет вобрать в себя портретные черты этой самой «маленькой Англии» времен Суэцкого кризиса; той Англии, которую со смехом рвали на части комики из «Переходя пределы»[21] и революционная, лившаяся из народных глубин музыка «Битлз». Иными словами, я хотел использовать шпионскую историю, чтобы написать roman noir, в котором британские спецслужбы будут изображены в виде своего рода политиче-

[21] Примечания: 21
Телевизионное шоу.

ской сомнамбулы, все еще не пришедшей в себя после великой победы, не уверенной, борется она против русских или немцев, но продолжающей бороться, поскольку прекратить — значит проснуться. А потому «Война в Зазеркалье» призвана была стать намеренным уходом в сторону от героики «Шпиона», чуть ли не пародией на него.

Причем моя ошибка, как я теперь понимаю, состояла не в том, что я слишком далеко ушел по этой опасной дорожке. Сейчас я вижу, что мне вообще не стоило вставлять в подобный сюжет Цирк и Джорджа Смайли. Не было необходимости прислушиваться к рекомендациям моего американского редактора, пусть это и был талантливейший Джек Джогеган. Не следовало сдерживать остроты своих критических выпадов. И лучше всего было бы поместить департамент туда же, где, по моему убеждению, находилась в тот период сама Британия, которая непостижимым образом ухитряется существовать там же по сей день: в тумане самообмана и классового чванства, в наивном убеждении, что «никогда нам еще не жилось так хорошо». Но при этом в окружении предполагаемых внешних врагов — континентальной Европы, русских и почти

всех остальных держав мира, с одной стороны, и в иллюзорной убежденности, с другой, что наш остров сможет вечно жить за счет как колониального наследия, так и подачек богатых американских кузенов.

Но мои британские рецензенты совершенно не поняли шутки. А если поняли, то она не показалась им хотя бы чуточку смешной. Им хотелось «Пасхального шпиона», «Рождественского шпиона», «Новых похождений Алека Лимаса». Они готовы были принять все, кроме плохих и печальных новостей. И сначала книга обрела признание среди людей, которые знают нас извне: в Европе и, что особенно меня порадовало, в Америке, где Джон Кеннет Гэлбрайт написал, как мой роман вызвал у него живые воспоминания о провалившемся вторжении в заливе Свиней. А по отзыву Аллена Даллеса, который лишь незадолго до него покинул пост директора Центрального разведывательного управления, именно так все и обстояло в мире шпионажа. Но в Великобритании, по крайней мере на первых порах, мне пришлось смириться с горьким разочарованием многих читателей и откровенными издевательствами критики. Я был сильно уязвлен, но как-то сумел это пережить. Причем точно так же, к

моему удивлению, выжила и книга, постепенно начавшая приобретать все большую популярность среди моей читательской аудитории.

Конечно, это грустная книга, но, перелистывая ее сейчас, я нахожу в ней и своеобразную прелесть. Писал я ее на острове Крит, куда бежал от излишней шумихи, вызванной публикацией «Шпиона», и в надежде спасти свой брак, которому нанес немалый урон мой первый литературный успех. Тоскуя на уединенном критском мысе, чувствуя себя немного потерянным, я, видимо, поневоле проникся теми же ощущениями несбыточной любви, которые испытывают два моих основных мужских персонажа: Эвери к ставшей для него чужим человеком жене и Лейсер — к миру, которого больше не существовало.

И даже сейчас мне трудно самому судить, насколько хорош или плох роман. Возможно, как заметил Джозеф Конрад об одном из своих героев, он вместил в себя так много, что под этой тяжестью ему трудно удержаться на ногах. Знаю только одно: это честная книга и, быть может, даже смелая. Но важнее всего, что ничего лучше я бы тогда написать не смог.

Часть I
Попытка Тейлора

Здесь покоится дурак, который пытался обжулить Восток.
Киплинг

1

Летное поле покрывал снег. Его принес с севера вместе с туманом ночной ветер, от которого пахло морем. И теперь он останется здесь на всю зиму, покрывая серую землю пятнами ледяной колючей пыли, не оттаивая, но и не смерзаясь окончательно, все время одинаковый, как пейзаж без смены времен года. А сверху будет то зависать, то перемещаться туман, похожий на пороховой пушечный дым, поглощая то ангар, то будку с радаром, то силуэты самолетов, чтобы затем снова открывать их по частям, — этот лишенный цвета темный остров на фоне белой пустыни.

Это была сцена, лишенная глубины, перспективы и даже теней. Земля полностью слилась с небом, фигуры людей и здания застыли на холоде, как предметы, вмерзшие в льдину.

Позади поля аэродрома не было вообще ничего — ни дома, ни холма, ни дороги, ни хотя бы ограды или дерева, только небо, тяжело давившее на дюны, похожее на тот же туман, собравшийся вдоль грязи берега Балтики. Если горы и были, то где-то в глубине материка.

Группа детей в школьных фуражках собралась у длинного обзорного окна, болтая между собой по-немецки. На некоторых были лыжные костюмы. Тейлор с унылым видом смотрел мимо них, держа бокал затянутой в перчатку рукой. Какой-то мальчишка повернулся, уставился на него, покраснел и что-то зашептал остальным школьникам. Те примолкли.

Тейлор посмотрел на часы, описав рукой широкую дугу отчасти для того, чтобы отдернулся край рукава плаща, отчасти потому, что такая была у него манера: в ней ощущался стиль человека военного — известный полк, хороший клуб, опыт боевых действий за плечами.

Без десяти четыре. Самолет задерживался уже на час. Скоро через громкоговорители им придется объявить о причине опоздания. «Интересно, что скажут? — подумал он. — Вероятно, что вылет был отложен из-за тумана». Они скорее всего и не знали, а если знали, то не признались бы в том,

что лайнер на двести миль отклонился от положенного курса и пролетал южнее Ростока. Тейлор покончил с напитком и повернулся, чтобы поставить пустой бокал. Приходилось признать, что некоторые из иностранных спиртных напитков, какие можно было попробовать только в странах, где их производили, оказывались вполне приличными на вкус. Если ты привязан к одному месту и должен скоротать пару часов, а за окном десять градусов мороза, «штайнхегер» придется в самый раз. По возвращении он непременно попросит выписать несколько бутылок для бара «Эйлиес-клуба» — парням он понравится.

Громкоговоритель загудел, издал громкий свист и наконец заработал как следует, когда его настроили. Дети с любопытством уставились на него. Сначала прозвучало объявление по-фински, затем по-шведски и только потом по-английски. Компания «Северные авиалинии» приносила извинения в связи с задержкой прибытия чартерного рейса номер два девять ноль из Дюссельдорфа. И ни слова о причинах, ни намека, надолго ли задерживался самолет. Они наверняка не имели соответствующей информации.

Зато Тейлору было известно все. Интересно, подумал он, что произойдет, если он небрежной

походкой подойдет к этой бойкой маленькой сотруднице аэропорта, сидящей в стеклянной кабинке, и скажет: рейс два девять ноль задержится еще на какое-то время, моя дорогая, потому что самолет сдуло с намеченного курса сильным северным ветром с Балтики, и маршрут, проложенный штурманом, пошел к чертям собачьим. Девушка ему, конечно, не поверит. Решит, что он ненормальный. Но чуть позже поймет свою ошибку. До нее тогда дойдет, что он — не обычный пассажир, личность неординарная.

Стало темнеть. Теперь уже земля казалась светлее неба: взлетно-посадочные полосы выделялись среди снега серыми дамбами, подсвеченными янтарным светом сигнальных огней. В ближайшем к терминалу ангаре неоновые лампы тускло освещали людей и самолеты. Земля под окном неожиданно сверкнула, когда по ней пробежал луч прожектора с диспетчерской башни. Откуда-то из подсобных построек слева выехала пожарная машина и встала рядом с тремя микроавтобусами «Скорой помощи», уже припаркованными приблизительно по центру полосы. Они одновременно включили свои синие проблесковые маячки и, выстроившись в ряд, настойчиво посылали вокруг свои предупре-

ждающие сигналы. Дети тут же заметили это и принялись оживленно обсуждать между собой.

Громкоговорители снова разнесли по залу голос сотрудницы аэропорта, хотя со времени первого объявления прошло всего пять минут. Школьники умолкли и стали слушать. Прибытие рейса два девять ноль откладывается по меньшей мере на час. Более подробной информации пока нет. В тоне девушки слышались едва уловимые нотки удивления и озабоченности, которые, однако, не остались не замеченными небольшой группой людей, располагавшихся в другом конце зала. Пожилая дама что-то сказала мужу, встала, взяв свою сумочку, и присоединилась к группе детей. Какое-то время она лишь бессмысленно вглядывалась сквозь окно в сумрак. Не удовлетворившись этим, она затем повернулась в Тейлору и спросила по-английски:

— Что там такое с самолетом из Дюссельдорфа? — Горловые звуки ее негодующей реплики выдавали уроженку Голландии.

Тейлор помотал головой.

— Возможно, всему виной снегопад, — ответил он отрывисто, как и положено человеку военному.

Толкнув дверь на пружинах, Тейлор спустился

в холл первого этажа. Рядом с основным входом ему бросилась в глаза вывеска с эмблемой «Северных авиалиний». За стойкой сидела очень симпатичная девушка.

— В чем проблема с рейсом из Дюссельдорфа?

У него была доверительная манера общения; по мнению многих коллег, он умел найти подход к молодым женщинам. Девушка улыбнулась и пожала плечами.

— Думаю, все дело в снегопаде. Осенью у нас из-за этого часто случаются задержки рейсов.

— Почему бы вам не связаться с начальством? — Он кивнул на стоявший перед ней телефон.

— Они сами передадут всю нужную информацию по системе оповещения, как только что-то станет известно, — сказала она.

— Кто у них шкипер, милая?

— Извините, не поняла?

— Кто у штурвала? Как зовут командира корабля?

— Капитан Лансен.

— Он хороший пилот?

Девушку его вопрос даже как будто шокировал.

— Капитан Лансен — очень опытный летчик.

Тейлор оглядел ее, усмехнулся и сказал:

— По крайней мере он уж точно везучий летчик, милая.

Да, считалось, что старина Тейлор знает, как общаться с девчонками. По пятницам в «Эйлиесе» ему частенько раздавали комплименты по этому поводу.

Лансен. Странно было слышать эту фамилию, произнесенную случайным человеком. В их конторе такого не могли себе позволить. Там использовались описания, кодовые имена, клички — все, что угодно, кроме настоящей фамилии. «Этот паренек Арчи; наш летающий друг; наш приятель с севера; любитель фотографии». Они даже пускали в ход трудные для запоминания буквы и цифры, которыми человек обозначался в разного рода бумагах, но подлинное имя никогда и ни при каких обстоятельствах не могло прозвучать.

Лансен. В Лондоне Леклерк показал ему снимок: тридцатипятилетний, моложавый мужчина, светловолосый, привлекательный. Наверняка все здешние красотки без ума от него. Впрочем, для чего вообще существуют стюардессы, если не для того, чтобы ублажать пилотов? Никто другой в этот мирок не допускался. Тейлор быстро провел рукой по пальто и на ощупь убедился, что конверт

по-прежнему лежал во внутреннем кармане. Ему никогда прежде не приходилось иметь при себе такой крупной суммы. Пять тысяч долларов всего за один полет. Тысяча семьсот фунтов без всяких там налогов за то, чтобы сбиться с курса в районе Балтики. Но следовало иметь в виду, что Лансен, конечно же, не проделывал таких трюков каждый день. Это был особый случай, как подчеркнул Леклерк. Занятно было бы перегнуться сейчас через стойку, сказать этой киске, кто он такой на самом деле, и продемонстрировать пачку купюр в конверте. У него, если честно, никогда не было девчонки такого высокого класса — красивой, юной, длинноногой.

Он снова поднялся наверх в бар. Бармен уже начал узнавать его. Тейлор указал на бутылку «штайнхегера» в центре полки и попросил:

— Плесните-ка мне еще стаканчик, если не трудно. Да, да, из той бутылочки, что прямо у вас за спиной. С вашей местной отравой.

— Вообще-то она немецкая, — уточнил бармен.

Тейлор открыл бумажник и вынул банкноту. Под целлофаном одного из отделений была видна фотография девочки примерно лет девяти с куклой в руках.

— Моя дочка, — объяснил он бармену, и тот

ответил дежурной улыбкой.

Его голос менялся в зависимости от обстоятельств, как это бывает у коммивояжеров. Он начинал несколько преувеличенно растягивать слова, когда общался с людьми привычного круга, или, напротив, желал подчеркнуть свое отличие, обычно мнимое, или когда, как сейчас, ощущал нервозность.

А приходилось признать: нервишки у него пошаливали. Он оказался в неуютной и странной ситуации для человека своего возраста и положения: ему, обычному курьеру министерства обороны, поручили оперативное задание. Это была работа для дрессированных свиней из Цирка, а вовсе не для его департамента. Совершенно непривычная миссия, нисколько не похожая на повседневные дела, которыми он занимался. И к тому же где-то у черта на рогах. Как кому-то вообще взбрело в голову построить аэропорт в таком месте? Уму непостижимо. Как правило, ему нравилось бывать за границей. К примеру, когда он навещал старину Джимми Гортона в Гамбурге. Или тот вечер, проведенный в Мадриде. Ему было полезно иногда отдыхать от Джоани. Пару раз он с удовольствием даже смотался в Турцию, хотя не слишком доверял тамошним смуглым рожам.

Но все это были легкие прогулки в сравнении с нынешней командировкой. Он привык летать первым классом с сумками на пустом соседнем сиденье, с удостоверением офицера НАТО — высочайший статус! Почти дипломат, ничего не скажешь. Но сейчас все обстояло по-другому и потому активно ему не нравилось.

Впрочем, Леклерк сказал, что это очень важно, а Тейлор никогда не сомневался в его словах. Ему выдали паспорт на чужую фамилию. Пишется Малерби, но читается Маллаби, объяснил сотрудник. Одному богу известно, кто это придумал. Тейлор никак не мог запомнить фамилию по буквам и чуть не наделал ошибок, когда регистрировался этим утром в отеле. Зато командировочные были фантастическими: пятнадцать монет в день на расходы, и никаких квитанций. Правда, он слышал, что в Цирке выделяли семнадцать. Но его устраивали и эти деньги. Можно было хорошо провести время и даже купить подарок Джоани. Хотя она, как всегда, предпочтет получить наличные.

Он, конечно, ей обо всем рассказал. Делать это запрещалось, но Леклерк не был с ней даже знаком. Прикурив, он сделал затяжку и спрятал сигарету внутри ладони, как делают часовые,

когда курят на посту. А чего они хотели? Чтобы он отправился в какую-то там Скандинавию, даже не предупредив жену?

Ему стало интересно, зачем приехали сюда эти детишки, которые практически не отлипали от окна. Удивительно, как легко болтали они на иностранном языке! Он снова посмотрел на часы, но почти не обратил внимания на стрелки, мимолетным движением проверив конверт в кармане. С выпивкой лучше заканчивать: ему необходима ясность мыслей. «Что сейчас поделывает Джоани?» — подумал он. Наверное, тоже присела со стаканом джина или чего-то еще. Жаль, ей теперь приходится работать целыми днями.

Внезапно он понял, что воцарилась полная тишина. Даже бармен замер на месте, вслушиваясь. Старики за столиком тоже напрягали слух, повернув головы в сторону большого окна. А потом и он сам отчетливо различил звук моторов самолета, все еще очень далекий, но приближавшийся к аэродрому. Бросился к окну и был уже на полпути к нему, когда ожили громкоговорители. После первых же слов по-немецки дети всполошились, как стайка голубей, и кинулись к лестнице, ведущей на первый этаж. Компания, сидевшая за столом, тоже поднялась, женщины принялись

натягивать перчатки, мужчины надевали пальто и брались за ручки своих портфелей. Наконец прозвучало объявление по-английски. Лансен заходил на посадку.

Тейлор смотрел сквозь оконное стекло в темноту. Никаких признаков приближавшегося самолета видно не было. Он ждал с нараставшим беспокойством. «Это похоже на конец света, — думал он, — конец всего треклятого света — вот что там происходит. Вдруг Лансен потерпит аварию? Что, если они найдут фотоаппарат?» Как же ему хотелось, чтобы его задание выполнял сейчас кто-нибудь другой! Тот же Вудфорд. Почему они не послали Вудфорда? Или этого умника Эвери с его дипломом колледжа? Ветер заметно усилился — он мог поклясться, что усилился. Это было видно по тому, как его порывы сдували снег, занося им посадочную полосу, как раскачивались осветительные мачты. Дальше у горизонта ветер взвихривал целые снежные столбы, чтобы потом с яростью их развеять, словно он сам ненавидел созданное им же. Совершенно внезапно в стекло швырнуло целую охапку заледенелых снежинок, и Тейлор невольно отпрянул. Они застучали мелкой дробью, даже деревянная рама дрогнула. Тейлор снова посмотрел на часы. Это стало пре-

вращаться в привычку, как будто знание точного времени могло хоть как-то помочь.

Лансену ни за что не посадить самолет в таких условиях. Нет ни одного шанса.

У него замерло сердце. Сначала тихо, а потом сразу во всю мощь зазвучали клаксоны и сирены всех четырех машин одновременно, наполнив это адское летное поле завыванием голодных хищных зверей. Пожар… Видимо, на борту вспыхнул пожар. Но он все равно попытается посадить горящий самолет… Тейлор повернул голову, ища хоть у кого-то ответов на свои вопросы.

Рядом с ним стоял бармен, протирая насухо бокал и тоже глядя в окно.

— Что происходит?! — буквально выкрикнул Тейлор. — Почему включили сирены?

— В плохую погоду их всегда включают, — ответил бармен. — Так положено по инструкции.

— Но почему ему разрешили посадку? — недоумевал Тейлор. — Они могли направить его дальше на юг, верно? Этот аэропорт слишком мал. Такому лайнеру нужно больше места.

Но бармен лишь спокойно покачал головой.

— Все не так уж и скверно, — сказал он, указывая на полосу. — И кроме того, он сильно задержался. Вероятно, у него кончается топливо.

Затем они увидели самолет на краю полосы, его мерцавшие среди снегопада иллюминаторы, лучи его прожекторов, бившие далеко вперед. Он приземлился, вполне благополучно сел, и до них донесся рев двигателей, когда лайнер начал подруливать к подготовленной для него стоянке.

Бар опустел. Тейлор остался единственным клиентом и заказал еще порцию джина. Действовал он строго по предписанию. «Никуда не уходи из бара, — так проинструктировал его Леклерк. — Лансен найдет тебя там. Ему понадобится некоторое время, чтобы оформить полетные формальности и забрать фотокамеру». Тейлор услышал, как внизу школьники запели хором — женский голос доминировал. Какого хрена ему приходится постоянно находиться в окружении детей и баб? Он ведь делал важную мужскую работу, не так ли? В кармане лежали пять тысяч долларов и фальшивый паспорт.

— Сегодня полетов больше не будет, — сообщил бармен. — Они уже закрыли все аэропорты.

Тейлор кивнул.

— И правильно сделали. Там какой-то ужас творится. Просто кошмар.

Бармен неспешно убирал с полок бутылки.

— Никакой опасности не было, — сказал он,

словно утешая своего гостя. — Капитан Лансен — очень хороший летчик. — Он замер в нерешительности, не зная, пора ли убирать в шкаф бутылку с «штайнхегером».

— Конечно же, никакой опасности не было, — огрызнулся Тейлор. — А кто здесь говорил о какой-то опасности?

— Выпьете еще? — спросил бармен.

— Нет, но вы налейте себе. Рюмочку за мой счет.

Без особой охоты бармен налил себе джина, а потом запер бутылку в шкаф.

— И все равно поражаешься, как это у них выходит, верно? — заметил Тейлор примирительно, налаживая отношения с барменом. — Ведь в такую погоду они ничего не видят, ровным счетом ни черта не видят. — Он улыбнулся, изображая из себя знатока. — Сидят в кабине и могут с таким же успехом делать все с закрытыми глазами. Я сам однажды наблюдал такое, — добавил Тейлор, вытянув руки перед собой, словно держась за штурвал самолета. — Поверьте, я знаю, о чем говорю… И они погибают первыми, если что-то случается. — Он помотал головой. — Да, надо отдать им должное. Они зарабатывают каждое пенни своего жалованья. Особенно на «птичках»

такого размера. Порой ведь все висит буквально на волоске.

Бармен неопределенно кивнул, допил джин, сполоснул рюмку, вытер ее и поставил на полку под стойкой. Потом расстегнул пуговицы на форменном жилете.

Тейлор не двигался.

— Ну вот, — сказал бармен с довольной улыбкой, — а сейчас нам пора по домам.

— Что значит — нам? — спросил Тейлор, округлив глаза и откинув голову чуть назад. — О чем это вы?

Теперь он мог дать волю своему темпераменту: Лансен посадил самолет.

— Мне нужно закрывать бар.

— Тоже скажете, идти домой! Бросьте, налейте мне еще выпить. Сами можете отправляться домой, если вам угодно. А мой дом, так уж получилось, находится в Лондоне. — Он говорил теперь с вызовом, вроде бы и шутя, но с колкой насмешкой. — А поскольку ваши авиакомпании не могут доставить меня ни в Лондон, ни в какое-нибудь другое достойное место до завтра, довольно глупо советовать мне идти домой, не так ли, старина? — Он все еще улыбался, но это была злая улыбка нервного человека, теряющего

терпение. — И имейте в виду, приятель, когда в следующий раз захотите выпить за мой счет, вам придется…

Дверь открылась, и вошел Лансен.

* * *

Все должно было произойти совершенно иначе. По крайней мере не так описывал ему эту встречу Леклерк. Оставайся в баре, говорил он. Сядь в углу, закажи выпить. Свободный стул займи пальто и шляпой, словно ждешь кого-то. После приземления Лансен всегда заходит пропустить кружку пива. Ему нравится посидеть среди обычных пассажиров, это в его стиле. Вокруг будут другие люди. Это небольшой городок, говорил Леклерк, но аэропорт никогда не пустует. Он осмотрится в баре, ища, куда бы присесть, а потом совершенно открыто, без экивоков подойдет и спросит тебя, все ли стулья заняты. Ты ответишь, что держал место для приятеля, но тот так и не появился. Он закажет пива, а потом задаст вопрос, кого ты ждал: приятеля или приятельницу? Ты скажешь ему, что это не слишком деликатный вопрос. Вы посмеетесь, а потом начнете серьезный разговор. Не забудь выяснить у него высоту и скорость. Аналитическому отделу могут понадобиться све-

дения о высоте и скорости полета. Деньги держи в пальто. Он повесит плащ рядом и незаметно заберет конверт, а пленку бросит тебе в карман. Допьешь свой стакан, пожмешь руку, и большой привет. Утром вылетишь домой. В устах Леклерка все звучало предельно просто.

Через пустой зал Лансен направился прямо к нему — высокий и сильный мужчина в синем макинтоше и фуражке. Он бегло бросил взгляд на Тейлора, а потом обратился поверх его головы к бармену:

— Йенс, дай мне пива.

Повернулся к Тейлору:

— А вы что пьете?

Тейлор натянуто улыбнулся:

— Ваш местный джин.

— Налей и ему, чего он хочет. Двойную порцию.

Бармен быстро застегнул жилет, отпер шкаф и подал почти полный стакан «штайнхегера». Для Лансена он достал из холодильника и откупорил бутылку пива.

— Вы от Леклерка? — кратко поинтересовался Лансен так громко, что его было слышно во всему баре.

— Да, — ответил Тейлор чуть тише и после

заметного замешательства. — Я из лондонской фирмы «Леклерк и компания».

Лансен взял пиво и пошел с ним к ближайшему столику. У него дрожала рука. Оба сели.

— Тогда скажите, какой идиот дал мне подобное задание и инструкции? — спросил он грубо.

— Я не знаю. — Тейлор был откровенно поражен. — Мне неизвестно даже, какие инструкции были вами получены. Здесь нет моей вины. Меня прислали только забрать пленки, и все. Но даже это не моя обычная работа. Я не занимаюсь секретными делами. По профессии я — обычный курьер.

Лансен наклонился вперед, положив ладонь поверх руки Тейлора. Его заметно трясло.

— Я тоже не занимался ничем секретным. До сегодняшнего дня. У меня в самолете были дети. Двадцать пять немецких школьников, летевших сюда на зимние каникулы. Считай, половина самолета ребятишек.

— Да, — выдавил улыбку Тейлор, — я догадался. Их тут встречала целая делегация.

Лансен не мог сдержать эмоций.

— Что именно они искали? Вот вопрос, на который я хотел бы получить ответ. Что такого интересного может быть в Ростоке?

— Говорю же вам: я не имею к этому никакого отношения. — Но потом невпопад добавил: — Леклерк сказал, что это не в Ростоке, а в районе южнее города.

— В треугольнике южнее: Калькштадт — Лангдорн — Волькен. Не надо мне рассказывать о районе.

Тейлор с беспокойством посмотрел на бармена.

— Думаю, нам не следует говорить так громко, — сказал он. — Этот парень не слишком приветлив. — Он отпил глоток «штайнхегера».

Лансен сделал неожиданный жест, словно пытаясь отмахнуться от чего-то, мелькавшего перед лицом.

— Все кончено, — сказал он. — Я больше не хочу в этом участвовать. Конец. Все шло хорошо, пока я должен был лишь держаться курса и фотографировать все подряд. Но это уже слишком, понимаете? Вся треклятая идея — сплошной перебор и сумасшествие. — Он говорил по-английски правильно, но с таким сильным акцентом, словно страдал дефектом речи.

— Вы сделали снимки? — спросил Тейлор. Ему нужно было забрать пленку и уходить.

Лансен пожал плечами, сунул руку в карман

плаща и, к ужасу Тейлора, подал ему через стол тридцатипятимиллиметровую цинковую кассету.

— Так что там такое? — снова спросил Лансен. — Что им понадобилось искать в таком месте? Я опустился ниже облаков, облетел весь район, но не заметил никаких атомных бомб.

— Нечто очень важное. Это все, что мне объяснили. Нечто крупное. У них не было другого выхода, и вы должны это понять. Никакие другие полеты над тем районом невозможны. — Тейлор повторял то, что слышал от кого-то другого. — Это мог быть только официальный лайнер известной авиакомпании. И никак иначе. Без вариантов.

— Но послушайте. Меня засекли, стоило мне лишь приблизиться к тем местам. Два МиГа. Откуда они взялись так быстро? Вот что я хочу понять. Как только я их заметил, снова нырнул в облака, но они последовали за мной. Я подал сигнал, запрашивая координаты. Когда мы поднялись над облачным слоем, они все еще сидели у меня на хвосте. Я подумал, что они прижмут меня к земле и прикажут совершить посадку. Сделал попытку автоматически сбросить фотоаппарат, но его заело. Дети облепили иллюминаторы, махали руками пилотам МиГов. Они шли параллельным

курсом еще какое-то время, а потом отвалили в сторону. Но мы летели на минимальной дистанции друг от друга. Все это было чудовищно опасно, особенно с ребятишками на борту. — К пиву он даже не прикоснулся. — Какого лешего им было нужно? — спросил он. — И почему они не вынудили меня сесть?

— Повторяю: я здесь совершенно ни при чем. Это не моя обычная работа. Но что бы ни разыскивали в Лондоне, они наверняка хорошо знают свое дело. — Он уговаривал сейчас в большей степени самого себя; ему необходимо было верить Лондону. — Они не растрачивают время попусту. У них действительно есть там какая-то цель.

Он убежденно хмурил брови, но Лансен, казалось, ничего не слышал и не замечал.

— И они никогда не идут на излишний риск, — добавил Тейлор. — Вы отлично справились с работой, Лансен. Каждому из нас необходимо вносить посильный вклад… И порой рисковать. Нам всем. И мне тоже досталось во время войны, знаете ли. Хотя вы, конечно, слишком молоды, чтобы помнить военное время. Но это такая же работа, мы продолжаем сражаться за общее дело. — Внезапно он вспомнил о двух вопросах. — На какой высоте вы находились, когда

производили съемку?

— На разной. Над Калькштадтом мы снизились до шести тысяч футов.

— Да, Калькштадт интересовал их больше всего, — с пониманием кивнул Тейлор. — Это просто высший класс, Лансен, высший класс. А какова была скорость?

— Двести… Двести сорок. Что-то в этом роде. Но там ничего не было, говорю же вам, ничего.

Он прикурил сигарету.

— Теперь мы с этим покончили, — повторил Лансен. — Какой бы важной ни была цель.

Он поднялся. Тейлор встал тоже и запустил правую руку в карман пальто. Внезапно в горле у него пересохло. Деньги! Где же деньги?

— Поищите в другом кармане, — дал совет Лансен.

Тейлор подал ему конверт.

— У вас будут неприятности из-за случившегося? Я имею в виду МиГи?

Лансен пожал плечами:

— Сомневаюсь. Прежде я не делал ничего подобного. Один раз они мне еще поверят, спишут все на плохие погодные условия. Я сильно отклонился от курса, но это могло быть ошибкой наземных служб. Неверные данные.

— А что ваш штурман? И вообще экипаж? Что думают они?

— Это мои проблемы, — угрюмо ответил Лансен. — Просто передайте в Лондоне, что все кончено.

Тейлор посмотрел на него сочувственно.

— Вы просто перенервничали, — сказал он. — Пережили слишком большое напряжение.

— Идите к дьяволу, — тихо отозвался Лансен. — Чтобы вам всем гореть в аду.

Он отвернулся, положил на стойку монету и вышел из бара, на ходу небрежно запихивая в карман плаща длинный пухлый конверт с деньгами.

Несколько секунд спустя Тейлор последовал за ним. Бармен смотрел ему в спину, когда он толкнул дверь и стал спускаться по лестнице. «Неприятный тип», — подумал бармен. Впрочем, ему никогда не нравились англичане.

Поначалу Тейлор решил не брать такси до гостиницы. Он вполне мог прогуляться десять минут пешком и сэкономить на транспортных расходах. Девушка за стойкой авиакомпании кивнула ему на прощание, когда он проходил мимо к главному выходу из здания аэровокзала. Холл первого этажа был отделан тиковым деревом,

от пола тянуло теплом. Тейлор вышел наружу. И тут же холод ударом меча вспорол его одежду. Каким-то парализующим ядом он расплылся по мгновенно онемевшему лицу, нащупывая путь за воротник — к шее и плечам. Сразу же изменив решение, Тейлор поспешно огляделся в поисках такси. К тому же он был пьян. Понимание пришло внезапно: как ни странно, на свежем воздухе его развезло. Стоянка оказалась пуста. Ярдах в пятидесяти выше по дороге был припаркован старенький «ситроен» с работающим мотором. Этого счастливчика грела печка, завистливо подумал Тейлор и поспешил вернуться через пружинящие двери внутрь.

— Мне нужно такси, — сказал он девушке. — Не знаете, как мне найти машину?

Оставалось только молить бога, чтобы он нормально выглядел. Это же надо было столько выпить! Не следовало принимать тот последний стакан, который заказал для него Лансен.

Она покачала головой.

— Все такси заняты на развозе детей. Пришлось посадить по шесть ребят в каждую машину, — сказала она. — А полетов сегодня больше не будет. У нас вообще зимой такси очень мало. Это ведь совсем небольшой аэропорт.

— А что там за старая машина на дороге? Быть может, такси? — у него слегка заплетался язык.

Девушка подошла к двери и выглянула на улицу. У нее была потрясающая походка — совершенно естественная, но в то же время соблазнительная.

— Я что-то не вижу никакой машины, — сказала она.

Тейлор посмотрел ей через плечо.

— Там был старый «ситроен». Еще фары горели. Но наверное, уже уехал. Я просто поинтересовался.

«Допился, — подумал он, — машина проехала мимо, а я даже не слышал шума двигателя».

— У нас все такси марки «вольво», — сказала дежурная. — Может, одно и вернется, когда доставит детей. Почему бы вам не пойти и не выпить чего-нибудь?

— Бар закрыт, — усмехнулся Тейлор. — И бармен уехал домой.

— Вы остановились в отеле при аэропорте?

— Да, в «Регине». И мне нужно как можно скорее вернуться. — Говорить стало заметно легче. — Мне должны позвонить из Лондона.

Она с сомнением посмотрела на его пальтецо. Материал водоотталкивающий, но на подкладке,

как говорят, из «рыбьего меха».

— Вы могли бы добраться до отеля пешком, — предложила она. — Это всего десять минут по шоссе. А ваш багаж мы сможем прислать позже.

Тейлор все тем же жестом посмотрел на часы.

— Багаж уже в отеле. Я прилетел сегодня рано утром.

У него было сморщенное, вечно озабоченное лицо, почти как у комика из мюзик-холла, только с вечно грустным выражением. Лицо, на котором глаза казались бледнее своего окружения, а между ртом и крыльями носа пролегли глубокие морщины. Вероятно, осознавая это, Тейлор отпустил самые банальные усики, казавшиеся царапиной на фотографии, но они не только не скрывали дефектов внешности, а лишь подчеркивали их. В результате его облик вызывал недоверие, но не потому, что казался мошенническим, а как раз из-за неуклюжих попыток ввести в заблуждение, которые никого не обманывали. Кроме того, он скопировал с какого-то давно забытого оригинала странные движения тела. Например, многих раздражала его манера неожиданно по-солдатски выгибать спину, как в парадном строю, словно другая поза ему не подобала. А иной раз он начинал трясти локтями

и коленями, в чем было нечто карикатурно-лошадиное. Достоинства же ему добавляла только болезненная твердость, с которой он держал свое маленькое тело, как человек, все время преодолевающий сопротивление сильного ветра.

— Быстрым шагом вы доберетесь туда меньше чем за десять минут, — пояснила дежурная.

Тейлор ненавидел ожидание. Он вбил себе в голову, что ждать могут только люди бесхарактерные. Ему не нравилось, когда посторонние видели, как он чего-то дожидается. А потому он недовольно сжал губы, покачал головой и, не слишком ласково попрощавшись с девушкой, снова шагнул в морозную темноту.

Никогда прежде Тейлор не видел такого неба. Казавшееся необъятным, оно дугой изгибалось к горизонту, проходившему среди заснеженных полей, и лишь местами его равномерную черноту нарушали белесые полоски замерзшего тумана, к которым лепились редкие звезды и словно обведенная двойным контуром ущербная луна. Тейлору все это внушило робость, какую внушает человеку сухопутному морской простор. Он ускорил свои не вполне уверенные шаги, чуть пошатываясь из стороны в сторону.

Он двигался в сторону гостиницы уже минут

пять, когда его догнала машина. Тротуара для пешеходов предусмотрено не было. Сначала он заметил свет фар, потому что звук мотора заглушал лежавший вокруг снег, но, и увидев светлую полосу впереди себя, не сразу понял, откуда она взялась. Свет сначала по скошенной линии бил в сторону поля, и он решил, что это, должно быть, один из прожекторов аэропорта. Но затем ему бросилось в глаза, как его собственная тень на дороге укоротилась, а свечение сделалось заметно ярче, и он понял, что это может быть только автомобиль. Он шел по правой стороне, неловко переставляя ноги по смерзшемуся гравию, который устилал обочину. Обратив внимание на желтоватый оттенок света, он догадался, что на фарах стояли специальные фильтры, как принято во Франции. Это маленькое умозаключение даже порадовало его, показывая, что мозги все-таки постепенно прояснялись.

Он шел не оглядываясь, потому что был в известной степени человеком стеснительным и не хотел своим видом показать, что напрашивается в попутчики. Но потом с некоторым опозданием его посетила мысль, что в континентальной Европе везде принято правостороннее движение, а в таком случае, строго говоря, он нарушал прави-

ла, предписывавшие пешеходам идти навстречу транспортному потоку, и, вероятно, ему следовало пересечь шоссе.

Машина ударила его сзади, переломив позвоночник. Всего лишь на один ужасный момент Тейлор являл собой классическую позу отчаяния, когда его голову и плечи резко швырнуло вперед, а руки с растопыренными пальцами он вытянул перед собой. При ударе он не издал ни стона, ни крика. Словно и его тело, и душа оказались настолько поражены этой внезапной болью, что передать ее не смог бы ни один звук, на который способно еще живое человеческое тело. Вполне вероятно, водитель даже не заметил, что натворил, — до такой степени мягким оказалось столкновение бампера с плотью. Его можно было принять, наверное, за наезд на случайно скопившийся на обочине сугроб.

Машина протащила тело пару ярдов, а потом отбросила в сторону, оставив безжизненную фигуру на краю пустынной дороги. Шляпа упала рядом, но порыв ветра тут же подхватил ее и повлек по снегу в поле. Из кармана пальто, полы которого тоже трепетали на ветру, мягко выкатилась цинковая кассета, попала в небольшую ложбинку у края шоссе и задержалась в ней на се-

кунду, прежде чем скатиться дальше по склону.

Часть II
Попытка Эвери

Есть вопросы, которые никто не имеет права задавать ни одному белому человеку.

Джон Бакан. Мистер Стэндфаст

2

Прелюдия

Было три часа утра.

Эвери положил трубку телефона, разбудил Сэру и сказал:

— Тейлор погиб.

Ему, разумеется, не следовало сообщать ей об этом.

— Кто такой Тейлор?

«Зануда», — подумал он. И вообще он помнил его достаточно смутно. Жуткий английский педант, прямой, как пирс в Брайтоне.

— Наш коллега из общей курьерской службы, — ответил он. — Работал там со времен войны. Надежный сотрудник.

— Ты обо всех говоришь одно и то же. Хороший товарищ, надежный сотрудник. Как же он погиб? Почему? — Она села в постели.

— Леклерк как раз ждет доклада. — Ему не нравилось одеваться у нее на глазах.

— И он хочет, чтобы ты помог ему ждать?

— Он хочет, чтобы я приехал в контору. Я ему нужен. Ты же не думаешь, что я сейчас вернусь в кровать и снова засну, верно?

— Мне уж и спросить нельзя? — обиделась Сэра. — Ты всегда так услужлив с Леклерком.

— Тейлор был нашим ветераном. Леклерк очень обеспокоен. — У него в ушах до сих пор стоял возбужденный и чуть ли не радостный голос Леклерка: «Приезжай немедленно. Возьми такси. Мы заново просмотрим все досье».

— И часто это у вас случается? Я имею в виду, когда люди гибнут. — В ее тоне звучали нотки недовольства, словно ей никто и никогда ни о чем не рассказывал, как будто ей одной смерть Тейлора представлялась чем-то страшным.

— Вот только ты помалкивай. Никому ни слова, — предупредил ее Эвери. Это был проверенный способ избежать дальнейших расспросов. — И даже не заикайся, что мне пришлось уехать из дома посреди ночи. Тейлор совершал поездку

под чужим именем, — добавил он. — Кому-то придется поставить в известность его жену.

Он искал свои очки.

Она тоже встала и надела халат.

— Ради бога, оставь эти свои ковбойские замашки. Если каждая секретарша знает, почему не может знать жена? Или им сообщают, только если их мужья погибают? — Сэра подошла к двери.

Она была среднего роста, с длинными волосами, что не совсем подходило к форме ее лица. Сейчас на нем читались тревога и нараставшее напряжение, словно она предвидела, что будущее не сулит ничего хорошего. Они познакомились в Оксфорде, где она училась гораздо лучше и получила более перспективный диплом. Но постепенно замужняя жизнь выработала в ней детские черты характера, она попала в зависимость от него и приняла ее, но порой напоминала, что пожертвовала ради мужа чем-то очень ценным и могла в любой момент потребовать компенсации. Их сын стал для нее не столько источником радости и ожиданий, сколько оправданием зависимости, стеной от внешнего мира, а не способом связи с ним.

— Куда это ты? — спросил Эвери.

Она частенько намеренно делала что-то, до-

саждавшее ему. Могла, например, порвать свой билет на концерт, куда они собирались вместе.

— Ты, вероятно, забыл, что у нас есть малыш? — сказала она.

Только сейчас он услышал, как Энтони плачет. Должно быть, громким разговором они разбудили его.

— Я позвоню из офиса. — Он направился к выходу. От двери детской она обернулась, и Эвери понял, о чем она думает: они даже не поцеловались.

— Тебе не нужно было уходить из издательства, — сказала она.

— Та моя работа тебе тоже не нравилась.

— Почему не прислали машину? — спросила она. — Ты говорил, что у них много машин.

— Она ждет за углом.

— Почему, ради всего святого?

— Правила конспирации, — ответил он.

— От кого ты прячешься?

— У тебя есть деньги? У меня кончились.

— К чему тебе деньги?

— Просто чтобы были! Я не могу выходить из дома без пенса в кармане.

Она порылась в сумочке и дала ему десять шиллингов. Быстро закрыв за собой дверь, он спу-

стился по ступенькам на Принс-оф-Уэльс-драйв.

Когда он проходил мимо окна первого этажа, ему не потребовалось даже поворачивать голову, чтобы узнать: из-за шторы за ним наблюдает миссис Йетс, днем и ночью следившая за всеми, кто жил на улице, неизменно держа на руках кошку, чтобы согреться.

А холод пробирал основательно. От реки через парк дул пронизывающий ветер. Он осмотрел улицу в обоих направлениях. Она была пустынна. Ему следовало позвонить в таксомоторный парк в Клэпэме, но уж слишком хотелось побыстрее убраться из дома. Кроме того, он же сказал Сэре, что за углом дожидается машина. Он прошел сотню ярдов в сторону электростанции, но передумал и вернулся. Хотелось спать. У него оставалась странная иллюзия, что даже на улице он все еще слышит, как звонит телефон. Он знал, что одна машина такси почти круглые сутки дежурит рядом с мостом Альберта; лучше всего было направиться туда. А потому ему снова пришлось пройти мимо своего дома в квартале Мэншнз. Он взглянул на окно детской, и, конечно же, из него смотрела Сэра. Она, вероятно, волновалась, прислали ли машину. На руках она держала Энтони, и Эвери догадывался, что

она плачет, ведь он так и не поцеловал ее. Ему потребовалось полчаса, чтобы поймать такси до Блэкфрайарз-роуд.

Эвери смотрел на мелькавшие за окном уличные фонари. Он был молод и принадлежал к числу тех современных англичан неопределенного классового происхождения, которые получали дипломы историков искусства, но затем обнаруживали, что они не дают достаточных средств к существованию. Высокорослый, с виду типичный интеллигент со спокойными глазами за стеклами очков, он отличался сдержанной и скромной манерой держаться в тени, которая особенно нравилась старшим. Движение такси убаюкивало, как покачивание коляски успокаивает плачущее дитя.

Машина миновала Сент-Джордж-серкус, потом клинику глазных болезней и оказалась в начале Блэкфрайарз-роуд. Нужный дом возник перед ним и остался позади, потому что он попросил шофера остановиться на следующем перекрестке, — Леклерк настойчиво рекомендовал соблюдать осторожность.

— Да, я выйду на углу, — сказал он. — Здесь будет в самый раз.

Департамент располагался в унылой с виду

вилле с потемневшими от сажи стенами, на балконе которой стоял огнетушитель. Казалось, что это один из тех домов, которые вечно выставлены на продажу. Никто не в состоянии был понять, зачем министерству понадобилось возводить вокруг него стену, — возможно, как это делают на кладбищах, чтобы защитить могилы от взглядов праздных прохожих; или же, наоборот, для защиты людей от взглядов мертвецов. Но уж точно не ради сада, где не росло ничего, кроме травы, да и та пробивалась пучками, как облезшая шкура старого бродячего пса. Парадная дверь была окрашена темно-зеленой краской; но ее никогда не открывали. Иногда днем совершенно одинаковые с виду фургоны без всякой маркировки въезжали по неровной дорожке на территорию, но цель их приезда оставалась неизвестной, поскольку все происходило на заднем дворе. Соседи, если упоминали об этом доме вообще, называли его «министерским», что было не совсем верно. Департамент представлял собой отдельную административную единицу, хотя формально и подчинялся министерству[22]. Над зданием витал тот неизменный дух легкой

[22] Примечания: 22
Имеется в виду министерство обороны Великобритании.

казенной запущенности, который характеризует правительственные учреждения по всему миру. Для тех, кто работал в нем, его тайна была подобна таинству материнства, а секрет выживания уподоблялся загадке выживания самой Англии как государства. Оно укрывало их в себе, прятало от посторонних глаз и — милый анахронизм — казалось чем-то вроде кормилицы.

Эвери помнил его в те дни, когда туман густо лепился к оштукатуренным стенам, и летом, когда солнце ненадолго проникало в его кабинет сквозь тюль, но не особенно согревало. А зимним утром его фасад порой чернел от дождя, и в свете уличных фонарей капли воды блестели на мрачных темных стеклах. Но каким бы он ни рисовал этот дом в своем воображении, для него он не был просто местом работы. Здесь он жил.

Он прошел по дорожке на задний двор, позвонил и дождался, когда Пайн открыл ему. В окне Леклерка горел свет.

Он показал Пайну пропуск. Вероятно, ритуал напомнил обоим военное время, которое Эвери знал больше по чужим и весьма занимательным рассказам, а Пайн испытал на собственной шкуре.

— Красивая нынче луна на небе, сэр, — заметил

Пайн.

— Да, красивая. — Эвери вошел внутрь. Пайн задержался, чтобы запереть замок.

— А я помню, как парни на фронте проклинали такие лунные ночи.

— И было за что, — рассмеялся Эвери.

— Слышали о результате матча в Мельбурне, сэр? Брэдли высадили после трех подач.

— Вот беда, — вежливо отреагировал Эвери. Крикет его никогда не интересовал.

На потолке в холле висела лампа под синим стеклом, напоминая ночное освещение больничных помещений. Эвери поднялся по лестнице. Ему было холодно и неуютно. Где-то прозвенел звонок. Странно, но Сэра во сне никогда не слышала звонков их телефона.

Леклерк ждал его.

— Нам нужен человек, — сказал он сразу, причем слова его прозвучали так, словно он только что очнулся.

Свет настольной лампы был направлен на папку, которая лежала перед ним на столе.

Леклерк — невысокий, чуть полноватый, с неброской внешностью, чисто выбритый и холеный — носил короткие жесткие воротнички, а галстуки предпочитал одноцветные, полагая,

вероятно, что лучше чуть отставать от моды, чем не следовать ей совсем. Глаза у него были темные и подвижные, он часто улыбался, когда разговаривал, но улыбки эти, как правило, ничего не означали. На рукавах всех его пиджаков имелись отвороты, куда он по привычке засовывал носовые платки. По пятницам он надевал замшевые ботинки, которые сообщали всем, что он отправляется за город. Где он жил, казалось, не знал никто. В его кабинете всегда царил полумрак.

— Больше полетов организовать мы не сможем. Этот был последний. В министерстве категорически против. Нам придется заслать туда своего человека. Я перебрал свою картотеку, Джон. Есть некто по фамилии Лейсер, поляк. Он справится.

— Что случилось с Тейлором? Кто убил его?

Эвери вернулся к двери и включил верхний свет. Они посмотрели друг на друга, чувствуя некоторую неловкость.

— Извините, я все еще не до конца проснулся, — сказал Эвери.

Они попытались начать разговор вновь, нащупывая его нить.

Первым заговорил Леклерк:

— Вы что-то долго добирались сюда, Джон. Какие-то проблемы дома? — Начальственного тона

он так и не освоил.

— Никак не мог поймать такси. Звонил в Клэпэм, но там не снимали трубку. У моста Альберта тоже не повезло.

Он не любил вызывать недовольство Леклерка.

— Вы вправе потребовать возмещения расходов. В том числе и на телефонные звонки по автомату, — рассеянно заметил Леклерк. — С женой все в порядке?

— Я же говорю: никак не мог поймать такси. А дома все отлично.

— Она не возражала?

— Нет, разумеется.

Вообще-то они никогда не обсуждали Сэру. Складывалось впечатление, что оба относились к ней совершенно одинаково, — так дети могут легко передавать друг другу игрушку, если она им успела надоесть.

— Впрочем, у нее есть ваш сынишка, чтобы не чувствовать себя одиноко, — сказал Леклерк.

— Да, вы правы.

Леклерк явно гордился тем, что помнил — у подчиненного был сын, а не дочка.

Он достал сигарету из лежавшего на столе серебряного портсигара. Как-то он рассказал Эвери,

что портсигар ему подарили еще на войне. Человек, сделавший подарок, погиб, а по какому поводу был сделан презент, уже забылось: гравировка на крышке отсутствовала. И даже сейчас, признался Леклерк, он не мог с уверенностью сказать, на кого тот человек работал, на чьей сражался стороне, а Эвери рассмеялся, чтобы доставить ему удовольствие.

Взяв со стола папку с досье, Леклерк подставил ее прямо под свет лампы, словно хотел изучить содержимое досконально.

— Джон, идите сюда.

Эвери подошел, но встал так, чтобы не касаться Леклерка плечом.

— Что бы вы сказали о человеке с таким лицом?

— Даже не знаю. Трудно судить по фотографии.

На снимке он увидел голову юноши — круглую и ровную, с длинными светлыми волосами, зачесанными назад.

— Это тот самый Лейсер. Выглядит нормально, не так ли? Хотя этому фото уже двадцать лет, — добавил Леклерк. — Он имеет у нас очень высокий рейтинг. — С неохотой он положил папку на место, щелкнул зажигалкой и поднес ее к сигарете. — Что ж, — сказал он отрывисто, — мы,

кажется, напали на что-то важное. Я понятия не имею, что произошло с Тейлором. К нам пока поступило обычное донесение из консульства, и больше ничего. Выглядит как несчастный случай на шоссе. Кое-какие детали, но никакой конкретики. Такие письма обычно отправляют родным и близким покойного. Из министерства иностранных дел, как только до них дошли новости, тут же прислали нам изображение по телетайпу. Они знали, что это один из наших паспортов. — Он подвинул через стол лист тонкой бумаги.

Эвери просмотрел ее:

— Маллаби? Это был оперативный псевдоним Тейлора?

— Да. Мне теперь нужно будет заказать две машины из министерского гаража, — сказал Леклерк. — Какой абсурд не иметь собственного транспорта! У Цирка огромный парк. — И добавил: — Быть может, хотя бы теперь в министерстве прислушаются ко мне и признают наконец, что мы тоже оперативный департамент.

— Тейлор забрал пленку? — спросил Эвери. — Известно, при нем ли она была?

— Даже у меня пока нет списка обнаруженных при нем вещей, — ответил Леклерк. — Сейчас на все его пожитки наложила лапу финская

полиция. Возможно, среди них и пленка. Это небольшая страна, и есть надежда, что они будут придерживаться законной процедуры. В МИДе обеспокоены возможностью неразберихи и скандала, — закончил он небрежно, но так, чтобы до Эвери дошла вся важность проблемы.

— О господи, — вырвалось у него. Это была давняя привычка выражать свои эмоции неопределенно, принятая в их конторе.

Леклерк смотрел прямо на него, уже не делая вида, что все это ему малоинтересно.

— Наш резидент, прикомандированный к МИДу, полчаса назад говорил с помощником министра. Они отказываются ввязываться в это дело. Говорят, что если уж мы являемся частью спецслужб, то нам самим и выходить из затруднения. Кто-то из наших должен отправиться в Финляндию под видом близкого родственника. Они считают это наиболее надежным способом. Забрать тело, личные вещи и привезти сюда. Я хочу, чтобы это были вы.

Эвери только сейчас вдруг снова обратил внимание на фотографии, украшавшие стены кабинета. Парни, сражавшиеся на войне. Снимки висели в два ряда по шесть штук по обе стороны от модели бомбардировщика «веллингтон», до-

вольно запыленной, покрытой черной краской и без всяких опознавательных знаков. Большинство фото были сделаны не в помещении. Сзади Эвери мог разглядеть ангары, а между молодыми, улыбающимися лицами виднелись фюзеляжи самолетов.

Под каждой из фотографий были проставлены подписи, уже порыжевшие и выцветшие. Некоторые выглядели лихими быстрыми росчерками, другие — видимо, принадлежавшие низшим чинам, — были выведены тщательно и неуклюже, словно человеку нечасто доводилось браться за перо. Причем подписывались не фамилиями, а кличками из детских журналов: Джеко, Шорти, Пип или Лаки Джо. Только Мэй Уэст был в мундире, но с длинными волосами и мальчишеской усмешкой на губах. Им всем явно нравилось сниматься, словно это была редкая возможность собраться вместе и повеселиться, которой могло потом больше и не представиться. Парни в первом ряду удобно уселись на корточки, привыкшие к такой позе в пулеметных башнях, а те, кто стоял, небрежно обняли друг друга за плечи. Между ними не возникло крепкой дружбы, а всего лишь установилась краткая взаимная симпатия, которая после войны, как правило, не

имеет продолжения.

Только одно лицо встречалось на всех фотографиях от первой до последней — лицо стройного темноглазого мужчины в шерстяной шинели и вельветовых брюках. Он не носил спасательного жилета и держался чуть в стороне от остальных, словно не принадлежал к общей компании. Он был ниже ростом и старше остальных. Этот человек выглядел уже сформировавшимся. В нем чувствовалась целеустремленность, отсутствовавшая у молодежи на снимках. Это мог быть директор школы, в которой парни учились. Эвери однажды специально всмотрелся в снимки, чтобы проверить, изменилась ли за девятнадцать лет подпись Леклерка, но тот, как выяснилось, не расписывался на фото вообще. И он все еще был очень похож на себя прежнего: только под подбородком обозначилась складка да волосы немного поредели.

— Я согласен, но это же будет оперативным заданием, — неуверенно попытался возразить Эвери.

— Само собой. Мы ведь оперативное подразделение, если вы не забыли. — Голова Леклерка при этом чуть заметно дернулась. — Вам выдадут приличные деньги на расходы по проведению

операции. Главная ваша забота — забрать вещи Тейлора. Все доставите в Англию лично, за исключением пленки, которую нужно будет передать по одному адресу в Хельсинки. На этот счет получите инструкции отдельно. А когда вернетесь, поможете мне с Лейсером…

— А почему Цирк не может взять это дело на себя? Я хочу сказать, для них такие вещи привычнее и проще.

На лице Леклерка появилась улыбка.

— Боюсь, этот вариант даже не обсуждается. Это наше шоу, Джон: оно полностью в нашей компетенции. Речь идет о военной цели. Мы сами принизим собственное значение, если переложим ответственность на Цирк. Их сфера деятельности — политика и только политика. — Он провел по волосам коротким резким движением, в котором чувствовалось напряжение. — Так что это наша проблема. Хотя бы в этом министерство меня поддерживает. — Это было его излюбленное выражение. — Но я могу послать кого-нибудь другого, если вы против. Того же Вудфорда или еще кого из старой гвардии. Я просто подумал, что вы получите удовольствие. Это важное задание, нечто новое, чем вам еще не приходилось заниматься.

— Нет, конечно, я буду только рад… Если вы настолько мне доверяете.

Леклерку такой ответ понравился. Он сразу сунул в руку Эвери лист синей бумаги для черновиков. Страница была покрыта почерком Леклерка — по-мальчишески быстрым, с округлыми буквами. Сверху он вывел: «Проект» — и подчеркнул это слово. На левом поле проставил свои инициалы — все четыре, а под ними написал: «Рассекречено». Эвери погрузился в чтение.

— Обратите внимание, — сказал Леклерк, — мы сами осторожно не беремся утверждать, что вы ближайший родственник. Мы лишь приводим цитату из заявления Тейлора при обращении за паспортом. МИД согласился на эту небольшую подтасовку, но не более того. Они перешлют копию нашему консулу в том городе.

Эвери прочитал: «Ответ в Консульское управление. Касательно вашего телетайпа относительно Маллаби. В качестве ближайшего родственника при обращении с прошением о выдаче ему заграничного паспорта Маллаби указал своего сводного брата Джона Сомертона Эвери, паспорт номер… Эвери поставлен в известность и дал согласие взять на себя заботу о теле покойного и его личных вещах. Вылетает рейсом 201 „Северных

авиалиний“ с пересадкой в Гамбурге. Ориентировочное время прибытия 18:20 по местному времени. Пожалуйста, организуйте встречу и окажите всемерное содействие».

— Я не знал номера вашего паспорта, — объяснил Леклерк точки в тексте. — Самолет вылетает сегодня в три часа дня. Это маленький городок, и я надеюсь, что встречать вас консул приедет лично. Рейсы в Гамбург по расписанию у них через день. Если не возникнет необходимости ехать в Хельсинки, сможете одним из них вылететь обратно.

— А почему я не могу быть его родным братом? — спросил Эвери неуверенно. — Сводный… Это выглядит как-то подозрительно.

— Уже нет времени возиться с фальшивым паспортом для вас. А МИД стал помогать нам лишь в исключительных случаях. У нас с ними было достаточно препирательств из-за нового паспорта для Тейлора. — Леклерк вернулся к просмотру досье. — С МИДом стало чудовищно трудно договориться. А ведь нам бы в таком случае пришлось выдать вам документ на имя Маллаби, понимаете? Не думаю, чтобы они легко дали согласие. — Все это он произносил как бы между делом, настолько все казалось очевидным

ему самому.

В комнате было очень холодно.

— А что с нашим скандинавским другом? — спросил Эвери.

Леклерк посмотрел на него непонимающе.

— Я имею в виду Лансена. Не стоило бы кому-то встретиться и с ним тоже?

— Я сам позабочусь об этом. — Вопрос Леклерку явно не понравился, и он ответил осторожно, словно опасался, что его слова могут попасть в газеты.

— А жена Тейлора? — Эвери показалось проявлением излишнего педантизма называть ее вдовой. — О ней вы тоже позаботитесь сами?

— Я как раз хотел, чтобы мы занялись этим прямо утром, не откладывая. Она не подходит к телефону. А в телеграмме всего не выразить.

— Мы? — переспросил Эвери. — А нам обязательно ехать к ней вместе?

— Но ведь вы же мой помощник, не так ли?

Было слишком тихо. Эвери сейчас очень не хватало звуков транспорта за окном и неумолчных звонков телефонов. Днем повсюду сновали люди, пробегали посыльные, тарахтели тележки отдела регистрации документов. Оставаясь наедине с Леклерком, он всегда чувствовал, что ему

остро не хватает кого-то третьего. Никто другой не заставлял его так следить за своими манерами, за каждым своим словом, никто не обладал привычкой строить разговор из не связанных между собой фраз. Лучше бы Леклерк дал ему на ознакомление еще какой-нибудь документ.

— Вы что-нибудь слышали о жене Тейлора? — спросил Леклерк. — Она надежный человек?

Заметив, что Эвери не совсем уловил суть вопроса, он добавил:

— Видите ли, она может поставить нас в очень затруднительное положение. Если ей это взбредет в голову. Нам надо быть с ней как можно обходительнее.

— Что вы собираетесь ей сказать?

— Нам придется импровизировать. Как мы это делали во время войны. Понимаете, она же ни о чем не догадывается. Она даже не знает, что он улетал за границу.

— Он мог ей сказать об этом.

— Только не Тейлор. Он был человеком старой закалки. Его четко проинструктировали, и он знал правила. Самое главное, что она будет получать за него пенсию. Безупречная служба, и все такое… — Он сделал еще один порывистый жест рукой.

— А другие сотрудники? Что вы скажете им?

— Сегодня же утром соберу совещание глав отделов. Что же до остальных, то будем придерживаться версии несчастного случая на дороге.

— Возможно, это и был всего лишь несчастный случай, — предположил Эвери.

Леклерк опять улыбнулся, сжав губы в жесткую линию, словно и не улыбался вовсе, а скорее грустно усмехался.

— В таком случае мы просто скажем всем правду, и наши шансы получить пленку тоже заметно возрастут.

На улице под окном по-прежнему не проезжала ни одна машина. Эвери проголодался. Леклерк посмотрел на часы.

— Как я вижу, вы снова просматривали доклад Гортона, — заметил Эвери.

Леклерк покачал головой и легко погладил папку, словно это был его любимый альбом с фотографиями.

— Отсюда ничего больше не почерпнешь. Я перечитываю его вновь и вновь. Все снимки увеличили для меня до максимально возможных размеров. Люди Холдейна изучали их днями и ночами. Но мы не продвинулись вперед ни на шаг.

«Сэра была права: я ему понадобился, чтобы

скрасить ожидание», — подумал Эвери.

Леклерк снова заговорил, причем так, словно в этом и заключался весь смысл их беседы:

— Я организовал для вас краткую встречу с Джорджем Смайли в Цирке сразу после окончания утреннего совещания. Вы слышали о нем?

— Нет, — солгал Эвери. Это была крайне деликатная тема.

— Он был у них одним из лучших. Во многих отношениях типичный представитель Цирка, но в позитивном смысле. Он то увольняется, то возвращается обратно. Совесть у него так тонко устроена, понимаете ли. Поэтому никогда не знаешь, с ними он сейчас или нет. Но он несколько отстал от реальности. Говорят, пьет не в меру. Когда-то работал в отделе Северной Европы. Он вам даст указания, кому передать пленку. Поскольку нашу секретную курьерскую службу расформировали, другого пути нет. В МИДе о нас и слышать не хотят, а после смерти Тейлора я не могу рисковать, позволив вам просто так носить кассету в кармане. Насколько хорошо вы осведомлены о Цирке?

С таким же успехом он мог спрашивать его об отношениях с женщинами — немолодой усталый мужчина, старший товарищ, не успевший

набраться опыта в этой сфере.

— Мне известно не очень много, — ответил Эвери. — Так, больше слухи.

Леклерк встал и подошел к окну.

— У них там подобралась занятная компания. Некоторые, конечно, высококлассные специалисты. Одним из них был Смайли. Но в целом это сборище обманщиков, — внезапно резко бросил он. — Знаю, Джон, вам такое определение покажется неуместным по отношению к родственной спецслужбе. Однако ложь у них в крови. Половина из них уже сами не могут разобраться, когда говорят правду, а когда нет. — Он склонял голову то на одну сторону, то на другую, пытаясь разглядеть что-то двигавшееся вдоль улицы. — Омерзительная погода! И нужно добавить, что во время войны у нас с ними часто возникали конфликты.

— Я слышал об этом.

— Но только все уже в прошлом. Я не держу на них зла. Каждый делал свою работу. У них всегда было больше денег и людей, чем у нас. И задания они выполняли вроде бы более важные. Вот только у меня до сих пор остались сомнения, что они справлялись с ними лучше, чем смогли бы мы. К примеру, у них нет ничего и близкого к

нашему аналитическому отделу. Ничего.

У Эвери возникло чувство, что Леклерк поделился с ним чем-то глубоко личным, вроде неудачной женитьбы или чьего-то недостойного поступка, с чем он смирился только теперь.

— Когда будете встречаться со Смайли, он может начать задавать вопросы об операции. Вы не должны ему рассказывать ничего, понимаете? Вы всего лишь отправляетесь в Финляндию, и вам, возможно, понадобится срочно переправить в Лондон кассету с фотопленкой. Если он начнет давить, признайтесь, что для вас это часть обучения. Так сказать, практика. И больше вы не уполномочены сообщать никаких подробностей. Вся предыдущая история, доклад Гортона, наши будущие действия — ничто их никоим образом не касается. Тренировочное задание, и не более того.

— Тут мне все понятно. Но ведь он знает о Тейлоре, верно? Если даже МИД в курсе.

— Предоставьте это мне. И не совершайте ошибку, полагая, что только Цирк может содержать агентурную сеть. У нас столько же прав, сколько и у них. Мы просто не прибегаем к этой практике без особой необходимости. — Последнюю фразу он произнес с нажимом, словно хотел подчерк-

нуть важность своих слов.

Эвери смотрел на узкоплечего Леклерка, фигура которого четко вырисовывалась на фоне окна, за которым посветлело небо. «Вот человек, который вечно сам по себе существует как бы отдельно от других», — подумал он.

— Нельзя ли нам растопить камин? — спросил он и вышел в коридор, где у Пайна в стенном шкафу хранились щетки и швабры. Там же лежали дрова и кипа старых газет для растопки. Эвери вернулся и встал у камина на колени, а потом, сохранив самые крупные угли, спихнул мелкую золу сквозь прутья решетки, как всегда делал дома на Рождество.

— Я все размышляю, разумно ли было устраивать им встречу прямо в аэропорту? — заметил он.

— Дело было слишком срочное. А после получения доклада Джимми Гортона оно стало просто безотлагательным. Каковым и остается до сих пор. Мы не можем терять время.

Эвери поднес спичку к газете и смотрел, как пламя охватило бумагу. Когда занялось дерево, дым стал плавно стелиться ему прямо в лицо, и в глазах под очками выступили слезы.

— Как смогли засечь полет Лансена?

— Это был обычный чартерный рейс. О нем оповестили заранее.

Подбросив побольше угля в огонь, Эвери поднялся и вымыл руки над раковиной в углу, затем протер их носовым платком.

— Сколько раз просил Пайна повесить мне полотенце, — сказал Леклерк. — У них слишком мало работы, вот в чем проблема.

— Ничего. — Эвери сунул влажный платок в карман брюк и сразу почувствовал, как он холодит ему бедро. — Возможно, теперь работы прибавится у всех, — добавил он без тени иронии.

— Я хочу попросить Пайна установить для меня здесь походную кровать. Превратить эту комнату в своего рода оперативный штаб. — Леклерк говорил осторожно, словно Эвери был в силах запретить ему эти маленькие радости жизни. — Вы можете позвонить мне из Финляндии сегодня вечером сюда же. Если получите пленку, скажите просто: сделка состоялась.

— А если нет?

— Скажете, что сделка не состоялась.

— Очень похожие фразы, — возразил Эвери. — Я имею в виду при помехах на линии. «Состоялась» и «не состоялась».

— Тогда скажите, что вы не заинтересованы. Любые слова в форме отрицания. Ну, вы понимаете, о чем я говорю.

Эвери взял опустевшее ведерко для угля.

— Отдам его Пайну.

Он прошел через комнату дежурных. Офицер в форме военно-воздушных сил дремал у телефонов. По деревянной лестнице Эвери спустился к парадной двери.

— Боссу нужен еще уголь, Пайн. — Привратник поднялся и встал по стойке «смирно» рядом со своей казарменной койкой, как делал всегда, когда к нему обращались.

— Прошу прощения, сэр, но не имею права оставить пост у дверей.

— О, ради всего святого! Я сам присмотрю за дверью. Мы там наверху продрогли до костей.

Пайн взял ведро, застегнул гимнастерку и скрылся в конце коридора. Он изменил своей старой привычке и больше не присвистывал на ходу.

— И ему нужна кровать в кабинете, — продолжил Эвери, когда Пайн вернулся. — Вероятно, вы могли бы передать эту просьбу дежурному, когда он проснется. Да, и еще полотенце. Ему нужно полотенце у раковины.

— Слушаюсь, сэр. Приятно видеть, что наш старый департамент снова оживает.

— Где здесь поблизости мы могли бы позавтракать? Есть что-нибудь приличное?

— Есть «Кадена», — ответил Пайн с некоторым сомнением, — но вот только не знаю, понравится ли там боссу, сэр. — Он усмехнулся. — А в старые-то деньки у нас даже была столовая. Маленькая, но своя.

Часы показывали без четверти семь.

— Когда открывается «Кадена»?

— Даже не знаю, сэр.

— Скажите, вы знакомы с мистером Тейлором? — Он едва не поставил глагол в прошедшее время.

— Да, конечно, сэр.

— А с его женой когда-нибудь встречались?

— Никак нет, сэр.

— Какая она? Вы не знаете? Быть может, слышали о ней что-нибудь?

— Нет, сэр, о ней я ничего не знаю. Грустная вышла история, сэр.

Эвери посмотрел на него с изумлением. «Значит, Леклерк поделился с ним информацией, — подумал он и поднялся наверх. — Рано или поздно ему придется позвонить Сэре».

3

Позавтракали они в другом месте. Леклерк отверг «Кадену», и они бесконечно долго шли, пока не обнаружили другое кафе, хуже «Кадены» и более дорогое.

— Никак не мог его вспомнить, — сказал Леклерк. — Вот ведь абсурд! Но кажется, он обучен обращению с радиопередатчиком. По крайней мере был в те годы.

Эвери подумал, что речь идет о Тейлоре.

— Сколько, вы говорите, ему было лет?

— Сейчас ему где-то за сорок. Отличный возраст. Поляк из Данцига. Они все говорят по-немецки, а это большой плюс. И без завихрений в башке, как у поляков-славян. После войны он пару лет слонялся без дела, но потом взялся за ум и купил автомастерскую. Должно быть, неплохо зарабатывает.

— Тогда он, по всей вероятности, не нуждается…

— Чепуха. Он будет нам благодарен. Должен быть, как я полагаю.

Леклерк расплатился по счету и сохранил его. Когда они выходили из кафе, он говорил о системе возмещения расходов и о том, как важно

сохранять счета для бухгалтерии.

— И помните, что имеете право на компенсацию за сверхурочную работу. Как и за совмещение обязанностей.

Они пошли вдоль улицы.

— Билет на самолет для вас уже заказан. Кэрол забронировала его из дома. Нам нужно будет выдать вам аванс на расходы. Придется оплатить отправку тела на родину и все такое прочее. Как я понимаю, такие вещи обходятся недешево. Лучше всего будет перевезти его самолетом. Вскрытие произведем без посторонних у себя.

— Я еще никогда не видел трупа, — признался Эвери.

Они стояли на углу в Кеннингтоне, выискивая такси. По одну сторону от них располагался газгольдер[23], а по другую — вообще ничего. В таком месте можно было впустую проторчать целый день.

— Джон, вам необходимо будет сохранить наш план в секрете. Я говорю о засылке агента. Об этом никто не должен знать. Даже в департаменте, никто вообще. Мы присвоим ему кодовое имя Майская Мушка. Это я об Лейсере. Будем называть

---

[23] Примечания: 23

Резервуар для хранения газообразных веществ, например, таких, как природный газ.

его Майской Мушкой.

— Хорошо.

— Время сейчас не самое подходящее. Уверен, нам будут стремиться вставить палки в колеса как в самом департаменте, так и за его пределами.

— А что по поводу моей «легенды»? — спросил Эвери. — Я не очень-то…

Такси с поднятым флажком[24] проехало мимо, даже не притормозив.

— Вот сволочь! — взвился Леклерк. — Почему он не посадил нас?

— Думаю, он живет в той стороне и просто направлялся домой. Так что насчет «легенды»? — напомнил Эвери.

— Вы путешествуете под подлинной фамилией. Так что я не вижу здесь каких-то проблем. Можете и адресом воспользоваться своим же. Назовитесь издателем по профессии. В конце концов вы им когда-то и были. Консул вам подскажет, как себя вести. Что вас так волнует?

— Так, мелкие детали.

Леклерк на минуту вышел из состояния задумчивости и улыбнулся.

---

[24] Примечания: 24

В те годы — сигнал, что машина свободна.

— Я вам кое-что расскажу о «легендах», хотя скоро вы все усвоите. Прежде всего никогда не давайте о себе информации сами. Никто и не ждет, чтобы вы им начали рассказывать о себе. С какой стати? Почва подготовлена: консулу мы отправим телетайп. Предъявите свой паспорт и будете действовать по обстановке.

— Я постараюсь, — сказал Эвери.

— У вас все получится, — с энтузиазмом заверил Леклерк, и оба заулыбались.

— Далеко там до города? — спросил Эвери. — От аэропорта?

— Примерно три мили. Это базовый аэропорт в основном для трех горнолыжных курортов. Бог знает, чем там занимается целыми днями наш консул.

— А до Хельсинки?

— Разве я вам не сказал? Сто миль. Быть может, немного больше.

Эвери предложил сесть в автобус, но Леклерк наотрез отказался вставать в очередь, и они так и остались торчать на углу. Его снова увлекла тема официального автотранспорта.

— Невероятно абсурдная ситуация, — сказал он. — В прежние времена у нас была своя квота, а теперь остались только два фургона, причем ми-

нистерство финансов не разрешает даже платить шоферам сверхурочные. Как в таких условиях я могу руководить департаментом?

В результате им пришлось идти пешком. Леклерк держал адрес в голове: у него вошло в привычку запоминать такие вещи наизусть. Продолжительная прогулка с начальником создавала для Эвери некоторые неудобства, потому что Леклерку приходилось прибавлять шаг, чтобы поспевать за гораздо более длинноногим младшим коллегой. Поэтому Эвери старался себя контролировать, но порой забывался, и Леклерк, пыхтя, ускорял ход, чтобы не отстать. Сеял мелкий дождик. По-прежнему стоял зверский холод.

Было время, когда Эвери питал к Леклерку глубокую и почтительную любовь. Леклерк обладал странной способностью вызывать в другом чувство вины, словно тот мог служить лишь неадекватной заменой какому-то его умершему или уехавшему другу. Кому-то, кто был рядом с ним, а теперь пропал; быть может, даже целому миру, поколению людей, которые создали его таким, а потом оставили на произвол судьбы. Вот почему в какой-то момент Эвери мог ненавидеть его за откровенные манипуляции, за покровительственные жесты, как ребенок не

любит снисходительных родительских ласк, но уже через секунду готов был грудью встать на его защиту, чувствуя свои ответственность и незаменимость. Несмотря на все сложности, возникавшие в их отношениях, Эвери был благодарен Леклерку за то, что он взял его под свое крыло, и вот так между ними возникла нежная тяга друг к другу, которая характерна обычно для людей слабых. Один создавал фон, на котором выгоднее смотрелся второй.

— Было бы неплохо, — внезапно сказал Леклерк, — если бы вы взяли на себя часть работы с Майской Мушкой.

— Я буду только рад.

— Когда вернетесь, разумеется.

Они нашли нужный им адрес на карте. Номер 34, «Роксборо-гарденс». Переулок уходил в сторону от Кеннингтон-Хай-стрит. Вскоре мостовая стала заметно более неровной и грязной, дома теснее лепились друг к другу. Газовые фонари горели желтым светом, плоские, как луны, вырезанные из бумаги.

— Во время войны они даже позволили нам открыть небольшое общежитие для сотрудников.

— Возможно, им придется пойти на это снова, — предположил Эвери.

— Я двадцать лет не наносил подобных визитов.

— Вам приходилось все делать одному? — спросил Эвери и сразу пожалел, что задал этот вопрос. Леклерк был натурой очень ранимой.

— Тогда все было проще. Мы без особых фантазий говорили, что человек пал за отечество. Нам не рекомендовалось сообщать подробности, да их никто и не ожидал.

«Значит, все-таки это были „мы“, — отметил Эвери. — Какой-нибудь парень из числа тех улыбчивых лиц на стене».

— Они погибали каждый день. Наши пилоты. Мы совершали разведывательные полеты, выполняли спецзадания, если вы понимаете, о чем я… Иногда мне так стыдно: я даже не помню всех по именам. А некоторые были такими молодыми.

Перед мысленным взором Эвери промелькнула траурная, трагическая процессия пораженных горем и ужасом лиц — матери, отцы, невесты и жены, — а потом он представил Леклерка в их окружении с выражением сочувствия, но и твердости в глазах, какое бывает у политиков, когда они посещают места бедствий.

Они оказались на вершине холма. Район вы-

глядел на редкость убогим. Улица спускалась к рядам запущенных, словно безглазых домов, над которыми возвышалось единственное высокое многоквартирное здание: «Роксборо-гарденс». Цепочка огней из окон отражалась в покрытой глазурью черепице, снова и снова разделяя все огромное строение на отдельные соты квартир. Это была действительно громадная постройка, даже несколько своеобразная в своей уродливости. Она знаменовала собой новую эпоху, а у ее подножия простерлись неприглядные остатки старой: покосившиеся, облезлые, закопченные домики, мимо которых под дождем мелькали печальные лица намокших под дождем прохожих, походивших на обломки плавника, прибитые волной в угол заброшенной гавани.

Маленькие кулачки Леклерка плотно сжались, он стоял совершенно неподвижно.

— Здесь? — спросил он. — Тейлор жил здесь?

— Да, а что здесь странного? Это часть новой городской планировки, перестройка старых кварталов…

А потом до Эвери дошло. Леклерку снова стало стыдно. Тейлор бессовестно обманул его. Это было совсем не то общество, на защите безопасности которого они стояли. Для этих трущоб с

торчавшей в центре местной Вавилонской башней не находилось места в картине мира, каким он рисовался Леклерку. Только вообразите: члену дружной команды Леклерка приходилось тащиться отсюда, дыша вонью и смрадом, в святая святых департамента! Разве ему настолько не хватало денег? Разве не подрабатывал он еще и на командировках, как делали они все, чтобы скопить несколько сотен и подобрать себе более приличное жилье, выбравшись из этой клоаки?

— Здесь ничем не хуже, чем на Блэкфрайарз-роуд, — невольно вырвалось у Эвери — эта фраза должна была послужить утешением.

— Всем известно, что когда-то мы располагались на Бейкер-стрит, — огрызнулся Леклерк.

Они поспешно преодолели остаток пути до входа в многоквартирный дом, пройдя мимо витрин лавчонок, забитых подержанной одеждой и ржавыми электрическими плитками — то есть тем дешевым барахлом, какое покупают только совсем уж бедняки. Среди них бросался в глаза канделябр со свечами, такими пожелтевшими и запыленными, словно его достали из кладбищенского склепа.

— Какой номер квартиры? — спросил Леклерк.

— Вы сказали, тридцать четыре. Но я подумал,

это номер дома.

Они прошли мимо массивных колонн, грубо украшенных мозаикой, и дальше следовали, руководствуясь пластмассовыми табличками, на которых розовой краской были написаны номера. Им пришлось протиснуться между старыми автомобилями, и перед ними наконец возник подъезд из железобетона, где на приступке уже стояли привезенные утром картонки с молоком. Дверь отсутствовала. От входа сразу начинался лестничный пролет с прорезиненными ступеньками, поскрипывавшими под ногами. Отовсюду несло кухонными запахами и жидким мылом, которое обычно заливают для мытья рук в туалетах при вокзалах. На густо оштукатуренной стене от руки была сделана надпись с просьбой не шуметь. Где-то работало радио. Они преодолели еще два таких же лестничных пролета и остановились перед зеленой, наполовину застекленной дверью. К стеклу были приклеены цифры из белого бакелита: три и четыре. Леклерк снял шляпу и стер пот с висков. Складывалось впечатление, что он собирался войти в церковь. Дождь был, видимо, сильнее, чем казался. Они это поняли только сейчас, заметив, как промокли их пальто. Леклерк нажал на кнопку звонка. Эвери

внезапно овладел испуг; он искоса посмотрел на старшего коллегу, думая: ты опытнее — тебе с ней и разговаривать.

Музыка по радио теперь звучала громче. Они напрягли слух, чтобы различить хоть какие-то другие звуки, но до них не доносилось ничего.

— Почему вы дали ему кодовое имя Маллаби? — неожиданно спросил Эвери.

Леклерк еще раз надавил на кнопку, а потом они оба услышали какой-то вскрик, похожий то ли на плач ребенка, то ли на вой кошки, перешедший в сдавленный металлический стон. Леклерк отступил в сторону, а Эвери ухватился за медную крышку прорези для почты и стал яростно ею стучать. Когда эхо замерло, изнутри донеслись чьи-то нерешительные шаги, задвижка отъехала в сторону, щелкнул пружинный замок. Они снова услышали тот же странный стон. Дверь приоткрылась на несколько дюймов, и Эвери увидел ребенка — худенькую, бледную и вялую с виду девочку, которой едва ли исполнилось десять лет. На ней были очки в металлической оправе, похожие на те, какие носил Энтони. В руках она держала куклу, чьи розовые конечности нелепо торчали в разные стороны, с обшитого хлопковой тканью личика пялились нарисованные глаза.

Той же краской был изображен широко открытый рот, но голова болталась под таким углом, словно игрушке сломали шею. Таких кукол называют говорящими, но ни одно живое существо не способно было издавать те металлические стоны, которые исторгались из нее.

— Где твоя мама? — спросил Леклерк. От испуга его голос сделался агрессивным.

— Ушла на работу, — ответила девочка.

— Кто же тогда присматривает за тобой?

Девочка отвечала медленно, словно в этот момент думала о чем-то другом.

— Мама вернется домой к чаю. А я не должна никому открывать дверь.

— Так где она? Куда ушла?

— На работу, говорю же вам.

— А кто кормит тебя обедом? — продолжал расспросы Леклерк.

— Что?

— Кто тебя кормит? — быстро повторил вопрос Эвери.

— Миссис Брэдли. После школы.

— А где твой папа? — спросил Эвери.

Неожиданно девочка заулыбалась и приложила пальчик к губам.

— Он улетел на самолете, — сказала она. —

Чтобы привезти денег. Но я не должна никому рассказывать. Это секрет.

Все трое какое-то время молчали.

— Он обещал привезти мне подарок, — добавил ребенок.

— Откуда? — спросил Эвери.

— С Северного полюса, но только это секрет. — Все это время девочка держалась за дверную ручку. — Там живет Санта-Клаус.

— Передай маме, что заходили гости. С папиной работы, — сказал Эвери. — Мы вернемся к чаепитию.

— Это очень важно, — добавил Леклерк.

Казалось, девочка расслабилась, услышав, что эти дяди знали ее папу.

— Он полетел на самолете, — повторила она.

Эвери порылся в карманах и отдал ей две монеты по полкроны из денег, полученных от Сэры. Она захлопнула дверь, оставив их на грязной лестничной площадке, куда доносились звуки навевавшей сон мелодии, которую передавали по радио.

4

Они стояли на улице, не глядя друг на друга. Первым нарушил молчание Леклерк.

— Зачем вы задали ей этот вопрос? О ее отце?

Эвери ничего не ответил, и он добавил совершенно невпопад:

— Дело вовсе не в том, чтобы нравиться или не нравиться людям.

С Леклерком это иногда случалось. Он словно ничего не слышал и не чувствовал, уплывая куда-то в сторону, стараясь услышать какой-то звук, как танцор, который в движении вдруг перестает воспринимать музыку. Обычно в таких случаях на лице у него читались грусть и удивление человека, преданного близким другом.

— Боюсь, уже не смогу приехать сюда с вами позже днем, — тихо сказал Эвери. — Вероятно, Вудфорд будет готов…

— Нет, Брюс не подойдет для такой миссии. — Потом Леклерк поинтересовался: — Но в совещании вы сможете принять участие? В десять сорок пять?

— Да, но едва ли досижу до конца. Мне еще нужно побывать в Цирке и собрать вещи в дорогу. Сэра вообще-то не очень хорошо себя чувствует. Но я пробуду в конторе, сколько смогу. Простите, что задал тот вопрос. Мне жаль, действительно жаль.

— Не хочу, чтобы кто-то узнал об этом. Следует

сначала все-таки поговорить с его женой. Быть может, есть простое объяснение. Тейлор был нашим ветераном. Он не мог не знать правил.

— Я никому не скажу, обещаю. Ни об этом, ни о Майской Мушке.

— Мне все равно придется уведомить о Майской Мушке Холдейна. Он, разумеется, будет возражать. Да. Мы все так и назовем… Всю операцию. «Майская мушка». — Казалось, эта мысль приносила ему облегчение.

Они поспешили вернуться в контору. Не для того, чтобы немедленно приступить к работе. Она стала для них укрытием, создавала иллюзию анонимности, потребность в которой развилась у обоих.

Кабинет Эвери располагался рядом с офисом Леклерка. На двери висела табличка «Помощник директора». Два года назад Леклерка пригласили коллеги из Америки, и после того визита появились надписи на дверях. Теперь весь штат департамента именовался не по фамилиям, а по выполняемым функциям. Впрочем, и прежде Эвери был известен как личный секретарь. Леклерк мог придумывать людям официальные должности и менять их хоть каждую неделю, но повлиять на привычки персонала даже ему не

удавалось.

Без четверти одиннадцать к нему зашел Вудфорд. Эвери знал, что он непременно явится — посплетничать перед совещанием, прощупать почву, узнать то, что не числилось в повестке дня.

— Что за шум, Джон? — Вудфорд раскурил трубку, откинул назад свою крупную голову и погасил спичку размашистыми движениями руки. В свое время этот атлетически сложенный мужчина был директором обычной средней школы.

— Быть может, ты мне расскажешь?

— Бедняга Тейлор.

— Да уж, что есть, то есть.

— Не хочу ни на кого давить, — сказал Вудфорд и присел на край стола, все еще сосредоточившись на своей трубке. — Не хочу ни на кого давить, Джон, — повторил он, — но есть еще одно важное дело, требующее рассмотрения, несмотря на трагическую гибель Тейлора и прочие обстоятельства. — Он убрал жестянку с табаком в карман своего зеленого костюма и закончил: — Я имею в виду отдел регистрации.

— Это епархия Холдейна. Пусть этим занимаются аналитики.

— Ничего не имею против старины Адриана.

Он хороший разведчик. Мы с ним проработали вместе больше двадцати лет.

«Следовательно, и ты тоже хороший разведчик», — подумал Эвери.

За Вудфордом водилась привычка в разговоре предельно сближаться с собеседником, почти наваливаясь на него, как лошадь, которая собирается почесаться о деревянные ворота. Он склонился вперед и очень серьезно посмотрел на Эвери. «Я простой парень, попавший в сложное положение, — словно было написано на его лице, — человек, который должен выбирать между дружбой и служебным долгом». Его костюм был сшит из ворсистой ткани, такой плотной, что она вообще не мялась, но местами скатывалась, как одеяло. Пиджак застегивался на коричневые костяные пуговицы.

— Джон, в отделе регистрации творится полный бардак, и мы оба знаем это. Документы не сдаются как положено, папки не возвращаются в оговоренные сроки. — Он в отчаянии покачал головой. — А досье по грузоподъемности торгового флота не могут найти с середины октября. Оно словно растворилось в воздухе.

— Адриан Холдейн дал указание провести поиски, — сказал Эвери. — Мы все отвечаем за до-

кументацию, а не только он один. Да, досье иногда теряются, но это первый случай с самого апреля, Брюс. Мне это не кажется катастрофой, если учесть, какое общее количество бумаг проходит через наши руки. Папки хранятся в образцовом порядке. Насколько я понимаю, наш каталог аналитических документов — это вообще нечто уникальное. И все это организовал Адриан, не так ли? Но если уж ты так сильно обеспокоен, почему бы тебе не поговорить с ним об этом напрямую?

— Нет-нет. Это важно, но не до такой степени.

Вошла Кэрол и принесла чай. Вудфорд пил из огромной глиняной кружки, на которой были крупно выдавлены его инициалы. Поставив поднос на стол, Кэрол не удержалась:

— Уилф Тейлор мертв.

— Я здесь с часу, — соврал Эвери, — занимаюсь как раз этим делом. Мы трудимся всю ночь не покладая рук.

— Директор очень расстроен, — сказала она.

— Что ты знаешь о его жене, Кэрол?

Это была со вкусом одетая девушка, ростом чуть выше Сэры.

— С ней никто из наших никогда не встречался. — Она вышла из комнаты.

Вудфорд проводил ее взглядом. Он вынул изо

рта трубку и ухмыльнулся. Эвери понял: сейчас он может заявить, что спал с Кэрол или как хорошо было бы с ней переспать, и от этой мысли его передернуло.

— Это твоя жена сделала такую чудесную кружку, Брюс? — быстро спросил он. — Говорят, она у тебя почти профессиональный гончар.

— Да, и блюдце тоже ее работы, — ответил Вудфорд и принялся рассказывать о курсах, которые посещала жена, как популярно это занятие у них в Уимблдоне и какое удовольствие получает супруга.

Время приближалось к одиннадцати; было слышно, что в коридоре стало многолюднее.

— Мне пора отправляться в соседний офис и проверить, готов ли босс, — сказал Эвери. — Последние восемь часов дались ему нелегко.

Вудфорд взял свою кружку и отхлебнул чаю.

— Если появится возможность, намекни боссу про отдел регистрации, Джон. Мне бы не хотелось пока поднимать этот вопрос при всех. Адриан совсем перестал следить там за порядком.

— Сейчас наш директор очень устал и перегружен делами, Брюс.

— Не сомневайся, я понимаю.

— Тогда ты должен знать и то, что он вообще

не любит лезть в дела Холдейна. — Когда они уже подошли к двери его кабинета, Эвери повернулся к Вудфорду и неожиданно спросил: — Ты не помнишь, служил ли у нас когда-нибудь офицер по фамилии Маллаби?

Вудфорд замер на месте.

— Боже мой! Конечно, помню. Молоденький парнишка вроде тебя. Это было во время войны. О господи! — А потом добавил очень серьезно в несвойственной ему манере: — Только не упоминай его фамилию при боссе. Он очень переживал гибель Маллаби. Тот выполнял у нас особо важные полеты. И они с боссом в какой-то степени очень сблизились.

При свете дня кабинет Леклерка уже казался не столько запущенным, сколько временным пристанищем для своего хозяина. Складывалось впечатление, что его заняли в спешке и в срочном порядке, не зная, надолго ли. На раскладном столике были расстелены карты — не две или три, а десятки, причем некоторые имели такой масштаб, что на них отчетливо просматривались не только городские улицы, но и отдельные дома. Ленты телетайпных сообщений, наклеенные на розовую бумагу, целой пачкой крепились к доске объявлений с помощью бульдожьего вида зажи-

ма, напоминая типографские гранки, ожидавшие корректуры. В углу уже успели установить кровать, застеленную шерстяным покрывалом. Рядом с раковиной висело чистое полотенце. Рабочий стол тоже сменили на серый металлический и явно казенный. Стены покрывала пыль. Местами кремовая краска облупилась, обнажив внизу слой зеленой. Это была маленькая квадратная комната с занавесками из министерства работ[25]. Как раз по поводу этих занавесок возник единственный скандал во время последней попытки Леклерка привести свой кабинет в порядок — он потребовал выдать ему шторы, которые соответствовали бы его положению в иерархии государственных служащих. Но, насколько знал Эвери, других усилий хоть что-то улучшить его начальник не предпринимал. Камин почти погас. В особенно ветреные дни, когда этот камин не желал разгораться вообще, Эвери, сидя на своем рабочем месте, мог слышать, как в соседней трубе слоями осыпается налипшая изнутри сажа.

Сейчас Эвери наблюдал, как в кабинет по очереди входили его коллеги. Сначала Вудфорд, потом Сэндфорд, Деннисон и Маккаллох. Все

[25] Примечания: 25

Так для краткости именовалось министерство гражданского строительства и общественных работ, существовавшее до 1970 г.

они уже знали о Тейлоре. Было нетрудно себе представить, как новость распространилась по департаменту в виде сенсации, возбуждающей повышенное любопытство, передаваясь из комнаты в комнату, придавая пикантность рядовому рабочему дню, а сотрудникам ненадолго прибавляя оптимизма, как известие о прибавке жалованья. И они наблюдали за Леклерком, как заключенные наблюдают за начальником тюрьмы, и выжидали. Его обычная линия поведения была им давно известна, но сегодня он вынужден будет ее нарушить. Во всей конторе не осталось ни одного человека, который не слышал бы, что Леклерка вызвали на службу посреди ночи и даже спать ему пришлось в рабочем кабинете.

Они расселись за столом для совещаний, со стуком ставя на него свои чашки с чаем, как школьники во время обеденной перемены. Леклерк занял кресло во главе, остальные расположились по сторонам. Стул в дальнем конце стола оставался свободным. Вошел Холдейн, и уже по его виду Эвери сразу понял, что сегодняшнее совещание станет противостоянием Леклерка и Холдейна.

Глядя на пустующий стул, Холдейн сказал:

— Как я понимаю, мне приготовили местечко на самом сквозняке.

Эвери мгновенно поднялся, но Холдейн уже успел сесть.

— Не стоит беспокоиться, Эвери. Я уже болен, и здесь ничего не изменишь. — Он закашлялся, как кашлял всегда. Даже лето не приносило ему облегчения: кашель бил его вне зависимости от времени года.

Остальные беспокойно заерзали на своих местах. Вудфорд взял с подноса ломтик бисквита. Холдейн посмотрел на камин.

— Неужели министерство работ не могло организовать что-нибудь получше этого? — спросил он.

— Идет дождь, — ответил ему Эвери. — А в дождь камин не разгорается. Пайн пытался растопить его, но все бесполезно.

— Ах вот как.

Холдейн был лысеющим сухопарым мужчиной с четкими чертами лица и длинными беспокойными пальцами. Он был замкнут, двигался неторопливо, казался усталым, ворчливым и суровым. Казалось, он испытывал легкое презрение ко всему, работал когда ему вздумается и прислушивался только к собственному мнению. Увлекался он разве что кроссвордами и акварелями девятнадцатого века.

Вошла Кэрол с несколькими папками и картами и положила их на рабочий стол, который в отличие от остального кабинета выглядел опрятно. Присутствовавшие с чувством неловкости молча дождались, пока она удалится. Когда дверь за ней была плотно закрыта, Леклерк осторожно провел рукой по своей темной шевелюре, словно это было нечто, не слишком хорошо ему знакомое.

— Тейлора убили. Вы все уже слышали об этом. Он погиб прошлой ночью в Финляндии, куда отправился под чужим именем.

Эвери обратил внимание, что фамилию Маллаби он не назвал.

— Подробности пока неизвестны. Нас проинформировали только, что его сбила машина. Я дал Кэрол распоряжение сообщить рядовым сотрудникам, что это был несчастный случай. Всем все понятно?

Да, закивали они, все понятно.

— Он отправился туда, чтобы забрать фотопленку… У нашего помощника в Скандинавии. Вам известно, кого я имею в виду. Обычно мы не используем простых курьеров для выполнения оперативных заданий, но сложились особые обстоятельства, действительно исключительная

ситуация. Думаю, Адриан здесь поддержит меня. — Он слегка приподнял обе руки, высвободив запястья из прихваченных запонками рукавов рубашки, а потом соединил пальцы и ладони, словно моля Холдейна о поддержке.

— Особые обстоятельства? — медленно повторил Холдейн. Голос у него был пронзительный и резкий, что вполне соответствовало его внешности, но очень хорошо поставленный, без перепадов тональности и аффектации; голос, которому можно было только позавидовать. — Да, ситуация сложилась необычная. Но не в последнюю очередь именно из-за гибели Тейлора. Нам ни в коем случае не следовало отправлять его в Финляндию. Ни при каких условиях, — продолжал он так же размеренно и бесстрастно. — Мы нарушили главный принцип разведки. Мы использовали человека, не задействованного в секретной части нашей работы, для тайной операции. Хотя мы едва ли вообще занимаемся тайными операциями в эти дни.

— Предоставим судить об этом нашему руководству, — рассудительно парировал Леклерк. — Но вы не можете не согласиться, что министерство оказывает на нас давление, требуя результатов. — Он посмотрел сначала на тех, кто сидел

слева от него, потом — справа, как президент компании оглядывает держателей акций.

— Пора информировать вас о деталях. Не стану еще раз напоминать, что вся информация строго секретна. А потому посвящены в нее будут только главы отделов. До этого момента о сути дела поставлен в известность только Адриан Холдейн, а также кое-кто из сотрудников аналитического отдела. И Джон Эвери, как мой помощник. Хотел бы подчеркнуть, что наши коллеги из братской спецслужбы ничего об этом не знают и не должны знать. Теперь о том, как мы организуем нашу собственную работу. Операции присвоено кодовое наименование «Майская мушка», — он заговорил короткими фразами и уверенным тоном. — Будет существовать только одно общее досье, которое вам следует по использовании возвращать мне или Кэрол — в случае моего отсутствия. Будет также сделана копия, которая будет храниться в нашей библиотеке. Эту методику работы с досье мы использовали во время войны, и, полагаю, она всем хорошо знакома. С этого дня система снова вступает в силу. Кэрол будет включена мною в прилагаемый список допуска к досье.

Вудфорд трубкой указал на Эвери и покачал головой. И верно, молодой сотрудник ничего не

знал о старой системе. Сидевший рядом с ним Сэндфорд взялся объяснить ее принцип. Так называемая библиотечная копия досье хранилась в шифровальной комнате, и ни при каких обстоятельствах выносить ее оттуда было нельзя. Все новые документы подшивались в папку по мере поступления. В списке допуска именовались лица, которым дозволялось ознакомление с досье. Скрепками пользоваться не разрешалось — все бумаги надлежало надежно вклеивать или подшивать в папку. Остальные пропускали объяснения мимо ушей.

Сэндфорд возглавлял организационный отдел. С виду это был почтенный отец семейства в очках с золотой оправой, который тем не менее приезжал в офис на собственном спортивном мотоцикле. Леклерку по непонятным причинам это не нравилось. Однажды он прямо высказал Сэндфорду недовольство, и тот с тех пор оставлял своего «коня» на стоянке напротив здания больницы.

— Теперь о сути задуманной нами операции, — продолжил Леклерк. Тонкая линия сложенных вместе ладоней делила его просветлевшее лицо пополам. Из всех присутствовавших только Холдейн сейчас не смотрел на него, обратив взгляд в

окно. Снаружи шел дождь, поливая двор здания, как весенний ливень поливает темную долину среди гор.

Внезапно Леклерк встал и подошел к висевшей на стене карте Европы. К ней были прикреплены булавками небольшие флажки. Вытянувшись перед картой и даже привстав на мысочки, чтобы дотянуться до ее северной части, он сказал:

— У нас, как всегда, возникли проблемы почему-то именно с Германией. — По комнате пробежал легкий смешок. — В районе южнее Ростока, в городке под названием Калькштадт. Вот здесь. — Его палец прошел вдоль береговой линии Балтийского моря у Шлезвиг-Гольштейна, потом вильнул к востоку и остановился в паре дюймов южнее Ростока. — Предельно упрощая картину, скажу только, что мы имеем три основания, указывающие — я пока не могу использовать слово «доказывающие», — что там происходит нечто значительное в плане военных приготовлений. — Леклерк повернулся лицом к своей аудитории. При этом он намеренно остался стоять у карты и продолжал свой рассказ оттуда, чтобы показать: он держит все факты в голове и ему не требуются подсказки из лежащих на столе записей. — Первые сведения мы получили

ровно месяц назад, когда прислал доклад наш представитель в Гамбурге Джимми Гортон.

Вудфорд улыбнулся, словно его обрадовала новость, что старина Джимми все еще активно продолжает работу.

— Перебежчик из Восточной Германии пересек границу, сумев переплыть реку в районе Любека. Это железнодорожник, житель Калькштадта. Он прямиком направился в наше консульство и предложил продать информацию о новом месте размещения вражеских ракет под Ростоком. Как вы сами понимаете, из консульства его вышибли под зад коленом. Поскольку МИД не разрешает нам даже пользоваться своей диппочтой, — он иронично улыбнулся, — едва ли они бы пошли на то, чтобы приобретать для нас информацию военного характера.

Шутка была встречена легким шелестом перешептываний.

— Однако нам повезло. Гортон случайно услышал об этом человеке и отправился во Фленсбург, чтобы с ним встретиться.

Вудфорд не мог не отреагировать на это название. Фленсбург? Не там ли мы обнаружили секретную базу фашистских подводных лодок в сорок первом? Наша авиация потом славно там

поработала.

Леклерк ободряюще посмотрел на Вудфорда и закивал, словно его самого поразило подобное совпадение.

— Этот бедолага обошел всех военных атташе стран НАТО на севере Западной Германии, но его никто даже выслушать не захотел. А вот Джимми Гортон детально с ним побеседовал. — В тоне Леклерка отчетливо звучал намек, что Гортон оказался единственным умным человеком среди сборища полнейших недоумков. Он вернулся к столу, достал из серебряного портсигара сигарету, прикурил ее, а потом взял папку, обложка которой была помечена жирным красным крестом, и бесшумно положил ее на стол перед собой.

— Это и есть доклад Джимми, — сказал он. — Первоклассная работа, с какой стороны ни посмотреть. — Сигарета в его пальцах выглядела непомерно длинной. — Фамилия перебежчика Фритцше.

— Перебежчика? — быстро переспросил Холдейн. — Но это малообразованный человек, простой рабочий железной дороги. Обычно мы не классифицируем подобных людей как перебежчиков.

Леклерку пришлось занять оборонительную

позицию.

— Я бы не назвал его простым рабочим. Он хороший механик и, кроме того, фотограф-любитель.

Маккаллох открыл досье и принялся методично просматривать страницы с документами. Сэндфорд наблюдал за ним сквозь очки в золотой оправе.

— Первого или второго сентября — это в точности неизвестно, потому что он сам не помнит даты, — ему пришлось выйти работать в две смены на разгрузке вагонов в Калькштадте. Один из его товарищей заболел. Вот почему он трудился с шести утра до полудня, а потом с четырех до десяти часов вечера. Когда он пришел на работу, у ворот грузового двора станции его встретил десяток фопо — это восточногерманские полицейские. А пассажирский вокзал оказался на это время вообще закрыт. Они проверили его документы, просмотрели какой-то список и велели ему держаться подальше от восточной стороны станции. Его предупредили, — добавил Леклерк с особым нажимом, — что если он приблизится к пакгаузам с восточной стороны, то может получить пулю в лоб.

Его последние слова произвели нужное впечатление. Вудфорд не преминул заметить, насколько

типично это для немцев.

— Наши основные враги — русские, — напомнил Холдейн.

— Но Фритцше оказался не так прост. Он вступил с ними в пререкания. Заявил, что такой же надежный гражданин ГДР и член партии, как и они сами. Показал им партбилет, профсоюзную карточку, фото жены и бог знает что еще. Ничего путного он, конечно, не добился. Ему снова велели подчиниться приказу и держаться в стороне от восточных складов. Но он все-таки вызвал у полицейских определенную симпатию, потому что в десять часов, когда они наварили для себя супа, они пригласили его и налили ему миску. За едой он поинтересовался, что происходит. Они помалкивали, но было заметно, что им самим все это крайне интересно. А потом случилось кое-что. Нечто очень важное, — продолжал Леклерк. — Один из фопо — самый молоденький — неожиданно проболтался. То, что они завезли на тот склад, брякнул он, выметет американцев из Западной Германии за два часа. К несчастью, в этот момент в караульное помещение зашел офицер и выгнал нашего человека, а остальным приказал заниматься своим делом.

Холдейн зашелся в глубоком и продолжитель-

ном приступе кашля, который эхом разносился по комнате, как по кладбищенскому склепу.

— Что это был за офицер? — спросил кто-то. — Немец или русский?

— Немец. И это важно отметить. Присутствия там русских не наблюдалось вообще.

Холдейн снова поспешил вставить реплику:

— Перебежчик не видел русских. И это все, что нам известно. Давайте не будем небрежничать с фактами. — И он снова закашлялся, вызвав раздражение кое-кого из сидевших за столом.

— Как будет угодно… Так вот, наш железнодорожник позже отправился домой обедать. Его глубоко оскорбило, что ему не давали свободно перемещаться по своей же станции какие-то безусые мальчишки, игравшие в солдатиков. Он пропустил пару стаканчиков шнапса и вернулся на работу наблюдать за разгрузкой вагонов. Послушай, Адриан, если твой кашель настолько тебя беспокоит…

Холдейн в ответ лишь помотал головой.

— Он вспомнил, что с задней стороны к восточным пакгаузам примыкал старый сарай, с крыши которого можно было добраться до вентиляционного отверстия в стене склада. Так у него возникла идея забраться на сарай и взглянуть, что творится

внутри. До такой степени ему хотелось натянуть нос этим чванливым полицейским.

Вудфорд рассмеялся.

— А потом он решил пойти еще дальше и сделать несколько снимков внутри пакгауза.

— Для этого надо было окончательно рехнуться, — прокомментировал Холдейн. — В эту часть его рассказа я не верю совсем.

— Рехнулся или нет, но так он и поступил. Повторяю, он был очень зол из-за того, как с ним обошлись. Из-за откровенного недоверия. Он считал, что имеет полное право знать, что завезли на тот склад. — Леклерк сделал паузу, а потом пустился в описание технических подробностей. — У него был зеркальный фотоаппарат «Экза-2». Восточногерманского производства. Это дешевая и ухудшенная версия «Экзакты» с гораздо меньшим набором выдержек, но зато к нему подходит вся линейка объективов «Экзакты». — Он бросил взгляд на технарей Деннисона и Маккаллоха, словно ища у них поддержки. — Я прав, джентльмены? Если что-то не так, поправьте меня.

Оба в ответ сдержанно улыбнулись, поскольку поправлять пока было нечего.

— У него как раз оказался под рукой очень хоро-

ший широкоугольник. Но проблема заключалась в освещении. Его вторая смена начиналась в четыре, когда уже приближался закат и света внутрь пакгауза проникало еще меньше, чем обычно. В его запасах нашлась единственная высокочувствительная пленка фирмы «АГФА», которую он хранил на особый случай. И он решил использовать ее. — Леклерк сделал паузу скорее для того, чтобы оценить произведенный своим рассказом эффект, нежели ожидая вопросов.

— А почему он не мог дождаться следующего утра? — все же спросил Холдейн.

— В докладе Гортона вы найдете все подробности, — продолжал Леклерк, ничем не выдав своего раздражения. — Фритцше забрался сначала на крышу сарая, потом встал на пустую бочку из-под машинного масла и через вентилятор сделал снимки. Я не буду повторять сейчас каждую мелочь. Скажу только, что он максимально открыл диафрагму на 2.8 и использовал самые длинные выдержки от четверти секунды до двух секунд. Вот в чем преимущества обычной немецкой дотошности.

На этот раз никто не рассмеялся.

— Выдержки он, конечно, использовал наугад. Но сделал достаточное количество снимков. И

только на последних трех кадрах действительно можно что-то разглядеть. Вот они. — Леклерк выдвинул металлический ящик своего стола и вынул пачку глянцевых фотографий размером двенадцать на девять дюймов каждая. При этом он чуть заметно улыбался, как люди иногда улыбаются сами себе, глядя в зеркало.

Все сгрудились вокруг снимков, исключая Холдейна и Эвери, которые уже их видели.

На них явно было запечатлено нечто любопытное. Как ни странно, именно при беглом взгляде что-то сразу различалось в глубине теней, но если всматриваться пристальнее, тени смыкались, и мимолетное впечатление от увиденного распадалось. Но все же на фото что-то определенно присутствовало — какие-то смазанные очертания, похожие на ствол пушки, слишком длинной для любого самого большого лафета; некий намек на кабину транспортного средства и блик, в котором отражалось нечто вроде платформы.

— Не будем забывать, что, по всей вероятности, видеть нам мешают еще и наброшенные сверху маскировочные сетки, — заметил Леклерк, с надеждой вглядываясь в лица подчиненных и ожидая прочесть в них хотя бы проблески энтузиазма.

Эвери посмотрел на часы. Двадцать минут двенадцатого.

— Мне скоро пора уходить, директор, — сказал он. Ему еще нужно было позвонить Сэре, как он обещал. — Меня ждут в бухгалтерии, а потом предстоит оформить билет.

— Задержитесь еще минут на десять, — умоляющим тоном попросил Леклерк.

А Холдейн поинтересовался:

— Куда это он отправляется?

— Позаботиться о Тейлоре, — ответил Леклерк. — Но сначала ему предстоит встреча кое с кем в Цирке.

— Что значит — позаботиться? Тейлор мертв.

Повисла неловкая пауза.

— Вам прекрасно известно, что Тейлор путешествовал под чужим именем. Кому-то нужно забрать его вещи. Прежде всего пленку. Эвери летит туда в качестве ближайшего родственника. Министерство уже дало разрешение, и, уж простите, не знал, что мне необходимо еще ваше согласие.

— Чтобы получить труп?

— Чтобы получить кассету, — уже несколько раздраженно повторил Леклерк.

— Но это оперативное задание. Эвери не про-

шел специальной подготовки.

— Ничего. На войне и более молодые ребята выполняли трудную работу. Он справится.

— Даже Тейлор не справился. Что он будет делать с кассетой, если добудет ее? Привезет ее в дорожном несессере?

— Не могли бы мы обсудить это немного позже? — предложил Леклерк, обращаясь к остальным присутствующим и улыбаясь, словно показывая: сколько терпения нужно с этим Холдейном. Потом он продолжил: — Еще десять дней назад эти свидетельские показания и снимки были всем, чем мы располагали. Потом появилось второе основание для подозрений. Целый район вокруг Калькштадта был объявлен запретной зоной.

Подчиненные Леклерка оживленно и заинтересованно зашептались между собой.

— Радиус они установили, насколько нам известно, в тридцать километров. Никакой транспорт внутрь не пропускается. Для охраны привлечены пограничники. — Он снова оглядел своих людей. — Я сразу проинформировал об этом министра. Не берусь перечислять вам все возможные последствия, которые могут вытекать из подобной информации. Позвольте остано-

виться только на одном. — Последнюю фразу он произнес быстро, одновременно непроизвольным жестом убрав за уши пряди закрывавших их седых волос.

О Холдейне в этот момент все забыли напрочь.

— Что смутило нас с самого начала… — Он кивнул Холдейну, сделав что-то вроде примирительного жеста победителя, но Холдейн не обратил на него внимания. — …так это отсутствие советских военнослужащих. У них ведь расквартированы подразделения в Ростоке, Витмаре, Шверине. — Его палец снова стал чертить по карте между флажками. — Но их и в помине нет в непосредственной близости от Калькштадта, что подтвердили другие разведывательные источники. Если там размещают их вооружения, обладающие большой разрушительной силой, то почему за этим процессом не следят сами советские войска?

Маккаллох высказал предположение: там мог быть советский технический персонал, переодетый в штатское, не правда ли?

— Я считаю это весьма маловероятным. — Мягкая улыбка. — При сопоставимых случаях, когда происходило размещение или передислокация тактического оружия, нам всегда удавалось

установить наличие по меньшей мере одного подразделения советских вооруженных сил. С другой стороны, всего пять недель назад русские военные засветились в Гюствейлере, что еще чуть дальше на юг от Ростока. — Он снова обратился к помощи карты. — Они пошумели один вечерок в местном баре. У некоторых были погоны артиллеристов, у других род войск не определялся. Можно сделать вывод, что они сопровождали туда некий груз, оставили на месте и вернулись домой.

Теперь Вудфорд откровенно забеспокоился. Что все это означает? Что предпринимает их министерство? Он терпеть не мог задач и головоломок, требовавших долгого и упорного решения.

При таких условиях Леклерк мог позволить себе изобразить профессора, читающего лекцию и оперирующего фактами, не подлежащими сомнению.

— Аналитический отдел проделал превосходную работу. Общая длина объекта, представленного на этих фотографиях, — а они могут вычислить ее с высокой степенью точности, — равняется длине советской ракеты среднего радиуса действия. Основываясь на имеющихся данных, — он постучал по карте костяшками

пальцев, отчего она слегка съехала набок, свешиваясь с крючка в стене, — министерство полагает вполне вероятным, что мы имеем здесь дело с советскими ракетами, переданными под контроль восточных немцев. Аналитический отдел, — вынужден он был добавить быстро, — не готов к столь далеко идущим выводам. Но если возобладает точка зрения министерства… — Это был момент, которого он и ждал. — Мы окажемся перед угрозой повторения ситуации на Кубе[26], но только, — здесь он заметно сбавил нажим и произнес последние слова очень осторожно, — еще более опасной.

Теперь он уже полностью завладел общим вниманием.

— Вот почему, — объяснил Леклерк, — руководство разрешило нам в виде исключения полет над зоной предполагаемой активности. Как вы знаете, в последние четыре года наш департамент был вынужден довольствоваться аэрофотосъемкой вдоль официально утвержденных маршрутов пролета гражданской или военной авиации. Но даже в этом случае требовалось согласование с МИДом и их одобрение.

---

[26] Примечания: 26

Имеется в виду так называемый Карибский кризис в октябре 1962 г., чуть не ставший причиной Третьей мировой войны.

Казалось, его глаза искали нечто за пределами комнаты. Остальные с нетерпением ждали, когда он продолжит.

— И вот в кои-то веки министерство решило отступить от правил, и я не без удовольствия констатирую, что проведение операции было поручено нашему департаменту. Мы выбрали лучшего пилота, какого только смогли найти, — Лансена.

Кто-то удивленно вскинул на него взгляд: имена агентов обычно не назывались открыто.

— Лансен согласился за определенную плату отклониться от курса во время чартерного перелета из Дюссельдорфа в Финляндию. Тейлора мы отправили забрать у него отснятую пленку. Он, однако, погиб рядом с аэропортом в результате, как сейчас представляется, несчастного случая на дороге.

Они слышали, как по мокрой мостовой за окном проносятся машины, издавая звук, напоминающий шуршание бумаги на ветру. Огонь в камине погас окончательно, остался только дымок, легким покрывалом нависший над столом.

Сэндфорд поднял руку, привлекая к себе внимание. О какого типа ракетах может идти речь?

— «Сандал» (по советской классификации Р-12),

среднего радиуса действия. Аналитики сообщили мне, что такие ракеты впервые продемонстрировали на Красной площади в ноябре 1962 года. Но они еще до этого приобрели печальную известность. Именно ракеты «Сандал» русские пытались развернуть на Кубе. Кроме того… — Взгляд в сторону Вудфорда. — …«Сандал» является прямым производным от немецкой ракеты военного времени «ФАУ-2». — Он достал из ящика еще несколько фотографий и положил на стол. — Вот снимки ракеты «Сандал» из архива нашего аналитического отдела. По их словам, ее внешние приметы — это так называемая расклешенная юбка… — Он указал на нижнее оперение. — …И относительно невысокие стабилизаторы. От основания до вершины конуса она имеет длину в сорок футов. Если присмо2тритесь внимательно, то заметите отверстия с зажимами — вот здесь, — к которым крепится маскировочная сетка. К сожалению, мы не располагаем фото «Сандала» в маскировке. Вероятно, такие снимки есть у американцев, но на данной стадии я не чувствую себя готовым обратиться к ним за помощью.

— И правильно! Еще чего! — мгновенно отреагировал Вуд-форд.

— Министр считает важным, чтобы мы раньше

времени не тревожили своих союзников. Всем известно: стоит только упомянуть американцам о любых ракетах, и может последовать самая непредсказуемая реакция с их стороны. Мы и глазом не моргнем, как над Ростоком начнут кружить их У-2. — Вдохновленный смехом, который вызвала шутка, Леклерк продолжал: — В этой связи министр сделал еще одно важное замечание, которые я бы хотел донести до вас. Государство, которое подвергается максимальной угрозе со стороны этих ракет, — а дальность их действия составляет восемьсот миль, — это скорее всего наша страна. И уж точно не Соединенные Штаты. Да и с политической точки зрения сейчас не самое лучшее время для того, чтобы прятаться за спину американского дядюшки. В конце концов, как заметил министр, мы и сами еще не остались без последних зубов, чтобы укусить в ответ.

— Очень патриотично, — с сарказмом заметил Холдейн, а Эвери повернулся к нему и окинул взглядом, в который вложил всю свою злость.

— Думаю, вы могли бы сейчас воздержаться от подобных высказываний, — сказал он. И чуть не добавил: — Имейте же совесть!

Холдейн встретился глазами с Эвери, несколько секунд холодно смотрел на него, а потом отвел

взгляд. Он не простил ему эти слова, а всего лишь отложил наказание.

Кто-то спросил о дальнейших действиях. Предположим, Эвери не найдет пленки в вещах Тейлора. Предположим, ее среди них не было вообще. Смогут ли они организовать еще один пролет над той территорией?

— Нет, — ответил Леклерк. — О повторном пролете и речи быть не может. Это слишком опасно. Нам придется прибегнуть к другому методу.

Он явно не хотел пока вдаваться в детали, но Холдейн спросил:

— К какому же, например?

— Скорее всего мы направим туда своего человека. Это представляется единственным выходом из положения.

— Наш департамент? — переспросил Холдейн, изобразив преувеличенное удивление. — Направит туда агента? Министерство никогда не потерпит ничего подобного. Ты, должно быть, хотел сказать, что попросишь Цирк взять на себя эту миссию?

— По-моему, я уже четко разъяснил тебе свою позицию, Адриан. И, видит бог, не тебе давать здесь указания, что мы можем делать, а что нет. — Он окинул взглядом сидевших за столом,

словно ища поддержки. — Все, кто здесь присутствует, за исключением Эвери, уже имеют за спиной по крайней мере двадцатилетний опыт работы. Ты сам уже успел больше забыть о работе с агентурой, чем половина сотрудников Цирка о ней когда-либо знала вообще.

— Вот это в точку! — воскликнул Вудфорд.

— Ты только взгляни на собственный отдел, Адриан. На своих аналитиков. За последние пять лет я помню множество случаев, когда Цирк обращался к тебе за советом и информацией, используя твой опыт. А не пришло ли время, чтобы положение изменилось и с агентурной сетью? Министерство разрешило нам секретный полет. Почему бы им не дать добро и на засылку агента?

— Ты упомянул о трех основаниях для подозрений. Быть может, я что-то пропустил? Какое было третьим?

— Смерть Тейлора, — резко ответил Леклерк.

Эвери поднялся, кивком головы попрощался со всеми и тихо вышел. Холдейн пристально смотрел ему в спину.

5

На столе Эвери нашел записку от Кэрол: «Звонила ваша жена».

Он пошел в ее приемную и увидел, что она сидит за пишущей машинкой, но не печатает.

— Вы бы не стали так говорить о бедном Уилфе Тейлоре, — сказала она, — если бы знали его чуть лучше.

Он подумал, что ему следует ее утешить. Они порой позволяли себе касаться друг друга; может, ей как раз это было необходимо сейчас?

Он наклонился так низко, что завитки ее прически коснулись его щеки. Потом повернул голову, и они соприкоснулись висками, причем он даже почувствовал, как едва заметно натянулась ее кожа. На мгновение они застыли в этом положении: Кэрол очень прямо сидела на стуле, глядя в пространство перед собой и положив руки по обе стороны от пишущей машинки, а Эвери неловко склонился к ней. Ему захотелось прикоснуться к ее груди, но он не осмелился. Секунду спустя они отшатнулись друг от друга и снова стали каждый сам по себе. Эвери выпрямился во весь рост.

— Звонила твоя жена, — повторила она. — Я

сказала ей, что у тебя совещание. Она хотела срочно поговорить с тобой.

— Спасибо, у меня дел по горло.

— Джон, что происходит? Зачем тебе понадобился Цирк? Что на уме у Леклерка?

— Я думал, ты в курсе. Он сказал, что внесет тебя в список допуска.

— Речь не об этом. Зачем он снова лжет им? Он продиктовал мне меморандум для шефа Цирка о какой-то тренировочной схеме, которая предусматривает твою поездку за границу. Пайн отправился доставить письмо лично. И Леклерк почему-то с ума сходит из-за ее пенсии. Пенсии миссис Тейлор. Велел просмотреть все прецеденты в прошлом и тому подобное. Но даже заявление будет помечено грифом «Совершенно секретно». Он снова строит очередной карточный домик, Джон. Уж я его знаю. Например, кто такой Лейсер?

— Тебе вообще-то не положено о нем знать. Это агент. Поляк.

— Он работает на Цирк? — Затем она резко сменила тему. — И почему именно тебе нужно куда-то лететь? Этого я тоже никак в толк не возьму. Как и причину, по которой они отправили в Финляндию Тейлора. Почему? Если у Цирка

есть курьерская служба в Финляндии, по какой причине мы не могли просто с самого начала воспользоваться ею? Для чего понадобилось командировать туда беднягу Тейлора? Даже сейчас МИД еще вполне может все взять на себя. Уверена, что может. Но он и слышать об этом не хочет: ему угодно отправить тебя.

— Тебе не все известно, — коротко ответил Эвери.

— И еще вопрос, — успела сказать она, когда он уже собрался уходить. — Почему Адриан Холдейн так сильно тебя ненавидит?

Он успел зайти в бухгалтерию, а потом взял такси до Цирка. Леклерк напомнил, что ему возместят расходы. А еще он злился на Сэру за попытку разыскать его в такой неподходящий момент. Он же строго запретил ей звонить в департамент. По мнению Леклерка, это было небезопасно.

— Что вы изучали в Оксфорде? Вы же там учились, верно? — спросил Смайли и протянул ему сигарету из помятой пачки.

— Иностранные языки. — Эвери охлопал карманы в поисках спичек. — Немецкий и итальянский. — А когда Смайли промолчал, добавил: — Главным образом немецкий.

Смайли оказался низкорослым, рассеянным с виду мужчиной с пухлыми пальцами, немного дерганым, как будто он все время чувствовал себя не в своей тарелке. Эвери ожидал чего угодно, но не этого.

— Так-так. — Смайли кивнул словно в ответ на собственные, глубоко личные мысли. — Стало быть, вам нужен курьер в Хельсинки, как мне сказали. И вы должны передать ему пленку. Какая-то тренировочная миссия.

— Да.

— Крайне необычная просьба. Вы уверены?… Вам хотя бы известно, какого размера пленка?

— Нет.

Последовала долгая пауза.

— На вашем месте я бы постарался заранее получать такого рода информацию, — сказал Смайли беззлобно. — Понимаете, если курьеру придется спрятать пленку, это может стать проблемой.

— Простите, не понял. Почему?

— Впрочем, это уже не важно.

Эвери вдруг живо вспомнился Оксфорд, как он читал свое сочинение куратору.

— Вероятно, — произнес Смайли задумчиво, — мне следует объяснить вам только одну вещь.

Хотя, уверен, Шеф уже говорил на эту тему с Леклерком. Мы готовы предоставить вам всю необходимую помощь — любую помощь. Было время, — произнес он почти ностальгически и словно не обращаясь прямо к собеседнику, что было характерной для него манерой общения, — когда наши службы ожесточенно соперничали между собой. Я всегда сожалел об этом. И все же мне бы хотелось узнать о предстоящем деле немного больше. Совсем немного… Шеф очень хочет помочь вам. Но мы опасаемся совершить ошибку просто в силу недостатка информации.

— Это учебное задание. Но все вполне серьезно. Если честно, подробностей не знаю и я сам.

— Мы полны желания помочь, — повторил Смайли бесстрастно. — Какая страна является вашей целью? Подлинной целью?

— Мне это неизвестно. Моя роль здесь очень невелика. Я просто прохожу курс обучения.

— Но если это всего лишь тренировка, зачем окружать ее такой секретностью?

— Хорошо. Положим, это Германия, — сказал Эвери.

— Вот за это спасибо.

Почему-то из них двоих в большей степени выглядел смущенным Смайли. Он вперил взгляд в

свои руки, сложенные на столе. Спросил у Эвери, идет ли еще дождь. Эвери ответил, что да, льет по-прежнему.

— Я с большим огорчением узнал о Тейлоре, — сказал Смайли.

— Да, это был очень хороший человек, — согласился Эвери.

— Вы знаете, в какое время получите пленку? Сегодня вечером? Завтра? У меня сложилось впечатление, что Леклерк говорил о сегодняшнем вечере.

— Не могу сказать. Это зависит от того, как пойдет дело. Сейчас мне трудно заранее загадывать.

— Понятно.

Воцарилось долгое необъяснимое молчание. «Он похож на глубокого старика, — подумал Эвери, — который забывает, что находится не один».

— Понятно. В нашей работе всегда есть непредсказуемые факторы. Вам приходилось выполнять подобные задания прежде?

— Да, пару раз.

Смайли снова замолчал и, кажется, не заметил секундного замешательства собеседника.

— Как вообще дела на Блэкфрайарз-роуд? Вы знакомы с Холдейном? — спросил Смайли, причем ответ явно не был ему интересен.

— Да. Он теперь возглавляет аналитический отдел.

— Ну конечно. У него блестящие мозги. У ваших аналитиков, знаете ли, прекрасная репутация. Мы сами не раз обращались к ним. Кстати, мы с Холдейном учились в Оксфорде в одно и то же время. А во время войны немного успели поработать вместе. Великий человек. После войны мы очень хотели взять его к себе, но вот только наши медики забраковали его из-за болезни груди.

— Не знал.

— В самом деле? — Смайли комично вздернул брови. — В Хельсинки есть отель, который называется «Принц Датский». Прямо напротив центрального вокзала. Вам он случайно не знаком?

— Нет. Мне прежде не доводилось бывать в Хельсинки.

— Вот как? — Смайли теперь всматривался в него с некоторым беспокойством. — Очень странная история, как мне представляется. А Тейлор? Он тоже проходил стажировку?

— Понятия не имею. Но отель я найду, не сомневайтесь, — заявил Эвери с оттенком нетерпения в голосе.

— Рядом с входной дверью там есть киоск,

торгующий прессой и открытками. А вход в гостиницу только один. — Он говорил так, словно речь шла о соседнем доме в Лондоне. — И еще они продают цветы. Думаю, как только вы получите пленку, вам лучше будет направиться туда. Попросите цветочника послать дюжину роз для миссис Эвери в отель «Империал» в Торки. Хотя и пяти штук будет достаточно. Мы же не хотим попусту транжирить деньги, верно? А цветы в тех краях стоят дорого. Вы будете путешествовать под своей подлинной фамилией?

— Да.

— На это есть особая причина? Я не хочу совать нос в ваши дела, — поспешно добавил он, — но у нашего брата жизнь такая короткая… Не поймите меня неправильно, я имею в виду, до того как ваша принадлежность к спецслужбам становится известной противнику.

— Насколько я понял, чтобы получить фальшивый паспорт, требуется время. А министерство иностранных дел… — Ему не следовало влезать в эти подробности. Надо было сказать, что это уже не его ума дело.

— Прошу прощения. — Смайли нахмурился, словно злился сам на себя за бестактность. — Вы всегда могли обратиться к нам. Речь о паспорте. —

Тут он стал сама любезность. — Итак, отправьте цветы. Когда будете выходить из отеля, сверьте свои часы с часами в вестибюле. Ровно через полчаса возвращайтесь к входу. Водитель такси вас узнает и откроет дверь машины. Садитесь, поезжайте и передайте ему пленку. И конечно же, не забудьте заплатить. Строго по счетчику. Напоминаю потому, что сам знаю, как легко забываются подобные мелочи. Так какого рода тренировка вам все-таки предстоит?

— А если мне не удастся получить пленку?

— В таком случае не предпринимайте ничего. К отелю даже не приближайтесь. И вообще тогда не стоит ехать в Хельсинки. Просто забудьте обо всем.

Эвери невольно подумал, насколько четкие он дает инструкции.

— Когда вы изучали немецкий, вам случайно не доводилось заниматься литературой семнадцатого века? — вдруг с надеждой спросил Смайли, когда Эвери уже поднялся, чтобы идти. — Грифиусом, Лоэнштейном — поэтами их поколения?

— Это было выделено в спецкурс. Боюсь, что не доводилось.

— Спецкурс? — пробормотал Смайли. — Глупейшее название. То есть они считали их второсте-

пенными. Но все равно — спецкурс совершенно неуместное слово.

Когда они уже подошли к двери, он спросил:

— У вас есть портфель или что-нибудь в этом роде?

— Да.

— Когда получите пленку, положите ее в карман, — посоветовал Смайли, — а чемодан держите в руке. За вами, возможно, будут следить, и соглядатаи обычно не сводят глаз с портфелей. Это получается как-то непроизвольно, уверяю вас. И если вы где-то оставите портфель, они перестанут следовать за вами и полностью сосредоточатся на нем. Впрочем, не думаю, что финны дойдут до этого. У них просто нет опыта. Если, конечно, вы всего лишь выполняете тренировочное задание. Но не стоит особенно волноваться. Не надо уделять слишком много внимания такого рода мелочам, как и слишком доверять технике.

Он проводил Эвери до выхода из здания, а потом своей грузноватой походкой направился по коридору в сторону приемной Шефа.

Эвери поднимался по лестнице к своей квартире, гадая, какой будет реакция Сэры. Теперь он уже жалел, что не позвонил с работы, потому что не любил заставать ее в кухне, в то время как по

всему полу в гостиной валялись игрушки Энтони. Его появление дома без предупреждения никогда ни к чему хорошему не приводило. Она пугалась так, словно ожидала услышать, что он совершил нечто совершенно ужасное.

Своего ключа у него не было: Сэра почти никогда не уходила. Друзей или подруг, насколько он знал, она не завела, и потому ее не зазывали в кафе поболтать и выпить чашку кофе, а ходить по магазинам одной ей не нравилось. Казалось, она вообще не умела развлекать себя чем-либо самостоятельно.

Он нажал на кнопку звонка, услышал, как Энтони зовет мамочку, и стал дожидаться звука ее шагов. Кухня располагалась в самом конце коридора, но на этот раз она вышла из спальни, ступая мягко, будто шла босиком.

Сэра открыла дверь, даже не взглянув на него. Одета она была в ночную рубашку, поверх которой накинула теплую кофту.

— Боже, как долго тебя не было, — сказала она, повернулась и не слишком уверенной походкой вернулась в спальню. — Что-то случилось? — спросила она, оглянувшись. — Кого-то еще убили?

— Что с тобой, Сэра? Ты нездорова?

Вокруг них с громкими криками бегал Энтони, довольный тем, что папа вернулся домой рано. Сэра снова улеглась в постель.

— Я уже позвонила врачу. Сама не понимаю, что случилось, — сказала она так, словно недомогание не касалось ее лично.

— У тебя температура?

Рядом с кроватью она поставила кувшин с холодной водой и положила махровую салфетку из ванной. Он намочил ее, выжал и пристроил жене на лоб.

— Придется тебе управляться самому, — сказала она. — Боюсь, это не так интересно, как играть в шпионов. Ты так и не спросишь, что у меня болит?

— Когда приедет доктор?

— У него до двенадцати хирургическая операция. Наверное, он будет здесь вскоре после этого.

Эвери отправился в кухню. Энтони поплелся за ним. Стол еще не был убран после завтрака. Он позвонил матери жены в Рейгейт и попросил ее срочно приехать к дочери.

Только ближе к часу дня появился наконец врач.

— Жар, — констатировал он. — Какая-то инфекция бродит в организме.

Эвери опасался, что жена расплачется, когда он сообщит о необходимости поехать за границу, но она лишь выслушала его, немного подумала и предложила самому собрать вещи в дорогу.

— Это важно? — вдруг спросила она.

— Конечно. Крайне важно.

— Для кого?

— Для тебя, для меня. Для всех нас, наверное.

— А для Леклерка?

— Я же сказал — для всех.

Он пообещал Энтони непременно привезти подарок.

— А куда ты едешь? — спросил сын.

— Я лечу на самолете.

— Куда?

Он хотел сказать, что это большой секрет, но вспомнил дочку Тейлора и промолчал.

Поцеловав Сэру на прощание, он вынес чемодан в прихожую и поставил на половик. Дверь была снабжена двумя замками, чтобы Сэра чувствовала себя в безопасности, и сейчас следовало запереть их оба. Он услышал, как она спросила из спальни:

— Это опасно?

— Не знаю. Могу только сказать, что дело серьезное.

— Неужели ты так твердо в этом уверен?

Он откликнулся почти в отчаянии:

— Послушай, а почему я не могу быть в этом уверен? Разве ты не понимаешь, что это не праздный вопрос. Я имею дело с фактами. Почему ты всегда во мне сомневаешься? Неужели тебе так трудно хотя бы раз в жизни признать, что я выполняю важную работу?

Он вернулся в спальню, продолжая рассуждать на ходу. Сэра держала перед собой книгу в мягкой обложке и делала вид, что читает.

— Мы все должны найти свое место в жизни, обозначить круг своего существования. И потому не надо спрашивать меня все время: «Ты уверен? Ты уверен?» Это как если бы ты начала спрашивать, уверен ли я, что нам следовало заводить ребенка, уверен ли я, что мы не ошиблись, когда поженились. В этом просто нет смысла.

— Бедный Джон, — сказала она, опуская книгу и внимательно разглядывая его. — Лояльность без веры. Тяжело же тебе приходится.

Она произнесла это совершенно ровным тоном, словно была экспертом, сумевшим определить социальное зло, от которого он страдал. Вот почему еще один прощальный поцелуй показался ему сейчас таким неуместным.

Холдейн дождался, когда все выйдут из кабинета. Он, как всегда, явился последним и так же последним удалится.

— За что ты так со мной? — спросил Леклерк. Он говорил голосом актера, уставшего от сцены. На всем столе для совещаний рядом с пустыми чашками и полными пепельницами лежали развернутые карты и фотографии.

Холдейн не ответил.

— Что и кому ты пытаешься доказать, Адриан?

— Расскажи еще раз про человека, которого ты собираешься туда заслать.

Леклерк подошел к раковине и налил себе чашку воды из-под крана.

— Тебе не понравилась идея с Эвери? Скажи честно.

— Он слишком молод. А мне вообще не нравится твой культ молодости.

— У меня в горле пересохло от говорильни. Попей водички. Будет полезно для твоего горла.

— Сколько лет Гортону? — Холдейн взял чашку, отхлебнул из нее и поставил на стол.

— Пятьдесят.

— Нет, он старше. Он нашего с тобой возраста. А точнее, был нашего возраста еще на войне.

— Да, такие детали забываются. Ему, должно

быть, лет пятьдесят пять или пятьдесят шесть.

— Он в штате? — настойчиво продолжал расспрашивать Холдейн.

Леклерк покачал головой.

— Не прошел квалификацию. У него прерванный стаж. После войны он пошел служить в контрольную комиссию по германскому вопросу. А когда ее деятельность свернули, пожелал остаться в Германии. Думаю, это потому, что у него жена немка. Он обратился к нам, и мы взяли его на договор. Будь он штатным сотрудником, нам бы не хватило денег, чтобы держать его в Гамбурге. — Он отхлебнул из чашки по-женски аккуратно. — Десять лет назад у нас было тридцать резидентов в разных странах. Теперь осталось всего девять. Нас лишили даже собственной курьерской службы. Все, кто был на совещании, прекрасно об этом осведомлены, но почему-то никто не делает скидку на подобные обстоятельства.

— Как часто от него поступают донесения о перебежчиках?

Леклерк пожал плечами.

— Я не читаю всей его корреспонденции, — ответил он. — Твои люди знают лучше. Конечно, их стало заметно меньше после возведения Берлин-

ской стены и закрытия границы.

— Мне показывают только самые интересные материалы. И этот доклад из Гамбурга — первый за весь год. Вот почему я всегда считал, что у Гортона есть какая-то другая работа.

Леклерк покачал головой. Холдейн спросил:

— Когда подходит срок продления его договора?

— Этого я не знаю. Просто не знаю.

— Он, вероятно, сейчас сильно встревожен. Его увольнение предусматривает выплату денежного вознаграждения?

— Это всего лишь контракт на три года. Никакого вознаграждения. Никаких премий или пособий. Правда, у него есть возможность продолжать работу и после шестидесяти, если он все еще будет нам нужен. У внештатных работников есть свои мелкие преимущества.

— Когда договор с ним продлевался в последний раз?

— Тебе лучше спросить у Кэрол. Должно быть, года два назад. Или чуть раньше.

Холдейн напомнил:

— Так что ты говорил о засылке туда нашего человека?

— Я как раз встречаюсь сегодня с министром

по этому поводу.

— Ты уже отправил на задание Эвери. Тебе не следовало этого делать.

— Но кому-то надо было лететь. Или ты хотел, чтобы я обратился в Цирк?

— Эвери позволяет себе дерзости, — пожаловался Холдейн.

Струи дождевой воды бежали по желобам вдоль крыши, оставляя потеки на запылившихся снаружи оконных стеклах. Казалось, Леклерку даже хотелось, чтобы Холдейн продолжал, но тот замолчал.

— Я еще даже не знаю, как министр воспринял смерть Тейлора. Он будет расспрашивать меня об этом, и мне придется высказать свое мнение. Никто из нас, конечно, толком ничего не знает. — Его голос обрел прежнюю силу. — Но он может дать мне команду — это совершенно не исключено, Адриан, — он сам может распорядиться, чтобы мы заслали туда своего человека.

— И что же?

— Предположим, я тогда попрошу тебя быстро сформировать оперативный отдел, провести анализ, подготовить документы и оборудование. Предположим, тебе будет поручено срочно найти, обучить и отправить агента. Ты сможешь?

— Ни слова не говоря Цирку?

— Не вдаваясь в детали. Нам могут понадобиться кое-какие их возможности. Но это не значит, что мы обязаны описывать им картину в целом. Это классический вопрос безопасности: об операции должны знать только те, кому это необходимо знать.

— Значит, обойдемся без Цирка?

— А почему бы и нет?

Холдейн помотал головой.

— Хотя бы потому, что это теперь не наш род деятельности. Мы не готовы. Передай все Цирку и окажи им необходимую поддержку. Пусть этим займется кто-то из их опытнейших людей — Смайли или Лимас…

— Лимас мертв.

— Ладно. Тогда Смайли.

— Смайли давно раскрыт.

Холдейн побагровел.

— Но есть еще Гиллам и другие. Настоящие профессионалы. У них и сейчас еще хватает людей. Отправляйся на встречу с Шефом и передай дело ему.

— Нет, — твердо ответил Леклерк и поставил чашку на стол. — Нет, Адриан. Ты служишь в департаменте так же долго, как и я. Тебе известны

поставленные перед нами государством задачи. Предпринимать все необходимые действия — там так и сказано, — все необходимые действия для сбора, анализа и проверки разведывательной информации военного характера там, где подобные данные не могут быть получены из официальных военных источников. — Каждое слово он вбивал в поверхность стола своим маленьким кулачком. — А как еще, по-твоему, я получил разрешение на тот полет?

— Допустим, — согласился Холдейн, — перед нами все еще стоят прежние задачи. Но ведь условия изменились. Сейчас у этой игры совершенно иные правила. В прежние времена мы были хозяевами положения — резиновые лодки в безлунную ночь; захваченные вражеские самолеты, радиоперехват, и все такое. Уж нам ли не знать: мы проделывали все вместе с тобой. Но теперь все по-другому. Это совершенно иная война, принципиально другие методы ведения боевых действий. И в министерстве это отлично понимают, — добавил он. — А с Цирком я бы вообще не стал в таком случае связывать никаких надежд. Они там благотворительностью не занимаются.

Они вдруг посмотрели друг на друга удивленно, словно знакомились заново. Потом Леклерк ска-

зал, причем его голос был чуть громче шепота:

— Все ведь началось с агентурных сетей, верно? Помнишь, как Цирк начал отнимать их у нас одну за одной? А в министерстве только говорили: «Нам ни к чему иметь два польских отдела, которые будут дублировать работу друг друга, Леклерк. Мы решили, что Польшей теперь будет заниматься Шеф со своими людьми». Когда это было? В июле сорок восьмого. А потом продолжалось из года в год. Почему, ты думаешь, им так нравится твой аналитический отдел? Не потому, что ты умеешь красиво оформлять папки с досье. Это то место, которое они хотели бы отвести нам, разве не ясно? Место вспомогательной службы! Никаких самостоятельных операций! Они готовятся усыпить нас, как старых псов! Знаешь, какое у нас сейчас прозвище на Уайтхолле? Шпионская богадельня!

Наступила долгая пауза.

— Я всего лишь обрабатываю данные, — сказал Холдейн. — Я не разведчик.

— Но ведь ты был прекрасным оперативником, Адриан.

— Как и мы все.

— Тебе известна цель. Ты располагаешь о ней всеми сведениями. Кому еще этим заниматься?

Забирай себе любого — Эвери, Вудфорда… Кого только захочешь.

— Мы отвыкли от людей. То есть от работы с агентами, я имею в виду. — В тоне Холдейна послышалась неожиданная неуверенность в себе. — Я стал аналитиком. Занимаюсь бумажками.

— Нам просто нечего было тебе предложить взамен до этого момента. А сколько лет прошло? Уже двадцать?

— Ты хоть представляешь себе пусковую площадку ракеты? — неожиданно спросил Холдейн. — Сколько всего требуется для ее оборудования? Им нужны стартовые столы, защитные щиты, кабельные трубопроводы, здания для пультов управления, бункеры для хранения боеголовок, топливозаправщики и машины для подвозки окислителя. И все это надо подготовить заранее. Ракеты не появляются ниоткуда за одну ночь. Они похожи на целые передвижные ярмарки. Не заметить этого невозможно. Мы бы знали обо всем значительно раньше. Мы или Цирк. А что касается смерти Тейлора…

— Ради бога, Адриан, ты ведь не думаешь, что в разведке все так просто? Что в ней есть незыблемые правила? Ты ставишь меня в положение

священника, который должен каждый раз доказывать, что Христос появился на свет именно в день Святого Рождества. Во что-то приходится просто верить. Порой случаются неожиданности. — Леклерк придвинул к Холдейну округлое лицо, словно стараясь заставить его признать очевидное.

— Ты не можешь оперировать одними умозрительными схемами, Адриан. Мы не ученые. Мы служим своей стране. Нам нужно принимать складывающееся положение вещей. Быть готовыми к работе с людьми, с фактами, готовыми к любому повороту событий.

— Очень хорошо. Давай разберемся с фактами. Он переплыл реку. Как сумел сохранить пленку сухой? И если уж на то пошло, как он вообще ухитрился сделать эти снимки? Почему на них незаметны сотрясения камеры? Он крепко выпил. Ему приходилось вставать на цыпочки. А ведь он использовал очень длинные выдержки, по его же словам. — Казалось, что сейчас Холдейн не опасался Леклерка, не волновался за судьбу операции, а страшился самого себя. — Почему он отдал Гортону бесплатно то, за что с других требовал денег? Чего ради он был готов рисковать жизнью, когда делал фотографии? Я отправил

Гортону целый список дополнительных вопросов. Но он отвечает, что пока не может разыскать этого человека.

Холдейн переводил взгляд с модели бомбардировщика на рабочий стол Леклерка, заваленный папками.

— Ты ведь думаешь о Пенемюнде[27], я прав? Тебе хочется, чтобы повторилась история с Пенемюнде.

— Ты так и не сказал, как поступишь, если задание это поручат мне.

— Ты его не получишь. Никогда и ни за что. — Холдейн говорил теперь решительно и даже с оттенком триумфа. — Мы мертвы, разве тебе это еще непонятно? Ты фактически сам признал это. Они не хотят, чтобы мы воевали. Им нужно мирно нас усыпить. — Он поднялся из-за стола. — А потому все это не имеет никакого значения. И для нас в этом заключен чисто теоретический смысл. Неужели ты мог в самом деле подумать, что Шеф нам хотя бы в чем-то поможет?

— Они согласились предоставить своего секретного курьера.

— Да. И это очень странно.

---

[27] Примечания: 27

Город в Германии, рядом с которым в 1937 г. был создан первый в мире ракетный полигон.

Холдейн остановился у одной из фотографий на стене рядом с дверью.

— Это ведь Маллаби, если не ошибаюсь? Мальчик, который погиб. Почему ты взял его фамилию для кодового имени?

— Сам не знаю. Просто пришло в голову. Иногда память играет с нами злые шутки.

— Ты не должен был отправлять Эвери. Нам нельзя использовать его для подобных заданий.

— Я просмотрел всю картотеку этой ночью. У нас есть человек, который нам подойдет. Я имею в виду, для засылки в тот район. — Осмелев, он добавил: — В роли нашего агента. Он обучен обращению с рацией, говорит по-немецки, холост.

Холдейн замер.

— Сколько ему лет?

— Сорок. Или чуть больше.

— Значит, на войне он был совсем сосунком.

— Но работал отлично. Попал в плен в Голландии и сумел бежать.

— Как он попал в плен?

Последовала короткая пауза.

— Записей об этом не сохранилось.

— Умен?

— По крайней мере вполне квалифицирован.

Новая пауза, более продолжительная.

— Мы тут все квалифицированны. Давай дождемся, с чем вернется Эвери.

— И посмотрим, что скажут в министерстве.

Леклерк дождался, пока звуки кашля затихнут в дальнем конце коридора, и надел пальто. Он отправится на прогулку, подышит свежим воздухом, пообедает в клубе. Закажет лучшее блюдо. Он даже задумался, что ему подадут: в этом заведении с каждым годом кормили все хуже. После обеда ему предстояло вернуться к жене Тейлора. А потом на очереди министерство.

Вудфорд обедал с женой в «Горриндже».

— Наш юный Эвери отправился на первое задание, — сказал он. — Кларки[28] его послал. Думаю, он сумеет себя проявить.

— Или его тоже убьют, — сказала она с некрасивой кривой ухмылкой. Ей нельзя было пить — строгий запрет врачей. — Вот когда у вас будет повод устроить настоящий праздник. Боже, я так и представляю эту вечеринку на два с половиной человека гостей! Милости просим на Блэкфрайарз! У нас карнавал! — У нее задрожала нижняя губа. — И почему только в молодости люди так хороши? Мы ведь с тобой тоже когда-то были

---

[28] Примечания: 28
Неформальное прозвище Леклерка.

молоды, помнишь?... Боже мой, мы все еще молоды, и нам не терпится скорее повзрослеть! А что, разве я не права? Не можем же мы...

— Все хорошо, Бабз[29], — сказал он, опасаясь, что она в любой момент разрыдается.

6

Полет начинается

Эвери сидел в самолете, вспоминая тот день, когда Холдейн не явился на службу. Так совпало, что это было первое число месяца. Кажется, первое июля. И Холдейн не пришел в контору. Эвери не заметил бы этого, но по внутреннему телефону позвонил Вудфорд. Вероятно, Холдейн заболел, сказал Эвери. Или возникло неотложное личное дело. Но Вудфорда такое объяснение не устраивало. Он специально зашел в кабинет Леклерка и посмотрел список отпусков и отгулов. Холдейн в последнем не значился. А в отпуск уходил только в августе.

— Позвони ему домой, Джон, позвони домой, — подначивал он. — Поговори с женой. Узнай, что с ним такое.

---

[29] Примечания: 29
Уменьшительно-ласкательное от имени Барбара.

Эвери был настолько поражен, что совершенно растерялся: эти двое проработали вместе двадцать лет. Даже он знал, что Холдейн не женат.

— Выясни, где он, — напирал Вудфорд. — Давай! Я тебе приказываю. Позвони ему домой.

И он подчинился. Можно было отказаться. Пусть Вудфорд звонит сам, если ему так надо, но у Эвери не хватило духа. Ответила сестра Холдейна. Брат лежит в постели, у него сильные боли в груди. Дать ей номер телефона департамента он наотрез отказался. Когда взгляд Эвери случайно упал на календарь, он сразу понял причину необычного волнения Вудфорда. Начало квартала. Холдейн мог перевестись на другую работу и покинуть департамент, не предупредив его, Вудфорда. Когда через пару дней Холдейн вернулся, Вудфорд вел себя с ним необычайно сердечно, пропуская мимо ушей саркастические замечания, — настолько он был рад, что Холдейн остался на своем месте. Что до Эвери, то он еще какое-то время не мог прийти в себя от испуга. Его вера пошатнулась, стоило ему приглядеться повнимательнее к тому, во что он верил.

Он стал замечать, что все его коллеги — только Холдейн не играл в эти игры — приписывали друг другу черты необыкновенных, чуть ли не леген-

дарных личностей. Тот же Леклерк, к примеру, представляя Эвери кому-либо из министерского начальства, никогда не упускал случая сказать: «Эвери — наша восходящая звезда». Для более высокопоставленных чиновников это звучало примерно так: «Эвери заменяет мне память. Если возникнет любой вопрос, достаточно обратиться к нему». По тем же причинам они легко прощали друг другу грубейшие ошибки. Инстинкт самосохранения не позволял им допустить даже мысль о том, что в департаменте могли работать дураки. Он обнаружил, что контора служила своего рода убежищем от всех сложностей современной жизни, здесь все еще существовали прежние правила и границы поведения. Для своих сотрудников департамент приобрел черты почти религиозного святилища. Подобно монахам, они наделяли этот свой монастырь мистическими свойствами, которые существовали независимо от того, что в нем водились свои глупцы и грешники. Они могли относиться с оттенком циничного пренебрежения к деловым качествам друг друга, презирать внутреннюю иерархию и карьерные соображения, но пламя их веры в департамент хранилось словно в отдельной часовне, которую они называли патриотизмом.

Несмотря на все это, сейчас, глядя в иллюминатор на темные морские волны внизу, в которых отражалось холодное солнце, он чувствовал, что и его сердце переполняет волнующее чувство любви. Вудфорд с его трубкой и простецкими манерами все же принадлежал к секретной элите, куда теперь допустили и его, Эвери. Холдейн… Холдейн с его кроссвордами и эксцентричными манерами вообще вписывался в этот мир лучше всех — бескомпромиссный интеллектуал, пусть и раздражительный и вечно отчужденный. Он теперь жалел, что нагрубил Холдейну. Деннисона и Маккаллоха Эвери считал непревзойденными знатоками техники, спокойными ребятами, которые не лезли выступать на совещаниях, а тихо и неутомимо выполняли порученную им работу, неизменно оказываясь правыми в своих мнениях. И он был благодарен Леклерку, благодарен от всей души, потому что тот дал ему столь высокую привилегию — стать одним из этих людей, выполнять одну с ними общую и чрезвычайно важную миссию, уйти от неуверенности прошлого и встать на путь к зрелости и опыту настоящего мужчины плечом к плечу с ними, прошедшими горнило войны. Он готов был тысячу раз сказать Леклерку спасибо за то, как он им руководил,

за точные распоряжения, которые придавали упорядоченность его существованию и изгоняли из головы всякую анархию. Он вообразил, как однажды Энтони вырастет, и его тоже введут в коридоры их невзрачного здания, как представят его совсем уже старому Пайну, который со слезами на глазах встанет по стойке «смирно» в своей будке и с теплотой пожмет нежную молодую руку его сына.

В этой трогательной сцене не находилось места только Сэре.

Эвери легко прикоснулся к уголку длинного конверта в своем внутреннем кармане. В нем лежали его деньги — двести фунтов в голубом конверте, помеченном государственным гербом. Он слышал истории, как во время войны некоторые зашивали такие конверты в подкладку пальто, и ему вдруг захотелось, чтобы и с его конвертом поступили так же. Конечно, все это выглядело бы по-детски, и он даже улыбнулся, не ожидая от себя способности к таким глупым фантазиям.

Ему вспомнилась встреча со Смайли. А ведь он побаивался Смайли, признался он себе сейчас. И припомнилась стоявшая в дверях девочка с куклой. Все! Мужчина должен уметь отбрасывать

любые сентиментальные чувства.

— Ваш муж выполнял очень важное задание, — говорил Леклерк. — Я не имею права сообщать вам подробности. Могу лишь подтвердить, что он пал смертью храбрых.

У нее был некрасивый, измазанный помадой рот. Леклерк никогда не встречал прежде человека, который бы так обильно проливал слезы. Это была рана, которая не затянется уже никогда.

— Что это значит — «смертью храбрых»? — спросила она, вздрогнув от этих слов. — Мы же ни с кем не воюем. Так что не надо этих вздорных громких фраз. Он просто мертв, — сказала она упрямо и спрятала лицо в изгибе локтя, а потом распласталась по обеденному столу, как брошенная кукла. Дочка смотрела на нее, сидя на корточках в углу.

— Как я полагаю, — сказал Леклерк, — вы имеете право подать прошение о выплате пенсии. Вам известно об этом? Хотя можете предоставить все хлопоты нам. Чем скорее мы этим займемся, тем лучше. Хорошая пенсия, — добавил он так, словно это было девизом всей его жизни, — имеет важнейшее значение.

Консул дожидался его у паспортного контроля.

Он подошел сразу же, но даже не улыбнулся, не скрывая, что всего лишь исполняет свой долг.

— Это вы Эвери? — спросил он.

Эвери увидел перед собой высокого мужчину в шляпе и темном плаще, с суровым выражением на покрасневшем лице. Они пожали друг другу руки.

— А вы, стало быть, британский консул мистер Сазерленд?

— Вообще-то я консул ее величества, — отозвался он чуть язвительно. — Мне бы хотелось, чтобы вы сразу почувствовали разницу. — Он говорил с шотландским акцентом. — Кто вам сообщил мою фамилию?

Они вместе направились к главному выходу. Все получилось очень просто. Эвери успел лишь заметить девушку за стойкой — светловолосую и довольно красивую.

— Очень любезно с вашей стороны приехать, чтобы встретить меня, — сказал Эвери.

— От города здесь всего три мили. — Они уселись в машину. — Он погиб чуть выше по дороге, — сказал Сазерленд. — Хотите взглянуть на место?

— Да, пожалуй. Чтобы потом рассказать мамочке. — На нем был черный галстук.

— Ваша фамилия действительно Эвери, верно?

— Ну, разумеется. Вы же видели на контроле мой паспорт.

Сазерленду ответ явно не понравился, и Эвери пожалел, что выразился именно так. Хозяин машины завел двигатель. Они уже собирались выехать на дорогу, когда сзади неожиданно выскочил «ситроен» и обогнал их.

— Идиот проклятый! — рявкнул ему вслед Сазерленд. — Дорога же вконец обледенела. Наверняка один из местных пилотов. На земле они теряют всякое представление о скорости.

Им был виден силуэт водителя в шапке с козырьком сквозь заднее стекло машины, умчавшейся вперед по шоссе среди дюн, выбрасывая из-под задних колес небольшие фонтанчики снега.

— Вы сами откуда? — спросил консул.

— Из Лондона.

В этот момент Сазерленд показал рукой чуть вперед.

— Вот где погиб ваш брат. Прямо на обочине. Полиция предполагает, что шофер мог быть пьян. У них здесь, знаете ли, очень строго с вождением в нетрезвом состоянии.

Это прозвучало предупреждением. Эвери смот-

рел на заснеженные равнины чужой страны по обе стороны от дороги и думал о том, как одинокий англичанин Тейлор с трудом брел вдоль обочины со слезившимися от мороза глазами.

— Позже мы навестим полицейских, — сказал Сазерленд. — Они будут нас ждать и посвятят во все подробности. Вы забронировали себе номер на ночь?

— Нет.

Когда они въехали на небольшой взгорок, Сазерленд сказал тоном, в котором сквозило отвращение:

— Это случилось здесь. Можете выйти из машины, если есть желание.

— Нет, не нужно.

Сазерленд сразу же надавил на педаль газа, словно хотел побыстрее удалиться от злосчастной точки.

— Ваш брат шел в сторону отеля «Регина». Он здесь рядом. Не смог найти такси.

Они начали скатываться со склона по другую сторону холма, и Эвери увидел светящиеся окна длинного здания гостиницы, стоявшего поперек долины.

— Здесь идти всего ничего, — прокомментировал Сазерленд. — Он добрался бы за пятнадцать

минут. Даже меньше. А где живет ваша матушка?

Вопрос застал Эвери врасплох.

— Есть такой городок Вудбридж в Суффолке.

Там как раз проходили выборы местного члена парламента, и потому название стало первым, пришедшим Эвери в голову, хотя политика его не волновала вообще.

— Почему же он не записал ее?

— Простите, не понял.

— Как ближайшего родственника. Почему Маллаби не указал вместо вас мать?

Вероятно, вопрос не был задан серьезно. Быть может, он просто хотел поддержать разговор, чтобы Эвери расслабился, но все равно это действовало на нервы. Он устал с дороги, и ему хотелось, чтобы его просто встретили, не устраивая допросов с пристрастием. К тому же он уже ясно осознавал, что плохо проработал детали своих родственных отношений с Тейлором. Что там написал о нем в телетайпе Леклерк — сводный брат или единокровный брат? Он поспешно стал сочинять цепочку семейных событий: смерть, повторное замужество или просто сожительство, чтобы подготовиться к другим возможным вопросам Сазерленда.

— Вот отель, о котором я говорил, — сказал консул, а потом неожиданно вернулся к прежней теме: — Вообще-то это не моего ума дело. Он был волен записать в родственники кого угодно.

Возникало впечатление, что презрительная интонация вошла у Сазерленда в привычку, превратилась в своего рода речевую философию. Он говорил так, словно каждая его фраза противоречила общепринятому мнению.

— Она уже старенькая, — ответил после паузы Эвери. — Мы всегда стараемся уберечь ее от неприятных новостей. Наверное, брат тоже думал об этом, когда заполнял заявление на паспорт. К тому же она долго болела. У нее слабое сердце. Даже пришлось делать операцию.

Все это звучало немного по-детски.

— Понятно.

Они въехали на городскую окраину.

— Будет произведено вскрытие, — сказал Сазерленд. — Боюсь, этого не избежать. По здешним законам оно обязательно в случае насильственной смерти.

Паршиво. Леклерк сильно разозлится. Сазерленд между тем продолжал:

— Для нас с вами сложность заключается в обилии излишних формальностей. Криминальная

полиция забрала тело и выдаст его только после получения результатов вскрытия. Я просил их ускорить процедуру, но это не тот случай, когда можно настаивать.

— Спасибо. Но я-то, честно говоря, рассчитывал, что смогу сразу забрать тело и вылететь обратно.

Когда они свернули с главной улицы на рыночную площадь, Эвери спросил небрежным тоном, словно вопрос интересовал его всего лишь теоретически:

— Кстати, а что с его личными вещами? Мне, наверное, тоже лучше будет забрать их с собой, не так ли?

— Сомневаюсь, что полиция выдаст их до того, как получит разрешение общественного прокурора. К нему поступает отчет о вскрытии, а потом он принимает решение. Ваш брат оставил завещание?

— Понятия не имею.

— И вы не знаете, кому завещано имущество покойного?

— Нет.

Сазерленд издал сухой, но сдержанный смешок.

— В таком случае вы пытаетесь сильно опережать события. Ближайший родственник по

паспорту и наследник — это не совсем одно и то же, — объяснил он. — Боюсь, что на сегодняшний день у вас нет никаких прав, кроме как забрать тело.

Он сделал паузу, развернувшись на сиденье и глядя назад, пока парковал машину на свободном месте стоянки.

— Даже если полиция передаст вещи вашего брата мне, я не смогу ими распоряжаться, пока не получу указаний из главного консульского управления в Лондоне. А они, — продолжил он быстро, заметив, что Эвери собирается перебить его, — не пришлют мне никаких указаний до утверждения завещания или до решения суда по этому вопросу. Зато я уполномочен выдать вам свидетельство о смерти, — добавил он в утешение, открывая дверь со своей стороны, — если оно потребуется для страховой компании. — Он искоса посмотрел на Эвери, словно любопытствуя, унаследует ли тот хоть что-нибудь. — Это обойдется вам в пять шиллингов консульского сбора и еще по пять за каждую заверенную копию. Вы, кажется, хотели что-то сказать?

— Нет, ничего.

Они вместе поднялись по ступеням к входу в полицейский участок.

— Нам предстоит встреча с инспектором Пеерсеном, — сообщил Сазерленд. — Он человек беззлобный. Будьте любезны, предоставьте мне общаться с ним.

— Конечно, все в ваших руках.

— Он и раньше мне помогал решать проблемы с БНЗ.

— С кем?

— С британскими нарушителями закона. У нас тут летом бывает один праздник. Это просто позорище. Люди ведут себя как свиньи. Кстати, ваш брат злоупотреблял алкоголем? Есть некоторые указания на то, что он…

— Возможно, и злоупотреблял, — поспешил сказать Эвери. — В последние несколько лет мы с ним почти не общались.

И они вошли в здание.

Леклерк в это время осторожно поднимался по широкой лестнице министерства. Здание располагалось между Уайтхолл-гарденз и рекой. Двери недавно сменили, поставив по обеим сторонам статуи в откровенно фашистском стиле, который обожали власть имущие. Частично модернизированный корпус охраняли сержанты в красных накидках. В вестибюле оборудовали два современных эскалатора. Тот, который спускался

вниз, был сейчас переполнен, поскольку время перевалило за половину шестого.

— Уважаемый помощник министра, — начал Леклерк не слишком уверенно. — Я буду вынужден обратиться к вашему руководителю за разрешением на еще один пролет.

— Понапрасну потратите время, — ответил помощник, весьма довольный собой. — Он выражал огромное беспокойство в связи с предыдущим полетом, приняв затем окончательное и принципиальное решение: больше ничего подобного допускать не следует.

— Даже если речь идет о такой важной цели?

— В особенности если речь идет о такой цели. — Помощник министра машинально коснулся угла своей папки для входящих бумаг жестом, каким управляющие банками обычно проверяют, нет ли новых обращений за кредитами. — Вам придется придумать что-то другое, — сказал он. — Найти иной способ. Неужели нет более безболезненных методов проверки информации?

— Увы. Вероятно, мы могли бы попробовать организовать группу перебежчиков из того района. Но это длительный процесс. Потребуются листовки, пропагандистские радиопередачи, финансовые обещания. Все это отлично срабаты-

вало во время войны. Нам придется вступить в контакт с множеством людей.

— Звучит не слишком обнадеживающе.

— Верно. Потому что теперь все обстоит по-другому.

— Но должны же быть еще какие-то пути, — не сдавался помощник.

Леклерк снова выдал улыбку, в которой читалось: «Я бы и рад помочь, но чудес не бывает».

— Засылка агента. Краткосрочная операция. Проникновение и быстрый уход. Неделя на все про все, я думаю.

— Но кого вы сможете найти для выполнения такого задания? В наши-то дни? — с сомнением спросил помощник.

— Вы совершенно точно указали суть проблемы. Кого послать? Вот почему это всего лишь один из маловероятных вариантов.

Кабинет помощника министра был просторным, но темным. Повсюду стояли шкафы с книгами в кожаных переплетах. Модернизация добралась до порога его офиса, но здесь вынуждена была остановиться. Им придется дождаться его отставки, прежде чем и эту комнату подвергнут обновлению. А пока в мраморном очаге по-прежнему горел газовый нагреватель. Центр

одной из стен украшало старинное полотно, запечатлевшее морское сражение. Когда же сквозь туман с реки доносились гудки барж, атмосфера вообще становилась до странности напоминающей портовую.

— Калькштадт находится совсем рядом с границей, — сказал Леклерк. — Нам даже не понадобится пассажирский лайнер. С курса может сбиться учебный самолет. Мы это неоднократно проделывали раньше.

— Вот именно, неоднократно. И к чему это привело? — отозвался помощник министра. — Этот ваш человек погиб, ведь так?

— Тейлор?

— Нас в данном случае не интересует конкретное имя. Волнует то, что его убили.

— Факт убийства не доказан, — поспешно отреагировал Леклерк.

— Но вы ведь знаете, что это так?

Леклерк продолжал терпеливо улыбаться.

— Мне кажется, мой дорогой помощник министра, мы с вами оба знаем, как опасно делать необоснованные выводы, когда речь идет о принятии крупных политических решений. И я по-прежнему обращаюсь с просьбой об организации еще одного полета.

Щеки помощника зарделись.

— Но я же вам сказал, что об этом не может быть и речи. Нет! Так для вас яснее? Вот почему мы с вами можем обсуждать только альтернативные методы.

— Есть еще один вариант, который не потребует участия моего департамента. Здесь инициативу в большей степени придется взять на себя вам и министерству иностранных дел.

— Что за вариант?

— Подбросить информацию в лондонские газеты. Информировать общественность. Напечатать фотографии.

— А потом?

— Только наблюдать, и все. Проверить, как отреагируют дипломаты из ГДР и Советского Союза, прослушивать их переговоры. Как говорится, разворошить гнездо и посмотреть, что получится.

— Я могу уже сейчас сказать, что получится. Громкий протест американцев, эхо которого будет потом еще лет двадцать отражаться в наших коридорах.

— Да, конечно. Как я мог не учесть этого?

— Вам очень везет, если можете себе позволить не учитывать этого. Но вы что-то говорили о возможной засылке агента.

— О, речь идет о чисто умозрительной идее. У нас нет на примете никого, чтобы осуществить ее.

— Послушайте, — сказал помощник с решимостью очень уставшего человека. — Позиция министра предельно проста. Вы представили ему доклад. Если содержащиеся в нем факты подтвердятся, это повлияет на всю организацию нашей оборонительной системы. А если честно, то и на многое другое. Я ненавижу пустые сенсации, как и сам министр. Если вы получили информацию такого масштаба, то извольте найти способ проверить, соответствует ли она действительности.

— Хорошо, — быстро согласился с ним Леклерк, — но если даже я найду нужного человека, встанет проблема ресурсов. Деньги, тренировочная база и оборудование. Вероятно, мне понадобится увеличить штат департамента. Нужен будет свой транспорт. В то время как простой полет…

— Не надо толочь воду в ступе. Почему вы снова создаете нам сложности? В конце концов ваша организация и существует для того, чтобы…

— Совершенно верно, мы располагаем нужным опытом. Но мой департамент подвергся сокращениям, как вам известно. И весьма серьезным

сокращениям. Не буду кривить душой: уже не все свои функции мы можем выполнять с прежней эффективностью. Причем, заметьте, я никогда не пытался повернуть время вспять. Хотя от всей нынешней ситуации, — едва заметно улыбнулся он, — слегка отдает анахронизмом.

Помощник министра посмотрел в окно на огни, дрожавшие вдоль берега реки.

— А вот мне ситуация представляется более чем современной. Мы же с вами говорим о ракетах огромной мощности. И не думаю, что министр увидит здесь хотя бы какой-то признак анахронизма.

— В данном случае я веду речь не об объекте операции, а лишь о методе ее проведения. Это будет нелегальное проникновение на территорию противника. Едва ли мы делали хоть что-то подобное со времен войны. Хотя именно с такими способами нанесения секретных ударов мой департамент традиционно знаком лучше, чем кто-либо другой. Или по крайней мере был знаком.

— К чему вы клоните?

— Я просто размышляю вслух. Мне пришло в голову, что Цирк сейчас гораздо лучше готов к подобной работе. Быть может, вам стоило бы

переговорить с Шефом. Я же готов обещать ему всемерную поддержку со стороны моих людей, если понадобится оружие.

— То есть вы считаете, что сами не справитесь?

— Силами, которые остались в моем распоряжении, это затруднительно. Шеф справится. Конечно, при условии, что министр не станет возражать, если к делу будет привлечена еще одна организация. Или, вернее, две. Я и не предполагал, что огласка так вас беспокоит.

— Две?

— Шефу Цирка неизбежно придется поставить в известность министерство иностранных дел. Это его обязанность. Как моя обязанность обо всем докладывать вам. Но с того момента мы сможем считать, что это уже их головная боль, а не наша с вами.

— Если люди из МИДа обо всем узнают, — презрительно заметил помощник, — то уже завтра разговоры пойдут по всем лондонским клубам.

— Да, такая опасность есть, — согласился Леклерк. — Но меня гораздо больше волнует, достаточно ли у сотрудников Цирка чисто военного опыта. Пусковая площадка для ракеты — дело сложное: стартовые столы, защитные

щиты, кабельные трубопроводы — все это требуется обнаружить и правильно оценить. Мы с Шефом могли бы, как я полагаю, объединить наши усилия…

— Даже не думайте о сотрудничестве с ними. Вы слишком плохо уживаетесь друг с другом. Но даже если вы наладите взаимодействие, это все равно будет против главного правила: не сливать спецслужбы в единый монолит.

— Ах да, конечно.

— Давайте исходить из того, что вы займетесь этим делом самостоятельно. Предположим, вы найдете человека на роль агента. Что еще потребуется?

— Прежде всего новая смета расходов. Немедленный доступ к финансированию. Дополнительный штат сотрудников. Тренировочная база. Покровительство министра — специальные допуски и расширенные полномочия. — Снова небольшой укол ножичком. — И некоторая помощь от Шефа… Ее мы можем получить под каким-нибудь благовидным предлогом.

Ревун буксира траурным эхом разнесся над речной водой.

— Что ж, если другого пути нет…

— Вероятно, вам лучше представить наше пред-

ложение министру, — подсказал Леклерк.

Последовало молчание. Леклерк продолжил:

— Если переходить к конкретным цифрам, то нам потребуется около тридцати тысяч фунтов.

— Подотчетных?

— Частично. Насколько я понял, некоторых подробностей не захотите знать вы сами.

— Да, но есть еще министерство финансов. Набросайте-ка меморандум с приблизительным подсчетом предстоящих статьей расходов.

— Будет исполнено. Но только в очень схематичном виде.

Снова молчание в ответ.

— Сумма не представляется чрезмерной, если сопоставить с опасностью, которая нам грозит, — произнес наконец помощник министра, словно в утешение самому себе.

— Возможно, грозит. Это мы и хотим установить. Я не пытаюсь делать вид, что уверен на все сто процентов. Но подозрения существуют, причем далеко не безосновательные подозрения. — И он не удержался, чтобы не добавить: — Цирк запросил бы вдвое больше. Они очень вольно распоряжаются государственными деньгами.

— Значит, тридцать тысяч фунтов и наша полная поддержка?

— И человек. Но найти его будет моей задачей. — Он издал короткий смешок.

Помощник вновь резко повторил:

— Как я понял, вы осознаете, что министру не обязательно знать все детали?

— Да. Думаю, будет лучше, если вы возьмете большую часть переговоров на себя.

— Но мне трудно будет удержать его от участия. Вам удалось очень сильно его встревожить.

На это Леклерк заметил с притворным смирением:

— А нам не следует чрезмерно тревожить начальство. Наше общее начальство.

Впрочем, помощник министра, казалось, не считал, что начальство у них общее. Они поднялись с мест.

— Кстати, — продолжал Леклерк. — О пенсии для миссис Тейлор. Я пишу ходатайство в министерство финансов по этому поводу. Они бы хотели, чтобы на нем стояла виза нашего министра.

— Почему, ради всего святого?

— Речь все-таки идет о гибели при исполнении служебных обязанностей.

Помощник замер.

— Вы заходите слишком далеко в своих требо-

ваниях. По сути, вам нужно, чтобы министерство само расписалось в том, что Тейлора убили.

— Я лишь прошу о достойной пенсии для вдовы, — уже очень серьезно возразил Леклерк. — Он был одним из моих лучших людей.

— Ну, разумеется. Они у вас все лучшие.

Министр даже не поднял головы, когда они вдвоем вошли к нему в кабинет.

Зато инспектор полиции Пеерсен сразу же встал со своего кресла — невысокий крепыш с бритой шеей. Он был одет в штатское. Эвери предположил, что так и положено сыщику. Инспектор пожал ему руку с профессионально усвоенным видом соболезнования тяжелой утрате, а потом предложил обоим гостям сесть в современные кресла с подлокотниками из тика и протянул им жестяную коробку с сигарами. Они отказались, а сам инспектор с удовольствием прикурил и потом использовал сигару в качестве удлинителя для своих коротких пальцев, когда хотел что-либо подчеркнуть жестом, и даже инструмента для рисования, изображая дымом в воздухе контуры предмета, о котором говорил. При этом он то и дело демонстрировал сочувствие горю, постигшему Эвери, почтительно склоняя подбородок к груди и бросая из тени своих кустистых бровей

полные симпатии взгляды. Начал он с подробного описания обстоятельств наезда, чрезмерно долго и чуть занудно перечислял меры, принятые к обнаружению виновника, часто ссылался на личную заинтересованность в этом деле главы полиции страны, который славился своей англофилией, и высказал личную уверенность, что неосторожный водитель будет найден и понесет наказание по всей строгости финских законов. Затем он уделил некоторое время описанию собственных теплых чувств к Великобритании, глубокого уважения к королеве и сэру Уинстону Черчиллю, подчеркнул важность нейтралитета Финляндии на международной арене и только потом перешел к вопросу о теле покойного.

Он не без гордости сообщил, что вскрытие уже произведено, а господин общественный прокурор (он именно так и выразился) заявил об отсутствии оснований считать, что гибели мистера Маллаби сопутствовали подозрительные обстоятельства, несмотря на наличие в организме погибшего большой дозы алкоголя. Бармен аэропорта в своих показаниях подтвердил, что погибший употребил пять двойных порций «штайнхегера». Затем инспектор обратился к Сазерленду.

— Ваш подопечный пожелает увидеть бра-

та? — спросил он, считая, видимо, что столь деликатный вопрос следует адресовать третьему лицу.

Сазерленд слегка смутился.

— Предоставим решение самому родственнику, — сказал он, намекая, что данная проблема вне его компетенции. Они оба посмотрели на Эвери.

— Думаю, в этом нет необходимости, — ответил тот.

— Есть небольшая сложность. Она связана с опознанием, — сказал Пеерсен.

— С опознанием? — удивленно переспросил Эвери. — Моего брата?

— Я сам видел его паспорт, — вставил Сазерленд, — еще до того, как вы мне его передали. В чем там может быть сложность?

Полицейский кивнул.

— Да, конечно, вы его видели.

Выдвинув ящик стола, он достал из него небольшую пачку писем, бумажник и несколько фотографий.

— Его фамилия была Маллаби, — сказал он. Инспектор бегло говорил по-английски, но с заметным американским акцентом, что, впрочем, шло к его привычке курить сигары. — И паспорт

выписан на Маллаби. Это же настоящий паспорт, не так ли?

Пеерсен смотрел на Сазерленда. На секунду Эвери показалось, что он уловил на несколько помрачневшем лице консула выражение некоторой неуверенности.

— Разумеется.

Пеерсен принялся просматривать письма, вкладывая одни в папку, лежавшую перед ним на столе, а другие бросая обратно в ящик стола. Время от времени, добавляя очередной конверт к досье, он бормотал:

— Ах да, это сюда.

Или:

— Да, да, так оно и есть.

Эвери чувствовал, как капли пота побежали по его телу; особенно сильно вспотели ладони.

— Стало быть, фамилия вашего брата была Маллаби? — спросил инспектор еще раз, когда все разложил по местам.

Эвери кивнул:

— Да, без сомнения.

Пеерсен улыбнулся.

— Без сомнения? Вы так считаете? — произнес он, поднимая кончик сигары вверх и дружески кивая, словно собирался сделать ничего не зна-

чащие замечания по ходу разговора. — А вот все остальные его вещи, его письма, одежда, водительское удостоверение принадлежали некоему мистеру Тейлору. Вам что-нибудь известно о мистере Тейлоре?

Мозг Эвери парализовало от ужаса. Конверт! Почему-то он прежде всего подумал о конверте в своем кармане. Что ему с ним делать? Пойти в туалет и уничтожить, пока еще не поздно? Но он сомневался, что справится: конверт был из плотной глянцевой бумаги. Даже если порвать его в клочья, они останутся плавать в унитазе. Он видел, что Пеерсен и Сазерленд смотрят на него, ожидая ответа, но мог думать только о конверте, тяжким грузом давившем на внутренний карман.

Он сумел выдавить:

— Нет, об этом мне ничего не известно. Мы с братом…

Сводным братом или единокровным?

— …Мы с братом имели очень мало общего. Он был старше. И мы не очень-то ладили между собой. Он сменил множество разных профессий, никак не мог нигде осесть и чем-то заняться основательно. Возможно, этот Тейлор был его приятелем, который… Который… — Эвери пожал

плечами, отчаянно делая вид, что Маллаби и для него самого представлялся личностью загадочной.

— Сколько вам лет? — спросил Пеерсен. Казалось, ему на время пришлось забыть о соболезнованиях.

— Тридцать два.

— А сколько было Маллаби? — вопрос снова прозвучал небрежно, как едва имеющий отношение к делу. — Не скажете ли, на сколько лет он был старше вас?

Сазерленд и Пеерсен видели паспорт и знали это. Возраст погибшего запоминается почему-то особенно легко. Только Эвери, «брат» покойного, понятия не имел, сколько тому было лет от роду.

— На двенадцать, — рискнул предположить он. — Моему брату было сорок четыре.

Черт, зачем он сделал разницу в возрасте такой большой?

Пеерсен удивленно вскинул брови.

— Как, всего сорок четыре? Значит, с паспортом тоже что-то не так. — Пеерсен повернулся к Сазерленду, ткнул сигарой в дверь, располагавшуюся в дальнем конце его кабинета, и сказал с таким довольным видом, словно ему только что удалось разрешить старый спор между друзьями:

— Теперь вы понимаете, почему у меня возникли проблемы с опознанием?

Сазерленд, напротив, выглядел очень разозленным.

— Было бы хорошо, если бы мистер Эвери все-таки взглянул на тело, — сказал Пеерсен. — Тогда у нас появится хоть какая-то уверенность.

Сазерленд взял инициативу в свои руки:

— Послушайте, инспектор Пеерсен. Личность мистера Маллаби установлена по его паспорту. Министерство иностранных дел в Лондоне подтвердило, что мистер Эвери указан в заявлении мистера Маллаби в качестве ближайшего родственника. Вы сами только что заявили, что в обстоятельствах его гибели нет ничего подозрительного. Так что теперь общепринятая процедура предусматривает передачу вами его личных вещей на хранение мне до тех пор, пока все формальности в Соединенном Королевстве не будут улажены. А мистеру Эвери должно быть дано разрешение забрать тело покойного брата.

Пеерсена, кажется, такой вариант вполне устраивал. Он вынул остатки личных бумаг Тейлора из металлического ящика своего стола и положил их к письмам в папке перед собой. Потом он кому-то позвонил и переговорил по-фински.

Через несколько минут дежурный принес старый кожаный чемодан с инвентарным списком, который Сазерленд подписал. Пока все это происходило, ни Эвери, ни Сазерленд не обменялись с инспектором ни словом.

Затем Пеерсен проводил их до самого выхода на улицу. Сазерленд настоял на том, что чемодан и папку с бумагами должен нести только он сам. Они подошли к машине. Эвери ожидал, что Сазерленд заговорит, но тот продолжал молчать. Они ехали около десяти минут. Городские улицы были освещены тускло. Эвери заметил, что дорогу в обоих направлениях посыпали каким-то химикатом. В центре и по обочинам все еще лежал снег. Он почему-то подумал о верховой прогулке по зимнему парку, хотя никогда в жизни не делал ничего подобного. Неоновые уличные фонари отбрасывали тусклый, болезненный желтый свет, который становился все более скудным по мере наступления темноты. Эвери лишь иногда обращал внимание на какой-нибудь необычный дом с островерхой крышей, на звон попавшегося навстречу трамвая или на белую меховую шапку патрульного полицейского.

Зато он часто оборачивался, чтобы посмотреть сквозь стекло машины назад.

7

Вудфорд стоял в коридоре, курил трубку и улыбался коллегам, которые расходились по домам. Он получал от этого зрелища особое удовольствие. По утрам все было не так интересно. Традиция требовала, чтобы низшие чины прибывали к половине десятого; офицеры могли приезжать к десяти или четверти одиннадцатого. В теории руководители отделов департамента задерживались затем допоздна, завершая свои бумажные дела. Истинный джентльмен, любил говаривать Леклерк, никогда во время работы не смотрит на часы. Этот обычай родился во время войны, когда офицерам приходилось рано утром подробно опрашивать пилотов, вернувшихся из ночных разведывательных полетов, а вечером инструктировать агентов перед заброской в тыл врага. Рядовые сотрудники и тогда всего лишь отбывали свою смену, но только не офицеры, которые работали столько, сколько требовали их обязанности. Теперь от традиции осталась одна видимость. Бывали дни и даже недели, когда Вудфорд и его коллеги с трудом находили, чем бы себя занять хотя бы до половины шестого. Холдейна это не касалось — тот вкалывал не

покладая рук, чтобы поддерживать высокую репутацию аналитического отдела департамента. Остальные составляли проекты, которые так и не ложились на стол к начальству, обсуждали, где лучше провести отпуска, мусолили внутренние сплетни или жаловались на качество конторской мебели, выдавая это за заботу об удобстве своих сотрудников.

Берри, шифровальщик, вышел в коридор, наклонился и защепил брюки зажимами для езды на велосипеде.

— Как там твоя женушка, Берри? — спросил Вудфорд. Он считал своей обязанностью держать руку на пульсе.

— С ней все в порядке, сэр, спасибо. — Берри распрямился и несколько раз провел расческой по волосам. — Я просто в шоке от гибели Уилфа Тейлора, сэр.

— Да, просто ужас. Он был превосходным разведчиком.

— Мистер Холдейн сам закроет отдел регистрации, сэр. Он собирается еще поработать.

— Правда? Впрочем, у нас у всех работы прибавилось.

Берри понизил голос:

— А босс теперь даже спит у себя в кабинете,

сэр. Настоящий кризис, ничего не скажешь. Я слышал, он встречался с министром. За ним присылали автомобиль.

— Доброй ночи, Берри.

«У них слишком длинные уши», — подумал Вудфорд, но без тени недовольства и двинулся с проверкой по коридору.

Единственным источником света в кабинете Холдейна была настольная лампа с ножкой на шарнирах. Она бросала узкий пучок света на лежавшее перед ним досье, лишь слегка обрисовывая контуры лица и рук.

— Работаем допоздна? — спросил Вудфорд.

Холдейн положил досье в поднос для исходящих бумаг и взялся за другое.

— Интересно, как там справляется наш молодой Эвери. Думаю, у него все будет путем, у этого мальца. Как я понял, босс еще не вернулся. Должно быть, трудные ему выдались переговоры. — Не умолкая, Вудфорд уселся в кожаное кресло.

Это кресло было вообще-то собственностью Холдейна. Он привез его из дома и любил посидеть в нем после обеда, разгадывая кроссворды.

— А с чего у него все должно быть хорошо? Нам пока трудно судить об этом. Прецедентов-то не случалось, — отозвался Холдейн, не поднимая

взгляда.

— Как наш Кларки справился с женой Тейлора, любопытно мне знать? — сменил тему Вудфорд. — И как она восприняла новость?

Холдейн вздохнул и отложил папку с досье в сторону.

— Он поставил ее в известность. Больше я ничего не знаю.

— И даже не представляешь ее реакцию? Он тебе ничего не рассказывал?

Вудфорд, как обычно, говорил громче, чем было нужно. К этому его приучила жизненная необходимость постоянно перекрикивать жену.

— Понятия не имею. Он поехал к ней один, насколько я понял. Леклерк не любит распространяться о подобных вещах.

— А я думал, что с тобой он…

— Только с Эвери, — покачал головой Холдейн.

— Мы ведь столкнулись с крупным делом, верно, Адриан? То есть мы, конечно, пока не уверены…

— Быть может, и с крупным. Посмотрим, — произнес Холдейн мягко. С Вудфордом он редко бывал так суров, как с другими.

— Есть что-нибудь новое по поводу Тейлора?

— Наш военно-воздушный атташе в Хельсинки

сумел выйти на Лансена. Тот подтвердил, что передал пленку Тейлору. Как я понял, русские перехватили Лансена в районе Калькштадта. Подняли в воздух два МиГа. Поиграли с ним в кошки-мышки, но затем отпустили.

— Боже, — сказал Вудфорд с глуповатой улыбкой. — Это многое объясняет.

— Ничего подобного. Разве что подтверждает некоторые известные нам факты. Если они объявили весь район закрытым, то почему бы им не патрулировать его с воздуха? Они могли закрыть его еще и для маневров — отработки взаимодействия сухопутных сил и авиации. Но вот почему они не принудили Лансена приземлиться? Это остается непонятным и только все запутывает.

В дверях стоял Леклерк. На нем был чистый воротничок по случаю визита в министерство и черный галстук в знак траура по Тейлору.

— Я приехал на машине, — объявил он. — Нам выделили пока одну из министерского гаража на неопределенный срок. Министр, представьте, даже расстроился, когда узнал, что у нас нет своего транспорта. Это «хамбер»[30] с личным водителем, как у Шефа Цирка. Меня заверили, что

---

[30] Примечания: 30
Британская марка автомобиля, выпускавшегося до 1976 г.

шофер — человек очень надежный. — Он посмотрел на Холдейна. — Я принял решение создать в департаменте особый отдел, Адриан. Мне бы хотелось, чтобы ты его возглавил. Аналитиками будет временно руководить Сэндфорд. Перемена пойдет ему на пользу. — Его лицо скривилось в улыбке, словно он не в силах был больше ее сдерживать. Им владело заметное возбуждение. — Мы засылаем туда своего человека. Министр дал согласие. Мы наконец снова в реальном деле. Завтра прямо с утра нужно снова собрать всех глав отделов. Адриан, в твое распоряжение я передаю Вудфорда и Эвери. Брюс, тебе поручается связь со всеми участниками операции; в первую очередь надо снова наладить тренировочную базу. Министр разрешил нам набирать дополнительных сотрудников на трехмесячные договоры. Но чтобы никакого лишнего балласта, разумеется. Обучение по прежней программе: обращение с передатчиком, огневая подготовка, шифры и коды, методы ведения наблюдения, рукопашный бой и маскировка на местности. Для этого нам понадобится дом, Адриан. Вероятно, этим сможет заняться Эвери, когда вернется. Я, в свою очередь, свяжусь с Шефом. К сожалению, все специалисты по изготовлению фальшивых документов

перешли в его распоряжение. Нам понадобятся данные радиоперехвата из района Любека, все протоколы допросов перебежчиков, схемы минных полей на границе и других возможных препятствий. — Он посмотрел на часы. — Адриан, а теперь мне хотелось бы переговорить с тобой наедине.

— Скажи мне для начала только одно, — отозвался Холдейн. — Насколько Цирк в курсе операции и ее цели?

— Они будут знать только то, что мы сочтем нужным им сообщить. А что?

— Они уже знают, что Тейлор погиб. Об этом судачит весь Уайтхолл.

— Вполне возможно.

— Им известно, что Эвери отправился в Финляндию за какой-то пленкой. Им вполне могло попасть на глаза донесение из центра безопасности полетов о случае с самолетом Лансена. В их распоряжении множество способов добывать информацию…

— И что же?

— А то, что они будут знать далеко не только то, что мы соизволим им сообщить, или я не прав?

— Так ты приедешь на совещание завтра утром? — спросил Леклерк, немного сникнув.

— Думаю, что мне уже известны стоящие передо мной задачи. Поэтому, если ты не возражаешь, я бы хотел кое-что проверить. Сегодня вечером и, возможно, как раз завтра утром.

Леклерк был сбит с толку, но постарался не выдать этого:

— Отлично. Тебе нужна наша помощь?

— Мне бы не помешало воспользоваться твоей машиной. На час — не больше.

— Без вопросов. Я хочу, чтобы автомобилем пользовались мы все. Так сказать, на общее благо. Вот, Адриан, сейчас он в твоем распоряжении. — И он отдал Холдейну зеленую карточку в целлофановой обложке. — Министр поставил здесь свою подпись, собственноручно. — Его слова можно было трактовать и так, что подпись министра, подобно благословению папы римского, имела разные степени аутентичности. — Так, значит, ты согласен, Адриан? Возьмешься за это дело?

Но Холдейн словно уже не слышал его. Он снова открыл папку, которая лежала перед ним, и с любопытством всматривался в фотографию польского юноши, который двадцать лет назад сражался вместе с ними против немцев. Это было совсем мальчишеское лицо, но жесткое, неулыб-

чивое, со взглядом человека, которому больше приходилось думать не о жизни, а о выживании.

Заметив, что именно он рассматривает, Леклерк с облегчением воскликнул:

— Что ж, Адриан, я буду считать, что ты дал согласие. Начинается твоя новая жизнь. Открывается второе дыхание.

Холдейн нехотя улыбнулся, словно фраза Леклерка напомнила ему о чем-то, что он считал давно забытым.

— Этот парень обладает особым даром выкручиваться из любых передряг, — заметил он, постучав пальцем по фото. — Такого убить нелегко.

— Как ближайший родственник, — начал Сазерленд, — вы имеете право высказать свои пожелания о том, как поступить с телом покойного брата.

— Да, я понял.

Сазерленд жил в небольшом доме, где все пространство рядом с венецианским окном занимали горшки со всевозможными растениями. Только эта небольшая деталь и отличала его жилище как внешне, так и внутренне от точно таких же, какие сотнями стоят в спальных районах Абердина. Когда они шли к дому по подъездной

дорожке, Эвери заметил в окне фигуру немолодой женщины. На ней был фартук, и она энергично что-то чистила. Чем-то она напомнила Эвери миссис Йетс с ее кошкой.

— В задней части дома располагается мой офис, — пояснил Сазерленд, как будто опасался, что гость посчитает коттедж слишком просторным только лишь для жилья. — Мне кажется, нам будет лучше сразу покончить со всеми формальностями. Это не займет много времени. — Хозяин нашел пристойную формулировку, предупреждая Эвери, чтобы на приглашение к ужину он не рассчитывал. — Как вы предполагаете переправить тело в Англию?

Они сидели по разные стороны стола. За спиной Сазерленда висела огромных размеров акварель, на которой синевато-лиловые холмы отражались в шотландском озере.

— Мне бы хотелось доставить его самолетом.

— Вы знаете, что это стоит приличных денег?

— Да, но все равно так будет лучше.

— Для обряда традиционных похорон?

— Само собой.

— В таких делах ничего не бывает само собой, — заметил Сазерленд покровительственным тоном. — Если ваш так называемый брат, — он

теперь произносил это слово как будто в кавычках, но, к счастью, собирался играть в игру до конца, — подвергся бы здесь кремации, нам пришлось бы оформлять для авиакомпании совершенно другой пакет документов.

— А, теперь понятно. Извините.

— В этом городе есть похоронная контора «Барфорд и компания». Один из ее владельцев англичанин, женатый на шведке. Здесь достаточно крупная шведская община, если вы не в курсе. Мы же делаем все возможное в интересах живущих в Финляндии британцев. В данных обстоятельствах я заинтересован в том, чтобы вы вернулись в Лондон как можно скорее. Поэтому было бы неплохо, если бы вы дали мне разрешение воспользоваться услугами Барфорда.

— Я согласен.

— Как только он заберет тело, я выдам ему паспорт вашего брата. А медицинское заключение с указанием причины смерти он получит сам. Для этого я свяжу его в Пеерсеном.

— Хорошо.

— Но ему еще понадобится свидетельство о смерти от местных властей. Если вы обратитесь за ним лично, это обойдется гораздо дешевле. Я же не знаю, насколько вы свободны в своих

расходах.

Эвери промолчал.

— Когда он подберет подходящий рейс, оформит документы для таможни и выпишет счет на оплату фрахта. Насколько мне известно, такие грузы стараются перемещать по ночам. И перевозка стоит не так дорого и…

— Да, да, мне все ясно.

— Рад слышать. Барфорд позаботится о том, чтобы сделать гроб воздухонепроницаемым. Может, металлическим или деревянным. Он же даст поручительство, что в контейнере не содержится ничего, кроме тела, а тело принадлежит тому, на чье имя выписаны паспорт и свидетельство о смерти. Я упоминаю обо всем этом только потому, что вам необходимо знать такие вещи для благополучной доставки груза в Англию. Барфорд все сделает быстро. Мне достаточно только попросить. У него налажено сотрудничество с парой местных чартерных авиакомпаний. Потому что, чем скорее он…

— Я вас понял.

— Не уверен, что поняли до конца. — Сазерленд нахмурил брови, словно Эвери повел себя грубо, оборвав его. — Пеерсен проявил себя как человек разумный и не стал задавать лишних вопросов.

Но не надо испытывать его терпение. У Барфорда есть также фирма-партнер в Лондоне. Вы ведь отправитесь в Лондон, верно?

— Да, в Лондон.

— Как я предполагаю, он захочет получить от вас определенную сумму авансом. Можете оставить деньги мне под расписку. Что касается личных вещей брата, то, если я угадал, те, кто вас послал, хотели, чтобы вы забрали вот эти письма, не так ли? — И он через стол передал Эвери несколько конвертов.

— Должна быть еще фотопленка, — пробормотал Эвери. — Непроявленная фотопленка.

Сазерленд демонстративно достал копию инвентарной описи, которую подписал в полицейском участке, положил ее перед собой и медленно провел пальцем по левой колонке, тщательно, словно проверяя, верна ли сумма цифр в арифметической задаче.

— Никакой пленки здесь не значится. А был еще и фотоаппарат?

— Нет.

— Тем лучше.

Он проводил Эвери до двери.

— Вам лучше сказать тем, кто вас сюда отправил, что паспорт Маллаби оказался просрочен-

ным. МИД уже разослал циркуляр с указанием номеров подобных негодных документов. Всего около двадцати. Среди них номер паспорта вашего брата. Кто-то допустил оплошность. Я как раз собирался информировать МИД об этом, когда они сами прислали мне телетайп и сообщили о вашем прилете, чтобы забрать вещи погибшего. — Он рассмеялся коротко, но очень зло. — Вот это уже была полнейшая чушь. Мое начальство никогда бы не отправило такого сообщения, если бы у вас на руках не было выписки из решения суда, которое бы давало вам право забрать вещи в любое время дня и ночи. Вам есть где остановиться? Отель «Регина» вполне приличный и находится рядом с аэропортом. Он уже за пределами города, что тоже неплохо. Думаю, дорогу туда вы найдете сами. У таких, как вы, обычно очень солидные командировочные.

Эвери быстро спустился по дорожке, унося в своей памяти неизгладимый образ тонкого озлобленного лица Сазерленда на фоне шотландских холмов. Деревянные дома вдоль улицы даже в темноте белели стенами, отражая лунный свет.

Где-то неподалеку от вокзала Чаринг-Кросс в подвале одного из странной архитектуры зданий, расположенных между Вилльерс-стрит и рекой,

находится клуб без таблички с названием при входе. Чтобы попасть туда, вам придется спуститься по искривленной каменной лестнице. Перила, как и все деревянные детали дома на Блэкфрайарз-роуд, покрыты темно-зеленой краской и давно нуждаются в замене.

Среди членов клуба подобралась весьма разношерстная компания — армейские офицеры, преподаватели, даже священники, но большинство относилось к той загадочной части лондонского общества, где букмекера не отличишь от джентльмена. Их всех выдавала пустая бравада в поведении и манера общаться между собой на каком-то закодированном жаргоне с использованием фраз, которые покоробили бы слух любого человека с обостренным чувством языка. Это было место, где собирались люди с постаревшими лицами и молодыми телами или с молодыми лицами, но дряхлыми телами; напряжение военного времени плавно переросло в такое же напряжение времени мирного. Чтобы здесь воцарилась тишина, надо было повысить голос, а бокалы звенели, заглушая одиночество. Это было место, куда стекались ищущие и алчущие общения, но находившие только друг друга, чтобы разделить одну на всех боль. По крайней

мере здесь глаза, уставшие беспрерывно следить за горизонтом, могли отдохнуть. Хотя для них клуб все же оставался продолжением поля боя. Если в жизни этих людей и была любовь, то они находили ее здесь друг у друга — застенчиво, как подростки, которым на самом деле хотелось бы совсем другой любви.

После войны из числа завсегдатаев выбыли, пожалуй, только аристократы и ученые.

Заведение имело скромные размеры, а управлял им высокий сухопарый человек, которого все называли майор Делл. Он носил усы и галстук с вышитыми на черном фоне голубыми ангелами. Только первую рюмку он наливал себе сам, а потом его уже только беспрерывно угощали. Это и был «Эйлиес-клуб», членом которого состоял в том числе и Вудфорд.

Открывался он по вечерам. Большинство сходилось к шести, с удовольствием отделяя себя от общей толпы на улицах, ныряя в подвал поспешно, но решительно, как провинциалы, приехавшие в столицу, чтобы втайне от всех погулять по злачным местам с сомнительной репутацией. Человеку новому прежде всего бросилось бы в глаза отсутствие обычных примет респектабельного клуба: ни серебряных кубков

в витринах, ни книги для автографов почетных гостей, ни списка членов с полными званиями, титулами и гербами. Только на одной беленой стене висели несколько фотографий в паспарту, похожие на снимки в кабинете Леклерка. Некоторые лица на них были размыты, другие же, наоборот, представляли собой увеличенные копии с удостоверений личности, причем документов явно фронтовых, чтобы были видны оба уха согласно принятым тогда правилам. Были и снимки женщин, в том числе и очень красивых, с высокими квадратными накладными плечами и длинными волосами по моде военного времени. Мужчины были изображены в самых разнообразных мундирах — «Свободной Франции»[31] и Войска польского, но преобладали все же их британские товарищи по оружию. Несколько летчиков. Два или три привидения из тех, чьи портреты можно было увидеть на стене, все еще порой заглядывали в клуб.

Когда Вудфорд вошел, все подняли головы, а майор Делл расплылся в улыбке и тут же распорядился налить пинту пива. Краснолицый пожилой мужчина как раз рассказывал об одном из своих

---

[31] Примечания: 31
Патриотическое движение за независимость Франции в 1940–1945 гг.

боевых вылетов над Бельгией, но вынужден был прерваться, потеряв внимание слушателей.

— Здорово, Вуди! — приветствовал его кто-то. — Как там твоя женушка?

— В норме, — улыбнулся в ответ Вудфорд. — Держится в рамках.

Он отхлебнул немного пива. По кругу пустили пачку сигарет.

— Что-то Вуди сегодня какой-то взвинченный, — заметил майор Делл.

— Я кое-кого разыскиваю. Но это дело сугубо секретное.

— Мы все давали подписку о неразглашении, — заявил в ответ красномордый.

Вудфорд оглядел помещение бара, а потом негромко спросил, напустив на себя таинственный вид:

— Тогда скажите, что делал папочка во время войны?

Наступило изумленное молчание — они все-таки успели уже немало выпить.

— Ублажал мамочку, что же еще, — неуверенно ответил майор Делл, после чего все дружно расхохотались.

Вудфорд посмеялся со всеми, но сохранил загадочное выражение на лице, возрождая один из

забытых ритуалов, с помощью которых коротались военные вечера в английских офицерских столовых.

— А где же он ее ублажал? Куда мог спрятать? — задал он новый вопрос с тем же комически таинственным выражением.

На этот раз ему хором ответили сразу три или четыре голоса:

— К себе под плащ-палатку!

Они становились все шумливее, все веселее.

— Был такой человек по фамилии Джонсон, — поспешил продолжить Вудфорд. — Джек Джонсон. Я пытаюсь выяснить, что с ним сталось. Он был инструктором-радистом, одним из лучших. Служил сначала в Бовингдоне с Холдейном, пока того не перевели в Оксфорд.

— Ты о Джеке Джонсоне? — возбужденно спросил краснолицый. — О специалисте по беспроводной связи? Да я купил у Джека приемник в свою машину всего неделю назад, представляешь? Вот так совпадение! У него свой магазин на Клэпэм-бродвее. Тот самый Джек, точно! Заглядывает иногда и сюда тоже. Такой невысокий, и еще кривит лицо, когда разговаривает.

— Да, это он, — подтвердил кто-то. — Старым приятелям сбрасывает двадцать процентов со

своего товара.

— Что-то для меня он скидки не сделал, — заметил краснолицый.

Тут заговорили чуть ли не все разом.

Да-да, это тот самый Джек. Живет в Клэпэме. Хозяин небольшого магазина. Любитель радио еще с довоенных времен, чуть ли не с детства. Да, на Бродвее. Давно стал торговцем. Денег у него, должно быть, куры не клюют. Всегда любил заходить в клуб под Рождество.

Вудфорд, удовлетворенный услышанным, заказал всем выпивку. Среди воцарившейся суеты майор Делл мягко взял его под локоть и отвел в дальний угол бара.

— Скажи мне, Вуди, это правда, что говорят про Уилфа Тейлора? Он действительно отдал концы?

Вудфорд кивнул с мрачным видом.

— Его отправили на задание. Мы подозреваем, что здесь дело нечисто. Кто-то с ним разделался.

Майор тоже заметно погрустнел.

— Я ничего пока не говорил парням. Представляю, как их это расстроит. Кто-нибудь позаботился о его благоверной?

— Босс сейчас лично занимается этим. Кажется, здесь проблем не возникнет.

— Это хорошо, — сказал майор, — очень хоро-

шо. — Он кивнул и утешающе потрепал Вудфорда по плечу. — Так мы пока воздержимся объявлять об этом, как считаешь?

— Да, лучше бы воздержаться.

— У него осталась пара неоплаченных счетов. Сумма не очень крупная, но все же. Он любил посидеть у нас подольше, особенно в пятницу вечерком. — Когда майор ощущал неловкость, у него вдруг появлялся акцент, такой же странный, как и его галстуки.

— Перешли их нам, мы погасим долг.

— И ведь у него осталась дочурка, верно? Совсем еще маленькая. — Они двинулись назад к стойке бара. — Сколько ей?

— Лет восемь, наверное. Может, чуть больше.

— Он часто рассказывал о ней, — сказал майор.

Кто-то их окликнул:

— Эй, Брюс, когда вы собираетесь снова прищемить хвост этим фрицам? Они опять развелись повсюду, черт бы их подрал. Летом повез жену в Италию, так там прохода нет от наглых немецких рож.

— Раньше, чем ты думаешь, — усмехнулся Вудфорд. — Дайте-ка мне теперь попробовать вон того пивка.

Разговор сам собой сошел на нет. Но Вудфорд

приехал сегодня не развлекаться. Он занимался делом.

— Помню еще специалиста по рукопашному бою, армейского сержанта. Кажется, из Уэльса, и тоже был такой не очень высокий.

— По-моему, ты говоришь о Сэнди Лоу, — тут же отреагировал краснолицый мужчина.

— В самую точку! Сэнди, кто же еще! — Все посмотрели на красномордого, восхищаясь его памятью. — Он действительно был валлиец. Мы еще дали ему кличку Сэнди-задира.

— Все сходится, — заявил довольный собой Вудфорд. — Не он ли пошел после войны в какую-то частную школу тренером по боксу?

Он старался говорить небрежно, словно вспомнил об этих людях случайно. В конце концов задание он выполнял секретное.

— Да, это Сэнди, и никто другой!

Вудфорд тщательно записал все в блокнот, потому что уже давно обнаружил, как легко мог забыть важные вещи, которые пытался просто запомнить.

Когда он собрался уходить, майор спросил:

— Как там наш Кларки?

— У него дел по горло, — ответил Вудфорд вроде бы шутливо. — Когда-нибудь сведет себя работой

в могилу.

— Ребята часто о нем вспоминают. Жаль, что он к нам совсем перестал заглядывать. Он бы тут навел шороху. Поставил бы всех по стойке «смирно».

— А теперь скажи мне, — серьезно обратился к майору Вудфорд уже у самой двери. — Помнишь паренька по фамилии Лейсер? Фред Лейсер, поляк по национальности. Служил с нами. Еще попал в плен в Голландии.

— Выжил?

— Должен был.

— Прости, — сказал майор с грустью, — но иностранцы вообще больше к нам не ходят. Сам не знаю почему. Мы с парнями, поверишь ли, даже вспоминать о них перестали.

Закрыв за собой дверь, Вудфорд ступил в лондонскую ночь. Огляделся вокруг, влюбленный во все, что открывалось взору, — в родной город, пусть и суровый к своим обитателям. И медленно пошел по улице — стареющий атлет по старинной мостовой.

8

А вот Эвери шел быстро, очень быстро. Ему было страшно. Нет другого такого ужаса, столь

прилипчивого и столь непонятно откуда возникающего, как тот, что испытывает шпион в чужой стране. Взгляд водителя такси, толпа на улицах, в которой то и дело мелькали форменные мундиры, — поди разбери, кто из них полицейский, а кто простой почтальон, — неизвестные обычаи и привычки, незнакомый язык, да и любой шум, производимый окружающим миром, повергали Эвери в пучину неизбывной тревоги, заражали нервозностью одиночки среди врагов. За долю секунды его душа то ввергалась в панику, то переполнялась чуть ли не любовью в ответ на добрый взгляд или слово. Это была типично женская черта — зависимость от тех, кого обманываешь. Сейчас Эвери больше всего на свете хотелось, чтобы одно из мелькавших мимо равнодушных лиц вдруг обратилось к нему с понимающей и доверчивой улыбкой. Ему нисколько не помогало постоянное напоминание самому себе: ты не причиняешь им зла, а наоборот, защищаешь их от него. И он двигался среди людей, как затравленный зверь в поисках пищи и логова для отдыха.

Потом он взял такси до отеля, где попросил номер с ванной. Перед ним положили книгу регистрации постояльцев. Он уже приставил перо авторучки к странице, когда заметил примерно

десятью строчками выше фамилию Маллаби, разорванную посередине, словно человек, ставивший подпись, не знал, как она правильно пишется. Он пробежал глазами написанное рядом. Адрес: Лондон. Профессия: майор (в отставке). Пункт дальнейшего следования: Лондон. Потешив свое тщеславие, имея возможность присвоить чужую профессию и чужое звание, маленький англичанин по фамилии Тейлор пережил момент своей величайшей славы. Но почему было не назваться полковником? Или даже адмиралом? Почему не приписать себе титул и адрес на Парк-лейн? Даже в своих мечтах Тейлор не мог преодолеть известных границ.

— Коридорный доставит в номер ваш багаж, — сказал сотрудник службы размещения.

— Прошу прощения, — неизвестно за что извинился Эвери и расписался в книге под любопытным взглядом служащего отеля.

Он дал на чай коридорному, но до него не сразу дошло, что он раскошелился больше чем на восемь шиллингов. Потом он запер дверь номера и какое-то время просто сидел на постели. Это была опрятная и тщательно обставленная комната, но безликая и безрадостная. Изнутри на двери объявление на нескольких языках предупреждало, что

нельзя оставлять без присмотра ценные вещи, а другое — на прикроватной тумбочке — объясняло, какой финансовой катастрофой грозит завтрак за пределами отеля. На письменном столе лежали журнал для любителей путешествий и Библия в черном переплете. Ванная была маленькая, но безукоризненно чистая, а в стенном шкафу нашлась вешалка для пальто. Он не взял с собой из дома никакой книги, не предполагая, что ему придется коротать здесь время.

Он замерз и проголодался. Решил принять ванну. Наполнил ее и разделся. Уже почти собравшись погрузиться в воду, вспомнил о лежавших в кармане письмах Тейлора. Облачившись в халат, он снова сел на постель и просмотрел их. Одно было из банка по поводу превышения лимита расходов, другое — от матери, третье — от друга и начиналось словами «Дорогой старина Уилф!». Остальные написала женщина. Внезапно письма стали внушать ему страх: они могли служить уликами против него. Они изобличали его ложь. И он решил немедленно их сжечь. В спальне тоже была установлена раковина для умывания. Эвери сложил все письма в нее и чиркнул спичкой. Где-то он читал, что поступать следовало именно так. Нашлась еще членская карточка Тейлора из

клуба «Эйлиес». Ее он тоже сжег. Потом пальцами измельчил обугленную бумагу и пустил воду; она быстро наполнила раковину. Затычка в ней не вынималась полностью, а лишь регулировалась с помощью металлического рычажка между кранами. Намокший пепел забился под нее. Сток оказался блокирован.

Эвери принялся лихорадочно искать какой-нибудь инструмент, который смог бы просунуть в зазор между затычкой и раковиной. Попробовал свою авторучку, но она оказалась слишком толстой, и пришлось прибегнуть к пилочке для ногтей. После нескольких упорных попыток ему удалось пропихнуть пепел в сливное отверстие. Вода ушла, оставив на эмалированной поверхности обширное коричневое пятно. Он стал оттирать его сначала руками, а потом щеткой от унитаза, но пятно не поддавалось. Эмаль не так просто было загрязнить. Вероятно, все дело в составе бумаги, которая могла содержать смолы или что-то подобное. Он зашел в ванную и принялся искать какое-нибудь чистящее средство, но без успеха.

Вернувшись в комнату, он тут же почувствовал, что в ней воняет жженой бумагой. Метнувшись к окну, распахнул его настежь. Струя морозного

воздуха мгновенно обожгла обнаженные части тела. Он стал плотнее укутываться в халат, затягивая на нем пояс, когда раздался стук в дверь. Парализованный страхом, Эвери смотрел на дверную ручку. Услышав повторный стук, отозвался, и ручка опустилась. Это был сотрудник из службы размещения.

— Мистер Эвери?

— Слушаю вас.

— Извините, но нам нужен ваш паспорт. Для полиции.

— Для полиции? Зачем?

— Это общепринятая процедура.

Эвери спиной загораживал раковину. Шторы нещадно трепал ветер сквозь открытое окно.

— Могу я закрыть окно? — спросил мужчина.

— Мне стало несколько дурно, и потребовался свежий воздух.

Он нашел свой паспорт и отдал его. При этом заметил, как служащий с удивлением разглядывает раковину, грязное пятно и клочья пепла, все еще лепившиеся по сторонам.

Никогда прежде Эвери до такой степени не хотелось как можно быстрее оказаться в Англии.

Ряды домов, тянувшиеся вдоль Вестерн-авеню, напоминали розовые надгробья посреди серого

поля. Проступающая старость, воплощенная в архитектурных образах. В самом их однообразии было заключено смирение с неизбежным одряхлением, жизнью без радости и тихим ненасильственным угасанием. Эти дома высасывали души из своих обитателей и меняли их словно по собственной воле, нисколько не меняясь при этом сами. Мебельные фургоны почтительно перемещались от одного к другому подобно катафалкам, тихо увозя почивших и так же незаметно привозя новых жильцов. Время от времени какой-нибудь решительный мужчина мог почувствовать протест, накупить банок с краской, чтобы перекрасить доски фасада, или начинал упорно возделывать садик, но его усилия так же мало изменяли вид дома, как букет цветов — больничную палату, а трава продолжала расти по своей прихоти, как делает она это среди могильных камней.

Холдейн отпустил машину и свернул с главной улицы в сторону Саут-Парк-гарденз — перекрестка в пяти минутах ходьбы от авеню. Школа, почта, четыре магазина и отделение банка. Он слегка горбился при ходьбе, сжимая в худых пальцах ручку черного портфеля. Холдейн неторопливо брел по тротуару. Над крышами домов

вдруг выросла колокольня церкви, построенной в современном стиле; часы на ней пробили семь. Бакалея на углу. Новый фасад. Самообслуживание. Он посмотрел на имя владельца: Сметвик. Внутри молодой человек в коричневом рабочем комбинезоне завершал работу над пирамидой из коробок с хлопьями для завтрака. Холдейн постучал по стеклу витрины. Мужчина помотал головой и добавил к пирамиде еще коробку. Холдейн постучал еще раз, уже сильнее. Продавец подошел к двери.

— Мне запрещено продавать товар, — прокричал он, — и не надо здесь стучать! — Потом он заметил портфель. — А, так вы, стало быть, коммивояжер?

Холдейн запустил руку во внутренний карман и приложил что-то к стеклу витрины — карточку в целлофановой обложке, похожую на сезонный проездной билет. Бакалейщик вытаращился на него, а потом медленно повернул ключ в замке.

— Мне нужно переговорить с вами наедине, — сказал Холдейн, входя внутрь.

— Никогда не видел такого удостоверения, — признался торговец с некоторым испугом. — Но, надеюсь, оно в порядке?

— Оно в полном порядке. Служба безопасно-

сти проводит расследование. Мы разыскиваем человека по фамилии Лейсер, польского происхождения. Как я понимаю, он здесь работал, но уже давно.

— Вам придется навести справки у моего отца, — сказал бакалейщик. — Я в то время был еще ребенком.

— Понимаю, — сказал Холдейн тоном человека, который не любит детей.

Время близилось к полуночи, когда Эвери позвонил Леклерку. Тот сразу же снял трубку. Эвери вообразил, как он сидит на металлической койке, отбросив в сторону казенное одеяло со складов военно-воздушных сил, с выражением встревоженного ожидания на маленьком живом лице.

— Это Джон, — произнес он осторожно.

— Да, да, я знаю, кто вы такой, — казалось, его разозлило, что Эвери назвался по имени.

— Боюсь, сделка не состоялась. Они не заинтересованы… Ответ негативный. Вам, видимо, лучше уведомить человека, с которым я встречался… Того маленького толстячка… Сообщите ему, что нам не понадобятся услуги его здешнего друга.

— Ясно. Ничего страшного. — Леклерк говорил так, будто ему все было совершенно безразлично.

Эвери не знал, что еще добавить; ничего не приходило в голову. Тем не менее ему отчаянно хотелось продолжить разговор с Леклерком. Он должен был рассказать ему о презрительном отношении к себе Сазерленда и о паспорте, который оказался никуда не годным.

— Люди здесь… Те, с кем я веду переговоры. Они очень озабочены по поводу всей этой сделки.

Эвери ждал ответа. Ему хотелось назвать Леклерка по имени или использовать какое-то обращение, но он не знал какое. «Мистер» в департаменте не употреблялось вообще; старшие офицеры обращались друг к другу по фамилиям, а к младшему персоналу по именам. Не существовало узаконенной формы обращения к начальству. И потому он просто спросил:

— Вы слушаете?

И Леклерк ответил:

— Конечно, я вас слушаю. Кто именно озабочен? Что пошло не так?

Эвери подумал: я мог бы называть его директором, но, наверное, это будет небезопасно.

— Здешний представитель, человек, который блюдет здесь наши интересы… Он кое-что узнал о нашей сделке. Просто догадался.

— Вы внушили ему, что все строго конфиден-

циально?

— Да, само собой.

Как же еще ему объяснить проблему, возникшую с Сазерлендом?

— Хорошо. Нам совсем не нужны проблемы с МИДом. Особенно сейчас, — с напором в голосе продолжал Леклерк. — У нас тут все развивается очень хорошо, Джон, просто великолепно. Когда вы возвращаетесь?

— Мне нужно разобраться с… С доставкой домой нашего друга. Слишком много формальностей. Это не так просто, как можно было подумать.

— Когда же вы закончите?

— Завтра.

— Я пришлю за вами машину в Хитроу. За последние несколько часов очень многое произошло. Я имею в виду перемены к лучшему. Вы нам очень нужны, — добавил Леклерк, чтобы приободрить его. — И вы молодец, Джон. Прекрасная работа.

— Спасибо.

Эвери ожидал, что проспит эту ночь как убитый — настолько он устал, но уже буквально через час проснулся в тревоге и волнении. Он посмотрел на часы: десять минут второго. Встав с постели, подошел к окну и оглядел покрытый снегом

пейзаж, рассеченный темной линией дороги, которая вела в аэропорт. Ему даже показалось, что он сумел различить тот взгорок, на котором погиб Тейлор.

Ему было одиноко и страшно. В его сознании возникала мешанина из различных образов и звуков. Жуткое лицо Тейлора, которого он так и не увидел, совершенно обескровленное, но с широко открытыми глазами, словно желавшими передать некое важное открытие; голос Леклерка, полный наигранного оптимизма; фигура толстого полицейского, смотревшего на него с завистью и вожделением, как на предмет роскоши, который он хотел бы купить, но не мог себе позволить. Эвери понял, что не принадлежит к числу тех, кто легко переносит одиночество. Наедине с собой он чувствовал тоску, становился сентиментальным. Впервые с того времени, как покинул дом, он обнаружил, что думает о Сэре и Энтони. Слезы неожиданно навернулись на его усталые глаза, когда он вспомнил о сынишке с его очками в металлической оправе, напоминавшими маленькие кандалы. Ему захотелось услышать его голос, ему нужны были Сэра и знакомая домашняя обстановка. Возможно, он мог даже сейчас позвонить в свою квартиру,

поговорить с ее матерью, поинтересоваться ее самочувствием. Но что, если она заболела серьезно? Нет, хватит с него на сегодня боли; он отдал слишком много сил и натерпелся страха. Если честно, то он пережил настоящий кошмар. Никто не вправе был ожидать от него звонка в такое время. И он вернулся в постель.

Но как он ни старался, заснуть не мог. Его веки горели и стали невероятно тяжелыми, а все тело будто налилось свинцовой усталостью, но сон упорно не приходил. Поднявшийся снаружи ветер дребезжал в сдвоенных оконных рамах. Его бросало то в жар, то в холод. На какое-то время он все же задремал, но лишь для того, чтобы резко очнуться от звуков плача. Они могли доноситься из соседнего номера, или это мог плакать Энтони, а возможно, — он не мог быть в этом уверен, потому что толком не расслышал, — это рыдал механизм внутри куклы, которую держала та девочка.

И однажды, совсем уже под утро, он услышал шаги прямо за дверью своего номера. Не воображаемые, а вполне реальные, как будто кто-то переступил с ноги на ногу. Он лежал охваченный страхом, в ожидании, что ручка двери повернется или что к нему постучатся люди, посланные

инспектором Пеерсеном. Напрягая слух, он готов был поклясться, что улавливает в коридоре шорохи одежды и сдержанное дыхание, похожее на негромкие вздохи. Но потом все затихло. Он еще долго вслушивался, но больше ничего не услышал.

Включив свет, Эвери подошел к креслу и стал ощупывать карманы пиджака в поисках авторучки. Но вспомнил, что она осталась на раковине. Потом он достал из портфеля кожаную папку, подаренную Сэрой.

Устроившись за шатким столом у окна, он принялся писать любовное письмо девушке. Он не знал наверняка, какой именно. Но скорее всего это была Кэрол. А когда утро все-таки наступило, он уничтожил написанное, порвав листок на мелкие клочки и спустив в унитаз. И как раз в этот момент его взгляд случайно наткнулся на что-то белое на полу ванной. Это была фотография дочки Тейлора, державшей все ту же куклу. На ней были очки, похожие на те, что носил Энтони. Вероятно, снимок лежал среди писем. Эвери хотел было уничтожить и его тоже, но почему-то не смог и сунул в карман.

9

Возвращение

Как и ожидал Эвери, Леклерк приехал встречать его в Хитроу лично и стоял в толпе, постоянно приподнимаясь на цыпочки, чтобы вглядеться в поток пассажиров поверх голов других встречающих. Ему каким-то образом удалось пройти таможенную зону — вероятно, министерство помогло, — и, как только он заметил Эвери, Леклерк прошествовал в зал прилета и вывел его за собой с таким важным видом, словно привык пренебрегать всеми формальностями. «Вот она — наша жизнь, — подумал Эвери. — Аэропорты, различающиеся только названиями, поспешные встречи и проводы; мы живем, словно отгороженные от мира стеной, как черные монахи[32] из темного монастыря в Ламбете». Он смертельно устал. Ему хотелось к Сэре. Ему нужно было извиниться перед ней, как-то загладить свою вину, найти другую работу, начать все с нуля, больше времени проводить с Энтони. Среди его чувств сейчас преобладал стыд.

---

[32] Примечания: 32
«Блэк фрайарз» по-английски означает «черные монахи».

— Мне нужно срочно позвонить по телефону. Сэра неважно себя чувствовала, когда я уезжал.

— Позвоните из конторы, — сказал Леклерк. — Не возражаете? Просто у меня назначена встреча с Холдейном буквально через час.

Эвери показалось, что в голосе Леклерка прозвучала нотка фальши. Он покосился на него с подозрением, но босс мгновенно отвел глаза, устремив взгляд на черный «хамбер», который дожидался их на стоянке при аэропорте. Леклерк позволил шоферу открыть перед собой дверь машины, а потом возникла небольшая заминка, пока они не разобрались, что протокол предписывал Эвери сидеть слева от начальника. Водитель не скрывал, насколько ему надоело ожидание. Никакой перегородки между ним и задним сиденьем предусмотрено не было.

— Это и есть часть перемен к лучшему? — спросил Эвери, имея в виду автомобиль.

Леклерк ответил знакомым небрежным кивком, словно лично ему это приобретение уже не казалось даже достойным упоминания.

— Как вообще дела? — спросил он рассеянно, явно думая о чем-то другом.

— Все хорошо. Тут у вас ничего не случилось, я надеюсь? Прежде всего с Сэрой?

— А что могло случиться?

— На Блэкфрайарз-роуд? — спросил водитель, даже не повернув головы, чего требовала, казалось бы, элементарная вежливость.

— Да, в штаб-квартиру, пожалуйста.

— В Финляндии я прошел через какой-то адский хаос, — сказал Эвери с несвойственной ему жесткостью. — Документы нашего друга… Маллаби… Они оказались недействительными. МИД распространил уведомление, в котором аннулировал его паспорт.

— Маллаби? Ах да! Вы имеете в виду Тейлора. Нам уже все об этом известно. Вопрос улажен. Обычная зависть и больше ничего. Если хотите знать, Шеф Цирка был крайне расстроен, когда его уведомили. Прислал письмо с извинениями. На нас теперь работает гораздо больше людей, чем раньше, Джон. Вы даже не представляете, как нас стало много. И вы нам очень пригодитесь. Вы, можно сказать, единственный, кто уже реально поучаствовал в деле.

«В каком деле?» — подумал Эвери. Он снова почувствовал, что значит быть рядом с начальником. Все то же постоянное напряжение, тот же физический дискомфорт, та же бессмыслица. Когда Леклерк повернулся к нему, у Эвери на

секунду возникло тошнотворное предчувствие, что он сейчас положит ему руку на колено.

— Вы очень устали, Джон. Это заметно. Мне знакомо подобное состояние. Но ничего! Главное — вы снова вместе с нами. Послушайте, у меня есть для вас очень хорошие новости. Министерство наконец-то проснулось и стало оказывать нам всемерное содействие. Мы получили разрешение сформировать особый оперативный отдел для подготовки к следующей фазе.

— А будет следующая фаза?

— Естественно. Человек, о котором я уже как-то упоминал при вас. Мы не можем теперь все бросить. Наша миссия — проверить информацию, а не просто анализировать то, что есть. Мы возрождаем особый отдел. Понимаете всю значимость этого факта?

— Да. Холдейн возглавлял его во время войны. Занимался подготовкой…

Леклерк поспешил оборвать его, бросив выразительный взгляд на шофера.

— …Правильно, подготовкой бизнесменов международного уровня. И он снова встал у руля. Я принял решение, что вы будете работать вместе с ним. Пара лучших мозгов, какие только есть в моем распоряжении. — Он отвел взгляд в сторону.

Леклерк тоже изменился. В его поведении появилось нечто новое — причем не просто возросший оптимизм или надежда. Когда Эвери виделся с ним в последний раз, Леклерк существовал во враждебном окружении и боролся за выживание; теперь в его манерах появились свежесть позитивного настроя и целеустремленность, которые были либо действительно чем-то новым, либо хорошо забытым старым.

— И Холдейн согласился?

— А я вам о чем говорю? Он уже работает день и ночь. Не забывайте, что Адриан — прежде всего профессионал. Настоящий знаток приемов нашего дела. Опытный человек идеален для подобного рода роли. При условии, что рядом с ним, помимо ветеранов, будет трудиться и полная энергии молодежь.

— Вообще-то я хотел поговорить с вами по поводу всей этой операции, — сказал Эвери. — И отдельно о том, что случилось в Финляндии. Как только позвоню Сэре, сразу же приду к вам в кабинет.

— Мы направимся ко мне немедленно. Мне надо полностью показать вам всю картину.

— Хорошо, но сначала мне надо поговорить с Сэрой. — У Эвери уже возникло странное ощу-

щение, что Леклерк всеми силами пытается не дать ему связаться с домом. — С ней ведь все в порядке?

— Насколько мне известно, да. А почему вы так настойчиво спрашиваете? — И Леклерк неуклюже сменил тему. — Рады возвращению, Джон?

— Естественно. — Он откинулся на мягкую спинку сиденья.

Уловив недовольство, Леклерк на время оставил его в покое. Эвери же переключил внимание на дорогу и на мелькавшие мимо под легким дождиком розовые добротные дома.

Леклерк вскоре заговорил снова, пустив в ход свой официальный тон:

— Я хочу, чтобы вы приступали к работе как можно скорее. Желательно уже с завтрашнего дня. Ваш кабинет полностью подготовлен. Дел у нас непочатый край. Этот человек — Холдейн им уже занимается вплотную. Думаю, узнаем новости, как только приедем домой. С этого момента вы поступаете в распоряжение Адриана. Мне кажется, вам пойдет на пользу сотрудничество с ним. Наше начальство согласилось выдать вам особое министерское удостоверение. Точно такие же они раньше выдавали только офицерам из Цирка.

Эвери была хорошо знакома привычка Леклерка, столкнувшись с трудностями в общении, уходить в область беседы, лишь смутно связанную с главной проблемой, выдавая сырье вместо готовых мыслей и заставляя слушателя работать с этим сырьем, не утруждаясь самому. И потому он повторил:

— Я должен поговорить с вами по поводу всей этой операции. Сразу после того, как свяжусь с Сэрой.

— Очень хорошо, — ответил Леклерк, любезно улыбнувшись. — Пойдемте ко мне и поговорим об этом. Почему бы не прямо сейчас? — И он обратил к Эвери весь круг своего лица, лишенного глубины, как картонная луна, но тоже прятавшего оборотную сторону. — Вы заслужили за свою работу самых высоких похвал, — великодушно продолжал он. — Надеюсь, вы будете продолжать в том же духе.

Они въехали в пределы Лондона.

— Получаем помощь от Цирка, — добавил Леклерк. — Они охотно идут нам навстречу, хотя, конечно же, не посвящены во все детали. Министр очень твердо настаивал на этом.

Они проехали по Ламбет-роуд, где владычествовал Бог Сражений. В одном ее конце расположен

имперский военный музей и школы — в другом конце. Между ними нашли пристанище больницы и кладбище, огороженное сетчатым забором, как теннисный корт. Сразу и не скажешь, что за люди здесь живут. Домов слишком много, школы слишком велики для любого количества учеников. Больницы, возможно, и переполнены, но на окнах надежно задернуты шторы. И повсюду подобием порохового дыма витает пыль. Она прилипла к фасадам домов, от нее задыхается кладбищенская трава, и мерещится, будто она полностью изгнала отсюда людей, исключая бродяг, которые прячутся в тени, как призраки павших солдат, или тех, кто работает, не зная сна, за подсвеченными желтыми лампами окнами. Это улица, которую ее обитатели охотно и часто покидают. Но зато те, кто возвращается, привносят хоть что-то из реально существующего мира. Один разбивает лужайку, другой строит изломанную террасу в стиле регентства, третий устраивает склад или свалку. А кто-то даже открыл паб под названием «Лесные цветы».

Это была улица религиозных учреждений самого разного рода. Над одними витал дух самой Богоматери, над другими — архиепископа Ами-

го[33]. Те здания, где не располагалась больница, школа, паб или семинария, были мертвы и постепенно обращались в тлен. Был, например, магазин игрушек, вечно закрытый на замок. Эвери имел привычку смотреть на него каждый день по дороге на работу и видел, как все сильнее покрываются ржавчиной машинки на полках. Витрины делались грязнее и грязнее, хотя на их нижних кромках всегда можно было различить отпечатки детских ладошек. Рядом располагалась стоматологическая клиника. Он смотрел из окна машины, словно пытался запечатлеть улицу в памяти, гадая, увидит ли он ее еще раз глазами сотрудника департамента. Они проезжали складские помещения с воротами, обнесенными сверху колючей проволокой, и фабрики, которые ничего не производили. Внутри одной из них прозвенел звонок, но его никто не слышал. Потом открылся уцелевший участок полуразрушенной стены, весь увешанный плакатами, призывающими настоящих мужчин немедленно вступать в ряды вооруженных сил. Обогнув Сент-Джордж-серкус, машина въехала на финишную прямую — Блэкфрайарз-роуд.

---

[33] Примечания: 33
Имеется в виду Питер Эммануэль Амиго — архиепископ Саутворка.

Еще на подъезде к зданию Эвери почувствовал перемены. На мгновение он даже мысленно допустил, что за время его краткого отсутствия трава на вечно лысой лужайке ожила и густо разрослась; что бетонные ступени, ведущие к парадной двери, которые даже в разгар лета оставались влажными и грязными, теперь сверкали чистотой и приглашали войти. Странным образом, еще не побывав в здании, он уже почувствовал витавшую внутри департамента атмосферу обновления.

Она коснулась самых скромных служащих учреждения. Пайн, на которого, безусловно, произвели впечатление черный лимузин и оживленный поток все новых посетителей, выглядел подтянутым и бдительным стражем. Впервые он не осмелился ни слова сказать о результатах вчерашних крикетных матчей. Доски лестницы натерли до блеска с помощью мастики.

В коридоре они столкнулись с Вудфордом. Он очень спешил, держа в руках две папки с досье, помеченные на обложках красными знаками, означавшими высокую степень секретности.

— Привет, Джон! С мягкой посадкой! Как поселился? — Он казался искренне обрадованным встречей. — С Сэрой уже все уладили?

— Он проделал отличную работу, — быстро ответил Леклерк, — хотя задание оказалось нелегким.

— О да! Бедняга Тейлор. Ты будешь нам до зарезу нужен в новом отделе. Жене придется пожертвовать тобой для нас на недельку-другую.

— Что он там сказал по поводу Сэры? — спросил Эвери. Ему внезапно стало страшно, и он быстрым шагом устремился по коридору. Леклерк окликнул его сзади, но он не обратил внимания. Открыв дверь в кабинет, Эвери замер на пороге. На своем столе он увидел второй телефон, а у стены стояла такая же кровать, как у Леклерка. Рядом с телефоном повесили доску с приколотым к ней списком важных номеров. Те, которыми можно было воспользоваться по ночам, выделили красным шрифтом. На внутренней стороне двери висел двухцветный плакат, изображавший голову мужчины в профиль, на которой значились слова: «Храни все здесь», а поперек рта: «Ничего не выпускай отсюда». Ему потребовалось несколько секунд, чтобы понять: плакат служил простым предостережением для болтунов, а не был чьей-то злой шуткой по поводу жуткой судьбы, постигшей Тейлора. Он снял трубку и подождал. Вошла Кэрол с подносом, полным бумаг,

требующих подписи.

— Как все прошло? — спросила она. — Босс, кажется, доволен тобой.

Она стояла совсем близко.

— Как прошло? Пленку добыть не удалось. Ее не оказалось среди его вещей. Я собираюсь подать в отставку. Принял решение. Что, черт возьми, такое с этим телефоном?

— Вероятно, на коммутаторе еще не знают, что ты вернулся. Из бухгалтерии прислали письмо по поводу возмещения твоих расходов на такси. Они оспаривают сумму.

— На такси?

— Да. От твоей квартиры до конторы. В ту ночь, когда погиб Тейлор. Они утверждают, что сумма завышена.

— Послушай, не могла бы ты зайти на коммутатор и растормошить их, если они там заснули?

Сэра сама ответила на звонок.

— О, слава богу, это ты!

Да, сказал Эвери, он вернулся час назад.

— Вот что, Сэра, с меня довольно. Собираюсь заявить Леклерку…

Но она не дала ему закончить. Из нее полился поток слов, переполненных эмоциями.

— Ради всего святого, Джон, чем ты там зани-

мался? К нам приходили из полиции. Какие-то следователи. Они хотели поговорить с тобой о каком-то теле, прибывшем в лондонский аэропорт. О человеке по фамилии Маллаби. Заявили, что его переправили из Финляндии по фальшивому паспорту.

Он закрыл глаза. Ему захотелось повесить трубку. Но даже когда он убрал ее от уха, до него все еще доносилось: Джон! Джон!..

— Они утверждали, что ты его брат. Адрес был указан твой, Джон. Какой-то лондонский гробовщик должен взять на себя дальнейшие хлопоты от твоего имени… Джон! Джон! Ты меня слушаешь?

— Послушай, — сказал он. — Все в порядке. Теперь я сам разберусь с этим.

— Я рассказала им о Тейлоре. Мне пришлось.

— Сэра!

— А что мне оставалось делать? Они считали меня чуть ли не преступницей, Джон, не хотели мне верить. Спрашивали, как связаться с тобой. Я ответила, что не знаю. Ты же не сказал мне, в какую страну летишь и каким рейсом. И я ведь больна, Джон. Я чувствовала себя отвратительно. У меня оказался грипп, а я даже забыла вовремя принять эти треклятые таблетки. Они явились

посреди ночи. Вдвоем. Джон, почему они приходят по ночам?

— Что ты им сказала, Сэра? Что еще ты им сказала, будь все трижды неладно!

— Не смей ругаться на меня. Это я должна злиться на тебя и твой дерьмовый департамент! Я сказала, что ты состоишь на секретной службе и тебе пришлось отправиться за границу по поручению департамента. Джон! Я ведь даже не знаю, как он правильно называется! Сказала, что тебя вызвали ночью и ты уехал. Что это по поводу Тейлора, вашего курьера.

— Ты сошла с ума! — заорал Эвери. — Ты совсем спятила. Я же предупреждал тебя, никому ни о чем не рассказывать!

— Но, Джон, это же были полицейские! Не может быть большого вреда, если я что-то им рассказала. — Она заплакала, и он сразу услышал, как ее голос сделался слезливым. — Джон, приезжай домой, пожалуйста. Мне так страшно. Тебе надо уходить оттуда. Возвращайся к издательской работе. Не важно, что у тебя сейчас за работа, но…

— Я не могу. Это очень крупное дело. Гораздо более важное, чем ты в состоянии себе представить. Извини, Сэра. Но я сейчас не могу покинуть

офис. — И он добавил жестокую, но полезную сейчас ложь: — Тем более что ты, вероятно, нам сильно навредила.

Наступила очень продолжительная пауза.

— Прости, Сэра, но мне теперь придется как-то все уладить. Я перезвоню тебе позже.

Когда она наконец ответила, он услышал в ее голосе те же нотки отстраненности и равнодушия, которые звучали, когда она предложила ему самому собрать свои вещи в дорогу.

— Ты забрал чековую книжку. Я осталась без денег.

Эвери пообещал прислать ее.

— У нас есть машина, — добавил он. — Специально для таких целей. С водителем.

Уже вешая трубку, он услышал ее последнюю реплику:

— А я думала: у вас много машин.

Он влетел в кабинет Леклерка. Рядом с хозяином за столом стоял Холдейн во все еще мокром от дождя плаще. Они склонились над какой-то папкой. Страницы досье пожелтели и местами порвались.

— Тело Тейлора! — выпалил Эвери с порога. — Оно в лондонском аэропорту. Вы устроили из этого какой-то бардак. К Сэре приходили! К ней

заявились посреди ночи!

— Минуточку! — остановил его Холдейн. — Вы не имеете никакого права врываться сюда подобным образом, — сказал он злобно. — Придется подождать.

Было очевидно, что на Эвери ему сейчас наплевать. Он вернулся к просмотру страниц папки и на вошедшего больше даже не взглянул, но пробормотал:

— Какой-то проходной двор! — А потом заговорил, обращаясь к Леклерку: — Как я понял, Вудфорд уже добился немалого прогресса. У нас есть инструктор рукопашного боя. Кроме того, у него имеется адрес инструктора-радиста. Одного из лучших в своем деле. Я его помню. Кстати, заправка и гараж называются «Король червей». Дело явно процветает. Мы навели справки в банке. Они нам охотно помогли, хотя и не вдаваясь в подробности. Он не женат, но имеет репутацию настоящего бабника, что типично для поляка. Политикой не интересуется, каких-то хобби не имеет. Долгов не наделал. Жалоб на него не поступало. В целом производит впечатление обычного ничтожества. Хотя все считают, что механик он хороший. А что до характера… — Он пожал плечами. — Что мы вообще знаем о людских

характерах?

— Но все-таки, что о нем говорят? Невозможно, черт возьми, прожить в одном районе пятнадцать лет, чтобы на тебя вообще не обращали внимания. И потом, был ведь еще этот бакалейщик. Как его? Сметвик. Он жил у него после войны.

Холдейн позволил себе легкую улыбку.

— Они вспоминают, что он был хорошим и очень вежливым работником. Кого ни спроси, все подчеркивают его вежливость. А из привычек помнят только одну: он любил стучать теннисным мячиком о стенку на заднем дворе.

— Ты наведался в гараж?

— Разумеется, нет. Я к нему пока и не приближался. Хочу поехать туда сегодня вечером. Теперь понятно, что выбора у нас нет. А он все-таки значится в нашей картотеке уже двадцать лет.

— Есть еще что-то, нуждающееся в проверке?

— Нам придется подключить к другим делам Цирк.

— Тогда пусть Джон Эвери займется мелкими деталями. — Леклерк, казалось, напрочь забыл, что Эвери тоже находится в комнате. — Что до Цирка, то их я могу взять только на себя.

Его внимание внезапно привлекла новая карта на стене — подробный план Калькштадта с

четко обозначенным городским собором и железнодорожной станцией. Рядом висела более старая карта Восточной Европы. Ракетные базы, существование которых уже было в точности установлено, теперь были наглядно связаны с предполагаемой базой к югу от Ростока. Маршруты подвоза снаряжения, точки, где, возможно, находились командные пункты, вспомогательные объекты и армейские подразделения — все было соединено в единую схему тонкими синими шерстяными нитями, натянутыми с помощью кнопок. Сразу несколько таких нитей упиралось в Калькштадт.

— Хорошо сделано, верно? Сэндфорд славно потрудился прошлым вечером, — сказал Леклерк. — По этой части он большой мастер.

На его столе лежала новенькая указка из светлого дерева, похожая на огромную заколку для волос, к концу которой была привязана для удобства петля из ленты, какими судебные юристы обычно завязывают сзади свои парики. Был там и новый телефон. Зеленый и более современный, чем тот, что поставили Эвери, с надписью: «Разговоры по этой линии НЕ защищены от прослушивания».

Какое-то время Холдейн и Леклерк разгляды-

вали карту, сверяясь с телеграммами в папке, которую Леклерк держал открытой перед собой, как мальчик из церковного хора держит псалтырь.

Потом Леклерк все же повернулся к Эвери:

— Ну, что там у вас, Джон?

Теперь ему дозволялось открыть рот.

Он почувствовал, как его гнев стихает. Ему хотелось поддерживать в себе злость, но она растворялась. Ему хотелось возмущенно выкрикнуть: «Как вы посмели вмешивать в свои делишки мою жену?» Он был бы рад потерять контроль над собой, но не мог. Его глаза тоже были прикованы к карте.

— Ну, мы вас слушаем.

— Полиция приезжала к Сэре. Ее разбудили посреди ночи. Двое мужчин. Там еще была ее мать. Они явились по поводу тела в аэропорту. Тела Тейлора. Им было известно, что его паспорт подложный, и они решили, что она как-то к этому причастна. Они подняли ее с постели, — добавил он уже совсем робко.

— Нам все об этом доложили. Приняты необходимые меры. Я пытался вам об этом сказать, но вы не давали мне такой возможности. Таможня уже выдала тело.

— Но нельзя было втягивать в это Сэру. И вообще мы наделали ошибок.

Холдейн резко вскинул голову.

— Что вы имеете в виду?

— Мы не компетентны самостоятельно справляться с подобными делами, — ответил Эвери довольно-таки дерзко. — Нам не следовало заниматься этим самим. Надо было отдать все в руки Цирку. Смайли или кому-то другому. Они готовы, а мы — нет. — Он собрался с духом, чтобы продолжить: — Я вообще не верю этому докладу. Я не верю, что в нем сообщается правда! Не удивлюсь, если окажется, что того перебежчика на самом деле никогда не существовало, а Гортон все выдумал от первого до последнего слова. И я не верю, что Тейлора убили.

— Это все? — строго спросил Холдейн. Вот он разозлился не на шутку.

— Я больше не желаю иметь к этому никакого отношения. Я говорю об операции. Потому что она бессмысленна. — Он посмотрел на карту, потом на Холдейна и рассмеялся с несколько глуповатым видом. — Все то время, пока я там гонялся за духом мертвеца, вы преследовали живого человека! Как же вам просто живется, на вашей фабрике снов… Но ведь речь идет о людях,

о конкретных человеческих судьбах!

Леклерк слегка коснулся руки Холдейна, как бы говоря, что справится сам. При этом он с виду оставался совершенно спокоен. Вероятно, он был даже рад воочию увидеть симптомы болезни, которую диагностировал раньше.

— Идите в свой кабинет, Джон. У вас просто нервный срыв.

— Да, но что мне сказать Сэре? — в отчаянии спросил он.

— Скажите, что больше ее никто не побеспокоит. Произошла ошибка… Словом, скажите что угодно. А пока пойдите, съешьте чего-нибудь горячего и возвращайтесь через час. Пища в самолетах никуда не годится. А потом мы все выслушаем вашу историю целиком. — Леклерк улыбался той же натянутой и пустой улыбкой, какая играла на его устах, когда он фотографировался с мертвыми теперь пилотами. Когда Эвери уже подошел к двери, он услышал, как его негромко позвали по имени. Позвали мягко, почти с нежностью. Он остановился и обернулся.

Леклерк оторвал руку от поверхности письменного стола и описал ею в воздухе полукруг, как бы вбиравший в себя все помещение, где они сейчас находились.

— Я хотел еще кое-что сказать вам, Джон. Во время войны мы базировались на Бейкер-стрит. Нам выделили подвал, и министерство оборудовало в нем все, что было нужно для планирования операций. Мы с Адрианом проводили там много времени. Очень много времени. — Он бросил взгляд на Холдейна. — Помнишь, как во время бомбежек масляные лампы начинали раскачиваться под потолком? И бывали ситуации, Джон, когда нам приходилось действовать на основе всего лишь одной сплетни или слуха. И ни на чем больше. Только один источник информации, и мы готовы были рисковать. Отправляли агента. Двоих, если требовалось, и часто они уже не возвращались. А ведь там могло ничего и не быть. Слух, догадка, интуиция — вот чем нам приходилось довольствоваться. А иначе легко забыть, на чем строится настоящая разведка: на удаче и на предчувствии успеха. Курочка по зернышку. Там небольшой успех, здесь вовремя прочувствованная ситуация. Но очень часто мы оказывались в таком же положении, как сейчас: мы либо действительно нападали на крупный след, либо он только таким казался и вел в никуда. Сведения мы могли получить как от простого крестьянина во Фленсбурге, так и

от приближенного короля, но в любом случае мы не имели права так просто отмахнуться от них. У тебя появляется цель, и тебе дают задание: найдите человека и зашлите в нужный район. Так мы и поступали. И как же много агентов мы тогда потеряли! А ведь их отправляли лишь для того, чтобы развеять сомнения, понимаете? Мы посылали их, возможно, на гибель, потому что не имели других источников информации. И у каждого из нас случались подобные срывы, Джон. Не считайте нас уж настолько бесчувственными. — Он ностальгически улыбнулся. — Часто нами овладевали такие же настроения, какое владеет вами. Это нелегко, но их надо уметь преодолевать. И тогда у вас открывается то, что мы называем вторым дыханием. — Он облокотился на стол и мечтательно повторил: — Да, именно так. Второе дыхание. А теперь подумайте, Джон, хотите ли вы дождаться, чтобы снова падали бомбы и люди гибли на улицах городов… — Он говорил предельно серьезно, словно исповедовался. — В мирное время все гораздо сложнее, я понимаю. Вот почему сейчас нам требуется даже больше отваги. Но только отваги совсем другого рода.

Эвери кивнул.

— Я вас понял. Простите меня, — сказал он.

Холдейн продолжал смотреть на него с откровенной неприязнью.

— С вашего разрешения я подведу итог сказанному директором, — произнес он наконец источавшим яд голосом. — Если вы хотите остаться в департаменте и заниматься работой, то беритесь за дело. А если вам угодно и дальше плакаться, культивируя в себе негативные эмоции, можете идти на все четыре стороны и предаваться сантиментам, сколько душе угодно. Мы уже слишком стары, чтобы долго утешать вас.

Эвери все еще слышал голос Сэры, видел ряды небольших розовых домов, мокнувших под дождем. Он попытался вообразить, какой станет его жизнь, если в ней не останется места департаменту. Слишком поздно, понял он почти сразу. Впрочем, поздно было с самого начала, потому что он пришел к ним, приняв то немногое, что они могли ему дать, и отдал взамен все, что мог дать сам. Как священник, потерявший на какое-то время веру, он понял, что есть только одно место, где он сможет обрести ее вновь. Вернись в свою юдоль, и сомнения исчезнут. Он посмотрел сначала на Леклерка, потом на Холдейна. Это были его коллеги. Узники молчания, они будут работать втроем бок о бок, возделывая эту сухую

бесплодную почву все четыре времени года, чужие, но необходимые друг другу, сохранившие веру среди тех, кто не верил уже ни во что.

— Вы слышали, что я сказал? — сурово спросил Холдейн.

— Простите меня, — пробормотал Эвери.

— Вам не довелось воевать, Джон, — добродушно сказал Леклерк. — Вы еще не до конца поняли, насколько безоговорочной самоотдачи требует наша профессия. Чувство долга не стало для вас частью плоти и крови.

— Да, я понимаю, — сказал Эвери. — И мне действительно очень жаль. Я от всего сердца прошу у вас прощения… Мне только надо на час воспользоваться машиной, если это возможно. Я должен кое-что передать Сэре.

— Ну конечно.

Только сейчас он понял, что совершенно забыл о подарке для Энтони.

— Простите, — повторил он снова.

— Кстати… — Леклерк выдвинул ящик своего письменного стола и, достав из него конверт, благосклонно протянул его Эвери. — Это ваше новое особое удостоверение сотрудника министерства. Оно откроет перед вами многие двери. Выписано на ваше подлинное имя. В ближайшие недели

такой пропуск может вам очень пригодиться.

— Спасибо.

— Откройте конверт.

Это был картонный прямоугольник, закатанный в целлофан и затейливо окрашенный в зеленый цвет так, что краска, светлая сверху, приобретала ниже темный оттенок. Его имя было отпечатано заглавными буквами на электрической пишущей машинке: МИСТЕР ДЖОН ЭВЕРИ. Предъявителю удостоверения дозволялось проводить любые расследования от имени министерства обороны Великобритании. Внизу стояла подпись красными чернилами.

— Спасибо.

— Оно гарантирует вам полную безопасность. Это личная подпись министра. Он всегда пользуется красными чернилами в силу старинной традиции.

Эвери вернулся в свой кабинет. Порой ему приходилось заставлять себя преодолевать внутренние преграды, подобно человеку, пересекающему огромную пустынную долину без всякой цели, просто чтобы либо приобрести какой-то новый опыт, либо отчаяться и сгинуть. Иногда он ощущал себя бойцом, который бежит в атаку на врага, предчувствуя, что его тело

скоро перестанет существовать, но увлекаемый желанием нарушить унылый конформизм обыденного существования и доказать, что в его жизни была хоть какая-то реальная цель, что, как намекнул Леклерк, он способен переступить через капризы своего сознания ради единения с истинным Богом.

Часть III
Попытка Лейсера

И, уподобившись пловцам, нырнуть
в прозрачность вод,
Где мир еще не одряхлел, не устарел,
не надоел, где радость оживет.

Руперт Брук. 1914

10

Прелюдия

Холдейн вышел из «хамбера» у самого гаража.

— Не стоит ждать меня, — сказал он шоферу. — Вам еще нужно отвезти мистера Леклерка на встречу с министром.

Потом он не спеша направился по асфальтированному тротуару мимо желтых заправочных колонок и рекламных щитов, поскрипывавших на ветру. Уже наступил вечер, снова собирался дождь. Мастерская оказалась небольшой, но

оборудованной по последнему слову техники. В одном из углов было выгорожено нечто вроде автосалона для продажи машин, в другом находилась ремонтная зона, а в центре возвышалось подобие башни, предназначенной для жилья. Башня была отделана шведским деревом, с прекрасной планировкой, а фонари на ней имели форму сердец или червонной масти, причем постоянно меняли цвет. Откуда-то доносился завывающий звук токарного станка, на котором обрабатывали металлическую деталь. Холдейн зашел в контору, где горел свет. Но там никого не оказалось. Пахло резиной. Он надавил на кнопку звонка и тут же зашелся в приступе кашля. Иногда, кашляя, он прижимал руки к груди, а его лицо выдавало покорность человека, смирившегося с неизбежностью боли. На одной из стен висели календари с девушками в купальниках, а рядом — трогательно написанное от руки небольшое обращение, с виду похожее на рекламное объявление, которое гласило: «Святой Христофор и ангелы его небесные, молим вас уберечь нас от аварий на дорогах! Ф.Л.». В клетке у окна нервно метался волнистый попугайчик. Первые крупные капли дождя лениво застучали по стеклам. Потом вошел юноша лет восемнадцати с паль-

цами, испачканными машинным маслом. На нем был рабочий комбинезон с вышитым на нагрудном кармане красным сердечком и короной поверх него.

— Добрый вечер, — поздоровался Холдейн. — Прошу прощения, но я разыскиваю старого знакомого, давнего друга. Мы в последний раз общались много лет назад. Его зовут мистер Лейсер. Фред Лейсер. Я подумал, что, быть может, вы знаете…

— Сейчас позову, — сказал парень и исчез.

Холдейн терпеливо ждал, разглядывая девиц на календарях и гадая, кто повесил здесь эту «красоту» — юнец или сам Лейсер. Дверь снова открылась. Это был Лейсер. Холдейн сразу узнал его по фотографии. Он очень мало изменился. Прошедшие двадцать лет не изрезали его лицо глубокими морщинами, а лишь покрыли легкой сеточкой кожу вокруг глаз и в уголках рта. Рассеянный свет, лившийся из-под потолка, не отбрасывал теней. С первого взгляда это очень бледное лицо говорило о своем владельце только то, что он — человек одинокий.

— Чем могу служить? — спросил Лейсер, встав почти по стойке «смирно».

— Привет. Неужели вы не узнаете меня?

Лейсер посмотрел на него с таким выражением, словно его попросили назвать цену какой-то детали: вроде бы равнодушно, но с легкой обеспокоенностью.

— Вы уверены, что мы знакомы?

— Конечно.

— Значит, это было очень давно, — заметил он. — У меня хорошая память на лица.

— Двадцать лет прошло. — Холдейн закашлялся с извиняющимся видом.

— Значит, во время войны, так, что ли?

Невысокого роста и с очень прямой осанкой, Лейсер отчасти походил на Леклерка. Его можно было принять за простого официанта. Чуть закатанные рукава открывали волосатые руки. На нем была дорогая белая рубашка с монограммой на кармане и галстук из шотландки. И в целом создавалось впечатление, что денег на свою одежду он не жалел. На пальце виднелся золотой перстень; часы с золотым браслетом на запястье. Он тщательно следил за собой — Холдейн уловил исходивший от него аромат лосьона. Густые темно-русые волосы, чуть отросшие на висках, были зачесаны назад, открывая ровный лоб. В его внешности безошибочно угадывалось славянское происхождение. Прямая осанка не мешала

ему держаться свободно, хотя чуть напряженные бедра и плечи выдавали близкое знакомство с морем. Вот здесь уже не оставалось ни намека на сходство с Леклерком. Вероятно, даже вопреки собственному желанию, он выглядел мужчиной практичным и готовым к любому физическому труду, который мог что угодно смастерить сам для дома или завести машину в морозный день. При всей его внешней простоте бросалась в глаза несомненная умудренность опытом.

— Было бы очень странно, если бы вы меня не вспомнили, — почти умоляюще произнес Холдейн.

Лейсер внимательнее пригляделся к впалым щекам с болезненным румянцем, к долговязой, непрерывно двигающейся фигуре, к длинным, немного нескладным рукам, и в его глазах мелькнуло узнавание, но такое мучительное, словно он смотрел на останки старого друга.

— Неужели капитан Хокинс? Быть не может!

— Он самый.

— Боже милостивый, — произнес Лейсер, не двигаясь с места. — Так это вы — те люди, что расспрашивали обо мне?

— Да, мы ищем кого-то с вашим опытом работы. Вы нам подходите.

— А для чего вам такой человек, сэр?

Он по-прежнему стоял совершенно неподвижно. Догадаться, о чем он сейчас думал, было совершенно невозможно. Но он не сводил с Холдейна глаз.

— Для одной работы. Важной работы.

Лейсер улыбнулся, словно внезапно вспомнил все сразу. Он мотнул головой в сторону окна.

— Где-то там? — Он имел в виду место далеко за пеленой дождя.

— Да.

— А что с возвращением?

— Обычные правила. Решает сам агент, действуя по обстановке. Закон войны. — Он сунул руки в карманы, нащупал пачку сигарет и спички. Попугайчик залился трелями.

— Закон войны… Вы курите? — Он дал ему сигарету и прикурил сам, прикрыв пламя в сложенных ковшиком ладонях, как делают при сильном ветре. Сгоревшую спичку он небрежно бросил на пол, чтобы ее потом убрал кто-то другой.

— Боже милосердный, — повторил он. — Целых двадцать лет! Я же тогда был юнцом. Совсем еще мальчишкой.

— Но, как я полагаю, вы ни о чем не жале-

ете, — заметил Холдейн. — Не пойти ли нам куда-нибудь выпить? — Он протянул Лейсеру визитную карточку. Новенькую. С надписью «Капитан А. Хокинс» и номером телефона внизу.

Лейсер посмотрел на нее и пожал плечами.

— Я не возражаю. — Он снял со спинки стула свой пиджак. Потом снова улыбнулся, но на этот раз скептически.

— Боюсь только, что вы напрасно теряете время, капитан.

— Тогда, возможно, вы знаете кого-то. Быть может, остались связи со времен войны и среди них найдется нужный нам человек.

— У меня очень узкий круг знакомств, — ответил Лейсер. Он надел пиджак, а поверх него темно-синий нейлоновый дождевик. Первым оказавшись у двери, он распахнул ее перед Холдейном, показывая, что любит соблюдать формальности. Волосы на его голове лежали ровно, как перья на птичьих крыльях.

Прямо на противоположной стороне авеню располагался паб. Чтобы добраться до него, пришлось перейти улицу по пешеходному мостику. Под ними с грохотом проносился густой поток машин. Стук крупных холодных капель дождя казался уместным аккомпанементом. Мостик

даже чуть подрагивал у них под ногами. Паб был оформлен в тюдоровском стиле с декоративными украшениями в виде новенькой конской упряжи и до зеркального блеска надраенного корабельного колокола. Лейсер заказал себе коктейль «Белая леди». Ничего другого он, по его собственным словам, не пил.

— Держитесь одного напитка, капитан. Мой вам совет. Тогда все и всегда будет в порядке. Ваше здоровье!

— Нам нужен кто-то, кому уже знакомы основные методы работы, — сказал Холдейн.

Они сидели в углу рядом с камином и со стороны вполне могли показаться торговцами, обсуждающими сделку.

— Задание очень ответственное. И платят сейчас значительно больше, чем на войне. — Его тощее лицо вытянулось в улыбке. — В наши дни они готовы щедро оплатить ваши услуги.

— Но ведь не деньги — главное в жизни. — Лейсер произнес эту фразу заученно, словно позаимствовал из учебника английского языка.

— И тут они вспомнили о вас. Люди, чьи имена вы давно забыли, если знали их вообще. — Не слишком искренняя улыбка скривила его губы при этом воспоминании. Вероятно, прошли годы

с тех пор, когда он лгал в последний раз. — Вы произвели сильное впечатление, Фред. Даже в те годы нашлось бы немного агентов лучше, чем вы. А с тех пор минуло двадцать лет.

— Так они все же помнят обо мне, старая гвардия? — Казалось, Лейсер испытывал благодарность, но благодарность застенчивую, словно он занимал в памяти людей чужое место. — Я был тогда совсем юнцом, — повторил он. — Кто там еще у вас остался? Кто тянет лямку?

Холдейн, наблюдая за ним, ответил:

— Я же сказал, что мы играем по старым правилам, Фред. Ты знаешь только то, что тебе положено знать, — одно из основных. Все по-прежнему.

Это прозвучало очень строго.

— Господи Иисусе! — воскликнул Лейсер. — Все по-прежнему. Значит, организация все такая же огромная?

— Даже крупнее. — Холдейн заказал ему еще одну «Белую леди». — Интересуетесь политикой?

Лейсер только махнул рукой.

— Вы же сами знаете, что мы за люди. Я имею в виду британцев. — В его голосе прозвучал откровенный намек на то, что он такой же гражданин этой страны, как и сам Холдейн.

— Я имел в виду в более широком смысле, — пояснил тот и закашлялся, словно надышавшись пылью. — В конце концов они же отобрали у вас родную страну, не так ли?

Лейсер промолчал.

— Что вы думаете, например, о ситуации на Кубе?

Холдейн не курил, но купил в пабе пачку сигарет той марки, которую предпочитал Лейсер. Распечатав ее тонкими, но уже несколько старческими пальцами, протянул сигареты через стол и, не дожидаясь ответа, продолжил:

— Понимаете, разница в том, что американцы определенно знали о том, что происходило на Кубе. Все дело в информированности. И потому они могли действовать. И конечно, у них были безграничные возможности для разведывательных полетов. Но это не везде возможно. — Он невесело рассмеялся. — Остается только гадать, как бы они обошлись без данных воздушной разведки.

— Здесь вы правы. — Лейсер машинально кивнул, но Холдейн не обратил на это никакого внимания.

— Они могли попасть в очень сложное положение, — закончил мысль Холдейн и отхлебнул виски. — Между прочим, вы женаты?

Лейсер усмехнулся, вытянул перед собой ладонь и сделал ею движение, напоминавшее вращение пропеллера самолета.

— И да и нет, — ответил он. Его клетчатый галстук крепился к сорочке тяжелой золотой булавкой в виде хлыста наездника на фоне лошадиной головы, выглядевшей довольно-таки вульгарно.

— А вы, капитан?

Холдейн помотал головой.

— Значит, не женаты, — задумчиво произнес Лейсер.

— А ведь были и другие ситуации, — продолжал Холдейн, — когда допускались очень серьезные ошибки из-за отсутствия или недостатка надежной информации. Ведь даже мы не можем себе позволить держать своих людей сразу повсюду, вот что я хотел подчеркнуть.

— Понятное дело, — вежливо отозвался Лейсер.

Бар постепенно заполнялся.

— А не знаете ли вы какое-то другое место, где мы могли бы спокойно продолжить разговор? — спросил Холдейн. — Заодно и поужинали бы. Вспомнили кое-кого из старых знакомых. Или у вас уже назначено свидание с кем-то еще?

У среднего класса принято ужинать рано. Лейсер посмотрел на часы.

— До восьми я свободен, — сказал он. — Но вам нужно что-то делать со своим кашлем, сэр. Это, вероятно, признак опасной болезни.

Часы у него были тоже золотые с черным циферблатом и окошком, показывавшим различные фазы луны.

Помощник министра тоже следил за ходом времени и был недоволен, что его задержали на работе.

— Думаю, что уже упоминал об этой проблеме, — говорил ему Леклерк. — С МИДом стало очень трудно иметь дело, когда речь заходит о паспортах для оперативных сотрудников. Они взяли моду в каждом случае консультироваться с Цирком. Понимаете, нашего статуса здесь недостаточно, мы не имеем никакого влияния. Вот почему мне так сложно не надоедать вам подобными вопросами. Ведь они понятия не имеют о том, как мы работаем. Не было бы лучше, если бы мой департамент обращался за паспортами непосредственно в личную канцелярию министра? Тогда отпала бы необходимость каждый раз тревожить людей из Цирка.

— Что вы подразумеваете, когда говорите, что с

МИДом стало трудно иметь дело?

— Вы же помните, как мы отправили беднягу Тейлора под чужим именем. А МИД объявил его паспорт недействительным за считаные часы до его отлета из Лондона. Боюсь, что это в Цирке напутали — типичная административная ошибка. А ведь паспорт сопровождал тело покойного при доставке в Великобританию, и по прибытии возник скандал. Для нас это обернулось серьезной головной болью. Мне пришлось отправить одного из моих лучших людей, чтобы исправить ситуацию, — солгал он. — Между тем не приходится сомневаться, что, если министр проявит настойчивость, Шеф Цирка легко согласится изменить организацию этой части работы.

Помощник указал карандашом в том направлении, где располагалась личная канцелярия.

— Хорошо, поговорите непосредственно с ними. Отработайте схему. Действительно, получается глупость какая-то. С кем вы имеете дело в канцелярии?

— С Де Лилем, — ответил Леклерк не без удовлетворения. — Он заместитель главы общего отдела. А в Цирке — со Смайли.

Помощник министра записал фамилии в блокнот.

— В этом Цирке никогда не знаешь, с кем лучше разговаривать. У них такая запутанная иерархия.

— Кроме того, мне придется запросить Цирк о технической поддержке. Радиопередатчики и прочее железо. В целях безопасности предлагаю использовать какой-то благовидный предлог. Широкомасштабная переподготовка и обучение нового персонала выглядят вполне правдоподобно.

— Благовидный предлог? То есть ложь? Да, помню, вы мне уже говорили об этом.

— Это мера предосторожности, не более.

— Поступайте, как сочтете нужным.

— Мне показалось, вы сами не хотите, чтобы Цирк был полностью в курсе. Это же ваши слова: никакого монолита. Из этого я исходил в своих действиях.

Помощник еще раз посмотрел на часы, висевшие над дверью.

— У министра в последнее время неважное настроение. Жуткий день с этим Йеменом. Но, как я думаю, в большей степени его нервируют дополнительные выборы в Вудбридже: там столько неясностей с голосами маргиналов. Кстати, как у вас продвигаются дела в целом? Для него

это тоже предмет озабоченности. Понимаете, ему надо разобраться, во что верить. — Он сделал паузу. — Эти восточные немцы наводят на меня ужас… Но вы упомянули, что уже нашли человека, который по всем статьям подходит для выполнения задания.

Они вышли в коридор.

— Мы как раз ведем с ним сейчас переговоры. Он пойдет на сотрудничество. Полагаю, что все станет известно уже сегодня вечером.

Помощник чуть заметно наморщил нос, уже держась за ручку двери приемной министра. Он был человеком церковного склада и не любил отклонений от нормы.

— Что может заставить человека заниматься подобным делом? Я имею в виду не вас, разумеется, а его.

Леклерк покачал головой и после небольшой паузы заговорил доверительно, словно они с помощником министра разделяли взгляды во всем.

— Одному богу известно. Это тонкий вопрос, в котором мы сами не всегда досконально разбираемся.

— Что он за человек? Какова его классовая принадлежность? Дайте мне хотя бы его краткую характеристику.

— Умен, хотя и самоучка. По происхождению — поляк.

— А, тогда понятно. — Казалось, это объяснение удовлетворило его. — Будем соблюдать предельную деликатность, договорились? Не надо рисовать министру все в черных красках. Он терпеть не может драматических ситуаций. Впрочем, в данном случае последнему идиоту понятны вероятные опасности, возникающие перед нами.

И они вместе вошли в приемную.

Холдейн и Лейсер сели за двухместный столик в укромном уголке, словно двое любовников в простом кафетерии. Это был один из тех ресторанов, где пустые бутылки из-под кьянти считают достаточно привлекательными элементами оформления интерьера, даже не пытаясь оживить его чем-то еще. Уже назавтра или через месяц он мог закрыться, и никто бы этого даже не заметил. Но пока он был новым и популярным, а его хозяин надеялся на светлое будущее заведения, клиентам было вполне уютно. Лейсер заказал натуральный бифштекс, свое любимое блюдо, и поглощал его, сидя очень прямо, прочно уперев локти в стол.

Поначалу Холдейн словно забыл о цели встре-

чи. Он стал достаточно косноязычно рассказывать о своем военном опыте, о департаменте и об операциях, о которых давно начисто забыл, но освежил в памяти, порывшись днем в архивных папках. Причем рассказывал он — это казалось уместным — только о тех агентах, которым удалось остаться в живых.

Вспомнил он и о курсах, которые когда-то закончил Лейсер. Интересовало ли его с тех пор радиодело хоть в какой-то степени? Честно говоря, нет. А рукопашный бой? В этом как-то не возникало необходимости.

— Насколько я помню, во время войны вам пару раз случалось попадать в скверные переделки, — осторожно намекнул Холдейн. — По-моему, у вас были неприятности в Голландии, или я путаю?

Собеседник сдержанно кивнул. Это был явно не тот эпизод, что льстил тщеславию и возбуждал приятные воспоминания о старых добрых временах.

— Да, я тогда крупно влип, — согласился он. — А все по молодости.

— Что же с вами стряслось?

Лейсер посмотрел на Холдейна, часто моргая, словно его только что разбудили, а потом начал рассказ. Это была одна из тех военных историй,

которые тысячекратно повторялись в разных вариантах с первого дня начала войны, такая же далекая от этого уютного ресторанчика, как голод и нищета, и звучавшая тем более неправдоподобно, чем честнее рассказывалась. Он словно говорил не о себе самом. Как будто героем был кто-то другой, а он лишь услышал обо всем по радио. Его поймали, он сбежал. Много дней ему нечего было есть, ему пришлось убивать, чтобы выжить, а потом он попал к своим и был переправлен в Англию. Рассказывал он почти спокойно. Вероятно, потому, что сейчас война уже виделась с большой дистанции. Вполне возможно, все его слова были чистой правдой. Но получалось, как у вдовы-католички из Италии, когда она рассказывает о смерти мужа, — вся страсть из сердца уходит в громкие слова. И все же было отчетливо понятно: он вспоминает только потому, что его попросили. Если в его истории мелькали почти невероятные героические поступки, то в отличие от Леклерка он упоминал о них не для того, чтобы произвести впечатление на других, а чтобы защитить себя. Он казался сейчас очень замкнутым человеком, почти отвыкшим говорить вслух, — человеком, так давно живущим в изоляции от общества, что теперь ему трудно было к нему заново привы-

кать. Он говорил на правильном английском, но у него вдруг прорезался сильный иностранный акцент, причем такое произношение не смог бы воспроизвести самый умелый имитатор. Голос остался вроде бы тем же, но в этом окружении зазвучал до странности чужим.

Холдейн вежливо и внимательно слушал. Когда Лейсер закончил, он спросил:

— Как они сумели вообще узнать, что вы вражеский агент? Вам что-то известно об этом?

Нет, взаимопонимания не возникло. Они оставались бесконечно далеки друг от друга.

— Мне никто ни о чем не говорил, — ответил Лейсер с наивностью ребенка, которому задали «взрослый» вопрос.

— Я лишь утвердился во мнении, что вы именно тот, кто нам нужен. У вас есть немецкие корни, вы жили в Германии, хорошо знаете немцев.

— Только со времен войны, — возразил Лейсер.

Потом они стали вспоминать тренировочный лагерь.

— Как поживает тот толстячок? Кажется, его звали Джордж. Невысокий и вечно грустный.

— О… С ним все хорошо, спасибо.

— Он еще женился потом на красавице. — Лейсер издал похабный смешок и поднял правую

руку, демонстрируя арабский жест, означавший сексуальную доблесть. — Отец небесный! Ох уж эти низкорослые мужчины! Они на все готовы, чтобы доказать свою полноценность. — И он снова от души расхохотался.

С его стороны это была грандиозная ошибка, но Холдейну, как показалось, она пришлась как раз кстати. Он словно ждал чего-то подобного.

Холдейн долго смотрел на Лейсера. Молчание затянулось до неприличия. А потом он резко поднялся на ноги, внезапно сделав вид, что рассвирепел. Судя по всему, его явно злила пошленькая улыбочка Лейсера, как и сам этот дешевый тип из иностранцев, позволивший себе по недомыслию издевку над весьма достойным человеком.

— Я бы попросил вас никогда больше не отзываться о Джордже Смайли в подобном тоне! Да будет вам известно, что он — один из моих лучших друзей.

Он подозвал официанта и расплатился по счету, а потом быстрым шагом вышел из ресторана, оставив совершенно ошеломленного Лейсера в одиночестве с бокалом «Белой леди» в руке, с карими глазами, в беспокойстве устремленными на дверь, через которую так неожиданно и стре-

мительно исчез Холдейн.

Некоторое время спустя он сам вышел из ресторана и направился обратно через тот же пешеходный мостик, медленно бредя под дождем и глядя вниз на два ряда уличных фонарей, между которыми в обоих направлениях двигался густой поток машин. Через дорогу и чуть в стороне виднелось его хозяйство: ряд подсвеченных желтых бензоколонок и башня, украшенная неоновыми сердцами, составленными из ламп в шестьдесят ватт каждая, загоравшихся поочередно то красным, то зеленым светом. Он заглянул в контору, отдал кое-какие распоряжения своему молодому подручному, а сам все так же медленно поднялся наверх. Туда, где громко играла музыка.

Холдейн дождался, пока он скроется из виду, а потом вернулся в ресторан и по телефону вызвал такси.

Женщина включила проигрыватель на всю мощность и слушала танцевальную музыку, сидя в его кресле с бокалом в руке.

— Господи, где ты шатался так долго? — спросила она. — Я просто умираю от голода.

Он поцеловал ее.

— Сам-то ты поел, — упрекнула она. — От тебя пахнет чем-то вкусным.

— Просто перекусил, Бетт. Мне пришлось. Заехал один знакомый, и мы пошли с ним немного выпить.

— Лжец.

Он улыбнулся:

— Брось, Бетти. Мы же договорились, что поужинаем вместе. Я об этом не забыл.

— Что за знакомый?

В квартире царила образцовая чистота. Ковры и шторы в цветочек были со вкусом подобраны, а полированные участки мебели покрывали кружевные салфетки. Все находилось под защитой: вазы, лампы, пепельница — каждый предмет берегли так, словно Лейсер опасался их неизбежного столкновения друг с другом. Он питал склонность к антиквариату, что проявлялось в завитках деталей старинного буфета и кованом железе люстры. Для зеркала он тоже предпочел потускневшую золоченую раму, а рядом висела причудливая абстрактная картина из кусочков фанеры разной формы, скрепленных алебастром. Напольные часы, напротив, выглядели совершенно новыми — с маятником, который не раскачивался, а вращался туда-сюда внутри стеклянного куба.

Когда он открыл бар, раздался мелодичный

перезвон музыкальной шкатулки.

Он смешал себе «Белую леди» так тщательно, словно готовил лекарство. Бетти наблюдала за ним, двигая бедрами в такт музыке и держа руку со своим бокалом на отлете, словно это была рука партнера, причем не Лейсера.

— Что за знакомый? — повторила она вопрос.

Он стоял у окна, по-солдатски выпрямив спину. Мерцавшее на крыше солнце отсвечивало от стен домов, от перил пешеходного моста и дрожало, отражаясь от мокрой мостовой. Позади домов виднелась церковь, похожая на кинотеатр со шпилем, в котором устроили рифленые кирпичные пазы для лучшего звучания колоколов. Позади церкви простиралось только небо. Иногда ему казалось, что от всего вокруг осталась только эта церковь, а зарево в небе над Лондоном вставало потому, что город горел, охваченный огромным пожаром.

— Да-а, вижу, ты сегодня в особенно веселом настроении.

Церковные колокола на самом деле были записаны на магнитофонную пленку, а динамики снабжены мощными усилителями, чтобы заглушать шум машин. По воскресеньям он всегда продавал очень много бензина. Дождь стал силь-

нее поливать улицу; он видел его струи в свете автомобильных фар отражавшимися в красно-зеленом танце от асфальта.

— Ладно, Фред. Давай потанцуем.

— Мне нужна еще минута, Бетт. Чтобы просто прийти в себя.

— Господи, да что с тобой такое? Выпей еще и забудь обо всем.

Он слышал, как ее ступни шуршат в танце по ковру под неумолчное дребезжание многочисленных амулетов на браслете, надетом на запястье.

— Танцуй со мной, черт возьми!

У нее была жеманная манера разговаривать, неестественно растягивая последние слоги слов: для нее это служило дополнением к намеренно созданному образу разочарованной во всем женщины. Она и отдавалась ему с мрачной покорностью, словно расплачивалась по долгам, всем своим видом показывая, что удовольствие получает только мужчина, а ее удел — одна только боль.

Она остановила пластинку резким и небрежным движением руки. В колонке раздался скрежет иглы.

— Что с тобой происходит?

— Ничего, говорю же тебе. У меня просто выдался тяжелый день, вот и все. А потом появился приятель из прошлого. Я знал его много лет назад.

— Я хочу знать, кто это был. Какая-то из твоих прошлых баб, верно? Одна из тех шлюшек?

— Нет, Бетти, я встречался с мужчиной.

Она подошла и прижалась к нему без особой нежности.

— И что особенного в этом виде, чтобы так долго торчать у окна? Скопище жалких маленьких домишек. Ты всегда говорил, что терпеть их не можешь. Так кто это был?

— Человек из одной крупной компании.

— И ты зачем-то им понадобился?

— Да, у них для меня деловое предложение.

— И кому мог понадобиться никчемный поляк?

— Им. — Он едва ли хоть раз пошевелился за все это время.

— Хочу тебя предупредить, что в банк тоже приходили, наводили о тебе справки. Заперлись в кабинете мистера Донэя и долго сидели. У тебя какие-то неприятности?

Он взял ее пальто и помог надеть. Очень галантно, широко расставив локти.

— Умоляю, только не в этот новый ресторан с официантами-мужчинами, ради бога.

— Но там же хорошо. Мне казалось, тебе в прошлый раз понравилось. И потанцевать можно сколько захочешь — ты это любишь. А куда тебе хотелось бы пойти?

— С тобой? Да куда угодно, где можно хоть немного по-настоящему повеселиться.

Уже держа дверь открытой, он всмотрелся в ее лицо и внезапно улыбнулся.

— Так и быть, Бетт. Эта ночь принадлежит тебе. Спускайся и заводи машину. Я закажу для нас столик. — Он сунул ей в руку ключи. — Я знаю одно местечко. Действительно шикарное.

— И что только на тебя нашло сегодня?

— Я даже позволю тебе сесть за руль. Мы проведем всю ночь в разгуле, — сказал он, направляясь к телефону.

Холдейн вернулся в департамент ближе к одиннадцати. Его ждали Леклерк и Эвери. В приемной что-то печатала Клэр.

— Я ждал тебя раньше, — заметил Леклерк.

— Ничего не вышло. Он не хочет вступать в игру. Думаю, со следующим кандидатом придется разговаривать тебе самому. Я больше на это не гожусь, — ответил Холдейн на редкость

бесстрастно. Он уселся. Они в изумлении уставились на него.

— Ты предложил деньги? — спросил Леклерк после паузы. — Нам дали разрешение заплатить пять тысяч фунтов.

— Разумеется, я упомянул о деньгах. Но говорю же, он просто не хочет. Ему неинтересно. И вообще это исключительно неприятный тип. Уж простите. — Но он не стал объяснять, за что именно извиняется.

До них доносился стук машинки Кэрол.

— И что мы будем делать дальше? — спросил Леклерк.

— Без понятия. — Холдейн беспокойно посмотрел на часы.

— Должны быть и другие. Должны быть обязательно.

— Но не в нашей картотеке. Есть бельгийцы, шведы, французы без необходимой квалификации. Но Лейсер — единственный, кто свободно говорит по-немецки и прошел техническую подготовку. Если судить по бумагам, замены ему нет.

— В том смысле, что он еще и достаточно молод, ты это имеешь в виду?

— И это тоже. Придется отправлять кого-то из

стариков. На подготовку человека с нуля у нас нет ни времени, ни возможностей. Лучше будет обратиться в Цирк. Уж они точно подберут кого-нибудь.

— Мы не можем пойти на это, — сказал Эвери.

— Что он за человек? — упорствовал Леклерк, не желавший расставаться с последней надеждой.

— Заурядный. С виду — типичный славянин. Невысокого роста. Уровень ротмистра, не более, что самое неприятное. — Он принялся рыться в карманах, чтобы достать счет из ресторана. — Одевается, как букмекер, хотя так одеваются сейчас все. Мне отдать это тебе или прямо в бухгалтерию?

— Но он не будет болтать?

— Не думаю.

— Ты объяснил ему всю важность задания? Необходимость служения новой родине, и все такое?

— Кажется, он считает себя уже достаточно лояльным. — Холдейн положил счет на стол.

— А политический фактор? Некоторые из этих иммигрантов очень чувствительны…

— Да, мы говорили о политике. Он иммигрант другого сорта. Считает, что полностью интегри-

ровался, стал настоящим британцем. А чего ты от него ожидал? Клятвы верности польскому королевскому дому?

Он снова посмотрел на часы.

— Ты с самого начала не хотел его вербовать! — вскричал Леклерк, выведенный из себя равнодушием Холдейна. — Ты даже рад, что так получилось, Адриан. Это у тебя на лице написано! Боже милостивый, а как же департамент? Неужели он стал для него всего лишь пустым звуком? Впрочем, ты сам давно не веришь в наши возможности. Тебе наплевать! Что ты смотришь на меня со своей нахальной ухмылкой?

— Это ты больше не веришь ни во что, — сказал Холдейн. — Хотя утверждал: мы справимся.

— А вот я верю, — заявил Эвери.

Холдейн хотел ответить и ему, но в этот момент зазвонил зеленый телефон.

— Должно быть, из министерства, — погрустнел Леклерк. — Что я теперь смогу им сказать?

Холдейн молча наблюдал за ним.

Леклерк снял трубку, приложил к уху, а потом протянул ее через стол.

— Это коммутатор. Какого лешего они звонят по зеленому аппарату? Кто-то спрашивает какого-то капитана Хокинса. Это ведь ты, верно?

Холдейн стал слушать без малейших эмоций, отражавшихся на лице. Потом сказал:

— Да, думаю, это возможно. Мы подберем кого-нибудь. Здесь сложностей возникнуть не должно. Значит, завтра в одиннадцать. И, будьте любезны, без опозданий. — Он положил трубку.

Весь свет в кабинете Леклерка, казалось, проникал сейчас через тонкую штору на окне. Снаружи непрерывно лил дождь.

— Это был Лейсер. Он решил взяться за нашу работу. Ему нужно только, чтобы мы нашли человека ему на замену в гараже, пока он будет отсутствовать.

Леклерк ошеломленно смотрел на него. На его лице расплывалась такая радостная улыбка, что это выглядело почти комично.

— А ты ведь ждал этого! — воскликнул он и вытянул вперед свою маленькую ручку. — Прости, Адриан. Я заблуждался на твой счет. Прими самые искренние поздравления.

— Почему же он все-таки согласился? — возбужденно спросил Эвери. — Что заставило его передумать?

— А как вообще объяснить многие поступки агентов? Да не только агентов. Любого из нас. — Холдейн снова сел. Он выглядел постаревшим,

но не дряхлым. Человеком, который остался в живых, хотя все его друзья уже ушли в мир иной. — Почему они соглашаются или отказываются, отчего лгут или говорят правду? Почему так делаем мы сами? — Он закашлялся. — Вероятно, ему стало скучно заниматься повседневной рутиной. И потом — речь идет о немцах, а он их ненавидит. По крайней мере так он мне сказал. Но мне это не представляется существенным. Еще он сказал, что не может предать нас. Хотя, как я понял, он имел в виду самого себя. Я напирал на закон войны, — добавил он, обращаясь к Леклерку. — И это был правильный ход, как теперь выяснилось.

Но Леклерк уже набирал номер министерства.

Эвери вышел в приемную. Кэрол поднялась ему навстречу.

— Что там у вас происходит? — спросила она быстро. — Отчего такое перевозбуждение?

— Из-за Лейсера. — Эвери закрыл за собой дверь. — Он согласился работать.

Они обнялись. Такое с ними произошло впервые.

— Почему?

— Он говорит, что ненавидит немцев. Но я подозреваю, что дело в деньгах.

— Это хорошо для нас?

Эвери цинично улыбнулся.

— Хорошо, пока мы платим ему больше, чем противоположная сторона.

— Значит, ты сейчас вернешься к жене? — спросила она резко. — Не думаю, что тебе так уж необходимо спать на работе.

— Я на оперативном задании. — С этими словами Эвери направился к своему кабинету.

Они не пожелали друг другу спокойной ночи.

Лейсер тоже положил трубку. Внезапно все вокруг успокоилось. Рекламные огни на башне погасли, и комната погрузилась в темноту. Он быстро сбежал вниз по лестнице. При этом он хмурился, но так, словно его беспокоило только одно: необходимость ужинать второй раз за этот вечер.

11

Они остановили выбор на Оксфорде, как и во время войны. Многонациональность обитателей, постоянный поток приезжавших или уезжавших ученых, приглашенных для чтения лекций. Новые люди здесь никому не бросались в глаза. Близость к сельской Англии тоже прекрасно их

устраивала. Но самое главное — им все здесь было хорошо знакомо. Уже на следующее утро после звонка Лейсера Эвери отправился на поиски подходящего дома. Еще днем позже он позвонил Холдейну и доложил, что снял на месяц обширный викторианский особняк в северной части Оксфорда с четырьмя спальнями и хорошим садом. Стоило это удовольствие очень недешево. В департаменте дом сразу окрестили объектом «Майская мушка» и включили в статью расходов на коммунальные нужды.

Холдейн тут же сообщил новости Лейсеру. Тот сам предложил пустить слух, что ему нужно уехать на курсы для бизнесменов в Мидлендсе.

— Никому не сообщайте лишних подробностей, — проинструктировал его Холдейн. — Пусть пишут письма на адрес до востребования в Ковентри. Мы будем сами забирать оттуда вашу корреспонденцию.

Лейсер откровенно обрадовался, узнав, что сможет пожить в Оксфорде.

Леклерк и Вудфорд сразу же взялись за поиски специалиста, который сумел бы квалифицированно управлять заправкой и мастерской в отсутствие Лейсера, и оба пришли к выводу, что лучше Маккаллоха никого не найти. Лейсер вы-

писал на его имя нотариальную доверенность и провел несколько часов, объясняя, что к чему.

— Если хотите, мы можем написать для вас гарантийное письмо, чтобы возместить любые возможные убытки, — предложил Холдейн.

— В этом нет необходимости, — ответил Лейсер. — Английским джентльменам я верю на слово.

Лейсер позвонил и дал согласие работать в пятницу, а уже к среде приготовления продвинулись так далеко, что Леклерк счел нужным собрать сотрудников нового особого отдела для обсуждения дальнейших планов. Эвери и Холдейн будут находиться вместе с Лейсером в Оксфорде. Они оба выедут туда заранее уже на следующий вечер, как только Холдейн закончит набросок учебного расписания. Лейсер прибудет в Оксфорд двумя днями позже, окончательно уладив все свои дела в Лондоне. Холдейна назначили ответственным за программу подготовки, Эвери стал его помощником. Вудфорд пока оставался в Лондоне. Ему в обязанности вменялись консультации с министерством (и со Сэндфордом, временно возглавившим аналитиков), чтобы как можно быстрее обеспечить все учебные материалы и информацию по ракетам малой и средней

дальности. Вооруженный всеми необходимыми данными, он должен был и сам перебраться в Оксфорд.

Леклерк поистине не ведал усталости. Закончив доклад о ходе подготовки в министерстве, он мчался в казначейство хлопотать об увеличении пенсии вдове Тейлора, а вернувшись в департамент, вместе с Вудфордом встречался с бывшими инструкторами по радиоделу, фотографии и рукопашному бою, которых они собирались привлечь к работе.

Все остальное время Леклерк посвящал обдумыванию плана «Зеро» для «Майской мушки», как он назвал момент и способ заброски Лейсера на территорию Восточной Германии. Поначалу он никак не мог прийти к какому-то одному решению этой проблемы. Он рассматривал достаточно сложный вариант переправки морем из Дании: сначала на небольшой рыбацкой шхуне, а затем — в резиновой лодке, которую бы не засекли радары. Он обсуждал с Сэндфордом возможности нелегального перехода границы и обменивался с Гортоном шифровками относительно состояния пограничной зоны в районе Любека. В завуалированной форме он даже консультировался по этому вопросу с Цирком. Шеф был на удивление

готов оказать всемерную помощь.

Все это происходило в атмосфере оживленной активности и оптимизма, которую Эвери отметил еще по возвращении из Финляндии. Даже те, кому вроде бы не полагалось ничего знать об операции, поневоле заражались духом ответственного момента. Небольшая группа, которая каждый день собиралась к обеду за одним из столиков кафе «Кадена», неустанно обсуждала все новые сплетни и слухи. Стало известно, например, что человек по фамилии Джонсон — да, да, тот самый Джек Джонсон, который работал в департаменте во время войны, — вновь призван под его знамена в качестве подкрепления. Бухгалтерия стала выплачивать ему жалованье, но — и это казалось самым примечательным — было поручено подписать с ним трехмесячный контракт для утверждения в министерстве финансов. Где это слыхано, судачили за столом, чтобы договор подписывали всего на три месяца? Во время войны Джонсон занимался главным образом подготовкой агентов для заброски во Францию, как вспомнила одна из пожилых дам — ветеранов организации. Берри — клерк из шифровального отдела — прямо спросил Вудфорда, зачем департаменту опять понадобился

Джонсон (этот Берри вечно во все совал свой нос), и Вудфорд с ухмылкой заявил, что это не его ума дело. Но добавил, что речь идет об операции. Особо секретной операции в Европе… В Северной Европе. И что Берри, возможно, интересно будет знать: бедняга Тейлор расстался с жизнью не зря.

Поскольку теперь на подъездной дорожке постоянно мелькали автомобили курьеров из министерства, Пайн затребовал себе из какой-то воинской части молодого помощника, которого подверг безжалостной муштровке по полной программе. Какими-то неисповедимыми путями Пайн узнал, что целью операции была Германия, и это только прибавило ему усердия.

Среди местных торговцев прошел даже слух, что «министерский» дом собираются продать. Среди возможных покупателей звучали очень известные имена, а это вселяло надежды на увеличение доходов от новых владельцев. Завтраки, обеды и ужины доставлялись в здание круглые сутки, свет горел в окнах днем и ночью. Даже парадную дверь, которую в целях повышенной безопасности много лет держали на замке, теперь открыли, и многие на Блэкфрайарз-роуд не раз видели, как Леклерк в фетровой шляпе и с портфелем в руке выскакивал из подъезжавшего

«хамбера» и торопливо входил в нее.

А Эвери, уподобляясь раненому, который упорно не желает знать, насколько серьезна его рана, спал теперь у себя в кабинете, окончательно превратившемся для него в родной дом. Впрочем, он как-то поручил Кэрол купить подарок для Энтони. Она вернулась с игрушечным грузовичком-молоковозом, в кузове которого размещались пластмассовые бидоны для молока. С каждого бидона можно было снять крышку и заполнить его водой. Вечером они вдвоем испытали игрушку, а потом отправили в Бэттерси с водителем «хамбера».

Когда все было готово, Холдейн и Эвери отправились в Оксфорд, заняв купе первого класса по выданным министерством проездным документам. За обедом в вагоне-ресторане им выделили на двоих четырехместный стол. Холдейн заказал себе полбутылки вина и попивал его, разгадывая кроссворд в «Таймс». Они сидели молча: Холдейн сосредоточился на кроссворде, а Эвери слишком робел перед ним, чтобы отвлекать.

Но тут совершенно внезапно Эвери обратил внимание на галстук Холдейна и, еще не успев обдумать свои слова, воскликнул:

— Бог ты мой! Вот уж никогда бы не подумал,

что вы — любитель крикета.

— А вы ожидали, что я сам расскажу вам об этом? — хмыкнул в ответ Холдейн. — Я бы никогда не надел такой галстук в контору.

— Простите.

Холдейн пристально посмотрел на него.

— Вам не следует так часто извиняться, — заметил он. — Вы оба страдаете этим недугом. — Он отпил кофе из чашки и попросил официанта принести ему немного бренди. Официанты почему-то всегда обслуживали Холдейна с подчеркнутым вниманием.

— Оба?

— Да. Вы и Лейсер. Он вообще просит прощения за все и даже не замечает этого.

— Но для Лейсера такая манера все же более странна, правда? — поспешил сказать Эвери. — В конце концов он профессионал.

— Вовсе нет. Лейсер никогда не был одним из нас. Не заблуждайтесь на этот счет. Мы просто использовали его когда-то, причем очень давно. Но это все.

— Каким он вам показался? Что он за человек?

— Для меня он агент. То есть существо, которым следует управлять, а не узнавать поближе. — И он вернулся к своему кроссворду.

— Он должен быть очень к вам лоялен, — заметил Эвери. — Иначе зачем бы ему соглашаться на выполнение задания?

— Вы слышали слова нашего директора о «втором дыхании»? Это можно трактовать и как вторую клятву верности. Особенно если о первой удалось так легко забыть.

— А откуда у него возьмется второе дыхание?

— Вот в этом все дело. Наша с вами задача сделать все, чтобы оно у него открылось.

— Тогда объясните, как появляется первое. Я не совсем понял идею.

— Я не пытаюсь копаться в причинах. Питаю глубокое недоверие к таким словам, как лояльность или преданность. Но превыше всего, — провозгласил Холдейн, — я не принимаю такое понятие, как «мотивация». Мы контролируем агента. Все. На этом всякая математика заканчивается. Вы же хорошо знаете немецкий, как я слышал? Тогда вам известно, что в начале было не слово, а дело.

Незадолго до прибытия поезда в Оксфорд Эвери отважился еще на один вопрос:

— Почему тот паспорт оказался недействительным?

У Холдейна была странная манера отклонять

голову в сторону, когда ему задавали вопрос.

— Министерство иностранных дел всегда выделяло квоту серий и номеров паспортов для оперативных нужд нашего департамента. Так продолжалось годами. Но вот месяцев шесть назад МИД заявил, что теперь мы сможем получать такие паспорта только с ведома Цирка. По всей видимости, Леклерку так редко приходилось пользоваться поддельными документами, что Шефу удалось взять эту сферу под свой полный контроль. Поэтому Тейлору пришлось выдать паспорт из очень старой подборки серий и номеров. Мы и понятия не имели, что МИД объявил их недействительными ровно за три дня до отправки Тейлора в командировку. И времени что-то изменить уже не оставалось. Впрочем, все могло пройти гладко. Но тут Цирк повел себя очень странно. Если честно, я до сих пор не понял, чем руководствовался в своих действиях Шеф.

От станции они взяли такси до северной части Оксфорда и вышли на углу нужной улицы. Пока они шли по тротуару, Эвери в наступивших сумерках разглядывал соседние дома, замечая то седовласую голову, мелькнувшую за приоткрытой шторой, то бархатные кресла, покрытые в изголовьях кружевными салфетками, то ки-

тайские ширмы, то пюпитры для нот, а в одном из окон он увидел четверых за игрой в бридж, застывших подобно группе придворных в заколдованном замке. Это был мир, который когда-то был ему хорошо знаком; какое-то время он уже начал считать, что и сам принадлежит к нему. Но только было это, как сейчас казалось, очень и очень давно.

Вечер они провели, занимаясь последними приготовлениями. Холдейн решил, что Лейсеру следует отвести спальню в задней части дома с окнами в сад, в то время как они сами займут комнаты, выходящие на улицу. Он заранее распорядился прислать в дом несколько ящиков с научными книгами, пишущей машинкой и внушительными с виду папками. Все это он распаковал и разместил в столовой, главным образом чтобы не вызывать подозрений прислуги, которую домовладелец присылал каждый день.

— Теперь мы будем называть это помещение кабинетом, — сказал Холдейн.

В той же столовой он установил магнитофон. Несколько бобин с пленкой он запер в ящик комода, тщательно прикрепив ключ к кольцу вместе с остальными. В холле стоял еще не распакованный багаж: проектор, одолженный у военных

летчиков, экран и чемодан из зеленого брезента с кожаными углами, содержимое которого было надежно укрыто от посторонних глаз.

Дом оказался просторным и содержался в образцовом порядке, мебель была из красного дерева с бронзовыми металлическими петлями и другими деталями отделки. Стены покрывали портреты членов некой семьи, рисунки сепией, миниатюры и выцветшие от времени фотографии. На серванте стояла ваза со смесью ароматических растений, к раме зеркала пришпилен крест из пальмовых листьев. С потолка свисал канделябр — уродливый, но не бросавшийся в глаза. В одном из углов стоял столик для Библии, в другом — небольшая фигура купидона, очень некрасивая, но повернутая лицом к стене. От всего особняка веяло запахами старины, которые, подобно церковному ладану, настраивали на торжественный, но печальный лад.

К полуночи они полностью распаковали все привезенные вещи и сели в гостиной. Мраморный камин поддерживали две фигуры негров, вырезанные из эбенового дерева. Свет от газового обогревателя играл в позолоченных гирляндах из роз, которыми, как кандалами, были скованы их мясистые лодыжки. Камин был старинным,

хотя мог быть сложен и в семнадцатом веке, и в девятнадцатом, когда подобные черные ангелы ненадолго сменили борзых собак в качестве наиболее популярных в обществе элементов декора, но они оставались такими же нагими, как и те охотничьи псы, а их ноги не избавились от цепей, пусть и в виде сплетенных роз. Эвери налил себе последнюю порцию виски и отправился в постель, оставив Холдейна погруженным в собственные мысли.

Его спальня была просторной и мрачноватой. Над кроватью висел светильник с абажуром из тонкого синего фарфора, столы покрывали вышитые скатерти, а на небольшой эмалированной табличке, прикрепленной к стене, содержался призыв: «Боже! Благослови этот дом!» Рядом с окном висела картина, изображавшая ребенка, читавшего молитву, пока его сестра уплетала завтрак в постели.

Он лежал без сна и думал о Лейсере. Ему это даже стало напоминать ожидание свидания с девушкой. Из соседней спальни вскоре стали доноситься покашливания Холдейна, раздававшиеся снова и снова. И все еще не унявшиеся, когда он заснул.

Леклерку клуб Смайли показался очень стран-

ным местом. Совсем не таким, как он ожидал. Два полуподвальных зальчика и дюжина людей, ужинавших за отдельными столиками, установленными вокруг большого камина. Некоторые лица показались ему смутно знакомыми. Как он подозревал, все они были, так или иначе, связаны с Цирком.

— Приятное заведение. Как можно стать членом клуба?

— Простите, но это невозможно, — извиняющимся тоном ответил Смайли. — Я хочу сказать, что прием новых членов закрыт. Это клуб одного поколения… Несколько человек погибли во время войны, кто-то умер, другие уехали за границу. Так какое у вас ко мне дело, любопытно узнать?

— Вы оказали нам большую любезность, когда помогли Эвери.

— Да… Да, конечно. Между прочим, как у него все прошло? Я ведь так ничего об этом и не слышал.

— Это было чисто учебное задание. В итоге никакой пленки передавать не пришлось.

— Очень жаль, — попытался быстро свернуть тему Смайли, словно ему сообщили о смерти человека и это стало для него печальной новостью.

— Мы, собственно, ничего и не предполагали

всерьез. Обратились к вам больше из предосторожности. Интересно, насколько глубоко Эвери посвятил вас в подробности? Мы, видите ли, приняли программу переподготовки для нескольких ветеранов… И заодно даем практику молодежи. Это как раз то, — счел нужным добавить Леклерк, — чем, по-моему, и следует заниматься, когда работы не слишком много… В канун Рождества. У людей достаточно свободного времени.

— Понимаю.

Леклерк заметил, что кларет был отменного качества. Наверное, ему следовало сменить клуб на более компактный — его собственный в последние годы чрезмерно разросся. К тому же стали возникать сложности с наймом обслуживающего персонала.

— Вы, вероятно, слышали, — добавил Леклерк несколько более официальным тоном, который предписывала ситуация, — что Шеф предложил мне всемерное содействие в целях переподготовки личного состава.

— Да, да, безусловно.

— Инициатором стал, разумеется, наш министр. Ему пришлась по душе идея иметь под рукой группу хорошо тренированных агентов. Как только мы утвердили план, я лично от-

правился на встречу с Шефом. Позже он нанес ответный визит мне. Но впрочем, вам об этом должно быть все известно.

— Да, но только у Шефа возникли…

— Он во многом пошел нам навстречу. Не думайте, что мы не ценим этого. Мы сошлись во мнении — мне представляется, я должен ввести вас в курс дела, а ваше руководство подтвердит мои слова, — что для повышения эффективности тренировок нам необходимо проводить их в атмосфере, максимально приближенной к реальной операции. Когда-то мы бы назвали это «в боевых условиях». — Он благосклонно улыбнулся. — Нами уже подобран район в Западной Германии. Это пустынное, незнакомое нашим людям место, идеальное для отработки приемов нелегального перехода границы и прочих действий. Если понадобится, мы сможем привлечь нам в помощь армейские подразделения.

— Превосходно. Очень хорошая мысль.

— Исходя из принципов элементарной безопасности, мы договорились, что ваша организация будет посвящена только в те аспекты тренировочного процесса, где вы сможете оказать нам конкретное содействие.

— Шеф сообщил мне, — сказал Смайли, — что

желал бы сделать для вас все возможное. Он и не предполагал, что вы до сих пор стараетесь поддерживать былую форму. Это приятно удивило его.

— Хорошо, — коротко отозвался Леклерк и придвинул локти по полированной поверхности стола чуть ближе к собеседнику. — Я подумал, что мы могли бы воспользоваться знаниями ваших экспертов… Совершенно неформально. Подобно тому, как ваши люди иногда прибегают к помощи Адриана Холдейна.

— Конечно.

— Для начала о поддельных документах. Я отследил судьбу наших бывших специалистов по фальшивкам, и, насколько понял, Хайд и Феллоуби перешли на службу в Цирк уже несколько лет назад.

— Да. Как раз во время пересмотра некоторых функций наших ведомств.

— Я лично составил подробный словесный портрет человека, который будет проходить тренировку. Для наших целей удобнее всего было бы сделать его жителем Магдебурга. Хотя он — только один из участников программы. Как вы думаете, ваши люди смогут подготовить для него набор необходимых документов — удостоверение личности, партийный билет и тому подобное?

Все, что ему могло бы реально понадобиться.

— Вашему человеку придется расписаться в бумагах, — сказал Смайли. — Печати необходимо ставить поверх подписей. И нам понадобятся фотографии. Кроме того, ему следует объяснить, как пользоваться каждым из документов. Вероятно, для этого потребуется встреча Хайда с вашим агентом, как вы считаете?

Легкая заминка.

— Разумеется. Я подобрал для агента кодовую фамилию, которая созвучна с его настоящей. Опыт подсказывает нам, что это полезно с чисто технологической точки зрения.

— Позволю себе лишь одно замечание, — сказал Смайли, довольно-таки забавно насупив брови, — и только потому, что вы относитесь к своей тренировке настолько серьезно. Поддельные документы в наши дни уже не имеют прежней ценности. Я имею в виду, что одного звонка в городскую администрацию Магдебурга окажется достаточно, чтобы разоблачить самую искусно сделанную фальшивку…

— Думаю, мы осведомлены об этом… Но наша цель как раз и состоит в том, чтобы научить их выходить из затруднительных положений, уметь изворачиваться, выдерживать допросы… Ну, вы

понимаете, что имеется в виду.

Смайли потягивал кларет.

— Мне просто показалось полезным поднять этот вопрос. Ведь так легко попасть под гипноз чудес, на которые способны современные технологии. Я вовсе не предполагал… Кстати, как поживает Холдейн? Он ведь — один из Великих, с моей точки зрения. Мы набирались опыта бок о бок.

— У Адриана все хорошо.

— Мне понравился ваш Эвери, — вежливо добавил Смайли. А потом его маленькое, но пухлое лицо вдруг исказила гримаса почти боли. — Можете себе представить, — заговорил он эмоционально, — они по-прежнему не включают поэзию барокко в программу изучения немецкой литературы! Они называют это «спецкурсом»!

— Затем встает проблема организации тайной радиосвязи. Признаться, мы не слишком часто прибегали к ней со времен войны. Насколько мне известно, в этой области произошли значительные перемены. Все стало гораздо более сложным. Высокоскоростные передачи и тому подобное. Нам бы хотелось и здесь идти в ногу со временем.

— Да. Насколько я знаю, теперь сообщение

записывается на миниатюрный магнитофон и передается в эфир за считаные секунды. — Смайли вздохнул. — Но в детали даже нас не посвящают. Технический отдел старается не раскрывать своих козырных карт никому.

— Как вы считаете, наших людей можно было бы обучить этому методу передачи, скажем… за месяц?

— Чтобы использовать затем в полевых условиях? — удивленно спросил Смайли. — Вот так просто, после всего месяца тренировок?

— Речь идет о достаточно хорошо технически подкованных людях. С большим опытом пользования обычными рациями.

Смайли все еще смотрел на Леклерка, не скрывая некоторого изумления.

— Простите за вопрос, но придется ли ему, то есть, конечно, им осваивать и другие дисциплины в течение того же месяца? — поинтересовался он.

— Для большинства это будет всего лишь повышение квалификации.

— Ах вот как.

— Вас что-то смущает?

— Нет, нет, ничего, — неопределенно ответил Смайли, а потом добавил: — Вот только сомнева-

юсь, что наши технари так уж охотно передадут подобное оборудование в чужие руки, если только…

— Если только не будут сами руководить обучением?

— Да. — Смайли даже немного покраснел. — Да, именно это я и хотел сказать. Они — необычная публика, знаете ли. Весьма чувствительная и, простите за выражение, ревнивая.

Леклерк погрузился в молчание, слегка постукивая ножкой своего винного бокала по полировке стола, но внезапно заулыбался и сказал тоном человека, которому удалось справиться с приступом депрессии:

— Что ж, тогда нам придется ограничиться обычными средствами радиосвязи. Способы обнаружения передатчиков тоже усовершенствовались со времен войны, насколько я понимаю? Перехват сигнала, пеленгация местонахождения?

— О да. Здесь тоже произошли большие изменения.

— Нам придется приспосабливаться к новым условиям. Как долго можно сейчас находиться в эфире, прежде чем тебя обнаружат?

— Вероятно, две или три минуты. Зависит от

многих факторов. Зачастую это вопрос удачи, сумеют быстро сигнал перехватить или нет. Они могут засечь его, только пока он на связи. Многое зависит от используемых частот. По крайней мере я слышал такое мнение.

— Во время войны, — предался воспоминаниям Леклерк, — мы снабжали агента несколькими кристаллами. Каждый генерировал вибрации на фиксированной частоте — приходилось только как можно чаще менять кристаллы. Тогда метод доказал свою надежность. Вероятно, мы снова прибегнем к нему.

— Да, я это очень живо помню. Но тогда возникало много проблем с перенастройкой передатчика, перемоткой катушки индуктивности, повторным нацеливанием антенны.

— Предположим, речь идет о человеке, который очень хорошо знаком с обычным передатчиком. Вы говорите, что сейчас шансы быть перехваченным сильно возросли по сравнению с войной. Но двух или трех минут должно быть достаточно?

— Быть может, меньше, — ответил Смайли, не сводя с него глаз. — Как я уже сказал, это зависит от очень многого… От везения, от насыщенности эфира другими сигналами, даже от плотности населения в районе…

— Предположим, он будет менять частоту после каждых двух с половиной минут передачи. Наверняка этого будет достаточно, не так ли?

— Такое быстро не делается. — Грустное лицо Смайли с нездоровым оттенком сморщилось в беспокойстве. — Вы уверены, что речь идет всего лишь о тренировке?

— Да, если я только не выжил из ума, — раздраженно ответил Леклерк, но его тут же отвлекла новая идея. — Эти кристаллы размером с маленький спичечный коробок. Мы можем выдать им по нескольку. Нам и надо-то организовать всего три или четыре сеанса радиосвязи. Вы и теперь скажете, что такое предложение никуда не годится?

— Это не совсем моя сфера деятельности.

— А у меня есть альтернатива? Я обратился к Шефу. Он рекомендовал проконсультироваться с вами. Сказал, что вы поможете, найдете необходимое оборудование. Что еще мне остается? Могу я, например, лично побеседовать с вашими радиоинженерами?

— Извините. Шеф дал согласие на оказание технической поддержки, отдал распоряжение помочь во всем, но мы не можем подвергать опасности свои новые технологические разработки. Допустить даже малейший риск утечки

информации. Ведь речь идет в конце концов всего лишь об учебном задании. Думаю, с его точки зрения, если у вас недостаточно своих ресурсов, то вам следует…

— Перепоручить тренировку кому-то другому?

— Нет, я не это хотел сказать. — Смайли протестующе поднял руки, но Леклерк снова перебил его:

— Люди, которых мы натаскиваем, будут, вероятно, в будущем использоваться исключительно для разведки военных целей, — сказал он уже откровенно зло. — Чисто военных. И ваш Шеф согласился с этим.

— Не сомневаюсь. — Смайли сделал вид, что уступает. — И если вам нужен обычный радиопередатчик, мы обязательно его для вас где-нибудь разыщем.

Официант принес графин с портвейном. Леклерк наблюдал, как Смайли налил немного себе в бокал, а потом осторожно отодвинул графин по полированной поверхности стола.

— Это очень хорошее вино, но, боюсь, его запасы подходят к концу. Скоро придется вскрыть новую бочку, с менее выдержанным. Я встречаюсь с Шефом завтра прямо с утра. Уверен, у него не возникнет никаких возражений. Я имею в

виду документы. И кристаллы. Мы снабдим вас также рекомендациями относительно частот. Шеф особо подчеркнул такую необходимость.

— Ваш Шеф был к нам очень расположен, — признал Леклерк, чувствуя, что слегка опьянел. — Это меня порой и удивляет.

12

Два дня спустя в Оксфорд приехал Лейсер. Они с нетерпением дожидались поезда на платформе. Холдейн пристально вглядывался в лица спешивших мимо только что прибывших пассажиров. Но примечательно, что первым Лейсера увидел и узнал Эвери. Тот стоял у окна своего опустевшего уже купе в пальто из верблюжьей шерсти.

— Это он? — спросил Эвери.

— Перебрался в первый класс. Видимо, доплатил разницу из своего кармана. — В устах Холдейна это прозвучало как грубое нарушение дисциплины.

Лейсер опустил оконное стекло и подал через него два чемодана из свиной кожи, форма которых была приспособлена для багажника автомобиля, а оранжевый цвет казался слишком ярким, чтобы выглядеть натуральным. Они быстро поприветствовали друг друга, обменявшись

рукопожатиями на виду у всех. Эвери хотел отнести багаж к такси, но Лейсер предпочел взять чемоданы сам, словно считал это исключительно своей обязанностью. Он пошел чуть впереди, расправив плечи, разглядывая окружавших людей и поражаясь плотности толпы на вокзале. При каждом шаге концы его длинных волос подпрыгивали в такт.

Глядя на него, Эвери ощутил неожиданный приступ беспокойства. Теперь это был живой человек, а не абстрактная тень. Человек с сильным телом и целеустремленностью в движениях, и этим мужчиной им предстояло руководить. А ведь он мог по-прежнему направиться куда угодно. Его завербовали, и в его манерах уже просматривалась четкая готовность подчиняться. И все же Эвери внутренне осознавал, что ему пока не понятен ни один из факторов, заставивших Лейсера передать себя в их руки. Несмотря на относительно недолгое время работы в департаменте, Эвери уже сталкивался с подобным феноменом: люди вроде бы органично вписывались в схемы операций, но их планы возникали из ничего и ничем конкретным не завершались. Все это было частью повседневной имитации активности, не имевшей в итоге

никакого практического смысла, как пустой флирт, не ведший к возникновению подлинно любовных отношений, всего лишь имитация романтических чувств. И они все время варились в собственном соку. А теперь Эвери видел перед собой постороннего человека, который шел чуть подпрыгивающей походкой, живой и подвижный, и осознавал, что с ним все должно быть иначе. Им впервые доверили человеческое существо, которое целиком зависело от них.

Они взяли такси, причем Лейсер по собственному настоянию занял место последним. В этот день серое небо низко висело над кронами платанов. Из труб домов северного Оксфорда толстыми колоннами поднимался вверх дым, как от жертвенных костров. Дома могли с виду показаться не слишком богатыми, но каждый был построен на свой романтический лад, словно став иллюстрацией к той или иной легенде, сказке, преданию. Здесь угадывались башенки Авалона, там — резные решетки пагоды, а между ними среди деревьев можно было увидеть даже чилийскую араукарию. Чуть дальше от чужих глаз трепетало на ветру вывешенное для просушки белье, похожее на пестрых бабочек, перепутавших времена года. Дома непременно стояли посреди садиков.

Окна были плотно занавешены: слой тюля, слой парчи — как нижняя юбка и подол платья. В целом вид напоминал скверно выполненную акварель с преобладанием темных тонов и избыточным количеством краски для изображения серого предзакатного неба.

Такси они отпустили на углу своей улицы. В воздухе витал густой запах гниющей опавшей листвы. Если у соседей и были дети, то они не выдавали своего присутствия ни малейшим шумом. Трое мужчин подошли к воротам. Лейсер, осматривая дом, поставил чемоданы на землю.

— Неплохое местечко, — заметил он одобрительно и повернулся к Эвери. — Кто его выбирал?

— Я.

— Это просто здорово. — Он потрепал Эвери по плечу. — Отличная работа.

Эвери, польщенный комплиментом, улыбнулся и открыл ворота. Лейсер снова настоял, чтобы его новые товарищи вошли в них первыми. Они провели его наверх и показали отведенную ему комнату. Он продолжал держать в руках чемоданы.

— Распакую вещи позже, — сказал он. — Люблю все сразу разложить по местам.

Он прогулялся по дому, брал в руки какие-то вещи и разглядывал их с таким видом, словно приехал как возможный покупатель недвижимости.

— Неплохое местечко, — повторил он потом, подводя итог увиденному. — Мне здесь нравится.

— Хорошо, — отозвался Холдейн, но так, словно ему было совершенно наплевать на ощущения гостя.

Эвери проводил Лейсера в спальню, чтобы проверить, не нужна ли ему помощь.

— Как тебя зовут? — спросил Лейсер. С самого начала с Эвери он чувствовал себя свободнее и вел немного развязнее.

— Джон.

Они еще раз пожали друг другу руки.

— Что ж, рад знакомству, Джон. Сколько тебе лет?

— Тридцать четыре, — соврал Эвери.

Лейсер ему подмигнул.

— Боже, как жаль, что мне уже не тридцать четыре. Доводилось выполнять такую работенку прежде, а?

— Я только неделю назад вернулся с собственного задания.

— Как все прошло?

— Отлично.

— Молодчина! А где твоя комната?

Эвери показал.

— Так, а теперь расскажи, какой здесь у вас расклад?

— Что ты имеешь в виду?

— Кто командует?

— Капитан Хокинс.

— А другие командиры будут?

— Едва ли. Здесь только он и я.

— А ты останешься на все время?

— Да.

Лейсер начал выкладывать вещи из чемоданов. Эвери с интересом наблюдал. У него были щеточки в кожаных футлярах, лосьон для волос и еще целый набор флаконов с мужской парфюмерией, электрическая бритва последней модели и множество галстуков из шотландки или шелка, тщательно подобранных под дорогие рубашки. Эвери спустился вниз. Холдейн ждал его.

— Ну и как он вам? — спросил он с улыбкой.

Эвери пожал плечами чуть преувеличенно равнодушно. Он чувствовал одновременно и радостное возбуждение, и некоторый дискомфорт.

— А вы что о нем думаете?

— Я его вообще почти не знаю, — сухо отве-

тил Холдейн. Ему удивительно легко удавалось обрывать разговоры, которые он не хотел продолжать. — Я хочу, чтобы вы постоянно находились рядом с ним. Ходили с ним на прогулки, тренировались вместе в стрельбе, выпивали, если потребуется. Он ни при каких обстоятельствах не должен оставаться один.

— А у него будут увольнительные?

— Там посмотрим. Пока делайте, что вам приказано. Ему наверняка понравится бывать в вашем обществе. Он очень одинокий человек. И помните: он — британец. Британец до мозга костей. И еще одно, быть может, самое важное. Не давайте ему повода думать, что со времен войны мы хоть в чем-то изменились. Департамент остался в точности таким же, как и прежде. Поддерживайте в нем эту иллюзию, — закончил он без улыбки, — хотя вы сами слишком молоды, чтобы сравнивать.

Они начали уже на следующее утро. Покончив с завтраком, собрались в гостиной, и Холдейн провел первый инструктаж.

Тренировочный процесс будет разбит на два периода по две недели каждый с небольшим перерывом между ними. Цель первой стадии — восстановить прежние знания и навыки. На

второй все это будет отрабатываться уже применительно к конкретной цели будущей операции. Только тогда Лейсеру сообщат, под каким кодовым именем ему предстоит работать, посвятят в детали «легенды» и объяснят миссию, которую нужно выполнить. Но даже на втором этапе он еще не получит информации ни о конкретном районе, куда его собираются забросить, ни о способе заброски.

В том, что касается связи, как и в остальных аспектах подготовки, Лейсера будут вести от общего к частностям. На первой стадии он освежит в памяти шифровальное дело, схемы и расписание подачи сигналов. Когда наступит второй этап, он большую часть времени будет заниматься реальной передачей данных по радио в условиях, максимально приближенных к боевым. Для этого на неделю сюда приедет инструктор.

Все это Холдейн сообщал желчным тоном раздражительного учителя, а Лейсер внимательно слушал, время от времени кивком головы подтверждая согласие на предложенные условия. Эвери казалось странным, что Холдейн даже не давал себе труда скрывать неприязнь к подопечному.

— На первом этапе мы сразу выясним, что вы

до сих пор помните. А еще, боюсь, придется заставить вас много бегать. Вы нужны нам в хорошей физической форме. Будут тренировки в стрельбе из пистолета, отработка приемов рукопашного боя, упражнения для развития памяти, внимания и других профессиональных качеств. По вечерам предусмотрены легкие прогулки.

— С кем? Можно Эвери будет ходить со мной?

— Да, Джон будет вас сопровождать. И вообще рассматривайте Джона как своего советника по всем второстепенным вопросам. Если вам понадобится что-то обсудить, появятся какие-либо жалобы или предметы для беспокойства, я надеюсь, вы без стеснений обратитесь к одному из нас.

— Договорились.

— Но у меня есть к вам просьба: никуда не выходите один. Мне бы хотелось, чтобы Джон составлял вам компанию всегда — захочется ли вам в кино, просто пройтись по магазинам и во всех остальных случаях, когда у вас выдадутся часы досуга. Хотя едва ли времени на развлечения будет оставаться слишком много.

— Я и не ожидал ничего другого, — сказал Лейсер. — В отдыхе нет никакой необходимости.

Причем, судя по интонации, можно было сде-

лать вывод, что и никакого желания отдыхать он тоже не испытывал.

— Инструктор по радиоделу, который приедет сюда, не должен знать вашего имени. Это обычная мера предосторожности. Пожалуйста, строго придерживайтесь ее. Приходящая прислуга считает, что мы участвуем в научной конференции. Не думаю, чтобы она попыталась заговорить с вами, но на всякий случай помните о цели нашего приезда. Если у вас возникнет желание узнать, как идут дела в вашей мастерской, будьте добры, обратитесь сначала ко мне. Никаких телефонных звонков без моего ведома. У нас будут еще посетители: фотографы, медики, техники. Все они — вспомогательный персонал и ничего не знают об операции. Им внушат, что вы всего лишь один из многих участников курсов переподготовки. Пожалуйста, помните об этом тоже.

— О'кей, — сказал Лейсер.

Холдейн посмотрел на часы.

— Первое мероприятие намечено на десять часов. Машина подберет нас на углу улицы. Водитель не из наших людей, а потому в дороге будем соблюдать молчание. У вас есть другая одежда? — спросил он. — Эта едва ли подходит для занятий в тире.

— Есть спортивная куртка и пара тренировочных брюк из фланели.

— Вам лучше одеваться так, чтобы вообще поменьше бросаться в глаза.

Когда они поднялись наверх переодеться, Лейсер криво улыбнулся Эвери.

— Настоящий боец, верно? Старой закалки.

— Да, но хороший боец, — отозвался Эвери.

— Само собой, хороший. — Лейсер замер и огляделся. — Послушай, скажи мне одну вещь. Давно вы используете этот дом для подготовки агентов?

— Ты здесь далеко не первый, — неопределенно ответил Эвери.

— Я знаю, ты не можешь мне рассказать всего. Но организация осталась прежней?... Свои люди повсюду? Та же система работы?

— Не думаю, что ты обнаружил бы много различий. Разве что мы еще несколько расширили сферу своего влияния.

— И много теперь молодежи? Таких, как ты сам?

— Извини, Фред.

Лейсер положил ладонь на спину Эвери. Он вообще часто прибегал к подобным жестам.

— Вижу, ты тоже дело знаешь, — сказал он. —

Не слишком беспокойся обо мне, Джон. Со мной все будет в ажуре.

Они отправились в Абингтон: министерство договорилось с базой подготовки парашютистов. Их ждал инструктор.

— Привыкли к определенному виду оружия?

— Да, дайте мне автоматический браунинг три-восемь, пожалуйста, — попросил Лейсер робко, как маленький мальчик, обращающийся к бакалейщику.

— Теперь они называются девятимиллиметровыми пистолетами. У вас, наверное, был «Марк Один».

Холдейн стоял у дальней стены галереи, пока Эвери помогал вывешивать мишень размером в человеческую фигуру на расстоянии десяти ярдов и заделывал кусками клейкой ленты оставшиеся в ней отверстия от пуль.

— Обращаясь ко мне, называйте меня офицер, — сказал инструктор и повернулся к Эвери: — Не хотите тоже потренировать руку, сэр?

За него быстро ответил Холдейн:

— Да, организуйте, пожалуйста, проверку для них обоих, офицер.

Первым взялся за дело Лейсер. Эвери встал рядом с Холдейном, глядя в широкую спину Лейсера,

расположившегося напротив вырезанного из фанеры силуэта немецкого солдата. Мишень была выкрашена черной краской и четко вырисовывалась на фоне местами осыпавшейся штукатурки стен. В области живота и промежности кто-то мелом вывел отметки в форме белых сердечек, а в целом фанерная фигура уже была обильно залеплена кусками клейкой бумаги. Они наблюдали, как Лейсер привыкал к весу оружия, быстро поднимая пистолет до уровня глаз, а потом медленно опуская его, вставляя пустую обойму, отщелкивая ее назад и вставляя снова. Он через плечо обернулся к Эвери, левой рукой отбросив со лба прядь русых волос, которая могла упасть на глаза и помешать видеть мишень. Эвери ободряюще улыбнулся ему, а потом тихо сказал Холдейну, словно обсуждая другой вопрос:

— Я пока в нем не разобрался.

— А чего в нем разбираться? Обыкновенный поляк, только и всего.

— Откуда он родом? Из какой части Польши?

— Вы же читали досье. Он из Данцига.

— Ах да, конечно.

Инструктор тоже приступил к своим обязанностям.

— Сначала поработайте с незаряженным

пистолетом. Оба глаза открыты и смотрят на мушку, ноги расставьте чуть пошире. Вот так, замечательно. Расслабьтесь, почувствуйте себя свободно и комфортно. Это не строевое упражнение, а исходное положение для стрельбы. Да, все правильно. Вижу, вам это не впервой! Теперь поднимите пистолет, наведите на мишень, но пока не цельтесь. Отлично! — Инструктор громко выдохнул, открыл деревянный ящик и достал четыре обоймы. — Одна идет в пистолет, вторую держите в левой руке, — сказал он и протянул оставшиеся две Эвери, который с интересом смотрел, как Лейсер умело загнал снаряженный магазин в рукоятку пистолета, одновременно большим пальцем сняв его с предохранителя.

— Теперь приподнимите пистолет и направьте в землю примерно в трех ярдах перед собой. Займите стойку и вытяните руку прямо. Направив пистолет на мишень, но не целясь, расстреляйте первую обойму двойными выстрелами. И помните, мы не рассматриваем автоматическое оружие как особо точное. Оно служит скорее средством сдерживания противника в ближнем бою. Так, а сейчас медленно, очень медленно…

Прежде чем он успел закончить, тир завибрировал от громких звуков стрельбы Лейсера. Стрелял

он быстро, стоя в очень напряженной позе, а его левая рука сжимала запасную обойму как гранату, вытянувшись вдоль тела. Он палил со злостью, как немой, который нашел наконец способ самовыражения. Со все возраставшим возбуждением Эвери чувствовал ярость и целеустремленность его стрельбы: два выстрела, еще два, потом три, а затем длинная очередь. Фанерный солдат раскачивался из стороны в сторону, а ноздри Эвери заполнил запах бездымного пороха.

— Одиннадцать из тринадцати попали в цель, — объявил инструктор. — Очень хорошо. Просто очень. Только в следующий раз стреляйте двойными, как вас просили, и дождитесь команды «Огонь!». — Он повернулся к Эвери. — Не желаете сделать свою попытку, сэр?

Лейсер между тем подошел к мишени и пальцами своих ухоженных рук обводил отверстия, оставленные пулями. Наступившая тишина начала давить на нервы. Он казался полностью погруженным в какие-то свои размышления, ощупывая мишень то там, то здесь, проводя пальцами по плоской поверхности немецкой каски, пока его не окликнул инструктор:

— Возвращайтесь на исходную. Мы не можем потратить на вас целый день.

Эвери встал на гимнастический мат, привыкая к весу оружия в руке. С помощью инструктора он зарядил первую обойму, нервно сжимая в кулаке вторую. Холдейн и Лейсер наблюдали за ним.

Эвери начал стрелять. Оглушительные звуки отдавались в ушах, но его юное сердце наполнилось унынием, когда он увидел, что мишень ни разу даже не покачнулась.

— Хорошая стрельба, Джон, хорошая!

— Да уж, хорошая, — машинально повторил инструктор. — Будем считать неплохой первой попыткой, сэр. — Потом, повернувшись к Лейсеру, он сказал: — Надеюсь, вы никогда не будете стрелять подобным образом.

Чувствовалось, что он умеет чутьем распознавать иностранцев.

— Сколько попаданий? — взволнованно спросил Эвери, когда они с инструктором направились к мишени и прикоснулись к тонкому слою бумаги, покрывавшему грудь и живот «немца». — Сколько, офицер?

— Тебе лучше пойти со мной, Джон, — прошептал Лейсер, обняв Эвери за плечи. — Мне понадобится твоя помощь.

Лишь мгновение потребовалось Эвери, чтобы подавить желание отказаться. Но затем он со

смехом сам обнял Лейсера, ощутив теплоту, исходившую от его руки и от хрустящей спортивной куртки.

Инструктор провел их через парадный плац к кирпичному бараку, который, как кинотеатр, не имел окон и с одного конца был выше, чем с другого. Вход загораживали стены, смыкавшиеся друг с другом, как это бывает в общественных уборных.

— Тир для стрельбы по движущимся мишеням и в условиях плохой освещенности, — пояснил Холдейн.

За обедом они слушали магнитофон. Записей на различные темы должно было хватить на первые две недели подготовки. Их явно сделали со старых граммофонных пластинок. На одной из них, видимо, была царапина, которая теперь при воспроизведении потрескивала с размеренностью метронома. Все вместе это было нечто вроде салонной игры, но только очень масштабной, в которой предметы для запоминания не просто перечислялись, а лишь бегло упоминались — вскользь, небрежно, часто на фоне отвлекающих посторонних шумов, то возникая в споре записанных голосов, то повторяясь в беседе с искажающими смысл поправками. Основных

голосов было три: один женский и два мужских. Прочие вмешивались лишь время от времени. Больше всего их раздражала дама.

У нее был невыразительный, но нравоучительный тон, какой часто с годами приобретают стюардессы. На первой пленке она читала списки, причем очень быстро. Сначала это был список покупок, которые она якобы собиралась сделать: два фунта этого, килограмм того, потом без малейшей паузы начинала говорить о шариках цветного драже — столько-то зеленых, столько-то светло-коричневых; затем речь заходила об оружии: винтовках, торпедах, патронах того или иного калибра. Следующей темой вдруг становились фабрики с их производственными площадями, отходами, ежегодными планами выпуска продукции и месячными нормами. На второй катушке она продолжала говорить на те же темы, но теперь ей постоянно мешали посторонние голоса, сбивая ее с толку и пытаясь увести беседу в совершенно неожиданную сторону.

Делая покупки, она ввязалась в свару с женой лавочника из-за товаров, качество которых ее не устраивало: несколько яиц оказались несвежими, а цену на масло она назвала просто сумасшедшей. Когда же сам бакалейщик попытался примирить

женщин, его обвинили в том, что он нечист на руку. В разговоре упоминались такие забытые понятия, как месячные рационы и продуктовые карточки, говорилось о дополнительной выдаче сахара для варки джемов, а покупательница прозрачно намекала, что торговцы прячут самые дефицитные товары под прилавком. Лавочник уже начал спорить на повышенных тонах, но осекся, услышав голос ребенка, снова говорившего о драже: «Мама, мамочка, я выронил из банки три зеленых, а когда попытался положить назад, то сразу семь черных вывалились и упали. Мама, а почему черных теперь осталось только восемь?»

Место действия переместилось в паб. И снова в центре внимания оказалась та же женщина. Она зачитывала статистику вооружений; другие голоса вливались в разговор. Они оспаривали названные цифры, называли другие, вспоминали данные прошлых лет. Потом обсуждали тактико-технические данные и разрушительную силу какого-то вида оружия — не названного и даже не описанного, — причем спорщики цинично опровергали ее слова, и дебаты делались все более накаленными.

Каждые несколько минут мужской голос вы-

крикивал: «Стоп!» — что было похоже на присутствие некоего рефери, — и Холдейн останавливал воспроизведение, вовлекая Лейсера в обсуждение футбольных матчей или стоявшей за окном погоды, или в течение пяти минут, засекая время по своим часам (часы стояли на камине), зачитывал вслух заметки из газеты. Затем снова включалась запись. И при последнем включении они услышали смутно знакомый, но достаточно молодой и не слишком уверенный голос, принадлежавший человеку возраста Эвери, монотонный, как у священника: «А теперь вам нужно ответить на четыре вопроса. Если не считать тех яиц, которые женщина посчитала несвежими, сколько всего яиц она купила за последние три недели? Сколько всего насчитывалось в банке шариков драже? Каково было ежегодное производство точно откалиброванных орудийных стволов за 1937 и 1938 годы? И наконец, изложите телеграфным стилем любую информацию, с помощью которой можно вычислить длину каждого ствола».

Лейсер тут же рванулся в кабинет. Он, по всей видимости, знал правила игры и торопился записать ответы. Как только он покинул комнату, Эвери заявил с обличающей интонацией:

— А ведь это были вы! Это ваш голос звучал в

конце записи.

— Да неужели? — Холдейн отреагировал так, что осталось непонятным, признался он или нет.

Потом были и другие записи, и от некоторых из них веяло смертью. Топот ног по деревянной лестнице, хлопнувшая дверь, щелчок, а потом девичий голос, спрашивавший так, как заказывают в кафе лимонное или сливочное мороженое: «Дверной замок или затвор пистолета?»

После некоторого колебания Лейсер ответил:

— По-моему, щелкнул дверной замок. Да, это всего лишь дверь.

— Нет, звук был пистолетный, — возразил Холдейн. — Как раз девятимиллиметровый автоматический «браунинг». Щелкнула вставленная в рукоятку обойма.

Ближе к вечеру они отправились на свою первую прогулку. Вдвоем — Лейсер и Эвери. Пересекли Порт-Мидоу и углубились в местность за городом. Холдейн настоял на необходимости освежиться. Они шли быстрым шагом. Высокая трава хлестала по ногам, порывистый ветер быстро растрепал длинные волосы Лейсера. Было холодно, но хотя бы не шел дождь: это был сумрачный день, когда солнце не появилось ни разу, а небо над плоскими полями казалось

темнее земли.

— Вижу, тебе хорошо знакомы эти места, — заметил Лейсер. — Ты здесь учился?

— Да, и писал здесь дипломную работу.

— Что ты изучал?

— Языки. Немецкий был у меня основным.

Они пересекли мостки и вышли в начало узкой аллеи.

— Ты женат? — спросил Лейсер.

— Да.

— Есть дети?

— Сын.

— Поясни мне кое-что, Джон. Когда капитан нашел в архиве мою карточку… Что произошло потом?

— В каком смысле?

— Как она выглядит — картотека на такое количество людей? Она должна занимать очень много места.

— Это просто карточки, расставленные в алфавитном порядке, — растерянно ответил Эвери. — Просто карточки. А почему тебя это заинтересовало?

— Он сказал, что меня помнят. Ветераны помнят. Еще сказал, что я был лучшим. Вот мне и стало любопытно, кто именно помнит обо мне?

— Они все. Самые способные агенты выделены в отдельный список. Почти каждый в департаменте знает Фреда Лейсера. Даже новички. С таким послужным списком, как у тебя, трудно быть забытым. — Он улыбнулся. — Считай, что ты у нас как часть мебели, Фред.

— Я еще хотел спросить у тебя, Джон… Не хочу раскачивать лодку, но, понимаешь, мне хотелось бы знать. От меня сейчас был бы прок внутри?

— Что значит внутри?

— Ну, если бы я работал в конторе среди ваших людей. Или для этого нужно родиться таким, как наш капитан?

— Боюсь, так, Фред.

— На каких машинах вы ездите, Джон?

— На «хамберах».

— На «хоках» или на «снайпах»?

— На «хоках».

— Как? Всего на четырех цилиндрах? «Снайп» помощнее будет.

— Я говорю только о простом транспорте, — тут же поправился Эвери. — Для оперативной работы и спецзаданий у нас есть целый парк автомобилей.

— Фургоны, микроавтобусы?

— Вот-вот.

— А сколько времени требуется… Долго ты проходил обучение? Сам сказал, что только что вернулся с задания. Они быстро допустили тебя к самостоятельной работе?

— Прости, Фред, но мне нельзя говорить об этом… Даже тебе.

— Ладно, не бери в голову.

Они миновали стоявшую на пригорке у дороги церковь, обогнули распаханное поле и вернулись, утомленные, но и взбодрившиеся, в теплые объятия особняка «Майская Мушка», где отсветы газового камина играли в гирлянде роз.

Вечером они включили кинопроектор для тренировки визуальной памяти и находились то в машине, проезжавшей мимо сортировочной железнодорожной станции, то в вагоне поезда, где могли из окон видеть проплывавший мимо аэродром, то шли пешком по городу и перед ними внезапно возникал автомобиль или человек, которого они уже встречали раньше, но тогда они не обратили на него никакого внимания. А иногда на экране начинали быстро мелькать отобранные в совершенно произвольном порядке предметы, и на заднем плане раздавались голоса, похожие на голоса с магнитофонной ленты, но смысл беседы никак не был связан с изображе-

нием, а потому задачей обучаемого становилось предельное напряжение всех органов чувств, чтобы запомнить главное среди образов и звуков.

Так закончился первый день, ставший прообразом других: беспечных и радостных дней, наполненных осмысленной работой, похожей на тренировку бойскаутов, но только с ясным пониманием главного: эти навыки придется использовать как оружие в реальной войне.

Для отработки приемов рукопашного боя для них арендовали небольшой спортивный зал рядом с Хедингтоном, который тоже использовали еще во время войны. Поездом прибыл инструктор. Его следовало называть просто сержантом.

— Он будет использовать нож или нет? Поверьте, это не праздный вопрос, — сдержанно и уважительно сказал он с заметным валлийским акцентом.

Холдейн пожал плечами.

— Мне неизвестно, что он предпочитает. А перегружать его тоже не хотелось бы.

— Трудно переоценить значение ножа, если знать, как правильно пускать его в ход. — Лейсер в этот момент все еще переодевался. — А немец, он ножа терпеть не может. Это на немца первое оружие. Ох, и не любит он холода стали между

ребрами!

В чемоданчике сержант привез целый набор ножей и сейчас любовно разложил их, как коммивояжер демонстрирует образцы своего товара.

— Самое главное, сэр, нож не должен быть слишком длинным. Плоское обоюдоострое лезвие. — Он выбрал один и поднял его. — Вот. Лучше не найдешь, даю честное слово.

Нож был широкий и плоский, как лист лавра, с матовым, неотполированным лезвием, с ручкой, имевшей сужение наподобие песочных часов и насечку, чтобы рука не скользила.

К ним подошел Лейсер, приглаживая расческой свою шевелюру.

— Знакомы с чем-то из этого, а?

Лейсер окинул ножи взглядом и кивнул. Сержант всмотрелся в него внимательнее.

— А ведь я вас знаю. Точно, знаю. Меня зовут сержант Сэнди Лоу. Чертов валлиец, помните?

— Вы обучали меня во время войны.

— Боже милосердный, — тихо произнес Лоу, — сколько же воды утекло с тех пор! Но вы не больно-то изменились, как я погляжу.

Они застенчиво улыбались друг другу, все еще не решаясь на рукопожатие.

— Тогда давайте проверим, что вы запомнили.

Оба вышли на маты с наполнителем из кокосовой копры, расстеленные посреди зала. Лоу бросил нож к ногам Лейсера, и тот подобрал его, нагнувшись с развязной ухмылкой на губах.

На Лоу был пиджак из твида, старый и заношенный почти до дыр. Он сделал быстрый шаг назад, снял его и одним движением обмотал вокруг своего левого предплечья, как человек, который готовится к схватке с крупной собакой. Обнажив собственный нож, он принялся медленно двигаться вокруг Лейсера, распределяя вес тела равномерно, но перебрасывая его порой с одной ноги на другую. Он переступал, свободно держа обмотанную пиджаком руку поперек живота, растопырив пальцы так, чтобы ладонь была повернута к полу. Вращая лезвие ножа, казалось бы, беспорядочными движениями перед собой, он умудрялся укрыть за его ограничителем почти все свое тело. Лейсер стоял неподвижно, но не сводил глаз с сержанта. По временам оба имитировали атаки: один делал выпад, второй уклонялся. Однажды Лейсеру почти удался прием, хотя Лоу успел отпрыгнуть, и нож Лейсера лишь слегка коснулся обмотки руки. А потом Лоу вдруг упал на колени и нанес удар снизу. Лейсер тоже отпрыгнул, но получилось это слишком

медленно. Лоу покачал головой и воскликнул: «Задел!» — после чего поднялся на ноги.

— Разве вы забыли? — он указал на живот и промежность, прижав руки и локти к телу, словно хотел сделаться еще тоньше, чем был. — Не становись для врага слишком крупной целью.

Он заставил Лейсера избавиться от ножа и продемонстрировал несколько захватов левой рукой вокруг шеи, что позволяло наносить удары в область почек и паха. Затем они попросили Эвери сыграть роль манекена и стали вместе обходить его по кругу, причем Лоу острием своего ножа указывал точки, а Лейсер кивал и улыбался, когда вспоминал один из старых приемов.

— Вы очень вяло работали лезвием, недостаточно резко им размахивали. Большой палец держите сверху, напрягите предплечье, но расслабьте кисть. И не давайте ему возможности сосредоточить взгляд на своем оружии. Ни на мгновение. А левой рукой обязательно прикрывайте свои уязвимые места, есть у вас нож или нет. Никогда не обнажайте слишком много своего тела — это я не устаю повторять своей дочке.

Все, кроме Холдейна, дружно рассмеялись его шутке.

Затем наступила очередь Эвери. С ним пожелал

сразиться Лейсер. Сняв очки, Эвери взял нож, как показывал Лоу, но нерешительно и с тревогой, которая только возросла, когда Лейсер стал бочком, как краб, перемещаться вокруг него, имитируя выпады и отступая; его лицо покрылось потом, а маленькие глазки возбужденно блестели. Эвери все это время ощущал неприятное покалывание бороздок насечки рукоятки на своей ладони, у него быстро устали лодыжки, окаменели ягодицы, и ему пришлось перенести вес тела на кончики пальцев ног. Злобный взгляд Лейсера отслеживал малейшее его движение, а потом его нога заплела лодыжку Эвери, он потерял равновесие и упал на спину, выронив нож, Лейсер в одно мгновение оседлал его и сгреб пальцами за воротник рубашки.

Потом ему помогли встать на ноги. Все смеялись, пока Лейсер стряхивал пыль с одежды Эвери. Ножи убрали, и они занялись обычными физическими упражнениями, с которыми у Эвери проблем не возникало.

Когда они закончили, Лоу сказал:

— Так, а теперь немного борцовской схватки, и на сегодня хватит.

Холдейн посмотрел на Лейсера.

— Вы не устали?

— Нет, я в полном порядке.

Лоу взял Эвери за руку и вывел его на центр матов.

— Вы пока посидите на лавочке, — сказал он Лейсеру, — а вашего друга я использую для обсуждения и иллюстрации некоторых прописных истин.

Он положил руку на плечо Эвери.

— Есть у вас нож или нет, в любом случае мы концентрируем внимание всего на пяти основных точках. Назовите их.

— Пах, почки, живот, сердце и горло, — со скучающим и теперь уже действительно усталым видом ответил Лейсер.

— Как сломать человеку шею?

— Шею ломать не стоит. Ломать следует гортань в передней части.

— А как же тогда знаменитый удар ребром ладони сзади по шее?

— Чушь! Голой рукой ничего не добьешься. Только каким-нибудь тяжелым предметом. — Лейсер прикрыл лицо ладонями.

— Ответ правильный. — Лоу сделал медленное движение ладонью к горлу Эвери. — Рука открыта, пальцы прямые, так?

— Верно, — сказал Лейсер.

— Что еще вы запомнили?

Пауза.

— «Тигриный клык». Удар по глазам.

— Никогда не используйте его, — быстро отреагировал сержант. — По крайней мере при нападении. Вы при этом слишком раскрываетесь. А теперь приемы на удушение. Все они выполняются сзади, помните? Голову отклоняете назад, вот так. Рукой обхватываете за горло и давите. Вот так. — Лоу оглянулся через плечо. — Смотрите, пожалуйста, в мою сторону. Я ведь показываю это не для собственного удовольствия… Впрочем, если вам все прекрасно известно, перейдем к броскам. Покажите, что вы умеете!

Лейсер встал, сплел с Лоу руки, и какое-то время они тянули каждый в свою сторону, выжидая, что противник даст слабину. Затем Лоу резко отпрянул назад. Не ожидавший этого Лейсер качнулся вперед, и в тот же момент рука Лоу вцепилась ему в затылок и заставила его тяжело упасть лицом на поверхность мата.

— Попались на трюк, — объявил Лоу с усмешкой, но уже через секунду Лейсер извернулся и откровенно грубо выкрутил инструктору руку, отчего его маленькое тело подскочило и ударилось о маты, как птичка ударяется о стекло

несущегося на большой скорости автомобиля.

— Боритесь по-честному! — закричал Лейсер. — Или, будь я проклят, сделаю еще больнее!

— Никогда не опирайтесь всей тяжестью на противника, — коротко и спокойно ответил Лоу. — И не давайте волю своему темпераменту в спортзале на тренировке.

Он подозвал Эвери.

— Теперь ваша очередь, сэр. Дайте ему поразмяться на себе.

Эвери встал, скинул пиджак и дождался, пока Лейсер приблизится к нему. Он почувствовал силу захвата на руке и сразу осознал, насколько хрупко его тело при столкновении с по-настоящему зрелой мужской мощью. Он сделал попытку ухватить более опытного противника за предплечья, но не смог обхватить их и постарался высвободиться, но Лейсер цепко держал его. Голова Лейсера уперлась ему в голову, наполнив ноздри ароматом лосьона для волос. Он чувствовал увлажнившуюся щетину на щеке и жаркое потное тепло, исходившее от его мускулистого напряженного тела. Упершись руками в грудь Лейсера, Эвери отталкивал его от себя, вкладывая всю энергию в это отчаянное усилие вырваться из удушавших и сдавливавших объятий. Когда

ему удалось чуть отстраниться, они сумели впервые посмотреть друг на друга поверх подвижного сплетения рук, и лицо Лейсера, черты которого исказились от физического усилия, вдруг смягчились, превратились в улыбку. Он ослабил хватку.

Лоу подошел к Холдейну.

— Он ведь иностранец, верно?

— Поляк. Как он, на ваш взгляд?

— Я бы сказал, что в свое время он был изрядным борцом. Ловким, коварным. Он хорошо сложен. И в неплохой физической форме, учитывая все обстоятельства.

— Понятно.

— Как поживаете вы сами, сэр? Все нормально, как я погляжу?

— Да, спасибо.

— Двадцать лет все-таки. Странно даже подумать об этом. Уже дети взрослые.

— Боюсь, детей я так и не завел.

— Я имел в виду своих.

— А!

— Видитесь с кем-нибудь из нашей прежней команды, сэр? Как там мистер Смайли?

— Мы с ним почти не пересекаемся. У меня теперь вообще мало знакомых. Давайте я с вами

рассчитаюсь.

Лоу стоял почти по стойке «смирно», пока Холдейн готовил для него деньги. Дорожные расходы, вознаграждение за работу, тридцать семь шиллингов шесть пенсов за нож плюс еще два шиллинга за ножны — плоский металлический футляр, снабженный пружиной, чтобы оружие можно было обнажить за доли секунды. Лоу выдал ему расписку, поставив под ней в целях безопасности лишь буквы С.Л. вместо подписи.

— Нож мне действительно достался недешево, — объяснил он. — Но такой только и можно добыть, если сговориться с ребятами в спортивном клубе. — Он сказал это не без гордости.

Холдейн снабдил Лейсера чем-то вроде укороченной шинели и парой высоких резиновых сапог, чтобы Эвери мог взять его на очередную прогулку. На этот раз они добрались автобусом до самого Хедингтона, сидя на открытом втором этаже.

— Что это за сцена была сегодня утром? — спросил Эвери.

— Я думал, мы просто дурачимся, не более того. И вдруг он провел болевой прием.

— Он ведь вспомнил тебя?

— Конечно, вспомнил. С чего бы еще ему было

причинять мне боль?

— Не думаю, что он сделал это нарочно.

— Послушай, давай не будем об этом. — Лейсер все еще не отошел окончательно.

Они доехали до конечной остановки и побрели под дождем.

— Он тебе не понравился, потому что не принадлежит к нашему кругу, — сказал Эвери.

Лейсер рассмеялся и взял Эвери под руку. Дождь плавными волнами гулял вдоль улицы, каплями стекал по лицу, норовил проникнуть за вороты их пальто. Эвери захватил ладонь Лейсера и прижал ее к себе, и они продолжали идти, радуясь обществу друг друга, забыв о дожде и заигрывая с ним, норовя пройти по самым глубоким лужам и совершенно не обращая внимания на промокшую одежду.

— Капитан доволен, Джон?

— Очень. Говорит, что все идет отлично. Мы скоро приступаем к урокам радио. С самой простой техникой. Завтра должен приехать Джек Джонсон.

— Я постепенно вспоминаю, Джон. Стрельбу и все прочее. Я ничего не забыл. — Он улыбнулся. — Свой старый три-восемь, например.

— Девятимиллиметровый. У тебя все получа-

ется, Фред. Получается очень хорошо. Капитан так и сказал.

— Неужели это его слова, Джон?

— Да. И в Лондон он докладывает то же самое. В Лондоне тобой довольны. Нас только беспокоит, что ты стал слишком…

— Слишком каким?

— Как это объяснить? Слишком англичанином во всем, понимаешь?

Лейсер рассмеялся.

— Я бы не стал тревожиться по этому поводу, Джон.

Эвери ощущал в сгибе локтя сухость и тепло там, где лежала рука Лейсера.

Утром они занимались шифрами. Роль инструктора взял на себя Холдейн. Он принес лоскуты шелка с напечатанными на них образцами шифра, которым будет пользоваться Лейсер, и наклеенную на картон схему соответствия букв цифрам. Схему Холдейн разместил на каминной полке, прислонив к мраморным часам, и принялся читать лекцию в манере Леклерка, но без свойственной тому излишней аффектации. Эвери и Лейсер сидели за столом с карандашами в руках и, следуя указаниям Холдейна, с помощью таблицы преобразовывали абзац за абзацем в

колонки цифр, сопоставляя результаты с шифром на шелке и в результате снова получая текст, но уже связный и имеющий смысл. Этот процесс требовал скорее прилежности и усердия, нежели повышенной концентрации внимания, и потому Лейсеру, которому всегда хотелось выкладываться по максимуму, это занятие скоро наскучило. Он стал делать ошибки.

— А сейчас мы проведем шифровку двадцати групп на время, — объявил Холдейн и продиктовал с листа бумаги, который держал в руке, сообщение из одиннадцати слов, подписанное «Майская мушка». — Со следующей недели вам придется обходиться без подсказки. Я повешу таблицу к вам в спальню, и ее нужно будет заучить наизусть. Итак, начали!

Он включил секундомер и отошел к окну, пока двое его подчиненных лихорадочно работали за столом и почти в унисон бормотали ругательства, с трудом проводя элементарные подсчеты на лежавших перед ними листах бумаги. Эвери чувствовал, что действия Лейсера становятся все более хаотичными, слышал сдавленные вздохи и проклятия, замечал, с какой злостью сосед по столу орудует ластиком. Намеренно замедлив свою работу, он бросил взгляд через руку Лейсера,

чтобы оценить, как продвигается дело у него, и заметил, что карандаш, зажатый в его руке, потемнел от пота. Не говоря ни слова, он подменил листок Лейсера своим. Повернувшийся в этот момент Холдейн едва ли успел это заметить.

Уже в самые первые дни стало очевидно, что Лейсер смотрит на Холдейна, как врач на слабеющего пациента, как священник на грешника. Действительно, было что-то устрашающее в человеке, который умудрялся извлекать столько сил из настолько пораженного болезнью тела.

Холдейн, в свою очередь, почти полностью игнорировал Лейсера. Он упрямо держался за свои привычки, ничем не нарушая хода собственной жизни. Не было кроссворда, который бы он не разгадал. Из города доставили ящик бургундского, разлитого в полубутылки, и он выпивал по одной за каждым приемом пищи, пока они прослушивали записи. Его отчужденность казалась столь полной, что, казалось, ему претит необходимость делить кров с этим человеком. Но странным образом, чем более Холдейн уклонялся от общения, чем отчужденнее держался, тем сильнее возрастало уважение к нему Лейсера. Руководствуясь какими-то своими, никому не ведомыми стандартами, он взял его за образец

английского джентльмена, и любые слова или поступки Холдейна только укрепляли это восприятие.

Впрочем, и сам Холдейн несколько изменился. В Лондоне он ходил по коридорам департамента очень медленно, каждый раз словно выбирая надежное место, чтобы поставить ногу. Порой мелкие клерки и секретарши нетерпеливо толклись у него за спиной, но не отваживались обгонять. В Оксфорде он приобрел легкость походки, которая бы изумила его столичных коллег. Его сухая фигура словно вобрала в себя больше жизни. У него выправилась осанка. Даже его враждебность воспринималась как строгость командира, и только. Лишь кашель никуда не делся — это гулкое рыдающее буханье, казавшееся слишком громким для его узкой впалой груди. На его щеках порой играл болезненный румянец, который вызывал у Лейсера безмолвную озабоченность ученика здоровьем любимого наставника.

— Скажи, капитан действительно серьезно болен? — спросил он как-то Эвери, подбирая со стола один из старых номеров «Таймс» — любимой газеты Холдейна.

— Не знаю. Он никогда не говорит на эту тему.

— Вероятно, он считает такие разговоры

неуместными.

Неожиданно его внимание привлекла газета. Ему бросилось в глаза, что ее даже не открывали. Только кроссворд на последней полосе был разгадан, а на полях виднелись набросанные карандашом варианты анаграммы из девяти букв, которая получалась, если все клетки заполнялись правильно. Изумленный, Лейсер показал газету Эвери.

— Он вообще ничего не читает, — сказал он. — Его интересуют только кроссворды и участие в конкурсе.

Этой ночью, когда они разошлись по спальням, Лейсер взял газету с собой, причем сделал это украдкой, словно она содержала некую секретную информацию, заслуживавшую пристального изучения.

Насколько мог судить Эвери, Холдейн и в самом деле был доволен прогрессом в подготовке Лейсера. Они имели возможность близко наблюдать за ним во время разнообразных действий, которые ему приходилось выполнять, и с едким любопытством людей, во многом более слабых, чем он сам, подмечали его неудачи и подвергали проверке его сильные стороны. Со временем, когда они завоевали его доверие, Лейсер порой становился

обезоруживающе откровенным: ему нравились разговоры на глубоко интимные темы. Он был их креатурой; он теперь отдавал им себя целиком, а они накапливали это все, как бедняки копят на черный день. Они поняли, что департамент нашел тот самый канал, в который можно было направить энергию Лейсера, а Лейсер, как человек с повышенным сексуальным аппетитом, нашел в своей новой работе возможность по-новому использовать одаренность в любви, которой наделила его природа. Было заметно, например, что ему доставляет удовольствие подчиняться командам, выполняя их с рвением, которое он прежде тратил на другие цели. Холдейн и Эвери подметили даже такую тонкость: Лейсер воспринимал их как два противоположных полюса абсолютной власти над собой. Один из них достигал ее, строго придерживаясь стандартов, которые оставались для Лейсера недостижимыми, что он понимал, и второй — юношеской доступностью и открытостью, добротой и полной зависимостью от собственного характера.

Лейсеру нравилось разговаривать с Эвери. Он вспоминал о своих связях с женщинами во время войны. При этом Лейсер исходил из того — и это раздражало Эвери, но не слишком, — что любой

мужчина, которому перевалило за тридцать, женатый или нет, ведет активную и разнообразную сексуальную жизнь. Вечерами, когда они надевали пальто и вдвоем отправлялись в паб, располагавшийся в дальнем конце улицы, Лейсер ставил локти на маленький столик, приближал к Эвери просветлевшее лицо и пускался в описание мельчайших подробностей былых любовных подвигов. При этом он держал руку у подбородка, и его тонкие пальцы шевелились, невольно следуя быстрой артикуляции губ. Подвигало его на эти откровенности не пустое тщеславие, а своеобразное понимание смысла дружбы. Все эти истории об изменах и прочих превратностях любовных отношений, были они правдой или плодом фантазии, он считал обязательной платой за сближение с Эвери. Но вот о Бетти он ничего не рассказывал даже ему.

Что до Эвери, то он за это время изучил лицо Лейсера так досконально, что ему уже не составляло труда в любой момент вызвать его образ в памяти. Он замечал каждое изменение в его чертах в зависимости от настроения. Если он уставал или впадал в депрессию, кожа на его скулах натягивалась, а не провисала, а уголки глаз и рта жестко приподнимались, делая его лицо

типично славянским и порой даже загадочным.

От соседей или, быть может, от своей клиентуры он нахватался выражений и фраз, которые, будучи, вообще говоря, лишенными всякого смысла, ласкали его слух иностранца как типично английские. Он мог, например, ввернуть: «Это приносит определенное удовлетворение», считая подобное обезличенное предложение пригодным, чтобы с достоинством ответить почти на любой вопрос. Усвоил он и набор разнообразных клише на все случаи жизни. Словечки типа: «не бери в голову», «не надо раскачивать лодку», «бросьте хотя бы кость собаке» — так и сыпались из него, словно он стремился к образу жизни, суть которого еще не до конца понимал, и надеялся, что пропуском к нему могут послужить словесные штампы. В некоторых случаях Эвери приходилось подсказывать ему, что использованное им выражение уже давно не употребляется.

Иногда ему начинало казаться, что Холдейн презирает его за близость с Лейсером. Но все же чаще возникало другое чувство: через Эвери Холдейн находил способ передавать Лейсеру эмоции, которые был не способен уже вызвать в себе самом. Однажды вечером в начале второй недели, когда Лейсер заканчивал свои традиционно тща-

тельные приготовления к выходу из дома, Эвери спросил Холдейна, не хотел бы он отправиться вместе с ними.

— А что я буду там делать? Совершать паломничество к святыням своей молодости?

— Я просто подумал, что вы можете встретить кого-то из старых друзей или завести новых.

— Даже если встречу, это станет нарушением всех правил безопасности. Я же здесь под чужим именем.

— Ах да, конечно. Извините.

— Кроме того, не все так неразборчивы в друзьях. — На лице Холдейна появилась суровая улыбка.

— Но ведь вы сами приказали мне держаться рядом с ним! — обиженно возразил Эвери.

— Именно так, и вы держитесь. С моей стороны глупо было бы жаловаться. Вы прекрасно справляетесь.

— Справляюсь с чем?

— С подчинением приказу.

В этот момент в дверь позвонили, и Эвери спустился вниз. При свете уличного фонаря он различил знакомые очертания одного из принадлежавших департаменту микроавтобусов. У порога стоял невысокий, ничем не примечатель-

ный мужчина в коричневом костюме и плаще. Коричневые ботинки были начищены до блеска. Это мог быть мастер, пришедший снять показания электросчетчика.

— Меня зовут Джек Джонсон, — представился он немного неуверенно. — Магазин «Радиотовары Джонсона», может, слышали?

— Заходите, — пригласил Эвери.

— Это ведь то самое место, верно? Капитан Хокинс… И все такое?

В руках он держал сумку из мягкой кожи, которую бережно поставил на пол, словно в ней лежало все его имущество. До половины закрыв зонт, он привычным движением стряхнул с него дождевые капли, а потом вставил в стойку под вешалкой с пальто и плащами.

— Меня зовут Джон.

Джонсон взял его за руку и сердечно пожал.

— Очень рад знакомству. Босс много рассказывал о вас. Как я понял, вы — его любимчик.

Они посмеялись.

Джонсон взял Эвери под локоть быстрым и доверительным жестом.

— А вы здесь под своей фамилией?

— Нет. Использую только подлинное имя.

— А капитан?

— Как вы его и назвали — Хокинс.

— Что он за человек, наша «Майская мушка»? Справляется?

— Да, с ним все хорошо. Нет никаких проблем.

— Ходят слухи, что он уж больно горяч по части женского пола.

Позже, пока Джонсон разговаривал в гостиной с Холдейном, Эвери поднялся наверх к Лейсеру.

— Мы сегодня останемся дома, Фред. Джек приехал.

— Кто такой Джек?

— Джек Джонсон — радист-инструктор.

— А я думал, у нас это по плану только со следующей недели.

— Придется начать сейчас. С самого простого, чтобы ты снова набил руку. Спустись вниз и поздоровайся.

На Лейсере уже был черный костюм, в руке он держал маникюрный набор.

— А как же отдых сегодня вечером?

— Говорю тебе — сегодня не получится, Фред. Раз уж Джек здесь.

Лейсер спустился вниз и пожал Джонсону руку довольно-таки небрежно, словно непрошеному гостю. Минут пятнадцать они поговорили, так и не преодолев взаимной неловкости, а потом Лей-

сер, сославшись на усталость, с мрачным видом отправился спать.

Джонсон доложил о первых впечатлениях.

— Он слишком медлителен, — сообщил он. — Хотя надо иметь в виду, что он очень давно не пользовался ключом. Но я все же не буду даже пытаться сажать его за передатчик, пока он не научится работать быстрее. Я знаю, прошло двадцать лет, сэр. Его трудно в чем-то винить, но он все делает медленно, слишком медленно.

У Джонсона была несколько занудная и распевная манера речи, словно ему приходилось много общаться с детьми.

— Босс распорядился, чтобы я занимался им все время. Даже когда он уже приступит к заданию. Как я понимаю, нам всем предстоит отправиться в Германию, сэр?

— Да.

— Тогда нам стоило бы познакомиться как можно ближе, «Майской мушке» и мне, — настойчиво сказал Джонсон. — Мы должны сотрудничать очень тесно, сэр, с того момента, как я усажу его за передатчик. В нашем деле важен почерк. Мы должны мгновенно различать почерки друг друга. А потом еще есть расписание, время выхода в эфир, сигнальные планы для его частот. Метки

безопасности. Ему предстоит многому научиться за две недели.

— Что такое метки безопасности? — спросил Эвери.

— Нарочно сделанные ошибки, сэр. Как, например, пропущенная или неправильно использованная в одной из групп шифра буква. «И» вместо «е» — что-то в этом роде. Если он захочет сообщить нам, что его схватили и он работает под неприятельским контролем, то такой ошибки не сделает. — Он повернулся к Холдейну. — Вы наверняка об этом знаете, сэр, верно я говорю?

— В Лондоне мы обсуждали возможность обучить его высокоскоростной передаче с записи на магнитофоне. Вы слышали об этой идее?

— Босс ничего такого мне не говорил. Как я понимаю, им не удалось добыть нужное оборудование. Но если честно, я сам не слишком-то разбираюсь во всех этих штуковинах на транзисторах. Босс сказал, что мы будем пользоваться старыми проверенными методами, но только менять частоты каждые две с половиной минуты, сэр. Как я понимаю, фрицы за эти годы научились быстрой пеленгации.

— Какой передатчик они прислали? С виду тяжеловат, чтобы все время таскать его на себе.

— Техника та же, какой Майская Мушка пользовался на войне, сэр. И это вроде бы упрощает задачу. Это старый добрый Б-2 в водонепроницаемой упаковке. Если у нас осталось только две недели, мы едва ли смогли бы освоить что-то другое. Хотя даже на нем он пока не готов…

— Сколько он весит?

— Примерно пятьдесят фунтов, сэр. Плюс-минус. С виду смахивает на обычный чемодан. Защита от влаги сильно его утяжеляет, но если предстоит двигаться по пересеченной местности, без нее никуда. Особенно в такое время года. — Он в нерешительности помялся. — Хотя лично меня больше волнует, что он слишком медленно работает с азбукой Морзе, сэр.

— Да, вы правы. Как думаете, сможете натаскать его к сроку?

— Не могу обещать, сэр. Пока не увижу, что станет получаться с подключенным передатчиком. Только на втором этапе, после отдыха. А пока я даю ему лишь разминаться с пищалкой.

— Спасибо и на этом, — поблагодарил Холдейн.

13

После первых двух недель занятий Лейсеру предоставили увольнительную на сорок восемь

часов. Он сам ни о чем подобном не просил и казался удивленным, когда ему сообщили новость. Он ни при каких обстоятельствах не должен показываться в собственном районе. Ему разрешалось уехать в пятницу, но он предпочел отбыть в Лондон в субботу утром. Несколько раз его предупредили, что он должен избегать мест, где мог встретить знакомых, и, как ни странно, это ему даже понравилось.

Эвери беспокоился за Лейсера и решил еще раз предварительно поговорить с Холдейном.

— Мне кажется, нам не стоит просто так отпускать его. Вы сами сказали, что ему нельзя заезжать в Саут-Парк, нельзя встречаться с друзьями, если они у него вообще есть. Так куда же он может направиться?

— Вы боитесь, что он будет маяться в одиночестве?

Эвери покраснел.

— Думаю, его все время будет тянуть назад.

— Ну, против этого никто возражать не станет.

Лейсеру выдали деньги на расходы — старыми купюрами по одному фунту и пятерками. Он хотел вернуть их, но Холдейн настоял, словно вопрос был действительно принципиальным. От предложения снять для него номер в отеле он

отказался. Холдейн считал, что ему следует непременно поехать в Лондон, и Лейсер послушно отправился туда, словно был обязан подчиняться приказу.

— Уж этот обязательно найдет себе какую-нибудь красотку. Как пить дать, — с довольным видом резюмировал Джонсон.

Лейсер уехал полуденным поездом, прихватив один из своих чемоданов и надев верблюжье пальто, у которого был слегка военный покрой и обтянутые кожей пуговицы, и ни один знающий человек не сказал бы, что в этом облачении было хоть что-то истинно английское.

Он сдал чемодан в камеру хранения на Паддингтонском вокзале и пошел по Праед-стрит, потому что не знал, куда еще ему идти. Так он брел не спеша примерно полчаса, разглядывая витрины магазинов и читая объявления с фотографиями и номерами телефонов проституток на досках объявлений. Близился субботний вечер. Группы немолодых мужчин в фетровых шляпах и плащах крутились между магазинчиком, торговавшим порнографией, и сутенерами, дежурившими на углах. Транспортный поток на улицах стал иссякать, и постепенно повсюду воцарялась атмосфера унылого и безнадежного

безделья выходных дней.

Сомнительное заведение, именовавшееся «киноклубом», за фунт выдало ему членскую карточку, чтобы соблюсти букву закона. И он оказался в темном зале среди каких-то призрачных фигур, сидя на кухонном стуле. Фильм оказался очень старым: такой могли вывезти из Вены после аншлюса. Две девицы, совершенно голые, пили чай. Звуковая дорожка у фильма отсутствовала напрочь, и потому они просто пили чай, слегка меняя позы, когда подносили к губам чашки. Обеим сейчас уже было бы лет шестьдесят, если только они пережили войну. Он встал и вышел, потому что миновала половина шестого и открылись пабы. Мужчина, сидевший в киоске у входа, сказал:

— У меня есть девочка, которая любит повеселиться. Совсем еще юная.

— Нет, спасибо.

— Стоит всего два с половиной фунта и обожает иностранцев. Она и любить может по-иностранному. Хоть по-французски.

— Заглохни.

— Не надо мне грубить.

— Заглохни, гнида. — Лейсер повернулся к киоску, в глазах его горела злоба. — В следующий

раз, когда будешь предлагать мне девочку, имей в виду, что имеешь дело с англичанином.

Стало немного теплее, ветер утих, но улица опустела — все радости жизни успели перекочевать под крышу. Женщина за стойкой сказала:

— Не могу тебе смешать коктейль прямо сейчас, милый. Дождись, пока народ немного схлынет. А сейчас, сам видишь, у меня нет ни секунды.

— Но я больше ничего не пью.

— Извини, милый.

Ему пришлось довольствоваться джином с итальянским вермутом, но и тот ему подали теплым, без положенной по рецепту вишенки. Ходьба немного утомила его. Он уселся на стоявшую вдоль стены скамью и стал наблюдать за четверкой игроков в дартс. Они не произносили ни слова, отдаваясь игре так, как велела древняя традиция, которую они глубоко уважали. Это даже немного напоминало немой фильм в клубе. Потом один из них заторопился на свидание, и они окликнули Лейсера:

— Четвертым будешь?

— Я не против, — сказал он, довольный приглашением, и уже встал, когда появился какой-то Генри, старый приятель, и они, конечно, предпочли Генри ему. Лейсер хотел завязать спор, но

понял, что это бессмысленно.

Эвери тоже ушел из дома один. Холдейну он сказал, что отправляется на прогулку, а Джонсону наплел про новый фильм в кинотеатре. Его ложь почему-то никогда не имела рационального объяснения, как и в этом случае. На самом же деле он обнаружил, что слоняется по тем местам города, которые когда-то были ему хорошо знакомы: прошел мимо здания колледжа в Турле, книжных магазинов, пабов и библиотек. Семестр подходил к концу. Над Оксфордом ощутимо витал дух приближавшегося Рождества, и он уже начинал осторожно готовиться к нему, извлекая на свет божий прошлогоднюю мишуру.

Эвери свернул на Бэнбери-роуд и по ней добрался до пересечения с улицей, где они с Сэрой прожили первый год после свадьбы. В квартире сейчас было темно. Стоя напротив нее, он пытался уловить в этом доме, как и в себе самом, какие-то признаки сентиментальных чувств — привязанности, любви или хоть чего-нибудь, что объясняло бы их женитьбу, но не находил ничего, потому что, как он теперь понимал, ничего не было с самого начала. Он отчаянно всматривался, вспоминал, стремясь понять побуждения юности, но их словно не существовало. Он вглядывался в

пустой дом и потому поспешил вернуться туда, где жил Лейсер.

— Хороший фильм? — спросил Джонсон.

— Неплохой.

— А я думал, ты отправился на прогулку, — заметил Холдейн, поднимая взгляд от кроссворда.

— У меня изменились планы.

— Кстати, об оружии Лейсера, — сказал Холдейн. — Как я понял, он предпочитает три-восемь?

— Да. Только теперь это называется девятимиллиметровым пистолетом.

— После того как вернется, пусть начинает носить его с собой. Куда бы ни отправился. Без патронов, разумеется. — Он посмотрел на Джонсона. — В особенности когда начнет реальные тренировки с передатчиком. Пистолет всегда должен быть при нем. Нам нужно, чтобы без него он чувствовал себя потерянным и уязвимым. Я уже договорился, чтобы оружие доставили, Эвери. Найдете его у себя в спальне вместе с кобурами разных форм и размеров. Вероятно, вам придется ему все объяснить.

— А почему не вам самому?

— Нет, лучше, если это сделаете вы. У вас с ним установились приятельские отношения.

Эвери поднялся наверх и позвонил Сэре. Как выяснилось, она отправилась пожить к маме. Разговор у них получился очень формальным.

Лейсер набрал номер Бетти, но никто не ответил. Почувствовав облегчение, он зашел в ювелирный магазин у станции, который работал по воскресеньям, и купил миниатюрные каретку и лошадок из золота, которые крепились к браслетам с амулетами. Обошлось ему это в одиннадцать фунтов — почти такую же сумму он получил в виде отпускных. Он попросил отправить покупку заказной бандеролью по ее адресу в Саут-Парке. К посылке приложил открытку: «Вернусь через пару недель. Веди себя хорошо». И машинально расписался «Ф. Лейсер», но понял ошибку, зачеркнул подпись и поставил простое — «Фред».

Он еще немного прошелся, подумывая не снять ли на ночь девушку, но в конце концов остановился в номере привокзального отеля. Спалось ему плохо — мешал шум улицы. Утром он снова позвонил Бетти, но она не отвечала. Впрочем, он положил трубку слишком рано, можно было подождать ответа и подольше. Позавтракав, он купил воскресные газеты, вернулся в номер и до самого обеда читал отчеты о вчерашних фут-

больных матчах. Ближе к вечеру отправился на прогулку — это вошло у него в привычку, — бесцельно блуждая по Лондону, сам не зная, куда направляется. Сначала он долго шел вдоль реки до самого Чаринг-Кросса и неожиданно оказался в пустом сквере под обильными струями дождя. Асфальтированные дорожки были устланы желтыми опавшими листьями. На возвышении для оркестра сидел старик — сидел совершенно один. На нем было черное пальто, в руках брезентовая сумка, похожая на чехол от противогаза. Он то ли спал, то ли вслушивался в бесшумную музыку.

Дождавшись позднего вечера, чтобы не слишком расстроить Эвери, Лейсер последним поездом вернулся в Оксфорд.

Эвери знал паб по ту сторону Баллиола, где по воскресеньям можно было сыграть в барный бильярд[34]. Джонсону нравился бильярд. Он пил гиннесс, Эвери выбрал виски. Они веселились от души после трудной недели. Джонсон выигрывал: набирал очки, методично направляя шары в отверстия с низким номиналом, тогда как Эвери пытался заработать 200 баллов одним ударом, но

[34] Примечания: 34

Игра, стол для которой не имеет обычных луз; их заменяют девять отверстий в игровом поле; попадание в каждое может принести игроку определенное количество очков.

все время мазал.

— Да, я бы сейчас охотно поменялся местами с Фредом, — с чуть похабной ухмылкой сказал Джонсон. Он выполнял удар, и шар послушно закатился, куда ему было нужно. — Поляки по этой части большие мастаки. Поляк ни одной юбки не пропустит. Особенно наш Фред. Вот настоящий сексуальный террорист! По нему сразу видно.

— А что же ты сам, Джек?

— Только когда в настроении. Между прочим, прямо сейчас я бы не отказался немного порезвиться.

Они сделали по паре ударов каждый, но у обоих в голове начали гулять подогретые алкоголем эротические фантазии.

— Но в остальном я ему не завидую, — добавил Джонсон. — Здесь мы в более выгодном положении, что скажете?

— Это верно.

— Знаете, — сказал Джонсон, натирая мелом наконечник своего кия, — мне, наверное, не стоит так фамильярничать с вами, а? Вы все-таки окончили колледж, и все такое. Вы принадлежите совсем к другому классу, Джон.

Это не помешало им тут же выпить за здоровье друг друга, хотя оба думали о Лейсере.

— Да брось ты классовые различия! — сказал Эвери. — Мы же с тобой воюем на одной войне.

— Да, уж это точно.

Джонсон вылил себе в бокал остатки пива из бутылки, но, как ни осторожничал, часть пены перелилась через край на бортик стола.

— За здоровье Фреда, — сказал Эвери.

— За Фреда. Пусть развлекается. Удачи ему во всем.

— Удачи тебе, Фред.

— Вот только не знаю, как он управится с Б-2, — пробормотал Джонсон. — Ему еще предстоит немало потрудиться.

— За Фреда!

— Да. Фред — приятный малый. Между прочим, ты знаешь парня по фамилии Вудфорд? Того, который разыскал меня?

— Конечно, знаю. Он, кстати, приедет на следующей неделе.

— Когда-нибудь встречался с его женушкой? С Бабз? Вот это была бой-баба! Давала всем и каждому… Господи! Теперь, наверное, остепенилась. Но у многих остались приятные воспоминания.

— Должно быть, так.

— Тому дадут, кто хорошо попросит. Выпьем за это, — объявил Джонсон.

Они выпили, не обратив внимание на богохульный и пошлый смысл шутки.

— Она в свое время долго гуляла с парнем из административного отдела. С Джимми Гортоном. Где он сейчас?

— В Гамбурге. И по-моему, неплохо там устроился.

Дома они оказались раньше Лейсера. Холдейн уже улегся в постель.

Перевалило за полночь, когда Лейсер снял в прихожей свое насквозь промокшее верблюжье пальто, причем с присущей ему аккуратностью расправил его на плечиках вешалки, а потом на цыпочках прошел в гостиную и включил свет. Он любовно оглядел тяжелую мебель. Высокий комод, с его бронзовыми ручками, искусно украшенный резьбой, бюро и столик для Библии. Потом с такой же нежностью он стал вглядываться в изображения хорошеньких женщин, игравших в крокет, привлекательных мужчин в военных мундирах, высокомерных юнцов в костюмах для гребли и канотье, девушек в Челтнеме[35] — перед ним прошла долгая история чьих-то жизней в мире условностей, где не

---

[35] Примечания: 35

Челтнем — город-курорт в графстве Глостер (Англия).

оставалось места даже намеку на подлинные чувства. Часы на каминной полке напоминали маленький павильон из голубого мрамора. Их позолоченные стрелки имели такую изощренную форму, были так замысловато украшены завитушками и резьбой, что требовалось посмотреть дважды, чтобы определить, куда указывали их концы. Стрелки не сдвинулись с места с тех пор, как он уехал: они, вероятно, оставались в том же положении еще до его рождения, но и это в его глазах придавало достоинство старинным часам.

Он поднял чемодан с пола и поднялся наверх. Холдейн покашливал, но под дверью его комнаты света видно не было. Лейсер постучал в дверь Эвери.

— Ты не спишь, Джон?

Через какое-то время он услышал, как тот сел в кровати.

— Хорошо провел время, Фред?

— Еще как!

— Девочки попались что надо?

— Обычные. До завтра, Джон.

— До завтра. Спокойной ночи, Фред… Фред?

— Что такое, Джон?

— Мы с Джеком славно повеселились. Жаль, тебя не было с нами.

— Мне тоже, Джон.

Он медленно побрел по коридору, довольный ощущением усталости, вошел в свою спальню, снял пиджак, прикурил сигарету и с облегчением откинулся в кресле. Оно было высоким и очень удобным, с широкими подлокотниками. Но он лишь начал наслаждаться покоем, когда ему в глаза бросился какой-то посторонний предмет в комнате. На стене висела таблица для преобразования букв в цифры, а прямо под ней на постели по центру пухового одеяла стоял старый чемодан явно континентального производства из темно-зеленого брезента с обитыми кожей углами. Чемодан был открыт: внутри виднелись две коробки из серого металла. Лейсер встал, глядя на них в немом изумлении узнавания. Потом прикоснулся — осторожно, словно опасался обжечься. Начал вращать диски. Склонился и стал читать надписи под переключателями. Это вполне могла быть та же рация, которой он пользовался в Голландии: приемник и передатчик в одной упаковке, шнур и вилка питания, ключ и наушники — в другой. И в мешочке из парашютного шелка, затянутом зеленым шнуром, лежали кристаллы — десятки кристаллов. Лейсер дотронулся пальцем до ключа. Ему показалось, что

прежний был значительно больших размеров.

Он вернулся в кресло, не сводя глаз с чемодана, и потом еще долго сидел, прямой и напряженный, уже не думая о сне, как часовой на посту.

К завтраку он опоздал.

— Вам предстоит весь день работать с Джонсоном, — сказал Холдейн. — По крайней мере все утро и после обеда тоже.

— Мы не идем на прогулку? — спросил Эвери, расправляясь с яичницей.

— Завтра, возможно, сможете немного погулять. С этого момента мы должны полностью сосредоточить внимание на технике. Боюсь, нам будет не до долгих прогулок.

В понедельник Шеф нередко оставался в Лондоне на всю ночь, заявляя, что это единственный вечер, когда он может без труда найти место за столом в своем клубе. Но, как подозревал Смайли, для него это был лишь предлог, чтобы побыть подальше от жены.

— До меня доходят слухи, что вся Блэкфрайарз-роуд покрылась цветами, — сказал он. — А Леклерк разъезжает в «роллс-ройсе».

— Это всего лишь заурядный «хамбер», — успокоил его Смайли. — Им кинули подачку из министерского гаража.

— Ах вот, значит, откуда взялась машина? — переспросил Шеф, высоко вскинув брови. — Забавно. Но на то они и черные монахи, чтобы просить подаяния.

14

— Стало быть, прибор вам знаком? — спросил Джонсон.

— Б-2?

— Именно. Хотя официально он именуется Б-2 третьего типа «Марк Два». Работает от переменного тока или от шестивольтного автомобильного аккумулятора, но, насколько я понял, вы будете пользоваться розеткой? Мы навели справки о районе вашей заброски. Ток в сети там переменный. У вас потребление электричества составит пятьдесят семь ватт при передаче и двадцать пять на приеме. А если окажетесь в зоне с прямым током, то уж придется как-то раздобыть аккумулятор, верно?

Лейсер даже не улыбнулся.

— К вашему проводу питания и вилке прилагается насадка, которая подойдет к любой розетке на континенте.

— Знаю.

Лейсер наблюдал, как Джонсон готовит радио

к работе. Сначала он подсоединил приемник и передатчик к шнуру питания с помощью разъема с шестью контактами, вставил вилку в розетку и включил рацию. Затем дошла очередь до ключа и наушников, подсоединенных соответственно к передатчику и приемнику.

— Этот ключ меньше, чем те, которыми мы пользовались на войне, — пожаловался Лейсер. — Вчера я попробовал его. Пальцы соскальзывают.

— Извините, Фред, но размер тот же. — Он подмигнул Лейсеру. — Просто рука с тех пор у вас стала больше.

— Хорошо. Что дальше?

Дальше Джонсон достал из другой коробки моток многожильного кабеля в пластмассовой оплетке и присоединил один из его концов к гнезду антенны.

— Большинство ваших кристаллов рассчитаны примерно на три мегацикла, а значит, вам, вероятно, не придется часто менять обмотку катушки. Отрежьте с самого начала кусок подлиннее для антенны, Фред, и у вас все будет тип-топ, особенно по ночам. Теперь займемся настройкой. Вы подсоединили антенну, заземление, ключ, наушники и включились в сеть. Сверьтесь со своим расписанием и выясните, на какой частоте пред-

стоит работать, после чего достаньте нужный для этого кристалл. Так? — Он взял в руку небольшую капсулу из бакелита и вогнал ее контакты в двойной разъем. — По принципу «мальчик-девочка», все очень просто. Как вы, Фред? Вопросы есть? Я не слишком быстро объясняю?

— Я внимательно наблюдаю. Все ясно. Не надо прерываться.

— Теперь поворачиваете диск селектора кристаллов до положения «пользование всеми кристаллами» и настраиваете длину волны в соответствии с нужной вам частотой. Если вам необходимы три с половиной мегагерца, ручка настройки волны устанавливается между тройкой и четверкой, вот так. Теперь включите катушку с обмоткой любым концом и получите необходимый перехлест.

Лейсер подпер голову руками, стараясь тщательно запомнить очередность действий, когда-то так хорошо ему знакомую. А Джонсон продолжал с легкостью человека, впитавшего все эти приемы с молоком матери. Говорил он негромко, непринужденно, разъяснения давал терпеливо, а его пальцы перемещались от одной части прибора к другой жестами, доведенными до автоматизма. И его монолог продолжался:

— СПТ устанавливаем на «П» для приема. Анодную настройку и антенну совмещаем на десятке. Теперь мы готовы к работе, верно? — Он указал на окошко измерительного прибора. — Стрелка должна стоять в районе трехсот, что мы и получили, не так ли, Фред? Сделаем пробную попытку: переведем селектор волны на тройку и отрегулируем УМ, чтобы получить максимум. В данном случае подойдет шестерка…

— Что такое УМ?

— Усилитель мощности, Фред. Неужели забыли?

— Продолжайте.

— Теперь я плавно веду анодный стержень, чтобы, наоборот, получить наименьшее значение — вот так! Он стоит на сотне, а указатель на двойке, верно? Переводим рукоятку СПТ на «С» — сообщение. Осталось только подстроить антенну. Вот, Фред, нажимаем на ключ. Видите, как качнулась стрелка прибора? Это потому, что вы послали в антенну первый импульс. Понятно?

Затем он уже молча провел тонкую настройку антенны, что превратилось у него в краткий и вроде бы простой ритуал, и стрелки измерителей послушно заняли свои места.

— И все дела! — торжествующе воскликнул

Джек. — Теперь пусть Фред попробует… Э, да у вас руки вспотели! Хорошо, должно быть, погуляли в выходные. Но постойте-ка. Есть идея.

Он ненадолго вышел из комнаты и вернулся с чем-то похожим на увеличенных размеров солонку. Из нее он тщательно распылил французскую детскую присыпку по всей черной поверхности головки ключа передачи.

— Послушайте моего совета, — сказал он. — Оставьте на время девушек в покое. Дайте им немного подрасти. А, Фред?

Лейсер не сводил взгляда со своей ладони, в складках которой скопился пот.

— Я не мог заснуть этой ночью.

— Ясное дело, не могли. — Джонсон ласково погладил передатчик. — С нынешней ночи спать будете в обнимку только с ним. Он вам теперь заменит подругу. Назовем его хоть «миссис Фред», если угодно. И больше никого к своей постели не подпускайте.

Затем он проворно разобрал передатчик и предоставил Лейсеру первую попытку собрать его самостоятельно. У Лейсера это выходило почти так же медленно, как у ребенка, собирающего сложную модель из деталей конструктора. Как давно ему приходилось заниматься этим в

последний раз!

И теперь день за днем Лейсер и Джонсон просиживали за маленьким столиком в спальне, выстукивая сообщения. Иногда Джонсон на ночь глядя уезжал в микроавтобусе, оставляя Лейсера в спальне, и они до рассвета обменивались радиограммами. Или Лейсер уезжал с Эвери — одного его по-прежнему не отпускали, — и из временно снятого домика в Фэйрфорде они отправляли и принимали открытым текстом зашифрованные тривиальности, которые легко было принять за проделки радиолюбителей. В Лейсере произошла заметная перемена. Он стал нервным и раздражительным и постоянно жаловался Холдейну на сложности с передачами на разных частотах, на необходимость постоянной перенастройки передатчика и крайне ограниченные промежутки времени. Его отношения с Джонсоном оставались напряженными. Джонсон прибыл последним, и Лейсер усвоил манеру обращаться с ним как с посторонним, делая все, чтобы не допустить его полноценным членом в узкую группу, которая, по его мнению, изначально сформировалась и состояла из Эвери, Холдейна и его самого.

Однажды за завтраком разыгралась совершенно абсурдная сцена. Лейсер снял крышку с

банки, заглянул в нее и, повернувшись к Эвери, спросил:

— Это что, варенье?

Джонсон с ножом в одной руке и бутербродом в другой перегнулся через стол.

— В Англии так не говорят, Фред. Мы называем это джемом.

— Да ладно, варенье или джем, какая разница?

— Нет, это джем, — повторил Джонсон. — Англичане не употребляют слово варенье.

Лейсер тщательно закрыл банку, побледнев от злости.

— Не тебе учить меня, как говорить!

Холдейн резко вскинул взгляд от своей газеты.

— Угомонись, Джонсон. Варенье тоже годится. В нашем словаре есть и такое слово.

Вот только сами манеры Лейсера говорили о его иностранном происхождении. Его вежливость часто напоминала вежливость слуги, да и ссоры с Джонсоном не свидетельствовали о хорошем английском воспитании.

Но даже несмотря на мелкие происшествия, эти двое, как любые два человека, занятые общим делом, тоже постепенно стали жить одной надеждой, делить радости и огорчения. Депрессия одного передавалась другому. Если занятие

проходило успешно, они являлись за стол в отменном расположении духа. И тогда начинали обмениваться понятными только им двоим ремарками о состоянии ионосферы, о зависимости частот от расстояний или о необычных показаниях приборов во время очередного сеанса. Если все шло плохо, они разговаривали мало или вообще отмалчивались, и в таких случаях все, кроме Холдейна, торопились поскорее покончить с унылой трапезой. По временам Лейсер просил у Холдейна разрешения отправиться с Эвери на прогулку, но тот неизменно качал головой и говорил, что на это нет времени. Эвери чувствовал себя виноватым, как неверный любовник, но даже не пытался помочь.

Когда очередные две недели уже подходили к концу, дом «Майская мушка» стал принимать других посетителей — разного рода специалистов из Лондона. К ним наведался инструктор-фотограф — высокий мужчина с бесцветными глазами, — который продемонстрировал навыки обращения с миниатюрной камерой, имевшей тем не менее сменную оптику. Потом нанес визит доктор, добродушный и совершенно лишенный любопытства человек, и несколько минут прослушивал Лейсеру сердце. Оказалось, что на

медицинском осмотре настояло министерство финансов, поскольку возник вопрос о возможной выплате денежной компенсации в случае летального исхода. Лейсер со смехом сказал, что у него нет родственников, которые могут потребовать компенсацию, но пожелание финансистов все равно было удовлетворено.

По мере того как вокруг происходила вся эта суета, Лейсер действительно полюбил везде ходить с оружием. Эвери вручил ему пистолет сразу после его возвращения из увольнительной. Ему нравилась кобура, крепившаяся к плечу: покрой пиджаков превосходно скрывал ее от посторонних глаз. Порой под конец долгого дня он доставал оружие и ощупывал его, заглядывал в ствол, поднимал и опускал, как делал когда-то в тире.

— Богом клянусь, нет пистолета лучше этого, — повторял он. — Взять хотя бы размеры. На континенте не делают ничего подобного. А что до женских пистолетиков, то они похожи на женские автомобили. Прислушайся к моему мнению, Джон, ничто не сравнится с три-восемь.

— Теперь их называют девятимиллиметровыми, — всякий раз педантично напоминал Эвери.

Неприязнь Лейсера к посторонним достигла

кульминации, когда неожиданно приехал Хайд из Цирка. То утро вообще не задалось. Лейсеру было поручено выполнить задание на время: зашифровать и передать сорок групп. Его спальня и комната Джонсона превратились теперь в единый центр, откуда за закрытыми дверями передавались и принимались радиограммы. Джонсон научил его ряду общепринятых международных сигналов. QRJ — не слышу тебя; сигнал слишком слаб. QRW — отправляй на более высокой скорости. QSD — твой почерк неразборчив. QSM — повтори последнее сообщение. QSZ — передай каждое слово дважды. QRU — у меня нет для тебя новостей. В тот день, по мере того как Лейсер начал лепить все больше ошибок, Джонсон добавил масла в огонь своими критическими замечаниями. В результате, исходя злобными криками, Лейсер скатился вниз по лестнице к Эвери. Джонсон спустился следом.

— Нельзя вот так просто бросать работу. Нужно завершить начатое.

— Отстань от меня.

— Но послушайте, Фред. Вы все сделали неверно. Я четко попросил вас передать количество групп до того, как вы начнете отправлять сообщение. Разве трудно запомнить такую простую

вещь? Или у вас…

— Сказал же, отвяжись от меня! — Лейсер хотел добавить что-то еще, но раздался звонок в дверь. Это был Хайд. Он привез с собой помощника, который все время сосал какие-то таблетки, опасаясь простудиться.

За обедом магнитофон они не прослушивали. Гости сидели рядом и ели с таким мрачным видом, словно им каждый день приходилось поглощать одну и ту же пищу ради получения необходимого количества калорий. Хайд был тощим смуглым мужчиной, абсолютно лишенным чувства юмора, и напомнил Эвери Сазерленда. Он приехал с целью превратить Лейсера в другого человека. При нем были бумаги, на которых нужно было поставить подпись, удостоверения личности, разного рода карточки для получения продуктов, водительские права, разрешение на въезд в приграничную полосу, но только в пределах определенной зоны, а в чемодане даже лежала какая-то старая рубашка. После обеда он выложил все это на стол, пока его помощник, оказавшийся фотографом, готовил к работе камеру.

Они надели на Лейсера заношенную рубашку и сняли его лицо так, чтобы были видны оба уха, как принято в Германии, а потом повели подпи-

сывать бумаги. Лейсер заметно нервничал.

— Мы дадим вам фамилию Фрейсер, — заявил Хайд не допускавшим возражений тоном.

— Фрейсер? Но это очень похоже на мою настоящую фамилию.

— В том-то и смысл. Так распорядились ваши люди. Чтобы легче было расписываться и исключалась возможность ошибок и оговорок. Вам лучше попрактиковаться, прежде чем начнете ставить подписи.

— Но я хочу другую фамилию. Совершенно другую.

— Полагаю, нам придется остановиться на Фрейсере, — ответил Хайд. — Решение об этом принималось на высоком уровне. — Он принадлежал к числу людей, часто прибегавших в речи к страдательному залогу.

Повисло неловкое молчание.

— Я хочу другую. Мне не нравится Фрейсер. Ее надо изменить. — Лейсеру не нравился и сам Хайд, причем он явно собирался заявить об этом вслух секунд через тридцать.

Холдейну пришлось вмешаться.

— Вы обязаны подчиняться приказам. Департамент сделал выбор. И речи быть не может о том, чтобы вносить изменения в план на этом этапе.

Лейсер побледнел как полотно.

— Значит, им придется их внести, будь все трижды неладно! Я хочу другую фамилию, вот и все. Господи, это же всего лишь мелочь, пустяк, верно? Я не прошу ничего другого: только нормальную фамилию, а не исковерканную версию моей собственной.

— Это не более чем тренировка, — заметил Хайд, — или я чего-то не понимаю?

— А вам и не нужно ничего понимать! Просто измените ее, только и всего. Кем вы себя возомнили? Являетесь сюда и начинаете мной командовать!

— Мне придется позвонить в Лондон, — сказал Холдейн и поднялся наверх. Переминаясь с ноги на ногу, всем пришлось ждать его возвращения.

— Хартбек вас устроит? — спросил Холдейн. В его голосе звучал откровенный сарказм.

Лейсер мгновенно заулыбался.

— Хартбек? Да, это подойдет. — Он развел руки в извиняющемся жесте. — Хартбек прекрасно подойдет.

Лейсер минут десять тренировался, а потом поставил подпись на документах, каждый раз добавляя небольшую завитушку, словно перо наткнулось на покрытый пылью участок бума-

ги. Хайд прочел ему лекцию об использовании документов. На это ушло продолжительное время. На данный момент в Восточной Германии карточной системы как таковой больше не существовало, объяснил Хайд, но ее заменила система прикрепления населения к конкретным продуктовым магазинам, которые выдавали свои сертификаты. Он обрисовал принципы выдачи разрешений на перемещения и обстоятельства, при которых они требовались, долго распространялся о том, что Лейсер обязан сам предъявлять свое удостоверение личности, не дожидаясь просьбы об этом, если ему нужно будет приобрести железнодорожный билет или снять номер в гостинице. Лейсер снова вступил с ним в спор, и Холдейн попытался на этом закончить их встречу. Хайд не обратил на него никакого внимания. Он терпеливо закончил, кивнул всем присутствующим и удалился вместе с ассистентом, тщательно уложив в чемодан старую рубашку как ценную часть своего рабочего снаряжения.

Нежданный взрыв темперамента Лейсера вызвал у Холдейна тревогу. Он снова позвонил в Лондон и попросил своего помощника Гладстона проверить досье Лейсера и выяснить, не содержится ли в нем каким-то образом фамилия

Фрейсер. Были проверены все бумаги, но поиск не дал результатов. Когда Эвери заметил, что Холдейн придает слишком большое значение мелкому инциденту, тот покачал головой.

— Когда речь идет о «втором дыхании», мелочей не бывает.

После визита Хайда Лейсера стали ежедневно натаскивать на подробностях его «легенды». Шаг за шагом он сам, Эвери и Холдейн неустанно конструировали прошлое человека по фамилии Хартбек, подбирая ему род занятий, вкусы, привычки, обдумывая, какой могли быть его интимная жизнь и возможный круг друзей. Вместе они создавали мельчайшие черты личности придуманного ими мужчины, наделяя его свойствами и навыками, которых у самого Лейсера не было и в помине.

Примчался Вудфорд с новостями из департамента.

— Директор справляется потрясающе. — Он говорил так, словно Леклерку приходилось бороться с опасной болезнью. — Мы отправляемся в Любек ровно через неделю. Джимми Гортон общался с западногерманскими пограничниками. По его словам, на них можно положиться. Они подобрали для нас место перехода, а мы сняли

фермерский дом на окраине города. Джимми распускает слухи, что туда скоро приедет группа ученых, чтобы отдохнуть в тишине и подышать свежим воздухом.

Холдейну он доверительно сообщил:

— Департамент проводит великолепную работу. Все как один. А какой царит боевой дух, Адриан! Никто и не думает смотреть на часы. Без различия в чинах. Деннисон, Сэндфорд… Мы все — единая команда. Знал бы ты, какой бой Кларки дал министерству по поводу пенсии для бедной вдовы Тейлора! Как тут дела с «Майской мушкой»? — спросил он, понизив голос.

— Все в порядке. Работает наверху с передатчиком.

— Никаких больше нервишек? Срывов, капризов?

— Насколько я знаю, никаких, — ответил Холдейн так, словно заведомо не мог владеть всей информацией.

— Быть может, в нем кровь играет? Иногда им как раз в такой момент требуется девица для разрядки.

Вудфорд привез рисунки советских ракет, которые чертежники министерства сделали с фотографий из аналитического отдела, уве-

личенные до размера фут на три и тщательно наклеенные на куски картона. На некоторых стоял штамп повышенной секретности. Отдельные части были помечены стрелками с пояснениями, которые читались удивительно по-детски: крыло, конус, топливный бак, боеголовка. Рядом с каждой ракетой была изображена фигурка, похожая на пингвина в летном шлеме, с подписью «средний рост человека». Вудфорд расставил картинки по комнате, словно это были его собственные произведения искусства. Эвери и Холдейн молча наблюдали за ним.

— Он сможет рассмотреть это после обеда, — сказал Холдейн. — А пока сложи их снова в папку.

— Еще я привез фильм, чтобы дать ему дополнительную информацию. Запуски, перевозка, сведения о разрушающей способности. Директор подчеркнул необходимость хорошенько растолковать ему, какой силой обладают эти штуковины. Так сказать, вколоть ему адреналина.

— Ему не требуются дополнительные инъекции, — возразил Эвери.

Вудфорд вдруг вспомнил еще нечто важное.

— Кстати, этот твой юный сотрудник Гладстон хотел переговорить с тобой. Настаивает, что дело

важное, но не может с тобой связаться. Я сказал, что ты ему позвонишь, как только появится свободная минута. Как я понял, ты поручил ему провести исследование района операции «Майская мушка». Промышленное развитие, военные маневры и что-то там еще, так? Он говорит, что у него для тебя есть информация в Лондоне. Прекрасный образец сотрудника младшего состава этот Гладстон. — Он поднял глаза к потолку. — Когда Фред спустится вниз?

Холдейн резко ответил:

— Я не хочу, чтобы ты с ним встречался, Брюс. — Обращаться к человеку по имени было для него случаем исключительным. — Тебе будет лучше пообедать в городе. Выставишь счет бухгалтерии.

— Почему, ради всего святого?

— Вопрос безопасности. Я считаю, что чем меньше наших людей он будет знать в лицо, тем лучше. Рисунки говорят сами за себя. Как я полагаю, фильм тоже не нуждается в твоих комментариях.

Оскорбленный в лучших чувствах, Вудфорд уехал. Именно тогда Эвери понял, что Холдейн всерьез хочет поддерживать у Лейсера иллюзию, что в департаменте дураков не держат.

На последний день подготовки Холдейн запланировал полномасштабную тренировку, которая бы продлилась с десяти утра до восьми вечера. В нее входило визуальное наблюдение за городом, скрытное фотографирование объектов и прослушивание записей. Информацию, которую Лейсер соберет в течение дня, он должен затем изложить в виде донесения, зашифровать и отправить вечером Джонсону по радио. Утренний брифинг прошел в атмосфере веселой расслабленности. Джонсон пошутил, что Лейсер может по ошибке начать фотографировать полицейское управление Оксфорда, вызвав взрыв смеха у самого Лейсера и даже улыбку на устах Холдейна. Семестр подходил к концу, скоро ученики разъедутся по домам.

Тренировка прошла успешно. Джонсон был доволен, Эвери исполнен энтузиазма, Лейсер от души рад благополучному исходу. Как сказал Джонсон, они провели два очень хороших сеанса связи: рука Фреда была тверда, как кремень. В восемь часов вечера они собрались к ужину, облачившись в свои лучшие костюмы. Даже меню продумали особое, а Холдейн извлек остатки своего бургундского. Они произносили тосты и даже заговорили о возможности сделать такие

встречи в будущем ежегодными. Лейсер выглядел настоящим франтом в темно-синем костюме и галстуке из бледного муара.

Джонсон слегка перебрал. Он настоял, чтобы передатчик Лейсера принесли вниз, и несколько раз выпил за его благополучие, называя «миссис Хартбек». Эвери и Лейсер сидели рядом: с отчужденностью, возникшей в последнюю неделю, было покончено.

На следующий день, в субботу, Эвери и Холдейн возвращались в Лондон. Лейсеру предстояло оставаться с Джонсоном в Оксфорде до понедельника, когда вся группа переберется в Германию. В воскресенье микроавтобус из департамента должен был забрать чемодан с рацией. Ее доставят потом в Гамбург Гортону вместе с остальным базовым оборудованием Джонсона, а оттуда — в фермерский дом на окраине Любека, откуда и должна начаться операция «Майская мушка». Прежде чем покинуть дом, Эвери в последний раз оглядел его. Отчасти им двигала сентиментальность, но, с другой стороны, именно он подписывал договор аренды и должен был проверить сохранность чужого имущества.

По пути в Лондон Холдейн с трудом скрывал свое беспокойство. Он явно предвидел еще ка-

кие-то проблемы, которые по неизвестным пока причинам могли возникнуть с Лейсером.

15

Тем же вечером Сэра лежала в постели. Мать привезла ее назад в Лондон.

— Если я буду тебе нужен, — сказал он, — то приеду к тебе куда угодно.

— Ты имеешь в виду, когда я окажусь при смерти? — Но, подумав серьезно, она добавила: — Я тоже готова для тебя на все, Джон. А теперь могу я получить ответ на свой вопрос?

— В понедельник. Мы отправляемся всей группой. — Он говорил так, словно речь шла о группе из детского сада.

— В какую часть Германии?

— Просто в Германию. В Западную Германию. На конференцию.

— Будут еще трупы?

— О, ради бога, Сэра! Неужели ты думаешь, я стал бы скрывать от тебя такие вещи?

— Да, Джон, я так думаю, — просто ответила она. — Если бы ты стал все мне рассказывать, это значило бы, что тебе плевать на работу. Но у тебя есть тайны, которыми ты со мной делиться не можешь.

— Скажу только, что мы занимаемся действительно крупным и важным делом… Это масштабная операция. С привлечением агентов. Я участвовал в их подготовке.

— Кто командует?

— Холдейн.

— Это тот, кто рассказывает тебе о своих отношениях с женой? Отвратный тип.

— Нет. Ты говоришь о Вудфорде. А Холдейн совершенно другой. Он не без странностей, но интеллектуал. Очень хороший сотрудник.

— Но они у тебя все очень хорошие, верно? Вудфорд тоже хороший.

Ее матушка принесла чай.

— Когда ты начнешь вставать с постели? — спросил он.

— Вероятно, в понедельник. Зависит от того, что скажет врач.

— Ей все равно нужен будет полный покой, — заявила мать Сэры и вышла из комнаты.

— Если ты действительно веришь в свое дело, выполняй его, — сказала Сэра. — Но только не надо… — Она осеклась и помотала головой, похожая сейчас на маленькую девочку.

— Ты просто ревнуешь. Ты ревнуешь меня к работе и к моим секретам. Ты не хочешь поверить

в пользу, которую приносит моя работа.

— Продолжай. Верь в свое дело, если можешь.

Какое-то время они не смотрели друг на друга.

— Если бы не Энтони, я бы уже ушла от тебя, — наконец произнесла Сэра.

— Чего ради продолжать? — безнадежно спросил Эвери. — Уходи. Не позволяй Энтони мешать себе.

— Ты не общаешься со мной, почти не разговариваешь с Энтони. Он едва ли вообще тебя знает.

— А о чем разговаривать?

— О господи!

— Я не могу разговаривать о своей работе, и ты это знаешь, но я все равно рассказываю тебе больше, чем положено. Именно отсюда у тебя пренебрежительное отношение к департаменту, или я не прав? Ты не можешь понять его и не желаешь понимать. Тебе не нравится окружающая меня секретность, но потом ты меня же и презираешь, если я нарушаю правила.

— Не начинай снова.

— Я не вернусь, — сказал Эвери. — Решение принято.

— Не забудь на этот раз хотя бы о подарке для Энтони.

— В прошлый раз я купил ему молоковоз.

Они снова посидели молча.

— Тебе было бы полезно познакомиться с Леклерком, — сказал Эвери. — Поговорить с ним. Он сам постоянно предлагает. Поужинать вместе… Он, быть может, смог бы убедить тебя.

— В чем?

Сэра заметила клок ваты, выбившийся из шва ее пижамы. Вздохнув, достала маникюрные ножницы из ящика прикроватного столика и отрезала его.

— Надо было просто втянуть его обратно с изнанки, — сказал Эвери. — Так ты только портишь одежду.

— Какие они, твои агенты? — спросила она. — Ради чего они идут на это?

— Частично из верности принципам. В какой-то степени из-за денег, как я догадываюсь.

— То есть вы их подкупаете?

— О, замолчи, пожалуйста!

— Они англичане?

— Один из них англичанин. Не задавай мне больше вопросов, Сэра. Я не могу на них отвечать. — Он наклонился ближе к ней. — Не надо вопросов, милая.

Он взял ее за руку, она не сопротивлялась.

— Все они мужчины?

— Да.

И внезапно она заговорила. Без слез, без истерики, но слова вдруг полились из нее быстро и страстно, словно время для разговоров подходило к концу и наступал момент выбора.

— Джон, я хочу узнать все, узнать прямо сейчас, прежде чем ты уйдешь. Этот вопрос будет задан ужасно не по-английски, но ты все время твердил мне одно и то же. С того самого времени, как пошел на эту работу. Ты внушал мне, что отдельные люди не имеют значения: ни я сама, ни Энтони, ни твои агенты. Самое главное, повторял ты, что это твое призвание. Так вот, я хочу знать: кто призвал тебя? Что это за призвание такое? На этот вопрос ты никогда не находил для меня ответа. И потому прятался от меня? Быть может, ты мученик, Джон? Тогда я действительно должна уважать то, чем ты занимаешься. Скажи, тебе многим приходится жертвовать?

Откровенно избегая ее взгляда, Эвери сказал:

— Все обстоит совершенно иначе. Я выполняю свою работу. Я — техническая деталь, часть общего механизма. Ты же хочешь обвинить меня в двойных стандартах, верно? Стремишься показать парадоксальность и двойственность моего положения.

— Ничего подобного. Но ты сказал то, что я желала услышать. Очерти вокруг себя круг и не смей выходить за его пределы. Это не двойные стандарты, Джон. Это полное отсутствие всяких стандартов. Ты ставишь себя очень низко. Неужели ты действительно считаешь себя таким ничтожеством?

— Это ты сделала из меня ничтожество. И не усмехайся. Ты и сейчас принижаешь меня, как только можешь.

— Джон, я готова дать любую клятву, что не делаю этого намеренно. Когда ты приехал домой сегодня вечером, у тебя был такой вид, словно ты влюбился. Обрел любовь, которая дает тебе счастье. Ты казался свободным и в ладу с самим собой. На мгновение я даже подумала, что у тебя появилась другая женщина. Вот почему я спросила, все ли твои агенты мужчины… Я решила, что у тебя новая любовь. А теперь ты сам мне говоришь, что ничтожен, но при этом даже этим готов гордиться.

Он немного подождал, а потом улыбнулся, как улыбался Лейсеру. И сказал:

— Я ужасно скучал по тебе, Сэра. В Оксфорде я специально ходил к тому дому на Чандос-роуд, помнишь его? Нам было там хорошо, правда? —

Он пожал ее руку. — По-настоящему хорошо. И я думал обо всем. О нашей семье. Об Энтони. Я люблю тебя, Сэра, люблю. За все… За то, как ты воспитываешь нашего ребенка. — Он рассмеялся. — Вы оба такие уязвимые. Порой мне даже трудно воспринимать вас отдельно друг от друга.

Она молчала, и Эвери продолжил:

— Я подумал, а что, если бы мы жили за городом? Купили бы дом… У меня теперь гораздо более прочное положение на службе. Уверен, Леклерк поможет получить ссуду. Тогда у Энтони появилось бы место, где он смог бы побегать, порезвиться. Надо только стать смелее в своих действиях, расширить свои перспективы. Надо начать снова ходить в театры, как мы делали в Оксфорде.

— Разве? — спросила она рассеянно. — Но как мы будем ходить по театрам, если поселимся за городом?

— Департамент мне действительно дает очень многое, разве ты не видишь? Это настоящая работа, важная работа, Сэра.

Она мягко оттолкнула его.

— Мама приглашает нас всех к себе в Рейгейт на Рождество.

— Вот и чудесно. Послушай… По поводу моей конторы. Они теперь кое-чем мне обязаны после проделанной мной работы. Меня примут как равного. Как полноценного коллегу. Я стану одним из них.

— И тогда ты снимешь с себя всякую ответственность, не так ли? Ты же будешь лишь одним из членов большой команды. Значит, никаких жертв не потребуется.

Они вернулись к тому, с чего начали. Эвери, не сразу поняв это, тихо продолжал:

— Так я могу сказать ему? Могу сообщить, что ты приняла приглашение поужинать вместе?

— Боже милосердный, Джон, — горько усмехнулась она. — Не пытайся манипулировать мной, как одним из своих дерьмовых агентов.

Холдейн тем временем сидел за своим столом и просматривал доклад Гладстона.

Военные маневры проводились в районе Кальк-штадта дважды — в 1952 и 1960 годах. Во втором случае русские имитировали атаку пехоты на Росток при участии большого количества бронетехники, но без поддержки с воздуха. Об учениях 1952 года было мало что известно, за исключением того факта, что тогда крупный воинский контингент разместился в Волькене. Отмечалось,

что большинство солдат носили малиновые погоны. Впрочем, сведения могли оказаться недостоверными. В обоих случаях район объявляли закрытым, причем ограничения распространялись до самого морского побережья. Далее следовал длинный список основных промышленных предприятий. Поступила информация — ее передал Цирк, отказавшись назвать источник, — что на плато к востоку от Волькена было начато строительство нового нефтеперерабатывающего завода, оборудование для которого доставлялось из Лейпцига. Существовала вероятность (хотя и не слишком большая), что его переправляли железной дорогой именно через Калькштадт. Не было никаких сообщений о волнениях среди гражданского населения или забастовках на заводах, которые могли бы привести к временному ограничению доступа посторонних в город.

В лотке для входящих документов лежала записка из отдела регистрации. Там подобрали затребованные им досье, но многие из них были совершенно секретными. Ознакомиться с ними он мог только в помещении библиотеки.

Холдейн спустился вниз, набрал нужную комбинацию кнопок, чтобы открыть замок, и через стальную дверь вошел в отдел регистрации,

пытаясь нащупать выключатель, но не находя его. Ему пришлось в темноте пробираться мимо рядов стеллажей в небольшую комнату без окон в самом дальнем углу здания, где хранились документы, представлявшие особый интерес или помеченные как сверхсекретные. Здесь царил кромешный мрак. Он чиркнул спичкой и только тогда нашел выключатель. На столе лежали две стопки папок. Операция «Майская мушка», «совершенно секретно», теперь уже в трех томах с прикрепленным сверху списком допуска и обманкой — липовым названием досье «СССР и Восточная Германия». В этих папках в образцовом порядке хранились все имевшие отношение к делу документы и фотографии.

Бегло просмотрев новые входящие бумаги по «Майской мушке», Холдейн переключил внимание на вторую стопку досье. Это было повергавшее в депрессию собрание тонких папок с материалами на разного рода мошенников, проходимцев и сумасшедших, которые во многих странах мира под любыми предлогами пытались — изредка даже успешно — продать западным разведкам самую откровенную дезинформацию. Причем методы, пускавшиеся для этого в ход, оказывались на редкость однообразными. Крохотное

рациональное зерно, почерпнутое из газет или из базарных сплетен, искусственно раздувалось до огромных размеров взятыми из головы подробностями, часто настолько невероятными, что становилось ясно, какими идиотами мошенники считали своих потенциальных жертв. Но рано или поздно чувство меры изменяло им, и следовала неизбежная реакция — полный разрыв отношений.

К одной из папок Гладстон прилепил кусок клейкой бумаги со своими инициалами и припиской: «Это может показаться вам интересным». В папке содержались показания перебежчиков из ГДР об испытаниях новейших советских танков в районе Гюствейлера. Сверху кто-то уже сделал пометку карандашом: «Интереса не представляет. Фальшивка». И действительно, «показания» оказались почти дословно переписанной статьей из ежегодника «Советская военная мощь» за 1949 год. Фальсификатор потрудился лишь над тем, чтобы увеличить параметры танка, указанные в издании, чуть ли не втрое и добавить угрожающих деталей собственного сочинения. Кроме того, в папку оказались вложены шесть снимков, очень нерезких и сделанных, как объяснялось, из окна движущегося поезда с помощью

телескопического объектива. На обороте одной из фотографий Маккаллох резюмировал: «Перебежчик утверждает, что использовал зеркальную камеру „Экза-2“ восточногерманского производства. Плохая механика, но с оптикой от „Экзакты“. Использовал самые длинные выдержки. Изображения сильно размыты вследствие раскачивания вагона поезда. Все это весьма сомнительно». Но ничего конкретного заключить было невозможно. Та же марка фотоаппарата — и все. Холдейн запер отдел и отправился домой. Как сказал Леклерк, не его обязанность каждый раз доказывать, что Христос родился именно в день Святого Рождества. Точно так же, подумал Холдейн, не моя обязанность добывать доказательства, что Тейлора непременно убили.

Жена Вудфорда добавила в виски немного содовой. Так, капельку. Скорее по привычке, чем для вкуса.

— Значит, спим в офисе, бродяжка ты мой, — сказала она. — Они хотя бы платят тебе оперативные командировочные?

— Да, само собой.

— Тогда никакая это не конференция, точно? Конференции не приравниваются к оперативным заданиям. Если только, — добавила она,

хихикнув, — вы не собираетесь проводить ее в Кремле.

— Хорошо, ты права. Это не конференция. Это действительно операция. Потому я и получаю надбавку.

Она посмотрела на него недобрым взглядом. Это была тощая бездетная женщина, и у нее была привычка щурить глаза, чтобы в них не попал дым от зажатой в губах сигареты.

— На самом деле ничего не происходит вообще. Ты все выдумал. — Она засмеялась жестким фальшивым смехом. — Лопух ты несчастный. — Она снова презрительно рассмеялась. — Как поживает наш маленький Кларки? Ты ведь по-прежнему боишься его? Почему ты ни разу в жизни слова не сказал ему поперек? Вот Джимми Гортон перечил ему на каждом шагу: он видел его насквозь.

— Даже не упоминай при мне имени Джимми Гортона!

— Джимми — прелесть!

— Бабз, в последний раз предупреждаю!

— Бедный Кларки! Помнишь, — задумчиво спросила жена, — какой миленький ужин он устроил для нас в своем клубе? Видать, он тогда вспомнил, что пришла наша очередь получить хоть каплю от его щедрот. Бифштексы, почки

и размороженная фасоль. — Она отхлебнула виски. — И теплый джин. — Тут ее неожиданно поразила новая мысль. — Интересно, он хотя бы раз спал с женщиной? Боже, как интересно! И почему я никогда не задумывалась об этом раньше?

Вудфорд поспешил вернуть разговор на менее шаткую почву.

— Хорошо, пусть будет, как ты сказала. На самом деле ничего не происходит. — Он поднялся с глуповатой усмешкой и взял со стола спички.

— Ты не будешь здесь курить свою вонючую трубку, — сказала она скорее по привычке.

— Значит, ничего не происходит, — повторил он самодовольно и раскурил трубку, со свистом втягивая через нее воздух.

— Боже, как я тебя ненавижу!

Вудфорд покачал головой, все еще кривясь в улыбке.

— Плевать! Пусть будет так. Это ты сказала, а не я, — осклабился он. — Значит, я не сплю по ночам у себя в конторе, и все идет по-прежнему, ты это имела в виду? И в Оксфорд я не ездил. Я даже в министерство не заезжаю. И меня не привозит по ночам домой личный автомобиль.

Она наклонилась вперед, и ее голос внезапно

зазвучал с устрашающим напором.

— Так расскажи мне, что происходит, — прошипела она. — У меня есть право знать! Я в конце концов твоя жена. Любой маленькой шлюшке в своей конторе вы все рассказываете. Расскажи и мне тоже.

— Мы засылаем человека через границу, — сказал Вудфорд. Это был момент его триумфа над ней. — Я лично руковожу всем, что происходит в Лондоне. Назревает международный кризис. Может даже начаться война. Дело очень рискованное.

Спичка давно погасла, но он все еще продолжал размахивать ею в воздухе, словно хотел потушить, наблюдая за женой с победным блеском в глазах.

— Ты никудышный лжец! — отозвалась она. — Рассказываешь мне здесь всякую чушь.

Между тем паб на углу их улицы в Оксфорде уже на три четверти опустел. Почти весь зал остался в их полном распоряжении. Лейсер потягивал «Белую леди», а его радиоинструктор угощался за счет департамента лучшим горьким пивом.

— Работай аккуратнее, и это все, что от тебя требуется, Фред, — мягко наставлял он более молодого собеседника. — Во время последнего

сеанса все прошло без сучка без задоринки. Мы-то тебя всегда услышим — пусть это тебя не тревожит. Ты будешь всего в восьмидесяти милях от границы. Это пара пустяков, только строго соблюдай процедуру. Тщательнее с настройкой, или все пойдет прахом.

— Я все помню. Не волнуйся.

— А о том, что фрицы смогут засечь тебя, даже не думай. Ты ведь не любовные послания будешь отправлять, а лишь небольшие группы сигналов. Затем — новый позывной и смена частоты. Им никогда не запеленговать тебя за такое короткое время.

— Возможно, у них теперь тоже появились другие возможности, — возразил Лейсер. — Они наверняка усовершенствовали технику со времени войны.

— Им придется вылавливать твой сигнал среди сотен других радиообменов — между судами в море, военными, диспетчерами гражданской авиации и черт знает кем еще! Они же обычные люди. Такие же, как мы с тобой. Да еще и более ленивые. Так что не надо переживать из-за них.

— Я и не переживаю, — отозвался Лейсер. — На войне им не удавалось перехватывать мои передачи. По крайней мере очень долго.

— А теперь послушай, Фред. У меня предложение. Выпьем еще по одной, а потом вернемся домой и заставим «миссис Хартбек» еще немножко, но славно поработать. Как тебе такая идея? Но без света. Обнимешь ее в темноте — она женщина застенчивая, понял? Чтобы уж выжать из нее все без остатка. А потом завалимся спать. Тогда завтра будем весь день отдыхать. Завтра ведь воскресенье, верно? — закончил он с наигранной бодростью.

— Я хочу спать. Могу я немного поспать, Джек?

— Завтра, Фред. Завтра можешь отдыхать, сколько душе угодно. — Он чуть подтолкнул Фреда под локоть. — Ты ведь теперь у нас женатый человек, Фред. А женатый мужчина не всегда может так просто отвернуться к стенке и захрапеть. Ты дал как бы новый брачный обет, принес «вторую клятву» — так это теперь называется.

— Знаешь, что я тебе на это скажу? Забудь, сделай одолжение. — По голосу Лейсера чувствовалось, что он на грани срыва. — Давай оставим все как есть. Идет?

— Ладно, извини, Фред.

— Когда мы едем в Лондон?

— В понедельник.

— Джон будет там?

— Мы встретимся в аэропорту. С ним и капитаном. Они хотели бы, чтобы мы еще раз попрактиковались… Еще один обычный сеанс.

Лейсер кивнул, постукивая по столу указательным и средним пальцами, словно работал на ключе.

— Тогда, быть может, расскажешь о девушках, с которыми гулял в Лондоне, когда был в увольнительной? — предложил Джонсон.

Лейсер помотал головой.

— Будь по-твоему. Я ставлю нам еще по бокалу, и давай сразимся на бильярде всерьез. А?

Лейсер застенчиво улыбнулся, уже позабыв о вскипавшем в нем раздражении.

— У меня денег намного больше, чем у тебя, Джек. «Белая леди» — дорогой напиток. Не надо пускаться в разгул.

Лейсер натер мелом свой кий и положил на бортик шестипенсовик.

— Сыграем на удвоение или на вылет. Последнюю партию на сегодня.

— Послушай мой совет, Фред, — все так же добродушно произнес Джонсон. — Не надо все время гнаться за большой суммой и пытаться загнать свой шар в сотенное отверстие. Набирай по двадцатке, по полтинничку — они быстро

складываются вместе. Играй осторожно — и вернешься домой в хорошем настроении.

Внезапно Лейсер разозлился всерьез. Он пристроил свой кий обратно на стойку и снял с вешалки верблюжье пальто.

— Что случилось, Фред? Что вдруг на тебя нашло?

— Ради всего святого, оставь меня в покое! Перестань вести себя как хренов священник с висельником. Я отправляюсь на задание, как мы все во время войны. Меня еще не поместили в камеру для повешенных.

— Ты несешь чепуху, — сказал Джексон, отбирая у него пальто и снова вешая на крючок. — И потом, никто не говорит: в камеру для повешенных. Правильнее будет — в камеру для приговоренных к смерти.

Кэрол поставила на стол перед Леклерком чашку с кофе. Он поднял на нее просветлевший взгляд и поблагодарил, усталый, но старавшийся не подавать вида, как хорошо воспитанный ребенок под конец затянувшейся взрослой вечеринки.

— Адриан Холдейн уехал домой, — сообщила Кэрол.

Леклерк вернулся к созерцанию карты.

— Я заглянула к нему в кабинет. Мог бы и по-

прощаться.

— Он никогда не прощается, — почему-то с гордостью произнес Леклерк.

— Для меня еще есть работа?

— Никак не запомню, как переводить ярды в метры.

— Я тоже.

— В Цирке указали, что вот этот овраг имеет в длину двести метров. Значит, примерно двести пятьдесят ярдов, правильно я понимаю?

— Мне тоже так кажется. Но я все-таки принесу таблицу. — Она вернулась в приемную и сняла с книжной полки тонкий лист картона. — В одном метре тридцать девять целых и тридцать семь сотых дюйма, — прочитала она. — Сто метров — это сто девять ярдов и тринадцать дюймов.

Леклерк поспешил записать цифру.

— Думаю, надо отправить телеграмму с подтверждением Гортону. Выпейте сначала свой кофе, а потом возвращайтесь с блокнотом.

— Я больше не хочу кофе.

— Обычная срочность подойдет. Мы же не хотим вытаскивать старину Джимми из постели среди ночи. — Он быстрым жестом провел своей маленькой ручкой по волосам. — Первое. Передовой отряд — Холдейн, Эвери, Джонсон и Майская

Мушка прибывают таким-то рейсом британской авиакомпании во столько-то девятого декабря. — Он снова поднял голову. — Подробности вам сообщат в административном отделе. Второе. Все они путешествуют под своими именами и далее поездом отправятся в Любек. В интересах безопасности вам не следует, повторяю, не следует встречать группу в аэропорту, но вы можете скрытно связаться с Эвери по телефону на базе в районе Любека. Не стоит устанавливать контакт между ним и Адрианом, — заметил он резким смешком. — Эти двое никогда не ладили между собой… — Затем он повысил голос: — Третье. Группа номер два будет состоять из одного директора департамента, который прибудет утренним рейсом десятого декабря. Вам надлежит встретить его в аэропорту для краткой консультации перед его отъездом в Любек. Четвертое. Ваша роль состоит в том, чтобы ненавязчиво давать советы и предоставлять помощь на всех стадиях операции «Майская мушка», содействуя ее успешному осуществлению и завершению.

Она поднялась.

— Джону Эвери действительно необходимо там быть? Его несчастная жена не видела его уже несколько недель.

— Превратности войны, — ответил Леклерк, не глядя на нее. — Сколько времени потребуется мужчине, чтобы ползком преодолеть двести двадцать ярдов? — пробормотал он себе под нос. — О, Кэрол! И добавьте к тексту телеграммы еще одну фразу. Пятое. Удачной охоты! Старине Джимми не повредит, если его немного приободрить. Он слишком засиделся там у себя в одиночестве. — Он взял папку из лотка входящих бумаг и критически оглядел ее, чувствуя, должно быть, что Кэрол все еще не сводит с него глаз. — А! — произнес он с дежурной улыбкой. — Это, должно быть, то самое донесение из Венгрии. Вы знакомы с Артуром Филденом из Вены?

— Нет.

— Отличный малый. Вам бы он понравился. Один из наших лучших… Знает регион досконально. Брюс сказал, что от него пришел подробный доклад о передвижении войск в районе Будапешта. Нужно будет, чтобы Адриан непременно взглянул на него. Но у него теперь такой объем работы! — Он открыл папку и с наслаждением погрузился в чтение.

— Вы беседовали с Хайдом? — спросил Шеф.

— Да.

— Ну что он рассказывает? Какие у них там от

нас секреты?

Смайли подал ему виски с содовой. Они сидели в доме Смайли на Байуотер-стрит. Шеф занял свое любимое кресло поближе к теплу камина.

— По его словам, они нервничают, как невеста перед первой брачной ночью.

— Хайд так и сказал? Чтобы Хайд употребил такое выражение! Это нечто из ряда вон выходящее.

— Они сняли дом в северном Оксфорде. Там присутствовал только один агент, поляк лет сорока с небольшим, и им понадобился пакет документов, чтобы он мог выдать себя за механика из Магдебурга по фамилии Фрейсер. И проездные документы до Ростока.

— Кто еще там был?

— Холдейн и этот их новенький — Эвери. Тот, что приходил ко мне по поводу курьера из Финляндии. И специалист по рациям Джек Джонсон. Он работал на нас в войну. А больше никого. Не слишком похоже на масштабную программу переподготовки персонала.

— Что же у них на уме? И кто дал им столько денег для такого рода странной тренировки? Мы одолжили им какое-то оборудование, верно?

— Да. Б-2.

— Что это такое, черт возьми?

— Радиопередатчик военного образца, — ответил Смайли чуть раздраженно. — Вы же сами сказали, что им придется довольствоваться каким-нибудь старьем и кристаллами. Не пойму только, зачем нужно было снабжать их еще и нашими кристаллами?

— Из чистой благотворительности. Значит, Б-2. И все? Что ж, это хорошо, — заметил Шеф с явным облечением. — От такого допотопного прибора толку им будет немного.

— Вы вернетесь сегодня домой? — спросил Смайли нетерпеливо.

— Я подумал, что, быть может, у вас найдется для меня постель, — сказал Шеф. — Так утомительно все время таскаться домой. А все из-за толп народа… Они делаются все хуже.

Лейсер сидел за столом, все еще ощущая во рту привкус «Белой леди». Он смотрел на светящийся циферблат своих часов; чемодан с передатчиком стоял перед ним открытым. Было одиннадцать минут двенадцатого. Секундная стрелка рывками двигалась к двенадцати. Он начал выстукивать: ДжАДж, ДжАДж. «Это ты запомнишь, — сказал ему Джонсон. — Легко. Потому что это мои инициалы».

Он перешел на прием и тут же получил ответ от Джека, работавшего уверенно и быстро.

— Никуда не торопись, — внушал ему Джонсон, — думай, прежде чем что-то сделать. Мы будем прослушивать тебя всю ночь. Если что, у тебя всегда будет возможность выйти в эфир.

При свете портативного фонарика он пересчитал закодированные группы. Их оказалось тридцать восемь. Выключив фонарик, он выстучал тройку и восьмерку, — цифры давались легко, но занимали время. Его сознание работало четко. Он словно вновь и вновь слышал, как Джек твердит ему: «Ты делаешь свои точки слишком короткими, Фред, а ведь точка должна равняться одной трети тире. И делай паузы между словами, Фред. Отсчитывай пять точек перед каждым новым словом, три точки между буквами. Предплечье держи в горизонтальном положении на одной прямой с подставкой ключа; локоть чуть в стороне от тела». «Это похоже на бой с ножами», — подумал он с чуть заметной улыбкой и начал передавать. «Пальцы расслабь, Фред, и сам расслабься. Запястье не должно ложиться на стол». Он передал первые две группы, чуть смазав их в промежутках, но не так уж сильно, как случалось прежде. Подошла очередь третьей

группы, в которую входила метка безопасности. Он передал букву С, отменил ее, а потом без остановки выстучал сразу десять групп, время от времени посматривая на часы. Через две с половиной минуты он вышел из эфира, нащупал капсулу, в которой находился кристалл, сменил его, пальцами обнаружив разъемы и вставив другую капсулу, а потом этап за этапом проделал все действия, необходимые для перенастройки, вращая рукоятки, подсвечивая себе фонариком и всматриваясь в расположение черного язычка стрелки, подрагивавшей под стеклом прибора.

Он выстучал второй позывной — ПРЕ, ПРЕ, быстро переключился на прием, и Джек оказался тут как тут: QRK4 — ваш сигнал разборчив. Лейсер возобновил передачу. Рука двигалась вроде бы медленно, но методично, в то время как глаза пробегали по бессмысленным буквам, пока с кивком удовлетворения он не услышал ответ Джонсона. Сообщение получено. QRU — новостей для вас нет.

Когда они закончили, Лейсер пожелал отправиться на короткую прогулку. Стоял пронизывающий холод. Но они дошли по Уолтон-стрит до главных ворот Уорчестера, а потом по Бэнбери-роуд вернулись в свое респектабельное темное

укрытие в северном Оксфорде.

16

Взлет

Это был все тот же ветер. Тот, что пытался тащить мертвое заледеневшее тело Тейлора, швырял струи дождя в стены здания на Блэкфрайарз-роуд, шелестел травой в Порт-Мидоу, — тот же ветер бился теперь в ставни фермерского дома.

Дом пропах кошками. Ни ковров, ни подстилок на полу, выложенном из камня, который уже, казалось, ничто не способно было высушить полностью. Как только они прибыли, Джонсон растопил изразцовую печь, но капли влаги все еще лежали на брусчатке, собираясь небольшими лужицами в углублениях. Ни одна кошка ни разу не попалась им на глаза, но пахло ими в каждой комнате. Джонсон специально оставил на пороге открытую банку мясных консервов: через десять минут она была вылизана до блеска.

Кирпичное строение имело один высокий этаж, как все зернохранилища, и стояло среди небольшой рощицы под просторным небом, какое бывает на полотнах фламандских художников.

К одному из прямоугольных концов дома пристроили крытый загон для скота. Находилось все это в двух милях к северу от Любека. Но Леклерк строго-настрого запретил появляться в городе.

Лестница вела на сеновал, где со своим хозяйством расположился Джонсон, протянувший антенну сначала между стропилами, а потом через духовое окошко до росшего при дороге раскидистого вяза. Здесь он переобулся в коричневые кеды армейского образца, а поверх рубашки надел что-то вроде кителя с эмблемой какой-то авиационной эскадрильи. Гортон наладил доставку продуктов из универсама в Целле. Пол в кухне покрывали картонные коробки с налепленными на них бумажками «Для гостей господина Гортона». Были закуплены две бутылки джина и три — виски. Спален в доме оказалось только две; Гортон прислал армейские кровати по две в каждую комнату и настольные лампы для чтения со стандартными зелеными абажурами. Холдейна кровати просто взбесили.

— Он мог бы просто взять и рассказать о нас без лишних затей, — жаловался он. — Дешевое виски, стандартные продукты, армейские кровати. Вот увидите, еще окажется, что он и дом не арендовал, а реквизировал. Бог ты мой, кто же

так проводит секретные операции!

На место они прибыли ближе к вечеру. Джонсон, как только распаковал свое снаряжение, тут же погрузился в кухонные дела. Это был очень домовитый человек, который с готовностью и без споров сам взял на себя приготовление пищи и мытье посуды, легко передвигаясь по камням пола в своих кедах на резиновых подошвах. Он сварил крепкий говяжий бульон с яйцом и дал каждому по чашке какао, не пожалев сахара. Ели они в главной комнате у печи. Джонсону и говорить приходилось за всех. Лейсер был очень тих и едва притронулся к еде.

— Что с тобой, Фред? Ты совсем не голоден?

— Извини, Джек.

— В самолете раздают слишком много леденцов, вот в чем проблема. — Джонсон подмигнул Эвери. — И там полно другого сладкого. Я же заметил, как ты глазел на ту стюардессу. Нельзя так поступать с девушками, Фред. Ты мог разбить ей сердце. — Он оглядел сидевших за столом с притворным выражением возмущения на морщинистом лице. — Он и в самом деле стрелял в нее глазами. Мог убить наповал. А уж оглядел так прямо от головы до пят.

Эвери послушно улыбнулся. Холдейн сделал

вид, что ничего не слышал.

Лейсер волновался из-за луны, и после ужина они встали у задней двери небольшой группой, поеживаясь от холода и всматриваясь в небо. Оно казалось до странности светлым, и потому облака пробегали по нему, похожие на клубы черного дыма, причем стелились так низко, что чуть не задевали верхушки деревьев в роще и порой закрывали вид на серые поля в отдалении.

— На границе будет намного темнее, Фред, — сказал Эвери. — Там больше холмов, местность более возвышенная.

Холдейн объявил, что им нужно пораньше улечься сегодня спать. Они выпили еще по стакану виски и в четверть одиннадцатого отправились по своим комнатам. Джонсон и Лейсер в одну, Эвери и Холдейн в другую. Причем этот порядок никто не обсуждал. Казалось, каждый уже сам знал свое место.

После полуночи к ним в комнату пришел Джонсон. Эвери мгновенно разбудил скрип резины его кед.

— Джон, ты не спишь?

Холдейн тоже сел на своей кровати.

— Я из-за Фреда. Он сидит там внизу один. Я сказал, что ему надо попытаться уснуть, сэр, даже

дал пару таблеток, какие принимает на ночь моя мамаша. Но в постель он даже не ложился, а теперь спустился вниз.

— Оставь его в покое, — отозвался Холдейн. — С ним все будет хорошо. Никто из нас не может заснуть из-за этого треклятого ветра.

Джонсон вернулся к себе в комнату. Прошло, должно быть, около часа, но снизу по-прежнему не доносилось ни звука. Холдейн сказал:

— Вам лучше пойти взглянуть, что с ним такое.

Эвери накинул на плечи пальто и прошел по коридору мимо выцветших настенных ковриков с библейскими цитатами и старинной гравюрой, изображавшей гавань Любека. Лейсер сидел на стуле рядом с изразцовой печкой.

— Привет, Фред.

Он выглядел усталым и постаревшим.

— Оно рядом, верно? Место, где я перейду границу?

— Примерно в пяти километрах отсюда. Директор все подробно расскажет завтра утром. Эксперты говорят, что переход очень простой. Он вручит тебе все нужные бумаги и прочее. После обеда мы тебе покажем то место. В Лондоне основательно потрудились, чтобы подобрать его.

— В Лондоне… — протянул Лейсер, а потом его внезапно прорвало: — В войну я отправился на очередное задание в Голландию. Местные жители были очень дружелюбны, хороший народ. Мы засылали в Голландию много агентов. Даже женщин. Их всех арестовали. Ты еще был слишком молод тогда.

— Я много читал об этом.

— Немцы схватили нашего радиста. Но в Лондоне ничего не знали об этом. Продолжали засылать все новых агентов. Говорили, что другого выхода нет. — Его речь заметно ускорилась. — Я был еще совсем молокососом, но мне сказали, что задание очень короткое: заброска — отработка — возвращение. Им не хватало радистов. Это не имеет значения, говорили мне, что я не знаю голландского языка: меня встретит группа на месте выброски. Моей задачей было только отправить их донесения. Для этого подготовили явочный дом. — Мыслями он унесся в далекое прошлое. — Мы полетели. Но в условленном месте не увидели никаких сигналов. Ни костра, ни мигающего фонарика. И я прыгнул. А как только приземлился, они появились: двое мужчин и женщина. Мы обменялись паролями, и они повели меня к дороге, где ждали велосипеды. Даже

парашют закапывать не стали — мы в то время пренебрегали такими предосторожностями. Добрались до дома. Меня накормили. После ужина отвели наверх, где установили рацию. Никаких тебе расписаний. Лондон тогда слушал эфир беспрерывно. Я дал свой позывной. Потом вызвал: «Ти-Уай-Ар, ответьте. Ти-Уай-Ар». И передо мной положили сообщение для передачи, двадцать одна группа по четыре слова. — Он замолк.

— И что же было дальше?

— Понимаешь, они отслеживали мою передачу. Им нужно было выяснить, какую метку безопасности мы используем. Она была в девятой букве — ее следовало передать, а потом повторить через пробел. Мне дали закончить работу, а потом навалились, стали избивать, весь дом вдруг наполнился людьми.

— Но кто, Фред? Кто такие были эти «они»?

— Об этом нельзя рассуждать так просто. Ничто не бывает известно наверняка. Все очень запутанно.

— Бога ради, чья в том была вина? Кто это подстроил, Фред?

— Это мог быть кто угодно. Нам не дано разобраться. Нам приходится смириться. — Сам Фред, казалось, смирился.

— Но на этот раз ты один. Никого не уведомили. Тебя никто не может ждать.

— Верно, никто. — Он сцепил пальцы на коленях и сидел, сгорбившись. Маленький человек, которому холодно. — На войне было проще, потому что в самой скверной ситуации ты мог думать, что однажды мы победим. Даже попавшись, ты мог думать: «Они придут мне на выручку. Выбросят десант и проведут рейд по тылам врага». Даже зная, что этого никогда раньше не случалось, ты мог так думать, понимаешь? Тебе хотелось только одного: чтобы тебя оставили в покое и дали время думать. Но сейчас победителей не будет, ведь так?

— Ситуация, конечно, иная. Но даже более серьезная.

— Что вы станете делать, если меня схватят?

— Мы вернем тебя. Даже не беспокойся об этом, Фред.

— Да, но каким образом?

— Мы — крупная организация, Фред. Происходит много такого, о чем ты даже не подозреваешь. У нас есть контакты во многих сферах. Ты не в состоянии увидеть картину в целом.

— А ты в состоянии?

— Тоже не до конца, Фред. Только наш директор

видит все. Даже капитану это не дано.

— Какой он, ваш директор?

— Он занимает свой пост уже давно. Завтра ты с ним встретишься. Он — удивительный человек.

— Капитан уважает его?

— Разумеется.

— Он почему-то никогда не упоминал о нем, — сказал Лейсер.

— Никто из нас не упоминает о нем.

— У меня есть девушка. Она работает в банке. Я сказал ей, что должен уехать. Если со мной случится худшее, не надо ей рассказывать. Она еще совсем молода.

— Как ее зовут?

— Не важно. Но если вы встретитесь, поддержи ее.

— Что ты имеешь в виду, Фред?

— Не важно. — Лейсер замолчал.

Когда рассвело, Эвери вернулся в свою комнату.

— Ну в чем там проблема? — спросил Холдейн.

— Он попал в беду во время войны. В Голландии. Его предали.

— И он все равно дает нам второй шанс. Как мило с его стороны. Любой из них мог бы рассказать подобную историю. — Потом он сменил тему:

— Леклерк приезжает утром.

Такси прибыло в одиннадцать. Леклерк выскочил из машины, как показалось, раньше, чем она остановилась. На нем были пальто из плотной шерсти, башмаки на толстой подошве для прогулок по каменистым тропам и легкая кепка. Выглядел он браво.

— Где Майская Мушка?

— С Джонсоном, — ответил Холдейн.

— Найдется кровать для меня?

— Сможешь занять место Мушки, когда он отправится на задание.

На одиннадцать часов Леклерк назначил инструктаж; после обеда они собирались совершить объезд и осмотр границы.

Инструктаж проходил в главной комнате первого этажа. Лейсер спустился последним. Он встал в дверном проеме и смотрел на Леклерка, который широко улыбался, словно был очень рад встрече. Они казались примерно одного роста.

— Директор, это Майская Мушка.

Все еще не сводя глаз с Лейсера, Леклерк сказал:

— Полагаю, мне разрешается называть его просто Фредом. Здравствуйте, Фред. — Он сделал шаг навстречу и пожал ему руку. Оба держались

формально.

— Здравствуйте, — ответил Лейсер.

— Надеюсь, они не перегрузили вас здесь работой?

— Я справляюсь, сэр.

— Мы все под большим впечатлением, — заметил Леклерк. — Вы прошли грандиозную подготовку. — Он говорил так, как говорят политики, когда общаются со своими избирателями.

— Настоящее дело еще не началось.

— А вот лично я всегда считал, что в правильной подготовке заложено три четверти будущего успеха сражения. Согласен, Адриан?

— Да.

Все сели. Леклерк остался стоять чуть в стороне от остальных. Он повесил на стену карту. И каким-то непостижимым образом — быть может, вид карты способствовал этому, или точность языковых оборотов, к которым он прибегал, или военная выправка, столь же естественная, сколь и напускная, — но Леклерку удалось сейчас вновь вызвать к жизни ту ностальгическую атмосферу приготовлений к боевым действиям, которая так встряхнула его подчиненных на Блэкфрайарз-роуд месяцем ранее. Он демонстрировал фокусника, когда с неожиданной легкостью и

хорошим знанием предмета начинал говорить на любую тему, будь то ракеты или радиосвязь, «легенда» разведчика или точка на границе, где предстояло совершить переход.

— Ваша цель — Калькштадт. — Он чуть заметно усмехнулся. — Городок этот до сих пор известен только удивительно хорошо сохранившейся церковью четырнадцатого века.

Они рассмеялись. Все, включая и Лейсера. Казалось хорошим признаком, что Леклерку известно даже о церкви.

Он привез, кроме того, и схему места пересечения границы, выполненную разноцветными чернилами, где границу обозначили красным. Все выглядело крайне просто. На западной стороне располагался невысокий лесистый холм, густо покрытый снизу утесником и папоротником. Он тянулся ровной линией параллельно границе, и только его южная оконечность изгибалась к востоку узким отрогом, который обрывался примерно в двухстах двадцати ярдах от границы, прямо напротив наблюдательной вышки. Причем башня располагалась достаточно далеко от демаркационной линии, а у ее основания проходила изгородь из колючей проволоки. Западные наблюдатели обратили внимание, что

ряд проволоки был всего один и она местами почти не держалась на крепежных уголках. Сами восточногерманские пограничники порой приподнимали ее, чтобы коротким путем совершить обход ничем не защищенной полосы между демаркационной линией и непосредственно границей. Позже днем Леклерк покажет, где именно проволока снималась особенно легко. Майской Мушке, сказал он, не следует опасаться необходимости миновать вышку в непосредственной близости: известно, что все внимание охранников сосредоточено на более отдаленных от нее участках местности. Ночь предполагалась идеальная по условиям — ветреная и безлунная. Леклерк назначил временем для перехода 02:35. Караул менялся в полночь. Каждое дежурство длилось три часа, и было естественно ожидать, что к концу вахты пограничники станут чуть менее бдительными, чем в ее начале. А их сменщики, которые приходили из казарм, расположенных в отдалении с северной стороны, еще даже не двинутся в путь.

Много внимания было уделено, как отметил Леклерк, возможному наличию минных полей. Они могли сами видеть на карте — маленький пальчик на всякий случай прошелся вдоль нее

— обозначенную зелеными точками линию, ведшую от отрога холма через границу. Это была старая тропа, которая следовала именно тем маршрутом, который и был нужен Лейсеру. Но наблюдатели установили, что восточные пограничники избегают ступать по тропе, протоптав собственную дорожку в траве в десяти ярдах южнее. Был сделан вывод, подчеркнул Леклерк, что тропу заминировали, а полосу рядом оставили чистой для прохода пограничных патрулей. Разумеется, Леклерк рекомендовал Лейсеру воспользоваться тем же путем, каким перемещались патрули.

Там, где это было возможно, на участке примерно в двести двадцать ярдов между холмом и наблюдательной вышкой, Лейсеру надлежало перемещаться ползком, держа голову как можно ниже к земле, чтобы его фигуру надежно скрывали заросли папоротника. Это снимало даже минимальную угрозу, что его смогут случайно заметить с вышки. Благоприятствовал ему и тот факт, добавил Леклерк с улыбкой, что по ночам патрули никогда не выходят на западную сторону от колючей проволоки. По всей вероятности, из опасения, что один из их собственных солдат может воспользоваться темнотой и сбежать,

никем не замеченный.

После перехода границы Лейсеру следовало вообще избегать троп и дорожек. Местность была сильно пересеченной, поросшей густым лесом. Идти будет трудновато, зато безопасно. Двигаться надо к югу. На то существовала простая причина. Южнее граница километров на десять уходила к западу. И таким образом, направившись на юг, Лейсер быстро окажется не в двух, а в пятнадцати километрах от границы и вне зоны ответственности патрулей. Поэтому Леклерк советует ему — в этом месте он небрежным жестом достал из кармана пальто сигареты, прикурил, все время ощущая на себе пристальные взгляды остальных, — в течение получаса идти на восток, а потом свернуть к югу, чтобы добраться до озера Мариенхорст. На восточном берегу стоит заброшенная лодочная станция. Там можно будет часок передохнуть и подкрепиться. К тому времени Лейсеру вполне может понадобиться выпить для храбрости — среди присутствовавших раздался смех, — и для этих целей он найдет в рюкзаке небольшую фляжку с бренди.

У Леклерка выработалась привычка: когда он пытался шутить, то вытягивался в струнку и приподнимался на носки, словно хотел, чтобы

его остроумие разнеслось как можно дальше в пространстве.

— А нельзя мне взять с собой джин? Я пью только «Белую леди», — спросил Лейсер.

Воцарилось недоуменное молчание.

— Нет, это совершенно невозможно, — отрезал Леклерк непререкаемым тоном хозяина положения.

Немного отдохнув, он должен будет продолжить путь к деревне Мариенхорст и найти транспорт, которым можно добраться до Шверина. А дальше, добавил Леклерк уже совершенно небрежно, судьба Лейсера полностью окажется в его собственных руках.

— У вас будут все бумаги, необходимые для путешествия между Магдебургом и Ростоком. И как только окажетесь в Шверине, ваш маршрут ни у кого не вызовет подозрений. Не стану подробно останавливаться на вашей «легенде», поскольку вы ее уже подробно проработали с капитаном. Вас зовут Фред Хартбек. Вы — холостой механик из Магдебурга, которому предложили работу на одном из государственных кооперативных предприятий судостроительной промышленности Ростока. — Он улыбнулся с видом понимающего человека. — Уверен, что вы все запомнили

в мельчайших подробностях. Историю своей личной жизни, зарплату на прежнем месте, перенесенные болезни, что делали в военное время и остальное. Есть только одна важная вещь, которую я могу вам сказать по поводу «легенды» разведчика. Никогда сами никому и ничего о себе не рассказывайте. Никто не ждет от вас откровенности и подробностей. Если прижмут к стенке, действуйте по обстановке. И всегда держитесь настолько близко к правде, насколько это вообще возможно. «Легенда», — изрек он свой любимый афоризм, — никогда не должна быть полностью сфабрикована, но всегда иметь в основе реальные факты.

Лейсер в ответ рассмеялся несколько сдержанно, словно ему хотелось бы услышать все эти слова от человека более высокого роста и могучего телосложения, чем субтильный кабинетный теоретик Леклерк.

Джонсон принес кофе, Леклерк коротко бросил свое «Спасибо, Джек», точно привык, чтобы его обслуживали специалисты по радиотехнике, и не видел в ситуации ничего необычного.

Затем Леклерк перешел к цели миссии Лейсера. Он снова кратко резюмировал основания для подозрений, причем звучало резюме как

подтверждение давних выводов, к которым он, Леклерк, пришел самостоятельно. Он вдруг заговорил в таком странном стиле, какого Эвери никогда не замечал за ним раньше. В его речи подразумевалось (порой прямо, порой в виде фигур умолчания), что вверенный ему департамент обладает таким огромным потенциалом экспертов и технических специалистов, такими неисчерпаемыми денежными ресурсами, так тесно взаимодействует с другими спецслужбами и пользуется непререкаемым авторитетом оракула, который никогда не ошибается, что у Лейсера поневоле мог возникнуть вопрос, зачем в таком случае ему приходится вообще рисковать своей жизнью.

— Ракеты уже размещены в том районе, — сказал Леклерк с железобетонной уверенностью. — Капитан объяснил вам, на что нужно обратить внимание в первую очередь. Мы хотим детально знать, как они выглядят, где в точности установлены, а самое главное — в чье распоряжение они поступили.

— Я понимаю.

— Используйте весь традиционный набор трюков. Сплетни в барах и кафе, разговоры с военнослужащими, среди которых вы якобы

разыскиваете старого друга… Впрочем, вы владеете техникой сбора данных. Как только получите необходимую информацию, возвращайтесь.

Лейсер кивнул.

— В Калькштадте есть рабочее общежитие. — Леклерк развернул план города. — Вот оно. Рядом с церковью. Поживите там, если получится. Вам могут встретиться люди, которые непосредственно участвовали…

— Я понимаю, — повторил Лейсер.

Холдейн заерзал на стуле, с беспокойством посмотрев на него.

— Там могут знать о человеке, который прежде работал на станции. По фамилии Фритцше. Он снабдил нас интересной информацией о ракетах, но потом исчез. Только если появится подходящая возможность, порасспрашивайте о нем станционных рабочих, притворившись старым знакомым…

Наступила короткая пауза.

— Просто бесследно исчез, — снова сказал Леклерк, но обращаясь к ним, а не бормоча себе под нос, хотя мыслями он витал где-то далеко.

Эвери напряженно всматривался в него, ожидая продолжения. И он заговорил, но теперь уже гораздо быстрее:

— Я намеренно не затрагивал проблем связи. — Всем своим тоном он показывал, что почти закончил. — Как я понимаю, этому вопросу вы сами уделили достаточно много времени.

— Тут не о чем волноваться, — заверил его Джонсон. — Все выходы на связь расписаны на ночное время. Это дает нам свободу выбора частот. Днем, полагаю, у него будет много других дел. А что до тренировок, то мы неоднократно проводили весьма успешные пробные сеансы, верно я говорю, Фред?

— О да, вполне успешные.

— Что касается вашего возвращения, — сказал Леклерк, — то будем действовать по правилам военного времени. Увы, но у нас больше нет подводных лодок для эвакуации агентов, Фред. Это больше не вариант. По возвращении через любую границу вам нужно будет незамедлительно обратиться в ближайшее британское консульство или посольство, назвать свое подлинное имя и подать прошение о репатриации. Назоветесь попавшим в затруднительное положение гражданином Великобритании. Хотя вся моя интуиция подсказывает, что вам будет лучше вернуться тем же путем, каким вы уйдете на восток. Если случатся неприятности, не обязательно сразу же начинать

двигаться на Запад. Затаитесь на время. Для этого вы берете с собой достаточно крупную сумму денег.

Эвери знал, что уже никогда не забудет этого утра. Они сидели за столом фермерского дома подобно мальчикам-новобранцам в ниссеновском бараке[36], повернув напряженные лица к Леклерку, который в почти церковной тишине вершил свою литургию преданности, двигая маленькой рукой по карте, как священник свечой. И из всех присутствовавших Эвери, как ни странно, вероятно, лучше всех осознавал фатальную диспропорцию между видением и реальностью, между устремлениями и их результатами. Эвери видел ребенка Тейлора, заикаясь, наивно лгал Пеерсену и консулу, слышал те ужасающие шаги в отеле, а потом, когда вернулся из той кошмарной поездки, мог сам наблюдать, как его жуткий опыт превосходно вписывается в картину мира, каким его рисовал себе Леклерк. И тем не менее, как и Холдейн с Лейсером, слушал молитву Леклерка с состраданием агностика, но и с ощущением, что, возможно, где-то действительно существует такое место, в котором все так просто и чудесно,

[36] Примечания: 36

Сборно-разборная постройка из гофрированного железа, использовавшаяся английской армией со времен Первой мировой войны.

как он это описывает.

— Прошу прощения, — сказал вдруг Лейсер. Он смотрел на план Калькштадта и казался сейчас каким-то особенно маленьким. С таким же выражением лица он мог бы, наверное, указывать на неисправность в автомобильном моторе.

Станция, общежитие и церковь были помечены зеленым. Врезка в нижнем левом углу показывала станционные пакгаузы и разгрузочные платформы. И в каждом углу была примитивно изображена стрелка компаса с надписями: «западная перспектива» или «северная перспектива».

— Что означает перспектива, сэр? — спросил Лейсер.

— Сторону света, по которой следует ориентироваться.

— А для чего это?

Леклерк терпеливо улыбнулся.

— Исключительно, чтобы разобраться, как расположены здания, Фред. И легко найти их.

Лейсер встал и вгляделся в план ближе.

— А это, стало быть, церковь?

— Верно, Фред.

— Тогда почему она выходит фасадом на север? Церкви всегда строят по оси с востока на запад. А

у вас вход с восточной стороны, где на самом деле должен располагаться алтарь.

Холдейн тоже наклонился вперед, приложив к губам указательный палец правой руки.

— Это всего лишь приблизительный набросок плана, Фред, — ответил Леклерк.

Лейсер вернулся на свое место и сел по-солдатски очень прямо.

— Теперь понял. Извините.

Когда собрание закончилось, Леклерк отвел Эвери в сторону.

— Есть еще кое-что, Джон. Ему нельзя брать с собой пистолет. Это совершенно исключено. Министр жестко настаивает на этом. Вероятно, вам лучше сообщить ему сразу.

— Он пойдет безоружным?

— Думаю, мы можем разрешить нож. Он ведь не обязательно должен считаться оружием — нож служит для разных целей. Я хочу сказать: если что-то пойдет не так, мы всегда сможем утверждать, что нож не был для него холодным оружием.

После обеда они отправились осматривать границу — Гортон предоставил для этого автомобиль. Леклерк захватил с собой кое-какие выписки, которые он сделал из отчетов Цирка

относительно состояния границы, положив их на колено вместе с картой. Северная часть рубежа, разделявшего Германию на две части, представляла собой совершенно невзрачную, наводящую тоску местность. Тот, кто ожидал увидеть здесь ряды противотанковых ежей и некие мощные укрепления, был бы сильно разочарован. Граница проходила по достаточно однообразной местности, пересекая неглубокие овраги и небольшие холмы, заросшие редколесьем и папоротниками. Часто восточная охраняемая зона располагалась так далеко от демаркационной линии, что с западной стороны ее вообще невозможно было разглядеть — лишь изредка встречались выдвинутые вперед дзоты, петляли участки проселочных дорог, стояли заброшенные фермы и наблюдательные вышки — больше ничто не давало воображению никакой пищи.

По контрасту западная сторона была украшена до гротеска смешными сейчас останками свидетельств политической импотенции: огромная фанерная модель Бранденбургских ворот, которая держалась на проржавевших болтах, абсурдно торчала на вершине одного из холмов; какие-то остатки бывших воззваний, растрепанные ветрами и наполовину смытые дождем,

смотрели через узкую приграничную долину на противоположную сторону, давно утратив всякий смысл. Только по ночам, когда неожиданно вспыхивавший где-то луч прожектора начинал бродить по холодной земле, в него могло попасть хоть что-то живое вроде случайно застигнутого посреди поля зайца, который в оцепенении замирал, выжидая момент, чтобы броситься в более надежное укрытие.

Они ехали по проселочной дороге вдоль гребня холма и там, где оказывались рядом с границей, делали остановку и выходили из машины. Лейсер кутался в макинтош, а голову покрыл шляпой. День выдался очень холодным. Леклерк был в своем шерстяном пальто и нес раскладное сиденье в виде трости, которое взялось у него невесть откуда. И в первый раз, когда они остановились, и во второй, и в третий Леклерк лишь негромко бросал:

— Это не здесь.

Но когда они снова забирались внутрь автомобиля, объявлял голосом кондуктора:

— Следующая остановка — наша.

Его слова следовало воспринимать как отважную шутку полководца перед битвой.

Если бы Эвери руководствовался набросками

Леклерка, он бы никогда не узнал этого места. Да, холм был на месте, и его отрог поворачивал в сторону границы и резко спускался к лежавшей ниже равнине. Но местность позади него тоже оказалась всхолмленной и заросшей лесом, закрывавшим горизонт, на фоне которого с помощью бинокля они все же смогли различить очертания деревянной сторожевой вышки.

— Обратите внимание на три крепления колючей проволоки слева, — сказал Леклерк.

Когда они осматривали землю на той стороне, Эвери смог различить отдельные участки истоптанной старой тропы.

— Она заминирована. Тропа заминирована на всем протяжении. Их территория начинается от подножия холма. — Леклерк повернулся к Лейсеру. — Вы отправитесь отсюда. — Он указал тростью. — Доберетесь до выступа холма и заляжете, дожидаясь времени для броска. Мы доставим вас сюда заранее, чтобы глаза успели привыкнуть к темноте. А теперь, думаю, нам надо убираться. Нельзя привлекать к себе внимание.

Когда они подъезжали к своей ферме, дождь застучал в лобовое стекло, забарабанил по крыше машины. Эвери, сидевший рядом с Лейсером, был погружен в свои мысли. Он вдруг отчетливо по-

нял, словно впервые взглянув на все со стороны, что в то время как его собственная миссия превратилась в идиотскую комедию, Лейсеру предстояло сыграть ту же роль, но уже в трагическом амплуа. Перед ним разворачивалась какая-то безумная эстафетная гонка, каждый участник которой бежал быстрее и дольше предыдущего, а финишем могло быть только одно — самоуничтожение.

— Кстати, — сказал он внезапно, обращаясь к Лейсеру, — не лучше ли тебе что-то сделать со своими волосами? Едва ли у них там многие пользуются мужской косметикой и лосьоном. Это может быть небезопасно.

— Стричься нет надобности, — заметил Холдейн. — У восточных немцев длинные волосы сейчас тоже в моде. Голову нужно просто помыть, и все. Снять с нее слой лосьона. Вовремя подмечено, Джон. Так держать!

17

Дождь прекратился. Ночь наступала медленно, словно ей мешал ветер. Они сидели за столом фермерского дома и ждали. Лейсер был у себя в спальне. Джонсон приготовил для всех чай и занялся своей техникой. Никто не разговаривал. Время пустой бравады прошло. Даже Леклерк, ма-

стер внести оживление в стиле учителя средней школы, уже не давал себе труда попусту растрачивать слова. Бросалось в глаза, что необходимость ожидания наводит на него тоску. Такую же, какую приходится выдерживать перед свадьбой не слишком близкого приятеля. Они погрузились в состояние сонного страха, знакомого экипажам подводных лодок, глядя, как медленно раскачивается лампа под потолком. Время от времени Джонсона просили выйти за порог и посмотреть, не взошла ли луна, но каждый раз он объявлял, что ее не видно вовсе.

— Прогноз синоптиков был для нас благоприятным, — сказал Леклерк и забрался на сеновал, чтобы понаблюдать, как Джонсон в последний раз проверяет свое оборудование.

Оставшись наедине с Холдейном, Эвери быстро сообщил:

— Он утверждает, что министерство наложило запрет на пистолет. Он не сможет взять его с собой.

— И какой только дурак подсказал ему вообще обсуждать этот вопрос в министерстве, хотел бы я знать? — процедил Холдейн вне себя от злости. Потом добавил: — Скажешь ему об этом сам. Или не скажешь. Решай сам.

— Леклерку?

— Нет, идиот, Лейсеру.

После ужина Эвери и Холдейн поднялись с Лейсером в его комнату.

— Мы поможем вам переодеться.

Но сначала они заставили его снять прежнюю одежду, удобную и дорогую: теплый пиджак и брюки одинакового серого цвета, кремовую шелковую рубашку, модные черные ботинки, носки из темно-синего нейлона. Когда он развязывал узел клетчатого галстука, пальцы его нащупали золотую булавку с лошадиной головой. Он аккуратно вынул ее и подал Холдейну.

— Что делать с этим?

Но Холдейн заранее приготовил конверты для ценных вещей. В один из них он опустил булавку, запечатал конверт, сделал надпись и бросил на постель.

— Вы помыли голову?

— Да.

— У нас возникли проблемы с мылом восточногерманского производства. Боюсь, вам придется раздобыть себе его уже на месте. Как я понимаю, оно у них в дефиците.

— Ничего, разберусь. — Он уселся на кровать голый, если не считать часов на руке, наклонив-

шись вперед и скрестив свои крепкие руки на безволосых бедрах. Его светлую кожу стянуло от холода. Холдейн открыл чемодан, достал оттуда кипу одежды и несколько пар обуви.

По мере того как Лейсер облачался в каждую новую чужую вещь — в дешевые мешковатые брюки из грубой шерсти, расклешенные снизу и узкие в талии, в сильно поношенный пиджак с закругленными лацканами, в ботинки, имевшие странный коричневый оттенок, — он на их глазах превращался в какого-то другого человека, каким, вероятно, и был прежде. Его темно-русые волосы, не уложенные с помощью лосьона, потеряли форму, и в них стала видна седина. Он застенчиво смотрел на них, словно они узнали его секрет, с видом крестьянина, оказавшегося в обществе помещиков.

— Ну как я вам?

— Отлично, — ответил Эвери. — Ты выглядишь что надо, Фред!

— А если добавить галстук?

— Нет, галстук только все испортит.

Затем Лейсер перепробовал принесенные ботинки, каждый раз с трудом втискивая в них ноги в толстых шерстяных носках.

— Обувь польская, — сообщил Холдейн, пода-

вая ему очередную пару. — Поляки снабжают ботинками всю Восточную Германию. Вам лучше захватить с собой лишнюю пару. Никто не знает, как долго придется идти пешком.

Из своей комнаты Холдейн принес тяжелый портативный сейф и открыл его ключом.

Сначала он достал бумажник: потертый, коричневый, с пластиковым кармашком посередине, в котором лежало удостоверение личности Лейсера, изрядно захватанное пальцами и помятое. Оно располагалось в квадратном окошке так, чтобы фотография Лейсера смотрела наружу — фото, напоминавшее тюремное. Рядом были вложены проездные документы и письменное приглашение на работу из государственного кооператива судостроителей в Ростоке. Потом Холдейн опустошил второе отделение бумажника, чтобы потом вернуть каждую бумажку на место, поясняя ее назначение.

— Регистрация при центре распределения продуктов… Водительское удостоверение… Партийный билет. Кстати, с какого года вы член партии?

— С сорок девятого.

Он вложил в бумажник снимок женщины и несколько уже загрязненных пальцами писем,

часть из которых оставалась в конвертах.

— Любовная переписка, — коротко пояснил Холдейн.

Затем последовали и профсоюзный билет, вырезка из магдебургской газеты о росте производственных показателей местной промышленности, фотография Бранденбургских ворот (еще довоенная) и полуграмотная рекомендация, выданная бывшим работодателем.

— Так. С бумажником все, — сказал Холдейн. — Осталось добавить деньги. Прочие вещи у вас в рюкзаке. Кое-какие продукты и прочее.

Он достал из сейфа и подал Лейсеру пачку купюр. Лейсер стоял в покорной позе человека, которого обыскивают: руки отведены чуть в стороны, ноги широко расставлены. Взяв у Холдейна очередной предмет, он тщательно убирал его и снова принимал ту же позу. Затем расписался в получении денег. Холдейн внимательно проверил подпись, а затем спрятал расписку в черный портфель, который заранее поставил на столик чуть поодаль от всего остального.

Далее наступила очередь как раз тех мелочей, которые такой человек, как Хартбек, мог иметь при себе: связка ключей на цепочке — в том числе и ключ от чемодана, — расческа, носовой платок

цвета хаки, слегка испачканный машинным маслом, пара унций заменителя кофе в пакетике, свернутом из газеты, отвертка, моток тонкой проволоки и какие-то металлические детали. Словом, странный набор всякой всячины, какой мог таскать в карманах рабочий.

— Боюсь, часы придется тоже оставить, — сказал Холдейн.

Лейсер отстегнул золотой браслет и уронил часы в подставленную ладонь Холдейна. Тот выдал ему часы в простом стальном корпусе восточного производства и выставил на них время, сверяясь с будильником, стоявшим у изголовья кровати Эвери.

Потом Холдейн отошел назад.

— По-моему, полный порядок, — сказал он. — Теперь оставайтесь здесь и поройтесь в карманах. Запомните точно, где у вас лежит каждая вещь. Но больше ни к чему в комнате не прикасайтесь, понятно?

— Мне все это известно, — сказал Лейсер и посмотрел на золотые часы, лежавшие пока на тумбочке. Он взял нож и сунул черные ножны за пояс брюк сзади.

— А где мой пистолет?

Холдейн завел стальной язычок замка своего

портфеля за петлю и щелкнул им, как щелкают замком двери.

— Ты не возьмешь пистолет с собой, — сказал Эвери.

— Что значит, не возьму?

— Они так решили, Фред. По их мнению, это слишком опасно.

— Для кого?

— Это может вызвать опасные последствия. Я имею в виду, в политическом смысле. Направить в Восточную Германию вооруженного агента. Они боятся нежелательных инцидентов.

— Боятся? Они? — Он долго и пристально смотрел на Эвери, ища глазами на его молодом лице то, чего на нем заведомо не было. Потом он повернулся в Холдейну.

— Это правда?

Холдейн кивнул.

Внезапно Лейсер резко вытянул перед собой свои пустые ладони жестом нищего, просящего милостыню, его плечи затряслись под дешевым пиджаком, лицо исказило выражение, сочетавшее мольбу и страх.

— Пистолет, Джон! Вы не можете отправить меня туда без пистолета! Ради всего святого, позвольте мне взять его с собой!

— Прости, Фред.

С руками, все еще вытянутыми вперед, он повернулся к Холдейну:

— Вы сами не ведаете, что творите!

Леклерк, заслышав шум, поднялся наверх и встал в дверном проеме. Лицо Холдейна оставалось бесстрастным, как камень. Лейсер мог отбить об него все кулаки, но ничего не добился бы. Его голос упал до шепота:

— Что же вы со мной делаете? Господи, чего вы добиваетесь? — А потом выкрикнул, обращаясь к обоим: — Вы ненавидите меня, да? За что? Какое зло я вам причинил? Скажи, Джон, что такого я тебе сделал? Мы же были друзьями, или я заблуждался?

Когда Леклерк заговорил, тон его был очень спокойным, словно он намеренно желал подчеркнуть разделявшую их с Лейсером пропасть.

— В чем проблема?

— Он переживает из-за пистолета, — пояснил Холдейн.

— Боюсь, не в наших силах что-либо изменить. Вопрос вне нашей компетенции. Вы же знаете, как мы сами к этому относимся, Фред. Не можете не знать. Но это приказ. И ничего не попишешь. Разве вы забыли, как все обстояло в прежние

времена? — добавил он жестко, как человек, чье слово не расходится с делом. — Я не имею права оспаривать приказы. Чего же вы от меня хотите?

Лейсер помотал головой. Его руки упали вдоль тела. Казалось, силы покинули его.

— Ладно, пусть будет так. — Он смотрел на Эвери.

— Во многих отношениях нож даже предпочтительнее, Фред, — добавил Леклерк ему в утешение. — Бесшумное оружие.

— Да уж.

Холдейн собрал одежду Лейсера.

— Нужно сложить это в рюкзак, — сказал он и, бросив искоса взгляд на Эвери, вышел из комнаты, увлекая за собой Леклерка.

Лейсер и Эвери молча смотрели друг на друга. Эвери испытывал неловкость, видя его в таком истеричном состоянии. Потом Лейсер заговорил:

— Нас было трое. Капитан, ты и я. И тогда все складывалось отлично. Пусть тебя не тревожат другие, Джон. Они для меня не имеют значения.

— Это верно, Фред.

Лейсер улыбнулся.

— Для меня это была лучшая неделя в жизни, Джон. Мы славно повеселились. Но странно, не правда ли? Мы все время гоняемся за девушками,

а все решают мужчины, и только мужчины.

— Не надо так, Фред. Ты — один из нас. И всегда был. Все то время, что твоя карточка хранилась у нас, ты был для нас своим. Мы тебя не забыли.

— Как она выглядит?

— Их теперь две, скрепленные вместе. Одна старая, другая новая. Это такой длинный ящик. Активные агенты — так он у нас классифицирован. Твое имя первое в списке. Ты — лучший из всех, кто у нас есть.

Эвери даже мог сейчас себе его живо представить — индекс, который они якобы составили. Ему нетрудно было в него поверить, почти как в любовь.

— Но ты говорил, что там все в алфавитном порядке, — резко заметил Лейсер. — Ты сказал, что так раскладывают карточки лучших.

— Твоя и еще несколько всегда стоят в самом начале.

— И у вас есть люди по всему миру?

— Абсолютно везде.

Лейсер сдвинул брови, словно обдумывал нечто глубоко личное, готовясь принять решение, касавшееся только его одного. Он медленно оглядел голые стены комнаты, потом бросил взгляд на манжеты своего грубошерстного пиджака,

а затем смотрел уже только на Эвери. Почти неотрывно. Взяв его за запястье — это было лишь легкое прикосновение, а не стремление повести куда-то за собой, он тихо сказал:

— Дай мне что-нибудь. Чтобы я взял с собой. Что-то свое. Любую вещь.

Эвери порылся в карманах, достав носовой платок, несколько монет и тонкий кусочек сложенного пополам картона, который развернул. Это был снимок дочери Тейлора.

— Это твой ребенок? — спросил Лейсер, заглядывая ему через плечо и видя детское личико в очках. Он сильнее сжал руку Эвери. — Мне бы хотелось взять у тебя это.

Эвери кивнул. Лейсер вложил фотографию в бумажник, а потом взял свои часы — золотые, с черным циферблатом и окошком с фазами луны.

— А ты возьми их, — сказал он. — Возьми себе. Я все старался вспомнить в последнее время… Как я учился в школе. Она была похожа на два больших барака без всяких украшений. Только окна и водосточные трубы. В большую перемену мы гоняли мяч в огромном дворе. А за воротами начиналась дорожка, которая вела к церкви и к реке по другую ее сторону… — Он словно сам сейчас воссоздавал городок, складывая кирпич к

кирпичу собственными руками. — По воскресеньям мы заходили в церковь через боковую дверь. Детей пускали последними, понимаешь? — Вдруг на его лице появилась довольная улыбка. — Так вот, та церковь стояла фасадом на север. А вовсе не на восток.

Совершенно неожиданно он задал Эвери вопрос:

— И давно ты уже служишь, Джон? Я имею в виду в департаменте?

— В департаменте?

— Да.

— Четыре года.

— Сколько тебе было, когда они тебя взяли?

— Двадцать восемь. Моложе они никого не принимают.

— Но ты сказал мне, что тебе сейчас тридцать четыре года.

— Нас ждут внизу, — уклонился от ответа Эвери.

В комнате первого этажа на полу стояли рюкзак и чемодан из зеленого брезента с кожаными углами. Лейсер примерился к рюкзаку, подтягивая лямки, пока он не сел более или менее ровно на спине, как ранец немецкого школьника. Потом поднял чемодан, чтобы прикинуть суммарный

вес своего багажа.

— Я думал, будет хуже, — пробормотал он.

— Это самый минимум, — заверил его Леклерк.

Они почему-то все перешли на шепот, хотя подслушивать их не мог никто. Потом один за другим уселись в машину.

* * *

Обменявшись со всеми поспешными рукопожатиями, он пошел в сторону холма. Никто не произнес никаких напутственных слов. Даже Леклерк сдержался. Создавалось ощущение, что каждый мысленно уже давно попрощался с Лейсером. Последнее, что они увидели, был мягко подпрыгивающий рюкзак, постепенно растворившийся в темноте. У Лейсера всегда была размеренная и ритмичная походка.

18

Лейсер лежал в зарослях папоротника на вершине отрога холма и не сводил глаз с фосфоресцирующих цифр на своих новых часах. Ждать оставалось десять минут. С его ремня свисала цепочка с ключами. Он убрал ключи в карман. Звенья цепочки скользнули между его большим

и указательным пальцами, словно бусины четок. Некоторое время он повторял это движение. Прикосновение успокаивало, как воспоминание о детстве. Святой Христофор и ангелы его небесные, пожалуйста, уберегите нас от всех бед!

Прямо перед ним поверхность земли резко уходила вниз, а дальше снова выравнивалась. Он видел это прежде и потому знал. Но сейчас, вглядываясь перед собой, он не различал в темноте ничего. А что, если внизу болото? Дождь шел долго, в низине скапливалась вода. И он представил, как с огромным трудом пробирается по грудь в жиже с чемоданом над головой, а рядом повсюду свистят и хлюпают пули.

Он попытался разглядеть наблюдательную вышку на противоположном холме, но если она там и была, то совершенно потерялась на фоне густого черного леса.

Семь минут. Пусть шум тебя не волнует, сказали они. Ветер отнесет все звуки к югу. При таком ветре никто ничего не услышит. Беги рядом с тропинкой с южной стороны, а это значит — справа. Держись нового следа, протоптанного в папоротнике. Он узкий, но безопасный. Если с кем-то столкнешься, пускай в ход нож, но только, ради всего святого, не ступай на тропинку.

Рюкзак был тяжел. Слишком тяжел. Впрочем, и чемодан тоже. Он предъявил претензии Джеку — с Джеком можно было спорить.

«Лучше пусть будет тяжело, Фред, но с гарантией, — объяснил Джек. — Эти портативные передатчики капризны, как кокотки. На пятьдесят миль берут отлично, а на шестьдесят уже не тянут. Нам необходим запас для полной уверенности, Фред. Там, откуда мы получили этот передатчик, работают знающие ребята, уж ты мне поверь».

Осталась минута. Они выставили часы по будильнику Эвери.

Ему было страшно. И внезапно у него уже не осталось сил гнать эту мысль от себя. Вероятно, он уже слишком стар для таких дел. Слишком утомлен. Его лучшие годы позади. Тренировки измотали его. Он чувствовал, как сердце колотится в груди. Его тело не выдержит нагрузок, в нем слишком мало энергии. Он лежал и мысленно обращался к Холдейну: «Боже, капитан, разве вы не видите, что я больше никуда не гожусь? Тело уже не молодо и готово развалиться». Это он им и скажет. Он останется здесь, когда минутная стрелка совершит еще один оборот. Он будет здесь лежать, слишком отяжелевший, чтобы

двигаться. «Сердце подвело, — скажет он им. — В последний момент расшалилось. Со мной случился сердечный приступ. Разве я не предупреждал, что у меня слабое сердце? Как же так? Должен был предупредить. Вот оно и дало о себе знать, когда я лежал в тех папоротниках».

Он поднялся на ноги. Бросьте собаке хотя бы кость!

Беги вниз по склону холма, сказали они, при таком ветре никто ничего не услышит. Беги по склону как можно быстрее, потому что это единственное место, где тебя смогут заметить, если случайно бросят взгляд со сторожевой вышки. Только тогда оттуда сумеют различить твой смутный силуэт. Беги быстрее, пригибайся пониже, и скоро окажешься в безопасности. Добравшись до низины, ложись, восстанови дыхание и начинай ползти.

И он бежал как обезумевший. Поскользнулся и почти упал под тяжестью рюкзака; почувствовал, как собственное колено ударило в подбородок, а потом боль от прикушенного языка, но стоило ему подняться, как чемодан потащил его в сторону. Он снова едва не рухнул на тропу и в любой момент ждал взрыва противопехотной мины, но ничего не произошло. Он понесся дальше вниз,

почва уходила из-под ног, чемодан гремел, как старый автомобиль. Почему же они не разрешили ему взять пистолет? Боль разгоралась в груди костром, заползая под ребра, обжигая легкие. Он считал каждый шаг, слышал свой громкий топот, ощущал, как его тянут назад рюкзак и чемодан. Эвери ему лгал. Лгал все время. А вас, капитан, этот кашель когда-нибудь погубит. Вам лучше обратиться к врачу. У вас в груди словно натянута колючая проволока.

Лейсер ступил на ровный участок земли и снова упал, но остался лежать, громко дыша, как загнанный зверь, чувствуя только страх и пот, от которого насквозь промокла шерстяная рубашка. Прижавшись лицом к траве и выгнув спину, он просунул руку под живот и натянул лямку рюкзака. Потом он пополз вверх по склону другого холма, подтягивая себя вперед предплечьями и локтями, толкая перед собой чемодан и понимая все это время, что горб у него на спине поднимается выше уровня спасительных зарослей. Влага проникала через его одежду и вскоре уже почти струилась по его бедрам и коленям. Гнилостный запах заплесневелых листьев заполнял ноздри, ветки деревьев цеплялись за волосы. Казалось, все в природе будто сговорилось, чтобы

не пускать его дальше. Он посмотрел вверх вдоль склона и теперь отчетливо увидел вышку на фоне закрывавших горизонт деревьев. Внутри нее не светилось ни огонька.

Он лежал неподвижно. До башни было слишком далеко: ему никогда не добраться туда ползком. Часы показывали без четверти три. Смена караула скоро направится сюда с севера. Он отстегнул лямки рюкзака и встал, зажав его под мышкой. Взяв чемодан другой рукой, осторожно пошел вверх по склону, оставляя старую тропу слева от себя, не сводя глаз с напоминающих скелет очертаний вышки. И все равно она вдруг неожиданно оказалась прямо перед ним, как черное костлявое чудовище.

Вдоль гребня холма с шумом гулял ветер. Прямо над собой он слышал постанывание и стук старых досок, скрип оконной рамы. Колючая проволока оказалась протянутой не в один, а в два ряда, но стоило ему потянуть, как она снялась с креплений. Он перешел на другую сторону, снова поставил проволоку на место и вгляделся в лежавший перед ним лес. Даже в этот момент неописуемого ужаса, когда пот застилал ему глаза, а стук в висках заглушал шелест ветра в деревьях, он вдруг почувствовал глубочайшую и

искреннюю благодарность к Эвери и Холдейну, словно только сейчас начал понимать: они обманывали его ради его же блага.

А потом он увидел пограничника, чей силуэт был похож на мишень в тире, в десяти ярдах прямо перед собой. Он стоял спиной к Лейсеру на старой тропе с винтовкой через плечо, покачивая своим массивным телом из стороны в сторону, потому что переступал с ноги на ногу, не давая им замерзнуть от холода, исходившего от земли. Лейсер почувствовал сначала запах табака — он достиг его буквально через секунду, — а потом теплого кофе, который согревал, должно быть, как хорошее одеяло. Он опустил на траву рюкзак и чемодан, инстинктивно двинувшись вперед в сторону этого человека, — все как будто происходило в спортивном зале Хедингтона. Он почувствовал пальцем острый край металла и ощутил насечку рукоятки ножа. Под широкой шинелью солдат оказался совсем еще юным, почти мальчиком. Лейсер невольно поразился, заметив, насколько страж границы молод. Он убил его быстро, одним ударом ножа, как убегающий человек стреляет в толпу, — с лихорадочной поспешностью, не столько чтобы уничтожить кого-то, сколько движимый инстинктом само-

сохранения. Поспешность его действий усугублялась желанием двигаться вперед как можно быстрее, а равнодушие — привычкой устранять препятствия со своего пути.

— Вы видите что-нибудь? — уже во второй раз спросил Холдейн.

— Нет. — Эвери передал ему бинокль. — Он просто растворился в темноте.

— Не заметили света в сторожевой вышке? Они бы включили лампу, если бы хоть что-то услышали.

— Нет, но я смотрел в сторону Лейсера, — ответил Эвери.

— Вам следует называть его Майской Мушкой, — подал голос стоявший позади Леклерк. — Даже Джонсону теперь известна его настоящая фамилия.

— Я уже забыл ее, сэр.

— Впрочем, он уже все равно на той стороне, — сказал Леклерк и пошел к машине.

Они возвращались в полном молчании. А когда вошли в дом, Эвери вдруг почувствовал на плече дружеское прикосновение и обернулся, ожидая увидеть за спиной Джонсона, но уперся взглядом в худощавое лицо Холдейна. Его выражение заметно изменилось, став умиротворенным, как у

человека, только что оправившегося от долгой болезни, на нем не осталось ни следа свойственной ему прежде страдальческой муки.

— Я не горазд на похвалы, — сказал Холдейн.

— Вы думаете, что он перебрался благополучно?

— Вы отлично поработали. — Он улыбнулся.

— Мы бы точно услышали, если бы что-то случилось, верно? Выстрелы, крики, свет прожектора?

— Да, теперь мы уже ничего не можем сделать. Все отлично. — Он зевнул. — Предлагаю лечь спать пораньше. Сейчас нам нечем себя занять. До завтрашнего вечера, само собой.

В дверях он остановился и, не обернувшись, сказал:

— Знаете, все это представляется не совсем реальным. На войне все было предельно ясно. Им приказывали, и они шли на задание. А почему пошел он, а, Эвери? Джейн Остин считала деньги и любовь властителями нашего мира. Но ведь Лейсер пошел не из-за денег.

— Вы же сами сказали, что нам не дано этого узнать. Как раз в тот вечер, когда он позвонил.

— Мне он говорил о ненависти. Ненависти к немцам, но я ему не поверил.

— Но вот он ушел. Мне казалось, что больше для вас ничто не имеет значения. Вы же не принимаете такое понятие, как «мотив», — тоже ваши слова.

— Он сделал это не из чувства ненависти. По крайней мере это нам известно. Тогда что же он такое на самом деле? Он сейчас на самой грани, как умирающий на смертном одре. О чем же он в такой момент думает, что у него на уме?

— Не надо так о нем говорить.

— А! Вот в том-то и дело. — Холдейн снова повернулся к Эвери, причем умиротворенное выражение не покидало его лица. — Когда мы впервые с ним встретились, он был человеком без любви. Объяснить вам, что такое любовь? Или вы сами знаете? Впрочем, скажу все равно: любовь — это нечто, что вы еще можете предать. Вот почему в нашей профессии ей нет места. Зато других людей мы не заставляем ничего для нас делать силой. Мы даем им возможность обрести любовь. И с Лейсером это случилось тоже, не правда ли? Если можно так выразиться, он женился на нас из-за денег, а оставил по любви. Он обрел «второе дыхание», дал второй обет верности. Я только не уловил момента, когда это с ним произошло.

— Что вы имеете в виду? Из-за каких денег?

— Трактуйте это в расширенном смысле. Из-за всего, что могли ему дать мы. А он отдал нам свою любовь. Кстати, я заметил у вас на руке его часы.

— Я просто храню их до его возвращения.

— Вот как? Что ж, спокойной ночи. Или правильнее уже будет сказать, доброе утро? — Он рассмеялся. — Как быстро теряешь чувство времени. — А потом заметил, как будто уже разговаривал сам с собой: — Цирк охотно помогал нам. Очень странно. Хорошо бы выяснить почему.

Лейсер тщательно вытер лезвие ножа. Загрязненное лезвие следовало немедленно очистить. На старой лодочной станции он поел и выпил из фляжки немного бренди. «После этого, — говорил Холдейн, — придется переходить на подножный корм. Вы не сможете бродить там с банками западной ветчины и с фляжками французского бренди». Он открыл дверь и вышел на причал, чтобы умыться водой из озера.

В темноте вода казалась совершенно ровной и неподвижной. Ее поверхность напоминала гладкую, без единой морщинки кожу, чуть скрытую вуалью плавающего сверху серого тумана. Лейсер мог видеть камыши у противоположного берега. Ветер, который с наступлением рассвета начал

стихать, едва шевелил ими, почти не задевая воды. Позади озера виднелись тени невысоких холмов. Он почувствовал себя отдохнувшим и успокоившимся. Но внезапно содрогнулся, вспомнив об убитом юнце.

Он зашвырнул банку из-под консервов и пустую уже фляжку как можно дальше в озеро, и, как только они упали в воду, из камышей лениво вспорхнула цапля. Наклонившись, он поднял с берега плоский камень и пустил его вдоль поверхности воды. Он оставил три «блина», прежде чем пошел ко дну. Кинул еще один, но тот утонул сразу. Вернувшись в сарай лодочной станции, Лейсер взял рюкзак и чемодан. В правой руке он ощущал сильную боль: по всей видимости, она была вызвана тяжестью чемодана. Откуда-то издалека донеслось мычание коров.

Лейсер направился на восток вдоль тропы, проходившей берегом озера. Ему нужно было уйти как можно дальше до восхода солнца.

По пути он миновал, должно быть, с полдюжины деревенек. Ни в одной не проглядывало ни признака жизни и стояла почти полная тишина, потому что здесь не гулял даже самый легкий ветерок. Ему не встречалось никаких дорожных указателей, ни единой мало-мальски

новой постройки. Он заметил это как-то совершенно внезапно. Вот откуда бралось ощущение полнейшего покоя. Ничего нового годами, десятилетиями. На деревенских улицах отсутствовали даже фонарные столбы. Не попадалось вывесок баров или магазинов. Здесь царила равнодушная ко всему тишина, что Лейсера вполне устраивало. Он погружался в нее, как человек погружается в ласковые волны моря, ощущая прохладу и спокойствие, нарушаемое посещавшими его то и дело воспоминаниями об убитом мальчишке. Потом он заметил отдельно стоявший фермерский дом. От дороги к нему вела длинная тропа. Лейсер остановился. На полпути к дому кто-то оставил мотоцикл с переброшенным через сиденье старым плащом. Кругом не было ни души.

Из очага слегка потягивало дымком.

— Когда, вы сказали, у них первый выход на связь? — спросил Эвери. Он задавал этот же вопрос совсем недавно.

— По словам Джонсона, в двадцать два двадцать. Но мы начнем сканировать эфир часом раньше.

— А я думал, он будет работать на фиксированной частоте, — пробормотал Леклерк без особого интереса.

— Он может случайно начать не с того кристалла. Такое случается, когда находишься в состоянии стресса. Так что вполне разумно проверять несколько частот сразу.

— Сейчас он должен быть еще в пути.

— А где Холдейн?

— Спит.

— Не понимаю, как можно спать в такое время? Уже скоро наступит день.

— Не могли бы вы что-то сделать с этой печкой? — спросил Леклерк. — Уверен, она не должна так чадить. — Он замотал головой, словно стряхивая с волос капли воды, и продолжал: — Джон, от Филдена поступило очень интересное донесение. О передвижении войск в районе Будапешта. Вероятно, когда вернетесь в Лондон… — Он осекся, словно потерял нить своих рассуждений, и нахмурился.

— Вы уже упоминали об этом, — мягко сказал Эвери.

— Да, потому что вам просто необходимо ознакомиться с ним.

— С превеликим удовольствием. Звучит интригующе.

— Правда? Мне тоже так показалось.

— Очень интересно.

— А знаете, — Леклерк внезапно сменил тему, как если бы внутри его что-то щелкнуло, — они так пока и не решили вопрос с пенсией для той несчастной женщины.

Он сидел на мотоцикле очень прямо, расставив локти, как делал это за столом. Шум мотора казался ужасающе громким, подменяя собой безмятежную тишину рассвета, эхом отражаясь от холодных холмов и разгоняя в стороны от дороги кур. Плечи у плаща были подшиты кожей, а длинные полы стрекотали о спицы задних колес, когда Лейсер вписывался в очередной поворот проселка. Солнце уже полностью взошло.

Скоро нужно будет поесть. Он сам не понимал, отчего чувствовал такой голод. Вероятно, от напряженных усилий. Да, точно от усилий. Он непременно поест, но только не в ближайшем городке, нет, не в нем. Не в том кафе, куда мог заходить убитый юноша, куда редко заглядывают незнакомцы.

И он мчался вперед. Но голод не унимался. Лейсер почти не мог думать ни о чем другом. Его рука чуть ли не сама собой ослабила нажим на рукоятку газа, он подался вперед, свернул на дорожку, ведущую к какой-то ферме, и остановился.

Дом выглядел очень старой развалюхой, за

которой никто не пытался ухаживать. На переднем дворе густо разрослась трава, местами примятая колесами телег. Забор почти полностью отсутствовал. Огородные грядки остались невозделанными, и было понятно, что ждать урожая с них не приходится.

В кухонном оконце мерцал свет. Лейсер постучал в дверь. Его рука все еще слегка вибрировала в такт тряске мотоцикла. Никто не вышел открывать. Он постучал еще раз, и сам стук теперь немного даже напугал его. Ему померещилось, будто он заметил в окне лицо, причем оно было похоже на лицо юного солдата, когда он падал на землю. Хотя это могло быть всего лишь отражением раскачивавшейся ветки дерева.

Лейсер быстрым шагом вернулся к мотоциклу, с ужасом понимая теперь, что его голод был и не голодом вовсе, а чувством бесконечного одиночества. Ему нужно где-то прилечь и отдохнуть. «А ведь я забыл, как это бывает, как воздействует на тебя», — подумалось ему. И он поехал дальше — до ближайшего леса, где лег на землю. Разгоряченное лицо холодили листья папоротника.

Очнулся он уже вечером. В полях все еще было светло, но лес, где он прилег, быстро погружался в сумрак, и в какие-то считаные минуты красные

стволы сосен у него на глазах превратились в темные колонны.

Он отряхнул со своей одежды листву и зашнуровал ботинки. Они были ему очень тесны в подъеме, но разносить их шанса ему не дали. Он поймал себя на том, что думает о людях, пославших его сюда. Им не было дела до неудобной обуви. И он не мог не вспомнить знакомое когда-то ощущение той пропасти, что разделяла тех, кто уходил, и тех, кто оставался, как бездна между живыми и мертвыми.

Лейсер с трудом водрузил на спину рюкзак, ощутив резкую боль, когда лямки снова легли в те места на плечах, где уже успели стереть кожу до крови. Взяв чемодан, он через поле вышел на проселок к мотоциклу. До Лангдорна оставалось километров пять. Как он и предполагал, город лежал по другую сторону большого холма — первый из трех городов на его маршруте. Уже скоро возможна неприятная встреча с дорожным патрулем. Но в то же время уже скоро он сможет поесть.

Теперь он ехал медленно, положив чемодан поперек коленей, непрерывно вглядываясь вперед, напрягая зрение, чтобы заранее разглядеть красные огни и группу людей, проверяющих

транспорт. За одним из поворотов он заметил слева от себя дом, в окне которого виднелся плакат с изображением кружки пива. Когда он свернул во двор, на звук мотоциклетного мотора из двери вышел старик. Лейсер поставил мотоцикл на опорный треножник.

— Мне хотелось бы пива и колбасы, — сказал он. — Можете покормить меня?

Старик провел его внутрь и усадил за стол в большой комнате, откуда через окно Лейсер мог видеть свой мотоцикл. Ему принесли бутылку пива, немного нарезанной колбасы и кусок черного хлеба. Старик поставил все это перед ним, но не ушел, встав рядом и наблюдая, как он ест.

— Куда путь держите? — Нижнюю половину худого лица скрывала борода.

— На север. — Лейсеру эта игра показалась знакомой.

— А сами из каких мест?

— Какой город здесь рядом?

— Лангдорн.

— Далеко?

— Пять километров.

— Там есть где заночевать?

Старик пожал плечами. Это был жест не отрицания или равнодушия, а движение, исполненное

негатива, словно, так или иначе, ничто и никогда не сможет закончиться благополучно ни для одного из них.

— Дорога туда хорошая? — спросил Лейсер.

— Нормальная.

— Мне говорили, что есть объезд коротким путем.

— Никаких объездов здесь нет и быть не может, — ответил старик, причем таким тоном, словно наличие объезда давало хоть какую-то надежду, могло согреть хозяина или гостя в этой сырой и мрачной по углам комнате.

— А ведь вы с востока, — заявил вдруг старик. — Слышно по голосу.

— У меня родители с востока, — подтвердил Лейсер. — Кофе есть?

Старик принес ему кофе — очень черный и совершенно безвкусный.

— Вы из Вильмсдорфа, — констатировал он. — У вас на мотоцикле тамошний номер.

— Много нынче клиентов? — спросил Лейсер, поглядывая на дверь.

Старик помотал головой.

— Мало машин на дороге, правильно я понял?

Поскольку старик промолчал, Лейсер продолжил:

— У меня друг живет рядом с Калькштадтом. Это далеко отсюда?

— Не очень. Километров сорок. Неподалеку от Вильмсдорфа убили мальчишку-солдата.

— У него тоже свое кафе. На северной окраине. Называется «Кот в сапогах». Не слыхали?

— Нет.

Лейсер понизил голос.

— У него там недавно случилась беда. Большая драка. Русские солдаты, расквартированные в городе, сцепились между собой.

— Уходите, — сказал старик.

Лейсер хотел с ним расплатиться, но у него не было ничего мельче пятидесяти марок.

— Уходите, — мрачно повторил старик.

Лейсер поднял с пола рюкзак и чемодан.

— Ты старый дурак, — сказал он грубо. — За кого, интересно, ты меня принял?

— Вы либо плохой, либо хороший человек. И то и другое опасно. Уезжайте отсюда.

Поста на дороге не оказалось. Он и сам не заметил, как уже катил по самому центру Лангдорна. К этому времени совсем стемнело. Свет на улицы приникал только сквозь щели в ставнях домов и тускло отражался от камней мостовой. Машин не попадалось вообще. Вот почему Лейсера опять

начал тревожить треск его одинокого мотоцикла, звучавший среди тишины так, как если бы кто-то начал играть на трубе посреди пустынной рыночной площади. Во время войны люди здесь, должно быть, ложились спать рано, чтобы сохранить тепло в домах. Возможно, эта привычка сохранилась.

Настала пора избавиться от мотоцикла. Он проехал через весь городок, нашел заброшенную церковь и оставил его у полуразрушенного входа в ризницу. Вернувшись в центр, направился к вокзалу. Даже кассир был обряжен в нечто вроде мундира.

— Один билет до Калькштадта.

Кассир протянул через окошко руку. Лейсер достал из бумажника купюру и отдал ему. Кассир нетерпеливо затряс рукой. На какое-то время мозг отказался служить Лейсеру, и он лишь тупо смотрел то на трясущиеся перед ним пальцы, то на искаженное злобой и подозрительностью лицо за решеткой окошка.

Внезапно кассир заорал:

— А удостоверение личности?

Лейсер с извиняющимся видом заулыбался.

— Ох, я такой рассеянный, — жалким тоном произнес он и снова открыл бумажник, чтобы

стало видно его удостоверение с фотографией.

— Достаньте его из бумажника, — распорядился кассир.

Лейсер наблюдал, как он внимательно изучает его снимок под светом настольной лампы.

— Разрешение на поездку!

— Да, конечно. — Лейсер протянул ему еще один документ.

— Почему вы следуете в Калькштадт, если вам нужно попасть в Росток?

— Наш кооператив в Магдебурге отправил в Калькштадт по железной дороге партию механизмов. Тяжелые турбины и станки. Их необходимо смонтировать.

— А как вы добрались сюда?

— На попутных машинах.

— Но подвозить посторонних запрещено.

— Значит, мне повезло. Мир не без добрых людей и в наши дни.

— В какие это «наши дни»? — Мужчина прижал лицо к стеклу кассы и посмотрел вниз на руки Лейсера. — Что это у вас там за железки?

— Просто цепочка с ключами.

— Значит, вы направляетесь для установки оборудования? А подробнее?

— Мне было поручено сначала все выяснить по

пути. Наши партнеры в Калькштадте и так уже напрасно ждут шесть недель. Доставка почему-то задержалась.

— И что же?

— Мы послали запрос… В железнодорожное ведомство.

— Вам ответили?

— В том-то и дело, что ответ к нам так и не пришел.

— Вам придется час подождать. Поезд отходит только в шесть тридцать. — Пауза. — Слышали новость? Рядом с Вильмсдорфом убили паренька, — сообщил он затем. — Свиньи! — И он подал Лейсеру сдачу.

Идти ему было некуда. Сдать багаж в камеру хранения он не отважился. Не зная, чем себя занять, полчаса шатался по городу, а потом вернулся на вокзал. Поезд опаздывал.

— Вы оба заслужили самую высокую оценку, — сказал Леклерк, благодарно кивнув сначала Холдейну, потом Эвери. — Вы тоже, Джонсон. Но теперь никто из нас ничего уже не сможет сделать. Все в руках Майской Мушки. — Последовала особая улыбка, адресованная Эвери. — Как насчет вас, Джон? Вы что-то совсем притихли. Как по-вашему, пошел вам на пользу этот опыт? — И

он добавил со смешком, обращаясь к остальным: — Надеюсь, нам не придется переживать из-за развода по нашей вине. Мы обязаны поскорее вернуть вас домой, к жене.

Леклерк сидел на краю стола, аккуратно сложив маленькие ручки на колене. Когда Эвери ничего не ответил, он почти с радостным видом объяснил:

— Кэрол намекнула мне, Адриан, что у молодых супругов могут возникнуть нелады.

Холдейн улыбнулся, словно его тоже забавляла эта мысль.

— Уверен, что до этого не дойдет, — сказал он.

— Между прочим, наш Эвери произвел большое впечатление и на Смайли. Нужно проследить, чтобы они его у нас не увели.

19

Когда поезд прибыл в Калькштадт, Лейсер дождался, пока остальные прибывшие пассажиры покинули платформу. На проверке билетов стоял пожилой дежурный. С виду он казался человеком добродушным.

— Я разыскиваю знакомого, — обратился к нему Лейсер. — Его фамилия Фритцше.

Дежурный наморщил лоб.

— Фритцше?

— Да.

— А имя?

— Не знаю.

— Тогда хотя бы сколько ему лет? Какого он возраста?

— Примерно сорок, — сказал Лейсер наугад.

— Фритцше, и он работал на нашей станции?

— Да. Он еще жил в небольшом домике у реки. Старый холостяк.

— У него был собственный дом? А работал на железной дороге?

— Да.

Дежурный покачал головой.

— Никогда о таком не слышал. — Он пристально всмотрелся в Лейсера. — Вы уверены?

— Так он мне сказал. — Лейсер сделал вид, что припоминает подробности. — Он в последний раз прислал мне письмо в ноябре… Еще жаловался, что фопо закрыли станцию.

— Вы ненормальный, — сказал дежурный. — Ступайте своей дорогой. Доброй ночи.

— Доброй ночи, — отозвался Лейсер.

Уходя, он спиной чувствовал, как мужчина провожает его тяжелым взглядом.

На главной улице города нашлась гостиница

под названием «Старый колокол». Лейсер подождал у стойки в вестибюле, но никто не вышел. Тогда он открыл служебную дверь и вошел в большую комнату, дальний угол которой был погружен почти в полный мрак. За столом перед старым граммофоном сидела девушка. Она наклонилась вперед, спрятав лицо в ладонях, и слушала музыку. Единственная голая лампочка горела у нее над головой. Когда пластинка закончилась, она переставила иглу в начало, даже не поднимая глаз.

— Мне нужен номер, — сказал Лейсер. — Я только что приехал из Лангдорна.

По всей комнате стояли чучела птиц — цапель, фазанов и зимородка.

— Мне нужен номер, — повторил он.

Музыка была танцевальная, но уже очень старая.

— Обратитесь в службу регистрации.

— Но там никого нет.

— У них все равно не найдется для вас номера. Им не разрешают селить таких, как вы. Рядом с церковью есть общежитие. Вам лучше остановиться там.

— А где эта церковь?

С преувеличенно громким вздохом она остано-

вила пластинку, но Лейсер понял: она довольна, что есть с кем поговорить.

— Ее разбомбили, — объяснила она. — Но мы все равно говорим о ней так, словно она осталась на прежнем месте. Хотя уцелела только колокольня.

Лейсер помолчал.

— Но ведь у вас наверняка есть номера здесь, верно? Гостиница большая. — Он поставил рюкзак в угол и сел за стол рядом с ней. Провел рукой по своим густым, но сейчас немного иссохшим волосам.

— У вас усталый вид, — заметила девушка.

Внизу на его синих брюках еще с самой границы присохла грязь.

— Я провел весь день в дороге. Устанешь тут.

Она поднялась из-за стола с неторопливым чувством собственного достоинства и пошла в другой, темный угол комнаты, откуда деревянная лестница вела наверх, где тоже горел свет. Девушка окликнула кого-то, но никто не отозвался.

— Хотите «штайнхегер»? — спросила она из полумрака.

— Да.

Она вернулась с бутылкой и стаканом. На ней был плащ — тяжелый, коричневый, военного

покроя, с погончиками и накладными плечами.

— Откуда вы? — спросила она.

— Из Магдебурга. Но еду на север. Нашел работу в Ростоке. — Сколько еще раз ему предстоит повторять это? — А в этом общежитии… В нем можно получить отдельную комнату на одного?

— Да, если захотите.

Света было так мало, что он не сразу сумел как следует разглядеть ее. Но постепенно она из тени превратилась в живого человека. Ей было лет восемнадцать — высокая и широкая в кости, хорошенькое личико, которое портила только плохая кожа. Того же возраста, что и мальчишка-солдат. Даже, быть может, чуть старше.

— А вы здесь кто? — спросил он.

Она промолчала.

— В смысле чем здесь занимаетесь?

Она взяла его стакан и отхлебнула джина, настороженно глядя на него поверх края стекла, как это делают красавицы в кино. Потом медленно поставила стакан на стол, не сводя глаз с Лейсера, и неожиданно прикоснулась сбоку к его волосам. Ей, видимо, казалось, что ее жесты имеют для него какой-то смысл. Но Лейсер лишь спросил:

— И давно вы здесь?

— Два года.

— И что же вы делаете?

— Сделаю все, что вы захотите, — ответила она совершенно серьезно.

— У вас бывает много работы?

— Ни черта. Здесь никого не бывает.

— А молодые парни?

— Очень редко.

— Солдаты?

Она ответила не сразу:

— Иногда солдаты. А вам известно, что задавать такие вопросы запрещено?

Лейсер отпил еще «штайнхегера» прямо из горлышка бутылки.

Она взяла его стакан и принялась вертеть в руке.

— Что творится в этом городе? — спросил он. — Я хотел приехать сюда шесть недель назад, но меня не пустили. Сказали, что Калькштадт, Лангдорн и Волькен — все закрыты. Что тогда здесь происходило?

Она кончиками пальцев стала ласкать его руку.

— Что здесь происходило? — повторил он вопрос.

— Никто ничего не закрывал.

— Да ладно врать-то, — рассмеялся Лейсер. —

Они меня и близко сюда не подпустили, говорю же вам! Патрули на всех дорогах сюда и в сторону Волькена. — А сам думал: двадцать минут девятого, всего два часа до первого сеанса связи.

— Ничего не было закрыто, — возразила она и внезапно с любопытством спросила: — Значит, вы приехали с запада? Долго шли по дороге. Примерно такого, как вы, сейчас разыскивают.

Лейсер поднялся.

— Мне лучше пойти в то общежитие. — Он положил на стол деньги.

Девушка прошептала:

— У меня есть своя комната. В новом жилом доме позади Фриденсплатц. Там живут рабочие. Им на все плевать. Я делаю, что хочу.

Лейсер помотал головой и, взяв свой багаж, направился к двери. Она по-прежнему смотрела на него, и он знал: она его подозревает.

— До свидания, — сказал он.

— Я никому ничего не скажу. Возьми меня с собой.

— Я заказал «штайнхегер», — пробормотал Лейсер. — Мы с тобой ни о чем не разговаривали. Ты все время слушала музыку.

В этот момент им обоим стало страшно.

— Да, я слушала музыку, — повторила за ним

девушка. — Все время.

— И эти города не закрывали, ты уверена? Лангдорн, Волькен, Калькштадт. Шесть недель назад?

— Зачем кому-то могло понадобиться их закрывать?

— Даже железнодорожную станцию?

— Про станцию я ничего не знаю, — ответила она, а потом заговорила очень быстро: — Но район действительно закрывали на три дня в ноябре. Никто не знает почему. И приезжали русские военные. Человек пятьдесят. Их расквартировали в городе. Примерно в середине ноября.

— Пятьдесят? А какая-нибудь техника?

— Только грузовики. По слухам, к северу отсюда проходили учения. Останься у меня на эту ночь! Или разреши пойти с тобой. Я пойду куда угодно.

— Какого цвета у них были погоны?

— Не помню.

— Откуда их прислали?

— Это были новобранцы. Некоторые из самого Ленинграда. Двое братьев.

— А куда они отправились потом?

— На север. Послушай, никто ничего не узнает. Я не из болтливых. И я тебе позволю все, что захочешь.

— В сторону Ростока?

— Да, они сказали, что едут в Росток. Но нам запретили об этом рассказывать. Люди из партийного комитета специально обходили все дома.

Лейсер кивнул. Его прошиб пот.

— До свидания, — сказал он еще раз.

— А если завтра? Завтра вечером? Я сделаю все очень хорошо. Что только пожелаешь.

— Возможно. Никому ничего не говори, поняла?

Она закивала в ответ.

— Не скажу. Мне нет ни до чего дела. Спроси, как найти Хоххауз позади Фриденсплатц. Квартира номер девятнадцать. Приходи в любое время. Я открою дверь. Только звони два раза. Тогда соседи будут знать, что это ко мне. Денег не надо. Будь только очень осторожен. Кругом рыщет полиция. Под Вильмсдорфом убили молодого пограничника.

Он легко нашел рыночную площадь, потому что к ней, казалось, сходились все улицы города. Отсюда было легче искать колокольню церкви и общежитие. В темноте он различал фигуры поспешно проходивших мимо людей. На многих было нечто похожее на мундиры и военные фуражки, оставшиеся, видимо, еще со времен войны. Иногда в свете тусклых уличных фонарей

ему удавалось мельком разглядеть лица, и он искал в их замкнутых безрадостных чертах нечто, что мог бы возненавидеть. Он даже пытался мысленно подстегивать себя: ты должен ненавидеть, например, вот этого — он как раз подходит по возрасту. Но и эти мысли не пробуждали в нем ожидаемых эмоций. Вероятно, в другом городе, в ином месте он найдет тех, кого сумеет возненавидеть. Здесь почему-то не получалось. Эти были либо старыми, либо вообще никакими. Бедными и одинокими, как он сам. Он вдруг без всякой причины вспомнил вышку на границе, свою мастерскую после одиннадцати вечера, момент, когда он заколол пограничника, совсем еще юного. Даже моложе, чем Эвери.

* * *

— Он уже должен быть там, — сказал Эвери.

— Верно, Джон, он уже должен был туда добраться. Остался всего час. «Остался последний рывок…» — Он попытался запеть, но его никто не поддержал.

Они молча смотрели друг на друга.

— Слышали что-нибудь об «Эйлиес-клубе»? — неожиданно спросил Джонсон. — Что рядом с Вилльерс-стрит? Там собираются многие из

нашей прежней команды. Вам надо зайти туда как-нибудь вечерком, когда вернемся домой.

— Спасибо, — сказал Эвери. — Я с удовольствием зайду.

— Там особенно хорошо под Рождество, — продолжал Джонсон. — Мое любимое время. Народу собирается больше обычного. Кое-кто даже специально надевает мундиры.

— Звучит заманчиво.

— А в Новый год они устраивают семейное торжество. Вы могли бы прийти вместе с женой.

— Отлично.

— Или с какой-нибудь подружкой, — подмигнул ему Джонсон.

— У меня нет подружек, кроме Сэры, — сказал Эвери.

Зазвонил телефон. Леклерк поднялся, чтобы снять трубку.

20

Возвращение

Лейсер поставил рюкзак и чемодан на пол и оглядел стены. Электрическая розетка располагалась рядом с окном. Замка в двери не было, и ее пришлось подпереть стулом. Сняв ботинки,

он лег на кровать. Вспомнил прикосновения пальцев девушки к своей руке, нервные подергивания ее губ. Но припомнил и лукавый взгляд из полумрака, следивший за ним, и ему оставалось только гадать, как скоро она его выдаст.

Потом перед ним возник образ Эвери. Какими теплыми и по-английски сдержанными были их отношения в самом начале! Он вспомнил его молодое лицо, блестевшее от дождя, застенчивый близорукий взгляд, когда он протирал стекла своих очков, и подумал: он наверняка сказал, что ему тридцать два. Это я ослышался.

Лейсер посмотрел на потолок. Через час ему надо будет установить антенну.

Комнату ему выделили просторную, но почти пустую, с округлой мраморной раковиной умывальника в одном из углов. Вниз от нее вела единственная труба, и Лейсер молил бога, чтобы она сгодилась для заземления. Он открыл кран и дал воде немного стечь, с облегчением обнаружив, что она холодная, потому что, по словам Джека, с горячими трубами иметь дело было рискованно. Он достал нож и осторожно соскреб краску с задней стороны трубы. Заземление имело огромное значение, говорил Джек. Если другого выхода нет, учил он, положи провод

зигзагом под ковер, причем сделай его той же длины, какой будет антенна. Но никакого ковра в номере не было. Только бы труба сгодилась! Ни ковра, ни занавесок на окнах.

У одной из стен стоял гардероб с раздвижными дверцами. Когда-то здесь, должно быть, располагался приличный отель. Пахло турецким табаком и дешевым освежителем воздуха. Стены покрывала серая штукатурка. По ней темными пятнами расплывалась сырость, которая, однако, распространилась не повсюду. Дом обладал каким-то таинственным свойством во многих местах оставаться совершенно сухим. Вот и по потолку странным образом проходила абсолютно сухая полоса. И все же местами штукатурка потрескалась или покрылась слоем белесой плесени. Там, где она уже успела отвалиться, маляр заделал дыры алебастром, и по всей комнате, особенно ближе к углам, виднелись более светлые нашлепки. Лейсер внимательно оглядывал стены, одновременно вслушиваясь в малейшие звуки, доносившиеся снаружи.

Украшением комнаты служила картина, изображавшая крестьян в поле, которые пахали землю плугом на конной тяге, хотя где-то на горизонте маячил силуэт трактора. Лейсер снова как будто

услышал мягкий голос Джонсона, говорившего об антеннах: «Если ее нельзя вывести наружу, это превращается в большую головную боль. Придется как-то выходить из положения внутри помещения. Делается это так: натягиваешь ее зигзагом поперек комнаты в футе от потолка. Длина должна равняться четверти длины твоей волны. Разверни каждый виток как можно шире, Фред, но так, чтобы она не проходила параллельно каким-нибудь металлическим балкам, другим проводам и тому подобному. И ни в коем случае не позволяй хотя бы одному ее отрезку повернуться в обратную сторону, Фред, или ты сам себя поимеешь в одно место». Непременная грубая шутка с сальным подтекстом в конце — так уж работали мозги у простого человека: подобное легче запоминается.

«Я прикреплю ее к раме картины, а потом протяну в противоположный угол. Штукатурка мягкая. В нее легко будет воткнуть гвоздь», — раздумывал Лейсер. Он еще раз осмотрелся в поисках гвоздя или штыря и заметил бронзовые крепления карниза, к которому когда-то подвешивали шторы. Он встал и отвинтил головку с задней части своего станка для бритья. Она имела обратную резьбу, что считалось чуть ли не гениальным

изобретением: человек случайный, попытавшись отвинтить крышку, только затянул бы ее еще туже. Из отверстия в ручке он извлек лоскут тончайшего шелка, который нежно разгладил на колене своими сильными пальцами. Достал из кармана карандаш и принялся затачивать его, сидя неподвижно на краю кровати, чтобы лоскут шелка оставался в неизменном положении. При этом грифель у него дважды ломался, стружка с карандаша сыпалась на пол к его ногам. Потом он начал писать в блокноте печатными буквами, какими многие заключенные пишут письма женам. Каждый раз, поставив точку, обводил ее кружком — этому его научили много лет назад.

Как только донесение было составлено, он провел черту после каждых двух слов, а под отсеченной парой поставил номер из той таблицы, которую заучил наизусть. Порой ему приходилось прибегать к помощи почти детского стишка, придуманного для облегчения запоминания, а иногда он путался и стирал написанное, чтобы начать еще раз. Закончив, он разделил столбцы цифр на группы по четыре и нашел для каждой соответствие на лоскуте шелка. В завершение работы перевел цифры снова в слова, записал полученное и еще раз разделил на группы по

четыре слова.

Страх, как боль старой раны, скручивал низ живота, и при каждом чудившемся ему звуке он тревожно вскидывал голову в сторону двери, а рука с карандашом замирала над строчкой. Но на самом деле он не слышал ничего. Только поскрипывали доски в стенах старого дома, как скрипит обшивка парусного корабля на волнах.

Лейсер внимательно изучил окончательный текст донесения, понимая, что получилось слишком длинно. Будь он хоть немного искуснее в подобных вещах, работай его голова в этих условиях хотя бы немного быстрее, он бы нашел способ внести сокращения. Но как раз сейчас он не чувствовал себя в состоянии сделать это. К тому же его учили, что лучше внести в донесение одно-два лишних слова, чем быть неверно понятым на другом конце. У него набралось сорок две группы.

Лейсер отодвинул стол от окна и поставил на него чемодан. С помощью одного из ключей на цепочке отпер замки, не уставая возносить молитвы, чтобы ничто не сломалось в дороге. Он открыл коробку с запасными частями и дрожащими пальцами ощупал шелковый мешочек с кристаллами, привязанный зеленым шнурком к

петле. Ослабив шнурок, высыпал кристаллы на грубое одеяло, покрывавшее кровать. Каждый из них был помечен рукою Джонсона — сначала шла частота, а под ней единичный порядковый номер в расписании смен сигнального плана. Лейсер выложил их по прямой линии, с силой вдавив в толстую шерсть одеяла, чтобы они лежали ровно. С кристаллами все обстояло проще всего. Он подошел к двери и проверил, надежно ли держится спинка стула. Та легко выскользнула из-под ручки, стоило ему немного нажать. Стул не давал ему никакой защиты. Лейсер вспомнил, как во время войны для подобных целей им выдавали специальные металлические клинья. Вернувшись к чемодану, он подсоединил передатчик и приемник к кабелю питания, подключил наушники и отвинтил ключ азбуки Морзе, крепившийся к крышке коробки с запчастями. А потом он увидел это.

С внутренней стороны к крышке чемодана был приклеен лист бумаги с полудюжиной слов и их эквивалентами на азбуке Морзе напротив каждого. Это были стандартные международные закодированные фразы, которые Лейсер никак не мог запомнить.

И как только он увидел эти буквы, выведенные

ровным почерком почтового служащего, который отличал Джонсона, ему на глаза навернулись слезы благодарности. «А ведь он ничего не сказал мне, — подумал Лейсер, — ни словом не обмолвился, что сделал это». Джек был молодчиной, ничего не скажешь. Джек, капитан и молодой Джон Эвери — вот это парни, с которыми горы своротишь. Вот это команда! А ведь человек мог за всю свою жизнь не встретить никого подобного. Он постарался унять эмоции, вцепившись руками в край стола. Его немного трясло, вероятно, от холода. Промокшая рубашка прилипла к лопаткам. Но он был совершенно счастлив. Вновь бросив взгляд на стул, подпиравший дверь, подумал: «Как только я надену наушники, все равно не смогу услышать, как за мной придут, как тот мальчик не слышал моего приближения из-за шума ветра».

Затем он подсоединил антенну и заземление, дотащил провод заземления до трубы и обмотал зачищенный участок в два оборота, закрепив сверху клейкой лентой. Встав на кровать, натянул поперек потолка антенну с восемью изгибами зигзага, как учил Джонсон, примотав ее как можно крепче к карнизу с одной стороны и зафиксировав бронзовым крючком в штукатурке

стены с другой. Покончив с этим, снова взялся за прибор, поставив рукоятку длины волны на четверку, поскольку помнил, что все его частоты находились в пределах диапазона трех мегагерц. Взял с кровати лежавший первым в ряду кристалл и вставил его в гнездо, располагавшееся в дальнем левом углу передатчика, а потом принялся за настройку, бормоча что-то себе под нос в такт каждому движению. Он перевел лимб селектора кристаллов на отметку «использовать любые кристаллы», подсоединил катушку с обмоткой, подогнал к одинаковому значению — десятке — анодный стержень и регулятор антенны.

Он чуть замялся, стараясь вспомнить, что следовало сделать дальше. Мозг, как это порой с ним случалось, словно блокировало. «УМ. Разве ты не помнишь, что такое УМ?» Лейсер переустановил счетчик метрового диапазона на цифру три, чтобы включить сеточный ток усилителя мощности… СПТ в положении «настройка». Постепенно он все вспомнил. Вернул метровый счетчик на шестерку, чтобы прибор получал полноценное электропитание… А анодный стержень отвел назад до минимальных значений.

Теперь СПТ следовало переключить в положение «передача». Он коротко нажал на ключ, засек

показания приборов и переналадил положение антенны и анода. Потом повторил эту процедуру несколько раз, пока не увидел, как стрелка показаний настройки заняла положенное место в окошке — а именно в его белом секторе. Это значило, что передатчик и принимающая антенна были синхронизированы и он мог начинать разговор с Джоном и Джеком.

Лейсер откинулся назад, удовлетворенно улыбаясь, закурил сигарету и пожалел, что она не английская. Если они ворвутся сюда сейчас, им будет совершенно все равно, какую марку он курит. Он посмотрел на часы и завел пружину до упора. Больше всего на свете сейчас его пугало, что они могут остановиться. Время на них было выставлено по будильнику Эвери, и это служило ему необъяснимым источником спокойствия — как если бы разлученные любовники смотрели одновременно на одну и ту же звезду.

Он убил того мальчишку.

Три минуты до начала.

Лейсер отвинтил ключ Морзе от крышки коробки с запасными частями, поскольку иначе пользоваться им оказалось бы для него весьма затруднительно. Но Джек сказал, что только так и надо, что это правильно, что большой роли такие

вещи все равно не играют. Но ему все же приходилось придерживать подставку ключа левой рукой, чтобы она не скользила по поверхности стола. Джек однажды заметил это, посмеялся, но заверил, что у каждого радиста нашлась бы своя причуда. Вот только, как ни разуверял его Джек, Лейсер сохранил твердую уверенность, что ключ ему выдали меньше того, каким он привык пользоваться на войне. Частички белой присыпки налипли на рычажок. Он отставил локоть в сторону и выпрямил спину. Средний палец правой руки крючком обхватил рукоятку. ДжАДж — мой первый позывной, подумал он. «Джонсон — моя фамилия, и зовут меня Джек, легко запомнить». И Эвери тоже зовут на Дж.: Джон Эвери. И он начал выстукивать. Точка, три тире, точка, тире, точка, три тире. При этом ему вспоминался тот дом в Голландии. Только сейчас никого рядом не было.

«Выдай это дважды, Фред, и выходи из эфира». Он переключился на прием, отодвинул листок бумаги со своим текстом чуть дальше и вдруг понял, что ему нечем и не на что записать сообщение Джека, когда он выйдет на связь.

Он вскочил на ноги и стал лихорадочно искать глазами блокнот и карандаш. Пот мгновенно выступил на спине. Их нигде не было видно. Опу-

стившись на четвереньки, он принялся шарить рукой по толстому слою пыли под кроватью. Нащупал карандаш, но блокнота там не оказалось. Поднимаясь, он уже слышал потрескивания в наушниках. Бросился к столу и прижал один из наушников к виску, в то же время подтягивая к себе прежний лист бумаги, чтобы в крайнем случае записать сообщение на полях собственного текста.

«QSA3: слышим вас хорошо» — это все, что они ему передали.

— Успокойся, парень, успокойся, — пробормотал он сам себе вслух, сел на стул, переключился на передачу, посмотрел на свое кодированное сообщение и выстучал цифру сорок два по числу получившихся у него групп. Его ладонь была покрыта пылью и потом, правая рука болела, видимо, от тяжести чемодана. Или от удара, нанесенного тому юнцу.

Времени у тебя будет более чем достаточно, говорил Джонсон. Мы будем слушать, а тебе уже не экзамен на скорость сдавать придется. Он достал из кармана носовой платок и стер грязь с ладоней. Им овладела невыносимая усталость — форма физического отчаяния с оттенком того чувства вины, когда собираешься заняться

любовью, но едва способен на это. Группы по четыре буквы, сказал Джонсон. Думай о словах из четырех букв, понял, Фред? (Здесь Джонсон снова прибегнул к вульгарному намеку на самое распространенное английское ругательство.) Не нужно выдавать все сразу, Фред, делай остановки посередине, если понадобится. Две с половиной минуты на первой частоте — вот как мы будем действовать. Две с половиной минуты с точностью до секунды. «Миссис Хартбек» подождет, я уверен. Он провел карандашом жирную линию под девятым словом, потому что именно в нем располагалась метка безопасности. Хотя это было последнее, что тревожило его сейчас.

Лейсер прижал руки к лицу, собрал остатки воли в кулак, а потом взялся за ключ и начал передачу. «Держи кисть расслабленной, указательный и средний пальцы поверх ключа, большой под его головкой. Кисть не должна касаться стола, Фред. Дыши размеренно, Фред, и сам убедишься, как это важно».

Боже, почему его рука двигалась так медленно? Лейсер снял пальцы с ключа и беспомощно осмотрел свою ладонь. Левой рукой провел по лбу, чтобы пот не заливал глаза, и сразу почувствовал, как ключ пополз по столу. Его кисть

была слишком напряжена — кисть той руки, которой он убил паренька. Он все время повторял это про себя: точка, точка, тире, а потом «К». Это он помнил всегда — просто точка между двумя тире. Его губы проговаривали слова по буквам, но рука не слушалась. Он чувствовал себя заикой, который заикался тем сильнее, чем больше хотел сказать. А в голове был только образ того юного солдатика, того мальчишки. Возможно, он передавал все же быстрее, чем ему казалось. Он утратил ощущение времени. Пот попадал в глаза, и он больше не успевал стирать его. Он продолжал проговаривать губами точки и тире, хотя знал, что Джонсон был бы недоволен. Джонсон хотел, чтобы он озвучивал не точки и тире, а музыкальное «ди-даа-даа», как поступали профессионалы. Но ведь это не Джонсон убил того юношу. Сердце его стучало намного быстрее, чем работал ключ. Рука, казалось, отяжелела, но он продолжал посылать сигналы, потому что ничего другого ему не оставалось, он мог делать только это, до тех пор пока его тело откажется ему служить. Он уже ждал их прихода, почти хотел, чтобы они схватили его — ну, возьмите же меня! — ждал топота сапог в коридоре. Помоги мне, Джон, помоги же мне!

Завершив наконец передачу, он вернулся к кровати. И почти с полным безразличием увидел нетронутый ряд кристаллов на одеяле, неподвижных, но готовых к работе, выложенных в нужном порядке и пронумерованных. Они лежали на боку, как мертвые пограничники.

Эвери посмотрел на часы. Четверть одиннадцатого.

— Он должен начать передавать через пять минут, — сказал он.

Внезапно заговорил Леклерк:

— Гортон только что позвонил. Он получил телеграмму из министерства. Очевидно, у них для нас есть какие-то новости. Они отправляют сюда курьера.

— Что это может быть? — спросил Эвери.

— Думаю, все дело в Венгрии. Как-то связано с докладом Филдена. Возможно, мне придется вернуться в Лондон. — Он довольно улыбнулся. — Но, думаю, вы, парни, здесь и без меня управитесь.

Джонсон сидел в наушниках, подавшись вперед на принесенном из кухни деревянном стуле с высокой спинкой. Темно-зеленый передатчик стоял рядом с издававшим негромкий гул сетевым трансформатором, подсвеченный изнутри диск настройки бледно мерцал в полумраке чер-

дака сеновала.

Холдейн и Эвери расположились на жесткой неудобной скамье. Джонсон положил перед собой блокнот и карандаш. Он чуть приподнял наушники и сказал стоявшему рядом Леклерку:

— Я проведу его через все положенные операции, сэр. По возможности буду информировать вас о том, что происходит. На всякий случай его передача будет записываться еще и на магнитофон.

— Это я уже понял.

Они ждали в молчании. И внезапно — для них это стало мгновением чистейшей магии — Джонсон резко выпрямился, бросил в сторону остальных резкий кивок и включил магнитофон. Он улыбнулся, быстро переключился на передачу и стал выстукивать ключом, произнося вслух:

— Давай же, Фред. Слышу тебя прекрасно.

— Он сумел! — прошипел Леклерк. — Он уже у цели! — Его глазки сияли от возбуждения.

— Ты слышишь, Джон? Ты действительно его слышишь?

— Нам лучше соблюдать тишину, — напомнил Холдейн.

— Вот, начинается, — сказал Джонсон. Он говорил ровным спокойным тоном. — У него сорок

две группы.

— Сорок две! — повторил Леклерк.

Тело Джонсона замерло в полной неподвижности с чуть склоненной набок головой. Все его внимание теперь сосредоточилось на наушниках, лицо в тусклом свете казалось бесстрастным.

— Мне сейчас нужна полная тишина, сделайте одолжение.

Примерно две минуты его хорошо поставленная рука быстро водила карандашом по блокноту. Время от времени он бормотал что-то чуть слышно, шептал или покачивал головой, пока передача на глазах не сделалась более медленной. Его карандаш то и дело замирал, хотя он продолжал слушать, а потом стал лишь выводить каждую букву с выматывающей душу тщательностью. Он посмотрел на часы.

— Все, Фред, довольно, — вслух произнес он. — Давай, меняй частоту. Уже почти три минуты.

Но передача продолжалась, буква за буквой, и на невзрачном лице Джонсона появилось выражение неподдельной тревоги.

— Что происходит? — громко спросил Леклерк. — Почему он не поменял частоту?

Но Джонсон лишь продолжал твердить:

— Уходи из эфира, ради бога, Фред, отключай-

ся.

Леклерк в нетерпении коснулся его руки. Джонсон приподнял один из наушников.

— Почему он не меняет частоту? Почему продолжает передавать?

— Не иначе, как он забыл! Во время тренировок никогда не забывал. Я знал, что он будет работать медленно, но чтобы так! Господи! — Он машинально продолжал записывать. — Пять минут, — пробормотал он потом. — Пять треклятых минут. Да замени же ты этот паршивый кристалл!

— Вы можете напомнить ему? — спросил Леклерк взволнованно.

— Конечно же, нет. Как? Он не способен передавать и принимать одновременно!

Теперь они сидели или стояли, парализованные страхом. Джонсон повернулся к ним и произнес с жалобой и отчаянием в голосе:

— Я же повторял ему, я беспрестанно вдалбливал ему это в башку. То, что он сейчас делает, — чистой воды самоубийство! — Он посмотрел на часы. — Он передает непрерывно уже почти шесть минут. Вот ведь идиот, идиот, идиот!

— Что они предпримут? — спросил Холдейн.

— Если засекут передачу? Подключат к перехва-

ту вторую радиостанцию. Зафиксируют линии, а потом это вопрос элементарной тригонометрии, если он будет торчать в эфире так долго. — От беспомощности Джонсон застучал ладонью по поверхности стола, глядя на передатчик, словно именно он стал источником всех проблем. — Даже дети смогут его вычислить, имея два компаса. Боже всемогущий! Прекрати, Фред. Господом молю! Прекрати!

Он записал еще несколько букв, а потом отшвырнул карандаш.

— Все это и так будет на пленке!

Леклерк повернулся к Холдейну.

— Но мы же наверняка можем что-то сделать.

— Хранить тишину, — отозвался Холдейн.

Передача прекратилась. Джонсон отстучал подтверждение приема со злостью, почти ненавистью. Потом отмотал назад магнитофонную ленту и взялся за расшифровку. Положив перед собой листок с кодами, он работал без перерыва минут около пятнадцати, по временам делая какие-то вычисления на клочке оберточной бумаги, подвернувшемся под руку. Все молчали. Закончив, Джонсон поднялся на ноги, машинально демонстрируя уважение к начальству.

— В донесении говорится: «Район Калькштадта

был закрыт три дня в середине ноября, когда пятьдесят советских военнослужащих неизвестного рода войск прибыли в город. Никакой спецтехники с ними не было. Ходили слухи об учениях к северу от города. Далее контингент отправился в Росток. Фритцше не знают, повторяю, не знают на железнодорожной станции в Калькштадте. Дороги на Калькштадт не перекрыты».

Джонсон швырнул листок на стол.

— А потом следуют пятнадцать групп, в которых я ни хрена не могу разобрать. Думаю, он окончательно запутался в кодировке.

В Ростоке сержант фопо снял трубку телефона. Это был уже немолодой мужчина — седеющий и вечно погруженный в свои мысли. Послушав немного, он начал одновременно набирать номер на другом аппарате.

— Должно быть, какой-нибудь мальчишка балуется, — сказал он, продолжая набор. — На какой частоте, вы сказали? — Он поднес вторую трубку к уху и быстро заговорил в нее, трижды повторив данные о частоте. Потом положил одну трубку и вместе со второй перешел в соседнюю комнату.

— Из Витмара с вами свяжутся через минуту, — сказал он. — Они пытаются взять пеленг. Вы все

еще слышите его?

Капрал кивнул в ответ. Сержант передал ему трубку.

— Это не может быть простой радиолюбитель, — пробормотал он. — Слишком грубое нарушение всех правил. Но тогда кто это? Ни один шпион в здравом уме не станет вести подобной передачи. На какой частоте он работает? Она ближе к гражданским или к военным частотам?

— Близко к военным. Очень близко.

— Странно, — сказал сержант. — Но с другой стороны, все сходится. Так они действовали во время войны.

Капрал упер взгляд во вращающиеся катушки магнитофона.

— Он все еще передает. Группами по четыре.

— По четыре? — Сержант принялся рыться в памяти, пытаясь вспомнить что-то из далекого прошлого. — Дай-ка мне послушать. Нет, ты только подумай, какой кретин! И медлителен, как дитя.

Звуки наконец задели какую-то струну в его памяти — эти зажеванные паузы и точки, короткие, словно простые щелчки. Он мог поклясться, что ему знакома эта рука… Знакома с военных времен в Норвегии… Но нет. Ни одна передача

не велась тогда так медленно. Это было не в Норвегии. Быть может, во Франции? Вероятно, всего лишь игра воображения. Да, ему лишь почудилось, определенно.

— Как дитя или глубокий старик, — заметил капрал.

Зазвонил телефон. Сержант слушал всего секунду, а потом рванул с места и побежал во всю прыть. Он выскочил из корпуса дежурных и по асфальтированной дорожке устремился к офицерской столовой.

Русский капитан пил пиво, повесив китель на спинку стула. Вид у него был скучающий.

— Что вам угодно, сержант? — спросил он, давно усвоив покровительственный, снисходительный тон.

— Он появился. Человек, о котором нас предупреждали. Тот, кто убил молодого пограничника.

Капитан мгновенно поставил кружку с пивом на стол.

— Вы перехватили его?

— Мы взяли пеленг. Совместно с коллегами из Витмара. Передает группами по четыре. Очень медленная рука. Из района Калькштадта. Использует частоту, близкую к одной из наших

собственных. Зоммер ведет запись на магнитофон.

— Вот ведь чертовщина, — тихо сказал капитан.

Сержант лишь нахмурил брови.

— Что он здесь ищет? Зачем они послали его сюда? — спросил он.

Капитан уже застегивал пуговицы кителя.

— Задайте этот вопрос людям в Лейпциге. Быть может, им и это известно?

21

Было уже очень поздно. Огонь в камине у Шефа пылал ровно, но он все равно недовольно и по-женски неловко ковырялся в нем кочергой. Он терпеть не мог работать по ночам.

— Вызывают в министерство, — раздраженно сказал Шеф. — В такой-то час! Нет, это никуда не годится. С какой стати им там приходить в состояние agitato[37] в четверг ночью? Так ведь можно испортить себе все выходные. — Он поставил кочергу на место и вернулся за стол.

— Они почему-то пришли в чудовищный ажио-

---

[37] Примечания: 37

Шеф прибегает к итальянскому музыкальному термину, означающему «взволнованность».

таж. Какой-то идиот заговорил о «кругах на воде». Чего только людям не померещится по ночам. И, знаете, я стал ненавидеть телефоны.

Перед ним стояло сразу несколько аппаратов.

Смайли предложил ему сигарету, и Шеф взял ее, даже не взглянув, словно хотел показать, что больше не несет ответственности за движения своих конечностей.

— В какое министерство вас вызвали? — спросил Смайли.

— В леклерковское. Вы хотя бы смутно представляете, что происходит?

— Конечно, — ответил Смайли. — А вы разве нет?

— Леклерк так вульгарен! Да, я вынужден признать, что считаю его вульгарным. Он почему-то продолжает думать, что мы соперничаем друг с другом. Хотя как я могу конкурировать с его странной милицией? Они же рыщут по Европе в поисках любых передвижных прачечных. И после этого он боится, что я хочу его поглотить!

— А разве не хотите? Зачем же тогда вы аннулировали тот паспорт?

— И все же, что за глупец! Недалекий и вульгарный человек. И как только может Холдейн работать у него?

— Просто у него когда-то была совесть. И, как и нам всем, ему приходится с этим уживаться.

— Уж не шпилька ли это в мой адрес?

— Чего хочет от нас министерство? — уклонился от ответа Смайли.

Шеф взял со стола пачку бумаг и потряс ими в воздухе.

— Вы видели, что пришло из Берлина?

— Да, прислали час назад. Американцы перехватили передачу и отследили ее. Группы по четыре. Примитивная буквенная кодировка. Они утверждают, что радист находится в районе Калькштадта.

— Это еще где?

— К югу от Ростока. Передача велась шесть минут на одной и той же частоте. Они говорят, что поначалу даже приняли это за шалости какого-то радиолюбителя. Передатчик еще военного образца. Вот они и прислали запрос: не имеем ли мы к этому отношения?

— И что вы ответили? — быстро спросил Шеф.

— Что не имеем, разумеется.

— И правильно сделали. Боже милостивый!

— Вы не кажетесь чересчур озабоченным, — заметил Смайли.

Шеф, казалось, унесся мыслями куда-то в дале-

кое прошлое.

— Мне доложили, что Леклерк сейчас в Любеке. Вот действительно прекрасный город. Я обожаю Любек. Министерство хочет, чтобы мы отправили вас туда немедленно. Я заверил, что вы уже в пути. Встретитесь с ними там. — И он добавил уже очень серьезно: — У вас нет выхода, Джордж. Вы обязаны поехать туда. Мы сваляли большого дурака. Все восточногерманские газеты уже трубят об этом. О предстоящей мирной конференции и саботаже с нашей стороны. — Он кивнул в сторону телефонов. — И министерство вне себя. Господи, как же мне надоели эти чиновничьи морды!

Смайли наблюдал за ним с откровенным скептицизмом.

— Мы имели возможность остановить их, — сказал он. — У нас было для этого достаточно информации.

— Конечно, могли, — без тени смущения признал Шеф. — А знаете, почему мы не сделали этого? Из чистого и самого дурацкого христианского милосердия. Мы решили позволить им немного поиграть в войну, если им того хотелось. Но вам пора в дорогу. И, Смайли…

— Да? Что такое?

— Обойдитесь с ними помягче. — А потом добавил своим капризным тоном: — И все равно, я ревную их к Любеку. Там есть этот ресторан. Не помню названия. Ну, в нем еще любил бывать Томас Манн. Такой интересный.

— Ничего подобного там не происходило, — усмехнулся Смайли. — В ресторан, который вы имеете в виду, угодила бомба. И Томас Манн туда не заглядывал ни разу.

Но Смайли не ушел и после этого.

— У меня остались вопросы, — сказал он. — Вы мне так и не расскажите всего, верно? Но вопросов осталось много.

На Шефа в этот момент он даже не смотрел.

— Что на вас нашло, мой дорогой Джордж?

— Мы все отдали им на откуп и якобы даже помогли. С просроченным паспортом… С курьерской службой, которая бы им заведомо не понадобилась… С антикварной рацией… С документами, с данными о положении на границе… А кто подсказал Берлину прослушивать эфир и даже подбросил нужные частоты? Мы ведь сами снабдили Леклерка кристаллами, верно? Это тоже были акты христианского милосердия? Самого чистого и дурацкого милосердия?

Шеф был в шоке.

— На что это вы намекаете? Какое подлое коварство! Ни один нормальный человек не способен пасть так низко!

Смайли надевал пальто.

— Доброй вам ночи, Джордж, — сказал Шеф, а потом вдруг продолжил порывисто, словно охваченный эмоциями: — Доброго пути. Вот только не забывайте о разнице между нашими службами. Мы нужны отечеству! И не моя вина, что они никак не хотят признать поражение и сгинуть.

* * *

Наступал рассвет, но Лейсер не спал. Он хотел принять душ, но не осмеливался выйти в коридор. Он вообще не решался двигаться. Если его уже разыскивали, он знал, что не должен дергаться. Ему следовало уйти из общежития тихо, а не бежать из него сломя голову еще до восхода солнца. Никогда не беги, учили его, двигайся, слившись с общим потоком. Растворись в толпе. Он сможет уйти в шесть. Это было разумное время. Он потер подбородок ладонью, почувствовав острую грубую щетину.

Он был голоден и не знал, что делать дальше, но бежать не собирался.

Лейсер повернулся на постели, вытащил из-

за пояса нож и поднес его к глазам. Его трясло мелкой дрожью. Лоб жгло, как в приступе начинавшейся лихорадки. Он смотрел на нож и вспоминал, как легко и непринужденно они обсуждали его: большой палец сверху, лезвие параллельно земле, предплечье напряжено. «Уходите, — сказал ему старик. — Вы либо плохой, либо хороший человек. И то и другое опасно». Как ему следовало держать нож, когда люди разговаривали с ним подобным образом? Так же, как когда он всадил его в того паренька?

Шесть часов. Он поднялся с кровати. В ногах ощущались тяжесть и напряжение. Плечи до сих пор болели от лямок рюкзака. Он заметил, что его одежда пропахла сосновой хвоей и заплесневелыми листьями, соскреб высохшую грязь с брюк и надел другую пару ботинок — с виду совершенно новую.

Потом он спустился вниз и стал разыскивать того, с кем следовало расплатиться. Новые башмаки поскрипывали на ходу. В холле сидела только старуха, перекладывавшая чечевицу из одной банки в другую и разговаривавшая со своим котом.

— Сколько с меня причитается?

— Нужно заполнить бланк, — сказала она

зло. — Это первое, что с вас причиталось. Сразу по заселении.

— Уж простите меня, забыл.

Она оглядела его, бормоча ругательства, но не повышая голоса.

— Вы разве не знаете, что это запрещено — останавливаться на ночлег в городе и не регистрироваться в полицейском участке? — Она только сейчас заметила его новенькие ботинки. — Или вы такой богатый, что для вас правила не писаны?

— Простите меня, — повторил Лейсер. — Дайте мне бланк, и я заполню его сейчас. Я вовсе не богат.

Женщина замолчала, снова занявшись своей чечевицей.

— Откуда вы? — спросила она затем.

— С востока, — ответил Лейсер, хотя хотел сказать, что он с юга, из Магдебурга, или с запада, из Уильмсдорфа.

— Вам надо было отметиться вчера вечером, а теперь уже поздно.

— Сколько мне заплатить?

— И заплатить вы не можете, — ответила пожилая женщина. — Теперь уже не важно. Вы же не заполнили бланк. Интересно, что бы вы сказали,

если бы вас поймали?

— Что провел ночь с девушкой.

— На улице пошел снег, — сказала старуха. — Не испортите свою новую обувку.

Ветер действительно носил в воздухе жесткие снежинки, которые собирались в трещинах между камнями мостовой, лепились к теплой штукатурке домов. Это был неуютный, бессмысленный снегопад — снежинки быстро таяли там же, куда падали.

Лейсер пересек Фриденсплатц и увидел новый желтый жилой дом в шесть или семь этажей — первую новостройку будущего крупного квартала. На балконах вывесили для просушки белье, которое теперь покрывал тонкий слой снега. На лестнице пахло едой и бензином явно российского происхождения. Квартира оказалась на третьем этаже. Он слышал плач младенца и звуки радио. На мгновение у него возникла мысль повернуться и уйти, потому что его присутствие могло стать опасным для этих людей. Но он тем не менее дважды нажал на кнопку звонка, как сказала девушка. Не до конца еще проснувшаяся, она сама открыла дверь. Поверх хлопчатобумажной ночной рубашки был накинут плащ, который она сжимала у горла, чтобы под воротник не

проникал стоявший на лестнице холод. Увидев его, она несколько растерялась, явно не зная, что делать, словно он принес ей дурные вести. Он тоже молчал и просто стоял перед ней; в руке его из стороны в сторону покачивался чемодан. Потом она сделала ему знак головой, и он прошел за ней по коридору до ее комнаты, где поставил чемодан и рюкзак в угол. Стены были увешаны плакатами, звавшими в путешествия, с пальмами на островах и с луной над поверхностью океана. Они упали на постель, и она накрыла его всей тяжестью своего тела, слегка дрожа, не в силах скрыть своего страха.

— Я хочу спать, — сказал он. — Дай мне сначала выспаться.

— Он угнал мотоцикл в районе Вильмсдорфа, — сказал русский капитан, — расспрашивал о каком-то Фритцше на станции. Что он будет делать дальше?

— У него состоится еще один сеанс связи. Сегодня вечером, — предположил сержант. — Если ему есть о чем сообщить.

— В то же время?

— Нет, разумеется. И не на той же частоте. Не из того же места. Он может отправиться в Витмар, или в Лангдорн, или в Волькен. Может добраться

даже до Ростока. Но не исключено, что останется у нас в городе, но сменит дом. Или не станет ничего передавать вообще.

— Сменит дом? Кто посмеет дать пристанище шпиону?

Сержант пожал плечами, словно и сам был бы не прочь. Слегка обиженно капитан спросил:

— Почему вы считаете, что он ведет передачи из дома? Быть может, он выходит на связь из леса или даже с поля? Откуда такая уверенность?

— Сигнал очень стойкий. Он использует мощный аппарат. От батареи такой мощности не получишь. По крайней мере от переносного аккумулятора. Он подключается к электрической сети.

— Оцепите город, — распорядился капитан. — Прочешите каждый дом.

— Но ведь он нужен нам живым, — возразил сержант, разглядывая свои руки. — Да и вам тоже.

— Тогда скажите мне сами, как лучше поступить.

— Сделать так, чтобы он вышел на связь наверняка. Это первое. И удержать его в пределах города. Это второе.

— Каким образом?

— Действовать придется оперативно.

— Я спрашиваю: что для этого необходимо?

— Введите в город войска. Все подразделения, какие только сможете собрать. Танки, пехоту. Впрочем, это не так важно. Создайте видимость активности. Заинтересуйте его. Но как можно быстрее!

— Я скоро уйду, — сказал Лейсер. — Не позволяй мне оставаться. Только налей мне кофе, и я уйду.

— Кофе?

— У меня есть деньги. — Лейсер произнес это так, словно больше у него ничего не было. — Вот.

Он выбрался из постели, достал из пиджака бумажник и вытянул из тугой пачки сотенную купюру.

— Возьми себе.

Но она вдруг выхватила у него бумажник и со смехом высыпала его содержимое на одеяло. У нее была манера поведения, как у нескладного котенка, в которой проскальзывало что-то безумное и инстинктивное. Он наблюдал за ней, никак не реагируя, а только лишь проводя пальцами по ее обнажившемуся плечу. Она заметила фотографию женщины — блондинки с округлым лицом.

— Кто она? Как ее зовут?

— На самом деле ее не существует, — ответил

он.

Она взялась за письма и стала читать одно из них вслух, откровенно смеясь над наиболее сентиментальными пассажами.

— Кто она? — продолжала дразнить она Лейсера. — Кто она такая?

— Говорю же, ее не существует.

— Так, значит, я могу их порвать? — Она взялась за письмо обеими руками, держа его прямо перед ним и ожидая его возражений. Лейсер молчал. Она слегка надорвала листок, все еще глядя на него, а потом порвала пополам, как поступила и со вторым, и с третьим.

Потом она обнаружила фотокарточку ребенка — девочки в очках лет, вероятно, восьми или девяти и снова спросила:

— А это кто? Это твоя дочка? Хотя бы она существует?

— Нет, не моя. Это не более чем просто фотография.

Она порвала и ее тоже, разметав мелкие клочки по постели драматическим жестом, а потом повалилась на него, целуя в лицо и шею.

— А ты кто такой? Как тебя зовут?

Он уже готов был ей все рассказать, когда она неожиданно отпихнула его от себя.

— Нет! — воскликнула она. — Нет. Не надо! — Потом понизила голос: — Я хочу, чтобы у тебя ничего не было. Даже имени. Ты должен отделиться от всего. Только ты и я. Мы придумаем себе новые имена, будем жить по иным законам. И никого больше, вообще никого, даже отца с матерью. Мы станем печатать свои газеты, пропуска, продуктовые карточки, создадим новых людей. — Она шептала, и глаза ее сияли восторгом.

— Ты — шпион, — сказала она, прижавшись губами к его уху. — Ты секретный агент. И у тебя есть пистолет.

— Нож бесшумнее, — отозвался он, а она продолжала смеяться без остановки, пока не заметила синяки у него на плечах от лямок рюкзака. Она прикоснулась к ним с любопытством и уважительным страхом, с каким ребенок прикасается к чему-то уже мертвому.

Она ушла, захватив корзину для покупок и все еще сжимая рукой ворот плаща. Лейсер оделся, побрился под холодной водой, глядя на свое вдруг постаревшее лицо в чуть кривоватом зеркале над раковиной. Она вернулась почти в полдень и казалась до крайности встревоженной.

— Город переполнен солдатами. Армейскими грузовиками. Что им здесь понадобилось?

— Быть может, они кого-то разыскивают?

— Но они лишь расселись повсюду и пьют пиво.

— Что за солдаты?

— Я не знаю. По-моему, русские. Откуда мне знать?

Он подошел к двери.

— Я вернусь через час.

— Ты хочешь сбежать от меня, — сказала она, ухватив его за рукав и уже, кажется, готовая закатить сцену.

— Я правда вернусь. Быть может, немного позже. Вероятно, ближе к вечеру. Но если я вернусь…

— Что тогда?

— Это будет опасно. Мне придется… Придется кое-что сделать здесь у тебя. Сделать нечто опасное.

Она поцеловала его легкомысленно и бездумно сказала:

— Обожаю опасность.

— Четыре часа, — сказал Джонсон, — если он еще живой.

— Разумеется, живой, — огрызнулся Эвери. — Как у тебя язык поворачивается?

— Не будьте ослом, Эвери, — вмешался Хол-

дейн. — Это чисто профессиональный термин. Активный агент или уже разоблаченный. Живой или мертвый. Это не имеет никакого отношения к его физическому состоянию.

Леклерк чуть слышно выстукивал пальцами дробь по поверхности стола.

— С ним все будет хорошо, — заверил он. — Фред не из тех, кого легко убить. Он человек старой закалки. — Было заметно, что с наступлением нового дня Леклерк приободрился. Он посмотрел на часы. — Какого дьявола этот курьер все еще не появился, хотел бы я знать!

Лейсер смотрел на солдат, моргая, как человек, вышедший из мрака на свет. Они действительно буквально заполонили все кафе, глазели на товары в витринах магазинов, провожали глазами каждую девушку. По периметру площади были припаркованы грузовики с колесами, покрытыми густым слоем красноватой глины, с коркой снега на крыльях. Он пересчитал машины. Их было девять. У некоторых сзади были установлены мощные крюки для буксировки тяжелой техники. На местами облупившихся дверях виднелись либо надписи на кириллице, либо эмблема и номер воинской части. Он обратил внимание на нашивки водителей, на их погоны и понял, что

их собрали из разных родов войск.

Пройдя до главной улицы, он заглянул в кафе и заказал выпить. Полдюжины солдат с хмурыми лицами сидели за столом, деля между собой три бутылки пива. Лейсер улыбнулся им, но это вышло похожим на заигрывание старой шлюхи. Он поднял в приветствии сжатую в кулак руку, но они посмотрели на него, как на умалишенного. Оставив свой стакан недопитым, он вернулся на площадь. Мальчишки стайками обступали грузовики, но шоферы почти сразу отгоняли их.

Он обошел почти весь город, заглянул в десяток кафе, но с ним никто не вступал в разговоры, потому что он везде был чужаком. И почти повсюду группами сидели или стояли солдаты, недовольные и мрачные, как люди, которые не знали, зачем их сюда пригнали.

Он поел сосисок, выпил «штайнхегера» и добрался до станции проверить, что происходит там. Тот же мужчина сидел теперь за окошком кассы, наблюдая за ним, но уже без подозрительности во взгляде. И Лейсер шестым чувством понял, хотя это и не имело значения, что о нем уже доложили в полицию.

Возвращаясь от вокзала, он прошел мимо кинотеатра. Несколько девушек собрались у витрины

с фотографиями, и он тоже постоял рядом, изобразив интерес. А затем вдруг раздался шум, улицу наполнил металлический, лязгающий грохот, к которому присоединилось завывание двигателей главных машин войны. Лейсер подался назад, под козырек фойе кинотеатра, девушки повернулись, и даже кассир привстал в кабинке со своего стула. Какой-то старик перекрестился. Он потерял глаз и потому носил шляпу низко сдвинутой набок. Через город проходила колонна танков, на броне которых разместились солдаты с винтовками. Стволы пушек казались чрезмерно длинными, на них тоже лежал снег. Лейсер проводил их взглядом и поспешил обратно через площадь.

Он вошел, слегка задыхаясь от быстрой ходьбы. Она встретила его улыбкой и спросила:

— Что они тут делают? — А потом всмотрелась в его лицо. — Тебе страшно, — прошептала она, но он помотал головой. — Тебе страшно, — повторила она.

— Я убил того мальчишку, — сказал он, подошел к раковине и всмотрелся в свое лицо так внимательно, как будто его уже приговорили к смерти.

Она приблизилась сзади, обхватила руками его грудь, тесно прижалась к спине. Он повернулся и

крепко обнял ее — грубо, неумело, а потом повлек за собой через комнату. Она стала отбиваться от него, обзывала каким-то грязным словом, неизвестно кого возненавидев. Она проклинала его и привлекала к себе. Мир вокруг словно поглотило пламя, и в живых остались только они двое. Они вместе плакали и вместе смеялись. Упали на кровать неуклюжими, но торжествующими любовниками, не видя и не признавая никого, кроме друг друга. У обоих в этот момент наступил конец полупрожитой жизни, но сейчас они могли на время забыть об адской черноте, разверзавшейся впереди.

Джонсон высунулся из окна и слегка потянул антенну, чтобы убедиться в ее правильном положении, а потом стал осматривать свою аппаратуру, как жокей проверяет сбрую перед началом скачек, бесцельно прикасаясь к тумблерам и чуть изменяя положение дисков настройки. Леклерк восхищенно наблюдал за ним.

— Должен сказать, Джонсон, что в прошлый раз вы действовали блестяще. Просто блестяще. Мы все должны быть вам благодарны, — лицо Леклерка блестело, словно он только что побрился. При скудном освещении он выглядел на удивление маленьким и хлипким. — Предлагаю

организовать еще один сеанс связи, а потом возвращаться в Лондон. — Он рассмеялся. — У нас ведь и там полно работы, если вы забыли. Нет времени для каникул на континенте.

Джонсон как будто не слышал его. Он поднял руку.

— Тридцать минут, — сказал он. — Скоро мне придется попросить вас всех, джентльмены, затихнуть. — Он вел себя, как фокусник, приглашенный на детский праздник. — Фред чертовски пунктуален, надо отдать ему должное, — закончил он, нарочито повысив голос.

Леклерк переключил внимание на Эвери.

— Вы, Джон, один из немногих счастливчиков, кому доводится наблюдать подобную операцию в мирное время. Ему определенно необходимо было непрерывно с кем-то общаться.

— Да, и я очень ценю такую возможность. Должен сказать спасибо.

— Ничего подобного. Вам некого благодарить, кроме самого себя. Вы проделали отличную работу и заслуживаете признания своих заслуг. Вопрос о благодарности с вашей стороны вообще не должен возникать. Ведь вам удалось добиться того, что весьма редко случается в нашей работе. Интересно, вы хоть сами понимаете, чего именно

достигли?

Эвери ответил, что не понимает, о чем речь.

— Вы сумели внушить агенту любовь к себе. Как правило, — и, уверен, Адриан не станет этого оспаривать, — отношения между агентом и кураторами омрачены подозрениями. Прежде всего он слегка презирает их, потому что не они берутся за самую трудную часть работы. Ему мерещится, что ими движут какие-то тайные мотивы, они кажутся ему некомпетентными или исповедующими двойные стандарты. Но мы не работаем в Цирке, Джон, и действуем совершенно иначе.

— Да, верно, — кивнул Эвери.

— И вы смогли добиться еще одной важной вещи. Вы и Адриан. Мне нравится думать, что, если в будущем возникнет такая необходимость, мы сможем использовать те же отработанные методы, ту же базу и, главное, ваш опыт. То есть команду Эвери и Холдейна. Тем самым я хочу подчеркнуть, — Леклерк слегка прикоснулся большим и указательным пальцами к переносице с несвойственной англичанам робостью, — что накопленный вами опыт и дальше послужит на наше общее благо. От души хочу сказать вам спасибо.

Холдейн подошел к печке и стал греть руки,

потирая одну о другую, как шелушат зерна пшеницы.

— Теперь о том, что происходит в Будапеште. — Леклерк заговорил громче — отчасти чтобы подчеркнуть важность своих слов, отчасти чтобы развеять ту атмосферу излишней близости, грозившую возникнуть между ним и подчиненными. — Это полная реорганизация. Ни много ни мало. Они передвигают бронетехнику ближе к границе, понимаете? В нашем министерстве тоже поговаривают о смене стратегии. Там всем этим весьма заинтересовались.

— Им это интереснее, чем происходящее в зоне действий «Майской мушки»? — спросил Эвери.

— Нет, ни в коем случае, — тут же поспешил успокоить его Леклерк. — Это две части одной и той же проблемы. Они там мыслят масштабно — надо понимать такие вещи. Передвижение там, маневр здесь. Все необходимо сложить в единую картину.

— Ну, разумеется, — тихо произнес Эвери, — мы же не в состоянии охватить взором всего, не так ли? — Он словно старался облегчить Леклерку задачу. — Нам не видна более отдаленная перспектива.

— Когда вернемся в Лондон, — сказал Леклерк, —

вы просто обязаны отужинать со мной, Джон. Вы и ваша супруга. Я давно собирался пригласить вас. Мы отправимся в мой клуб. Они потрясающе готовят в семейном зале. Вашей жене наверняка понравится.

— Да, вы упоминали об этом. И я уже говорил с Сэрой. Мы с радостью примем приглашение. У меня как раз гостит теща. Будет кому посидеть с ребенком.

— Вот и отлично. Только не забудьте.

— Мы будем ждать этого вечера с нетерпением.

— А меня уже никуда не приглашают? — спросил вдруг Холдейн игриво.

— Ну конечно же, и тебя я рад буду видеть, Адриан. Как раз четверо за столом. Превосходно! — Его голос слегка изменился. — Между прочим, домовладелец в Оксфорде жалуется на вас. Утверждает, что его собственности нанесли ущерб.

— Ущерб? — злым эхом повторил Холдейн. — Какой еще ущерб?

— По всей видимости, мы перегрузили их электросеть. Часть проводки выгорела. Я распорядился, чтобы Вудфорд уладил это дело.

— Нам нужно собственное помещение, — за-

метил Эвери. — Тогда не придется ни о чем беспокоиться.

— Полностью согласен. Я уже говорил об этом министру. О необходимом нам тренировочном центре. Он с энтузиазмом поддержал идею. Теперь ему уже самому хочется создать нечто подобное. Дело вступает в новую фазу. Уже поговаривают об ОНП — операциях по незамедлительной проверке информации. Министр предлагает подобрать здание и арендовать его на шесть месяцев. Вопрос оплаты он лично обещал уладить в министерстве финансов.

— Это потрясающая новость, — сказал Эвери.

— Да, это будет крайне полезно. Но мы не должны злоупотреблять оказанным нам доверием.

— Само собой.

Потянуло сквозняком, а потом донесся звук чьих-то осторожных шагов на лестнице, ведущей на сеновал. В проеме двери возникла мужская фигура в дорогом пальто из коричневого твида, рукава которого казались чуть длинноватыми. Это был Смайли.

22

Смайли окинул взглядом чердачную комнату, посмотрел на Джонсона, уже надевшего наушни-

ки и возившегося с ручками управления своей рации, на Эвери, который через плечо Холдейна разглядывал план выходов на связь, на Леклерка, стоявшего по-солдатски прямо. Леклерк единственный сразу заметил Смайли, но, судя по выражению его лица, мыслями находился где-то очень далеко.

— Что вам здесь нужно? — спросил он после паузы. — Чего вы от меня хотите?

— Прошу прощения, но меня сюда направили.

— Как и нас всех, — заметил Холдейн, не оборачиваясь.

В голосе Леклерка зазвучали нотки враждебности:

— Это моя операция, Смайли. И здесь нет места для ваших людей.

На лице Смайли не отразилось ничего, кроме сострадания, а в его тоне слышалось лишь бесконечное терпение, необходимое, когда разговариваешь с человеком не совсем адекватным.

— Меня послал не Шеф, — сказал он. — Это сделало ваше министерство. Они попросили меня оказать им услугу, и Шеф дал свое согласие. Министерство выделило для меня самолет.

— Зачем? — спросил Холдейн. Можно было подумать, что ситуация даже забавляет его.

Один за другим они встряхивались, словно выходили из какого-то общего для всех сна. Джонсон снял наушники и бесшумно положил их на край стола.

— Ну? — спросил теперь уже Леклерк. — Так зачем же они вас послали?

— Меня вызвали прошлой ночью. — Смайли сумел интонацией дать понять, как был изумлен сам. — Должен признать, я в восхищении от того, как вы провели эту операцию. Вы и Холдейн. Все было сделано в общем-то на пустом месте. Скрупулезно задокументировано… Библиотечная копия, оперативная копия. Все опечатано до последнего протокола совещания. Как на войне. Должен вас с этим поздравить. Я действительно под большим впечат…

— Они показали вам наши досье? Наши папки? — в полном недоумении спросил Леклерк. — Это грубое нарушение закона о государственной тайне. Вмешательство одного ведомства в дела другого. Вы пошли на должностное преступление, Смайли. Это же сумасшествие! Адриан, ты слышал, что он сказал?

— У вас назначен на сегодня сеанс связи, Джонсон? — спросил Смайли.

— Так точно, сэр. На двадцать один ноль-ноль.

— Меня больше всего поразило, Адриан, что даже ты посчитал полученную информацию достаточно убедительной для развертывания столь крупной операции.

— Холдейн не несет за это личной ответственности, — резко вмешался Леклерк. — Решение принималось коллективно. Нами, с одной стороны, и министерством — с другой. — Его голос снова поменял тональность. — Когда мы закончим с сеансом связи, Смайли, я потребую от вас подробного ответа на мой вопрос. Как вышло, что вас допустили к нашим секретнейшим материалам? — Это был его официальный тон, голос докладчика, властный и требовательный. И впервые в нем прозвучало что-то похожее на оскорбленное чувство собственного достоинства.

Смайли вышел в центр комнаты.

— Случилось кое-что, о чем вы пока узнать не могли. Лейсер убил человека. Убил у самой границы. Зарезал ножом при переходе на ту сторону. Всего в каких-нибудь двух-трех милях отсюда.

— Но это абсурд, — вмешался Холдейн. — Почему вы считаете, что убийство совершил именно Лейсер! Нож мог пустить в ход какой-нибудь перебиравшийся на Запад. Да кто угодно!

— Они обнаружили следы, которые вели на

восток. Пятна крови в домике у озера. Все уже попало в восточногерманские газеты. А со вчерашнего вечера это передают во всех выпусках новостей по радио…

— Ушам своим не верю! — вскричал Леклерк. — Я не верю, что он мог пойти на такое. Это очередной коварный трюк вашего Шефа.

— Уверяю вас, нет, — мягко сказал Смайли. — Вам придется мне поверить. Потому что я говорю правду.

— Но они убили Тейлора, — упорствовал Леклерк. — Надеюсь, вы не забыли об этом?

— Нет, разумеется. Вот только мы ничего не сможем доказать и даже сами не знаем наверняка. Я имею в виду, при каких обстоятельствах он погиб… И было ли это преднамеренным убийством. — А потом он поспешил продолжить: — Ваше министерство обо всем уведомило МИД еще вчера днем. Ведь немцы непременно его схватят. Нам следует исходить из этого. Он передает слишком медленно… Чересчур медленно. Сейчас за ним охотится вся полиция, вся армия. Они захотят взять его живым. По нашему мнению, затем они устроят показательный судебный процесс, добьются от него публичного признания вины, продемонстрируют его оборудование. Мы

будем поставлены в очень затруднительное положение. Не надо быть политиком, чтобы понять чувства министра. И потому встает вопрос, как выходить из этого затруднения.

— Следите за временем, Джонсон, — распорядился Леклерк.

Джонсон вновь надел наушники, но очень неуверенным движением.

Казалось, Смайли ждал, чтобы высказался кто-то еще, но поскольку все молчали, упрямо повторил:

— Так как же выходить из затруднения? Мы с вами действительно далеки от политики, но, по-моему, опасность очевидна каждому. Группа англичан сняла ферму в двух милях от места, где было обнаружено тело убитого. Они выдают себя за ученых, но запаслись продуктами из местного супермаркета, а дом нашпигован радиоаппаратурой. Понимаете, что я имею в виду? И вы выходите на связь, — продолжал он. — Причем на одной и той же частоте. На той, которую может принимать Лейсер… Это чревато действительно небывалым скандалом. Даже западные немцы придут в бешенство, что нетрудно себе вообразить.

Первым решился заговорить Холдейн:

— Что конкретно вы предлагаете?

— В Гамбурге ждет военно-транспортный самолет. Вы отправляетесь на нем через два часа. Вы все. Сюда пришлют специальный грузовик, чтобы забрать ваше имущество. От вас не должно остаться ничего — даже булавки. Такие я получил инструкции.

— А как же цель? — спросил Леклерк. — Они что, забыли, зачем мы здесь? От нас требуют слишком многого, Смайли, непомерно многого.

— Кстати, о цели, — словно спохватился Смайли. — В Лондоне мы проведем совещание по этому поводу. Не исключена вероятность совместной операции.

— Это военная цель. Я буду требовать присутствия представителей нашего министерства. Никакого разведывательного монолита. Вопрос, как вам известно, принципиальный.

— Конечно. И вы возглавите операцию.

— Тогда я предлагаю, чтобы конечный результат был негласно представлен как продукт совместных усилий, но мое министерство получит эксклюзивное право на его распространение. Это полностью удовлетворит их амбиции. А что с вашим ведомством?

— Думаю, Шеф одобрит такое решение.

Почувствовав, что все глаза устремлены на него, Леклерк понял, что обязан задать этот вопрос:

— А как быть с сеансом связи? Кто этим займется? У нас остался агент в тылу врага, понимаете?

Это прозвучало как нечто несущественное.

— Ему придется выкручиваться самому.

— Закон войны, — заметил Леклерк с гордостью. — Мы действуем по военным законам, и он был предупрежден. К тому же он отлично натренирован. — Леклерк закончил таким тоном, словно для него вопрос снимался с повестки дня.

И только теперь впервые прозвучал голос Эвери, который пока говорил спокойно:

— Вы не можете бросить его там одного на произвол судьбы.

— Вы ведь знакомы с Эвери, моим помощником, не правда ли? — мгновенно встрял Леклерк.

Но на этот раз никто не поспешил поддержать с ним диалога. Смайли, проигнорировав реплику, заметил:

— Скорее всего его уже арестовали. В противном случае это вопрос нескольких часов.

— Вы оставите его на верную гибель?! — В Эвери окрепла смелость.

— Да, мы отрекаемся от него. Это всегда выгля-

дит некрасиво. Но он ведь для нас все равно уже потерян, разве вам не ясно?

— Вы не можете так с ним поступить! — закричал Эвери. — Нельзя бросать человека умирать из-за вашей политической подлости! Каковы бы ни были последствия!

Холдейн резко повернулся к Эвери с лицом, искаженным от злости:

— Уж кому оплакивать его судьбу, но только не вам! Вам требовалась Вера, так? Вы хотели получить Одиннадцатую Заповедь, которая бы удовлетворила запросы вашей тонко устроенной души? — Он указал на Смайли и Леклерка. — Вы их получили. Вот истинные заповеди и законы, которых вам не хватало. Можете себя поздравить: теперь вы познали их. Мы послали его, потому что нам это было необходимо, а теперь бросаем, поскольку нет другого выхода. Вы ведь так восхищались воинской дисциплиной. — Он повернулся к Смайли. — Вы тоже хороши. Таких, как вы, я глубоко презираю. Вы стреляете в нас, а потом оплакиваете убитого. Убирайтесь. Мы работники, а не поэты. Уезжайте отсюда!

— Да, — сказал Смайли. — Вы очень хороший работник, Адриан. Вы даже боли больше не испытываете, настолько поглотила вас работа,

до такой степени заменила вам жизнь… Как у шлюхи… Работа заменяет любовь. — Он сделал паузу. — Привыкли размещать маленькие флажки на карте… Старая война в новые мехи. И это все уже было, верно? А тут живой человек. Новое вино ударило вам в голову. Не переживайте, Адриан, если попросту оказались не готовы. — Он распрямил спину, собираясь сделать нечто вроде заявления:

— Поляк с британским гражданством и обширным уголовным прошлым бежал через границу в Восточную Германию. У нас нет договора о взаимной выдаче преступников. Немцы обвинят его в шпионаже и выставят как улики снаряжение. Мы заявим, что доказательства ими подброшены, особо отметив, что передатчику уже двадцать лет. Как я понимаю, здесь он всем сказал, что якобы уезжает на курсы в Ковентри. Это легко опровергнуть, поскольку никаких курсов там не существует. Мотивом для побега послужили огромные долги, в которые он влез. Он содержал совсем молоденькую девушку, которая работает в банке, что отлично впишется в нашу версию. То есть в его криминальное прошлое, поскольку нам придется его придумать… — Он кивнул словно самому себе. — Как я уже отметил, все это

всегда выглядит весьма неприглядно. Но к тому времени мы все будем уже в Лондоне.

— Значит, он будет передавать, — сказал Эвери, — но его уже никто не будет слушать?

— Вовсе нет, — мгновенно отреагировал Смайли. — Они будут слушать его очень внимательно.

— И не только они, но и ваш Шеф, без сомнения? Или я ошибаюсь? — спросил Холдейн.

— Остановитесь! — вдруг выкрикнул Эвери. — Ради бога, остановитесь! Если хоть что-то имело смысл, если хоть что-то было реальным, мы обязаны сейчас принять его передачу! Хотя бы во имя…

— Чего? — язвительно перебил его Холдейн с усмешкой.

— Любви! Да, во имя любви! Не вашей, Холдейн, и не моей. Смайли прав! Вы заставили меня сделать это, заставили его полюбить меня. Потому что сами уже не могли, не были готовы. Мне пришлось приручить его, привести в ваш дом, заставить танцевать под ваши проклятые военные марши! Я играл их для него на трубе, но теперь у меня в легких не осталось воздуха. Он — последняя жертва Питера Пэна, Холдейн, самая последняя. Последняя любовь. И больше никакой

музыки. Ее нет.

Но Холдейн уже смотрел на Смайли.

— Передайте мои поздравления Шефу, — сказал он. — Поблагодарите его непременно, обещаете? Спасибо за помощь. Особенно за техническую помощь, Смайли. За его всемерную поддержку и за брошенную нам веревку. За добрые слова и за то, что позволил вам принести цветов на могилку. Все выполнено безукоризненно.

Но на Леклерка действительно произвел впечатление предложенный вариант решения всех проблем.

— Не надо так злиться на Смайли, Адриан. Он всего лишь выполнил порученную ему работу. Теперь мы все должны вернуться в Лондон. Там нас ждет доклад Филдена… Кстати, мне бы хотелось, чтобы вы на него взглянули, Смайли. Передислокация войск в Венгрии. Нечто совершенно новое.

— Прочитаю с удовольствием, — вежливо отозвался Смайли.

— Он ведь прав, Эвери, — продолжал Леклерк. В его голосе снова зазвучала уверенность. — Будьте же настоящим солдатом. Превратности войны. Мы должны следовать ее законам! Мы ведь ведем эту игру по военным правилам. А

перед вами, Смайли, я должен извиниться. Наверное, и перед вашим Шефом тоже. Мне мнилось, что наши прежние распри еще живы. В этом я ошибался. — Он склонил голову. — Вам нужно непременно отужинать со мной в Лондоне. Мой клуб недотягивает до ваших стандартов, я знаю, но он вполне на уровне. Неплохое местечко. Даже очень неплохое. И Холдейн тоже будет. Адриан, я вас приглашаю!

Эвери спрятал лицо в ладонях.

— Есть еще нечто, что я хотел бы обсудить с вами, Адриан. Уверен, Смайли будет не против, он же практически стал членом нашей семьи. Это вопрос об отделе регистрации документов. Наша система хранения досье до крайности устарела. Брюс настойчиво твердил мне об этом перед моим отъездом сюда. Бедная мисс Кортни не справляется с объемом работы. Боюсь, что решение проблемы мне видится только в увеличении количества копий… Оригинал — для офицера, ведущего дело, а остальные дубликаты для архива и информации. Сейчас на рынке появились новые копировальные приборы. Действительно дешевые фотостаты. Три с половиной пенса за копию. Это сущие пустяки во времена царящей вокруг зверской дороговизны… Мне придется кое с кем

переговорить по этому поводу… В министерстве… Они поймут, что я предлагаю нечто ценное, когда я покажу им товар лицом. Возможно даже… — Он прервался. — Джонсон, я бы попросил вас убрать все шумы из эфира. Операция еще не совсем закончилась.

Он говорил как человек, для которого важна каждая мелочь, соблюдение всех правил до единого. Верность боевым традициям.

Джонсон подошел к окну. Опершись о подоконник, он дотянулся до антенны снаружи и с привычной деловитостью начал ее сматывать. Согнутую в локте левую руку он использовал как катушку — старушки делают так, когда сматывают распущенную шерсть. Эвери рыдал в голос совсем по-детски. Но никто не пытался его утешить.

23

Зеленый фургон медленно двигался вдоль улицы, а потом пересек привокзальную площадь, в центре которой располагался давно не работавший фонтан. На его крыше небольшая петля антенны поворачивалась то туда, то сюда, как рука человека, пытающегося определить направление ветра. Позади на почтительном рас-

стоянии следовали два грузовика. Снег наконец лег окончательно. Машины ехали с включенными подфарниками в двадцати ярдах друг от друга, держась одной и той же колеи.

Капитан сидел в задней части фургона с микрофоном для переговоров с водителем. Рядом с ним пристроился погруженный в какие-то свои мысли сержант. Капрал сгорбился у приемника, рукой постоянно вращая диск настройки и следя за подрагиваниями линии на небольшом экране.

— Передача прекратилась, — неожиданно сказал он.

— Сколько групп успели записать? — спросил сержант.

— Дюжину. Он дает свой позывной снова и снова, потом передает часть текста. У меня такое впечатление, что ему никто не отвечает.

— Пять букв или четыре?

— По-прежнему четыре.

— Он отключился?

— Нет.

— На какой частоте он работал?

— Три шесть пять ноль.

— Продолжайте сканировать ее и соседние частоты. По двести в каждую сторону.

— Но там пусто.

— Продолжайте искать, — сказал сержант резко. — По всей длине волны. Он сменил кристалл. Теперь ему нужно несколько минут на перенастройку прибора.

Оператор продолжил вращать большой диск, медленно и осторожно, не сводя глаз с зеленого огонька в центре экрана, который то ярко вспыхивал, то затухал, когда ему попадалась работающая радиостанция.

— Вот он опять. Три восемь семь ноль. Другой позывной, но почерк тот же. Сегодня у него все получается быстрее и лучше.

Катушки магнитофона монотонно вращались у его локтя.

— Работает на сменных кристаллах, как они делали во время войны, — сказал сержант. — Тот же трюк. — Он был явно смущен, как старик, вдруг встретившийся с кем-то из прошлого.

Капрал медленно поднял голову.

— Есть, — сказал он. — Все сошлось. Точка зеро. Мы рядом с ним.

Двое мужчин выбрались из фургона.

— Ждите здесь, — сказал сержант капралу. — Продолжайте слушать. Если передача оборвется, даже ненадолго, велите шоферу мигнуть нам

фарами, понятно?

— Да, я скажу ему. — Капрал выглядел слегка испуганным.

— Если прекратит передавать совсем, продолжайте поиск, но дайте мне знать. И будьте как можно внимательнее, — строго сказал капитан.

Его уже в нетерпении дожидался сержант. Позади него посреди пустыря высилось многоэтажное жилое здание.

В отдалении, полускрытые сейчас густым снегопадом, рядами стояли маленькие домики. Оттуда не доносилось ни звука.

— Как называется это место? — спросил капитан.

— Просто новый рабочий квартал. У него пока еще нет названия.

— Я имел в виду там, дальше.

— Тоже никак. Следуйте за мной, — сказал сержант.

Бледный свет горел почти в каждом окне шестиэтажки. Каменные ступеньки, густо покрытые желтой листвой, вели в подвал. Сержант пошел первым, освещая фонариком шершавые стены впереди себя. Капитан чуть не упал. Первое помещение оказалось просторным, но душным, кирпичные стены лишь наполовину оштукату-

рены. В дальней стене виднелись две стальные двери. С потолка свисала единственная лампочка, которую предохраняла железная сетка. Фонарик сержанта оставался включенным, и он бессмысленно водил его лучом по углам.

— Что вы ищите? — спросил капитан.

Стальные двери оказались заперты.

— Нужно найти коменданта дома, — приказным тоном велел сержант. — И поскорее.

Капитан взбежал вверх по лестнице и вскоре вернулся с небритым пожилым мужчиной, который едва слышно ворчал. В руке он держал большую связку ключей. Некоторые из них заметно заржавели.

— Электрощит для всего дома. Где он? — спросил сержант.

Старик стал перебирать ключи. Сунул один из них в дверной замок, но он не подошел. Тогда он попробовал второй и третий.

— Да быстрее же, ты, старый болван! — заорал капитан.

— Не надо его торопить, — попросил сержант.

Дверь открылась. Они оказались в коридоре. Лучи фонариков бегали по беленым стенам. Комендант все еще крутил в руках ключ и посмеивался.

— Ну, надо же, подходит всегда самый последний.

Сержант между тем обнаружил то, что искал. Прямо рядом с дверью с внутренней стороны висела коробка под стеклянной крышкой. Капитан уже положил руку на основной переключатель и готов был повернуть его, когда сержант грубовато оттолкнул его в сторону.

— Нет! Не надо этого делать. Поднимитесь наверх в подъезд. Скажите мне, как только водитель мигнет фарами.

— Кто здесь командует? — возмутился капитан.

— Делайте, что вам говорят. — Он открыл коробку и осторожно дотронулся до ячейки первого предохранителя, моргая ресницами под очками в золоченой оправе, с виду такой добрый и мягкий человек.

Легким движением хирурга сержант вынул предохранитель с такой опаской, словно ожидал удара током, и сразу же вставил на место. Потом бросил взгляд на фигуру, стоявшую на лестничной площадке. Но капитан молчал. Сидевшие в грузовиках полицейские смотрели на окна дома и видели, как на одном этаже за другим свет сначала полностью отключался, а затем

загорался вновь. Сержант поочередно вынимал предохранители. Второй, третий, четвертый. До него донесся взволнованный крик:

— Фары! Фары мигнули!

— Отлично! Пойдите и узнайте у шофера, на каком этаже. Только тихо.

— При таком ветре он нас не услышит, — раздраженно ответил капитан и исчез из вида. Буквально через несколько секунд он вернулся. — Водитель сказал, что это третий этаж. Как только отключилось электричество на третьем этаже, передача тоже ненадолго оборвалась. Сейчас она возобновилась.

— Прикажите оцепить здание, — сказал сержант. — И отберите человек пять, которые пойдут с нами. Он на третьем этаже.

Бесшумно, по-кошачьи фопо выпрыгивали через борта обоих грузовиков. С карабинами наперевес они стали приближаться к дому изломанной шеренгой. Их сапоги быстро смели с тротуара тонкий слой снега. Часть из них расположилась рядом со стенами дома, остальные образовали круг чуть поодаль, вглядываясь в окна. На них были солдатские шинели и новенькие каски. Их прямоугольные силуэты живо напоминали военные времена. Защелкали затворы,

когда первые заряды стали осторожно досылать в патронники. Звуки посыпались тихим градом, но вскоре вообще прекратились.

Лейсер снял антенну с креплений и намотал ее провод на катушку, прикрутил ключ к крышке коробки с запасными частями, положил внутрь ее наушники и, скрутив в трубочку, спрятал лоскут шелка в ручку бритвы.

— Двадцать лет прошло, — недовольно пробурчал он. — И за двадцать лет они не придумали места получше.

— Зачем ты все это делаешь? — Она спокойно сидела на постели в своей ночной рубашке, обернувшись в плащ, словно в нем ей не было так одиноко. — С кем ты пытаешься разговаривать? — задала она еще один вопрос.

— Ни с кем. Меня никто не слышал.

— Тогда к чему это?

Ему надо было что-то ответить, но он не нашел ничего лучшего, чем сказать:

— Ради сохранения мира.

Надев пиджак, он подошел к окну и осторожно выглянул наружу. Снег лежал на крышах приземистых домиков. Ветер злобно гулял по ним. Посмотрев вниз, он отчетливо различил множество силуэтов тех, кто поджидал его внизу.

— Чьего мира? — спросила она.

— Свет ведь отключался, когда я был занят, верно?

— Отключался?

— Всего на секунду, как при перепаде напряжения?

— Да, мне что-то такое показалось.

— Выключи его совсем. — Он стоял совершенно неподвижно. — Выключай!

— Зачем?

— Мне хочется посмотреть на снег.

Она щелкнула выключателем, а он задернул неплотные шторы. Снег снаружи отражал бледное сияние неба. Они оказались почти в полном мраке.

— Ты обещал, что сейчас мы займемся любовью, — жалобно протянула она.

— Послушай… Как тебя зовут?

До него донесся хруст ткани плаща.

— Так как же? — повторил он хрипло.

— Анна.

— Вот что, Анна. — Он подошел к кровати. — Я хотел бы жениться на тебе, — сказал он. — В тот день, когда я тебя встретил в гостинице, где ты сидела и слушала пластинки, я сразу влюбился. Понимаешь? Я еще назвался механиком из

Магдебурга. Ты меня слушаешь? — Он схватил ее за руки и встряхнул. В его голосе звучало напряжение.

— Увези меня с собой, — сказала она.

— Я так и сделаю! Я обещал, что буду любить тебя, а потом увезу в те места, о которых ты мечтала, понимаешь? — Он указал на плакаты на стене. — На солнечные острова, к морю…

— Почему?

— Запомни. Я силой привел тебя сюда. Ты думала, что я хочу заняться с тобой любовью, но я достал нож и стал тебе угрожать. Сказал, что, если ты хоть пикнешь, я убью тебя этим ножом, как… Как я убил того парнишку. Я все тебе рассказал и грозил убить.

— Почему?

— Я хотел воспользоваться передатчиком. Мне нужна была для этого комната, понимаешь? Место, откуда можно вести передачу. У меня не оставалось выбора. Я схватил тебя и воспользовался твоим домом. Запоминай. Если они начнут задавать тебе вопросы, ты только так должна на них отвечать.

Она смеялась. Смеялась от страха. Потом откинулась на постели неуверенным движением, приглашая его взять ее, словно только этого ему

сейчас и хотелось.

— Если начнут спрашивать, помни, что отвечать. Как я сказал.

— Сделай меня счастливой. Я люблю тебя. — Она выбросила руки вверх и притянула к себе его голову.

У нее были холодные, влажные и тонкие губы. Лейсер хотел отстраниться, но она удерживала его. Он напрягал слух, чтобы не пропустить ничего из-за шума ветра, но до него не доносилось ни звука.

— Давай с тобой немного побеседуем, Анна, — предложил он. — Ты одинока? Кто у тебя есть?

— А кого ты имеешь в виду?

— Родителей, парня. Кого угодно.

В темноте она помотала головой.

— Только ты.

— Тогда послушай меня. Позволь мне застегнуть пуговицы на твоем плаще. Я хочу сначала поговорить. Расскажу тебе о Лондоне. Держу пари, тебе интересно будет узнать, что за город Лондон. Я однажды пошел гулять под дождем и встретил человека у реки. В самый ливень он пытался что-то рисовать на тротуаре. Представляешь? Рисовать мелом на асфальте под проливным дождем! А дождь, конечно же, сразу

смывал его рисунки.

— Иди ко мне! Иди же!

— А знаешь, что он рисовал? Домики, собачек и другие простые вещи. А вокруг собрались люди, Анна. Ты только подумай! Собрались, чтобы стоять под дождем и смотреть на него.

— Я хочу тебя. Обними меня. Мне страшно.

— Нет, ты слушай! Знаешь, почему я тогда гулял? Они хотели, чтобы я занялся сексом с девушкой. Для этого меня отправили в Лондон, а я не стал и отправился на прогулку.

Он знал, что она смотрит на него сквозь темноту и оценивает в соответствии с каким-то своим внутренним инстинктом, который оставался для него непостижимым.

— Ты тоже одинок?

— Да.

— Зачем ты приехал?

— Есть такие сумасшедшие люди. Англичане! Как тот старик у реки. Они считают, что их Темза самая большая река в мире, эти чудаки. А она — так себе речонка, мутный поток. В некоторых местах его даже можно перепрыгнуть!

— Что это за шум? — внезапно спросила она. — Я слышала такой шум! Это ружье. Так заряжают ружье!

Он крепко прижал ее к себе, чтобы унять дрожь.

— Это всего лишь дверь, — сказал он. — Задвижка дребезжит. Этот дом сделан почти что из бумаги. Как ты можешь что-то слышать при таком ветре?

В коридоре раздались шаги. От ужаса она ударила его кулачком, полы плаща взметнулись вокруг нее. Когда они вошли, Лейсер стоял в стороне от нее, но нож держал на вытянутой руке у ее горла: большой палец сверху, лезвие параллельно полу. Спину он выпрямил по-солдатски, лицо было повернуто к ней, но оно ничего не выражало. Он казался человеком несокрушимой дисциплины, привыкшим стоять до конца и хранить верность традициям.

Старый фермерский дом скрыла тьма. Он ослеп и оглох, неподвижный на фоне раскачивавшихся деревьев и плывущих по небу облаков.

Они забыли запереть один из ставней, и теперь он стучал без всякого ритма, подчиняясь лишь силе очередного порыва ветра. Снег то наметало на крышу, то мгновенно сдувало. Они уехали, не оставив после себя ничего, кроме отпечатков шин в затвердевшей от холода грязи, обрывка проволоки и этого бессонного северного ветра,

продолжавшего ломиться и ломиться внутрь.

От автора

Ни одного из персонажей или клубов, ведомств или разведывательных организаций, описанных в этой или любой другой моей книге, насколько мне известно, в реальной жизни не существует и никогда не существовало. Мне хотелось бы особо это подчеркнуть.

Выражаю искреннюю признательность Обществу радиолюбителей Великобритании, лично мистеру Р.И. Молланду, а также главному редактору и сотрудникам журнала «Авиэйшн уик энд спейс текнолоджи», как и мистеру Роналду Коулзу, каждый из которых снабжал меня ценными советами технического характера. Приношу благодарность мисс Элизабет Толлинтон, взявшей на себя обязанности секретаря.

Но прежде всего я должен сказать огромное спасибо своей жене за ее неустанную помощь в работе.

Джон Ле Карре,
г. Айос-Николаос, Крит
Май 1964 года